сухо простилась съ родными и знакомыми, объявила имъ, что хочетъ отдохнуть, уединиться, что ей свѣтъ опостылѣлъ послѣ мужа, взяла дочь изъ института, семнадцатилѣтнюю Катю, и уѣхала.

Нечего и говорить, что деревенская жизнь нескоро успокоила Куроѣдовыхъ. Анна Михайловна не могла забыть своей прежней раздольной жизни, вздыхала, плакала, жаловалась на судьбу, умирала со скуки, въ тихомолку гнушалась новыми знакомыми, затыкала носъ, когда приходилось съ мужикомъ разговаривать. Катя во всемъ подражала матери. Ей съ малолѣтства нашептали о блескѣ и великолѣпіи, ее баловали дома, баловали въ институтѣ; она готовилась къ чему-то необыкновенному, мечтала о блестящихъ кавалерахъ, о пышныхъ нарядахъ, о всемъ томъ, о чемъ позволяется мечтать богатой дѣвушкѣ, и вдругъ, при самомъ выходѣ въ свѣтъ, должна была надѣть простенькое платье, сѣсть въ наемную извощичью карету, убивать свою молодость въ глуши, въ деревнѣ. Немудрено, что при такихъ обстоятельствахъ мать съ дочерью безпрестанно ссорились, бранились, даже по нѣсколькимъ днямъ не говорили между собою. Катя при каждомъ удобномъ случаѣ упрекала Анну Михайловну; Анна Михайловна выходила изъ себя, рвала на себѣ волосы, падала въ обморокъ и все зло вымѣщала на окружавшей ее прислугѣ.

Не смотря на свое матеріальное понижение, на ветхость всей окружающей обстановки, Куроѣдовы нисколько не сдались въ своемъ самолюбіи. Онѣ все еще мечтали быть первыми, продолжали держать себя совершенно по-генеральски. Анна Михайловна по-прежнему говорила на распѣвъ, любила когда ее величали вашимъ превосходительствомъ, въ церкви становилась непремѣнно на первомъ мѣстѣ, на постланномъ нарочно для нея коврикѣ. Катя ни въ чемъ не отставала отъ матери. Генеральство проглядывало во всемъ; только вѣяло отъ него чѣмъ-то сырымъ, отживающимъ. Сосѣди втихомолку подсмѣивались надъ Куроѣдовой и называли ее общипанной царь-птицей.

Кромѣ дочери, съ Анной Михайловной поселилась ея племянница, бѣдная сирота, дѣвушка лѣтъ двадцати двухъ, дочь родной сестры ея, умершей очень давно. Звали ее Прасковьей

Сергѣевной. Она выросла въ чужомъ домѣ, не помнила ни отца, ни матери, имѣла крошечный капиталъ, изъ процентовъ его кое-какъ одѣвалась, и годъ тому назадъ, убѣжденная неотступными просьбами тетки, рѣшилась поселиться въ ея домѣ.

Анна Михайловна въ этомъ случаѣ хлопотала единственно о томъ, чтобъ Катѣ было повеселѣе, чтобъ было кому и за хозяйствомъ посмотрѣть, т. е. выдать провизію, чай разлить, сбѣгать на кухню и проч. Сама генеральша ни до чего этого ни дотыкалась. Лишній человѣкъ въ деревнѣ ничего не стоитъ.

Въ тотъ день когда начинается нашъ разсказъ, вся компанія, послѣ ранняго деревенскаго завтрака, расположилась въ гостиной.

Анна Михайловна сидѣла на диванѣ и засаленными картами раскладывала гранъ-пасьянсъ. Ей было лѣтъ пятьдесятъ. Въ блѣдномъ, довольно красивомъ лицѣ ея проглядывало что-то гордое, упрямое; тонкія, вытянутыя губы горько, двусмысленно улыбались; сѣрые, нѣсколько прищуренные глаза смотрѣли строго, надменно, какъ будто всѣхъ пристыдить хотѣли. Волосы на головѣ ея были рѣдкіе, полусѣдые, руки нѣжныя, сморщенныя, пальцы ихъ унизаны кольцами. Одѣта она была очень опрятно. Изъ подъ темнаго шелковаго капота выглядывала кисейная сплоенная шемизетка, простенькій домашній чепчикъ на головѣ, казалось, вышелъ только-что изъ подъ утюга; на исхудалой шеѣ тоненькая золотая цѣпочка; на лѣвой рукѣ черныя костяныя четки. Вообще, во всей фигурѣ Анны Михайловны, во всѣхъ ея манерахъ, движеніяхъ, просвѣчивало что-то изысканное, заученное, черезчуръ приличное. Она сидѣла выпрямявшись, ноги ея стояли на мягкой ковровой подушкѣ, она говорила очень медленно, какъ будто тянула каждое слово, придавала ему особенный вѣсъ и значеніе, она даже сморкалась особенно нѣжно,—только подносила вышитый батистовый платокъ къ своему тоненькому носу. Пробыть съ нею долгое время было тяжело, скучно. Возлѣ нея, облокотясь на вышитую по канвѣ подушку, помѣщалась Катя или Катерина Васильевна. Она была очень хороша собой и очень походила на мать, только въ физіономіи ея проглядывало больше жизни, больше веселости, что-то шаловливое, рѣзвое: голубые глаза смотрѣли без-

печно, губы улыбались привѣтливѣе. Большой, прекрасный лобъ окоймляли свѣтлые, золотистые, вьющіеся волосы, тонкія брови казались нарисованными, носъ съ небольшимъ горбомъ составлялъ признакъ аристократизма, цвѣтъ лица необыкновенно прозрачный,—каждая жилка виднѣлась въ немъ. На ней была темная, вышитая золотымъ снуркомъ, зуавка, довольно запыленная, изъ подъ нея выглядывала измятая кисейная манишка, растрепанные волосы на головѣ обхватывала черная сѣтка. Во всемъ ея костюмѣ, было что-то небрежное, что-то такое что прямо говорило: не для кого мнѣ одѣватся здѣеь, не для кого стѣснять себя. Она сидѣла развалясь и какъ будто дремала, даже позевывала; на колѣнахъ ея лежала мохнатая собаченка Леди. Катерина Васильевна то гладила ее, то трепала, то цѣловала въ самую морду.

У окна комнаты, склонивши голову надъ небольшими пяльцами, сидѣла Прасковья Сергѣевна. Лицо ея было простенькое, совершенно непохожее на лицо Кати, кожа смуглая, на щекахъ густой румянецъ, волосы на головѣ густые, черные. Она походила на свѣжую, здоровую деревенскую дѣвушку. Только въ большихъ темноголубыхъ глазахъ ея, окоймленныхъ длинными черными рѣсницами, было много привлекательнаго, умнаго. Они смотрѣли глубоко, задумчиво, и казалось заглядывали въ душу; ихъ взгляда забыть не было возможности. За одни эти глаза ее можно было назвать очень хорошенькой. Простое черное шерстяное платье сидѣло на ней совершенно отчетливо; красная, наброшенная на плечи косынка очень шла къ ея смуглому лицу и темнымъ волосамъ.

Въ дверяхъ, прижавшись къ стѣнѣ, стоялъ казачокъ, мальчикъ лѣтъ четырнадцати, въ истертомъ кафтанѣ съ оборваннымъ позументомъ, и безпрестанно встряхивалъ своими льняными, падавшами на лобъ волосами.

Въ углу, на подушкѣ, покоились двѣ собаки, Мурзочка и Фофочка, обѣ рыжія, съ тонкими ножками и длинными мордочками, чрезвычайно дружныя и чрезвычайно схожія между собою.

Въ комнатѣ было совершенно тихо, только собаки храпѣли, да Анна Михайловна шелестѣла картами.

— Вотъ и Платонъ Андреичъ пропалъ, давно не былъ, вдругъ замѣтила она и сложила карты.

Катя очнулась и подняла глаза свои.

— Платонъ Андреичъ мечтаетъ, ждетъ своего приговора, своего счастія! насмѣшливо отвѣтила она и взглянула на Прасковью Сергѣевну.

Анна Михайловна поднесла платокъ къ носу.

— Мечтать не стоитъ... а счастья не узнаешь, кажется, хлопотать да упиражаться не изъ чего... Смѣшно право!.. Я съ своей стороны все сдѣлала... у Pachette свои высшіе взгляды на все!.. добавила она колко и губы ея вытянулись.

Рука Прасковьи Сергѣевны судорожно дернула нитку. Человѣку и обидно, человѣкъ добра хочетъ, случая ищетъ, человѣкъ наконецъ видитъ, что имъ пренебрегаютъ, продолжала Анна Михайловна?—вѣдь это и ангельскую душу изъ терпѣнія выведетъ; надо и честь знать... а за что? капризъ, взглядъ высшій... охъ, съ этими взглядами погибнуть не долго, mon Dieu!.. Она продолжительно вздохнула и облокотилась на спинку дивана.

Прасковья Сергѣевна подняла голову и открыла большіе глаза свои.

— Тетушка, ради бога! проговорила она какимъ-то умоляющимъ голосомъ;—какіе высшіе взгляды, откуда они возмуться у меня? я говорю то, что думаю, какъ мнѣ кажется; я бы сдѣлала скверно, безчестно, еслибъ сказала иначе, чѣмъ думаю и чувствую.

Анна Михайловна пожала плечами и сложила на груди руки.

— Мнѣ, Pachette, все равно... Я говорю изъ участія къ тебѣ, говорю потому, что желаю тебѣ добра; надѣюсь мнѣ тутъ ни пользы, ни выгоды никакой нѣтъ; нельзя попрекнуть меня; ты дѣвушка совершенно бѣдная, сирота круглая, вспомни какъ ты выросла, что вытерпѣла!.. Она вздохнула.—Ты даже образованія никакого не получила, по-французски двухъ словъ сказать не умѣешь, ни маперъ, ни воспитанія, ничего такого, безъ чего дѣвицѣ существовать нельзя, ничего нѣтъ!.. извини, Pachette, я должна сказать правду... ты моя родная племянница.

Паша опустила глаза, щеки ея еще больше зарумянились.

— И вдругъ человѣкъ благородный, приличный, съ порядочнымъ состояніемъ, интересуется тобой... ждетъ твоего милостиваго, ласковаго взгляда, прямо говоритъ, что почелъ бы за счастіе назвать тебя женой своей... c'est un bonheur!.. а ты всячески отталкиваешь его, пренебрегаешь имъ... что̀ за капризъ?.. признаюсь я не понимаю такого высокаго мнѣнія о себѣ, оно немножко глупо... ты даже не вправѣ такъ дорожить собой, ты слишкомъ бѣдна, слишкомъ ничтожна... вотъ Cathrine, напримѣръ, — ей эта партія не идетъ... Я бы даже обидѣлась, еслибъ Платонъ Андреичъ вздумалъ намекнуть на нее... но ты... для тебя и нужно не то... разсуди сама, что̀ лучше, жить въ своемъ имѣніи полной хозяйкой, имѣть добраго мужа, или цѣлый вѣкъ мучиться, зарабатывать поденный кусокъ хлѣба.

— Лучше честно зарабатывать кусокъ хлѣба, нежели безчестно воспользоваться чужимъ добромъ! отвѣтила Паша дрожащимъ голосомъ.

— Какъ безчестно?.. ты выйдешь замужъ, ты говоришь богъ знаетъ что̀ такое!

— Замужъ!.. За тѣмъ только, чтобъ избавиться отъ бѣдности, чтобъ жить легче было, вѣдь это нечестно!.. чтобъ сдѣлать это, надо пересилить свое сердце, обмануть самую себя, обмануть мужа... Я Платона Андреича не люблю и не могу любить... быть можетъ, онъ добрый, прекрасный человѣкъ, но вѣдь этого мало еще, я ничего не чувствую къ нему... еслибъ не смотря на все это я вышла за него замужъ, я бы обманула его, притворилась бы передъ нимъ, для того только, чтобъ отобѣдать лучше, чтобъ лучшее платье надѣть, развѣ честно это?.. Она снова углубилась въ работу; все лицо ея сильно горѣло, руки дрожали.

Анна Михайловна всплеснула руками и засмѣялась себѣ подъ носъ.—Oh, mon Dieu!.. что за добродѣтель, что за философія, самоотверженіе, откуда?!.. Вотъ, Cathrine, учись... вотъ взглядъ на жизнь!

Катя, казалось, не обращала никакого вниманія на происходившій разговоръ и трепала лежавшую на колѣняхъ болонку.

— Позвольте спросить, что вы намѣрены вѣкъ оставаться дѣвицей, продолжала Анна Михайловна:—скитаться по чужимъ домамъ... положимъ ты теперь у меня, но вѣдь я ни за что не

могу ручаться... я сама не знаю, что случится со мной, надѣюсь болѣе выгодной партіи тебѣ никогда не представится... мечтать и воображать можно что угодно... только смѣшно, некстати немножко.

— Я, тетушка, ни о чемъ не мечтаю, гдѣ ужь мечтать мнѣ!.. Я смотрю на вещи прямо, такъ какъ подсказываетъ мнѣ мое неиспорченное серце... кто знаетъ что будетъ со мной, я о замужствѣ не думаю; придетъ время любить, полюблю, стало быть такъ сердцу угодно, ему ни запретить, ни приказать нельзя... нѣтъ, я такъ проживу, а торговать чувствомъ, насиловать себя, называть любовью простой грошовый разсчетъ... нѣтъ, тетушка, это грѣшно, подло!

Прасковья Сергѣевна бросила работать, отвернулась къ окну и тяжело дышала.

— Ахъ, maman, охота вамъ разстроивать себя, Паша не хочетъ замужъ! замѣтила Катя.

— Не хочетъ, дѣло другое, можно сказать это гораздо проще, никто плакать не будетъ... зачѣмъ же вздоръ толковать, проповѣдывать какія-то нелѣпыя, глупыя идеи, учить другихъ, и старше, и лучше себя; я слава богу прожила вѣкъ, заслужила и почетъ, и уваженіе, надѣюсь можно повѣрить мнѣ, моему слову, можно по крайней мѣрѣ отвѣтить иначе... что за тонъ, что за манеры, что за выраженія!.. щеки Анны Михайловны слегка покраснѣли, глаза забѣгали врозь.

Паша снова обернулась къ ней.

— Тетушка, ради бога!.. я и не думала обижать васъ, говорила она умоляющимъ голосомъ:— кого учить, смѣю ли я, могу ли я!.. пусть говорю вздоръ, нелѣпость, ну простите мнѣ, я не могу говорить иначе; какой тонъ, какія манеры, въ чемъ виновата я?!

— Слишкомъ горды, упрямы, высокоумны слишкомъ, некстати, сударыня, вотъ въ чемъ! отвѣтила Анна Михайловна.

Паша пожала плечами и такъ взглянула на Катю, какъ будто искала защиты въ ней.

— Ты зачѣмъ здѣсь?!.. господскіе разговоры слушать... это еще что, убирайся вонъ!.. крикнула хозяйка на стоявшаго у дверей казачка.

Послѣднiй сперва вытянулся въ струнку, а потомъ шмыгнулъ въ другую комнату.

Въ гостиной сдѣлалось совершенно тихо. Анна Михайловна насупилась и подергивала губами, Катя зѣвала, Прасковья Сергѣевна снова принялась за работу.

— Какой я странный сегодня сонъ видѣла, начала нѣсколько спустя Анна Михайловна, обращаясь къ дочери; вижу я, будто бы птица къ намъ прилетѣла, большая, очень большая, и крылья у ней золотыя, мы ее ловимъ, она отъ насъ, да вотъ на грудь къ ней и сѣла.

Она кивнула головой на Пашу.

Послѣдняя обернулась.

— Ко мнѣ, тетушка?

— Да-съ, къ вамъ, сударыня, вѣроятно какой-нибудь знатный богатый человѣкъ прилетитъ сюда и очаруется вашими сужденiями.

Анна Михайловна, когда бывала не въ духѣ, и дочери, и племянницѣ говорила *вы*, даже называла ихъ по имени и по отечеству.

— Тетушка, да не сердитесь, не корите меня, ну я виновата, простите меня! мягкимъ тономъ произнесла Паша.

— Не стоитъ сердиться, напрасно ты думаешь, что тобой занимаются такъ... не стоитъ, совершенно никакого вниманiя не стоитъ!

Всѣ опять замолчали.

Полулежавшая до сихъ поръ Катя вдругъ выпрямилась и навострила уши.

— Maman, колокольчикъ! очень весело сказала она.

— Какой колокольчикъ... кому быть теперь, проѣзду нѣтъ.

Катя снова прислушалась.

— Колокольчикъ... право колокольчикъ... слышите...

Анна Михайловна приложила ладонь къ уху.

— И въ самомъ дѣлѣ колокольчикъ... кому бы это?.. Платонъ Андреичъ развѣ... ну, хоть услушимъ что-нибудь... вотъ ужь добрый, никогда не забудетъ, почтительный, во всякое время навѣститъ... и оцѣнить-то человѣка не умѣютъ! добавила она и взглянула на Пашу.

Послѣдняя сидѣла наклонившись надъ пяльцами, и очень усердно работала.

Катя встала съ дивана, и оправила передъ зеркаломъ свои растрепанные волосы.

Собаки вскочили съ мѣстъ своихъ, потягивались и обнюхивали воздухъ.

Колокольчикъ звенѣлъ все громче и громче, и черезъ нѣсколько минутъ тройка тощихъ лошадей, съ тарантасомъ, залитымъ грязью, ввалилась во дворъ.

— Ну, такъ и есть!.. Платонъ Андреичъ, Травилкинъ! произнесли въ одинъ голосъ и мать и дочь.

Прасковья Сергѣевна даже головы не подняла.

Въ комнату вошелъ человѣкъ лѣтъ сорока, средняго роста, плотный, коренастый, съ поднятыми къ верху плечами. Одѣтъ онъ былъ въ черную, щеголеватую, плисовую венгерку, отороченную мерлушкой и сѣрые съ лампасами брюки; изъ одного кармана, на груди, торчала серебряная папиросница, изъ другого тянулась толстая золотая цѣпочка. Безукоризненно чистые воротнички его рубашки рѣзко отдѣлялись отъ синяго галстуха. Грубое, загорѣлое лицо его было довольно красиво, только что-то бойкое, нахальное проглядывало въ немъ; сѣрые большіе глаза смотрѣли черезчуръ пристально; огромные усы завивались кольцами; волосы на головѣ рѣдкіе, полусѣдые.

Онъ громко шаркнулъ, щелкнулъ каблуками, выпрямился и искоса взглянулъ на Прасковью Сергѣевну. Всѣ движенія его были необыкновенно эффектны, онъ на каждомъ шагу рисовался, говорилъ очень громко, часто смѣялся и безпрестанно гладилъ усы свои.

— Ручку, ваше превосходительство, милѣйшую, превосходительную ручку пожалуйте, смертнаго удостойте! говорилъ онъ, дотрогиваясь до руки хозяйки и почтительно цѣлуя ее.

— Катеринѣ Васильевнѣ мое пренаиглубочайшее... осчастливьте! онъ скользнулъ по полу и снова щелкнулъ каблуками.

Катя засмѣялась и вмѣсто отвѣта прямо протянула свою руку къ губамъ его.

— Ахъ, барышня... что за барышня... раскрасавица!.. ско-

ро ли я вамъ сіятельнаго жениха найду... Прасковья Сергѣевна! добавилъ онъ и фигурно поклонился.

Паша привстала, и въ ту же минуту снова углубилась въ работу.

— Вышиваете-съ?.. прекрасно, прекрасно, богъ труды любитъ... позвольте узнать, на какое употребленіе, что готовится?

— Подушка готовится! отвѣтила Паша не поднимая головы.

— Великолѣпно-съ!... а осмѣлюсь спросить какой счастливый смертный преклонитъ, такъ сказать, на нее свою голову?

Анна Михайловна улыбнулась и покачала головой.

— Простой смертный... Я для себя шью! сухо отвѣтила Паша.

Платонъ Андреичъ засмѣялся, закрутилъ усы и круто повернулся на каблукахъ.

— Ну-съ, ваше превосходительство, дорожка, говорилъ онъ разводя руками и наклоняя голову на бокъ:—поѣхалъ я, можете себѣ представить, на Подосиновку — стопъ машина, черезъ рѣчку переѣзда нѣтъ, водой мостъ сорвало, свернулъ на Жданкино, не тутъ-то было, въ грязи завязъ, ей богу завязъ, мужики насилу вытащили.... такъ я, сударыня вы моя, черезъ Пустозерье махнулъ, на Райчиково, верстъ тридцать сдѣлалъ, лошадей загналъ.... нельзя-съ, голову положу, умру, а ваше превосходительство навѣщу, спровѣдаю!

— Благодарю васъ.... ужь еслибъ не вы, просто хоть умереть со скуки.... вы устали, закусить не хотите ли?...

— Закусывалъ.... къ становому заѣзжалъ... какая, я вамъ доложу икра у него... неимовѣрная! Онъ сложилъ пальцы, чмокнулъ въ нихъ и распустилъ по воздуху.

Что новаго слышно?... вы вотъ и газеты читаете, спросила Анна Михайловна.

— Правда, что Лизавета Ивановна невѣста? подхватила Катя.

— Исправникъ съ Крюковымъ поссорился? перебила мать.

— Изъ за картъ, говорятъ! замѣтила Катя.

— Позвольте-съ, позвольте-съ. Вы вотъ все, да не все значитъ и знаете, новостей много-съ.... не оберешься... попорядку-съ... Съ вашего позволенія... добавилъ Платонъ Андреичъ,

закурилъ папиросу, обдернулъ венгерку, сдулъ налетѣвшій на нее пепелъ и вычурно положивъ ногу на ногу, сѣлъ на кресло возлѣ дивана какъ разъ напротивъ Паши.

Катя заняла прежнее мѣсто.

— Во первыхъ... въ газетахъ пишутъ будто война будетъ; очень важно началъ Травилкинъ и даже скрестилъ на груди руки.

Война?... стало быть наборъ опять? съ грустью спросила хозяйка.

— Наборъ-съ.... война большая.... предсказываютъ на нѣсколько лѣтъ этакъ.... Наполеонъ Европу мутитъ!... во вторыхъ-съ, во вторыхъ Лизавета Ивановна невѣста, помолвлена, приказали вамъ передать, лично будутъ на свадьбу просить. Онъ поклонился.

Катерина Васильевна подпрыгнула на диванѣ.

— Да-а! произнесла она какъ-то на распѣвъ и раскрыла глаза свои.

— Въ третьихъ, продолжалъ Платонъ Андреичъ, закручивая усы и безпрестанно взглядывая на Пашу:—въ третьихъ... исправникъ съ Крюковымъ не только поссорились, но даже и такъ сказать до собственноручной расправы дошло.

— Grand Dieu! вскрикнула Анна Михайловна и вытянула губы.

— Charmant... прекрасное общество! замѣтила Катя, и засмѣялась.

— Въ четвертыхъ... Марьѣ Антоновнѣ богъ далъ... виноватъ, это Кучиной богъ далъ.... а Марьѣ Антоновнѣ платье изъ Москвы прислали... какое платье, я вамъ доложу, безподобіе.... шелковое, съ бархатными клѣтками, а по серединѣ—цвѣты!

Анна Михайловна поморщилась.

— Воображаю... ваша Марья Антоновна больше ничего что купчиха и по-мужицки одѣвается! съ пренебреженіемъ отозвалась Катя.

— Въ пятыхъ-съ! продолжалъ Платонъ Андреичъ и вдругъ остановился:—нѣтъ-съ, въ пятыхъ не скажу... сказать нельзя! добавилъ онъ, какъ-то торжественно подбоченился и взглянулъ на всѣхъ присутствующихъ.

— Что-жъ пятое? спросили въ одинъ голосъ и мать и дочь.

— Сказать нельзя-съ.... угадайте! повторилъ гость.

Глаза Анны Михайловны забѣгали.

— Ужь вѣрно пустяки какіе-нибудь; вы всегда такъ, замѣтила Катя.

— Нѣтъ-съ, не пустяки, а капитальная вещь; такая вещь, что вотъ не ждали и не гадали ее.... да-съ!

— Вѣрно Кротиковъ тяжбу выигралъ?

— Ну, Татьяна Семеновна съ мужемъ развелась?

— Старикъ Павлишинъ умеръ?

— Опять съ становымъ что-нибудь?

Въ одинъ голосъ спрашивали и мать, и дочь.

Платонъ Андреичъ только подсмѣивался и головой покачивалъ.

— Ахъ, какой несносный! да скажите же наконецъ... пожалуйста! какимъ-то плачевнымъ тономъ замѣтила Катя.

— Угадайте-съ!... вотъ Прасковья Сергѣевна угадаетъ.

— Благодарю васъ, я не умѣю угадывать! отвѣтила Паша. Она все время сидѣла нагнувшись надъ пяльцами и, казалось, не обращала никакого вниманія на происходившее.

— Я откуда пріѣхалъ? вдругъ спросилъ Травилкинъ.

— Откуда бишь... изъ Райчикова! отвѣтила Анна Михайловна.

— Ну-съ?

— Ну?

— А въ Райчиковѣ, что-съ?

— Да что-же въ Райчиковѣ?... ну Райчиково, ничего больше!

— Ничего?

— Конечно ничего.

Платонъ Андреичъ засмѣялся.

— Гость къ вамъ будетъ, ну-съ!

— Гость?!

— Какой гость?!

— Гость изъ Петербурга, важный, почетный гость, ну-съ!

— Изъ Петербурга! на распѣвъ повторила Анна Михайловна и взглянула на Катю.

Послѣдняя какъ-то истерически засмѣялась, щеки ея покраснѣли.

— Не догадываетесь!... Развѣ ужь сказать вамъ? замѣтилъ Платонъ Андреичъ, выпрямился, закрутилъ усы и очень отчетливо произнесъ:—его сіятельство князь Григорій Львовичъ Стрѣлкинъ-Каверскій изъ Петербурга пріѣхалъ, сосѣдъ вашъ... въ свое село Райчиково пріѣхалъ!

Анну Михайловну передернуло, губы ея вытянулись, вся физіономія оживилась.

— Боже мой!... неужели... вотъ новость!... Каверскій!... Гриша Каверскій... на рукахъ маленькаго носила, помнишь Cathrine, къ тебѣ въ институтъ ѣздилъ, юнкеромъ тогда былъ; говорила она моргая глазами.

— Какъ же, maman, помню... высокій такой, блондинъ!

— Ну блондинъ-съ, блондинъ! подхватилъ Платонъ Андреичъ и закрутилъ усы.

— Да-съ!... премилый человѣкъ.... аристократъ, богачъ, продолжалъ онъ:—а держитъ себя совершенно просто... ѣду я, изволите знать, мимо дому-то, вижу на дворѣ суматоха, люди бѣгаютъ, лошадей чистятъ, спрашиваю, что такое?... князь пріѣхалъ!... я такъ и обомлѣлъ, потому нельзя-съ, вельможа!... счелъ долгомъ представиться.... обласкалъ онъ меня такъ, вѣрите ли, до слезъ даже... сегодня только и прибыть изволилъ.... сей часъ же о васъ спросилъ, я говоритъ ласки генеральши очень помню и никогда, говоритъ, не забуду ихъ... про Катерину Васильевну тоже, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ... дѣвица говоритъ и образованія, и ума безподобнаго... характера тоже-съ!... я, говоритъ, первымъ долгомъ, къ вашему превосходительству то-есть! пояснилъ Травилкинъ и засмѣялся.

Катя опустила глаза въ землю.

Въ лицѣ Анны Михайловны мелькнуло что-то радостное, видно было что извѣстіе о пріѣздѣ князя сильно взволновало ее.

— Да, я его очень ласкала... мой мужъ такъ былъ друженъ съ отцомъ его.... его Cathrine мало помнитъ, она тогда ребенкомъ была, замѣтила она довольно серьёзно. Птица-то, птица-то съ золотыми крыльями! подумала она и какъ-то подозрительно взглянула на Пашу; послѣдняя подняла немного

голову и, казалось, къ чему-то прислушивалась, или думала о чемъ-то.

— Кушать готово-съ! вдругъ пропищалъ вытянувшійся въ дверяхъ казачокъ.

Анна Михайловна важно поднялась съ дивана. Платонъ Андреичъ подскочилъ къ ней и подставилъ кренделемъ свою руку.

Катя послѣдовала за ними.

Собаченки вертѣли хвостами, прыгали и обнюхивали господъ своихъ.

Прасковья Сергѣевна встала послѣдняя и взглянула вслѣдъ уходившимъ. Платонъ Андреичъ обернулся, она быстро опустила глаза и потомъ снова подняла ихъ. Во взглядѣ ея было что-то строгое, настойчивое; казалось, этимъ взглядомъ она разбить, уничтожить кого-то хотѣла; на губахъ мелькнула презрительная улыбка.

Послѣ обѣда Анна Михайловна имѣла обыкновеніе отдыхать часа полтора. Катя должна была написать какія-то нужныя письма. Предложили отдохнуть и Платону Андреичу. Онъ отказался. Прасковья Сергѣевна поневолѣ, изъ боязни возбудить негодованіе тетки, принуждена была остаться съ гостемъ.

Она снова сѣла за пяльцы.

Платонъ Андреичъ, съ трубкой въ рукахъ, помѣстился въ сторонѣ, поотдаль отъ нея.

Онъ долго сидѣлъ молча, закручивалъ усы свои, выпрямлялся, подымалъ плечи, разгибалъ и подгибалъ ноги, и искоса, украдкой взглядывалъ на Пашу.

— Вамъ теперь веселѣе будетъ... гость пріѣхалъ-съ! наконецъ произнесъ онъ.

Паша молчала.

Травилкинъ сильно затянулся изъ трубки.

— Вы, Прасковья Сергѣевна, объ этомъ какъ думаете? нѣсколько спустя спросилъ онъ.

— О чемъ?

— Да, вотъ-съ объ этомъ, о князѣ-съ!

— Я ничего не думаю... я не знаю его, отвѣтила она и еще больше нагнулась къ пяльцамъ.

Въ голосѣ ея было что-то рѣзкое, принужденное; казалось

она хотѣла сдѣлать его мягкимъ, да не могла преодолѣть себя.

— Большой баринъ-съ! замѣтилъ Платонъ Андреичъ и углубился въ трубку.—Не то что нашъ братъ, не намъ чета-съ! продолжалъ онъ со вздохомъ; конечно, стараешься себя держать по-благородному, какъ слѣдуетъ, такъ сказать украшаешь себя!—онъ закрутилъ усы. — А подумаешь о смерти, все прахъ и суета выходитъ!... Вы, Прасковья Сергѣевна, какъ сами сирота, стало быть понимать меня можете! совершенно неожиданно заключилъ онъ.

Паша на минуту подняла голову и взглянула на него.

— Что понимать? какъ-то лихорадочно спросила она.

— Понимать-съ.. положенiе мое такое, повторилъ Платонъ Андреичъ:—вы вотъ какъ-то странно и говорить со мной изволите... а я вамъ добра желаю.

— Благодарю васъ... я говорю со всѣми одинаково.

— Я, Прасковья Сергѣевна, можно сказать очень уважаю васъ... опять же и положенiе ваше, всякiй человѣкъ долженъ тоже о будущемъ помышлять, какъ свою жизнь устроить... я то-есть насчетъ себя говорю, имѣнiе у меня, сами изволите знать, порядочное, по послѣдней ревизiи сто двадцать душъ числится, народъ все крѣпкiй, работящiй... вотъ я и служилъ тоже, капитаномъ въ отставкѣ значусь... а только если разсудить, все это ни къ чему... скука-съ!... я, Прасковья Сергѣевна, если сижу дома одинъ, такъ даже жизни не радъ, зачѣмъ это я одинъ на свѣтѣ торчу... всякое созданiе божеское друга имѣетъ... я, Прасковья Сергѣевна, весной домъ хочу перестроивать! вдругъ добавилъ Травилкинъ и взглянулъ на Пашу.

Она все сидѣла нагнувшись надъ пяльцами, щеки ея такъ и пылали, рука судорожно дергала нитку. Платонъ Андреичъ опустилъ глаза.

— Хотите планъ покажу-съ? спросилъ онъ.

— Благодарю васъ, мнѣ ненужно, я не понимаю ничего.

— Понимать тутъ нечего, посовѣтуете можетъ... у меня, Прасковья Сергѣевна, десять комнатъ будетъ.

— Мнѣ все равно, я не посовѣтую, поспѣшно отвѣтила Паша

и вдругъ какъ бы соскучившись, какъ бы потерявъ терпѣніе, подняла голову. На глазахъ ея блестѣли слезы.

— Платонъ Андреичъ! говорила она прерывающимся голосомъ, стараясь не смотрѣть на гостя;—я знаю что вы хотите сказать мнѣ... ваше обхожденіе со мной... мнѣ тетушка говорила... я отвѣчала ей... мнѣ странно, какъ вы до сихъ поръ не поняли меня!... вы, какъ кажется, принимаете во мнѣ какое-то участіе... я не заслужила его... я не нуждаюсь въ немъ, мнѣ очень хорошо теперь, я желаю остаться здѣсь чѣмъ была до сихъ поръ.

Платонъ Андреевичъ нѣсколько сконфузился, по крайней мѣрѣ уже не крутилъ, а только гладилъ усы свои.

— Какое же участіе-съ, я думалъ, вы дѣвушка бѣдная, сирота-съ, я бы то-есть за счастіе почелъ, такъ сказать желалъ бы обезпечить васъ! отвѣтилъ онъ довольно глухо.

На лицѣ Прасковьи Сергѣевны мелькнуло что-то болѣзненное, какъ будто кто нибудь укололъ ее; губы презрительно улыбнулись.

— Я, Платонъ Андреевичъ, сама знаю кто я; я не желаю ни своимъ сиротствомъ, ни бѣдностью вызывать чье-нибудь сожалѣніе, у меня свой взглядъ на вещи, свои убѣжденія, свои странности.. что для другихъ пріятно, то для меня невыносимо, приторно, я лучше вынесу брань, насмѣшки, все что хотите, но не непрошенное участіе!.. бѣдность моя тяготитъ только меня одну. Я не вздыхаю, не плачу, не жалуюсь, я молча несу ее, бѣдность не даетъ вамъ права оскорблять меня!... да, оскорблять! повторила она и голосъ ея задрожалъ, а глаза засверкали:—думать, что честная женщина, насильно, противъ своего сердца, изъ одной грошовой выгоды можетъ принадлежать кому бы то ни было, значитъ оскорблять презирать ее!.. еслибъ меня выгнали отсюда и я бы пошла просить милостыню, то и тогда я бы не приняла вашего предложенія, я бы погибла, да погибла бы иначе, по своему, съ голоду и холоду, а не сытая и одѣтая!.. чего вы ждете отъ меня, я давно избѣгаю васъ, давно вамъ ясно показываю, что ничего общаго не можетъ быть между нами, вы не хотите вѣрить, вы преслѣдуете меня, вы взяли въ посредницы мою тетку... Зачѣмъ?—Она на минуту остановилась и

перевела духъ, глаза ея такъ и блестѣли. — Я не люблю васъ!... Я не могу любить васъ; а безъ любви ни бракъ, ни деньги, ни мольбы, ни угрозы не заставятъ меня измѣнить самой себѣ. Поняли вы меня?—какимъ-то строгимъ, торжественнымъ голосомъ добавила она и облокотилась на спинку стула. Грудь ея высоко подымалась

Платонъ Андреевичъ приготовился было возразить, даже улыбнулся какъ-то горько, язвительно, даже ротъ разинулъ, но при послѣдней фразѣ поблѣднѣлъ, только губы его задрожали; онъ попробовалъ взглянуть на Прасковью Сергѣевну, но встрѣтившись съ ея взглядомъ, тотчасъ опустилъ глаза.

— Напрасно горячиться изволите... горячиться не изъ чего .. ваше дѣло.... извините-съ!. . не знаю кто изъ насъ пожалѣетъ кого, а я вамъ милость оказать хотѣлъ; дрожащимъ, сдержаннымъ голосомъ произнесъ онъ и всталъ со стула.—Вы дѣвушка ничтожная, а гордитесь, гордиться вамъ не чѣмъ... не чѣмъ гордиться вамъ!... порокъ-съ это! злобнымъ, наставительнымъ тономъ добавилъ онъ, остановившись передъ Пашей, и вдругъ круто повернулся на каблукахъ и вышелъ изъ комнаты.

Прасковья Сергѣевна засмѣялась ему вслѣдъ

Въ смѣхѣ ея было что-то нервное, истерическое, она смѣялась невольно, со слезами на глазахъ, не отъ радости и отъ чрезмѣрнаго раздраженія; смѣхомъ этимъ она выразила все, что прихлынуло къ ея сердцу, чего словами передать была не въ силахъ. Платонъ Андреевичъ задрожалъ отъ этого смѣху, мурашки пробѣжали по всему его тѣлу.

— Дѣвчонка, дрянь! прошипѣлъ онъ въ отвѣтъ ей.

Весь вечеръ въ Конопляновкѣ прошелъ довольно угрюмо.

Анна Михайловна раскладывала гранъ-пасьянсъ и разсказывала о вновь пріѣзжемъ гостѣ, даже вывела, что онъ ей сродни приходится, и два раза назвала кузеномъ.

Катя очень внимательно, почти съ восторгомъ слушала ее. Платонъ Андреевичъ былъ не въ своей тарелкѣ, говорилъ мало, неохотно, не рисовался больше, нѣсколько разъ собирался уѣхать и остался только за темнотой и дурной дорогой.

Прасковья Сергѣевна молча сидѣла за пяльцами, говорить ей не приходилось, никто не заговаривалъ съ нею. Часовъ въ десять всѣ разбрелись по своимъ комнатамъ, только Анна Михайловна осталась въ гостиной.

Она долго еще сидѣла на диванѣ, облокотившись спиной на подушку и сложивъ на груди руки; лицо ея продолжало улыбаться, что-то радостное, успокоительное свѣтилось въ немъ; глаза смотрѣли живѣе обыкновеннаго; мысли въ головѣ переплетались, путались, смѣнялись одна другою.

Она думала: «вотъ князь пріѣхалъ, что жъ изъ этого»?.. и богъ знаетъ почему ей казалось, что изъ этого можетъ выйдти что-то очень хорошее. Она спрашивала сама себя: «онъ можетъ забылъ насъ... можетъ и знать не хочетъ, сдѣлаетъ одинъ визитъ, онъ такъ богатъ, знатенъ, у насъ ему гадко покажется», и тотчасъ же сама отвѣчала: «нѣтъ, мы обласкаемъ, въ деревнѣ дѣлать нечего, какъ ему не бывать у насъ, Катя большая теперь, она похорошѣла такъ»!

При послѣдней мысли, даже дыханіе останавливалось въ груди Анны Михайловны, сердце трепетало отъ восторга. Она закрыла глаза и вдругъ ей представилась богатая, раззолоченная, ярко-освѣщенная комната, толпа великосвѣтскихъ, блестящихъ гостей, разодѣтыхъ дамъ, и всѣ увиваются около нея, около Анны Михайловны, Катя стоитъ разряженная, князь возлѣ нея.

Анна Михайловна открыла глаза.

— Боже мой! Боже мой! прошептала она, глубоко и продолжительно вздохнула, вытянула руки и поднялась съ дивана.

Катя между тѣмъ спала разметавшись; шелковое одѣяло спустилось съ блѣдно-розовыхъ плечъ ея, волосы разсыпались по подушкѣ, щеки горѣли. Ей снился статный, бѣлокурый молодой человѣкъ, онъ сжималъ ея руки, онъ ей шепталъ что-то, она улыбалась ему. Въ той же комнатѣ, на другой кровати, вытянувшись на спинѣ и заложивъ руки подъ голову лежала Прасковья Сергѣевна, только не спала она, глаза ея были открыты. Сначала чьи-то шаги за стѣной не давали ей покоя, что-то напоминали ей, потомъ она раздумалась о самой себѣ, о всемъ томъ, что въ настоящую минуту окружало ее.

— «Зачѣмъ я попала сюда?.. Зачѣмъ меня вызвали,» думала она; «я живу у родныхъ, у тетки, у сестры моей матери, а что жъ изъ этого?... я не вижу ничего родного, ничего теплаго, никто дружескаго простого слова не скажетъ, никто не взглянетъ ласково, вокругъ все холодно, равнодушно, строго, не съ кѣмъ по душѣ слова сказать, не съ кѣмъ горемъ подѣлиться.... некому сердца раскрыть!... Тяжело, страшно такъ жить!.. У чужихъ лучше, тамъ кормятъ за дѣло, за работу, за что-нибудь, а здѣсь бѣдную сироту призрѣли, не говорятъ только, а придетъ случай—скажутъ, упрекнутъ кускомъ хлѣба! Она вздрогнула. Отъ чужого всякую обиду легче снести; онъ чужой, онъ смотритъ на тебя какъ на наемницу, а тутъ родные, кровные, тутъ смотрятъ съ сожалѣніемъ, свысока, тутъ честь, одолженіе дѣлаютъ.» Она глубоко вздохнула и взглянула на спящую Катю. «Вотъ сестра мнѣ, ровесница, подруга, кажется чего ближе, чего лучше, вотъ и любовь, и дружба, и все, все!.. а между тѣмъ, боже мой, и сплю-то я здѣсь затѣмъ только, чтобъ ей не страшно было... Пусто, одиноко, холодно, такая жизнь смерти хуже»!

Она повернулась на бокъ и закуталась въ одѣяло, какъ будто въ самомъ дѣлѣ ей холодно было, и долго еще она лежала съ открытыми глазами, долго о чемъ-то думала, сердце ея болѣзненно ныло.

За стѣной, въ сосѣдней комнатѣ, наполненной облаками табачнаго дыма, сидѣлъ на кровати Платонъ Андреевичъ. Онъ былъ въ необходимомъ нижнемъ платьѣ и докуривалъ пятую трубку.—«Дѣвчонка, пустая, глупая дѣвчонка,» бормоталъ онъ самъ съ собою; «я тебѣ докажу, что значитъ смѣяться надъ человѣкомъ, я тебѣ припомню смѣхъ этотъ... я тоже посмѣюсь надъ тобой... посмѣюсь! и чѣмъ только гордится она, чѣмъ?! пригрѣли, такъ и зазналась, носъ подняла... нищая... отецъ какой-то чиновничишка былъ... сволочь... весь вѣкъ по чужимъ домамъ шляется!... и что въ ней?... ничего и хорошаго нѣтъ, только что вотъ на дурака такого напала... не люблю, любить не могу... фи ты фря какая... почему жъ это вы любить не можете, что жъ небось хуже, не стою васъ... ну и не люби, чортъ съ тобой, не нуждаюсь... а смѣху-то я

вамъ не прощу, смѣху!» Онъ судорожно сжалъ кулакъ и погрозилъ имъ.—«Чортъ ихъ знаетъ женщинъ этихъ, третья отказываетъ!.. Другой бы на моемъ мѣстѣ плюнулъ давно... ну ихъ!.. Онъ въ самомъ дѣлѣ плюнулъ на самую середину комнаты, презрительно улыбнулся и развалился на кровати. Глаза его непріятно сверкали, лицо было блѣдно.

II.

Верстахъ въ десяти отъ Конопляновки, между большой проѣзжей дорогой и судоходной рѣкой, было разбросано огромное село Райчиково. Оно заключало въ себѣ нѣсколько деревень, какой-то заводъ, фабрику, двѣ большихъ каменныхъ церкви, множество хозяйственныхъ строеній, сараевъ, конюшенъ, кладовыхъ, амбаровъ, оранжерей, обширный англійскій паркъ, фруктовый садъ, и старинный, господскій домъ, выстроенный на широкую, барскую ногу. Отъ дома этого полукругомъ тянулась колоннада; на концахъ ея возвышались два флигеля въ видѣ башенъ. Все это было окружено затѣйливымъ садомъ, съ безконечно прямыми, тѣнистыми аллеями, извилистыми дорожками, клумбами душистыхъ цвѣтовъ, пригорками, бесѣдками, мостиками.

Фасадъ дома имѣлъ довольно мрачный видъ. Это было большое, каменное, двухъ-этажное зданіе, выкрашенное бурой краской, со множествомъ колоннъ и прочихъ украшеній. Середину его занимала обширная терраса; отъ нея спускалась широкая лѣстница, уставленная по бокамъ почернѣвшими статуями и такими же вазами. На нижней ступени лѣстницы стояли два льва съ поднятыми лапами и разинутыми пастями. Все это до сихъ поръ, уже многіе годы, было закрыто, заколочено, окна забѣлѣны, на террасѣ птицы гнѣзда свили, на дворѣ пусто, только въ одномъ углу его, въ томъ флигелѣ, гдѣ помѣщался нѣмецъ управляющій, замѣтны были жизнь и движеніе, да иногда, въ лѣтніе, ясные дни, сюда пріѣзжали окрестные помѣщики,—пріѣзжали погулять по обширному парку, отдохнуть, напиться въ немъ чаю, поглазѣть на забытые барскіе хоромы.

Много разсказовъ ходило о бывшихъ обитателяхъ этого зданія,

о ихъ серебрѣ и золотѣ, хлѣбосольствѣ, о чудовищныхъ пирахъ, травлѣ, охотѣ, но всѣ эти разсказы относились ко верменамъ давно прошедшимъ, передавались какъ преданіе; живыми свидѣтелями ихъ были только немногіе, старые, залежавшіеся байбаки-помѣщики.

Среднее и молодое поколѣніе довольствовалось только знакомствомъ съ господиномъ управляющимъ, его позволеніемъ сорвать персикъ въ оранжереѣ, заглянуть во внутренность комнатъ и т. д. И вдругъ на этомъ опустѣломъ дворѣ все зашевелилось, все закипѣло самой тревожной, лихорадочной дѣятельностью; люди забѣгали въ запуски; людскія, конюшни, сараи растворились, съ оконъ въ нижнемъ этажѣ слетѣли закрывавшія ихъ доски; на кухняхъ повара застучали; у подъѣзда съ утра до вечера стояли запряженные экипажи, толпились мужики и бабы.

Дѣло въ томъ, что владѣтель всего этого, князь Стрѣлкинъ-Каверскій, нежданно, негаданно, какъ снѣгъ на голову, прикатилъ въ Райчиково. Здѣсь онъ когда-то родился, здѣсь выросъ, потомъ воспитывался и жилъ въ Петербургѣ, и только теперь, схоронивши мать, старую шестидесятилѣтнюю княгиню, счелъ нужнымъ обозрѣть свое наслѣдственное достояніе, показаться тѣмъ людямъ, которые кормили его, давали ему возможность поддерживать его княжеское достоинство.

Это былъ человѣкъ лѣтъ двадцати восьми, статный, высокаго роста, съ очень пріятнымъ, красивымъ лицомъ. Глаза у него были голубые, мягкіе; носъ прямой, правильный; на губахъ мелькала ласковая улыбка; большой, открытый лобъ придавалъ всей физіономіи его что-то оригинальное, цвѣтъ лица чистый, нѣжный, безъ малѣйшаго румянца на щекахъ; волосы на головѣ рѣдкіе, даже небольшая лысина просвѣчивала сквозь нихъ; густые, свѣтлые, тщательно расчесанные бакенбарды закрывали всю его шею и острыми концами касались верхней части груди его; руки необыкновенно нѣжныя, тонкіе пальцы на нихъ оканчивались розовыми, прозрачными ногтями.

Вообще, какъ по фигурѣ и наружности, такъ и по всѣмъ пріемамъ и движеніямъ, по привычкамъ, по образу жизни, по воспитанію, по положенію въ свѣтѣ, по взглядамъ и убѣжденіямъ,

Григорій Львовичъ былъ настоящимъ, породистымъ джентльменомъ.

До четырнадцатилѣтняго возраста онъ воспитывался дома, подъ надзоромъ матери, любившей его до безумія, няньки, привозной англичанки, и впослѣдствіи гувернера, такого же привознаго англичанина.

Будучи еще мальчикомъ онъ совершенно свободно говорилъ на нѣсколькихъ языкахъ, бойко игралъ на фортепьяно, очень мило рисовалъ цвѣты и фрукты, читалъ свойственныя его возрасту, большею частію иностранныя книги, и на удивленіе родителей и наставниковъ читалъ съ особеннымъ свистомъ французскіе стишки. Потомъ, за заслуги отца, Григорій Львовичъ поступилъ въ аристократическое учебное заведеніе, съ успѣхомъ окончилъ въ немъ курсъ, надѣлъ военный мундиръ и въ двадцать шесть лѣтъ дослужился до полковничьяго чина.

Онъ былъ человѣкъ образованный, свѣтскій, въ полномъ значеніи этого слова, два раза ѣздилъ заграницу, онъ видѣлъ и слышалъ столько, что все это видѣнное и слышанное замѣняло ему настоящее, положительное, трудовое знаніе.

Онъ держалъ себя съ удивительнымъ тактомъ; всюду, гдѣ онъ ни появлялся, на него смотрѣли чуть-ли не съ благоговѣніемъ; дамы вздыхали по немъ, мужчины почитали за счастіе пожать его руку. Онъ одѣвался необыкновенно умѣючи, сабля его никогда не гремѣла, онъ и съ высшими и съ низшими, казалось, обходился одинаково, говорилъ спокойно, мягко, улыбался ласково, никто не слыхалъ отъ него грубаго, рѣзкаго слова, окружающая прислуга отзывалась о немъ, какъ о существѣ чрезвычайно добромъ, разсказывала различные случаи его барской щедрости.

Кромѣ всего этого, Григорій Львовичъ, въ послѣднее время, заразился модною идеею любви къ человѣчеству; вслѣдствіе этой идеи, онъ даже горячо поспорилъ съ нѣкоторыми значительными лицами, въ душѣ посмѣялся надъ ихъ отсталостью, назвалъ ихъ ретроградами, прочелъ нѣсколько журнальныхъ статей по поводу совершающихся отечественныхъ преобразованій, самъ написалъ брошюру: о развитіи грамотности въ войскахъ, принялъ самое живое участіе въ какой-то

вновь открывавшейся народной школѣ, истратилъ для этого довольно значительную сумму денегъ, и наконецъ, вслѣдствіе этой идеи уѣхалъ въ село Райчиково. Ему казалось, что онъ явится здѣсь давно желаннымъ мессіей, приведетъ все въ порядокъ, обезпечитъ крестьянъ, положитъ начало ихъ будущему развитію. Богъ знаетъ, въ силу какихъ обстоятельствъ Григорій Львовичъ заразился этой идеей, недвиженіемъ ли воздуха принесло ее, не была ли она потребностью дня, звучной, модной фразой?.. Въ душѣ онъ былъ большой баринъ, баринъ въ полномъ значеніи слова, хотя и не высказывалъ этого барства, понималъ несовременность его, старался выглядѣть простымъ, популярнымъ... Все маломальски выходящее изъ его позолоченнаго круга коробило его, казалось ему грязью, до которой онъ въ видѣ поощренія, награды, долженъ былъ иногда дотрогиваться. Онъ очень ласково говорилъ съ солдатомъ, называлъ его: мой милый, любезный, а между тѣмъ, прикасаясь къ нему, какъ будто боялся испортить свой нѣжный, аристократическій палецъ объ его грубое сукно, даже держалъ подъ носомъ душистый, батистовый платокъ. Онъ такъ сжился съ рутиною своего аристократизма, со всѣми его мелочами, такъ привыкъ къ своей внѣшней, окружающей обстановкѣ, такъ внутренно гордился своимъ собственнымъ Я, что отказаться отъ всего этого, нарушить все это, казалось ему дѣломъ совершенно невозможнымъ и недостойнымъ его.

Во всемъ томъ, что тѣшило, убаюкивало его, онъ видѣлъ свою неотъемлемую принадлежность, что-то родное, близкое, составляющее вмѣстѣ съ нимъ, по праву, по рожденію даже по самымъ физическимъ законамъ природы, одно неразрывное цѣлое.

Богъ знаетъ, во что бы обратился этотъ сіятельный человѣкъ, безъ своего внѣшняго сіянія, безъ тѣхъ источниковъ, которые, составляли основу его величія, могъ ли бы даже существовать онъ!.. Ему казалось, что отъ него, какъ отъ человѣка высшаго, человѣка касты, отчасти зависитъ благополучіе другихъ низшихъ людей, что онъ можетъ ободрить, толкнуть ихъ, своимъ мягкимъ взглядомъ, да ласковымъ сіятельнымъ словомъ помочь имъ. Онъ думалъ: мы цвѣтъ Россіи; безъ нашего влія-

нія, безъ нашей помощи она не можетъ идти впередъ, мы обязаны подать ей руку, поставить ее на ноги, указать ей настоящій путь....

Съ этими мыслями, съ этими благими намѣреніями, князь и пріѣхалъ въ Райчиково, пріѣхалъ съ цѣлымъ причтомъ, съ секретаремъ, камердинеромъ, главноуправляющимъ...

Тотчасъ по пріѣздѣ онъ отдалъ приказъ, что всѣ крестьяне могутъ ежедневно лично являться къ нему, раскрывать передъ нимъ свои нужды и требованія.

Дѣйствительно, на другой же день, съ ранняго утра, толпа народа собралась у княжескаго подъѣзда. Толпа эта простояла съ открытыми головами нѣсколько часовъ сряду и наконецъ была впущена въ пріемную.

Князь вышелъ совершенно одѣтый, въ сюртукѣ съ эполетами, съ сигарой во рту, и ласково поклонился.

Толпа повалилась въ ноги. Князь скорчилъ гримасу.

— Встаньте, ребята, встаньте, не нужно этого, говорилъ онъ мягкимъ голосомъ.

Толпа встала. Князь подошелъ къ первому стоящему мужику въ лаптяхъ и нагольномъ тулупѣ.

— Здравствуй, братецъ, что скажешь?

— Къ вашему сіятельству! проговорилъ мужикъ и поклонился въ поясъ.

— Очень радъ, какъ зовутъ тебя?

— Кузька Перфильевъ, ваше сіятельство, отвѣтилъ мужикъ и снова поклонился...

— Да... Что скажешь?

— Къ вашему сіятельству! мужикъ опять поклонился.

Князь улыбнулся и едва замѣтно пожалъ плечами.

— Хорошо, мой милый, говори что тебѣ нужно, зачѣмъ пришелъ?

— Мужикъ уставилъ глаза на него.

— Къ вашей милости, много довольны вашей милостью.

— Благодарю, братецъ... ну!

— Много благодарны вашей милости.

— Онъ, ваше сіятельство, говорить не можетъ, вмѣшался сзади стоящій парень, въ красной рубахѣ: а мы значитъ отъ всей вотчины.

— Ну говори ты, я очень радъ.

— Какъ есть отъ всей вотчины, ваше сіятельство, завсегда за ваше сіятельство бога молимъ... на счетъ фабричныхъ... фабричные оченно насъ обижцаютъ... Намедни наши ребята драку затѣяли.

— Чаво обиждаютъ, чортъ желтоглазый... дѣвокъ не трожь! заговорило вдругъ нѣсколько голосовъ на другомъ концѣ.

— Лѣшіе!.. брюходавцы! во все горло отозвался парень.

Князь шикнулъ и довольно строго взглянулъ на толпу.

Она замолчала.

— Разберите это дѣло и мнѣ доложите, замѣтилъ князь управляющему.

Вдругъ посреди толпы раздался женскій плачь и черезъ минуту босоногая старуха баба выдвинулась впередъ.

Она начала съ того, что повалилась князю въ ноги и еще громче завыла. Ее съ трудомъ подняли.

— Отецъ родимый, батюшка милостивый, свѣтикъ желанный! говорила она всхлипывая: — тулупчишка украли... въ экую мокрынь безъ одеженьки хожу.. десять верстъ шла... душенька ноетъ!..

Она обнажила грудь свою.

Князь сморщился.

— Кто укралъ?

— Не вѣдаю, кормилецъ... къ ворожеѣ ходила.... злые вороги надыть!

— Узнайте! замѣтилъ князь управляющему.

Изъ толпы выступилъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, въ нѣмецкомъ, оборванномъ сюртукѣ, съ краснымъ небритымъ лицомъ.

— Осмѣлюсь просить вспомоществованія вашего сіятельства! очень смѣло произнесъ онъ, но потупилъ глаза въ землю.

Князь вопросительно оглядѣлъ его.

— Это, ваше сіятельство, дворовый, покойному батюшкѣ вашего сіятельства пѣвчимъ служилъ... большое пристрастіе къ вину имѣетъ!... подсказалъ управляющій.

Князь на минуту задумался.

— Пособіе выдать!.. а за поведеніемъ прошу слѣдить, при-

нять какія-нибудь мѣры для исправленія... а ты, любезный, не пей, пить скверно, вредно, пьянство порокъ, оно губитъ человѣка, слышишь, обѣщаешь исправиться?

— Обѣщаю, ваше сіятельство... богу зарокъ дамъ! по прежнему отвѣтилъ дворовый и ускользнулъ въ толпу.

Вдругъ кто-то икнулъ на всю комнату.

Князь скорчилъ гримасу и на минуту отвернулся.

— Тебѣ что? спросилъ онъ выступившаго впередъ подслѣповатаго мужика:

— Жена въ больницѣ!

— Очень больна?

— Помираетъ!

— Очень жаль.... такъ что-жъ?

— Прикажите съ больницы выписать!

Князь вопросительно посмотрѣлъ на него.

— Зачѣмъ же, мой другъ, выписывать... тамъ ей лучше

— Вѣстимо-тъ лучше!... явите божескую милость!

— Да ты, любезный, разсуди, тамъ ей спокойнѣе.

— Извѣстно покойнѣе!.. явите божескую милость!

Мужикъ повалился въ ноги.

Князь вспыхнулъ.

— Встань.... я не люблю этого! довольно сердито произнесъ онъ.

Мужикъ вскочилъ.

Много еще было передано князю и просьбъ, и жалобъ, много услышалъ онъ выраженій, покоробившихъ его аристократическое ухо, много увидѣлъ и слезъ, и ранъ, много и смѣшного, и горькаго разыгралось въ глазахъ его. Видъ загорѣлыхъ лицъ, мозолистыхъ рукъ, лаптей, оборванныхъ армяковъ, пестрядиныхъ сарафановъ, тяжелый воздухъ, скопившійся въ комнатѣ, все это начинало уже волновать, безпокоить его; онъ чувствовалъ, что голова его кружилась, онъ уже нѣсколько разъ подносилъ душистый платокъ къ носу и откуривался сигарой, однако преодолѣлъ себя, выдержалъ все до конца и обратился къ присутствующимъ съ слѣдующею рѣчью:

— Ребята! началъ онъ ровнымъ, спокойнымъ голосомъ, онъ хотѣлъ было сказать, господа, даже слогъ *го* выговорилъ,

но въ ту же минуту опомнился.—Я пріѣхалъ сюда собственно для васъ... такъ сказать, помочь вамъ, вы должны подумать о себѣ, о своей будущей роли, о перемѣнахъ.... такъ сказать, вникнуть въ самихъ себя.... Я готовъ все сдѣлать для блага вашего.... Каждый изъ васъ можетъ придти сюда, говорить со мною, еще бы лучше, если бы вы могли излагать свои просьбы на бумагѣ ... между вами есть грамотные?

—Есть, ваше сіятельство... я грамотный! крикнулъ мальчикъ лѣтъ четырнадцати.

— Такъ вотъ такимъ образомъ, мы будемъ помогать другъ другу, я своимъ вліяніемъ, совѣтомъ, вы трудомъ,—усердіемъ.... Я надѣюсь, что у насъ все хорошо пойдетъ... я по крайней мѣрѣ желаю всего хорошаго... Поняли вы?

— Поняли! глухо раздалось въ толпѣ.

— Ну прощайте, ребята, съ богомъ! добавилъ князь и поклонился на всѣ стороны.

Толпа отвѣтила тѣмъ же и молча, почесывая спины да затылки, повалила къ двери.

Два мужика отдѣлились отъ нея и остановились у подъѣзда

— Чаво? спросилъ одинъ изъ нихъ, тупо взглядывая на другого.

— Вѣстимо-тъ чаво... Слышалъ?

— Слышалъ.

— Ну?

— Чаво ну?

— Что сказывалъ-отъ?

— Ничаво, ладно сказывалъ.

— А что?

— Чаво что?

— Слышалъ?

— Вѣстимо-тъ слышалъ.

— Ну?

— Чаво ну?.. ишь присталъ лѣшій, слышалъ!

— Чортъ, право чортъ!. вѣстимо-тъ слышалъ!

— Чего остановились... прочь! крикнулъ на нихъ лакей въ ливреѣ.

Мужики разошлись въ разныя стороны и долго еще перебранивались другъ съ другомъ.

Къ крыльцу подъѣхала щегольская коляска, запряженная четверкою сѣрыхъ лошадей.

А между тѣмъ, въ это самое время, въ Конопляновкѣ происходила страшная суматоха. Съ ранняго утра всѣ поднялись въ ней. Изъ Райчикова прискакалъ верховой, привезъ княжескую визитную карточку и объявилъ, что его сіятельство проситъ позволенія быть сегодня у генеральши.

Анна Михайловна въ первую минуту совершенно растерялась, прослезилась даже, вздумала было писать князю, да не нашла приличной бумаги, и сообщила отвѣтъ на словахъ.

Въ домѣ все засуетилось, все забѣгало, нужно было оставить князя обѣдать. Вытащили поваренную книгу Авдѣевой, но не нашли въ ней ничего путнаго. Платонъ Андреичъ бросился за пятнадцать верстъ, за какимъ-то генеральскимъ поваромъ; для приличія понадобилось позвать и самого генерала. Кучеръ Михей, лакей Андрюшка поскакали въ разныя стороны на фуражировку, за провизіей. Къ обѣду Анна Михайловна рѣшилась сдѣлать то, что подъ руку попадется, только бы поваръ пріѣхалъ. Въ людской кололи цыплятъ, на заднемъ дворѣ рѣзали теленка, въ дѣвичьей гладили барскія платья, стирали воротнички, рукавчики, въ комнатахъ все прибирали, чистили, снимали чехлы съ мебели, запрятывали въ углы не совсѣмъ надежныя стулья. Бутылки съ настойкой, тарелки съ ромашкой, все было вынесено. Собаченки шныряли между ногами, Мурзочкѣ отдавили лапу. Анна Михайловна ходила какъ потерянная, тревожно взглядывала на все, совалась то туда, то сюда, давала отрывочныя, несвязныя приказанія, шепталась сама съ собою и не знала за что взяться. Катя уже въ четвертый разъ заплетала и расплетала свою косу, ей все не удавалось какимъ-то кольцомъ продѣть ее. Прасковья Сергѣевна вся разгорѣлась, она бѣгала больше всѣхъ, пріѣздъ князя нисколько не занималъ ее, ей просто хотѣлось угодить теткѣ. Часа три прошло въ самомъ томительномъ ожиданіи, боялись остаться безъ обѣда, Наконецъ Платонъ Андреичъ привезъ повара, за нимъ прибылъ и Михей съ двумя бутылками краснаго вина, взятыми изъ княжескаго погреба, по знакомству съ управляющимъ. Пошли толки о кушаньѣ, Катя настаивала на мороженомъ,

Анна Михайловна говорила о желе съ масседуаномъ, Платонъ Андреичъ разсказалъ про какое-то заливное фрикасе, поданное ему лѣтъ десять тому назадъ въ Москвѣ, въ трактирѣ. Поваръ поддакивалъ то тому, то другому, и каждый разъ прибавлялъ: «можно-съ»! Спорили, шумѣли, только Паша ничего не говорила. Потомъ толковали о томъ, какъ принять князя, встрѣтить ли его всѣмъ въ гостиной, или пустить туда одну хозяйку, а остальнымъ лицамъ войти послѣ, гдѣ посадить за столомъ, какъ подавать кушанье. Мальчикъ казачокъ долженъ былъ находиться за спиной его сіятельства, на всякій случай; лакей Андрюшка и другой лакей, безъ имени, съ однимъ отчествомъ, назначались для настоящей прислуги. Для нихъ понадобятся перчатки, но таковыхъ въ домѣ не оказалось. Платонъ Андреевичъ рѣшился обернуть ихъ руки салфетками и даже сдѣлалъ очень удачную репетицію. Казалось все было улажено, все распредѣлено, оставалось только одѣться и ждать гостя. У матери съ дочерью поднялся большой споръ изъ за платья. Катя хотѣла надѣть голубое, Анна Михайловна желала, чтобы она надѣла сѣрое съ крапинками. Катя утверждала, что голубой цвѣтъ къ лицу ей, Анна Михайловна говорила, что голубое слишкомъ ярко, что сѣрое идетъ къ ней больше. Спросили даже Платона Андреича, онъ объявилъ что и то, и другое безподобно. Сѣрое наконецъ одержало побѣду, только къ нему былъ прибавленъ какой-то голубой кушакъ. Все замолкло и отправилось наряжаться. Травилкинъ тоже удалился въ отведенную для него комнату. Гостиную заперли, чтобъ собаки какъ-нибудь не забрели въ нее.

Анна Михайловна дѣйствительно князя на рукахъ носила. Нѣсколько лѣтъ назадъ она была довольно хорошо принята въ домѣ его родителей. Старый князь, отецъ Григорья Львовича, былъ даже чѣмъ-то обязанъ покойному Куроѣдову. Анна Михайловна очень гордилась этимъ знакомствомъ и всячески тянулась, чтобъ поддержать его. Въ извѣстные дни она дѣлала княгинѣ парадные визиты, ласкала маленькаго Гришу, называла его: безподобнымъ, божественнымъ, очаровательнымъ, испрашивала позволеніе посадить его къ себѣ на колѣни, дарила его довольно цѣнными игрушками.

Все это, разумѣется, дѣлалось для того, чтобъ угодить са-

мой княгинѣ, упрочить ея милостивое расположеніе. Прямой, существенной выгоды тутъ никакой не было, но вѣдь есть люди, которые все что угодно сдѣлаютъ, даже въ лишніе расходы войдутъ, лишь бы какой-нибудь графъ, князь кивнулъ головой имъ, хотя отъ этого киванья имъ ни тепло, ни холодно.

Къ числу ихъ принадлежала и Анна Михайловна; быть принятой, обласканной, въ аристократическомъ домѣ, она считала верхомъ блаженства крайнею гранью человѣческаго достоинства.

Она трубила объ этомъ знакомствѣ повсюду; въ каждомъ разговорѣ она непремѣнно находила случай намекнуть о немъ и вставить свое имя подлѣ имени какой-нибудь княгини, графини, баронессы и прочихъ знатныхъ гостей, бывавшихъ въ княжескомъ домѣ. Когда Гриша подросъ, Анна Михайловна хотя и измѣнила свои къ нему отношенія, т. е. не сажала на колѣни, но по-прежнему всячески старалась угодить ему; она очень хорошо знала какое вліяніе имѣетъ сынъ въ сердцѣ матери.

Разъ какъ-то пріѣхавши къ Каверскимъ, она заговорила объ институтѣ, заговорила впрочемъ безъ всякаго намѣренія; Гриша изъявилъ желаніе побывать въ немъ и побывалъ дѣйствительно. Анна Михайловна отъ этого посѣщенія пришла въ совершенный восторгъ, сердце ея екнуло, въ умѣ тогда же блеснула какая-то черезчуръ смѣлая мысль. Только впослѣдствіи Анна Михайловна нѣсколько отстала отъ княжескаго знакомства; не до того ей было, тянуться и тратиться не было возможности; она даже уѣхала изъ Петербурга, не сдѣлавъ княгинѣ прощальнаго визита, какъ будто въ чемъ-нибудь провинилась передъ ней.

Немудрено послѣ этого, что во внезапномъ пріѣздѣ князя Анна Михайловна увидѣла что-то необыкновенное; она даже приписала его всемогущей судьбѣ, воздающей должное должному; она не знала ни о смерти княгини, ни о намѣреніяхъ князя. Прежняя, когда-то блеснувшая мысль теперь крѣпко засѣла въ ея голову.

Она думала, что можетъ быть князь давно влюбленъ въ Катю, что она еще въ институтѣ произвела на него впечатлѣніе. Она припомнила даже тогдашнія слова князя: «charmante petite personne». Ей казалось, что можетъ быть князь и пріѣхалъ

единственно съ тою цѣлью, чтобы предложить Катѣ руку, вырвать ее изъ той жизни, для которой не рождена она.

Съ какой стати пріѣзжать ему сюда, въ эту трущобу... скучать... толковать съ мужиками, бабами? говорила она съ собою. При этихъ мысляхъ въ горлѣ у Анны Михайловны что-то засѣдало, слова прерывались. При всемъ томъ нужно сказать, что и безъ всякой задней цѣли Куроѣдова почла бы за счастіе принять, обласкать князя, пустить пыль въ глаза, истратить для него послѣднюю копѣйку, даже побѣгать за нимъ, собственно потому, что онъ былъ князь, чтобъ возвеличиться имъ, подняться въ глазахъ всего уѣзда.

Анна Михайловна очень хорошо знала, что фонды ея день ото дня падаютъ. «Вотъ вамъ, смотрите дескать, какіе люди знаютъ меня!» А въ настоящемъ случаѣ, при настоящемъ настроеніи духа и говорить нечего: какъ было не хлопотать, какъ не тратиться, какъ не спорить о платьѣ, какъ не оглядывать Катю съ головы до ногъ.

Что касается до Григорья Львовича, то онъ помнилъ Анну Михайловну, помнилъ и Катю, зналъ причину, по которой онѣ удалились въ деревню и счелъ своимъ долгомъ побывать у такихъ близкихъ сосѣдей.

Катя вышла въ гостиную совсѣмъ одѣтая, въ шелковомъ сѣромъ платьѣ съ широкой голубой лентой, перехваченной на таліи; голова ея была причесана очень затѣйливо: впереди волосы спускались на лобъ крошечными буклями, густая коса сзади походила на огромный бантъ и касалась затылка.

Платонъ Андреичъ ахнулъ, разставилъ руки и отскочилъ нѣсколько шаговъ въ сторону, когда увидѣлъ ее.

Она улыбнулась и мимоходомъ взглянула на себя въ зеркало.

Анна Михайловна явилась въ томъ же темномъ капотѣ, въ которомъ была и наканунѣ, только чепчикъ на головѣ ея былъ не кисейный, а кружевной, да отъ рукъ пахло чѣмъ-то особенно пріятнымъ. Паша оставалась въ обыкновенномъ своемъ костюмѣ, впрочемъ ее и не было въ гостиной, и пяльцы ея были куда-то вынесены. Катя не хотѣла садиться изъ боязни прежде времени измять свое пышное платье; она стояла посреди комнаты и безпрестанно расправляла то юпку, то висѣвшія большими концами голубыя ленты.

На всѣхъ лицахъ было что-то озабоченное. Платонъ Андреичъ поминутно глядѣлъ въ окно, протиралъ вспотѣвшія стекла и особенно усердно закручивалъ усы свои.

— Махальнаго, ваше превосходительство, поставили? спросилъ онъ.

— Поставили... Кузьма на пригорокъ пошелъ, Демка у бани стоитъ; отвѣтила хозяйка.

— Ѣдутъ-съ!.. ѣдутъ-съ! краснымъ платкомъ махнулъ! минуту спустя крикнулъ онъ.

Анна Михайловна вздрогнула и выпрямилась. Катя подошла къ креслу и готовилась опуститься въ него.

На дворъ въѣхалъ весьма странный экипажъ, очень похожій на тѣ кареты, въ которыхъ возятъ арестантовъ, запряженный парою тощихъ, рыжихъ лошадей.

— Сопилкинъ-съ, Евграфъ Тихонычъ! съ нѣкоторой досадой произнесъ Травилкинъ и махнулъ рукой.

Оказалось, что махальный ошибся. Ему были даны два платка, красный и бѣлый, первымъ онъ долженъ былъ махнуть въ случаѣ пріѣзда князя.

Анна Михайловна сдѣлала гримасу и небрежно облокотилась на спинку дивана. Катя перешла снова на средину комнаты.

Въ гостиную вошелъ тучный господинъ, лѣтъ шестидесяти, съ голой головой, клочками сѣдыхъ волосъ на вискахъ, краснымъ, обрюзгшимъ лицомъ, маленькими, совсѣмъ прищуренными глазами и мокрыми отвисшими губами. Онъ еле двигался и опирался на толстую, суковатую палку; колѣни его совсѣмъ не сгибались. На сѣромъ демикотоновомъ сюртукѣ его красовалась звѣзда; короткая шея была небрежно повязана чернымъ шелковымъ платкомъ, на немъ лежали отложные воротнички à l'enfant; ноги были обуты въ высокіе сапоги съ мѣхомъ.

Катя засмѣялась почти подъ носъ ему. Платонъ Андреичъ какъ-то особенно мигнулъ глазомъ.

— Вашему превосходительству!.. Какъ доѣхать изволили, какъ здоровье?.. а?.. крикнулъ онъ подъ самое его ухо, фамильярно сжимая своими обѣими руками его руку.

Евграфъ Тихонычъ испустилъ какой-то звукъ, вытащилъ изъ кармана клѣтчатый носовой платокъ, дрожащею рукой обтеръ имъ свои губы и подошелъ къ хозяйкѣ. Она нехотя протянула ему

свою руку, онъ приложился къ ней и тотчасъ же опустился въ кресло. Онъ былъ разбитъ параличомъ, на половину глухъ, на половину слѣпъ, и часто забывался.

— Извините за повара... вотъ какой неожиданный гость къ намъ пріѣхалъ! изъ приличія замѣтила хозяйка.

Сопилкинъ наклонилъ свое ухо.

— Ноги... все ноги...въ банѣ теръ виномъ, съ дикимъ перцемъ теръ! прохрипѣлъ онъ.

Катя громко засмѣялась.

Платонъ Андреичъ отъ удовольствія перевернулся на каблукахъ.

Анна Михайловна махнула рукой.

— Я говорю, что гость къ намъ пріѣхалъ... князь... слышали! крикнула она подъ самое ухо.

— Да!.. знаю... онъ умеръ! пробормоталъ Сопилкинъ.

Всѣ захохотали.

— Молодой!.. сынъ того! крикнула хазяйка.

— Да!.. знаю!.. дочка здорова ли?

— Катя?

— Гмъ! онъ кивнулъ головой.

— Я здорова... я здѣсь! отвѣтила Катерина Васильевна и подвинулась впередъ.

Евграфъ Тихонычъ сначала не замѣтилъ ее.

— Ѣдутъ-съ!.. ѣдутъ-съ! крикнулъ Платонъ Андреичъ, отскочилъ отъ окна и принялся обдергивать свою венгерку.

Анна Михайловна вскочила съ дивана.

Катя повернулась къ зеркалу, оправилась и очень граціозно опустилась на стулъ; одну руку она положила на колѣни и дотрогивалась ею до голубой ленты, другой живописно облокотилась. Легкій румянецъ выступилъ на щекахъ ея. Евграфъ Тихонычъ оставался неподвиженъ и казалось задремалъ.

Въ комнатѣ воцарилось какое-то гробовое молчаніе.

Князь вошелъ, взглянулъ на всѣхъ присутствующихъ, легко поклонился и остановился противъ хозяйки.

— Анна Михайловна!.. узнаете меня? проговорилъ онъ очень мягко.

Анна Михайловна совершенно растерялась.

— Mais mon Dieu... prince! Это такой сюрпризъ... nous sommes enchantées... подарокъ!.. кто могъ думать!.. здѣсь... въ деревнѣ!.. отвѣчала она дрожащимъ голосомъ.

Князь поцѣловалъ ея руку.

Она какъ будто не хотѣла давать ее.

— C'est trop d'honneur.... trop d'honneur, prince! бормотала она, прикладываясь къ его бакенбардамъ.

Катя изподлобья глядѣла на князя, сердце ея сильно билось.

Платонъ Андреичъ стоялъ въ сторонѣ, вытянувшись и крѣпко теръ ладонь о полу сюртука своего, какъ будто къ чему-то приготовлялъ ее.

Сопикинъ приподнялся съ кресла и придерживался за его ручки.

— Моя дочь!.. вы конечно не помните ее, вы видѣли ее ребенкомъ! произнесла Анна Михайловна, указывая на Катю.

— Я помню очень хорошо... я имѣлъ честь быть у васъ въ институтѣ... я помню даже платье, которое тогда было на васъ... голубое, кажется... не знаю помнитъ ли... князь на минуту остановился:—помнитъ ли Екатерина Васильевна меня?

Катя опустилась въ глубокій реверансъ.

— Je me souviens très bien, prince... je n'étais pas si petite, очень развязно отвѣтила она, и щеки ея еще больше зарумянились.

Князь поклонился и пожалъ кончикъ руки ея. На глазахъ Анны Михайловны заблистали слезы; казалось, она дышала съ трудомъ.

Платонъ Андреичъ и Сопикинъ находились все въ прежнихъ позахъ.

— А!.. Здравствуйте! вдругъ произнесъ князь, обернулся и протянулъ первому руку.

Тотъ подскочилъ къ нему, поклонился чуть не въ поясъ, какъ кланяется прапорщикъ грозному начальнику, и быстро выпрямился.

— Нашъ сосѣдъ... помѣщикъ здѣшній... генералъ, онъ вашего батюшку зналъ... il est sourd un peu! говорила Анна Михайловна, указывая на Сопикина... Фамилію его она почему-то не произнесла.

Князь протянулъ ему руку.

Евграфъ Тихонычъ испустилъ какой-то звукъ.

— Батюшки какъ здоровье? вдругъ спросилъ онъ.

Анну Михайловну передернуло.

— Pardon, prince... онъ забывается, онъ не помнитъ ничего! замѣтила она.

— Il est tout-a-fait vieux! вполголоса отозвалась Катя.

— Параличомъ-съ разбиты... и ноги, и голова, все разбито! подсказалъ подлетѣвшій Платонъ Андреичъ.

— Батюшка мой тринадцать лѣтъ назадъ умеръ! снисходительно отвѣтилъ князь.

— Да... умеръ.. царство небесное! повторилъ Сопилкинъ и опустился въ кресла.

Всѣ усѣлись.

Анна Михайловна не хотѣла садиться на диванъ и сѣла на кресло, возлѣ князя, заслонивши собою Евграфа Тихоныча.

Платонъ Андреичъ, на кончикѣ стула, помѣстился сзади нихъ.

Катя расположилась напротивъ, на прежнемъ мѣстѣ.

— Pardon, prince!.. Я такъ разсѣянна, такъ обрадована!.. Какъ здоровье княгини? спохватилась Анна Михайловна.

— Моя матушка годъ какъ умерла, отвѣтилъ Григорій Львовичъ, и веселое, улыбающееся лицо его сдѣлалось на минуту серьёзнымъ.

— Grand Dieu!.. que dites vous, prince... кому бы жить кажется, радоваться въ такихъ лѣтахъ!.. боже мой!.. мы и не знали ничего!... вотъ глушь здѣшняя! повторяла она, покачивая головой и слегка дотрогиваясь платьемъ до глазъ своихъ.

Катя тоже выразила удивленіе и съ сожалѣніемъ взглянула на князя.

Платонъ Андреичъ какъ-то про себя ахнулъ. Григорій Львовичъ скоро перемѣнилъ разговоръ, передалъ нѣсколько петербургскихъ новостей, мимоходомъ сказалъ какую-то любезность и хозяйкѣ, и дочери, похвалилъ сельскую, деревенскую жизнь.

Въ комнату незамѣтно вошла Паша. Она сѣла въ сторонкѣ; князь обернулся... Она встала и легко, просто покло-

нилась ему. Онъ поклонился тоже. Анна Михайловна не сочла нужнымъ представить ее. Въ столовую всѣ двинулись парами. Князь предложилъ свою руку хозяйкѣ. Платонъ Андреичъ подставилъ свою кренделемъ Катѣ. Прасковьѣ Сергѣевнѣ досталось на долю поддерживать Сопилкина.

За столомъ князя помѣстили между хозяйкой и ея дочерью. Платонъ Андреичъ и Паша сѣли напротивъ, генералъ на концѣ стола. Обѣдъ начался согласно предварительнымъ распоряженіямъ Анны Михайловны, т. е. за спиной князя торчалъ вытянувшійся въ струнку казачокъ, льняные волосы его были сильно чѣмъ-то намазаны, два лакея, съ руками, обернутыми въ салфетки, подали жиденькій супъ и пирожки къ нему.

Въ лицахъ хозяекъ было что-то озабоченное; Анна Михайловна трепетала за кушанье и съ безпокойствомъ смотрѣла на Сопилкина; ей показалось, что съ губъ его потянулась тонкая, прозрачная струя. Катя украдкой взглянула на князя, въ то самое время, когда онъ проглотилъ первую ложку супу.

Платонъ Андреичъ сидѣлъ неподвижно, вытянувшись, каталъ между пальцами хлѣбный шарикъ, и какъ-то почтительно смотрѣлъ на аксельбантъ его сіятельства. Паша потупила глаза на скатерть, неловко ей было, она стѣснялась и близкимъ сосѣдствомъ Травилкина, и присутствіемъ князя.

Анна Михайловна осталась очень довольна вторымъ блюдомъ, хитрымъ заливнымъ, убраннымъ зеленью въ видѣ перьевъ.

Впрочемъ первое безпокойство скоро прошло. Генералъ утеръ струю свою, Паша подняла глаза, Платонъ Андреичъ сидѣлъ къ ней бокомъ, не обращалъ на нее никакого вниманія, и занимался хересомъ. Князь кушалъ съ аппетитомъ, онъ держалъ себя такъ мило, просто, такъ умѣлъ казаться популярнымъ, такъ ловко приноровился къ окружающему обществу, что тотчасъ же разшевелилъ его. Онъ говорилъ совершенно непринужденно о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, перемѣшивалъ серьёзное съ смѣшнымъ, касаясь то одного, то другого, невольно вызывалъ отвѣчать себѣ, намекнулъ о цѣли своей поѣздки въ деревню, о

нѣкоторыхъ своихъ планахъ и намѣреніяхъ, потомъ перешелъ къ другимъ новѣйшимъ общественнымъ вопросамъ.

— Намъ нужно о многомъ подумать, многое пересоздать, Россія въ такой порѣ, говорилъ онъ, взглядывая на всѣхъ присутствующихъ:—ей недостаетъ очень многаго... возьмемъ, напримѣръ, нашу женщину... pardon, mes dames, я не говорю о прекрасномъ исключеніи. Онъ улыбнулся. Нужно доставить женщинѣ больше свободы, больше самостоятельности, дать ей значеніе, окружить ее болѣе широкою жизнью... иначе воспитать, обезпечить, застраховать ея независимость, какъ человѣка, какъ члена общества.... Наша женщина до сихъ поръ играетъ довольно жалкую роль.... она раба условій, приличій, формъ, семейныхъ отношеній, ей нѣтъ исхода... сколько самыхъ ужасныхъ несчастій происходитъ отъ этого деспотизма во взглядѣ на женщину... мы читаемъ въ газетахъ: дѣвушка бросилась въ воду, женщина удавилась, жена мужа зарѣзала, все это одни только факты, такъ сказать слѣдствіе, исходъ внутреннихъ страданій... я знаю случай, дѣвушка благородная, сирота, дочь какого-то чиновника, по настоянію отца, вслѣдствіе какихъ-то разсчетовъ, требованій, замужъ вышла и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ лишила себя жизни... она преступница по буквѣ закона, но гдѣ же причина зла, гдѣ начало его?

На щекахъ князя выступилъ легкій румянецъ, онъ остановился и нечаянно взглянулъ на Пашу.

Она тотчасъ потупила глаза.

— Осмѣлюсь доложить вашему сіятельству: въ крестьянствѣ много такихъ примѣровъ бываетъ, много, такъ сказать, и забавныхъ, и поучительныхъ происшествій случается, очень развязно произнесъ Платонъ Андреичъ. Онъ порядочно выпилъ и былъ, какъ говорится, въ ударѣ.

— Весьма натурально, въ крестьянствѣ меньше образованія, меньше развитія, деспотизму больше.

— Больше-съ, именно больше-съ!.. народъ грубый, невѣжественный? подхватилъ Травилкинъ.

— C'est affreux! ни къ селу, ни къ городу выговорила Анна Михайловна, и скорчила презрительную гримасу.

— Pardon! у насъ слишкомъ серьёзный разговоръ зашелъ, замѣтилъ Григорій Львовичъ Катѣ, и улыбнулся.

— Mais pas du tout; я нахожу его очень занимательнымъ! отвѣтила Катерина Васильевна. Сопилкинъ нѣсколько разъ хотѣлъ вмѣшаться въ разговоръ, но только раскрывалъ ротъ и вытиралъ его салфеткой.

— Да, продолжалъ князь:—женщина живетъ сердцемъ, нужно уважать его порывы, они всегда законны, всегда естественны... перековеркайте, сожмите ихъ, и женщина потеряетъ всю свою силу, обратится въ полуживое, задавленное существо! Онъ снова взглянулъ на Пашу, она снова опустила глаза, жилка на вискѣ ея сильно билась.

— Чортъ его знаетъ, нашъ братъ и не пойметъ ничего! подумалъ Платонъ Андреичъ и налилъ себѣ хересу.

— Да вотъ... давно ужь... при жизни батюшки, здѣсь въ деревнѣ случилось... вѣроятно генералъ помнитъ... ваше превосходительство! громко добавилъ князь.

Сопилкинъ былъ занятъ паштетомъ, но вдругъ поднялъ голову и принялся поспѣшно вытирать ротъ свой, на носу у него сидѣла большая капля соуса.

— Изволите помнить, ваше превосходительство, у меня въ Райчиковѣ случилось, при батюшкѣ еще, страшная исторія вышла.... женщина избу подожгла!

— Да!... сгорѣла! пробурчалъ Евграфъ Тихонычъ.

— Нѣтъ, она сама не сгорѣла, мужъ и мать ея сгорѣли... у меня это осталось въ памяти... я тогда ребенкомъ былъ.

— Помню!... маменька вашего сіятельства добродѣтельная женщина была, сирыхъ и убогихъ надѣляла! отвѣтилъ Сопилкинъ.

Анна Михайловна пожала плечами.

Платонъ Андреичъ какъ-то враждебно взглянулъ на генерала.

— Да, продолжалъ князь, не обращая вниманія на отвѣтъ Сопилкина:—я не знаю читали ли вы, въ какомъ-то журналѣ статья была, я не помню имени автора, тамъ разсматривался вопросъ о нравственности въ нашемъ обществѣ, о томъ узкомъ понятіи, съ которымъ сопряжено у насъ это названіе, много новыхъ мыслей, много примѣровъ, гдѣ безнрав-

ственность, прикрытая наружной формой, буквою закона, кажется нравственностью и наоборотъ!

— Въ газетахъ, ваше сіятельсгво, насчетъ куренья писали... замѣчаютъ будто бы дамы нынче курятъ много... забавный анекдотъ очень!.. вмѣшался Травилкинъ.

— Да!.. можетъ быть!.. у васъ прекрасный большой садъ, замѣтилъ Григорій Львовичъ, глядя въ окно, между тѣмъ какъ взоръ его скользилъ по лицу Паши.

— Да,. лѣтомъ не дурно! отвѣтила Катя.

— Тѣни много, произнесла Анна Михайловна; садъ вашего сіятельства можно только съ однимъ эдемомъ сравнить, гдѣ Адамъ съ Евой въ раю блаженствовали! вмѣшался Платонъ Андреевичъ.

Князь ничего не отвѣтилъ ему.

Прасковья Сергѣевна казалось чувствовала присутствіе на себѣ чьего-то взора, по крайней мѣрѣ ей было ужасно неловко; въ теченіе цѣлаго обѣда никто съ ней слова не сказалъ; лицо ея горѣло, ей было душно, жарко; она не смѣла глазъ поднять, не знала куда дѣть ихъ. Князь заговорилъ съ Катей и Анной Михайловной, разсказалъ имъ о какомъ-то балѣ, бывшемъ въ Петербургѣ.

Платонъ Андреичъ слушалъ и безпрестанно охалъ.

Обѣдъ кончился.

Всѣ прежнимъ порядкомъ потянулись въ гостиную, только Сопилкинъ побрелъ одинъ, онъ запоздалъ послѣднимъ кускомъ мороженаго, обжегся имъ, и когда вытеръ ротъ и приготовился къ шествію, дамы его уже не было. Прасковья Сергѣевна прямо изъ столовой ушла къ себѣ въ комнату.

Она стояла передъ раскрытой форточкой; вѣтеръ дулъ въ лицо ей и развѣвалъ ей волосы; она раскрыла ротъ и глубоко дышала; ей хотѣлось освѣжиться, успокоить свою волнующуюся грудь.

Послѣ обѣда гости оставались не долго. Князь только сигару выкурилъ и первый взялся за фуражку, его примѣру послѣдовалъ и Платонъ Андреичъ. Сопилкинъ было вздремнулъ и совершенно распустилъ губы свои, но при общемъ движеніи опомнился и даже засуетился какъ-то, точно боялся что опоздалъ, что его одного оставятъ.

Послѣдовало взаимное прощаніе. Катя опустилась въ глубокій реверансъ.

Анна Михайловна въ самыхъ отборныхъ выраженіяхъ благодарила князя за честь, за вниманіе, просила не забывать, доставить счастіе бывать чаще и чаще.

Князь отвѣчалъ ей въ томъ же родѣ, учтиво со всѣми раскланялся, всѣмъ пожалъ руки, сказалъ Сопилкину, «прошу быть знакомымъ», на что послѣдній отвѣтилъ «гмъ», спросилъ у Платона Андреича въ какую сторону онъ ѣдетъ, и узнавши что по пути, предложилъ ему мѣсто въ своей коляскѣ.

Травилкинъ въ знакъ согласія только поклонился въ поясъ; отказываться онъ считалъ неприличнымъ, да и какъ было отказаться отъ чести, отъ счастія, отъ восторга ѣхать съ его сіятельствомъ.

Князь поклонился еще разъ, глаза его чего-то искали.

А Паша сидѣла въ своей комнатѣ, прислонившись къ окну, и протирала вспотѣвшее стекло. Она видѣла какъ подъѣхала къ подъѣзду княжеская коляска, какъ князь вышелъ на крыльцо, какъ онъ снялъ фуражку и ласково поклонился собравшимся дворовымъ, какъ взглянулъ въ ея сторону, какъ закутался въ шинель съ бобровымъ воротникомъ, какъ сѣлъ въ экипажъ, какъ Платонъ Андреичъ, съ непокрытой головой, занесъ ногу на подножку, скорчился и полѣзъ туда же.

«И онъ съ нимъ!» подумала она, отстранилась отъ окна, какъ будто испугалась чего-то, и въ ту же минуту снова припала къ стеклу.

Коляска тронулась, выѣхала за ворота, миновала усаженную деревьями аллею, поднялась на пригорокъ, спустились и скрылась; только колеса застучали по зыбкому мосту.

Сопилкина укладывали въ его арестантскую карету.

Прасковья Сергѣевна глубоко вздохнула, прислонилась къ спинкѣ стула и вытянула впередъ руки.

«Только бы лѣта дождаться... не останусь я здѣсь... куда-нибудь да уйду отсюда», подумала она.

Въ это же самое время, у окна, въ гостиной, схватив-

шись за руки, стояли Анна Михайловна и Катя, и весело кому-то раскланивались.

— Боже мой! какой милый, какой очаровательный, что за тонъ, что за манеры! говорила первая.

— Comme il faut, совершенный comme il faut, и лицо такое, повторяла Катя.

— Лицо самое умное, аристократическое! подхватила мать.

— Аристократическое, самое аристократическое, подтвердила дочь.

Анна Михайловна пристально посмотрѣла на нее.

— Cathrine, послушай Cathrine! говорила она очень ласково, сжимая руки Кати и усаживая ее противъ себя на кресло:—ты дѣвушка умная, разсудительная, я знаю тебя, ты очень хороша собою, отъ тебя все зависитъ!.. ты можешь спасти себя... спасти себя и меня.

— Какъ спасти, maman?! отвѣтила Катя и лукаво засмѣялась. Она очень хорошо знала, что хочетъ сказать мать.

— Да, спасти! продолжала Анна Михайловна:—я не знаю зачѣмъ князь пріѣхалъ сюда; всѣ его разсказы однѣ пустыя фразы... одна свѣтская болтовня, для тону, для приличія, быть можетъ... я ни за что не ручаюсь, я слишкомъ взволнована, ты должна понять меня!

Катя прервала ее.

— Я догадываюсь что вы хотите сказать, maman; признаюсь вамъ, я бы почла за счастіе принадлежать князю, быть женой его, вполголоса добавила Катерина Васильевна и опустила глаза.

Анна Михайловна крѣпко сжала ея руки, и стала цѣловать ихъ.

— Вспомни!.. подумай, Cathrine, говорила она прерывающимся голосомъ: — что ожидаетъ тебя здѣсь, и что должно ожидать тамъ... какая страшная разница!

Катерина Васильевна какъ-то лихорадочно засмѣялась, даже глаза ея сдѣлались влажными.

— Боже мой, maman, вѣдь это одно воображеніе, фантазія наша!

— Богъ знаетъ!.. все въ руцѣ божіей... князь такъ молодъ...

отъ тебя зависитъ заинтересовать его... ты очень хороша собой!.. чего на свѣтѣ не бываетъ!

А между тѣмъ Платонъ Андреичъ катилъ въ княжескомъ экипажѣ. Онъ сидѣлъ поджавши подъ себя ноги, скорчившись и забившись въ уголъ, изъ боязни, чтобъ какъ-нибудь не толкнуть его сіятельство. На сердцѣ его было что-то сладостное, лицо горѣло, онъ ощущалъ и восторгъ, и горесть и необыкновенную признательность къ князю; ему показалось, что Григорій Львовичъ чѣмъ-то облагодѣтельствовалъ, возвысилъ его; онъ даже подумалъ про себя: вотъ бы хорошо теперь нагнуться и поцѣловать сіятельное колѣнко.

Выпитый за обѣдомъ хересъ шумѣлъ въ головѣ его.

— Кто эта дѣвушка?... брюнетка въ черномъ платьѣ? послѣ небольшого молчанія спросилъ князь.

Платонъ Андреичъ быстро выпрямился, какъ будто что нибудь кольнуло его.

— Возлѣ меня сидѣла?... Сирота-съ! бѣдная дѣвушка, ваше сіятельство, дальняя родственница генеральши! торопливо отвѣтилъ онъ.

— Она у нихъ живетъ?

— Точно такъ, ваше сіятельство, такъ сказать изъ милостиваго призрѣнія, по человѣколюбію ея превосходительства... пустая дѣвушка, безъ образованія, а только много думаетъ о себѣ!

— Какъ думаетъ?

— Точно такъ, ваше сіятельство, горда-съ очень!

— Да?!

— Непомѣрно горда-съ!.... можно сказать до странности даже.... она самая ничтожная дѣвушка, сами извольте посудить, ваше сіятельство..... я человѣкъ одинокій..... имѣніе у меня порядочное, въ домѣ тоже-съ.... я, такъ сказать, жениться имѣю намѣреніе.

— А?!

— Точно такъ-съ, ваше сіятельство.... потому раздумаешься о своемъ существованіи, ну и скука-съ!... прахъ одинъ... я этой самой дѣвушкѣ предложеніе дѣлалъ, изъ человѣколюбія больше?

— Что-жъ?

— Отказала, ваше сіятельство, просто, даже сказать совѣстно, дуракомъ назвала.

— Что-жъ она не любитъ васъ?

— Не любитъ-съ.... любить не можетъ!

— А вы влюблены въ нее?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше сіятельство, я по разсудку больше, потому скучно-съ, въ комнатахъ пусто тоже!... мнѣ сорокъ лѣтъ, ваше сіятельство, я очень жениться хочу!

— Что-жъ женитесь на другой.

— Я, ваше сіятельство, имѣю несчастіе женщинамъ не нравиться... съ которой ни сойдусь—сначала ничего, все хорошо, кажется... а потомъ, скверно-съ!... я самый несчастный человѣкъ, ваше сіятельство, добавилъ Платонъ Андреичъ и громко вздохнулъ.

Князь давно улыбался, только въ темнотѣ нельзя было замѣтить этого.

— Я, ваше сіятельство, осмѣлюсь доложить, даже разъ влюбленъ былъ, съ отчаянія хотѣлъ лишить себя жизни.... и не лишилъ-съ!

— Да?!. Отчего же вы женщинамъ не нравитесь?

— Трудно сказать, ваше сіятельство: я полагалъ, что по красотѣ лица!... такъ даже всѣ средства предпринималъ.... для блѣдности уксусъ пилъ!...

— Не помогаетъ?

— Ничего не помогаетъ, ваше сіятельство, судьба такая

Каверскій уткнулъ носъ въ воротникъ шинели.

Коляска въѣхала на дворъ Райчикова и остановилась у подъѣзда.

Платонъ Андреичъ выскочилъ первый.

Онъ только-что разговорился, ему хотѣлось пуститься въ откровенность, онъ даже занесъ ногу на крыльцо, съ намѣреніемъ слѣдовать по слѣдамъ князя, но послѣдній вдругъ обернулся и протянулъ ему руку. Благодарю васъ!... прощайте! произнесъ онъ.

Травилкинъ растерялся и чуть-чуть не поцѣловалъ капюшонъ сіятельной шинели.

III.

Прошло недѣли три. — Куроѣдовы почли своею обязанностію отблагодарить князя, сдѣлать ему парадный визитъ; князь былъ раза два у нихъ. Онъ по-прежнему выглядѣлъ веселымъ, учтивымъ, ласковымъ. Паша почти не выходила къ нему,. она какъ будто боялась, избѣгала его присутствія. Анна Михайловна все больше и больше мечтала; нѣсколько словъ, сказанныхъ Каверскимъ Катѣ, подавали ей большія надежды. Катя казалась задумчивѣе, грудь ея подымалась сильнѣе обыкновеннаго.

Однажды Куроѣдовымъ понадобилось ѣхать верстъ за пятнадцать къ помѣщицѣ; нужно было снять фасонъ съ модной, присланной изъ Петербурга, мантильи, да заодно помолиться какому-то образу. Паша оставалась дома. День былъ ясный, чудесный, въ воздухѣ морозецъ, по землѣ первопутка; первый наканунѣ выпавшій снѣгъ брилльянтовыми искрами блестѣлъ на солнцѣ.

Прасковья Сергѣевна по обыкновенію сидѣла за пяльцами у окна въ гостиной. Собаки пріютились по разнымъ угламъ, какъ будто скучали безъ господъ своихъ. На дворѣ что-то мелькнуло.—Паша взглянула въ окно, и вдругъ отскочила отъ пялецъ, даже лицо ея поблѣднѣло.

Князь въ легкихъ саночкахъ, одинъ, безъ кучера, съ мальчикомъ, въ бархатномъ полушубкѣ да ямщицкой шапкѣ съ павлинымъ перомъ, остановился у подъѣзда. Прасковья Сергѣевна не успѣла опомниться, какъ въ гостиную вбѣжалъ казачокъ, а за нимъ вошелъ и Григорій Львовичъ.

— Тетушки дома нѣтъ.... Катерина Васильевна съ ней тоже уѣхала, говорила она съ смущеніемъ, не смѣя взглянуть на гостя: — онѣ очень жалѣть будутъ.... неугодно ли вамъ садиться. Она подвинула кресло.

— Да?!.. очень жаль.... я не зналъ.... мнѣ ничего не сказали, быть можетъ я помѣшалъ вамъ? Онъ сдѣлалъ шагъ назадъ.

Паша еще больше смутилась.

— Какъ можно, князь!... я шью.... пустая работа... прошу васъ садиться.

— Въ такомъ случаѣ позвольте побыть здѣсь съ четверть часа.... я немножко озябъ, сегодня довольно холодно! Онъ сѣлъ въ кресло.

— Не прикажете ли чаю? спохватилась Паша.

— Нѣтъ, благодарю васъ, здѣсь такъ тепло.

Она сѣла напротивъ, у пялецъ, только повернулась лицомъ къ гостю.

— Извините меня, заговорилъ онъ нѣсколько спустя:—я до сихъ поръ не имѣлъ чести быть вамъ представленнымъ... вѣроятно такъ случилось.... въ послѣднiй разъ васъ не было здѣсь... если не ошибаюсь, вы кажется родственница Анны Михайловны.

— Я племянница ея, дочь родной сестры.

— Родная племянница?!

— Да!

— Вы давно здѣсь живете?

— Второй годъ.

— А родители ваши?

— Мать моя умерла очень давно.... я не помню ее... отца тоже нѣтъ! Паша сидѣла, потупивъ глаза въ землю, ей было тяжело какъ-то.

Князь замѣтилъ это и тотчасъ перемѣнилъ разговоръ.

— Скажите пожалуйста, здѣсь кажется такъ много сосѣдей, вы вѣроятно часто выѣзжаете, бываете въ обществѣ?

Прасковья Сергѣевна на минуту задумалась.

— Да, тетушка и Катерина Васильевна выѣзжаютъ, отвѣтила она.

— И вы съ ними?

Я больше дома сижу, нужно кому-нибудь оставаться...

— Я люблю быть дома, поспѣшно добавила она и подняла на минуту глаза свои.

Князь пристально смотрѣлъ на нее.

— Это немножко скучно! замѣтилъ онъ.

— Нѣтъ, отвѣтила Паша и улыбнулась:—я такъ привыкла къ этому.

— Да, я понимаю, что привыкнуть можно ко всему, но во всякомъ случаѣ тутъ есть лишенiе.

— Быть можетъ!.. только я съ этимъ лишеніемъ давно помирилась, я и выросла одна.

— Какъ одна?

— Почти!.. по крайней мѣрѣ послѣ смерти моей матери никто не заботился обо мнѣ... отецъ мой по цѣлымъ днямъ дома не бывалъ... вскорѣ онъ умеръ.

— Извините за любопытство, Прасковья Сергѣевна; я конечно не имѣю права входить въ подробности... ваши слова очень интересуютъ меня.

— Мои слова такъ просты, замѣтила Паша.

Она очень удивилась, что князь знаетъ ея имя.

— Что просто, то и хорошо... я всегда думалъ, что простота и естественность составляютъ первое достоинство женщины.

— Вы слишкомъ снисходительны къ женщинамъ, князь, помолчавъ произнесла Паша.

— Какъ снисходителенъ?

— Такъ мнѣ кажется; прошедшій разъ вы такъ горячо говорили о ихъ независимости.

— Да, я повторю то же самое и теперь... я говорилъ то, въ чемъ убѣжденъ, чему вполнѣ сочувствую... вы были согласны со мной?

— Не совсѣмъ, князь.

— Да?!.. почему же?.. извините, я васъ вызываю на откровенность... этотъ вопросъ слишкомъ трогаетъ меня.

Прасковья Сергѣевна на минуту задумалась.

— Потому, князь, что эта независимость покамѣстъ мечта... осуществиться она можетъ только тогда, когда и мущина сдѣлается другимъ, когда онъ иначе взглянетъ на женщину, когда во взаимныхъ отношеніяхъ будетъ больше правды, больше уваженія другъ къ другу. Она вдругъ замолчала, какъ будто испугалась, что сказала слишкомъ много.

Князь не спускалъ глазъ съ нея.

— Но въ настоящее время, въ нашъ вѣкъ, именно и совершается это; мущина добровольно отказывается отъ своего первенства, отъ своего исключительнаго Я.

— Не знаю, князь, здѣсь все такъ тихо, здѣсь деревня... теперь о многомъ говорится.

— По крайней мѣрѣ я смѣло поручусь за себя... я говорю и дѣйствую совершенно искренно, изъ полнаго желанія добра и правды: я единица, тысячи людей дѣлаютъ то же самое

— Быть можетъ!.. я не смѣю сомнѣваться! отвѣтила Паша. Она сама не знала какимъ образомъ такъ смѣло, вдругъ, высказалась князю, человѣку совершенно постороннему; ей сдѣлалось стыдно, неловко; все лице ея горѣло.

— Простите, князь... я говорю всегда откровенно свое мнѣніе... я такъ выросла, такъ привыкла; полушопотомъ оправдалась она.

— Я долженъ только благодарить васъ! отвѣтилъ Григорій Львовичъ и слегка поклонился.—Я, Прасковья Сергѣевна, къ вамъ просьбу имѣю, немного стустя продолжалъ онъ:—я пріѣхалъ сюда съ тѣмъ, чтобъ позвать Анну Михайловну, Катерину Васильевну и васъ завтра къ себѣ отобѣдать... совершенно запросто; надѣюсь, что вы доставите мнѣ это удовольствіе, измѣните своему одиночеству, своей привычкѣ. Прасковья Сергѣевна замялась.

— Благодарю васъ за честь, князь... я передамъ тетушкѣ.

— А вы?

— Я?! я никуда не выѣзжаю... я такъ отвыкла отъ всего.

— Если вы отвыкли отъ свѣта, то не могли отвыкнуть отъ вашихъ друзей, вашихъ родныхъ; кромѣ нихъ у меня никого не будетъ.

Князь всталъ и погладилъ рукою свои бакенбарды.

Прасковья Сергѣевна стояла передъ нимъ.

— Вѣроятно, Анна Михайловна не воспротивится этому, даже будетъ рада за ваше маленькое развлеченіе, замѣтилъ князь.

Паша вдругъ подняла на него глаза свои.

— Вы говорили о свободѣ, я настолько свободна, что въ этомъ случаѣ завишу единственно отъ себя! довольно гордо отвѣтила она.

Каверскій немного сконфузился.

— Тѣмъ лучше!.. стало быть исполненіемъ моей просьбы буду обязанъ единственно вашему желанію, вашей волѣ,— вы согласны?.. да?..

— Благодарю васъ, я согласна! повторила Паша.

Богъ знаетъ какимъ образомъ сорвалось у ней съ языка это слово, за минуту передъ этимъ она хотѣла рѣшительно отказаться.

Князь пожалъ ей руку.

Онъ уѣхалъ, а Прасковья Сергѣевна долго сидѣла неподвижно; глаза ея были устремлены въ окно, на свѣжій слѣдъ, прорѣзанный княжескими санями; въ нихъ было что-то грустное, задумчивое, потомъ она встряхнула головой, какъ будто хотѣла избавиться отъ накопившихся мыслей, какъ будто гнала ихъ отъ себя, нѣсколько разъ принималась шить и скоро бросала иголку: работа валилась изъ рукъ ея.

Къ вечеру Куроѣдовы возвратились домой.

Анна Михайловна, узнавши о визитѣ князя, пришла въ совершенное негодованіе.

— Ахъ, боже мой!.. кто жъ принималъ его... кто? въ сердцахъ повторяла она.

— Какъ кто?.. я, тетушка... онъ съ полчаса сидѣлъ здѣсь.

— Знаю, что ты, знаю, воображаю!.. вотъ видишь, Catherine, вотъ что сдѣлали, говорила я тебѣ!

— Ахъ, maman, кто жъ зналъ это? для вашей же выкройки поѣхали, и Платонъ Андреичъ сказывалъ, что сегодня никакъ не будетъ! вступилась Катя.

— Выкройкой меня нечего упрекать, совершенно нечего, а твой Платонъ Андреичъ дуракъ, просто дуракъ.

— Чѣмъ же онъ мой, что̀ вы... что̀ вы говорите такое, сами всякую дрянь въ домъ пускаете.

Мать съ дочерью готовились совсѣмъ разбраниться, но Паша развела ихъ.

Господи, тетушка, неужели я въ самомъ дѣлѣ такая, что и говорить совсѣмъ не умѣю... я приняла его какъ слѣдуетъ, онъ былъ очень веселъ.

— И не умѣете, сударыня, конечно не умѣете, нечего воображать о себѣ!.. съ такимъ лицомъ и говорить нужно иначе... не вамъ чета!

Прасковья Сергѣевна пожала плечами.

— Онъ, тетушка, просилъ вамъ передать, онъ насъ завтра обѣдать зоветъ.

На лицѣ Анны Михайловны мелькнула радостная улыбка.

— Кого насъ? спросила она.

— Всѣхъ насъ, васъ, тетушка, сестрицу... меня.

— Тебя?!. Ты поѣдешь?

— Да... я обѣщала ему.

Анна Михайловна вспыхнула.

— Ну ужь это извините, сударыня, это черезчуръ просто, изъ всякихъ границъ приличія... что съ вами?.. вы его въ глаза не знаете, васъ изъ учтивости поманили, вы и обрадовались... ѣхать къ молодому человѣку!

— Я, тетушка, поѣду не одна, а съ вами, подъ вашимъ покровительствомъ... мы нѣсколько познакомились другъ съ другомъ, онъ знаетъ мое имя, знаетъ кто я... онъ просилъ меня не изъ учтивости, а просилъ непремѣнно, я не могла отказать ему и дала слово!

Анна Михайловна захохотала.

— Боже мой! какъ это важно... mon Dieu!.. дала слово! какая милость, какое счастіе!.. позвольте узнать, сударыня, въ какомъ же платьѣ вы поѣдете?.. чтобъ ѣхать къ такому лицу, я полагаю нужно одѣться прилично... въ какомъ?

— Да вотѣ въ этомъ самомъ, другого зимняго вѣдь нѣтъ у меня, хладнокровно отвѣтила Паша.

Анна Михайловна повалилась на стулъ.

— C'est affreux!.. c'est abominable!.. Cathrine, да урезонь ее... она съ ума сошла!.. уши вянутъ!

— Ахъ, maman, если Паша находитъ это приличнымъ, что жъ дѣлать, стыдно только ей самой! вмѣшалась Катерина Васильевна.

Прасковья Сергѣевна едва замѣтно улыбнулась.

— Да, тетушка, стыдно только мнѣ самой, повторила она:—если бы вы или сестрица надѣли это платье, дѣло другое, но вѣдь я и вы большая разница!

— Прошу васъ не трогать мою дочь, не учить меня... все это вздоръ, вамъ нельзя ѣхать, вы не поѣдете!.. почти крикнула Анна Михайловна.

— Я поѣду... я должна ѣхать... я слово дала... я не поѣду только въ томъ случаѣ если мы всѣ не поѣдемъ... тогда нужно увѣдомить князя.

— Вотъ что, ха, ха, ха... не прикажете ли для васъ дома

сидѣть... я поѣду съ Cathrine, а вы можете ѣхать съ кѣмъ угодно... по крайней мѣрѣ я отъ этого сраму избавлюсь!

— Это мнѣ все равно... князь двое саней пришлетъ.

Анна Михайловна плюнула и отвернулась отъ Паши. Катя сидѣла надувшись.

Прасковья Сергѣевна вышла изъ комнаты.

— C'est une furie!.. что за упрямство, настойчивость! прошептала хозяйка.

— Что жъ, быть можетъ Григорій Львовичъ заинтересованъ ею, колко замѣтила Катя.

— Quelle idée, ma chère... онъ ее даже не знаетъ, просто навязалась дура!.. отказала Травилкину и мечтаетъ... ха, ха, ха... Voilà! отвѣтила Анна Михайловна и злобно засмѣялась.

Онѣ заговорили о завтрашнемъ днѣ, о необходимости распустить какой-то лифъ и убрать рукава ленточками.

А Паша между тѣмъ, облокотившись на столъ и закрывъ лицо руками, сидѣла у себя въ комнатѣ. Много перечувствовала, много передумала она въ эту минуту, десятки мыслей разомъ пролетѣли въ головѣ ея, она ни на одной изъ нихъ не могла остановиться, всѣ онѣ тревожили, пугали ее. Страшная тоска, предчувствіе чего-то недобраго, боль отъ горькихъ незаслуженныхъ упрековъ, досада на самую себя, грызли ея сердце. Она рвалась раздѣлить свой страхъ, свою грусть, кому-нибудь разсказать о самой себѣ, ей опротивѣло одиночество, да съ кѣмъ?.. кому?.. кругомъ стѣны голыя! только почернѣвшій образъ, освѣщенный тусклой лампадой, изъ угла взиралъ на нее. Когда она отняла руки, все лицо ея было мокро. За стѣной послышался шорохъ, она вскочила, помочила въ воду конецъ полотенца и стала прикладывать его къ глазамъ своимъ.

На другой день большія четверныя сани, запряженныя тройкою сѣрыхъ лошадей, катили по узкой извилистой дорогѣ. Въ саняхъ сидѣли Анна Михайловна, Катя, а напротивъ нихъ Паша и князь. Онъ былъ такъ любезенъ, что самъ пріѣхалъ за своими гостями. Всѣ были очень веселы. Григорій Львовичъ разсказывалъ что-то забавное, Катя дѣтски смѣялась, Куроѣдова и Прасковья Сергѣевна улыбались.

Когда сани остановились у подъѣзда въ Райчиково, ихъ встрѣтилъ Платонъ Андреичъ.

Онъ какъ-то пронюхалъ о намѣреніи Каверскаго позвать Куроѣдовыхъ и явился незваный, непрошенный. Поневолѣ, пришлось его оставить обѣдать.

Катерина Васильевна была въ голубой шелковой юпкѣ; бѣлый кисейный лифъ, убранный чернымъ бархатцемъ, очень шелъ къ ея прозрачному личику и нѣжнымъ розовымъ плечамъ.

У Прасковьи Сергѣевны запутался крючокъ на салопѣ— князь помогъ разстегнуть его.

Онъ началъ съ того, что повелъ гостей по всему дому. Впереди, въ видѣ чичероне, шелъ старый пузатый дворецкій, въ черномъ фракѣ и бѣломъ жилетѣ.

Они поднялись во второй этажъ, по широкой мраморной лѣстницѣ, прошли цѣлыя амфилады различныхъ комнатъ, останавливались то въ той, то въ другой, любовались, разспрашивали.

Платонъ Андреичъ ахалъ надъ каждою вещью.

Все было старо, ветхо, но все говорило о прежнемъ великолѣпіи. Вызолоченыя стѣны почернѣли, расписанные потолки мѣстами покрывала плѣсень, и въ воздухѣ пахло сыростью. Они вошли въ библіотеку.

Паша остановилась у шкафа съ книгами, и читала надписи на нихъ.

Каверскій подошелъ къ ней.

— Вы много читаете? спросилъ онъ.

— Нѣтъ... у насъ книгъ нѣтъ... достать негдѣ, отвѣтила она.

— Моя библіотека къ вашимъ услугамъ, я былъ бы очень радъ, только для женщины здѣсь мало занимательнаго, все старинныя, серьёзныя сочиненія.

— Женщина не ребенокъ, князь... вы измѣняете своему взгляду на нее! замѣтила Прасковья Сергѣевна и отошла въ сторону.

Князь не успѣлъ отвѣтить ей.

Прошли еще нѣсколько комнатъ и остановились въ большой круглой залѣ съ хорами.

— Здѣсь, въ старину, до упаду веселились. дѣлали балы... это зало замѣчательно своимъ эхо, слышите, какъ раздается? замѣтилъ хозяинъ.

— Удивительно-съ раздается! подхватилъ Платонъ Андреичъ. — Прасковья Сергѣевна! вдругъ вскрикнулъ онъ.

Эхо повторило.

Всѣ засмѣялись, только Паша вздрогнула, да князю эта выходка показалась странною.

Внизу все было проще, но зато все живѣе, обитаемѣе. Довольно большой кабинетъ князя былъ уставленъ ситцевою мебелью; на полу мягкій коверъ; огромный письменный столъ заваленъ бумагами; между ними кое-какія, необходимыя безделушки, привезенныя изъ Петербурга: изящный костяной ножикъ съ кораловой ручкой, серебрянная пепельница, въ видѣ крестьянской солонки, нессесеръ розоваго дерева и такъ далѣе. Въ каминѣ огонь.

Тотъ же старый дворецкій, на цыпочкахъ подошелъ къ князю и доложилъ, что кушанье готово.

За столомъ хозяинъ помѣстился между Анной Михайловной и Катей; Платонъ Андреичъ и Паша сѣли напротивъ.

Обѣдъ былъ самый изящный. За каждымъ гостемъ стоялъ лакей въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстухѣ, старикъ дворецкій разливалъ супъ и отпускалъ прочее кушанье. Всѣмъ было хорошо, весело.

Анна Михайловна и Катя выглядѣли совершенно счастливыми. Паша не опускала глазъ, а напротивъ, раза три взглядъ ея какъ-то нечаянно столкнулся съ взоромъ князя.

Въ срединѣ обѣда Платонъ Андреичъ, подкрѣпленный нѣсколькими рюмками хереса, вздумалъ всячески подтрунивать надъ своей сосѣдкой. Ему очень хотѣлось чѣмъ-нибудь уязвить, уронить ее, отплатить за свое неудачное сватовство. Онъ очень удивился когда увидѣлъ Прасковью Сергѣевну. Анна Михайловна шепнула ему: «вообразите, навязалась». Онъ почему-то полагалъ, что и князь того же мнѣнія, что онъ даже вполнѣ согласился съ его разсказомъ въ коляскѣ, сочувствовалъ ему.

Разговоръ зашелъ о заведеніи въ Райчиковѣ какого-то

пріюта для призрѣнія крестьянскихъ сиротъ, завѣщаннаго старой княгиней.

Платонъ Андреичъ вмѣшался въ него.

— Это, ваше сіятельство, доложить осмѣлюсь, дѣло похвальное, благочестивое... а только, за сиротами богъ, говорится пословица; вотъ Прасковью Сергѣевну въ примѣръ взять! совершенно неожиданно добавилъ онъ.

Паша вспыхнула, у ней и въ головѣ не было, чтобъ Травилкинъ коснулся ея.

— Что жъ я-то... что вы хотите сказать этимъ? спросила она.

— Похвалить-съ... въ примѣръ поставить... какъ то-есть изъ ничтожества умѣли преодолѣть и возвысить себя!

Анна Михайловна моргнула глазами.

Князя подернуло. Онъ тотчасъ понялъ въ чемъ дѣло; онъ замѣтилъ смущеніе въ лицѣ Паши, и довольно рѣзко взглянулъ на Травилкина.

Никто впрочемъ не замѣтилъ этого взгляда, онъ былъ дѣломъ одной секунды, одного мгновенія.

— Я полагаю, что Прасковья Сергѣевна настолько самостоятельна, что не нуждается ни въ какихъ похвалахъ! совершенно спокойно произнесъ Каверскій.

— Не нуждается, именно не нуждается, подхватилъ Платонъ Андреичъ, иначе понявшій замѣчаніе князя; самостоятельная, ха, ха, ха... справедливо выразиться изволили, ха, ха, ха!

Катя облокотилась на спинку стула и мигала ему. Князь перебилъ разговоръ. Травилкинъ замолчалъ.

— Вотъ, ваше сіятельство, случай какой! снова нѣсколько спустя заговорилъ онъ:—далеко отсюда... въ .....ской губерніи очень благодѣтельный помѣщикъ жилъ; идетъ это онъ разъ по деревнѣ, видитъ на встрѣчу ему дѣвочка бѣжитъ, лѣтъ десяти эдакъ... ноги грязныя, платьишко въ лохмотьяхъ, а время вотъ какъ теперь было, зимнее... спрашиваетъ, чья ты?.. божья... отецъ и мать гдѣ?.. померли... откуда бѣжишь?.. отъ господъ, господа выгнали... отъ какихъ?.. отъ такихъ-то!.. за что выгнали?.. хлѣба много ѣмъ... куда послали?.. сюда!..

— Помѣщикъ, ваше сіятельство, и сжалился. тотчасъ ее въ домъ взялъ... оказывается, что она дѣвушка благородная, родители померли, по бѣдности не оставили ничего; это я по, тому, ваше сіятельство, говорю, что за сиротами богъ... вотъ Прасковья Сергѣевна, я полагаю, знаютъ эту дѣвушку... вы-ваше сіятельство, попросите ихъ разсказать дальше.. поучительная исторія. Онъ нахально засмѣялся и закрутилъ усы.

Анна Михайловна замотала головой, губы ея вытянулись, Катя съ ужасомъ смотрѣла на него.

Изъ глазъ Паши вдругъ брызнули слезы.

— Да... если угодно князю... я разскажу... я докончу... эта дѣвушка,—я!.. мнѣ тутъ стыдиться нечего, съ большимъ усиліемъ выговорила она.

Князь взглянулъ на нее. Лицо его поблѣднѣло, руки задрожали. Онъ готовъ былъ вышвырнуть Травилкина изъ-за стола, но какъ человѣкъ пріученый сдерживать себя, въ ту же минуту успокоился, даже улыбнулся снисходительно.

— У каждаго изъ насъ есть свое прошедшее... свои раны... было бы слишкомъ нескромно раскрывать ихъ, дрожащимъ голосомъ произнесъ онъ, и вдругъ обратясь къ Травилкину совершенно спокойно прибавилъ.—Поговоримте о другомъ... я хотѣлъ спросить васъ... я намѣренъ большую охоту устроить, мнѣ сказывали верстъ тридцать отсюда два медвѣдя появились... можете вы. .

Онъ замялся.

Платонъ Андреичъ навострилъ уши.

Они заговорили объ охотѣ.

Когда князь вторично взглянулъ на Пашу, глаза ея были сухи, самая теплая благодарность свѣтилась въ нихъ, ему показалось даже, что она искала его взора, какъ будто хотѣла чѣмъ-то обмѣняться съ нимъ.

Только за шампанскимъ, когда Григорій Львовичъ взялъ бокалъ и выпилъ здоровье гостей, Травилкинъ снова обратился къ своей сосѣдкѣ.

— Ваше здоровье-съ!.. здоровье будущаго жениха вашего... скоро ли на свадьбѣ пировать будемъ... Прасковья Сергѣевна ваше сіятельство на свадьбу зоветъ! съ разстановкой произнесъ онъ и засмѣялся.

Никто впрочемъ не обратилъ на него вниманія.

Пашѣ не до него было.

Князь въ числѣ прочихъ чекнулся съ ней.

— За ваше здоровье! громко сказалъ онъ, и шопотомъ добавилъ: за ваше спокойствіе... будьте веселы!

Она какъ-то особенно хорошо улыбнулась въ отвѣтъ ему.

Анна Михайловна замѣтила эту улыбку.

Послѣ обѣда всѣ усѣлись въ кабинетѣ передъ каминомъ.

— Не угодно ли вамъ сигару? спросилъ князь, дотрогиваясь до руки Травилкина и приглашая его за собою.

Тотъ вскочилъ.

Они вышли въ другую комнату.

— Милостивый государь! вдругъ началъ Каверскій и лицо его снова поблѣднѣло:—сегодня я васъ не звалъ сюда. Вы пріѣхали сами. Я изъ учтивости сдѣлалъ вамъ честь, оставилъ у себя обѣдать. Вы не поняли этого... въ моемъ присутствіи, въ моемъ домѣ вы осмѣлились оскорбить честную, благородную дѣвушку... дѣвушку, которую я уважаю, вздумали издѣваться надъ ней... приличіе заставило меня удержаться, то есть не выгнать васъ въ ту же минуту изъ-за стола, я далъ вамъ отобѣдать, проглотить кусокъ!.. но теперь я прошу васъ удалиться, чтобы ваша нога никогда не была въ моемъ домѣ... если же еще разъ, гдѣ бы то ни было вы вздумаете оскорблять извѣстную вамъ особу... я, милостивый государь, раздавлю васъ!.. Смотрите! онъ погрозилъ пальцемъ. Ступайте проститься!.. между нами ничего не было, слышите!

Платонъ Андреичъ стоялъ какъ громомъ пораженный, хмѣль разомъ пропалъ изъ головы его, лицо вытянулось, кровь похолодѣла, колѣнки затряслись.

— Ваше сіятельство. . ваше сіятельство!.. бормоталъ онъ.

— Ступайте проститься!.. повторилъ князь; я даю пять минутъ сроку... если черезъ пять минутъ вы не проститесь и не исчезнете отсюда... васъ мои лакеи выведутъ... слышите!.. я держу свое слово! онъ повернулся и пошелъ въ кабинетъ, лицо его насильно улыбалось.

— Что за нѣжности... не кстати слезливы, сударыня... ѣхатьбыло не зачѣмъ... если не умѣешь держать себя... до-

ма сиди!.. онъ просто выпилъ лишнее... онъ дуракъ... шептала между тѣмъ Анна Михайловна.

— Prince! какой у васъ прелестный видъ изъ оконъ, громко добавила она, обращаясь къ вошедшему хозяину.

— Да, видъ не дуренъ, отвѣтилъ онъ и сѣлъ возлѣ Паши.

Черезъ пять минутъ явился Платонъ Андреичъ. Лицо его было чрезвычайно странно, оно силилось улыбнуться, а между тѣмъ казалось плачущимъ, ноги еле двигались, усы опустились, его какъ будто облили чѣмъ-то сквернымъ, въ родѣ купоросной кислоты. Онъ отыскалъ картузъ свой и хотѣлъ уйдти незамѣченнымъ, но князь остановилъ его.

— Вы уѣзжаете? спросилъ онъ съ притворнымъ удивленіемъ.

— Уѣзжаю-съ!

— Что съ вами?.. нездоровы?

— Нездоровъ... разстройство-съ!...мое почтеніе-съ! бормоталъ онъ пятясь, и стараясь ни на кого не смотрѣть.

— Боже мой, ему дурно... онъ такъ измѣнился! произнесла Катя.

Анна Михайловна обернулась, его уже не было.

— Prince!.. вы вѣроятно сердитесь... онъ такъ странно держалъ себя! замѣтила она.

— Нисколько... сердиться не стоитъ... напротивъ, я очень благодаренъ этому случаю... онъ мнѣ раскрылъ многое: мнѣ было неловко за васъ, за Прасковью Сергѣевну, отвѣтилъ Каверскій.

Анна Михайловна закусила губы и не нашлась что отвѣчать.

Катя замѣтила вообще о невѣжествѣ окружающаго общества.

Паша только посмотрѣла на князя, она хотѣла что-то сказать, да не съумѣла, или словъ у ней не хватило, или говорить боялась.

— Я очень благодарна вамъ, князь, за ваше доброе участіе, произнесла она нѣсколько спустя, въ то время, когда

Куроѣдовы занимались разсматриваньемъ какого-то альбома.

Григорій Львовичъ промолчалъ.

На прощаньи князь по обыкновенію пожалъ всѣмъ руки, только Прасковья Сергѣевна замѣтила, что въ этомъ пожатіи было что-то особенное; по крайней мѣрѣ сердце ея сильно забилось, по тѣлу дрожь пробѣжала, она не смѣла глазъ поднять.

Во всю дорогу ни Анна Михайловна, ни Катя ничего не говорили съ ней и только злобно на нее посматривали; впрочемъ Паша не замѣчала ихъ взглядовъ, не хотѣла понять ихъ. Ей было хорошо, тепло, весело; она сама не знала что съ ней, давно ли ее такъ жестоко обидѣли, вотъ и тетка кажется съѣсть ее хочетъ, а ей все равно, ей хочется смѣяться, радоваться, она со всѣми примирилась, все забыла, и обиду, и тетку, и свои слезы, забыла самую себя, свою бѣдность, свое ничтожество. Она какъ будто до сихъ поръ больна была, и вдругъ выздоровѣла. Ей хотѣлось летѣть, броситься въ пространство, въ воздухъ. Морозъ съ вѣтромъ дулъ въ лицо ей, а она улыбалась ему.

Пріѣхавши домой, она прямо прошла въ свою комнату, сбросила салопъ, шляпку, долго ходила взадъ и впередъ, потомъ упала на диванъ, положила на спинку голову и вдругъ заплакала, только лицо ея смѣялось, она плакала не отъ горя а отъ счастія, отъ полноты разомъ нахлынувшаго чувства; за стѣной чьи-то голоса шумѣли, она и ихъ не слыхала, она не замѣтила даже, что Катя не пришла въ комнату.

— Помилуйте! говорилъ между тѣмъ Платонъ Андреичъ (Изъ Райчикова онъ не поѣхалъ домой, а бросился прямо въ Конопляновку). Этого дѣла такъ оставить нельзя, криминалъ, преступленіе!.. я дворянинъ, имѣю чинъ, званіе!.. это значитъ все дворянство оплевать... весь уѣздъ здѣшній... я къ предводителю поѣду, жаловаться буду... что,—что онъ князь... я такой же помѣщикъ, я тоже эполеты носилъ... я и на дуель пойду... онъ просто влюбленъ въ нее... иначе съ какой бы стати заступаться ему, что она ему родная что ли.... сестра

родная.... за что ему уважать ее, нашелъ уважать кого. . влюбленъ-съ! . и она его любитъ... она и опутала, и приворожила его... она, все она!.. да-съ!

Онъ ужасно горячился, размахивалъ руками, на глазахъ его блестѣли слезы, все лице было мокро.

Анна Михайловна стояла передъ нимъ какъ вкопаная; она хотѣла что-то выговорить, но какъ будто боялась, какъ будто сама себѣ не вѣрила; весь день проведенный у князя, всѣ его слова, взгляды, все разомъ мелькнуло въ головѣ ея; казалось она прозрѣла, вдругъ съ облаковъ свалилась, увидѣла горькую дѣйствительность и не рѣшилась признать ее.

— Что вы говорите!.. какъ опутала... она и не знала его! шептала она въ недоумѣніи.

Травилкинъ дико захохоталъ.

— Все знала!.. все разсчитала!.. съ перваго разу опутала... она и научила обругать меня... изъ дому выгнать, и васъ отдѣлаетъ, поглядите отдѣлаетъ... осрамитъ!

— Ахъ, maman, мнѣ кажется это такъ ясно.... разумѣется, князь влюбленъ въ нее, это по всему видно! какимъ-то разбитымъ голосомъ замѣтила Катя. Она сидѣла до сихъ поръ отвернувшись къ окну, изъ глазъ ея текли слезы.

— Если я вру-съ!...плюньте, ваше превосходительство, мнѣ въ лицо, плюньте...вотъ сюда-съ!...въ середку самую! крикнулъ Платонъ Андреичъ и показалъ на носъ.

Въ этотъ же самый вечеръ, попозже, только-что Паша раздѣлась и собиралась лечь, въ комнату ея вошла Анна Михайловна.

Она походила на привидѣніе, до такой степени было блѣдно лицо ея.

Прасковья Сергѣевна слегка вздрогнула, она никакъ не ожидала этого посѣщенія и вопросительно взглянула на тетку.

Послѣдняя опустилась на диванъ, ноги ея дрожали. Паша все смотрѣла на нее. Въ комнатѣ было тихо. Прошла минута, другая, Анна Михайловна кашлянула и вдругъ уставила глаза на племянницу.

— Паша, заговорила она дрожащимъ, непріятнымъ голосомъ: — я... я пришла спросить тебя... ты будешь откровенна — со мной; ты все-таки мнѣ обязана... ты вотъ живешь у меня... по крайней мѣрѣ изъ благодарности, ты будешь откровенна?

— Тетушка, я кажется была всегда откровенна съ вами, я не дала никакого повода думать обо мнѣ иначе, отвѣтила Прасковья Сергѣевна.

— Да!.. я знаю, ты всегда говоришь прямо, даже слишкомъ прямо, говоришь что чувствуешь.

— Всегда!

— И будешь говорить?

— Тетушка, что за странный вопросъ, я никогда ни въ какомъ случаѣ не измѣню себѣ.

— Это не вопросъ.... Я только прошу тебя... прошу!.. скажи мнѣ, что за отношенія у тебя съ княземъ? добавила Анна Михайловна и снова уставила глаза на Пашу.

Послѣдняя вся вспыхнула.

— У меня никакихъ отношеній нѣтъ, какія же отношенія!... произнесла она довольно хладнокровно.

Анна Михайловна улыбнулась, только улыбка ея походила на какую-то ядовитую, злобную судорогу.

— Я не такъ выразилась... ты влюблена въ князя?

Таня молчала.

— Влюблена?

Таня молчала.

— Я прошу тебя отвѣчать... ты обѣщалась быть откровенной... надѣюсь, что я заслужила это... влюблена?..

— Если вамъ угодно знать, я скажу... да, я кажется люблю князя! съ усиліемъ выговорила Прасковья Сергѣевна.

— Какъ — кажется?

— Кажется!... по крайней мѣрѣ я чувствую то, чего до сихъ поръ не чувствовала, сердце у меня прыгаетъ... мнѣ хорошо, весело! она улыбнулась.

Анна Михайловна на минуту замолчала; видно было, что ее такъ перевернуло это слово, что она даже говорить не могла.

— А князь любитъ тебя? помолчавъ спросила она.

— Не знаю!

— Какъ не знаешь!... что за вздоръ, любить можно только того, кто любитъ насъ!

— Я не подумала объ этомъ.

— И давно ты полюбила его?

— Съ тѣхъ поръ какъ онъ въ первый разъ обернулся и взглянулъ на меня... не знаю что въ эту минуту сдѣлалось со мной, въ эту минуту я и полюбила его.

Анна Михайловна вздрогнула.

— Что-жъ, онъ женится на тебѣ?

Паша засмѣялась.

— Тетушка! Я слишкомъ далека отъ этого; я не думаю объ этомъ; я полюбила не по выбору, не по условію... я не разсуждала, не заглядывала въ будущее; я увидѣла человѣка. и полюбила его какъ человѣка, мнѣ все равно, богатъ ли онъ, бѣденъ, князь или другой кто... такъ распорядилось мое сердце; я невольна въ немъ, такъ, стало быть, богу угодно!.. жениться князю на мнѣ нельзя... это вздоръ!.. вы знаете, что между нами цѣлая бездна!.. но любить никого не запрещено... Я могу любить кого угодно... кого душа укажетъ... вѣрно, такъ надо!

Анну Михайловну била лихорадка, она съ трудомъ выговаривала каждое слово.

— Что-жъ выйдетъ изъ этой любви, если князь не женится. Тогда что? спросила она.

— Не знаю, тетушка, право не знаю, худое или хорошее, все равно, я ни того, ни другого остановить не могу... мнѣ хорошо теперь... а что дальше будетъ, кто знаетъ...

— А если князь обманетъ тебя... ты должна понимать, ты не ребенокъ, онъ молодой человѣкъ... онъ князь!.. онъ легко можетъ воспользоваться твоимъ бредомъ, твоею любовью?

— Обманетъ—на его душѣ грѣхъ... да чѣмъ онъ можетъ обмануть меня!.. любить не будетъ,—это не обманъ, ему не за что любить меня... Я сама-то люблю, для меня и этого довольно, и это счастье!.. не женится... и это не обманъ, съ какой стати ему жениться на мнѣ... а то обманетъ... не любитъ!.. ну что жъ, жаль, очень жаль, а я все-таки люблю, очень люблю! глухо добавила она, и проворно утерла рукой выступившія на глазахъ слезы.

Анна Михайловна смолкла.

— Дерзкая, безпутная дѣвчонка! вдругъ прошипѣла она, и глаза ея заблестѣли, а сухія руки застучали по столу; ты смѣешь мнѣ, твоей теткѣ, говорить подобныя вещи, ты вздумала сдѣлаться княжеской наложницей, продать себя... ты осмѣливаешься въ моихъ глазахъ хвастаться этимъ, ты думаешь что я позволю тебѣ... обрадуюсь!

Паша хотѣла что-то сказать.

— Молчи!.. молчи, негодная!.. я докажу тебѣ свою власть, я увижу какъ ты осмѣлишься еще заикнуться о подлой любви твоей, ты не увидишь больше князя... слышишь, не увидишь его... прежде убей меня... тогда дѣлай что̀ угодно... ступай! продавай себя... развратничай!.. что̀ за ужасъ!... что за позоръ!.. боже мой, боже мой! Она закрыла лицо руками и упала головой на спинку дивана.

Прасковья Сергѣевна поблѣднѣла.

— Тетушка! начала она довольно хладнокровно, хотя въ голосѣ ея слышалась дрожаніе:—брани вашей я не заслужила, да и не думаю, чтобъ вы были вправѣ оскорблять меня, я завишу только отъ самой себя... Я сама понимаю что хорошо и худо... я не знаю зачѣмъ вы вытащили меня къ себѣ, прежде вы не знали о моемъ существованіи, вы были въ вѣчной враждѣ съ моей матерью, за то, что она вышла замужъ за бѣднаго человѣка; когда несчастный мой отецъ попросилъ у васъ грошевой помощи, вы отвѣчали ему бранью; когда вы узнали, что меня, вашу родную племянницу, ребенка, нужно хоть на улицу бросить, вы и тутъ махнули рукой... когда вы раззорились, тогда вздумали спровѣдать обо мнѣ, выразить свое участіе... вы слишкомъ великодушны, вы

взяли меня какъ вещь, какъ игрушку... вы это время хлѣбомъ меня кормили, да вѣдь не даромъ... я молчала, я все сносила... мнѣ хотѣлось видѣть и въ васъ, и въ вашей дочери людей родныхъ, близкихъ... увы!.. чѣмъ вы были для меня?!.. по какому же праву вы вздумали распоряжаться мной, приказывать мнѣ, кричать на меня, какъ на послѣднюю рабу свою!.. Я не понимаю что значитъ продать себя, быть наложницей!.. Я понимаю одно, что люблю князя, и буду любить его; что выйдетъ изъ этого, вамъ дѣла нѣтъ... назовите эту любовь какъ хотите... но въ минуту когда вы грозите, что я не увижу больше князя, я клянусь, что увижу его; въ эту минуту я люблю его еще больше, еще сильнѣе. Я горжусь этой любовью!

Она кончила и тяжело дышала, лицо ея снова загорѣлось: на лбу потъ выступилъ.

Анна Михайловна сидѣла сначала какъ безъ памяти, но потомъ выпрямилась и судорожно схватила руками за столъ.

— Замолчи!.. замолчи!... говорила она осиплымъ, надорваннымъ голосомъ:—змѣя!.. змѣя!.. вонъ изъ моего дома!.. вонъ отсюда!.. вонъ!.. завтра же чтобъ тебя не было здѣсь... вонъ!

— Тетушка!..

— Не тетушка я тебѣ, не оскверняй, не позорь меня... я ваше превосходительство, генеральша Куроѣдова! вонъ!.. куда хочешь, туда и иди!.. Россія велика... Европа тоже велика... Россія государство обширное... завтра, завтра!.. завтра отвезутъ тебя... кого я взяла къ себѣ, кого!.. продажная!.. добавила Анна Михайловна совершенно остервенившись и встала съ дивана.

— Кто, ваше превосходительство? спросила Паша.

Анна Михайловна плюнула къ ней и шатаясь вышла изъ комнаты.

На другой день, какъ только Куроѣдова встала, она тотчасъ же позвала Платона Андреича и стала съ нимъ совѣтоваться какимъ образомъ отправить Пашу, отнять у нея всякую воз-

можность видѣться съ княземъ. Спорили, толковали, Катя совѣтовала пойдти на мировую, въ отъѣздѣ сестры она угадывала что-то совершенно недоброе, да вдругъ спросили у казачка проснулась ли Прасковья Сергѣевна?

— Уѣхали-съ! отвѣтилъ тотъ пренаивно.

— Какъ уѣхали?.. когда?.. разомъ вскрикнуло все общество.

— Уѣхали-съ!.. съ разсвѣтомъ уѣхали... Совраску заложить приказали... въ Райчиково никакъ уѣхали...

Анна Михайловна схватила себя за волосы и безъ чувствъ упала въ кресло.

Платонъ Андреичъ и Катя поблѣднѣли.

А. Витковскій.

(*Продолженіе въ слѣд. книжкѣ*).

АФОНЪ.

(Путевыя впечатлѣнія).

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Есть на бѣломъ свѣтѣ дивный уголокъ земли, на которомъ съ давнихъ поръ упрочилось мертвое для міра царство монашеское, царство оригинальное, самобытное... Имя ему Афонъ.

Не великъ этотъ уголокъ: всего какихъ-нибудь полтораста верстъ въ окружности; зато на этомъ крошечномъ пространствѣ раскинуто болѣе двухъ тысячь церквей и при нихъ до семи тысячь отшельниковъ, слѣдовательно болѣе, чѣмъ во всей Россіи. Зато на этотъ уголокъ съ благоговѣніемъ и любовію смотритъ весь востокъ православный; а греки даже гордятся имъ и воспѣваютъ его въ своихъ пѣсняхъ.

Но мы не имѣемъ почти никакихъ свѣденій объ Афонѣ. Съ жизнью афонскихъ отшельниковъ впервые познакомилъ насъ Святогорецъ Сергій, и его поэтическія письма съ любопытствомъ прочла читающая Русь. Въ этихъ письмахъ, сквозь мистическую оболочку, порой проглядываетъ правда, только эта правда такъ замаскирована, что ее не узнаетъ читатель, незнакомый съ тайнами афонскихъ обителей Святогорецъ, какъ членъ этого царства, не могъ и не смѣлъ писать безпристрастно. Онъ до того пересолилъ свою книгу разными мудреными чудесами, что даже наша духовная цензура сочла нужнымъ сдѣлать ему маленькое внушеніе, вслѣдствіе чего, при второмъ изданіи, книга явилась уже въ сокращенномъ видѣ и съ меньшимъ количествомъ чудесъ. Кромѣ Святогорца писали еще объ Афонѣ: инокъ Парфеній, Мелетій, г.г. Муравьевъ, Давыдовъ и Каменскій. Г. Давыдовъ сперва хотѣлъ было обругать афонскихъ монаховъ и назвалъ ихъ «сумасшедшими,» но потомъ раскаялся, о чемъ трога-

тельно разсказываетъ Святогорецъ *). Остальныя книги сплошь-да-рядомъ пропитаны тѣмъ казеннымъ умиленіемъ, съ какимъ принято писать наши путешествія по святымъ мѣстамъ, и новыхъ свѣденій объ Афонѣ они не дали.

Слышитъ объ Афонѣ кое-что и простолюдинъ нашъ, но здѣсь уже трубитъ о немъ живое слово. Это тѣ пресловутые странники афонскіе и сборщики доброхотныхъ подаяній, которые разгуливаютъ по всѣмъ закоулкамъ нашего міра съ разными душеспасительными предметами, и нерѣдко, подъ видомъ религіознаго авторитета, морочатъ простоту жителей земной юдоли. Говорятъ они многое: о подвигахъ братіи афонской, и «жребіи царицы небесной» объ искушеніяхъ демонскихъ, и, пересыпая все это длинными повѣстями чудеснаго свойства, горько жалуются на нищету и убожество афонскихъ обителей. Слушаетъ мужикъ эти рѣчи; глядитъ онъ тупо на лубочныя картины Афона, въ видѣ сахарной головы съ крестами, и смутно вѣрится ему, что на Афонѣ взаправду есть что-то необыкновенное, непохожее на нашу жизнь. Да и не одни мужики слушаютъ этихъ выходцевъ афонскихъ; имъ вѣрятъ иногда и такъ называемые образованные люди. Есть у насъ барыни особаго закала, постоянно окруженныя ханжами и юродивыми, одѣтыя въ черныя платья, съ четками на рукахъ, повидимому кроткія и смиренныя, хотя къ нимъ вполнѣ примѣняется пословица: въ тихомъ омутѣ много чертей водится. Эти барыни особенно любятъ разныхъ странниковъ. Выходцы афонскіе здѣсь въ большомъ ходу и, боже мой, чего только не наговорятъ они этимъ барынямъ! А тѣ въ восторгѣ выдавливаютъ изъ себя остатки умиленія и щедро осыпаютъ мнимыхъ сподвижниковъ безъ труда добытыми деньгами...

Всѣ эти слухи и толки сводятся къ тому только, что Афонъ— тихое пристанище иноковъ, мѣсто успокоенія грѣшниковъ, гдѣ обитаютъ не люди, а ангелы, и притомъ несчастные ангелы, угнетенные земнымъ правительствомъ, и безъ всякихъ средствъ къ пропитанію. Этимъ кончаются наши свѣденія о св. горѣ.

А между тѣмъ на Афонѣ, кромѣ чудесъ и нищенства, интереснаго очень много. Не говоря о томъ, что Афонъ представляетъ собою правильно организованное государство, имѣющее свои законы, свою

---

*) Письма Святог. 3-е изд. Часть 1. Стр. 199 и далѣе. Тоже стр. 288 въ выноскѣ.

промышленность, свой флотъ, судъ и расправу, оригинальное уже потому, что оно около пятисотъ лѣтъ существуетъ безъ женщинъ,— тамъ встрѣчаются характеры интересные для психолога, начиная съ фактовъ глубокаго, почти идеальнаго аскетизма, и кончая фактами грубаго лицемѣрія и даже звѣрства, прикрываемаго именемъ религіи...

Мнѣ пришлось прожить на горѣ Афонской 17 мѣсяцевъ (1858—1859 г.) и объѣхать большую часть тамошнихъ монастырей, скитовъ и келій. Въ теченіе этихъ долгихъ мѣсяцевъ, единственными собесѣдниками моими были отшельники афонскіе. Въ часы, свободные отъ занятій, я поневолѣ вглядывался въ ихъ жизнь и нравы, и узналъ многое, чего не могли замѣтить другіе туристы при бѣгломъ обзорѣ Афона. Я тогда же записалъ многое, и эти записки послужили матеріаломъ для настоящей статьи.

Мы не будемъ здѣсь касаться ни исторіи, ни палеографіи Афона. Мнѣ хотѣлось только представить на судъ читателей рядъ своихъ путевыхъ воспоминаній, и въ нихъ, по мѣрѣ возможности, изобразить бытъ современнаго намъ афонскаго монашества съ его религіей, суевѣріемъ, искусствами, промыслами и даже чудесами.

I.

ПЕРВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ АФОНА. *)

Въ окрестностяхъ Афона, на нѣсколько десятковъ верстъ кругомъ, разсыпаны дачи и подворья монастырскія, и между народомъ, въ городахъ и селахъ, шныряютъ обитатели афонскаго царства, какъ муравьи около своей кучи. Но тамъ еще *міръ*, тамъ кипитъ дѣятельность человѣческая, слышится веселый говоръ, задушевный смѣхъ и пѣсни народныя. Тамъ самое монашество не сохраняетъ строгаго стиля афонскаго и носитъ замѣтный мірской отпечатокъ. Чѣмъ ближе къ Афону, тѣмъ замѣтнѣе его вліяніе на дѣла мірскія: чаще встрѣчаются монахи, сильнѣе развито суевѣріе въ простомъ народѣ.

*) Я ѣхалъ на Афонъ сухимъ путемъ, черезъ Солунь. Тогда еще не было туда прямыхъ пароходныхъ рейсовъ.

Послѣдняя грань, гдѣ еще легко дышитъ семейное человѣчество (на пути отъ Солуня), это небольшой городокъ Ериссò, въ 25 верстахъ отъ ближайшаго къ міру афонскаго монастыря Есфигмена.

Помню я тотъ грустный вечеръ, когда мы покинули Ериссò и впервые увидѣли пустыни афонскія. Была суббота, полевыя работы кончились; поселяне и поселянки бродили по городу веселыми группами. Чуялся праздникъ: гадали дѣвушки о завтрашнемъ днѣ, переглядываясь съ молодыми паликарами; гдѣ-то играли на свирели... А намъ, въ это время, два монаха съ подворья навьючивали муловъ, снаряжали въ путь-дорогу на гору Афонскую. Къ вечеру мы тронулись, сопровождаемые толпою любопытныхъ, при лаѣ собакъ со всего околотка. Поселяне просили насъ молиться покрѣпче и привозить имъ благодати. Мы обѣщались.

И вотъ ѣдемъ по берегу моря. Море плещется весело, птицы рѣютъ въ воздухѣ, а что-то невесело на сердце. Прежде, когда Афонъ былъ еще далеко отъ насъ, меня влекло къ нему любопытство, а теперь и любопытство куда-то подѣвалось: жалко стало покидать міръ божій...

Плещется море. Но жизнь уже замираетъ: тише становится въ воздухѣ, мѣстность безлюднѣе. Начинается крутой подъемъ на первые отроги афонскаго хребта. Здѣсь стоитъ таможенная будка. Изъ этой будки высунулся сонный сборщикъ и лѣниво обругалъ нашего проводника. Тотъ бросилъ ему нѣсколько мелкихъ монетъ и двери таможни захлопнулись. Ѣдемъ дальше, выше, дорога такъ крута, что мулы наши едва поднимаются. Моря уже неслышно; кругомъ ни души... И вотъ стоитъ большой деревянный крестъ, исписанный начальными буквами крестной молитвы. Это граница Афона и міра, сюда уже не переступаетъ веселье и радости жизни земной.

Ѣдемъ дальше. Жизнь замерла. Кругомъ ни звука, ни движенья. Деревья стоятъ неподвижно, точно на картинѣ. Здѣсь уже не міръ, а царство отшельниковъ; а сердце такъ и ноетъ, голова кружится, хочется вѣрить во что-то таинственное...

— Скоро и монастырь увидимъ,—проговорилъ громко проводникъ нашъ; я вздрогнулъ: такъ странно было слышать человѣческій голосъ среди этой пустыни. Проводникъ прикрикнулъ на муловъ и затянулъ какую-то пѣсню; но не выходила пѣсня, не такъ пѣлась она, какъ на родинѣ. Видно было, что проводникъ самъ хотѣлъ разсѣять-

ся; его тоже забрала тоска. И всѣхъ, говорятъ, забираетъ она при этомъ переходѣ изъ міра въ царство монашеское.

Но вотъ кончается этотъ пустынный переходъ и мѣстность начинаетъ понемногу оживляться. Встрѣтились два старика-монаха съ котомками и низко поклонились намъ, примолвивъ: «благословите!« Пасется стадо муловъ съ огромными звонками, но какъ пасется: стоятъ мулы, какъ статуи, понуривъ головы и только машинально обмахиваются хвостами, имъ тоже скучно. На горѣ, изъ-за кустовъ, выглянули мѣстами бѣлые домики въ одиночку, показались виноградники и огороды... Легче стало; какъ ни на есть, а все-таки жизнь видна.

— Вотъ Есфигменъ, глядите! сказалъ проводникъ.

Я съ любопытствомъ вглядывался въ массу открывшихся предо мною зданій. Вѣря толкамъ нашихъ странниковъ о бѣдности монастырей афонскихъ, я думалъ увидѣть какія-нибудь жалкія развалины, но увидѣлъ нѣчто другое. То былъ цѣлый городъ, или лучше, приморская крѣпость съ зубчатыми стѣнами и башнями, съ цѣлой группой церквей и разныхъ пристроекъ. Мѣстность роскошная. Море хлещетъ въ самыя стѣны обители. Тутъ же, у небольшой пристани, качается судно, а на суднѣ черный флагъ съ бѣлымъ крестомъ: флагъ афонскаго флота.

У воротъ монастырскихъ стоитъ привратникъ, въ рыжемъ подрясникѣ, кацавейкѣ дырявой и рыжей валеной камилавкѣ, и внимательно вяжетъ чулокъ. Молча и угрюмо оглядѣлъ онъ насъ, когда мы въѣзжали въ ворота. На дворѣ опять ни души, будто вымерло все; только на ступени церковной сидитъ котъ,—сухой, поджарый, афонскій котъ.. Онъ тоже молча и угрюмо оглядѣлъ насъ.

— Гдѣ же братія? спросили мы привратника.

— Спятъ, отвѣчалъ онъ:—сегодня бдѣніе будетъ.

Онъ лѣниво ударилъ въ колоколъ. Немного спустя изъ верхняго корридора выглянулъ монахъ и, замѣтивъ насъ, проворно спустился на дворъ. То былъ «архондаричный», который обязанъ встрѣчать поклонниковъ и знакомить ихъ съ мѣстной святыней. Онъ отперъ церковь и пригласилъ насъ войдти; потомъ, съ тѣмъ же проворствомъ поставилъ среди церкви скамью и началъ раскладывать на нее серебряные ящики съ мощами. Тутъ же, между ящиками, поставилъ онъ серебряную тарелочку, но безъ мощей. Приложились мы

къ мощамъ, выложили на тарелочку наше золото и удалились. Монахъ слѣдовалъ за нами весьма довольный.

— Пожалуйте къ игумену! сказалъ онъ.

— А онъ не спитъ?

— Нѣтъ, ужь проснулся. Сейчасъ будетъ вечерня.

Мы пошли за монахомъ, и онъ привелъ насъ въ келью игумена. Старикъ игуменъ, довольно полный, съ маслянистымъ, сытнымъ лицомъ принялъ насъ очень привѣтливо и угостилъ водкой и кофеемъ. Узнавъ, что мы русскіе, онъ принялся расхваливать щедрость русскую; разсказалъ намъ, съ какимъ почетомъ принимали его въ Москвѣ, когда онъ ѣздилъ за сборомъ подаяній, и радовался, что на Руси сильна еще вѣра православная. Мы конечно слушали и умилялись. Наши рѣчи прервали два монаха въ мантіяхъ и схимахъ. Они вошли въ келью и не говоря ни слова повалились въ ноги игумену. Тотъ небрежно протянулъ имъ руку, монахи поцѣловали ее, потомъ поклонились еще разъ до земли и вышли. Игуменъ зѣвнулъ и перекрестилъ ротъ.

— Что это значитъ? спросилъ я.

— А это отцы просятъ моего благословенія начать вечерню, отвѣтилъ игуменъ.

— И это бываетъ каждый разъ?

— Конечно; безъ благословенія нельзя: здѣсь вѣдь Афонъ, а не Москва. Вотъ вы поживите-ка съ нами подольше, еще не то увидите!

Игуменъ улыбнулся какой-то загадочной улыбкой.

— Мнѣ тоже надо къ вечернѣ идти, продолжалъ онъ вставая. Вы пока отдохните съ дороги, а потомъ ужинать будемъ.

Игуменъ захлопалъ въ ладоши и приказалъ вошедшему монаху развести насъ по квартирамъ.

Мнѣ досталась довольно большая, затхлая комната, съ цвѣтными стеклами въ окнахъ, съ мягкими циновками на полу, но запущенная, оплеванная и немытая давнымъ давно. Низкіе диваны (на четверть отъ полу) окоймляли ее вокругъ; на стѣнѣ висѣла большая потемнѣвшая икона и разныя божественныя картины афонскаго издѣлія; у противоположной стѣны каминъ съ огромнымъ закоптѣлымъ жерломъ. Больше мебели никакой не было. Я вынулъ было папироску, но вожатый объявилъ мнѣ, что здѣсь киновія *), слѣдова-

*) Киновія, или общежительные монастыри отличаются на Афонѣ особенною строгостью устава.

тельно курить запрещено, и просилъ подвинуться къ камину. Надо было повиноваться. Затѣмъ я думалъ было прилечь отдохнуть, но оказалось, что и это невозможно. Лишь только я прикоснулся къ дивану, какъ меня осыпали цѣлыя миріады прыгающихъ насѣкомыхъ, какъ видно, давно поджидавшихъ жертвы. Пересѣлъ на другое мѣсто,—та же исторія. Оставалось одно утѣшеніе: ходить по кельѣ и бранить неряшество афонское.

За стѣною слышно было церковное пѣніе и сдержанное чтеніе канона. Тамъ кто-то молился.

Вотъ и въ мою келью вошелъ монахъ въ мантіи, съ ручной кадильницей (каца). Нашептывая какія-то молитвы, онъ трижды окадилъ икону, потомъ окадилъ меня и вышелъ, наполнивъ запахомъ ладана мое незавидное помѣщеніе. Я остался въ полномъ недоумѣніи насчетъ этого обряда. А дѣло было въ томъ, что рядомъ съ моею кельею, въ комнатной церкви монахи служили вечерню, и имъ хотѣлось сдѣлать меня участникомъ своей службы.

— «Молитвами св. отецъ нашихъ, Боже, помилуй насъ!»—Слышится за дверью. Я молчу. Молитва повторяется громче. Мнѣ бы слѣдовало отвѣтить «аминь», но я не зналъ еще этихъ условій монастырскаго этикета и опять промолчалъ. Тогда въ щели двери показалась сѣдая борода монаха и заблестѣлъ черный глазъ устремленный на меня.

— Чего вамъ?—спросилъ я.

— Благословите войдти?—сказалъ старикъ по русски.

— Войдите?

Монахъ сбросилъ башмаки (*) и, поклонившись мнѣ, смиренно сѣлъ на диванѣ. Я снова почувствовалъ запахъ ладана, которымъ была пропитана одежда старика.

— Прослышалъ я, что землякъ, и пришелъ... заговорилъ онъ не поднимая на меня глазъ.

— Очень радъ. А вы откуда?

— Съ Нижняго.

— А давно съ родины?

— Давно. Скоро тридцать лѣтъ будетъ.

— И все здѣсь?

*) Снимапіе башмаковъ бываетъ всякій разъ при входѣ въ комнату, вѣроятно чтобы не запачкать ковровъ.

— Все въ Симѐнѣ (Есфигменѣ) съ греками. Богъ помогаетъ: привыкъ.

Я съ любопытствомъ осмотрѣлъ монаха, тридцать лѣтъ не видавшаго міра. Онъ сидѣлъ, попрежнему, опустивъ глаза, и перебиралъ нитяныя четки.

— Какъ же вы попали сюда, къ грекамъ? опять спросилъ я.

— Да вотъ, былъ сперва въ турецкой компаніи въ 29 году, и попался въ плѣнъ къ туркамъ. Года два они таскали меня по разнымъ тюрьмамъ, а потомъ дали, значитъ, свободу. Ѣдучи домой захотѣлось мнѣ помолиться св. угодникамъ афонскимъ, дай, думаю, заѣду по пути, помолюсь на радости. Ну заѣхалъ сперва въ Симѐнъ, да тутъ и остался совсѣмъ: больно приглянулось мнѣ ангельское житіе. И вотъ съ той поры все живу здѣсь, даже другихъ монастырей не пришлось видѣть.

— И не тяжело вамъ было?

— Извѣстное дѣло тосковалъ, особливо сначала, а потомъ ничего: *пересилился.*

Монахъ замолчалъ и утеръ глаза, изъ которыхъ постоянно сочились слезы.

— Скажи-ка мнѣ, что на Руси подѣлывается? спросилъ онъ, взглянувъ на меня изподлобья.

— Ничего, живетъ себѣ помаленьку.

— Слышно, что волю дать хотятъ?—

— Да, хотятъ. Скоро крѣпостныхъ не будетъ въ Россіи.

Старикъ трижды перекрестился и прошепталъ: «слава богу!»

— Ну, а ты останешься здѣсь, или на время только.

— На время. Мнѣ нельзя остаться.

— Отчего же? Погибать что ли охота!

— Нѣтъ, мнѣ еще работать надо.

— Никакая работа не дастъ тебѣ столько пользы, какъ здѣшняя: помяни ты мое слово! Та накормитъ только, а эта въ рай поведетъ.

— Да у меня родные есть; съ ними-то какъ же быть?

— Богъ научитъ какъ быть. Вотъ и у меня семья была, да я не посмотрѣлъ на это, — постригся. Послѣ здѣшніе старцы письмо послали туда, что померъ, тѣмъ и покончили сразу. Даже денегъ прислали на поминъ души. Вишь, какъ умудряетъ Господь.

— Все это такъ, да жить у васъ слишкомъ трудно.

— А ты думаешь что ли безъ труда спастись? Не спасешься,

братъ. Ты вотъ лучше понадѣйся на владычицу нашу, такъ она поможетъ тебѣ всѣ искушенія пройдти, невредимо.

— Какія это искушенія?

— А вотъ поступай: узнаешь!

Вошедшій послушникъ объявилъ, что ужинъ готовъ, и тѣмъ прекратилъ нашъ разговоръ. Старикъ поклонился мнѣ и торопливо вышелъ. Я отправился за послушникомъ въ келью игуменскую, гдѣ ожидалъ насъ ужинъ, накрытый на столѣ тоже въ четверть отъ полу. Предъ каждымъ приборомъ стоялъ небольшой графинъ краснаго вина. Мы усѣлись на полу вокругъ стола; одинъ изъ присутствующихъ вслухъ прочелъ молитву и затѣмъ уже стали подавать кушанья изъ разныхъ вареныхъ и жареныхъ въ маслѣ травъ. Въ заключеніе, вмѣсто дессерта, подали зеленые огурцы. Мы сначала смѣялись надъ этимъ, а потомъ, поѣздивъ по Афону, и сами ждали огурцовъ, какъ лакомства.

Послѣ ужина намъ дали еще по стакану вина, и поднесли умыться. Затѣмъ монахи, прислуживавшіе за столомъ, поклонились въ ноги игумену, поцаловали его руку, и стали убирать со стола. Я подсѣлъ къ окну и сверху наблюдалъ, что подѣлывалось на дворѣ монастырскомъ. А тамъ по обыкновенію не было ни души: иноки ужинали и громко, по всему двору, раздавалось чтеніе затрапезнаго поученія. Но вотъ, трапеза кончилась. Четыре монаха вышли оттуда и пали ницъ у самыхъ дверей, остальные проходили мимо, молча кланяясь лежащимъ. То были трапезарь, чтецъ и поваръ, просившіе прощенія у братіи, въ случаѣ если она недовольна ихъ трудами. Четвертый нечаянно сломалъ деревянную ложку за ужиномъ и тоже просилъ прощенія за свое преступленіе. Когда шествіе кончилось, всѣ четверо встали и пошли за братіею. Старикъ, со сломанной ложкой въ рукахъ, долго теръ лобъ и крестился: знать не легокъ подвигъ такой.

Потомъ два трапезаря, въ передникахъ, вынесли изъ столовой большое корыто и поставили у стѣнки. Одинъ изъ нихъ постучалъ палочкой въ деревянную доску, нарочно повѣшенную подлѣ трапезы. Лишь только послышались эти звуки, четвероногіе обитатели афонской горы—коты монастырскіе, задравши хвосты, помчались на знакомый зовъ, къ своему несытному ужину. Они тоже пріучены къ дисциплинѣ. Впослѣдствіи я узналъ, что коты афонскіе ѣдятъ тоже, что и люди, т. е. травку разную, да оглодки хлѣба.

Прошло не болѣе полчаса, какъ мѣрно застучалъ токъ *), потомъ била, клепала и колокола. То былъ благовѣстъ ко бдѣнію. Братья опять пошли къ церкви. Лица суровыя, истощенныя, невидно ни одного румянаго лица, хотя молодыхъ довольно много. Я тоже отправился на бдѣніе и сѣлъ вмѣстѣ съ монахами въ одной изъ стасидій **). Всѣ сидѣли до тѣхъ поръ, пока дьяконъ не произнесъ «возстаните!» Послѣ этого началось кажденіе, сперва образамъ, а потомъ каждому присутствующему отдѣльно. Это кажденіе продолжалось болѣе получаса и затѣмъ уже началась служба. Монахи стояли неподвижно, понуривъ головы. Я не замѣтилъ даже, чтобы кто-нибудь изъ нихъ перекрестился, хотя наблюдалъ за этимъ внимательно. Послѣ я узналъ, что афонскіе монахи за службой должны креститься только тогда, когда положено въ церковномъ уставѣ. Въ кельяхъ имъ позволено молиться сколько душѣ угодно, а въ церкви хвастать своимъ благочестіемъ запрещено: служба должна проходить чинно. Невольно вспомнилъ я нашихъ молельщиковъ за обѣдней, гдѣ у каждаго идетъ своя собственная служба, безъ всякаго участія къ общественной. А здѣсь все подведено подъ общій уровень и выдаваться изъ него никто не долженъ.

Много слышалъ я о греческомъ пѣніи, и взялъ даже нотной бумаги съ собою, чтобы переложить его на наши ноты,—да нѣтъ не переложить. Это что-то безконечно дикое, уродливое, дѣйствующее слишкомъ непріятно на нервы новичка. Долго я *пересиливался,* но не смогъ и вышелъ изъ церкви. На дворѣ пусто; за воротами та же пустыня, даже море стоитъ, не шелохнется, точно стекло. Думалъ было спать лечь, но невозможно было заснуть на этомъ роѣ блохъ, клоповъ, схниповъ и всякихъ ядовитыхъ насѣкомыхъ. Подъ потолкомъ кружатся летучія мыши, подъ поломъ визжатъ не летучія, въ затхломъ воздухѣ ревутъ цѣлыя миріады комаровъ. Долго вертѣлся

---

*) Токъ и било—деревянныя доски, клепало—чугунная пластинка: вещи, замѣнявшія въ древнихъ церквахъ колокола. На этихъ доскахъ мѣрно выколачиваютъ молотками, въ родѣ того, какъ выколачиваютъ на нихъ наши ночные сторожа.

**) Стасидіями, или *формами,* называются мѣста съ деревянными ручками, на которыя можно облокачиваться во время стоянія за службой. Къ заднимъ стѣнкамъ формъ придѣланы на петляхъ доски, которыя можно опустить и поднять, смотря по тому, сидѣть или стоять приходится. Эти формы разставлены вдоль стѣнъ, на деревянныхъ подмосткахъ, чтобы не застудить ногъ на мраморномъ полу. Такія формы, какъ я слышалъ, уцѣлѣли еще въ нѣкоторыхъ русскихъ монастыряхъ.

я съ боку на бокъ, наконецъ какъ помѣшанный бросился вонъ изъ комнаты въ корридоръ.

— Какъ же возможно жить здѣсь? думалъ я безсознательно вглядываясь въ даль.

А ночь такая яркая, звѣздная, лунная. Прямо за стѣнами монастыря высоко подымается гора Самара. Она кажется черной массой, но и на ней можно разсмотрѣть всѣ ея малѣйшие изгибы, а бѣлыя хижины пустынниковъ такъ и свѣтятся, будто фонари. Вотъ огонекъ засверкалъ на этой горѣ, — то явится, то опять пропадетъ: кто-то пробирается среди виноградниковъ... Тихо, на дворѣ ни души: иноки на цѣлую ночь заперлись въ церкви, и порой только, будто вопль какой, слышится оттуда монотонное пѣніе псалма. И какъ гармонируетъ съ этой тишиной мелодичное журчаніе источника; онъ тоже что-то напѣваетъ, то грустное, то веселое; пѣсни эти, чуть слышныя днемъ, теперь звучно раздаются въ дремлющемъ воздухѣ, и тяжело дѣлается на душѣ отъ этихъ звуковъ, слишкомъ напоминающихъ міръ. Только еще сегодня я изъ міра, а ужь опять хочется бѣжать туда, хочется слышать говоръ людской. И понялъ я теперь страшную минуту отреченія отъ міра и ту громадную борьбу, какую выноситъ монахъ, стараясь сжиться съ этой пустыней и задавить въ себѣ потребности своей природы.

Вотъ опять долетѣло до меня пѣніе псалма, и чудится мнѣ въ этомъ пѣніи какой-то сдержанный плачь, надрывающій душу, плачь, которымъ силится это бѣдное человѣчество примириться съ небомъ и отогнать отъ себя неотвязныя думы и воспоминанія, запрещенныя афонскимъ уставомъ. Да нѣтъ, видно трудно заглушить эти воспоминанія, если душа такъ крѣпко сроднилась съ ними...

И такъ простоялъ я до разсвѣта.

II.

МОНАСТЫРИ ОБЩЕЖИТЕЛЬНЫЕ (КИНОВІИ).

«Не легко достается на Афонѣ спасеніе!»—думалъ я, вглядываясь въ изнуренныя лица и тощія фигуры афонскихъ подвижниковъ. Чтобы понять весь трудъ, который достается на долю ихъ, взглянемъ по-

ближе на ихъ житье монастырское, на ихъ горе и радости, и мы увидимъ многое, что заставитъ насъ подивиться и призадуматься.

Монастыри общественные сложились въ строгую форму общины, образцы которой монахи отыскивали въ первыхъ вѣкахъ христіанства. Здѣсь все подведено подъ одинъ общій уровень: всѣмъ дана одинаковая пища и одежда, никто не имѣетъ никакой собственности, такъ что кельи иноковъ никогда не запираются и любопытный найдетъ въ ней всѣ тѣ же вещи, какія имѣютъ и остальные иноки. Если кто утаитъ отъ братіи хотя часть своего имущества, то его осуждаютъ на общее проклятіе, выгоняютъ изъ общины и по смерти лишаютъ погребенія. Этой клятвой угрожаютъ монаху еще при постриженіи, когда онъ, по примѣру апостольскому, складываетъ все свое имущество къ ногамъ игумена и такимъ образомъ сразу отказывается отъ собственности и свободы. Всѣ нужды монастырскія справляются своими же силами братіи; тутъ есть свои слѣсаря, столяры, портные, каменьщики, повара и проч., у которыхъ кипитъ работа во все время, свободное отъ службъ церковныхъ. Кромѣ того бываютъ еще общія *послушанія* *), отъ которыхъ не смѣетъ отказаться ни одинъ изъ членовъ общины. Это бываетъ при сборѣ винограда, при выгрузкѣ монастырскихъ судовъ и проч., и часто самъ игуменъ работаетъ въ подобныхъ случаяхъ вмѣстѣ съ братіями и поощряетъ ихъ. Изъ всего общиннаго уровня выдѣляется только нѣсколько личностей, составляющихъ монастырское начальство: это игуменъ и духовники, которыхъ выбираютъ изъ среды своей сами монахи. Игуменъ и духовники имѣютъ право назначать всякія послушанія и управлять дѣлами каждаго монаха, какъ имъ вздумается, безъ всякаго контроля. Они могутъ заставить песокъ считать, или толочь воду, и монахъ обязанъ повиноваться безусловно. Въ своихъ распоряженіяхъ они руководятся первою мыслью, появившеюся въ ихъ головахъ, которую они считаютъ внушеніемъ св. Духа и сами слѣпо повинуются ей. Въ большомъ почетѣ также всѣ іеромонахи. Монахъ при встрѣчѣ съ іеромонахомъ долженъ поклониться ему до земли, поцѣловать его руку и снова повторить поклонъ. На этихъ вѣковѣчныхъ поклонахъ основано афонское смиреніе.

---

*) Такъ называются на Афонѣ работы, исполняемыя не по своей волѣ. А такъ какъ въ киновіяхъ работъ по своей волѣ нѣтъ, то здѣсь вся дѣятельность монашеская есть только *послушаніе* волѣ игуменской.

Въ этихъ скромныхъ, отдаленныхъ отъ міра, общинахъ выработывается счастье жизни загробной, которое достигается здѣсь путемъ медленнаго самоумерщвленія. Ученіе Спасителя объ умертвіи удовъ и распинаніи плоти со страстями и похотьми служитъ главнымъ принципомъ афонскаго отшельничества,—и вся дѣятельность, вся жизнь монаха направлена къ одной этой цѣли. Тутъ всякая мірская мысль или веселое воспоминаніе считается тяжкимъ грѣхомъ, всякая потребность нашей природы считается искушеніемъ бѣсовскимъ и въ этой неестественной борьбѣ съ самимъ собою проходятъ всѣ годы отшельника, часто до глубокой старости, пока наконецъ онъ, по афонскому выраженію: «станетъ выше человѣческой природы и достигнетъ состоянія ангельскаго». Трудъ громадный, но зато и самоумерщвленіе бываетъ полное: физическое и нравственное, и тогда уже монахъ ждетъ только натуральной смерти, чтобы сдѣлаться членомъ царствія небеснаго.

Чтобы довести человѣка до состоянія безстрастнаго и такимъ образомъ облегчить для него путь къ спасенію, общинный уставъ прежде всего старается измозжить и обезсилить грѣшное тѣло подвижника, и лишить его тѣхъ здоровыхъ соковъ, пріобрѣтенныхъ мірскимъ раздольемъ, отъ которыхъ происходятъ почти всѣ искушенія афонскія... На этомъ основана цѣлая система физическаго истощенія, за исполненіемъ которой строго слѣдятъ духовники и игуменъ.

Службы монастырскія увеличены до такихъ размѣровъ, какихъ не найдти нигдѣ въ мірѣ, кромѣ Афона. Обыкновенная утреня продолжается шесть часовъ, обѣдня два *), вечерня два часа, повечеріе—часъ. Слѣдовательно монаху ежедневно приходится провести въ церкви около одиннадцати часовъ *безвыходно*. На спанье ему дается всего пять часовъ въ сутки, въ остальное время онъ исполняетъ разныя общественныя работы. По воскресеньямъ утреня продолжается отъ 10 до 12 часовъ, по большимъ праздникамъ отъ 12 до 14 часовъ и въ эти дни, принимая въ разсчетъ остальныя службы, монахи проводятъ въ церкви почти что цѣлыя сутки. Любятъ афонцы похвастать передъ поклонниками своими всенощными бдѣніями. Но разсказывая, какъ ихъ видимо укрѣпляетъ чудесная сила въ такихъ великихъ трудахъ, афонцы почему-то умалчиваютъ, что имъ

*) Обыкновенно утреня начинается въ часъ по полуночи. Обѣдня служится спустя полчаса послѣ утрени.

позволяется *готовиться* къ бдѣнію, и что, въ силу этого позволенія, они спятъ часа четыре передъ бдѣніемъ, да столько же послѣ него. Безъ этихъ отдыховъ, частое бдѣніе было бы выше силъ человѣческихъ. Уже опытные, привыкшіе къ вѣчному стоянію, монахи говорили мнѣ, что послѣ каждаго бдѣнія надо поправляться нѣсколько дней.

Афонскія бдѣнія сохраняютъ тотъ же порядокъ, что и наши мірскія всенощныя. Здѣсь только вся задача въ томъ, чтобы затянуть службу и такимъ образомъ пробыть въ церкви какъ можно долѣе. Для этой цѣли пѣніе растягивается до нельзя: каждое «Господи помилуй» поется съ безконечными руладами, псалмы и каноны безъ всякихъ выпусковъ. Кромѣ того три раза ходъ службы прерывается чтеніемъ разныхъ поученій, относящихся къ празднику, и въ это время братія сидятъ въ своихъ формахъ, силясь преодолѣть искушеніе сна. Этихъ сидѣній, впрочемъ, очень немного и монаху все-таки приходится двѣ трети бдѣнія быть на ногахъ, потомъ сряду же отстаивать обѣдню и т. д. Отъ долгихъ стояній большая часть отшельниковъ страдаетъ грыжами, отеками ногъ и другими мучительными болями. Особенно страдаютъ пѣвчіе, несущіе двойные труды.

Кромѣ этихъ общественныхъ службъ, каждый монахъ имѣетъ свои келейныя правила, исполненіе которыхъ повѣряется на совѣсть отшельника. Особенно тяжелы правила схимническія. Схимникъ въ своей кельѣ ежедневно обязанъ отсчитать 1200 поклоновъ поясныхъ и 100 земныхъ; а если изъ братіи кто-нибудь померъ, или несчастье какое предвидится, то прибавляется еще нѣсколько сотенъ поклоновъ. Это называется *четки тянуть*, потому что при каждомъ поклонѣ, чтобы не сбиться въ счетѣ, труженикъ перетягиваетъ зерно четокъ и читаетъ коротенькую молитву. Схимники (а они составляютъ здѣсь большинство братіи) тянутъ четки обыкновенно ночью, за часъ до утрени.

Спрашивалъ я монаховъ, хватаетъ ли у нихъ вниманія при исполненіи подобныхъ правилъ! Вѣдь, кажется, очень легко сбиться съ толку и запутаться въ молитвахъ? Мнѣ отвѣчали, что я, будучи міряниномъ не въ состояніи понять всей сладости этого труда, и что вниманіе ихъ никогда не отвлекается отъ Іисуса. Старики увѣряли меня, что это у нихъ уже *вошло въ привычку*, и что за каждой службой умъ ихъ невольно устремляется къ богу и созерцаетъ славу христову и счастье горняго блаженства. Можетъ быть это

такъ, но намъ грѣшнымъ этого не понять. Много надо труда и напряженности вниманія, чтобы не развлекаться во время правилъ и службъ церковныхъ, повторяющихся ежедневно, съ неизмѣннымъ порядкомъ и содержаніемъ, въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Намъ понятнѣе жалобы нѣкоторыхъ иноковъ на то, что во время службъ ихъ болѣе всего одолѣваютъ мірскіе помыслы.

Если монахъ, исполняя порученія начальства, или по другимъ какимъ-нибудь причинамъ, не можетъ быть въ церкви, то онъ долженъ прочитать всѣ службы по книжкѣ, или, если читать не умѣетъ, за каждую службу протянуть опредѣленное число четокъ. Послѣдній способъ молитвы употребительнѣе, потому что грамотныхъ, особенно между русскими монахами, немного. И часто случалось мнѣ на дорогахъ встрѣчать этихъ молящихся отшельниковъ. Идетъ онъ куда-нибудь верстъ за десять, въ сосѣдній монастырь, идетъ дряхлый, измученный, съ огромной котомкой за плечами, а самъ нашептываетъ молитвы и бѣгло перебираетъ большія нитяныя четки. Надо замѣтить, что монахи очень любятъ молиться на четкахъ, особенно если четки замѣняютъ службы церковныя. На четкахъ монахъ живо прочитаетъ узаконенный счетъ молитвъ, слѣдовательно освободится раньше остальной братіи...

Теперь заглянемъ въ братскую трапезу и посмотримъ чѣмъ питаются отшельники, послѣ такихъ непомѣрныхъ трудовъ?

А питаться-то имъ нечѣмъ: пища афонская слишкомъ непитательна. Подадутъ имъ супъ гороховый или картофельный, потомъ какіе-нибудь бобы, или фасоли, отъ которыхъ спираются внутренности, и при этомъ кружка вина пополамъ съ водою,—вотъ и весь обѣдъ. А если кто нечаянно ложку сломаетъ, или провинится въ другомъ чемъ, то и этого обѣда не дадутъ ему, а заставятъ тянуть четки во время стола, и потомъ положатъ ницъ у дверей просить прощенія у общины. За ужиномъ блюдомъ меньше, а и ужинъ-то бываетъ не всякій день: по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ монахи довольствуются только однимъ обѣдомъ безъ ужина. Въ посту великомъ такъ и обѣдъ за рѣдкость; даютъ только по куску хлѣба, да по кружкѣ воды,—вино въ посту не полагается, кромѣ дней означенныхъ въ церковномъ уставѣ. Бываютъ даже дни, когда совсѣмъ запрещается пища, но такихъ дней, къ счастію, немного.

Въ праздники, и то самые огромные, подается въ трапезѣ рыба, которая, въ теченіе цѣлаго мѣсяца, ловится рыбаками монахами, и

изжаривается за недѣлю, а иногда и раньше, до праздника, чтобы не совсѣмъ сгнила. Но это бываетъ раза два, или три въ годъ, а въ остальные дни та же неизмѣнная травка сырая, травка вареная, травка жареная, и такъ во всѣ дни до скончанія живота.

Зато этотъ скудный обѣдъ подслащается разными назидательными поученіями, которыя поочередно читаютъ монахи во время трапезы.

Въ русской киновіи, въ видѣ роскоши, русскимъ монахамъ позволяютъ пить чай по нѣкоторымъ днямъ и передъ обѣдомъ даютъ по рюмкѣ водки, для свареній желудка; а грекамъ, чтобы они не завидовали, даютъ иногда кофе, который и мелется для этой цѣли жерновами на меньницахъ... Для духовниковъ и игумновъ, какъ для людей почтенныхъ и слабыхъ, въ нѣкоторыхъ киновіяхъ готовится особый столъ, болѣе приличный и питательный.

Вотъ и вся пища киновіата. Спрашивается чѣмъ же тутъ поддерживается жизнь, какъ не воздухомъ афонскимъ, да остатками соковъ, добытыхъ еще въ мірѣ?..

Теперь нѣсколько словъ о помѣщеніи.

Каждому монаху отводится отдѣльная келья въ зданіи монастырскомъ. Въ каждой кельѣ одно окно, большею частію занавѣшенное зеленою шторою, столъ, деревянная койка, покрытая войлокомъ, безъ подушки и одѣяла, и нѣсколько иконъ. У грамотныхъ можно еще найдти молитвенники и ноты. Больше ничего не полагается. Я никогда не могъ долго оставаться въ кельяхъ монашескихъ: воздухъ до того спертый, прокислый и удушливый, что голова кружится. Все въ кельѣ обыкновенно покрыто толстымъ слоемъ грязи, на войлокъ взглянуть страшно,—и въ этой гнилой атмосферѣ, среди вѣчной грязи, проходитъ келейная жизнь отшельника. Спросятъ отчего это неряшество?.. А оттого, что чистый воздухъ въ кельѣ—роскошь; чистота—поблажка прихотямъ мірскимъ, запрещенная на Афонѣ. Только разъ въ годъ чиститъ и мететъ свою келью монахъ, кажется, передъ пасхой, а въ остальное время онъ заботится только о чистотѣ души. Русскіе монахи, привыкшіе къ опрятности въ мірѣ, иногда еще подчищаютъ кельи и продуваютъ ихъ, а греки далеки отъ этой заботы: грязь ихъ не тревожитъ.

Тою же грязью, тѣмъ же прѣлымъ запахомъ пропитана вся одежда монаха, потому что онъ никогда не сбрасываетъ своей одежды, даже спитъ въ ней. Монахъ-киновіатъ рѣдко мѣняетъ бѣлье, частію

отъ небрежности, частію оттого, что онъ не долженъ видѣть наготы своей, чтобы не соблазниться на самого себя. Мыться ему запрещено, о баняхъ и помину нѣтъ на Афонѣ, иногда дозволяется монаху вымыть голову, и то только въ крайнемъ случаѣ: когда головная чесотка сдѣляется нестерпимою.

Повѣрятъ ли мнѣ, что на Афонѣ, въ видахъ ложно-понятаго умерщвленія грѣшной плоти нарочно не истребляютъ блохъ, клоповъ и подобныхъ имъ насѣкомыхъ. (*) Ими полны не только койки и кельи монашескія (особенно весной и осенью), но даже формы въ церквахъ. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ монахи сами просили у духовниковъ благословенія вымыть формы (стасидіи), но духовники не дали его. «Клопы помѣшаютъ вамъ спать во время службы»—были отвѣты духовниковъ. Помню каково было мое удивленіе, когда на всенощномъ бдѣніи, среди запаха ладона, я явственно разслышалъ запахъ клоповъ и, оглядѣвшись, съ ужасомъ увидѣлъ, какъ они, такіе жирные, откормленные, прогуливаются по моей одеждѣ.

— Что это? спросилъ я монаха-сосѣда.

— Клопы, — отвѣтилъ тотъ равнодушно.

— Въ церкви-то?

— Много ихъ тутъ. Сегодня, что-то очинно шибко кусаютъ: знать дождь будетъ.

И монахъ лѣниво почесался.

Трудно понять намъ, какъ можно сосредоточиваться въ молитвѣ, когда тѣло находится въ такой пыткѣ? А впрочемъ привычка — великое дѣло. Многіе иноки до того привыкли къ этому запаху и ощущенію, что ихъ клопы уже не могутъ разбудить за службой, а будитъ пономарь.

И вотъ та грустная, непривлекательная обстановка, среди которой долженъ спасаться монахъ афонскій. Каково же она должна подѣйствовать на новичка, когда онъ, рѣшившись присоединиться къ общинѣ, съ ужасомъ увидитъ всю эту массу лишеній: съ которой ему надо будетъ сжиться? Его положеніе тѣмъ болѣе печально, что подобныя лишенія долго скрываются отъ посторонняго взгляда. Для насъ, избалованныхъ мірскимъ довольствомъ, подобное самоотверженіе непонятно.

(*) Въ этомъ случаѣ, афонскіе монахи указываютъ на примѣръ того древняго пустынника, который, убивъ нечаянно комара,—въ наказаніе себѣ, трое сутокъ выставлялъ свое обнаженное тѣло на съѣденіе этимъ насѣкомымъ.

Но то не все. Главные труды еще впереди. Монаху предстоитъ еще громадная ломка своихъ нравственныхъ привычекъ и убѣжденій, а съ ними сладить не такъ легко, какъ съ потребностями физическаго довольства.

«Монахъ долженъ холодно смотрѣть на жизнь земную; долженъ ненавидѣть грѣшный міръ съ его обычаями!» Такъ гласитъ афонскій уставъ. И вотъ силится монахъ пріобрѣсть эту ненависть къ міру и заглушить въ себѣ родныя привычки и воспоминанія, къ которымъ съ малолѣтства приросла душа его. Нѣкоторые афонскіе труженики признались мнѣ, что, желая возненавидѣть міръ; они старались очернить и опорочить его въ своемъ воображеніи, и для этой цѣли нарочно вспоминали самыя непривлекательныя стороны мірской жизни. Если это средство не дѣйствовало, они бѣжали къ духовнику за совѣтомъ, и тотъ только могъ сильнѣе настраивать ихъ на этотъ ладъ. «Въ мірѣ погибель,—говорилъ имъ духовникъ:—въ мірѣ нѣтъ спасенія! Бойтеся князя міра сего!...» И страхъ нападалъ на робкія души отъ этихъ внушеній.

Не смотря на стараніе устранить въ обстановкѣ жизни монашеской все, что только можетъ напоминать отшельнику мірскія привычки, все-таки остается многое, что напомнитъ ему счастье и радости жизни земной. Придутъ поклонники съ отголосками родины и заведутъ разговоры о предметахъ близкихъ сердцу; увидитъ монахъ свѣжее личико юноши, смѣхъ и говоръ веселый, онъ не подаетъ сначала и виду, что страдаетъ; напротивъ даже постарается похвастать предъ поклонниками своимъ аскетизмомъ, — но потомъ онъ незамѣтно уйдетъ въ свою келью и тамъ отдается на жертву разнымъ искушеніямъ: плачетъ кровавыми слезами. И хотѣлось бы ему забыть свои прошлыя радости и возненавидѣть этотъ проклятый міръ, да гдѣ же силы-то взять? «Господи! гдѣ же силъ взять?» — думаетъ онъ. А духовникъ попрежнему шепчетъ ему: «молись, несчастный! это демонъ искушаетъ тебя!»

И странно, на Афонѣ, говорятъ, какъ-то сильнѣе любится міръ. Иной, до монашества, ругаетъ его на чемъ свѣтъ стоитъ, приходитъ въ ужасъ отъ его растлѣнія и разврата, и бѣжитъ скорѣе на Афонъ. Но лишь попробуетъ онъ здѣсь отказаться окончательно отъ старой жизни для новой,—тутъ только и почувствуетъ какія крѣпкія струны связываютъ его съ родиной и мірскимъ бытомъ, и какъ трудно порвать эти струны. Есть впрочемъ на Афонѣ отшельники,которые, пу-

темъ долгаго отрицанія пріобрѣли наконецъ ненависть къ міру и съ искреннимъ сожалѣніемъ смотрятъ на каждаго мірянина. Но съ ними мы познакомимся впослѣдствіи.

Разъ, помню, гулялъ я съ монахомъ на берегу моря. Вечеръ былъ чудный: я увлекся воспоминаніями о родинѣ и запѣлъ какую-то пѣсню. Мой спутникъ поблѣднѣлъ и растерялся.

— Друже, друже! проговорилъ онъ робко: — ради Христа не мучь меня! Вѣдь мнѣ за это четки тянуть придется....

— А что?

— Да какъ же? Вѣдь я самъ пѣвалъ когда-то; и ты думаешь легко мнѣ было забыть эти пѣсни? А ты вотъ опять....

— Ну, не буду.

Я замолчалъ, но монахъ долго оставался въ тревогѣ, и наконецъ объявилъ мнѣ, что пойдетъ къ духовнику исповѣдаться.

Этотъ фактъ показываетъ, до какой степени монахи строги къ себѣ, и какой незначительный случай можетъ быть для нихъ источникомъ страданья.

Кельи духовниковъ никогда не запираются, и во всякое время дня и ночи ходятъ къ нимъ на исповѣдь *искушенные* *). Громадное вліяніе имѣютъ эти духовники на бытъ афонскаго монашества, и съ благоговѣніемъ, какъ законъ, слушаютъ монахи ихъ внушенія. Надо признаться, что не мало сообразительности и ловкости надо имѣть духовнику, чтобы поддержать согласіе между членами коммуны и отвѣчать на разные вопросы приходящей братіи. Онъ и самъ смотритъ на себя, какъ на что-то высшее, и искренно вѣритъ, что его устами говоритъ духъ благодати божіей. Вотъ образчикъ толкованія одного изъ духовниковъ, въ которомъ ясно обозначился его взглядъ на міръ и райское блаженство.

Молодой монахъ силился представить въ своемъ воображеніи райское блаженство; но, какъ ни ломалъ голову, представить не могъ. Бѣжитъ онъ съ недоумѣніемъ къ духовнику, а тотъ, въ видѣ лекарства, велѣлъ ему отсчитать передъ образомъ тысячу поклоновъ земныхъ. Монахъ, конечно, исполнилъ; замолчалъ на нѣсколько времени, а потомъ опять пристаетъ къ духовному: «не могу, говоритъ, спасаться: бѣсы мѣшаютъ».

— Что же бѣсъ говоритъ? спрашиваетъ его духовникъ.

---

*) Объ искушеніяхъ Афонскихъ будетъ разсказано въ особой главѣ.

— Говоритъ, что спасаться не стоитъ, что не велико блаженство видѣть бога и прославлять его.

— Я вижу, что ты еще слишкомъ молодъ, началъ духовникъ: — и что тебя еще смущаютъ мірскія помыслы. Поживешь подольше, такъ искушаться этимъ не будешь!... А ты теперь вотъ что бѣсу скажи. Природа человѣческая до того испорчена послѣ грѣхопаденія, что блаженство, обѣщанное намъ богомъ, въ самомъ дѣлѣ непонятно для мірского глупаго разума. Наша грязная природа, привыкшая къ прихотямъ мірскимъ, не можетъ представить, что за счастіе пѣть славу божію и жить между безплотными силами. Поэтому назначеніе инока состоитъ въ томъ, чтобы передѣлать эту природу, искоренить все, что далъ ей грѣхъ на растлѣніе, и тогда райское блаженство будетъ для него возможно. Вотъ мы, напримѣръ, понемногу отучаемъ себя отъ мірскихъ привычекъ: денегъ мы не имѣемъ, женщина для насъ грѣхъ, думы и заботы о земномъ счастіи—тоже, вотъ мы и будемъ въ состояніи наслаждаться райскимъ счастіемъ. А мірской человѣкъ не пойметъ блаженства безъ денегъ, безъ женщинъ и вина, не представитъ себѣ даже райскаго равенства, которое можетъ быть только при полномъ смиреніи, какъ у насъ. Вотъ ты это и скажи твоему искусителю!

Послѣ этого назиданія, монахъ больше не тревожилъ духовника. Видно понялъ онъ, что дѣйствительно надо передѣлать себя, чтобы вообразить райское блаженство, понялъ видно, что рай будетъ нѣчто въ родѣ Афона. А можетъ быть и бѣсъ смекнулъ въ чемъ дѣло и не искушалъ его больше.

Но такихъ монаховъ, занятыхъ догматическими изслѣдованіями, немного. Большинство не пускается такъ высоко, открещивается отъ всѣхъ сомнѣній и побаивается только чорта и ада. У этихъ отшельниковъ, по большей части простыхъ и неученыхъ, — чортъ на каждомъ шагу, и страхъ геенскихъ мученій до того одолѣваетъ ихъ, что они сами просятъ себѣ лишеніе, посты и каноны, лишь бы успокоить свое встревоженное воображеніе. Духовники, конечно, на посты не скупятся и бѣдные отшельники сразу наваливаютъ на себя непосильные труды и измозжаютъ остатки своего здоровья. Говорятъ, что при этомъ лихорадочномъ подвижничествѣ, чортъ, какъ нарочно, еще неотвязчивѣе смущаетъ душу и рисуетъ ей картины адскихъ мученій и огня неугасаемаго. Такіе отшельники недолговѣчны.

Отъ этихъ-то непомѣрныхъ трудовъ и лишеній трудно встрѣтить

въ киновіяхъ здоровое свѣжее лицо: все лица какія-то желтыя, изнуренныя, болѣзненныя. Жалко смотрѣть на нихъ. И какъ разительно-быстро замираетъ и измѣняется человѣкъ отъ такой жизни! Придетъ молодецъ молодцомъ, полный силъ и здоровья, и вдругъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ безпрерывнаго поста и стоянія, онъ такъ измѣнится, что и узнать трудно. Помню: я часто любовался однимъ молодымъ парнемъ-поклонникомъ; что за красота была: лицо румяное, грудь богатырская, взглядъ смѣлый съ удалью и безпечностью чисто русскою. Дать бы такому молодцу работу какую,—за троихъ бы работалъ; анъ нѣтъ:—пошелъ въ монахи. Черезъ годъ я встрѣтилъ его уже въ монашескомъ платьѣ, съ четками и робкимъ болѣзненнымъ взглядомъ. Я едва узналъ его.

— Ты ли это, Кубаковъ?—спрашиваю его.

— Не Кубаковъ, а отецъ Василій,—отвѣтилъ тотъ.

— Померъ значитъ нашъ молодецъ?

— Померъ, чтобы воскреснуть въ царствіи небесномъ. Когда въ мірѣ жилъ, нечего грѣха таить, житье было лучше, а теперь хоть и труднѣе жизнь, да за то бога увижу.

Онъ закашлялся и вздохнулъ. Въ разговорѣ его, впрочемъ, проглядывало что-то нерѣшительное, точно онъ говорилъ съ чужого голоса.

— Зачѣмъ ты въ монахи пошелъ? спросилъ опять я.

— Богъ призвалъ... Значитъ такъ на роду было написано.

— Да вѣдь у тебя силъ было много, работать бы могъ; у насъ и то работниковъ не хватаетъ.

— Найдутся. Да съ работой и не спасешься... гдѣ въ мірѣ спастись!

— Отчего же и не спастись? Міряне не даютъ такихъ обѣтовъ, какъ вы: съ нихъ меньше и требуется.

Василій посмотрѣлъ на меня пристально.

—Не искушай меня, голубчикъ! мнѣ и то бѣсы покоя не даютъ: проговорилъ онъ умоляющимъ голосомъ и опять закашлялся. На губахъ его показалась кровь.

— Да ты болѣнъ, о. Василій?

— Что жъ тутъ худого? значитъ скоро покончусь, а тамъ шабашъ.

Къ слѣдующей веснѣ онъ покончился.

И немудрено, что такъ быстро увядаетъ здѣсь молодость. Трудъ

громадный, неестественный, недостатокъ сна, тяжелая пища и вѣчная тревога души,—все это огнемъ пожираетъ свѣжія силы и безвременно сводитъ въ могилу. Конечно, не всякая натура скоро сломится отъ такой жизни. Большинство монаховъ, особенно греческихъ, доживаетъ до глубокой старости и не смотря на всю суровую обстановку, сѣдая борода чаще другихъ встрѣчается на Афонѣ, Это тѣ счастливыя натуры, которыя свыкаются со всякими неудобствами жизни.

И такъ-то вглядишься пристальнѣе въ эту жизнь, сличишь ее съ мірскою жизнью, и увидишь тогда, что это уже не жизнь, а какой-то другой міръ, оригинальный. Не даромъ сами отшельники называютъ себя мертвецами для міра. Здѣсь и разговоры-то подчасъ слышатся непривычные для нашего уха: идетъ оцѣнка *цѣлой* жизни мірской, будто разговоръ дѣйствительно идетъ уже за гробомъ: *въ царствѣ мертвыхъ.* Говорятъ, подобные разговоры бываютъ еще въ тюрьмахъ или въ каторгѣ, но тамъ они не имѣютъ такого значенія, какъ здѣсь. Тамъ есть еще надежда на свободу и новую дѣятельность; а здѣсь уже все покончено съ жизнью, и даже, вольно или невольно, проклята она, эта прошлая, порой счастливая жизнь!..

А что же радости афонскія? Вѣдь нѣтъ, говорятъ, такой жизни, въ которой нельзя найдти ни одной святой минуты. Есть эти свѣтлыя минуты и въ общинахъ афонскихъ. Вотъ въ пасху, напримѣръ всѣ веселы, шалятъ даже какъ дѣти. Передъ хорошимъ обѣдомъ у нѣкоторыхъ видны улыбки. Передъ повечеріемъ иноки собираются за воротами обители, и многіе, въ ожиданіи службы, за которой слѣдуетъ сонъ, тоже шутятъ и улыбаются. Иной въ восторгѣ отъ какого-нибудь видѣнія, другой подсмѣивается надъ удивленіемъ и неловкостью поклонниковъ... Разъ, помню, общую радость возбудило въ монастырѣ повѣствованіе Сѣверной Пчелы (при мнѣ ее получало начальство въ Руссикѣ) о какомъ-то чудѣ близъ Херсона.

Да нѣтъ, впрочемъ, это все не радости, а что-то такое странное, чему и названія не пріищешь. Глядя на подобныя радости, все-таки скажешь про себя: «Да! Не легко на Афонѣ достается спасеніе»!..

III.

Происхожденіе афонскихъ общинъ.

Разныя народности соединились на горѣ Афонской для одной цѣли. Тутъ есть и греки, и болгаре, сербы, молдаване, русскіе, грузины, даже выкресты изъ турокъ, евреевъ. Вглядываясь въ разнонародную массу отшельниковъ, невольно задаешь себѣ вопросъ: Что̀ заставляетъ этихъ самомучениковъ промѣнять спокойную семейную жизнь, на такую подвижническую и пустынную?

Конечно, монахи говорятъ, что тутъ на первомъ планѣ стоитъ потребность спасенія, но подъ видомъ этой потребности часто скрывается побужденіе обыкновенное, житейское. Иному мірская жизнь до того не красна, что онъ съ удовольствіемъ мѣняетъ ее на афонскую, которая, не смотря на строгость ея обрядоваго склада, всетаки кажется краше. Другой съ малолѣтства впалъ въ мистику, озлобился на грѣшныхъ людей и бѣжитъ отъ нихъ на Афонъ—*спасаться.* Третій думаетъ поживиться здѣсь чѣмъ-нибудь, или пожить бариномъ на чужой счетъ, благо хлѣбъ даровой, а работа хоть и трудная, но привыкнуть къ ней можно. Четвертаго лѣнь заѣла, и идетъ онъ на Афонъ отдохнуть да понѣжиться (*), и такъ далѣе въ этомъ родѣ. А главное, что̀ побуждаетъ дѣловой народъ покидать міръ и постригаться въ монашество—это горе и неудачи житейскія. Оно естественно: только сильное горе вызываетъ у человѣка обращеніе къ уединенной, отшельнической жизни.

Мѣстные жители теряютъ на Афонѣ не такъ много, какъ выходцы иныхъ земель. Грекъ на родинѣ; онъ слышитъ здѣсь родной языкъ, видитъ свои обычаи, ѣстъ свою пшеницу. Притомъ грекъ очень хорошо знаетъ что̀ такое жизнь афонская и готовится къ ней еще въ мірѣ; а для русскаго, напримѣръ, здѣсь столько разныхъ лишеній, неизвѣстныхъ ему на родинѣ, что невольно дивишься его самоотверженію. Надо имѣть много рѣшимости и религіозной сосредоточенности, чтобы бросить родину, отказаться отъ всего, чѣмъ свѣт-

---

*) Подобнаго рода отшельники поступаютъ не въ киновіи, а въ штатные монастыри, съ которыми познакомимся ниже.

ла мірская жизнь, и остаться навсегда въ такой и привѣтливой для русскаго сторонѣ. Но такъ кажется съ перваго взгляда, а на самомъ-то дѣлѣ эта рѣшимость является у русскихъ очень легко и часто даже безсознательно. Большая часть здѣшнихъ земляковъ нашихъ, какъ я узналъ изъ разговоровъ съ ними,—это разные странники наши, которые заѣзжаютъ на Афонъ по пути изъ Іерусалима на родину; заѣзжаютъ безъ всякаго желанія остаться здѣсь, а между тѣмъ остаются. Не тѣ пресловутые странники, промышляющіе своимъ странничествомъ на Руси, которые боятся, какъ бы въ самомъ дѣлѣ ихъ не заперли куда-нибудь, а простые неопытные мужички да солдатики, суевѣрные и легковѣрные, видящіе въ загробной жизни грозное предзнаменованіе. Для нихъ Афонъ—бѣда, потому что Афонъ страшенъ своимъ впечатлѣніемъ на подобныя натуры.

Говорятъ, что еще на пути къ Афону, въ виду этой горы, большая часть поклонниковъ нашихъ теряетъ спокойствіе и смутно ждетъ чего-то чудеснаго. Съ этой тревогой души, поклонникъ робко вступаетъ на берегъ св. горы. Весело, но строго встрѣчаютъ его здѣшніе отшельники; разговоръ не тотъ, что въ мірѣ; смиреніе хозяевъ полное, но въ то же время они смотрятъ на мірянина съ видимымъ сожалѣніемъ, будто говорятъ ему, что, «вотъ дескать, ты пропащій человѣкъ, а мы спасаемся!» Да и самъ онъ сразу замѣтитъ, что здѣсь дѣло спасенія идетъ не на шутку, не то что въ мірѣ. Потомъ наговорятъ ему про искушенія демонскія, про разныя видѣнія, разскажутъ нѣсколько чудесъ, и ходитъ поклонникъ самъ не свой, не зная что дѣлать съ собою. Среди этихъ впечатлѣній, ему вдругъ ясно вспомнится суетная жизнь мірская, въ которой нѣтъ ничего подобнаго, и вспомнится эта жизнь въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ. Всѣ прошлыя дѣла и даже думы житейскія, къ которымъ уже давно приглядѣлся грѣшный міръ, теперь ему покажутся преступленіями, и вотъ совѣсть его начинаетъ заговаривать, а въ головѣ такъ и рисуется геенна огненная. Плохо приходится поклоннику: страхъ забираетъ его не на шутку, а тутъ еще бдѣніе...

Бдѣніе афонское, своей мистической обстановкой, болѣе всего дѣйствуетъ на воображеніе подобнаго поклонника. Тутъ собрано, кажется, все, что только можетъ отуманить новичка и настроить его на религіозный ладъ. Входитъ онъ въ церковь: тамъ темно, и только чуть мерцаетъ нѣсколько цвѣтныхъ лампадокъ передъ иконостасомъ. Вглядываясь, онъ различаетъ въ этомъ полумракѣ, вдоль стѣнъ,

темныя, неподвижныя фигуры отшельниковъ съ опущенными намётками *). Чуть слышно и медленно звучитъ въ храмѣ заунывное пѣніе псалма; изъ алтаря долетаетъ шопотъ молитвы іеромонаха; никто не шелохнется, ни однимъ звукомъ не нарушитъ торжественнаго спокойствія службы. Стоитъ поклонникъ часъ, стоитъ другой—тотъ же полумракъ въ храмѣ, та же неподвижность, тѣ же звуки псалма, хватающіе за душу. Въ этой обстановкѣ такъ и чудится ему присутствіе какого-то высшаго существа; въ головѣ невольно возникаютъ полузабытыя грезы о мірѣ ангельскомъ, о чемъ-то безконечномъ, райскомъ. И ничто не прерветъ этихъ думъ, кажется будто и всѣ монахи погружены въ свои заоблачныя думы... Въ полночь обстановка нѣсколько мѣняется: церковь ярко освѣщена, монахи со свѣчами въ рукахъ поютъ величаніе празднику, потомъ опять водворяется прежній мракъ и тишина, и такъ всю ночь до конца. Усталый, измученный новичокъ едва на ногахъ держится, ему хотѣлось бы отдохнуть, а тутъ раздается новый благовѣстъ на новое стоянье—къ обѣднѣ, и невольно подивится онъ тогда подвигамъ братіи афонской... Потомъ поклонникъ идетъ въ трапезу и ѣстъ жалкую пищу монашескую, слѣдитъ онъ за разными послушаніями и обычаями братіи, сходитъ даже на кладбище, гдѣ ему тоже разскажутъ нѣсколько чудесъ, которымъ онъ вѣритъ тѣмъ болѣе, что въ самихъ монахахъ замѣчаетъ полную искренность вѣры, и вотъ онъ уже совсѣмъ побѣжденъ, съ ужасомъ оглядывается на жизнь мірскую и бѣжитъ къ игумену просить постриженія. Затѣмъ надъ нимъ, въ присутствіи всей братіи, совершается обрядъ постриженія; надѣваютъ на поклонника рясу, даютъ ему четки, и вышелъ—афонскій монахъ.

Случается, что на Афонъ пріѣзжаютъ разные художники, ремесленники, мастеровые, словомъ, люди, въ которыхъ нуждается община. За такими людьми, по внушенію монастырскаго начальства, особенно ухаживаютъ монахи. Тутъ они употребляютъ все, что можетъ затронуть совѣсть и возбудить ненависть къ жизни мірской, и часто успѣваютъ. Если такой поклонникъ захвораетъ (а это случается отъ незнанія нѣкоторыхъ условій афонскаго климата **), то и въ больницѣ монашество слѣдитъ за нимъ и пугаетъ его загробными муками, дабы обратить его на путь спасенія. «Тебѣ умирать надо: говорятъ

*) Намёткой на Афонѣ называется покрывало, надѣваемое сверху клобука.

**) О нихъ будетъ рѣчь впереди

они, такъ не лучше ли умереть въ чинѣ ангельскомъ? Такая смерть всего пріятнѣе богу». Больной не рѣшается: все еще надѣется выздоровѣть и воротиться на родину, но потомъ на него нападаетъ уныніе, чуется ему приближеніе смерти,—за нею страшныя загробныя мытарства, адская участь грѣшника, и самъ онъ, какъ милости, проситъ постриженія. Его прямо постригаютъ въ великую схиму и отпѣваютъ заживо. Хорошо если больной дѣйствительно умретъ; но вдругъ онъ выздоровѣетъ: обѣтъ произнесенъ, связь съ міромъ разорвана и на человѣка, можетъ быть, избалованнаго жизнью, вдругъ всею тяжестью ложатся правила схимническія. И хотѣлось бы ему отказаться отъ схимы, но уже невозможно, и вотъ начнется у него долгая, мучительная борьба съ прежними привычками; кровавыми слезами будетъ рыдать онъ о мірскихъ привязанностяхъ и искать напраснаго утѣшенія въ напряженной молитвѣ и постоянной исповѣди. Бѣжать онъ не найдетъ въ себѣ силъ, потому что надъ бѣглецомъ произносится страшное проклятіе всего Афона.

Знаютъ это наши *бывалые* поклонники и боятся хворать на Афонѣ. Помню я, какъ одинъ поклонникъ день и ночь сидѣлъ у изголовья своего больного земляка и *умолялъ его выздоровѣть*. У того была жестокая лихорадка: пахло смертью. А этотъ товарищъ до послѣдней минуты цѣловалъ его руки и просилъ притвориться здоровымъ. «Тебя постригутъ,—говорилъ онъ сквозь слезы,—а у тебя жена дома, дѣтки маленькія, на кого жъ ты оставишь сиротъ?» И больной рыдалъ вмѣстѣ съ нимъ, и съ этимъ же рыданьемъ принялъ онъ постриженіе...

Встрѣчаются впрочемъ поклонники такого закала, что ихъ не сманишь никакими рѣчами. Это такіе странники (большею частію наши послушники, сборщики, видавшіе виды на вѣку своемъ и т. п.), которые смотрятъ на монаховъ съ житейской точки зрѣнія, подозрѣваютъ во всемъ только одно замаскированное лицемѣріе, и радуются отъ души, когда имъ удастся замѣтить какія-нибудь слабости монашескія. Иногда и такой поклонникъ, слушая рѣчи афонскія, будто сдастся и даже увѣритъ, что рѣшается принять обѣтъ монашескій, но чуть пришелъ пароходъ, смотришь—бѣжитъ онъ, сердечный, съ своей котомкой, торопясь занять мѣсто. «Погибнешь!» преслѣдуетъ его кличъ афонскій...

— Э! погибать, такъ погибать! отвѣчаетъ онъ махнувъ рукой: —не я одинъ погибну, а на мірѣ и смерть красна!..

Такихъ гостей афонцы не любятъ. Не въ пользу ихъ трубятъ потомъ эти гости.

— Ну а вы, братцы, какъ попали сюда? спрашивалъ я однажды двухъ новичковъ монаховъ, какъ видно, закадычныхъ друзей.

— А мы попали сюда очень просто,—отвѣтили мнѣ друзья:—жизнь-то была у насъ невзрачная, баринъ злющій, денегъ мало: думаемъ, куда дѣться? Подумали да и поѣхали на гробъ христовъ; оттуда на гору Афонскую; поглядѣли:—ничего, живутъ сносно. Вотъ, я и говорю Петру: пойдемъ-ка, братъ, мы въ монахи; а тотъ отвѣчаетъ, что ничего-молъ,—можно. Ну и пошли.

Въ послѣднее время часто появляются на Афонѣ наши милые русскому сердцу *нищіе*. Оборванные, голодные, испытавшіе всѣ удачи и неудачи своего промысла, они еще на родинѣ прослухиваютъ, что во афонскихъ горахъ—есть монастырь русскій, куда принимаютъ безъ денегъ, и вотъ, объѣхавъ конечно Палестину, они являются въ Руссикъ и тутъ всѣми силами стараются примазаться къ общинѣ. Община неохотно принимаетъ ихъ, потому, что эти нищіе плохіе работники. Чтобы отучить подобныхъ гостей отъ монашества, игуменъ иногда сразу налагаетъ на нихъ схимническій канонъ. Иной не выдержитъ и убѣжитъ, а другой крѣпится долго, пока изъ жалости его не присоединятъ къ братству. Такой субъектъ выходитъ монахомъ полнымъ по наружности; то есть, ходитъ въ церковь и на послушаніе, какъ и всѣ, но его лицо сіяетъ замѣтнымъ удовольствіемъ, когда послышится зовъ въ трапезу, особенно когда есть разрѣшеніе вина и елея. Изъ нихъ вырабатывается особый типъ афонскаго монашества, который смотритъ на церковныя и келейныя службы, какъ на поденную работу изъ хлѣба; онъ кланяется игумену, какъ начальству, боясь провиниться предъ нимъ, скрѣпя сердце отстаиваетъ бдѣніе, но зато никто изъ братіи не всхрапнетъ послѣ ужина такимъ богатырскимъ сномъ, какъ этотъ монахъ.

— Ну что, отче, каково тутъ жить? спросишь его.

— Ничего, живемъ. Квасу только нѣту, жалко, да капусты, а то бы нештò.

— А искушенія бываютъ?

— Отчего жъ не бывать имъ? бываютъ и искушенія: особливо въ постъ.

Нѣкоторые поступаютъ въ монахи *по жребію*, и еще на родинѣ присуждаются къ монашеству своею семьею. Нѣсколько братьевъ, по

приказанію старшинъ семейства, бросаютъ жребій: кому отмаливать грѣхи семейные и просить бога о счастіи. Выборнаго надѣляютъ родительскими благословеніями, и съ рыданьями и причитаньями отправляютъ въ монастырь молиться. Ну, и молится. Такіе грустные факты, по разсказамъ монаховъ, случаются въ нашихъ юговосточныхъ губерніяхъ и казацкихъ земляхъ и при этомъ повторяются тѣ же сцены, какъ и при рекрутчинѣ. Но такихъ монаховъ на Афонѣ немного.

Есть и такіе выходцы изъ Россіи, которые пріѣзжаютъ на Афонъ только для полученія имени. Имъ почему-то особенно нуженъ санъ іеромонашескій и вотъ они съ разными пронырствами, притворствами и изумительнымъ терпѣніемъ долго добиваются этого сана и лишь только получатъ его—убѣгаютъ назадъ въ Россію. Но такихъ тоже немного. Наше духовное начальство не признаетъ афонскаго постриженія и рукоположенія и подобнымъ аферистамъ приходится или скрываться отъ этого начальства, или надѣвать мірское платье, особенно если они не имѣютъ законныхъ свидѣтельствъ отъ греческихъ духовныхъ властей.

Послѣ перваго изданія писемъ Святогорца, многіе, въ порывѣ увлеченія, дали жаркіе обѣты богу и прибыли на Афонъ спасаться. Конечно, они не нашли здѣсь тѣхъ привлекательныхъ сторонъ, о которыхъ писалъ Святогорецъ; но уже не рѣшились воротиться на родину тѣмъ болѣе, что ихъ деньги тогда были очень нужны Афону.

Нѣкоторые отшельники почему-то не говорятъ о причинахъ своего обѣта и стараются даже замять подобные разспросы, точно боятся ихъ. Эти отшельники, какъ я замѣтилъ, со страхомъ смотрятъ на каждаго помѣщика, или офицера, пріѣзжающаго на Афонъ, боясь узнать въ немъ своего бывшаго начальника. Ихъ прошлое темно...

Вотъ все, что успѣлъ узнать я, разспрашивая иноковъ, преимущественно русскихъ о причинахъ, побудившихъ ихъ къ монашеству. Остается только прибавить, что большинство нашихъ простолюдиновъ, привыкшихъ къ непривлекательной обстановкѣ еще въ мірѣ, теряетъ на Афонѣ не слишкомъ много и послѣ непродолжительной борьбы съ разными мірскими привычками, сживаются съ Афономъ окончательно. Эти отшельники не знаютъ искушеній ума, самаго страшнаго изъ искушеній афонскихъ. Но каково здѣсь человѣку, маломальски развитому, привыкшему къ лучшей обстановкѣ, особенно если онъ при-

нялъ постриженіе необдуманно, вслѣдствіе болѣзни, захватившей его врасплохъ на Афонѣ? Ужасно состояніе этихъ людей!

Помню я симпатичную личность о. Анатолія, одного изъ мучениковъ афонскихъ, который въ теченіе десяти лѣтъ напрасно силился подавить артистическіе порывы души своей и поддѣлаться подъ формы общиннаго устава. Онъ былъ когда-то музыкантомъ, управлялъ даже оркестромъ и хорами, былъ воспитанъ прилично и привыкъ къ жизни комфортабельной. Нѣкіе странники, обнюхавшіе всѣ святыни и обцѣловавшіе всѣ руки архипастырскія, сманили его къ путешествію на гробъ христовъ и тотъ поѣхалъ, вовсе не думая, что на вѣки прощается съ родиной. По пути, какъ видится, заѣхали на Афонъ помолиться; но тутъ онъ скоро же захворалъ и былъ постриженъ въ схиму великую. Анатолій былъ мистикъ; его поразило это событіе, въ которомъ онъ ясно увидѣлъ руку промысла божія, и, выздоровѣвъ, онъ рѣшился покориться этому промыслу и отказаться отъ родины. Съ тѣхъ поръ у него началась безконечная борьба съ условіями новой жизни. Я видѣлъ его спустя девять лѣтъ послѣ этой катастрофы, и онъ все еще страдалъ невыносимо: онъ не спалъ по ночамъ, старался обезсилить себя бдѣніями и постомъ, плакалъ и молился, но легче не было. Какъ теперь вижу его высокую, согнутую фигуру: въ осунувшемся лицѣ ни кровинки, глаза тусклые, будто глаза мертвеца. Любилъ меня о. Анатолій, и, кажется, завидовалъ мнѣ; я невольно напоминалъ ему что-то прошлое, и можетъ счастливое...

Часто, позднимъ вечеромъ, при свѣтѣ лампады, сидѣлъ я въ своей крошечной кельѣ и поджидалъ о. Анатолія. Войдетъ онъ тихо, присядетъ машинально на мою постель и устремитъ на меня вѣчно задумчивый взглядъ свой. Въ тоскливыхъ и болѣзненныхъ движеніяхъ его проглядываетъ затаенная тревога, которую тщетно старается онъ разсѣять, и такъ бывало сидитъ долго, ни слова не скажетъ, только вздохнетъ тоскливо и уйдетъ во свояси. Но иногда разговорится онъ, и тогда до глубокой полночи льются его рѣчи и поблекшій взглядъ его оживаетъ.

— Вы все еще не спите? однажды спросилъ я, когда онъ вошелъ въ мою келью позже обыкновеннаго.

— Сегодня не могу спать, отвѣчалъ Анатолій. Легъ было, но сны такіе тяжелые, что надо было подняться. Все грезятся мнѣ еще родственники, да мірская жизнь; не знаю куда и дѣваться отъ

этихъ сновъ. Когда же наконецъ я забуду все это, господи? Вѣдь чуть маленькое послабленіе воли, и пойдутъ воспоминанія, одно другого лучше, и молодость вспомнится, и родные мои, и музыка мірская,—бѣгаешь какъ шальной изъ угла въ уголъ до тѣхъ поръ, пока духовника не увидишь. Много осторожности надо имѣть монаху, а то бѣда!

— Отчего же вы такъ боитесь этихъ воспоминаній? Вѣдь они не вредятъ вамъ!

— Какъ не вредятъ? Когда монахъ съ наслажденіемъ вспоминаетъ о мірскихъ дѣлахъ, онъ слушаетъ демона. Монахъ отказался отъ міра разъ навсегда и долженъ забыть его прелести, долженъ даже благодарить создателя, что вырвался изъ этого омута и попалъ на путь спасенія. Вѣдь я, напримѣръ, былъ только на волосъ отъ погибели; меня тамъ совсѣмъ опутали и хотѣли на вѣки приковать къ міру... Знаете ли, Н. А., у меня была уже невѣста, и я... Да нѣтъ...

Анатолій остановился и судорожно схватился за четки.

— Что съ вами?

— Ничего; это пройдетъ.—Другъ мой! вы не можете понять, что значитъ быть монахомъ. Вы не испытали той ужасной минуты, когда человѣкъ отказывается отъ міра, отъ родины, отъ всего милаго грѣшному сердцу, и даетъ страшную клятву жить и умереть отшельникомъ. Я больной произнесъ эту клятву; но и теперь еще помню съ какимъ ужасомъ оглянулся я на себя, когда монахи разошлись послѣ обряда и оставили меня одного. Представьте себѣ опять то состояніе, когда я вышелъ изъ больницы увидѣлъ опять міръ божій и вдругъ вспомнилъ, что для меня уже нѣтъ ничего въ этомъ мірѣ.... Сила божія только удержала меня тогда отъ сумасшествія. Я любилъ музыку, любилъ общество, а здѣсь ничего этого нѣтъ, даже разговоры келейные запрещены строго; не съ кѣмъ поговорить отъ души кромѣ духовника. И эта грѣшная страсть къ обществу такъ сильна была у меня, что даже до сихъ поръ не могу я оставаться наединѣ, такъ вотъ и сосетъ что-то, плакать хочется, повѣрьте; даже ропотъ является иногда....

О. Анатолій закрылъ лицо руками и задумался. Я молчалъ тоже.

— Пожайлуста, разскажите мнѣ что-нибудь! Развлеките меня! — проговорилъ онъ черезъ нѣсколько минутъ.

— Чѣмъ же мнѣ развлечь васъ? Хотите посмотрѣть мой новый рисунокъ? Я только сегодня отдѣлалъ его.

— Только ради бога, нѣтъ ли въ немъ чего мірского?

— Это видъ города Воло.

— Города? Нѣтъ не стану смотрѣть.... Зато этимъ подвигомъ, заговорилъ о. Анатолій, продолжая нить своей думы,—мы достигнемъ райскаго счастья. Тамъ, среди ангеловъ, въ странѣ мира, любви и спокойствія, мы отдохнемъ наконецъ; но когда же? Господи! когда же это будетъ? Страшно подумать, если цѣною такихъ страданій не искупишь прошлыхъ грѣховъ своихъ, а снова будешь мучиться адскими муками—цѣлую вѣчность.... Вѣчность! Вѣдь это океанъ, одной капли котораго не исчерпаешь миллыонами лѣтъ. Ужасно!..

— Анатолій опять понурилъ голову.

— А тутъ еще демонъ смущаетъ, продолжалъ онъ медленнымъ, задумчивымъ говоромъ:—хочетъ онъ истребить остатки надежды, наполняетъ голову разными сомнѣніями и невѣріемъ. Иной разъ явственно слышу, какъ онъ шепчетъ мнѣ на ухо: «что если напрасно ты мучишься? что если нѣтъ жизни загробной?...» Волосъ подымается дыбомъ отъ этихъ сомнѣній, напрягаешь всѣ силы вѣры,— бѣгаешь, плачешь, молишься, а онъ все шепчетъ: «что если даромъ?...» Одинъ только духовникъ въ состояніи наставить насъ и спасти отъ этой муки:— его боятся демоны... Да, другъ мой,—произнесъ Анатолій, взглянувъ на меня:— не понять вамъ трудовъ монашескихъ!

— Нѣтъ, я понимаю ихъ, о. Анатолій, и удивляюсь только, какъ вы еще можете жить здѣсь? Я бы кажется давно съ ума сошелъ отъ такой жизни, или убѣжалъ бы отсюда.

— Молитесь! Вы тоже искушены! перебилъ меня монахъ. Зачѣмъ же вы забываете могущество божіе? То-то и чудо, что онъ не допускаетъ насъ до погибели. Есть какая-то сила, которая приковываетъ насъ къ св. горѣ. Вѣдь часто у насъ является полное отчаянье и даже рѣшимость бросить всѣ эти труды монашескіе и бѣжать въ міръ, искать отдыха. Жажда отдыха бываетъ такъ велика, что даже всѣ проклятія Афона и страхъ гнѣва божія не въ силахъ удержать отшельника. Но чуть рѣшится онъ,—непремѣнно что-нибудь помѣшаетъ: или захвораетъ на пути, или вдругъ охота пропадаетъ сама собою, или наконецъ просто страшно сдѣлается.... Повѣрьте, что на Афонѣ рѣдкому не приходитъ на мысль искушеніе бѣгства, а бѣгутъ очень немногіе. Не сила ли это божія?

О. Анатолій поднялся, и подошелъ къ окну.

— Вы завтра придете къ обѣднѣ? спросилъ онъ.

— Пожалуй приду, а что?

— У насъ завтра похороны: братъ одинъ померъ, такъ хоронить будемъ. Посмòтрите.

— И будетъ коливо, и лишняя сотня поклоновъ въ день?

— Да, будетъ. Отчего жъ не помолиться, послѣ и за насъ молиться будутъ. Счастливецъ! прибавилъ онъ со вздохомъ: — онъ уже покончилъ свое дѣло, достигъ чего желалъ, а когда-то мы свое покончимъ? Можетъ быть еще много и много трудныхъ годовъ предстоитъ намъ впереди! Можетъ быть и не такія искушенія испытать придется! Помоги намъ господи! Отпусти скорѣе грѣхи непрощенные!...

— Неужели вамъ такъ хочется умереть?

— А вамъ хочется ѣхать домой, на родину?

— Еще бы?

— Ну и мнѣ тоже. Только моя родина теперь не здѣсь, а на небѣ. Здѣсь мнѣ нечего искать больше; и чѣмъ скорѣе призоветъ господь къ себѣ, тѣмъ лучше.

Трижды ударили въ колоколъ. О. Анатолій вздрогнулъ и взялъ четки.

— Пора на правило, уже полночь. Прощайте, другъ мой! А мнѣ еще послѣ канона къ духовнику сходить надо: что-то трудно сегодня.

— А вы такъ и не ляжете спать?

— Успѣю выспаться когда смерть придетъ.

— Будто вы будете спать на томъ свѣтѣ?

— Вы все шутите! Спать будетъ только тѣло въ могилѣ, а душа не спитъ никогда.

О. Анатолій удалился.

Въ сосѣднихъ кельяхъ послышался однообразный, равномѣрный шелестъ. То отшельники отсчитывали узаконенное число поклоновъ утренняго правила.

(продолженіе будетъ).

Н. А. Благовѣщенскій.

СИБИРЬ

ПО БОЛЬШОЙ ДОРОГѢ.

(*Продолженіе*).

VII.

Непроизводительность сибирскаго труда.

Сибирь считается справедливо страной хлѣбородной, но совсѣмъ не потому, чтобы она поражала обиліемъ урожая и разнообразіемъ земледѣльческихъ продуктовъ, а единственно потому, что можетъ производить хлѣбъ, и то извѣстнаго сорта. Всѣ продукты земледѣльческой культуры, разнообразящіе потребности человѣка и его промышленную дѣятельность, въ настоящее время для Сибири невозможны. Сибирь производитъ яровую рожь, пшеницу, капусту и рѣдьку; въ ней ростетъ трава для коровъ и лошадей, и только. Поэтому потребности земледѣльческаго сословія могутъ быть удовлетворены самыми простыми и неприхотливыми предметами, и при одномъ уровнѣ цивилизаціи сибиряка и русскаго, жизнь русскаго будетъ всегда выше и разнообразнѣе жизни сибиряка. Жизнь человѣка, находящагося на низкой степени цивилизаціи, находится всегда въ исключительной зависимости отъ окружающей его природы. Лапландецъ не можетъ ѣздить на лошадяхъ, потому что лошадямъ у него ѣсть нечего; онъ не можетъ одѣваться въ полотно и бумажныя ткани, потому что у него не ростетъ ни ленъ, ни хлопчатникъ; онъ не можетъ питаться телятиной и рябчиками, потому что ихъ нѣтъ въ Лапландіи; ему даже незнакома капуста и морковь, неговоря уже о плодахъ, потому что лапландскій холодъ не позволяетъ рости

ни тому, ни другому. И у цивилизованныхъ англичанъ, положимъ, не ростетъ кофе и рисъ, нѣтъ тутовыхъ деревъ и хлопчатника; но у англичанъ есть другія условія исключительно мѣстныя, которыя сближаютъ ихъ и съ Индіей, и съ Китаемъ, и съ Америкой,—у англичанъ море рядомъ, у англичанъ пароходство. А что сдѣлаетъ самоѣдъ и лапландецъ съ пароходомъ, если бы даже онъ и завелся у него? Плыть на пароходѣ некуда, потому что не пустятъ льды, а скудная природа не даетъ ему ничего для промѣна на произведенія странъ богатыхъ природой. Нѣсколько въ такомъ же положеніи находится и Сибирь. Страна холодная и бѣдная естественными произведеніями, она растянулась такъ, что для нея не представляютъ почти никакихъ выгодъ сообщенія съ прилегающими странами. На западѣ Сибири лежитъ Россія, но Россія далеко отъ Сибири, потому что московскому ситцу нужно ѣхать до Забайкалья шесть тысячъ верстъ; а что дастъ Москвѣ Забайкалье, въ замѣнъ ея ситца? разумѣется не рожь или пшеницу, не воловью или баранью шкуру, ихъ везти не стоитъ. Страшное разстояніе возвышаетъ для восточной Сибири цѣну каждой русской вещи вдвое. Конечно, желѣзная дорога сократила бы разстояніе, но у кого есть средства для устройства ея на протяженіи шести тысячъ верстъ? На югѣ Сибири лежитъ Китай, но Китай отдѣляется отъ Сибири пустыней въ семьсотъ верстъ, и что можетъ предложить Сибирь Китаю? Прежде спрашивались тамъ мѣха, но теперь, послѣ знакомства съ англійскими фабричными издѣліями запросъ на сибирскіе мѣха уменьшился. Китайцамъ нужны еще плисы, сукна; но развѣ Сибирь производитъ и можетъ производить ихъ? Нѣтъ, товары эти идутъ изъ Россіи. Такъ что, если бы и вовсе не существовало этой семисотверстной пустыни, у Сибири не нашлось бы много добра на обмѣнъ съ китайскими произведеніями. На востокѣ Сибири Америка, и по Амуру ходятъ пароходы и даже существуетъ торговая амурская компанія. Но и отъ нихъ Сибирь не выигрываетъ ничего. Изъ Америки могутъ идти кофе, сахаръ, хлопокъ, вина, табакъ, да развѣ эти вещи нужны земледѣльческому населенію Сибири? Кофе ему не нуженъ; сигаръ и американскаго табаку онъ не куритъ, потому что предпочитаетъ махорку, которая и крѣпче и дешевле; вина винограднаго не пьетъ, потому что есть свое — хлѣбное. А хлопокъ для чего въ такой странѣ, гдѣ нѣтъ фабрикъ, гдѣ нѣтъ даже кузнецовъ, умѣющихъ ковать лошадей такъ, чтобы подковы держались на ногѣ мѣсяцъ и не сдирали торчащими изъ копыта гвоздями щиколку сосѣдней ноги. Амурская компанія напустила вначалѣ много шуму; но что

она сдѣлала? Въ Нерчинскѣ, ближайшемъ городѣ къ Амуру, всѣ лавки наполнены издѣліями съ нижегородской ярмарки; все русское, даже желѣзныя ведра, и нѣтъ ни одной американской вещи, ни одной американской сигары. А между тѣмъ, сахаръ въ Нерчинскѣ 50 к. фунтъ, свѣчи стеариновыя столько же. Положимъ, что стеаринъ не нуженъ для народа, но для него нуженъ сахаръ, ему нужны матеріи, полотна, сукна, потому что Сибирь производитъ въ скудномъ количествѣ и пеньку, и ленъ, и своими собственными произведеніями, если бы въ ней даже существовали фабрики, не въ состояніи одѣть все населеніе. И къ чему служитъ близость Амура и сообщенія съ Америкой, когда Сибирь не получаетъ ничего изъ Америки? А что отдастъ Сибирь Америкѣ, въ замѣнъ ея произведеній? Американецъ не возьметъ ни бараньяго сала, ни воловьихъ шкуръ, ни сибирской пшеницы, потому что при отсутствіи порядочныхъ дорогъ ихъ везти невозможно, а пшеницы едва достаетъ и самимъ сибирякамъ. Остается всѣ издѣлія вымѣнивать на звонкую монету; но гдѣ ее взять въ Сибири, когда даже и бумажки здѣсь самаго истерзаннаго вида. Наконецъ Сибирь вовсе не рынокъ для закупки звонкой монеты. Здѣсь ее нѣтъ, и слѣдовательно платить американцамъ нечѣмъ; поэтому гораздо проще устроить всѣ отношенія съ русскими купцами въ кредитъ и разсчитываться съ ними понемногу бумажками. Но если бы у Сибири и были деньги; если бы она даже и устроила торговыя сношенія съ Америкой, и кромѣ колоніальныхъ товаровъ получала бы все необходимое для одежды, хозяйства, дома, земледѣлія, то, при самой выгодной покупкѣ, сибиряку все это обходилось бы крайне дорого. Всякая вещь, которую производитъ сибирякъ, обходится ему съ большей потерей силъ и времени, не только сравнительно съ европейцами и американцами, но и сравнительно съ русскими. Не зная ни машинъ, ни улучшенныхъ способовъ разныхъ производствъ, не имѣя устроенныхъ путей сообщеній; живя въ странѣ, гдѣ стоверстное разстояніе такъ же считается мелочью, какъ для петербургскаго жителя одна верста; наконецъ, обязанный справиться съ своимъ тридцатидесятковымъ конемъ и съ стодесятиновымъ сѣнокосомъ въ три мѣсяца короткаго лѣта, сибирякъ для произведенія одного и того же результата напрягаетъ свои силы гораздо больше, чѣмъ для такого же результата напрягаетъ ихъ англичанинъ, американецъ, французъ, нѣмецъ. Произвести четверть пшеницы и доставить ее къ порту англичанину можетъ быть въ десять разъ легче, чѣмъ сибиряку. Громадныя сибирскія разстоянія попусту отнимаютъ много времени и силъ при слабосиліи лошадей. Англій-

скій мѣсяцъ, по продуктивности своей, уже разумѣется не меньше трехъ сибирскихъ и даже русскихъ мѣсяцевъ. Поэтому если англичанинъ получить отъ американца за одну четверть пшеницы бѣлье и полную для себя одежду, то сибиряку по расходу силъ и времени слѣдуетъ получить за ту же четверть три пары. А кто же ему ихъ дастъ? Очевидно, что всякое пріобрѣтеніе въ замѣнъ собственнаго продукта, обходится сибиряку сравнительно весьма дорого; сибирякъ долженъ производить очень много, чтобъ въ замѣнъ того получить очень мало; сибирякъ не можетъ производить ничего, требующаго искусства и техническихъ знаній, потому что у него нѣтъ ни машинъ, ни фабрикъ, ни техническаго образованія; наконецъ скудность производительныхъ силъ природы и суровый климатъ снабжаютъ сибиряка сырьемъ самымъ бѣднымъ по количеству, качеству и разнообразію. Производя мало вообще, но отдавая много, чтобы достать немного, сибирякъ для удовлетворенія своихъ потребностей долженъ постоянно сдерживать себя, ограничиваться самымъ необходимымъ, неизбѣжнымъ, и парализировать свое развитіе на каждомъ шагу. Нельзя впрочемъ обвинять тутъ сибиряка ни въ чемъ, такъ же какъ нельзя обвинять папоротникъ въ томъ, что онъ не ростетъ дубомъ. Множители, изъ которыхъ слагается результатъ труда сибиряка и англичанина, совершенно разныя величины; очевидно, что они и должны привести къ разнымъ результатамъ. Англичанинъ, какъ сила, если равенъ 2 и сибирякъ та же величина, то зато множитель труда перваго, при другихъ условіяхъ экономическаго быта, равный 5, производитъ 10; а для сибиряка множителемъ будетъ 1, а результатомъ 2. Цифры эти, взятыя произвольно, тѣмъ не менѣе объясняютъ вполнѣ вѣрно общую мысль и общую причину разницы экономическаго положенія сибиряка и иностранцевъ. Чтобы сибирякъ могъ очутиться въ положеніи болѣе выгодномъ, ему нужно установить свою мѣну такъ, чтобы продукты производства, стоящіе ему двухъ силъ, и мѣнялись на продукты, стоющіе другимъ той же самой силы. Мѣнять 2 на 4 невыгодно, а сибирякъ до сихъ поръ не зналъ другого закона въ своихъ промышленныхъ и торговыхъ сдѣлкахъ. Только въ этомъ и причина, почему Сибирь поражаетъ такой бѣдностью. Преувеличенные же толки о сибирскомъ богатствѣ произошли оттого, что богатства отдѣльныхъ личностей принимались за богатства всего населенія; по одному или двумъ золотопромышленникамъ, поившимъ шампанскимъ лошадей, заключили, что всѣ лошади Сибири пьютъ шампанское. Но и эти слова о сибирскомъ богатствѣ больше ничего, какъ преувеличенное преданіе о героическихъ временахъ

ая. Теперешняя прозаическая Сибирь рѣшительно ничѣмъ не напо-

минаетъ и не оправдываетъ своей старой репутаціи. Есть въ ней, какъ говорятъ, благословенные уголки въ родѣ Минусинскаго округа, гдѣ мужики гребутъ золото лопатами, но округъ этотъ въ сторонѣ отъ большой дороги, и я его не видѣлъ. То, что я видѣлъ, на протяженіи шести тысячъ верстъ, сдѣланныхъ въ Сибири, не напоминало ничѣмъ ни богатства, ни благоденствія края.

VIII.

Зачатки пролетаріата. Экономическая неразвитость. Кто поможетъ.

Географическія границы Сибири не совпадаютъ съ границами административными. На перевалѣ уральскаго хребта, въ 17 верстахъ отъ Билимбаевскаго завода, стоитъ мраморный столбъ; по одну сторону его написано «Европа», по другую «Азія». Это-то и есть настоящая географическая граница; административная же начинается триста верстъ дальше, не доѣзжая семидесяти верстъ до Тюмени.

Для человѣка, ѣдущаго по вспаханному полю, которое за неимѣніемъ лучшихъ сообщеній служитъ почтовымъ трактомъ, справки о качествѣ дороги впереди составляютъ единственный важный вопросъ. На всѣ спросы получается одинъ отвѣтъ: «здѣсь дорога худа, а дальше будетъ еще хуже; въ сравненіи съ дорогой сибирской все это еще ничего; три станціи передъ Тюменью придется ѣхать мостами». И точно послѣднія три станціи вмѣсто кучъ песку, поросшихъ отъ времени травой, представлялись сплошной грязью; по сторонамъ дороги глядѣла болотная вода да кочки, да безпорядочныя болотныя насажденія; а дорога, проложенная по топкому мѣсту, была выстлана поперекъ бревнами. Дороги такого свойства очень обыкновенны въ Россіи; онѣ есть даже и подъ гордящимся европейской цивилизаціею Петербургомъ. Ну а ужъ Сибири какъ не имѣть вмѣсто шоссе гать. Но такія благоразумныя разсужденія, особенно если они дѣлаются въ пути, требуютъ отъ человѣка слишкомъ большого благоразумія, а еще больше безчувственности. Если же васъ трясетъ до того, что вся кровь бьетъ въ голову и дѣлается шумъ въ ушахъ, когда у васъ разбиваетъ

грудь до того, что вы боитесь дышать, когда станцію въ тридцать верстъ вы ѣдете 7—8 часовъ, а то и болѣе, когда вашъ экипажъ засядетъ въ грязи, какъ-разъ въ самомъ селеніи подлѣ вновь строющагося моста, или хлопнется въ выбоину, и передняя ось, не выдержавъ всей тяжести экипажа и силы удара, лопнетъ, а вы останетесь среди лѣсного болота, вдали отъ всякаго селенія и кузницы, — въ подобныхъ случаяхъ едва ли даже возможно воздержаться отъ негодованія и молча, переносить свою бѣду. Разумѣется, браниться не ведетъ ни къ чему. Да и кого бранить? Ямщика? Ямщикъ и самъ недоволенъ дорогой, и пожалуй больше проѣзжающаго. Станціонный смотритель тоже бранитъ дорогу. Обозные ямщики и купцы, отправляющіе товары, тоже. Покупщики этихъ товаровъ понимаютъ, что дорогой провозъ падаетъ на нихъ. Мѣстное начальство не признаетъ дороги хорошею. Почтмейстеръ знаетъ, что почта идетъ медленнѣе, чѣмъ слѣдуетъ по положенію. Дурное состояніе дорогъ извѣстно даже высшимъ губернскимъ властямъ. Однимъ словомъ — всѣ говорятъ что дорога хула; но дорога отъ этого не становится лучше. Въ чемъ же причина такого страннаго явленія. Привычка и больше ничего. Привыкли къ дурной дорогѣ и никому въ дѣйствительности не нужна другая, хорошая. Это совершенно такъ же, какъ низкій уровень потребностей въ быту рабочаго сословія. Рабочій выросъ во всемъ дурномъ и свыкся съ нимъ. Онъ знаетъ, что спать на постели и подъ одѣяломъ удобнѣе и пріятнѣе, чѣмъ на голыхъ доскахъ съ клопами и тараканами; онъ знаетъ, что мясо вкуснѣе хлѣба и чай пріятнѣе квасу. Да мало ли, что онъ знаетъ, и все-таки спитъ съ клопами и тараканами, пьетъ квасъ вмѣсто чая, живетъ въ избѣ холодной, гдѣ дуетъ и съ полу, и изъ оконъ, и колотитъ свою жену, когда ему захочется. Рабочій выросъ въ такихъ привычкахъ и обычаяхъ, и находя ихъ дурными и неудобными, онъ все-таки не обращается къ другимъ. Бѣдность, скажутъ филантропы. Да, бѣдность. Бѣдность матеріальная и умственная; крѣпость нервовъ, привыкшихъ къ грубымъ впечатлѣніямъ, и отсутствіе дѣйствительной потребности стать выше того уровня, въ которомъ человѣкъ поставленъ и самъ себя держитъ добровольно.

Въ Тюмени, первомъ сибирскомъ городѣ, дорога не лучше. Городъ стоитъ на черноземной почвѣ, и въ весеннюю грязь и послѣ дождей улицы разбиваются въ немъ колесами еще хуже, чѣмъ почтовая дорога. Жители сдѣлали было опытъ улучшенія улицъ, и одинъ изъ подъемовъ выложили досками; но отношеніе этой благоустроенной дороги къ дли-

нѣ остальныхъ улицъ такое же, какъ двухъ торцовыхъ заплатокъ Казани къ остальнымъ улицамъ города. Опытъ этотъ продолжаться, разумѣется, не будетъ; выкладывать весь городъ досками слишкомъ дорого, а къ дурной улицѣ привыкнуть еще можно; вотъ почему тюменцы останутся при своихъ черноземныхъ поляхъ.

А между тѣмъ Тюмень самый богатый и промышленный городъ Сибири. Въ Тюмени доставляются на пароходахъ китайскіе товары и оттуда идутъ гужомъ на Пермь; точно такъ же и русскіе товары останавливаются здѣсь для нагрузки ихъ на пароходы. Но это обстоятельство еще не имѣло бы особаго вліянія на оживленіе и богатство города; и Пермь служитъ грузовымъ и складочнымъ мѣстомъ, а городъ все-таки мертвый. Причина особенной оживленности Тюмени въ ея промыслахъ и ремеслахъ. Жители Тюмени занимаются кожевеннымъ производствомъ, шьютъ бродни (особенный родъ сапоговъ съ высокими, мягкими, нечерненными голенищами, для золотыхъ промысловъ), сапоги, рукавицы, варятъ мыло, ткутъ ковры и занимаются извозомъ. Кожевенное производство и приготовленіе изъ него издѣлій занимаютъ первое мѣсто. Но какъ великъ размѣръ производства? Сколько человѣкъ заняты имъ? вотъ вопросы, которые порѣшить на мѣстѣ было не совсѣмъ легко. Къ кому обратиться для свѣденій? Разспрашивать купцовъ? Но они имѣютъ привычку не говорить правду, уменьшать размѣры своей торговли, умалчивать о выгодахъ. Разспрашивать отдѣльно рабочихъ — египетская работа, и тоже не узнаешь правды. Основываться на офиціальныхъ данныхъ — но и онѣ совершенно произвольны. Вотъ обыкновенныя трудности, встрѣчаемыя нашими статистиками, если они захотятъ добиться правды на мѣстѣ, а не основываться на произвольной цифрѣ перваго встрѣчнаго. Вотъ однако свѣденія, собранныя мной въ Тюмени.

Въ Тюмени шьется до 70,000 паръ бродней. Товаръ и дратву даютъ подрядчики купцы, и платятъ за пару 40 к. ассигнаціями. Сапожникъ можетъ сработать въ день три пары. Кожа на бродни, худая, стоитъ 75 к., хорошая — 90 к. сер., а пара бродней продается за 1 р., до 1 р. 15 к., такъ что барыша хозяину-сапожнику приходится отъ 2 до 15 к. серебромъ. Въ производствѣ существуетъ полная система раздѣленія труда. Купецъ (капиталистъ) даетъ товаръ хозяину-сапожнику; тотъ кроитъ и отдаетъ рабочимъ къ шитью. Случается, что работаютъ въ мастерскихъ, а еще чаще работа отдается мастерамъ на домъ. Шитьемъ занимаются мужчины, женщины и даже дѣти. Въ отдаленныхъ и бѣдныхъ частяхъ города очень обыкновенная вещь увидѣть

на улицѣ 10 — 12-лѣтнихъ дѣвочекъ, занятыхъ точаньемъ рукавицъ. Такая маленькая работница шьетъ нисколько не хуже взрослаго. Сапоги имъ не подъ силу, особенно подшивка подошвы; но онѣ точаютъ голенищи и рукавицы, приготовляемыя изъ мягкой кожи. Такая дѣвочка сшиваетъ до 10 и даже 15 паръ рукавицъ въ день и получаетъ собственно за первоначальную тачку по 1 $^1/_2$ коп. за пару. Работа дѣвочки ограничивается стачиваніемъ главныхъ частей. Работаетъ она въ день часовъ 10—12. За сотню рукавицъ на манеръ мурашкинскихъ платятъ купцы 4 р. сер., а за рукавицы попроще 9 р. асс. за сотню. Эти 9 руб., или 9 к. за пару, распредѣляются такъ: кройщикъ беретъ себѣ 5 к. за выкройку, выправку и чеканку готовой рукавицы (чеканъ—тисненый рисунокъ), а 4 к. асс. отдаются за полное шитье всей рукавицы. Купцы продаютъ такія рукавицы отъ 26 рублей до 31 р. 50 к. за сотню и выручаютъ барыша отъ 5—7 и болѣе р. съ сотни. Всѣхъ рукавицъ приготовляется болѣе 300,000 паръ. Эти 5—7 рублей, или барышъ купца, могли бы, разумѣется, достаться рабочимъ, но для этого нужно, чтобы рабочіе составили артель. Что же мѣшаетъ рабочимъ собираться въ артель и входить въ непосредственныя сношенія съ купцами-скупщиками! Если артельность такое присущее качество русскаго человѣка, какъ увѣряютъ многіе русскіе писатели, то отчего же мы не находимъ нигдѣ артелей, кромѣ плотниковъ? Отчего тюменскому сапожнику или рукавичнику и тюменской бабѣ, ткущей ковры, никогда и въ голову не приходила мысль ни о какой артельности? Гдѣ эта артельность, когда на каждомъ шагу въ крестьянскомъ быту видишь постоянную эксплуатацію бѣднаго богатымъ? Когда въ каждой деревнѣ есть свой богатырь, дающій за жидовскіе проценты своимъ односельцамъ и деньги, и хлѣбъ на посѣвы? Когда во всѣхъ промыслахъ, производимыхъ внѣ торговыхъ центровъ и мѣстъ, какъ напримѣръ землекопныя работы и золотые промыслы, обыкновенно удаленные отъ жилья, существуетъ система выдачи рабочимъ натурой всего, что имъ нужно? Рабочій можетъ получить изъ хозяйской лавки чай, сахаръ, сапоги, кафтанъ, платокъ, однимъ словомъ—все, что относится до крестьянскаго быта, и выплачиваетъ ему за все съ лихвой своею работой. Такая благородная система создалась исключительно для помощи рабочему. Гдѣ же ему бѣдному купить чай или сапоги, когда ближайшая лавка лежитъ за сто верстъ. Вотъ услужливый хозяинъ и устроилъ для него лавку. И филантропично, и выгодно, т. е. для хозяина. Въ Англіи подобная система рѣшительно запрещена закономъ, потому что

ею возмущалась вся страна. Но наши купцы-подрядчики возражаютъ весьма справедливо, что рабочій заплатитъ лучше дорого, чѣмъ рѣшится отказаться отъ того, что ему нужно. И это справедливо, тѣмъ болѣе, что долгъ дѣлается легко и ростетъ незамѣтно; ну а если рабочему и будетъ трудненько его отработать, чѣмъ же виноватъ въ этомъ хозяинъ, — не силой же онъ навязывалъ свой выгодный товаръ. Вотъ и основаніе, по которому сапожникъ получитъ за работу ста паръ рукавицъ 1 р. 15 к. сер., а купецъ, давшій ему работу, получитъ барыша 6 руб. сер., и только за то, что онъ далъ рукавишнику работу. Въ томъ и другомъ случаѣ купецъ получаетъ за услугу рабочему выгоду, вовсе не соразмѣрную со степенью услуги. Но что́ же мѣшаетъ рабочему оказать самому себѣ эту услугу? Зачѣмъ онъ нейдетъ въ артель? А нейдетъ онъ только потому, что самая мысль артельности еще чужда ему; что артельность вовсе не составляетъ непремѣнной принадлежности русскаго рабочаго и встрѣчается въ видѣ исключенія только между плотниками, между рабочими петербургской биржи, между татарской трактирной прислугой, да въ уральскихъ рыболовныхъ ватагахъ. При всей своей печальной экономической зависимости рабочій не идетъ дальше простого пониманія что ему худо; онъ не доросъ еще до обсужденія средствъ выйдти изъ этого положенія. Еще замѣтнѣе экономическая неразвитость и промышленный застой тюменцевъ въ ихъ ковровомъ производствѣ. Тюмень съ окрестными деревнями продаетъ въ годъ до 20,000 ковровъ. Петербургскіе жители могутъ видѣть эти ковры въ шорныхъ лавкахъ, у Казанскаго собора. Коверъ, продаваемый въ Петербургѣ за 7 рублей, сто́итъ въ Тюмени 3 рубля. По достоинству рисунка и ткани ковры эти такъ низки, что ихъ берутъ въ Петербургѣ на попоны и для подстилки въ сани. Но и нѣтъ никакой надежды, чтобы женщины, занимающіяся тканьемъ, довели свое производство до такого совершенства, чтобы ковры ихъ стали выше попоны. Какъ производилось тканье сто лѣтъ назадъ, такъ точно производится оно и нынче; только размѣръ производства увеличился, благодаря увеличенію потребности. Тюменскіе ковры двухъ сортовъ: одни — половики, безобразнаго рисунка и самаго страннаго соединенія цвѣтовъ, ткутся совершенно прямой, холщевой тканью; другіе — бархатные, приготовляются дѣйствительно особеннымъ замѣчательнымъ способомъ. Заводится основа и затѣмъ нарѣзывается шерсть кусочками въ полвершка длиной. Этими кусочками и дѣлается бархатъ. Ткутъ коверъ такимъ образомъ. Дѣлаютъ утко́мъ закромку ковра въ полвершка, ме-

нѣе или болѣе, потомъ нарѣзанные кусочки навязываютъ на основу непрерывнымъ рядомъ по направленію утка; навязавъ, пропускаютъ утокъ, приколачиваютъ его бедромъ и выравниваютъ въ линію узелки, потомъ завязываютъ другой рядъ, пропускаютъ утокъ и приколачиваютъ. Затѣмъ третій рядъ узелковъ, снова утокъ и т. д. Узелки навязываютъ такъ, что каждый изъ нихъ торчитъ на лицевой сторонѣ ковра обоими своими концами. Довольно длинные концы узелковъ сравнительно съ коврами разрѣзного бархата придаютъ тюменскимъ коврамъ особенную мягкость и толстоту, которою не отличаются ковры разрѣзного бархата фабричной работы; но зато тюменскіе ковры берутъ вдвое больше шерсти и представляютъ съ изнанки шерстяную поверхность, чего нѣтъ у ковровъ машиннаго тканья. Несмотря на это неэкономическое употребленіе матеріала и на огромный трудъ, они продаются чрезвычайно дешево. Коверъ въ три арш. длины и два аршина ширины продается въ городѣ за 3 рубля. Въ бархатномъ коврѣ такого размѣра дѣлается 100,000 завязокъ или кончиковъ, т. е. за одну копѣйку дѣлается 350 узелковъ. Шерсть съ окраской стоятъ 2 р. и рубль приходится за работу. Коверъ тчется вдвоемъ въ $3\,^1/_2$ дня, слѣдовательно чистаго заработка въ день на двухъ одинъ рубль ассигнаціями; понятно, что существовать исключительно этимъ промысломъ нельзя; онъ можетъ быть подспорьемъ другимъ занятіямъ, или же въ состояніи дать средство для существованія только при огромномъ размѣрѣ производства на фабричный ладъ. Но тогда новая бѣда, которую теперь не испытываютъ работницы у себя на дому. Кажется, что можетъ быть проще усовершенствованія производства; стоитъ измѣнить ткань, а это дастъ экономію ровно на половину въ матеріалѣ, т. е. изъ двухъ рублей сбережетъ одинъ рубль; затѣмъ ткать по рисункамъ болѣе изящнымъ, и улучшенные тюменскіе ковры найдутъ себѣ обширный сбытъ. Все это, разумѣется, просто, и все-таки невозможно для тюменцевъ. Завести механическіе ткацкіе станки не по силамъ ткачихамъ; да если бы и было подъ силу, кто будетъ чинить ихъ въ случаѣ порчи. Можно бы завести станы съ челкомъ-самолетомъ; но и это не приходитъ никому въ голову. Можно бы и измѣнить ткань; но кто научитъ этому? Можно бы и сочинять весьма разнообразные и красивые рисунки; но кто станетъ ихъ сочинять? И остаются тюменскіе ковры все прежними тюменскими коврами, годными на попоны, да на подстилку въ сани. Чтобы производство это вышло изъ своего азіятскаго застоя, нужно, чтобы между производителями явилась одна свѣтлая голова, и дала

производству новый толчокъ. Но такой головы еще не было и нѣтъ между ткачихами, да едва ли и можно ожидать скоро ея появленія. Вотъ гдѣ бы нужно было явиться на помощь вольному экономическому обществу, или московскому обществу сельскаго хозяйства. Общества эти владѣютъ большими капиталами, завели у себя и фермы, и библіотеки; члены собираются и въ обыкновенныя, и въ экстренныя, и въ чрезвычайныя собранія; разсуждаютъ и спорятъ о разныхъ вопросахъ; тратятъ ежегодно большія суммы на разныя по ихъ мнѣнію полезныя предпріятія; но въ чемъ польза ихъ? на сколько двинулось наше сельское хозяйство и промышленность отъ чтенія годовыхъ отчетовъ, и чему научило это общество Россію? А между тѣмъ польза отъ этихъ обществъ могла бы быть большая, хотя бы даже для Тюмени. Стоило бы ввести два, три станка простого, но лучшаго устройства, чѣмъ существующіе въ Тюмени; научить десять бабъ разнымъ ковровымъ тканямъ; завести школу рисованія и тюменскіе ковры пожалуй не уступили бы берлинскимъ. И всю эту революцію въ мѣстномъ производствѣ можно сдѣлать въ годъ, два, а въ три года имѣть своихъ рисовальщицъ и тысячи ковровыхъ узоровъ. Лучше бы всего, если бы наши сельско-хозяйственныя общества взяли на себя поощреніе и развитіе подобныхъ крестьянскихъ производствъ, а также устройство ихъ на артельномъ началѣ, чтобы намъ избѣгнуть несчастія имѣть свой собственный фабричный и рабочій пролетаріатъ, отъ котораго уже слишкомъ тяжело приходится западной Европѣ. Артель, окрѣпнувъ, существовала бы потомъ уже и безъ содѣйствія общества. Съ тюменскими броднями и рукавицами могло бы быть то же самое. За что рабочій получаетъ отъ 100 паръ рукавицъ 1 р. 15 к., а купецъ имѣетъ выгоды отъ той же сотни паръ 6 рублей? Купецъ отвѣтитъ, что онъ имѣетъ такую выгоду потому, что владѣетъ капиталами; значитъ вина рабочаго въ томъ, что у него нѣтъ денегъ? Очевидно, что если бы общество московское или вольно-экономическое снабжало рабочаго матеріалами и устроило склады для продажи издѣлій въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дѣлаются ими закупы для промысловъ, то рабочій получалъ бы не 1 р. 15 к., а можетъ быть 3 р. 15 к. И въ этомъ дѣлѣ обществу достаточно было ограничить свое содѣйствіе только тѣмъ временемъ, пока артель рукавичниковъ и сапожниковъ не окрѣпнетъ и не устроитъ сама всѣхъ сношеній съ потребителями. Мысли эти весьма просты и легко осуществимы; но вопросъ въ томъ, способны ли наши экономическія общества на подобное дѣло? Въ состояніи ли онѣ перестать заниматься разговорами

и перейдти отъ сельско-хозяйственныхъ умозрѣній и теорій къ дѣйствительной практикѣ? Если же нашимъ сельскимъ и городскимъ промышленникамъ не помочь, они сами не встанутъ на ноги, потому что у нихъ нѣтъ для этого ни знаній, ни денегъ; будутъ они биться, какъ бьются нынче, пока не подвернется предпріимчивый и денежный человѣкъ и, устроивъ фабрики и мастерскія, не заберетъ ихъ всѣхъ къ себѣ въ рабочіе. И теперь мастерамъ худо, потому что они въ рукахъ хозяевъ-купцовъ, но по крайней мѣрѣ они работаютъ дома. Тогда же они превратятся въ фабричныхъ рабочихъ, а это зло будетъ уже настоящимъ фабричнымъ пролетаріатомъ—съ бѣдностью, невѣжествомъ и развратомъ.

Несмотря на свое выгодное промышленное положеніе, Тюмень поражаетъ огромнымъ числомъ нищихъ. Здѣсь нищенство весьма беззастѣнчиво и для многихъ существуетъ вѣроятно какъ промыселъ. Есть нищіе, особенно изъ дѣтей, одѣтые въ чистыя ситцевыя рубашки, здороваго, свѣжаго вида, просящіе милостыню какъ заученный урокъ. Есть нищіе взрослые, менѣе опрятнаго вида, которые начинаютъ ругаться когда вмѣсто милостыни предлагаютъ имъ работу. Но есть и нищета дѣйствительная. Эта нищета живетъ въ полуразвалившихся лачужкахъ и, лишенная средствъ существованія, не можетъ жить иначе, какъ христорадничествомъ. Въ Тюмени есть нѣсколько улицъ, гдѣ живетъ нищета дѣйствительная и развратъ, вызванный нищетой. Есть жалкія лачуги, гдѣ старая, безсильная мать живетъ развратомъ дочери, для которой этотъ промыселъ служитъ подспорьемъ, когда нѣтъ поденной работы. Въ Тюмени, какъ въ промышленномъ городѣ, живутъ зародыши всего, что въ англійскихъ фабричныхъ городахъ развилось до такихъ страшныхъ размѣровъ. Предоставленная сама себѣ, наша промышленность, по своимъ печальнымъ результатамъ, не отстанетъ отъ того, что представляетъ западная Европа. Говоря объ Англіи мы ставимъ въ укоръ англичанамъ, что у нихъ въ первой по богатству и размѣру столицѣ умираютъ люди съ голоду, самодовольно думая, что при нашемъ земельномъ богатствѣ у насъ живетъ только изобиліе. Къ сожалѣнію статистика говоритъ другое. Напримѣръ въ Казанской губерніи изъ 34 самоубійствъ, бывшихъ въ 1856 году, 3 сдѣланы отъ бѣдности и изъ 19 случаевъ въ 1857 году 1 изъ бѣдности. Переводя на проценты, выходитъ, что въ первомъ случаѣ 9, а во второмъ 5% общаго числа самоубійствъ были вызваны бѣдностью. Разумѣется, самоубійство не голодная смерть, но предупрежденіе ея. Цифры эти извле-

чены нами изъ статистики Казанской губерніи Лаптева. Разумѣется, Казанская губернія не составляетъ губерніи исключительной для случаевъ самоубійствъ; кромѣ того она не изъ числа особенно бѣдныхъ губерній, слѣдовательно очевидно, что случаи самоубійствъ отъ бѣдности должны повторяться и въ другихъ губерніяхъ. Въ какомъ размѣрѣ—неизвѣстно; но они есть и въ другихъ мѣстахъ Россіи. Тюмень не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ, потому что статистика Тобольской губерніи еще не появилась; если же составитель ея обратитъ вниманіе на экономическій бытъ народонаселенія, то разумѣется мы узнаемъ о благословенномъ уголкѣ Сибири такія вещи, что пристыдимъ и Манчестеръ и Лондонъ.

IX.

Тюменскіе постоялые дворы. Хлѣбъ — глина. Сибирская малоземельность.

Тюмень исключительно городъ промышленный и торговый; въ немъ живутъ купцы самые значительные въ Сибири; въ Тюмени есть ремесленники, мастеровые, извощики и чернорабочіе; но общественной жизни, несмотря на 15 т. населенія, въ городѣ нѣтъ; причина простая: характеръ общественной жизни опредѣляется потребностями большинства; большинство же населенія Тюмени имѣетъ и потребности, и средства самыя ограниченныя; оно не волнуется общественными вопросами, не ищетъ утонченныхъ наслажденій и удовлетворяется весьма немногимъ. Поэтому Тюмень въ характерѣ внутренней жизни похожа на городъ азіятскій или турецкій, съ той разницей, что турецкія кофейни замѣнены русскими кабаками. Тюменскіе богачи или тамошняя аристократія не имѣютъ, разумѣется, никакого вліянія на общій характеръ жизни города, потому что живутъ своимъ замкнутымъ небольшимъ кружкомъ.

Вслѣдствіе того, что уровень потребностей большинства весьма ограниченъ, прихотливый, даже пожалуй и неприхотливый путешественникъ, не останется доволенъ городомъ. Гостинницъ въ немъ нѣтъ, а есть постоялые дворы, не особенно щеголяющіе даже чистотой. Въ почтовой

гостиницѣ, содержимой отъ вольной почты, и куда васъ провезетъ непремѣнно ямщикъ, если вы не знаете куда ѣхать, устройство нумеровъ напоминаетъ конюшню большого размѣра; а клоповъ въ каждомъ стулѣ и диванѣ, набитыхъ вмѣсто волоса кирпичами, такое обиліе, что если собрать всѣхъ клоповъ Москвы и Петербурга, то ужь разумѣется въ гостиницѣ окажется ихъ больше. Гостиницу эту можно бы цѣликомъ, какъ она есть, съ диванами, клопами, съ ея удивительными чайными приборами и съ сторожемъ при нумерахъ отправить на лондонскую выставку. Въ Европѣ, разумѣется, не видѣли такихъ диковинокъ; и почтъ-содержателю дадутъ большую золотую медаль.

Тюменскіе постоялые дворы разсчитаны на людей неприхотливыхъ и непривыкшихъ къ удобствамъ. Въ нихъ есть и мебель, есть и кровати; но на мебели сидѣть мученье, а на кроватяхъ спать невозможно,—голыя доски, съ клопами. Съ человѣка за помѣщеніе и ѣду берется рубль въ сутки. За этотъ рубль путешественникъ получаетъ два раза въ день самоваръ, къ нему сливки, хлѣбъ и затѣмъ обѣдъ и ужинъ. Въ достовѣрности самовара и сливокъ сомнѣваться нельзя, всякій признаетъ ихъ самоваромъ и сливками. Не то съ хлѣбомъ. Хотя Тюменцы и выдаютъ свои булки и сухари за хлѣбъ, но это происходитъ часто не невѣденію. Вопросъ этотъ разъясненъ вполнѣ Льюисомъ. Онъ говоритъ, что къ числу странъ, гдѣ питаются люди глиной, относятся Сіамъ, Сибирь и Камчатка, и ссылается на свидѣтельство Бурдаха. Свидѣтельство это можетъ быть подкрѣплено показаніемъ всѣхъ лицъ, посѣщавшихъ Сибирь и бывавшихъ также въ странахъ, знакомыхъ съ употребленіемъ хлѣба. То, что въ Тюмени зовется хлѣбомъ, представляетъ вещество желтовато-сѣраго цвѣта, весьма плотное, уксуснокислаго вкуса; мягкое, но лишенное упругости и чрезвычайно тяжелое. Сколько можно судить объ этомъ веществѣ наглядно, не подвергая его химическому разложенію, это должно быть или уксуснокислая, или сѣрнокислая глина. Послѣднее вѣроятнѣе, хотя химикамъ и минералогамъ подобное соединеніе неизвѣстно. Начиная отъ Тюмени и во весь путь до Нерчинскаго завода путешественникъ уже не встрѣчаетъ бѣлаго хлѣба; народъ приготовляетъ вездѣ изъ пшеницы сѣрнокислую глину. Только въ губернскихъ городахъ — Тобольскѣ, Томскѣ, Красноярскѣ и Иркутскѣ можно имѣть за баснословную цѣну такъ называемый бѣлый хлѣбъ. Неприхотливость людей въ этомъ случаѣ дѣйствительно замѣчательна. Въ Сибири мельницъ мало; на широкихъ рѣкахъ устраивать ихъ не умѣютъ; въ восточной Сибири люди не знаютъ

что такое вѣтреная мельница, и крестьяне мелятъ муку или на мельницахъ, конныхъ, или водяныхъ. Приготовленіе крупчатки народъ не хочетъ знать, находя ее невыгодной; а потому смолотая и непросѣянная мука идетъ прямо на приготовленіе хлѣба, который печется гдѣ на дрожжахъ, а большею частію на закваскѣ. Сибирскій пшеничный хлѣбъ имѣетъ вкусъ чрезвычайно непріятный, и для человѣка, выросшаго на хлѣбѣ европейскомъ, кажется веществомъ совершенно не съѣдобнымъ, которымъ можно питаться только въ крайности.

Обѣды и ужины постоялыхъ дворовъ имѣютъ тоже нѣчто общее съ пшеничнымъ хлѣбомъ. Прежде всего дается холодное — языкъ или студень; потомъ супъ; жаркое съ огурцами или съ качанной кислой капустой; блинцы или каша и наконецъ стаканъ молока. И это каждый день. При европейскомъ способѣ приготовленія все это можетъ быть очень хорошо; но какъ въ Сибири вообще не процвѣтаютъ никакія знанія и искусства, то и тюменскіе обѣды нравятся только первые два дня послѣ дороги, гдѣ путешественникъ не находитъ ничего кромѣ яицъ, молока и глины. Съ третьяго дня обѣдъ начинаетъ претить. Ѣда постоялыхъ дворовъ была бы лучше, еслибъ она была въ чисто-русскомъ вкусѣ, если бы на ней не отразилось западное вліяніе. Теперь же тюменскіе постоялые дворы находятся въ первомъ періодѣ перехода къ гостиницамъ — и вышли они ни гостиницы, ни постоялые дворы. Эта-то переходность и убійственна. Но другими имъ и быть нельзя. Гостиница выражаетъ потребности тѣхъ лицъ, для которыхъ она устроена; она стоитъ въ уровень съ тѣмъ слоемъ общества, для котораго существуетъ. Поэтому тюменскій постоялый дворъ былъ бы невозможенъ въ Лондонѣ, Парижѣ, Берлинѣ; и нѣмецкая гостиница съ ея чистотой, кельнерами и т. д. невозможна въ Тюмени. Поэтому же въ каждомъ маленькомъ заграничномъ городѣ есть кофейныя и пивныя, гдѣ люди собираются поговорить о дѣлахъ; есть газеты и журналы; есть книжныя лавки; есть все что нужно для умственной жизни. А въ Тюмени нѣтъ ничего этого, потому что оно не нужно никому. Не говоря про Тюмень, даже въ Казани, въ этомъ университетскомъ городѣ, существуетъ одна книжная лавка, въ которой нѣтъ ничего кромѣ книжнаго хлама, въ старинныхъ кожаныхъ переплетахъ.

Съ Тюмени начинаешь чувствовать, что вступаешь въ совершенно новый міръ. Женская одежда уже не напоминаетъ русскаго сарафана; пожилыя женщины и вдовы ходятъ въ какихъ-то особенныхъ салопахъ, какіе нашивались въ Россіи лѣтъ сорокъ назадъ; перчатки—шерстяныя

или бумажныя, вязанныя — составляютъ принадлежность костюма мѣщанокъ; все напоминаетъ старину и старообрядство; даже дома отличаются масивностью и наводягъ уныніе темнокоричневымъ цвѣтомъ своихъ стѣнъ, некрашенныхъ, необитыхъ тесомъ и пожелтѣвшихъ отъ суроваго климата.

Съ Тюмени же кончаются всѣ удобства пути, и во всю нестерпимо долгую сибирскую дорогу не встрѣтишь нигдѣ ни газетъ, ни журналовъ, какъ будто бы весь міръ вымеръ и осталась одна Сибирь. И чувствуешь, что живешь гдѣ-то въ новомъ свѣтѣ. Здѣсь какъ будто видишь совсѣмъ новую страну, только-что явившуюся послѣ геологическаго переворота и съ только-что созданнымъ человѣкомъ. Человѣкъ этотъ начинаетъ строиться и улаживать свой гражданскій и общественный бытъ. Онъ еще не знаетъ, что тамъ, за тысячу верстъ, отъ него живутъ уже люди; что люди эти могутъ помочь ему; что у нихъ есть знанія, культура. Оторванный отъ остальнаго человѣчества онъ составляетъ особнякъ и старается доходить своимъ умомъ до всего, что уже давно извѣстно его далекимъ сосѣдямъ. Эта-то изолированность Сибири чувствуется на каждомъ шагу, когда приходишь въ соприкосновеніе съ народомъ; она-то сообщаетъ всей сибирской жизни характеръ пустыни; каждое селеніе, каждый даже городъ — это почипнокъ, лежащій одиноко въ степи. Людямъ неизвѣстны еще ни грамота, ни книгопечатаніе, ни искусства; они только-что перешли изъ періода скотоводства къ ближайшему экономическому быту — земледѣльческому, и тутъ, раздѣленные огромными растояніями, живутъ замкнутой одиночной жизнью, не интересуясь не только тѣмъ, что дѣлается тамъ въ далекой Европѣ, но и тѣмъ, что происходитъ въ сосѣдней деревнѣ.

Главная причина всего этого разумѣется въ растянутости страны; растянутость, которая, даже при самомъ высокомъ развитіи гражданскаго и экономическаго быта Сибири будетъ давать себя чувствовать. Основываясь на огульной цифрѣ пространства Сибири многіе приходятъ въ воинственный восторгъ; въ нихъ является безотчетное благоговѣніе къ этому великому пространству; они чувствуютъ за нимъ силу, вовсе не подозрѣвая, что въ этомъ-то пространствѣ и заключается слабость Сибири. Въ Сибири считается 260.000 квад. миль; она больше Англіи въ 45 разъ и въ 27 разъ больше Франціи, между тѣмъ населеніе Сибири въ 312 разъ рѣже, чѣмъ населеніе Англіи и въ 234 раза рѣже населенія Франціи; ясно, что всѣ сношенія сибиряковъ между собой на столько же затруднены, на сколько отдѣльныя лица и населенія Си-

бири стоятъ рѣже лицъ и населеній Англіи и Франціи. То, что для англичанина верста, то для сибиряка 45 верстъ. Можетъ ли подобный размѣръ отношеній быть выгоденъ въ общественныхъ дѣлахъ края? Тамъ, гдѣ у англичанъ работаетъ на данномъ пространствѣ 312 силъ, а во Франціи 234 силы, въ Сибири работаетъ одна: Что же тутъ хорошаго? Чѣмъ же тутъ гордиться и какимъ образомъ предполагать силу, когда ее нѣтъ?

И въ сравненіи съ Россіей Сибирь оказывается не только слабѣе въ качественномъ отношеніи, но и въ своихъ земельныхъ производительныхъ силахъ. Площадь Россіи считается въ 93,000 квад. миль, а площадь Сибири въ 260,000; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы въ земледѣльческомъ отношеніи Сибирь была больше. Не считая 90,000,000 десятинъ ни къ чему негодной полосы, прилегающей къ ледовитому морю. въ каждой губерніи Сибири считается не болѣе пятой части земли годной для хлѣбопашества. Въ Тобольской губерніи считается 27,000 квадрат. миль общаго пространства, а земля, удобная для хлѣбопашества занимаетъ около 20 милльоновъ десятинъ, а неудобная болѣе 100 милльоновъ. Въ Томской губерніи отношеніе это нѣсколько выше. Точныхъ свѣденій по этому вопросу въ Сибири разумѣется нѣтъ. Но зная, что выше 57° климатъ не благопріятствуетъ урожаямъ, что въ Конискомъ округѣ выше 56° начинаются уже болота, сливающіяся съ тундрами при ледовитомъ морѣ; что къ правому берегу Иртыша прилегаетъ безплодная Кулундинская степь, можно площадь земли, годной для культуры, принять даже менѣе одной трети. Въ Енисейской губерніи только Конискій и Минусинскій округи имѣютъ прекрасныя почвы для земледѣлія. Въ восточной части Минусинскаго округа много гористыхъ пространствъ, въ Красноярскомъ пески, а Енисейскій округъ только въ южныхъ своихъ частяхъ принадлежитъ къ земледѣльческой полосѣ. Слѣдовательно и въ этой губерніи удобная для земледѣлія площадь составляетъ менѣе одной пятой. Въ Иркутской же губерніи и въ Забайкальѣ отношеніе еще меньше, особенно въ Забайкальѣ и преимущественно въ Нерчинскомъ округѣ; Нерчинскій округъ, несмотря на свою громкую извѣстность, одинъ изъ бѣднѣйшихъ округовъ Сибири. Причиной—слишкомъ возвышенное его положеніе и вліяніе сухихъ вѣтровъ; наконецъ открытыя мѣста горъ, занимающихъ наибольшее пространство, совершенно неспособны для земледѣлія. Изъ семи лѣтъ только одинъ годъ считается урожайнымъ въ Нерчинскомъ округѣ. Такимъ образомъ, принимая только въ одну пятую полосу земли, способной для культуры, ока-

жется, что въ Сибири земли годной для земледѣльческаго населенія всего 52,000 квад. миль или нѣсколько болѣе половины всего пространства Европейской Россіи. Выводъ этотъ для любителей большихъ пространствъ не долженъ быть утѣшителенъ; но что же дѣлать если цифры приводятъ къ такому печальному заключенію?

X.

Сибирское пароходство. Чайная торговля. Русская переносливость и русскій разсчетъ.

О дорогѣ по западной Сибири разсказываютъ ужасы. Говорятъ, проѣздъ по ней возможенъ только въ самую сухую пору. Купцы находятъ ѣзду на почтовыхъ невыгодной. Поэтому со времени заселенія Барабинской степи установился обычай ѣзды на вольныхъ ямщикахъ, «дружкахъ». Прежде ѣзда Барабой была точно выгоднѣе — возили дешевле казенныхъ прогоновъ и не приходилось платить за подорожную. Теперь же ѣзда этимъ трактомъ значительно уменьшилась, потому что, послѣ нѣсколькихъ неурожаевъ и падежей, дружки подняли цѣну за провозъ. Бывали въ недавнее время случаи, что съ пріѣзжихъ брали на нѣкоторыхъ станціяхъ по 10 к. съ лошади. Наконецъ человѣкъ небывалый рискуетъ встрѣтить разныя непріятности и прижимки; однимъ словомъ почтовымъ трактомъ ѣзда вѣрнѣе. Но почтовый трактъ такъ дуренъ, что проѣзжающіе стараются избѣгать его по возможности, и въ этомъ случаѣ помогло имъ пароходство.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ былъ устроенъ Паклѣвскимъ и Мясниковымъ первый пароходъ въ 30 силъ. Пароходъ оказался неудачнымъ и въ 1844 году былъ построенъ новый пароходъ «Основа». На эти пароходы была выдана десятилѣтняя привилегія. Съ окончаніемъ срока привилегіи Хаминовъ и Марьинъ построили желѣзный пароходъ «Ермакъ» въ 110 силъ. Въ 1855 году явился пароходъ «Иртышъ» въ 80 силъ; а съ 1859 пароходство начало значительно усиливаться. Въ настоящее время всѣхъ пароходовъ 16, изъ нихъ большихъ 7: «Работникъ» въ 120 силъ, «Тюмень» 80 силъ, «Сибирякъ» 120 силъ,

«Союзъ» 80 силъ. Лучшіе изъ этихъ пароходовъ для пассажирскаго плаванія «Работникъ» Паклѣвскаго и «Сибирякъ» купца Рѣшетникова. Пароходы идутъ отъ Тюмени до Томска; весь путь считается въ 3060 верстъ. Сначала р. Турой 170 верстъ; Таболомъ 330 верстъ, Иртышемъ 700 верстъ, Обью 1,800 верстъ и Томью—60 верстъ. Изъ нихъ Обью и Томью, т. е. почти 2,000 верстъ противъ теченія. Отъ Тюмени до Томска пароходы идутъ съ легкимъ грузомъ 15—20 дней, съ тяжелымъ 18—25 дней; обратное плаваніе, гдѣ противъ теченія приходится только 1,000 верстъ, совершается значительно скорѣе—дней въ двѣнадцать.

Вся китайская торговля идетъ теперь этимъ путемъ; перевозятъ желѣзо, колоніальные товары, чай, сукно, плисъ. Цѣна съ пуда разная, смотря по качеству товара: за колоніальные товары, по 40 к. съ пуда, за мануфактурные и чай 50 к. съ пуда, за желѣзо 25 к. Въ 1861 году шесть пароходовъ въ 570 силъ заработали (фрахтъ) 350 т. или каждая сила 637 руб. Но въ нынѣшнемъ году ожидаютъ значительно меньшаго заработка, по крайней мѣрѣ тысячъ на сто. Причина въ томъ, что въ нынѣшнемъ году китайская торговля пойдетъ тише. Несмотря на значительное пониженіе пошлины на чай на Китайской границѣ, торговлѣ этой едва ли удержаться. Съ дозволеніемъ ввоза въ Россію кантонскаго чая доставка со стороны Кяхты должна сильно уменьшиться. Пошлина въ 35 к. съ пуда, наложенная на кантонскій чай, не спасетъ нашей торговли, хотя на чай того же самаго достоинства пошлина въ Кяхтѣ только 15 к., но считая нашъ дорогой провозъ, по 20 к. съ фунта до Москвы, и упадокъ курса, намъ все-таки нельзя бороться съ англичанами. Когда огласилось что нынче въ Петербургѣ идетъ кантонскій чай, купцы наши остановились, выжидая что будетъ. Оказалось, что англичане доставили всего 4 т. цибиковъ, и чай этотъ, несмотря на отличный выборъ, вкусомъ ниже караваннаго. Наши купцы вздохнули; но напрасно. Англійскій чай пойдетъ къ намъ все-таки сильно, потому что онъ дешевъ. Когда прежде, при запрещенномъ ввозѣ являлось его тысячи пудовъ, то ужь разумѣется, что при дозволеніи пойдетъ его гораздо болѣе, и чайные торговцы не будутъ отъ этого въ накладѣ. Они только усилятъ свою фабрикацію и вмѣсто копорскаго и контрабанднаго кантонскаго чая, которые примѣшивали не только въ низкіе, но даже и въ высокіе сорты кяхтинскаго чая, станутъ примѣшивать чай кантонскій. Для покупателей выгода очевидная: цѣна на чай значительно понизится. Не останутся

довольны только оптовые кяхтинскіе торговцы. Но и имъ въ сущности не за что быть недовольными, по крайней мѣрѣ это не будетъ справедливо. До сихъ поръ они дѣлали все что можно, чтобы вести торговлю какъ можно хуже. Катайцевъ обманывали и на серебрѣ, и на мануфактурныхъ товарахъ; въ Россіи продавали чай по цѣнѣ необыкновенно высокой, ссылаясь на то, что капиталъ находится въ оборотѣ цѣлый годъ, а въ сущности желая просто набить карманъ какъ можно скорѣе. Вотъ разсчетъ. Въ Кяхтѣ чай хорошаго достоинства продается по 70 к. за фунтъ; провозъ до Москвы 20 к., пошлины 40 к., всего 1 р. 30 к., въ Москвѣ же чай продавался по 2 р. за фунтъ. Мы гордились прежде тѣмъ, что въ Кяхту идутъ высшіе сорты чая. Это дѣйствительно такъ. Но когда устроятся дороги въ Кантонъ, то весь китайскій чай пойдетъ, разумѣется, туда, и наша чайная торговля черезъ Кяхту покончится. Это должно совершиться весьма скоро. До сихъ поръ нашей китайской торговлѣ покровительствовала замкнутость Китая. Но когда поднебесная имперія открыла свои порты для западной Европы, то ужь, разумѣется, англичане и французы съумѣютъ угодить китайцамъ въ сукнахъ, плисахъ и разныхъ мануфактурныхъ товарахъ гораздо лучше, чѣмъ наши торговцы, сбывающіе гнилой московскій товаръ. Торговыя сношенія англичанъ и французовъ гораздо чище и возбуждаютъ больше довѣрія, чѣмъ русская коммерція. Наконецъ удобства доставки отвлекутъ рѣшительно всѣ чаи къ Кантону. Теперь чай, проходящій въ Кяхту, находится въ пути 3 мѣсяца и дѣлаетъ 5,000 верстъ и въ томъ числѣ 1,300 верстъ на верблюдахъ. Отъ Москвы до Кяхты 5,500 верстъ. Всего 10,500 верстъ, и изъ нихъ водой только 3 т. верстъ, а 7 тысячь верстъ гужемъ. А чаи, назначаемые въ западную Европу, отъ главнаго своего склада и до Шанхая дѣлаютъ только 1,000 верстъ и доставляются въ 24 дня. Вотъ почему англичане могутъ продавать въ Петербургѣ чай, начиная отъ 70 к. за фунтъ, а пожалуй и дешевле; а мы такой же чай не можемъ продавать дешевле 1 р. 30 к. Что же касается до того, что англичане будто бы не умѣютъ сохранить чаю его аромата, то это еще требуетъ подтвержденій. Дѣйствительно, кантонскій чай, несмотря на свой удивительный выборъ, пахнетъ въ приготовленіи вѣниками. Но оттого ли онъ пахнетъ, что везенъ моремъ, или оттого, что у него уже такая природа, этого еще никто не разъяснилъ. Вѣдь и кяхтинскій чай идетъ водой. Въ Россію онъ плыветъ 3 т. верстъ, а прежде возили его отъ Шанхая до Тяньзина Восточнымъ океаномъ, и находился

онъ въ этомъ пути отъ 15 до 20 дней. Перевозка океаномъ уменьшилась, хоть и не прекратилась вполнѣ только по причинѣ морскихъ разбоевъ, а совсѣмъ не потому, чтобы морское плаваніе портило букетъ чая. Но если даже и такъ; если точно отъ моря чай становится хуже; неужели у англичанъ, придумавшихъ паровой двигатель, желѣзную дорогу и т. д. не достанетъ сметки сохранить чаю его ароматъ? И кто теряетъ оттого, что чай въ Россіи станетъ дешевле? Двадцать, тридцать оптовыхъ торговцевъ-монополистовъ; и прекрасно, пусть теряютъ, если отъ нихъ терпѣло большинство. Московскіе плисы, сукна и ситцы, отправлявшіеся прежде въ Китай, пусть лучше расходятся между сибиряками, а то здѣшнія сермяги ужь очень грубы и лохмотья весьма некрасивы.

Бѣдность сибирская нигдѣ не поражаетъ такъ путешественника, какъ на водномъ пути отъ Тюменя до Томска. Такъ какъ пароходы имѣютъ спеціальнымъ назначеніемъ перевозить товары, то на простыхъ путешественниковъ смотрятъ какъ на нѣчто придаточное и не особенно выгодное. И пароходчики правы. Дѣйствительно, пароходъ идущій съ грузомъ въ 30 — 40 тысячъ пудовъ и выручающій съ товара въ одинъ рейсъ тысячъ пятнадцать, приноравливается во всемъ къ этому грузу. Какіе-нибудь 50—60 пассажировъ такая мелочь, что объ нихъ и не стоитъ особенно заботиться; тѣмъ болѣе, что имъ дѣлаютъ одолженіе, принимая ихъ на пароходы. Поэтому за мѣста на пароходахъ и на баржѣ не существуетъ постоянныхъ цѣнъ, а берутъ съ проѣзжащихъ по глазомѣру. Глазомѣръ этотъ имѣетъ большія колебанія. Я знаю случай, гдѣ за одинъ и тотъ же рейсъ взято съ двухъ офицеровъ — съ одного 12 руб., а съ другого 25. Странно; но въ Сибири бываетъ. Съ крестьянъ берутъ тоже не менѣе 10 рублей; а если они соглашаются работать въ пути, то дѣлается скидка и съ этой суммы, но совершенно произвольная, или же везутъ и совсѣмъ безплатно. Рядомъ съ этимъ произволомъ сибирское пароходство поражаетъ иногда и своимъ великодушіемъ. Мои замѣчанія относятся не ко всему сибирскому пароходству, а къ пароходу «Тюмень», на которомъ я плылъ. Съ нами плылъ даромъ саксонецъ-красильщикъ, съ котораго, по просьбѣ какого-то тюменскаго нѣмца, не взяли за провозъ не только ни копѣйки, но еще и давали ему хлѣбъ и матросскій супъ. Матросскій супъ оказался рѣшительно не подъ силу нѣмецкому желудку. Но въ этомъ впрочемъ виноватъ исключительно поваръ Самсонъ. Самсонъ нанялся въ рабочіе, и какъ по испытаніи

онъ оказался вполнѣ тупоумнымъ, то капитанъ и произвелъ его въ матросскіе повара. Бо́льшаго неряхи какъ Самсонъ, нельзя даже и вообразить; онъ вѣчно чесался, чесалъ вездѣ и спину, и задъ, и подъ мышками, точно все тѣло его покрыто сыпью. Посуды никогда не мылъ, говядину не полоскалъ, стола не чистилъ и не скоблилъ. Бывали случаи, что супъ его приготовленія оказывался такъ вкусенъ, что матросы черпали изъ рѣки воду, крошили хлѣбъ и ѣли ложками какъ похлебку. Капитанъ на всѣ эти мелочи матросскаго быта не обращалъ никакого вниманія, зная что матросы поворчатъ между собой, да тѣмъ и кончатъ... А строптивости, или громкаго заявленія своего неудовольствія ожидать было невозможно, потому что капитанъ владѣлъ весьма дѣйствительнымъ средствомъ успокоить и не такую команду. Если какой-нибудь жалкій матросикъ подвертывался ему подъ руку, онъ трепалъ его какъ щенка, и если бы захотѣлъ, то могъ бы убить однимъ ударомъ. До этого однако не доходило, хотя и было не далеко. Такъ при послѣдней къ Томску грузкѣ дровъ въ домѣ Молчановой капитанъ поколотилъ такъ рабочаго, что тотъ до конца пути, т. е. двое сутокъ не могъ придти вполнѣ въ себя. Капитанъ билъ артистически, какъ человѣкъ опытный, и побои его отличались особеннымъ свойствомъ: отъ каждаго его удара что-то мялось въ тѣлѣ, и человѣкъ походилъ на кусокъ мяса, лежавшій часа два въ толчеѣ. Въ Молчановѣ онъ набилъ матросу шею до того, что несчастный два дня не ѣлъ ничего, и только съ трудомъ пропускалъ черезъ горло чай. Мнѣ не удалось видѣть этого побоища, потому что я уходилъ въ деревню за покупкой провизіи, но мнѣ разсказывали, что когда началось мятье, рабочіе, оставивъ переноску дровъ, образовали кругъ и молча смотрѣли на сцену. Ихъ было человѣкъ тридцать, они могли бы легко остановить этого звѣря, а между тѣмъ никто не двинулъ пальцемъ, не подалъ голоса въ защиту товарища. И рабочіе были правы. Они знали, что явись только защитникъ, капитанъ въ ту же минуту наколотитъ ему также шею; онъ переберетъ по одиночкѣ всѣхъ, и только вмѣсто одного битаго будетъ тридцать одинъ. А съ другой стороны былъ тутъ и еще разсчетъ. Рабочіе знаютъ, что драться нельзя; что если пожаловаться, то буяну достанется; но рабочіе знаютъ также, что буяны не любятъ полиціи, слѣдовательно все можно покончить мировой, къ обоюдному удовольствію. Размѣръ мировой бываетъ различенъ и можетъ доходить даже, до 100 рублей. Скоро ли ихъ еще заработаешь. А съ жалобой какой прокъ? Носъ или голова заживутъ и такъ, а сто рублей если и доста-

нутся кому-нибудь, то ужь разумѣется не битому. Очевидно, что не жаловаться, а только припугнуть выгоднѣе; а буянъ все-таки наказанъ. Такая разсудительность живетъ только между русскими. Въ Казани мнѣ разсказывали о татарахъ другое. Народъ этотъ вовсе не разсчетливый. Если русскій, незнакомый съ татарскими обычаями, вздумаетъ потрепать какого-нибудь татарченка, сотни татаръ сбѣгутся на выручку своего и ужь не дадутъ его въ обиду. Они драться не станутъ, но остановятъ драчуна и заставятъ его прогуляться въ полицію. И бурята при всей своей кротости народъ такого же склада.

Нѣмецъ-красильщикъ, плывшій съ нами, замѣчателенъ не тѣмъ, что не могъ ѣсть стряпни Самсона, а своей удивительной энергіей. Человѣкъ лѣтъ пятидесяти, онъ оставилъ свою родину, потому что впереди не видѣлъ ничего, кромѣ нищеты. Настоящій пролетарій, онъ не пошелъ однако въ Америку, гдѣ красильщиковъ много и безъ него, а задумалъ идти въ Россію. Въ Россіи онъ уже три года. Былъ въ Петербургѣ, Москвѣ, въ Крыму, на Уралѣ, но нигдѣ не нашелъ того, чего ищетъ и потому направился въ Сибирь, безъ копѣйки денегъ въ карманѣ и зная только три слова: «хлѣбъ», «квасъ», и «что стоитъ». Но чего же ищетъ нѣмецъ и почему онъ знаетъ, что найдетъ это въ Сибири? Нѣмецъ ищетъ такой городъ, гдѣ нѣтъ красильщика, нѣтъ переплетчика, нѣтъ швеи. И если такой городъ онъ найдетъ, то выпишетъ тотчасъ же своего сына-переплетчика, свою дочь-швею, втроемъ заведутъ общее хозяйство и затѣмъ старикъ умретъ съ спокойной совѣстью, что нашелъ такую счастливую сторону, гдѣ люди прежде ничего не красили, ничего не переплетали, ничего не шили.

Невысокія цѣны за мѣста, какъ 10 — 25 рублей, берутъ за помѣщеніе на баржѣ. На пароходѣ цѣна каюты 100 рублей, что впрочемъ составитъ тѣ же 25 рублей на человѣка, потому что въ каютѣ могутъ помѣститься четверо. Содержаніе въ пути можно имѣть свое, а можно и изъ капитанской кухни. Качество ѣды зависитъ отъ разныхъ причинъ, а болѣе всего отъ гастрономическихъ требованій капитана. Но есть въ сибирской ѣдѣ одна вещь, которую не выноситъ маломальски цивилизованный желудокъ—это супъ изъ толстой крупы и щи. Толстая крупа приготовляется изъ ячменя; она попросту вымолоченный ячмень. Разваренный въ говяжьемъ бульонѣ онъ разбухаетъ до размѣра крупнаго гороху и окрашиваетъ супъ коричнево-сѣрымъ цвѣтомъ. Это очень скверное и грязное кушанье. Сибирскіе щи, если они готовятся въ народномъ вкусѣ, тоже довольно скверны, а главное они

вовсе не щи—это овсяная похлебка, къ которой иногда подбавляютъ немного кислой капусты. Такая экономія въ капустѣ объясняется рѣдкостью этой овощи. Здѣсь зачистую — говорю о Нерчинскомъ округѣ — встрѣтишь крестьянское хозяйство, гдѣ на всю зиму заготовляется только двѣ шайки кислой, рубленой капусты. Варить щи изъ одной капусты очевидно невыгодно, и ее подмѣшиваютъ въ видѣ украшенія къ овсяной или къ другой какой-нибудь смѣси.

XI.

Тобольскъ.

Плаваніе до Тобольска не поражаетъ ничѣмъ исключительнымъ, если впередъ настроишь себя не ожидать ничего хорошаго. Иртышъ былъ въ сильномъ разливѣ и надѣлалъ много бѣды; но онъ далеко еще не Обь. Однако и иртышскіе разливы сильно раззорили край и вмѣстѣ съ развитіемъ пароходства имѣли огромное вліяніе на упадокъ Тобольска. Въ Тобольскѣ нѣтъ никакихъ промысловъ и потому замѣтна большая бѣдность. Но люди все еще держались немного, пока наводненія не раззорили ихъ совершенно. Особенно сильныя наводненія были въ 1854, 56, 57, 58, 59 годахъ; въ 60 и 61 воды большой не было, но зато въ нынѣшнемъ 1862 году случился такой разливъ, какого и не запомнятъ старики. До такой высоты—11 арш.—доходила вода только въ 1784 году. Эти почти ежегодные разливы довели мѣщанъ до совершенной бѣдности. Въ какой степени бѣденъ городъ—можно судить изъ слѣдующей мѣры городской думы, прочитанной ею не въ какой-нибудь экономической теоріи, а придуманной своимъ умомъ: съ каждой баржи, съ каждаго парохода, останавливающагося у города, берется пошлина въ 50 р. Разумѣется, это лучшее средство отогнать отъ города все пароходство и не допускать нищенствующихъ мѣщанъ хотя до какого-нибудь заработка.

Тобольскъ, какъ и всѣ русскіе города, гораздо красивѣе издали, чѣмъ вблизи. Особенную красоту придаетъ ему острогъ, архіерейскій домъ,

соборъ, семинарія и присутственныя мѣста. Всѣ эти зданія находятся въ верхней, незатопляемой части города. На этой же горѣ стоитъ и памятникъ Ермаку, высѣченный въ видѣ обелиска изъ сѣраго мрамора. На памятникѣ надпись «Ермаку, покорителю Сибири», на другой сторонѣ — «1581», на третьей «1584» — годъ покоренія Сибири и годъ смерти Ермака.

На дворѣ архіерейскаго дома другая рѣдкость: сосланный колоколъ. Про него разсказываютъ, что когда въ ночь убійства царевича Дмитрія начали звонить въ него, онъ не издалъ звука, и Годуновъ велѣлъ сослать его въ Сибирь. Это, разумѣется, преданіе. Надпись же на колоколѣ говоритъ вотъ что: «Сей колоколъ, въ который били въ набатъ при убіеніи благовѣрнаго царевича Дмитрія 1593 года, присланъ изъ города Углица въ Сибирь въ ссылку, въ градъ Тобольскъ въ часобитной церкви Всемилостиваго Спаса, что на торгу, а потомъ на софійской колокольнѣ. Вѣсу въ немъ 19 пудовъ 20 фунтовъ». Надпись принадлежитъ позднѣйшему времени, а отчего она составлена неграмотно — неизвѣстно.

Тобольскій острогъ кажется лучшій изъ остроговъ. Онъ чистъ, просторенъ, и арестантовъ содержатъ хорошо, разумѣется сравнительно. Ѣда и хлѣбъ гораздо лучше, чѣмъ та, которою угощалъ Самсонъ матросовъ «Тюмени». Впрочемъ, несмотря на это, въ мою бытность въ острогѣ арестанты заявили претензію, жалуясь что хлѣбъ нехорошъ. О размѣрѣ тюремнаго замка можно судить изъ того, что во время распутицы или наибольшаго скопленія арестантовъ, въ него вмѣщается до 2000 человѣкъ. Въ острогѣ нѣсколько отдѣленій. Женщины содержатся отдѣльно отъ мужчинъ и кандальные отдѣльно отъ поселенцевъ. Кандальные помѣщаются на отдѣльномъ дворѣ, за особыми воротами. Точно такъ же существуетъ и отдѣльная «дворянская» половина. Это небольшой одноэтажный домикъ, стоящій на особомъ дворѣ. Вдоль задней наружной стѣны дома идетъ коридоръ и изъ него рядъ дверей въ отдѣльные, очень узенькіе комнаты съ окнами по фасаду. Каждая комнатка имѣетъ два шага ширины и три шага длины. Въ ней стоитъ кровать, столъ и табуретъ. Иногда мебель эта и разнообразится: можетъ случиться вмѣсто одного стола—два, вмѣсто табурета стулъ или два. Въ этихъ нумерахъ содержатъ всѣхъ преступниковъ изъ дворянъ, въ чемъ бы они ни обвинялись. Комнатки хотя и очень малы, но какъ тюрьма—хороши; по крайней мѣрѣ лѣтомъ, потому что сухи, теплы и свѣтлы, на сколько это можно при маленькомъ окнѣ

слухового фасона. Зимой же, говорятъ, въ нихъ очень сыро, но тепло. Какъ такое помѣщенiе ни печально, все же оно лучше самаго лучшаго крѣпостного казамата.

Тобольскiй тюремный замокъ главный центральный пунктъ, куда собираются всѣ арестанты, направляющiеся въ Сибирь. Здѣсь въ Тобольскѣ существуетъ особое управленiе—приказъ о ссыльныхъ, распредѣляющiй уже арестантовъ по разнымъ мѣстамъ Сибири. Такимъ образомъ всякiй арестантъ изъ Россiи идетъ въ Тобольскъ, а ужь приказъ назначаетъ куда идти каждому дальше. Если Сибирь останется мѣстомъ ссылки, то эта роль тобольскаго приказа останется за нимъ вѣроятно долго. Хотя Тобольскъ лежитъ въ сторонѣ отъ прямого тракта на Томскъ, и арестанты, при нынѣшнемъ способѣ ихъ препровожденiя пѣшкомъ, дѣлаютъ кругу верстъ триста, но это не можетъ измѣнить нисколько центральности Тобольска, какъ пересылочнаго пункта, если, какъ это и предполагается, арестантовъ станутъ возить. Теперешнiй способъ ихъ пересылки стоитъ двухъ каторгъ и въ физическомъ, и въ нравственномъ отношенiи; для многихъ арестантовъ, особенно изъ отдаленныхъ губернiй дорога тянется два года; и этотъ срокъ не засчитывается имъ въ срокъ каторжныхъ работъ. Если предположенiе о перевозкѣ арестантовъ осуществится, то изъ Томска ихъ будутъ возить на пароходахъ, слѣдовательно на Тобольскъ. Если же нѣтъ, то Тобольскъ своимъ положенiемъ въ сторонѣ будетъ только безполезно увеличивать страданiе несчастныхъ.

XII.

Образованiе. Смертность. Голодный годъ. Послѣднiе люди.

Съ Тобольской губернiи начинается замкнутая сибирская жизнь, и можно уже безъ ошибки составить заключенiе объ общемъ характерѣ экономическаго положенiя и умственнаго образованiя страны. Въ губернiи считается 1,074,000 жителей, а на всю эту массу народа существуетъ 15 школъ. Въ нихъ учится 281 мальчикъ и 6 дѣвочекъ. Такимъ образомъ одна школа приходится на 84,629 верстъ, и на

52,750 человѣкъ всего населенія губерніи; одинъ ученикъ на 1,362 мужчинъ и одна дѣвочка изъ 68,066 женщинъ. Въ Землѣ Донского войска, гдѣ считается наименьшее въ Россіи число учащихся, приходится одинъ ученикъ на 400 человѣкъ, Тобольская же губернія перещеголяла вчетверо даже Донское войско. Въ тобольскихъ школахъ учатъ священники, но крестьяне Торскаго и Ишимскаго округовъ просили, чтобы къ нимъ въ школы назначили особыхъ учителей. Причина просьбы объясняется весьма просто. Религіозно-нравственное образованіе не удовлетворяетъ живымъ потребностямъ общества. Священники учатъ можетъ быть и очень хорошо грамотѣ и закону божію, но крестьянину, подготовляющему себя къ практической торговой или промышленной дѣятельности, одной грамоты и однѣхъ молитвъ еще недостаточно. Ему нужно познакомиться и съ такими предметами, которые нашему духовенству, вѣроятно, неизвѣстны. Поэтому, сдѣлавъ изъ закона божія предметъ, положимъ, хотя и главной важности, но рядомъ съ нимъ надо учить дѣтей и тому, что необходимо имъ въ ихъ практической жизни. Промышленно-техническихъ знаній между жителями Сибири рѣшительно не существуетъ; мастеровые и ремесленники здѣсь только изъ ссыльныхъ, да и ихъ знанія такого рода, какъ будто бы каждый дошелъ до него своимъ умомъ. А между тѣмъ въ земледѣльческомъ быту эти-то знанія и важны. Чѣмъ больше знаетъ крестьянинъ, тѣмъ лучше. Пусть онъ и столяръ, и плотникъ, и кузнецъ, и слесарь, и сапожникъ, пусть онъ и мыловаръ, свѣчной производитель, винокуръ, пивоваръ, красильщикъ, бондарь, кожевникъ. Всѣ эти знанія нужны въ крестьянскомъ быту. А какое именно знаніе считаютъ крестьяне для себя болѣе важнымъ, пусть опредѣлитъ сама община, въ которой учреждена школа. Наши земледѣльцы страдаютъ именно недостаткомъ знаній, относящихся прямо къ земледѣльческому быту, недостаткомъ тѣхъ прикладныхъ знаній, безъ которыхъ невозможно сельское хозяйство. И если этимъ недостаткомъ страдаетъ крестьянинъ въ Россіи, который, при большемъ развитіи ремеслъ, можетъ еще и не знать многаго лично, то крестьянинъ сибирскій страдаетъ въ десять разъ болѣе. Въ Тобольской губерніи на милльонъ жителей, или правильнѣе: на 532,500 человѣкъ мужского населенія считается 2616 разныхъ мастеровъ и 373 ученика, т. е. только полпроцента. При раскинутости сибирскаго населенія ему невозможно обращаться къ мастерамъ, живущимъ въ городахъ; а при недостаткѣ мастеровъ въ самыхъ селеніяхъ, крестьяне сидятъ безъ кирпича для

печей, и мнутъ ихъ изъ глины, что разумѣется гораздо хуже; у бабъ нѣтъ горшковъ и кадушекъ; одна какая-нибудь жалкая деревянная чашка составляетъ всю домашнюю столовую посуду, и крестьянинъ долженъ или обходиться безъ предметовъ, необходимыхъ ему въ домашнемъ быту, или пріобрѣтать ихъ по дорогой цѣнѣ.

Но не одно сибирское земледѣльческое сословіе нуждается въ школахъ ремесленныхъ и реальныхъ; нужны высшія заведенія для лицъ, посвящающихъ себя другимъ занятіямъ. Въ Сибири нѣтъ другихъ высшихъ заведеній кромѣ гимназій, да и тѣхъ всего три, и кто желаетъ дать своимъ дѣтямъ университетское образованіе, долженъ посылать ихъ въ Россію. Это доступно только людямъ съ достаточными средствами, а много ли ихъ въ Сибири? Значитъ, всѣ люди небогатые должны отказать себѣ въ томъ, въ чемъ нельзя отказывать человѣку. Лѣтъ пятьдесятъ назадъ было предположеніе основать сибирскій университетъ и Демидовъ даже пожертвовалъ на это дѣло 50 т. р. асс., но предположеніе это и до сихъ поръ не осуществилось. Почему — неизвѣстно. Нужно однако замѣтить, что и между сибирскими ревнителями просвѣщенія есть чудаки, воображающіе, что образованіе развиваетъ сутяжничество, котораго по ихъ мнѣнію и такъ много въ Сибири. Но сутяжничество развивается не отъ грамотности, а оттого, что или людей притѣсняютъ, или отъ невѣрнаго пониманія своихъ правъ и обязанностей. Заграницей, напримѣръ, замѣчено, что самыя тонкія преступленія совершаются людьми изъ образованнаго сословія. Стрихнинъ, какъ отрава, разныхъ сортовъ бомбы и т. д. не могли быть придуманы простыми крестьянами. Поэтому, по логикѣ ревнителей грубаго невѣжества слѣдовало бы закрыть всѣ кафедры химіи и изгнать Жераровъ, Либиховъ, а кстати и физіологовъ, какъ людей проповѣдующихъ вредныя знанія. Европа этого однако не сдѣлала. И въ Сибири сутяжничество прекратится не стѣсненіемъ образованія, а развитіемъ его. Вѣрное пониманіе своихъ правъ дается только образованіемъ; что же касается до письменныхъ жалобъ на притѣсненія — что же, и очень хорошо, пусть пишутъ — можетъ быть станутъ меньше притѣснять? Странно во всемъ этомъ только одно, что и до сихъ поръ мы еще не знаемъ, полезно или вредно образованіе. Многіе находятъ, что образованіе вредно въ чисто гигіеническомъ отношеніи; безъ него все проще, меньше требованій, жизнь несложна, впечатлѣній мало, и главное, когда ничего не знаешь и не понимаешь, какъ-то легче на душѣ и спится и ѣстся спокойнѣе. А спокойный образъ жизни способствуетъ наиболѣе продолжительности жизни; по-

этому, человѣкъ, желающій прожить какъ можно долѣе, долженъ быть какъ можно равнодушнѣе ко всему его окружающему, и стараться по возможности не нарушать правильнаго хода физіологическихъ отправленій. Иначе сказать—приблизиться какъ можно болѣе къ первобытному состоянію. Къ сожалѣнію и этотъ выводъ не вѣренъ: человѣкъ въ невѣжественномъ состояніи мретъ еще сильнѣе. Въ Тобольской губерніи, напримѣръ, умерло въ 1860 году 22 тысячи мужчинъ и 20, т. женщинъ, или двадцать четвертая часть всего населенія. Въ томъ числѣ православныхъ 38 т. или 1 изъ 25 человѣкъ; единовѣрцевъ 502, или 1 изъ 40; раскольниковъ 699—1 изъ 32; католиковъ 1 т. е. 1 изъ 1544; протестантовъ 13—1 изъ 145; евреевъ 14—1 изъ 98; магометанъ 1208 или 1 изъ 40; язычниковъ 614 или 1 изъ 12. На основаніи этихъ свѣденій, взятыхъ за одинъ годъ, разумѣется нельзя строить точнаго научнаго заключенія; но нельзя также видѣть *во всѣхъ* этихъ цифрахъ простой случайности. Цифра смертности между католиками болѣе всѣхъ подходитъ къ счастливой случайности. Но общій выводъ, что между протестантами и католиками, точно такъ же, какъ между магометанами, евреями и русскими сектантами, смертность должна быть меньше, чѣмъ между православными, разумѣется вѣренъ. Изъ наблюденій Г. Блосфельда, профессора судебной медицины при Казанскомъ университетѣ, оказывается, что въ половинѣ смертныхъ случаевъ главную роль играетъ пьянство. Извѣстно также, что бытъ лютеранъ, католиковъ, магометанъ, раскольниковъ много выше быта православнаго населенія Россіи, которое вмѣстѣ съ тѣмъ отличается наибольшей неумѣренностью въ употребленіи вина. Извѣстно также, что никто болѣе не оказываетъ пренебреженія къ удобствамъ жизни, никто не бережетъ себя менѣе въ гигіеническомъ отношеніи, какъ русскіе. Правда, они составили всесвѣтную репутацію своей способностью довольствоваться малымъ и переносить всевозможныя лишенія, но къ сожалѣнію ни одинъ статистикъ, ни одинъ докторъ не показали цифрами—на какой процентъ увеличивается смертность въ русскомъ населеніи отъ этой способности русскаго человѣка. Изъ статистическихъ данныхъ, собранныхъ въ западной Европѣ, извѣстно, что чѣмъ ниже цивилизація и сильнѣе нищета, тѣмъ сильнѣе смертность. Основываясь на этомъ, изъ приведенныхъ нами цифръ можно бы вывести такое заключеніе. Наибольшимъ благосостояніемъ пользуются католики, лютеране и евреи; затѣмъ слѣдуютъ магометане и раскольники; ниже ихъ по цивилизаціи и по матеріальному довольству стоитъ русское православ-

ное населенiе и наконецъ язычники, поражающiе страшной цифрой смертности. Хотя такой выводъ и можетъ быть вѣренъ въ общихъ чертахъ, но цифры эти требуютъ еще большаго подраздѣленiя. Извѣстно что въ Тобольской губернiи считается около 57 т. населенцевъ, а какую роль играютъ они въ цифрѣ смертности—неизвѣстно? Есть полное основанiе полагать, что между населенцами существуетъ весьма значительная смертность. Ихъ экономическiй бытъ и нравственность позволяютъ сдѣлать такое заключенiе. Но съ другой стороны слабое численное отношенiе населенцевъ къ остальному населенiю губернiи едва ли можетъ имѣть влiянiе на такое замѣтное усиленiе смертности вообще въ православномъ населенiи и, несмотря ни на какое подраздѣленiе, за православными вѣроятно и останется привилегiя наибольшей смертности. Въ Россiи подобная смертность встрѣчалась только въ войскахъ, и то только до 1858 года. Всѣ эти цифры требуютъ провѣрки, а для точнаго вывода нужны наблюденiя нѣсколькихъ лѣтъ. Тѣмъ не менѣе, соображая бытъ сибиряка, характеръ здѣшнихъ промысловъ, суровый и перемѣнчивый климатъ и большое употребленiе вина, слѣдуетъ предположить, что сибиряки живутъ при условiяхъ не особенно способствующихъ продолжительности жизни. Разумѣется, существованiе язычниковъ печальнѣе, но зато тамъ и смертность такого размѣра, что если экономическое положенiе ихъ не улучшится, то совершенное уничтоженiе этихъ племенъ неизбѣжно.

За Тобольскомъ плаванiе наше было весьма печально, и чѣмъ дальше мы плыли, тѣмъ мѣстность становилась безлюднѣе. Хотя и ранѣе не было ничего привлекательнаго, и мы не видѣли ничего кромѣ воды и лѣса, по крайней мѣрѣ по берегамъ Иртыша попадались еще не совершенно обнищавшiя селенiя. Особенное уныние навела Обь. Къ истоку Иртыша кончилась полоса хлѣбопашества, и крестьяне сѣютъ только картофель и рѣпу. Но нынѣшнiй разливъ помѣшалъ и этому. Обь разлилась болѣе, чѣмъ на семьдесять верстъ; этому разсчету трудно вѣрить, а болѣе похоже на правду мнѣнiе тѣхъ крестьянъ, которые говорили, что она залила все до моря. Зная мѣстность, можно повѣрить этому, потому что пространства, удобныя для населенiя, тянутся узкой полосой верстъ въ 70—100 по берегамъ Иртыша и Оби; за этой полосой начинаются болота и тундры по ту и по другую сторону рѣкъ. На югъ безплодная полоса образуетъ громадный треугольникъ. Слѣдовательно, если Обь залила прилегающiе къ ней удобныя пространства до слѣдующихъ за ними болотъ, и такимъ образомъ ширину разлива

нужно считать не въ 70 или 100 верстъ, а вмѣстѣ съ площадью болотъ, по крайней мѣрѣ тысячи въ двѣ. Съ такой дикой и разрушительной силой человѣку очевидно бороться невозможно, да онъ съ ней и не борится, а только переноситъ терпѣливо бѣду, не увѣренный вполнѣ достанетъ ли у него силъ перенести ее. Всѣ селенія, прилегающія къ рѣкамъ, были до того залиты водой, что мѣстами торчали изъ воды только послѣдніе вѣнцы избъ да крыши; ни скота, ни людей не было видно; уѣхали ли они и куда—не знаю. Въ другихъ мѣстахъ наводненіе было легче, т. е. для людей осталось еще мѣсто въ избахъ, и скотъ толпился кучами на возвышеніяхъ, пощаженныхъ разливомъ. Но чѣмъ питались люди и скотъ? Люди доѣдали остатки хлѣба, а скотъ питался тальникомъ, если онъ росъ по близости и можно было нарубить его. Понятно, что при такомъ народномъ бѣдствіи намъ нечего было и разсчитывать добыть что-нибудь отъ мѣстныхъ жителей, которые и сами чуть не умирали съ голоду. Съ начала пути мы разсчитывали на остяковъ, думая добывать отъ нихъ рыбу. Но разсчетъ этотъ оказался не вѣренъ. Рыбы не было, она расплылась по тысячеверстному разливу и остякамъ самимъ приходила послѣдняя бѣда. Уже въ началѣ Оби прибрежные жители изъ русскихъ разсказывали, что у остяковъ нѣтъ хлѣба, нѣтъ рыбы, что они ѣдятъ всякую дрянь, у кого были лошади—съѣли лошадей, и что нѣсколько человѣкъ умерло съ голоду. Между Сургутомъ и Нарымомъ пришлось убѣдиться, что все это правда. Питаясь сами богъ знаетъ какой провизіей, мы обрадовались Сургуту, но во всемъ городѣ не нашлось ничего, кромѣ водки. Поплыли дальше; чрезъ 100 верстъ с. Локосово по прозванью Попъ-горшокъ, но и тутъ ничего не достали; поплыли къ Александрову, до котораго 250 верстъ. Въ Александровѣ достали немного молока и десятокъ яицъ и то у священника. Въ остальныхъ домахъ искать было нечего — сами жители сидѣли десять дней безъ хлѣба и питались чаемъ съ солью. Въ этомъ селѣ пришлось убѣдиться, что остякамъ точно плохо. До сихъ поръ, во всю дорогу мы видѣли остяковъ издали; или на какомъ-нибудь возвышеніи, окруженномъ со всѣхъ сторонъ водою, стояли кучками полунагіе ребятишки смотрѣвшіе съ любопытствомъ на нашъ пароходъ, или на маленькой остяцкой лодкѣ, не больше охотничьяго челнока, подплывали къ намъ человѣкъ по пяти, по семи, просили милостыни и всѣ крестились наперерывъ, чтобы показать, что они крещеные. Только въ Александровѣ пришлось познакомиться ближе съ бытомъ остяковъ. Къ александровскому приходу приписано 3 волости, все-

го въ 928 душъ, изъ нихъ 498 мужчинъ и 430 женщинъ. Это самыя несчастныя волости изъ всего остяцкаго населенія, и волость очевидно вымирающая. Въ отношеніи возрастовъ замѣтенъ особенный перевѣсъ стариковъ надъ молодыми. Смертность вообще огромная, не меньше одного изъ двѣнадцати; но въ нынѣшнемъ году нужно полагать, что она дойдетъ до отношенія 1 : 9. Эти остяки всѣ крещеные, но это не мѣшаетъ имъ не понимать ничего и держаться по прежнему идолопоклонства. Священникъ исповѣдуетъ ихъ только, но причастія не даетъ. По образу жизни они совершенные дикари, бань не знаютъ, никогда не моются, носятъ платье изъ шкуръ прямо на голомъ тѣлѣ. Особенная смертность существуетъ между ними отъ сифилитическаго яда. По крайней мѣрѣ половина населенія страдаетъ этой болѣзнью. Подлѣ Александрова стоитъ нѣсколько юртъ. Это больше ничего какъ жерди, составленныя въ видѣ конуса и покрытыя берестой. Нѣкоторыя изъ юртъ были закрыты только вполовину. Въ каждой юртѣ разложенъ посрединѣ огонь и вокругъ него едва прикрытые лохмотьями старики и дѣти. Въ одной юртѣ, на видномъ мѣстѣ предъ огнемъ, сидѣлъ совершенно голый старикъ, покрытый весь ранами; вокругъ него бабы и ребятишки. Я далъ женщинѣ денегъ, она взяла ихъ, но лице ея не выразило ничего. Была ли она рада или нѣтъ, не знаю; да и для чего ей деньги, когда на нихъ нельзя ничего купить? У каждой юрты лежало по нѣскольку собакъ; но то были не собаки, а просто клочья длинной шерсти. Собаки лежали свернувшись, и не только не лаяли, но даже не поднимали головы. Имъ было не до того. Только одинъ молодой песъ, должно быть погорячѣе другихъ, залаялъ было хриплымъ голосомъ, но скоро замолчалъ, видно не хватило силъ. Послѣдняя къ пристани юрта смотрѣла печальнѣе другихъ. На половину безъ покрышки, она не выказывала никакихъ признаковъ жизни. Привязанная собака лежала неподвижно, какъ мертвая, а можетъ быть она была и точно мертва. Въ самой юртѣ, прислонившись къ опрокинутому челноку, лежали два какія-то продолговатыя тѣла, какъ бы два мѣшка съ мукой. То были старикъ и старуха, приготовленные къ смерти. Всѣ знали, что они должны умереть, прикрыли ихъ одеждой и оставили. Огонь потухъ и для стариковъ наступала послѣдняя минута. Я подошелъ ближе, чтобы разсмотрѣть ихъ. Одинъ изъ мѣшковъ легко пошевельнулся, должно быть доживутъ до утра если только не замерзнутъ ночью. Холодъ стоялъ сильный. Въ противоположномъ концѣ деревни лежали еще два такіе же мѣшка и ждали послѣдней минуты.

Вахтеръ при хлѣбномъ магазинѣ, отставной солдатъ, недавно еще поступившій, разсказывалъ, что на остяковъ напала какая-то странная болѣзнь. Начнутъ пухнуть и умираютъ, а хлѣбъ имъ совсѣмъ не въ пользу, потому что привыкли къ рыбѣ, а рыбы нѣтъ. Болѣзнь эта объясняется весьма просто: два мѣсяца у остяковъ не было хлѣба; печь его они не умѣютъ и приготовляютъ двумя способами, или намѣшиваютъ муку съ горячей водой и ѣдятъ въ видѣ клейстера, или, замѣшавъ погуще, сдѣлаютъ шарикъ и, воткнувъ его на заостренную палку вертятъ надъ огнемъ, пока не подсохнетъ; истощенный человѣкъ уже не переноситъ этой пищи, онъ долженъ умереть. Есть на Оби и хлѣбные магазины, но въ Александровскомъ уже два мѣсяца нѣтъ ни зерна. Барка съ провіантомъ прошла мимо, даже не справившись, нуженъ ли людямъ хлѣбъ или нѣтъ, и если бы священникъ не удѣлилъ изъ своего хлѣба 50 пудовъ остякамъ, прикочевавшимъ къ Александровскому, пришелъ бы конецъ. Хлѣбные магазины достигаютъ цѣли только вполовину, потому что лежатъ на разстояніи ста верстъ одинъ отъ другого. Тѣмъ, кто подлѣ, еще удобно ѣздить за хлѣбомъ, но кто живетъ за 50 верстъ, или болѣе, разстояніе это слишкомъ велико.

Верстъ за 100, или 150 за Александровскимъ къ Нарыму, остяки живутъ лучше, ихъ коснулась цивилизація и народъ уже не терпитъ такой нужды. Къ намъ подъѣхала большая лодка, а не челнокъ, какъ это бывало ранѣе. Остяки, одѣтые на русскій ладъ и даже въ жилеты, явились для мѣны. Они привезли стерлядей и просили въ промѣнъ табаку, но табаку у насъ не было. Я предложилъ сигары; остякъ посмотрѣлъ и отвѣчалъ мнѣ: «это куритъ богатый, а ясашному нейдетъ» и не взялъ. Видя, что табаку у насъ нѣтъ, остяки спросили отрубей, но и отрубей не нашлось на пароходѣ, и мѣна состоялась на хлѣбѣ. Другіе остяки изъ той же лодки предложили 18 карасей, имъ давали на обмѣнъ 6 фунтовъ крупы; «мало» — сказали остяки и поѣхали на баржу.

Остяки составляютъ ясашное населеніе Сибири, постепенно исчезающее отъ постоянныхъ нуждъ и лишеній. Въ мѣстахъ близкаго сосѣдства съ русскими остяки начинаютъ заниматься земледѣліемъ и живутъ уже на русскій ладъ. Первое знакомство съ русской цивилизаціей начинается разумѣется съ русской водки. Съ этимъ напиткомъ стараются знакомить остяковъ особенно русскіе промышленники, промышляющіе рыбой и мѣхами. Кроткій и добродушный остякъ входитъ съ разу

во вкусъ этого зелья, и мѣна производится весьма выгодно для русскаго промышленника. Знакомство съ водкой и съ коммерческими пріемами русскихъ торговцевъ дѣлаетъ скоро изъ остяка другого человѣка; онъ входитъ во вкусъ водки и пріучается обманывать и не держать слова. А поступать ему иначе нельзя, особенно съ тѣхъ поръ, когда явилась такая страшная нужда въ хлѣбѣ. Прежде, до разливокъ, за пудъ рыбы давали пять пудовъ муки, а теперь за три пуда рыбы одинъ пудъ муки; а между тѣмъ со времени начатія пароходовъ и наводненій количество рыбы очень уменьшилось.

И русское населеніе, поселившееся по этимъ сѣвернымъ рѣкамъ, терпитъ большую нужду. Такъ называемыя села, больше ничего какъ починки дворовъ въ 5—10 и съ деревянной бѣлой церковью. Одни изъ этихъ селъ заняты промышленниками, живущими трудомъ остяковъ; они скупаютъ у нихъ рыбу, мѣха, и живутъ торговлей. Хозяйства у такихъ промышленниковъ нѣтъ никакого; даже нѣтъ огородовъ, а держать коровъ, Но въ нынѣшнемъ году и на домашнюю скотину нашла напасть. Медвѣдь, а по здѣшнему звѣрь, терпѣлъ отъ разливовъ тоже; ему осталось одно—забираться въ деревни и рѣзать скотъ. Не проходило ни одной ночи, чтобы звѣрь не уносилъ изъ деревни скотину. Въ одной, не помню какой-то, деревнѣ, въ самое короткое время медвѣди зарѣзали 30 коровъ. А между тѣмъ и медвѣдямъ не оставалось ничего другого. Бѣдствіе было общее.

Кромѣ промышленниковъ живетъ по этимъ рѣкамъ и крестьянское сельское населеніе. Земледѣліе кормитъ ихъ недостаточно, и чтобы существовать, нужно заниматься еще какими-нибудь промыслами. Многіе идутъ въ судовую работу: въ матросы, наметчики, штурвальные, лоцмана. Лоцманы и штурвальные составляютъ аристократію судовыхъ рабочихъ; способный и внимательный штурвальный можетъ легко перейдти и въ лоцмана. Обыкновенное жалованье на судахъ слѣдующее: лоцману отъ 250 до 300 руб.; качегару 45 р., наметчику и штурвальному 35 руб., а простымъ рабочимъ 25 руб. въ лѣто. Лоцманы и штурвальные имѣютъ столъ съ капитанской кухни и получаютъ каждый по фунту чаю и кажется по фунту сахару въ мѣсяцъ. Положеніе рабочихъ самое печальное. Разумѣется, не на всѣхъ пароходахъ повара «Самсоны», но на всѣхъ судахъ положеніе рабочихъ много хуже положенія остальной судовой прислуги. Въ рабочіе идетъ только человѣкъ не способный добыть себѣ пропитаніе другимъ болѣе выгоднымъ путемъ; идутъ, какъ говорятъ здѣсь «послѣдніе люди». И точно

эти послѣдніе люди породы особенной. Незнакомые съ удобствами, они притупили свои нервы нуждой и всякими лишеніями. Они переносятъ спокойно и холодъ, и мокроту, и дурную пищу; для нихъ не существуетъ опредѣленнаго времени для сна и не рѣдко смѣнившись съ дежурства, поздно вечеромъ, они проигрываютъ въ карты до утра, проигрываютъ свои послѣднія деньги. Вино и карты ихъ единственныя радости. Обыкновенно на рыболовныя суда и на пароходы отдаютъ «неплательщиковъ»; а народъ этотъ обыкновенно бѣдный и большею частію неотличающійся хорошимъ поведеніемъ и трезвой жизнью. Вотъ почему ихъ и прозвали послѣдними людьми. Случается, что эти послѣдніе люди, забравъ задатки, убѣгаютъ съ судовъ и пароходовъ, или напившись на пристани, не являются ко времени отплытія парохода. Но противъ бѣгства въ пути приняты такого рода мѣры. Пароходы не останавливаются въ людныхъ мѣстахъ, около городовъ и большихъ селеній, и если что нужно, отряжаютъ туда лодку; дрова заготовляются въ глухихъ мѣстахъ, такъ что рабочему при всемъ его желаніи оставить судно бѣжать не разсчетъ. Причины побѣговъ объясняютъ здѣсь однимъ желаніемъ бѣжать и безчестностью «послѣднихъ людей». Правда, нравственность ихъ не особенно высока, понятіе о чести, долгъ и святость договора не отличаются безукоризненностью; но правда и то, что жизнь на пароходѣ и судовая работа не представляютъ ничего плѣнительнаго; побои кулаками, линками и вѣчная строгая дисциплина для человѣка къ ней непривычнаго, не могутъ поселить въ немъ привязанности къ пароходной жизни. Оттого рабочій и бѣжитъ, что ему худо; будь ему хорошо, онъ бы не убѣжалъ. Но не такъ разсуждаетъ противная сторона. Пароходчики говорятъ, что съ «послѣднимъ человѣкомъ» нѣтъ никакого ладу, что онъ ничего не понимаетъ и толковать съ нимъ безполезно. Просвѣщать его что ли? Но вѣдь не просвѣтишь человѣка въ три мѣсяца плаванія по Оби; и кулакъ или линокъ если и не развиваетъ способности человѣка, то по крайней мѣрѣ принуждаетъ его дѣлать то, что отъ него требуютъ. И обѣ стороны считаютъ себя правыми. Ошибка только въ томъ, что напрасно дается воля кулаку и линку, когда можно обойдтись и безъ нихъ. Но это въ сибирскихъ нравахъ. Гдѣ тутъ искать судебной расправы, когда городъ отъ города лежитъ на тысячи верстъ; по необходимости приходится прибѣгать къ личной расправѣ — кто сильнѣе или богаче, тотъ и правъ. Такой порядокъ, разумѣется, не внушаетъ народу собенно высокихъ понятій о долгѣ, чести, правѣ и че-

ловѣческомъ достоинствѣ, и тотъ же самый пароходчикъ бьетъ «послѣдняго человѣка» за то, что онъ понимаетъ по своему и долгъ, и честь, и личное достоинство, какъ будто бы онъ могъ понять ихъ иначе, чѣмъ его учили. Бурлакъ пожалуй еще бы и перенесъ все, если бы ему платили хорошо, или если бы деньги были у него въ рукахъ; а то отдадутъ его силой въ работу за недоимку, рублей за 10 за 15 въ лѣто, и изъ этихъ денегъ за четыре мѣсяца труда достанется ему какихъ-нибудь пять рублей. Что же дѣлать ему съ этими деньгами? Многаго не сдѣлаешь, развѣ что достанетъ на половину податей; но человѣкъ не камень, у него есть сердце, ему нужны радости и «послѣдній человѣкъ» несетъ свои деньги въ кабакъ. А тамъ опять недоимка; опять судовая работа и «послѣдніе люди» незамѣтно и постепенно становятся все хуже и хуже; человѣкъ, какъ говорятъ крестьяне, «изломается» и дѣлается никуда негоднымъ—хоть брось.

Но не всѣ крестьяне въ этихъ пустынныхъ и бѣдныхъ мѣстахъ «послѣдніе люди,» хотя всѣ терпятъ большія лишенія и съ трудомъ зашибаютъ копѣйку. Расходы здѣшняго крестьянина на столько больше, на сколько мѣстность, въ которой онъ живетъ, неблагопріятнѣе для земледѣлія и для развитія промысловъ, по сравненію съ другими мѣстностями. Фунтъ хлѣба приходится здѣшнему крестьянину гораздо дороже, т. е. съ большей потерей силъ, чѣмъ крестьянину великороссійскому и сибиряку въ хлѣбородныхъ мѣстахъ края. А между тѣмъ потребности его такія же. Вотъ расходы обскаго крестьянина; разсчетъ сдѣланъ на семью въ пять душъ, а въ вѣрности разсчета ручается то обстоятельство, что цифры записаны въ присутствіи лоцмановъ и штурвальныхъ, подтвердившихъ ихъ правильность. Семью составляютъ мужъ съ женой и три сына. Рабочую силу составляютъ: отецъ и два сына, мать и маленькій сынъ не приносятъ денегъ. На содержаніе этой семьи нужно въ годъ: на ѣду 184 р., на одежду 125 р., на ремонтъ дома и хозяйства 30 р., на содержаніе скота 16 р. Кромѣ того разные платежи (налогъ, окладъ, сборы и т. д.) составляютъ 45 руб. 85 к. Всего семья должна расходовать въ годъ 400 р. 85 к. *).

Хлѣба и крупъ по 30 пуд. на человѣка, а на всѣхъ 150 пудовъ	120 р.
Соли по пуду на человѣка, 5 пудовъ	2 —
Мяса—2 скотины и 4 свиньи	14 —
Масла коровьяго 3 пуда , ...	18 —

*) Вотъ подробный разсчетъ:

Рыбьяго жиру въ постъ, вмѣсто постнаго масла, 1 п. .	5 —
Капусты и луку если есть, а если не родились, такъ и безъ нихъ. Кромѣ того огурцы, рѣпа, рѣдька и картофель	25 —
Всего на ѣду въ годъ . . .	184 р.

Одежда на одного:

Тулупъ 5 р., сапоги 3 р., азямъ 5 р., шапка 1 р., 3 рубахи 3 р., 2 пары штановъ 2 р., 3 пары портянокъ 1 р., 2 пары рукавицъ 1 р., 2 пары валнокъ 2 р., варежки 30 к., подштанниковъ 4 пары 1 р. 20 к., всего на одного 25 руб., на трехъ взрослыхъ	75 р.
На маленькаго брата 20 р. и на мать 30 р.	50 —
Всего на одежду . . .	125 р.
Ремонтъ дома и хозяйства	30 р.

Содержаніе скота:

Сѣна на 5 лошадей, 4 коровы дойныхъ, 2—3 подростка, 10 овецъ. (На крупную скотину въ зиму 30 копенъ, съ 1 октября до іюля, т. е. до конца разлива, а мелкая скотина кормится при большой) 400 копенъ . . .	16 р.

Налоги и подати:

Подушный оккадъ и разные казенные сборы по 22 р. асс. съ души, въ двѣ половины, съ 4 душъ	82 р.	асс.
На волостное правленіе съ 2 душъ	10 —	—
Мирскіе расходы съ 4 душъ	20 —	—
На содержаніе дорогъ 8 р. асс. съ души; на земскихъ лошадей 4 р. асс. съ души, междудворныя подводы 7 р. асс. съ души; все это съ двухъ душъ	38 —	—
На просвирню по 2 р. съ ревизской души	8 —	—
Всего . . .	164 р. асс.	или 46 р. 85 к. с.

Большой подушный окладъ происходитъ оттого, что на крестьянахъ этой волости лежатъ значительныя недоимки.

Чѣмъ же семья эта покрываетъ свои расходы? Отецъ столяръ добываетъ въ Томскѣ 200 руб. въ годъ, одинъ сынъ тамъ же достаетъ 60 руб., другой 30 руб., итого 290 руб. Слѣдовательно на удовлетвореніе остальныхъ потребностей недостаетъ 110 руб. 85. Эти 110 рублей покрываются экономіей на ѣдѣ. Въ нашемъ счетѣ были приняты пять человѣкъ, но изъ нихъ работающіе на сторонѣ живутъ на хозяйскихъ харчахъ, слѣдовательно показанные 184 рубля нужно сократить на $^3/_5$, что составитъ 110 р. 40 коп. Такимъ образомъ доходъ сходится съ расходомъ. Но и крестьянамъ нельзя же жить безъ

всякихъ удовольствій; они курятъ табакъ, что въ Сибири особенно необходимо, потому что легко получить цынгу; крестьянину нужно и выпить водки, а холостые любятъ и принарядиться и полакомиться и попотчивать иногда кой-кого орѣхами, пряниками или подарить головной платокъ и т. д. На все это нужны деньги. Гдѣ же взять ихъ? Эти расходныя статьи пополняются тремя источниками; во первыхъ тѣмъ, что мясо не покупается, а бьется домашняя скотина; во вторыхъ, экономіей на овощахъ, часть которыхъ ростетъ дома въ огородахъ; въ третьихъ тѣмъ, что сѣно заготовляется дома. А обыкновеннѣе всего дѣлается долгъ, или продается домашняя скотина.

Читатель изъ всего этого разсчета видитъ, что рѣчь идетъ о зажиточной и промышленной крестьянской семьѣ. А такихъ въ Сибири мало; нельзя же всѣмъ быть лоцманами, столярами, сапожниками или машинистами. Но и въ этой семьѣ взрослые должны искать заработка на сторонѣ, потому что дома отецъ не досталъ бы въ годъ болѣе 100 руб. а сыновья по 15 руб. каждый. Сколько же семействъ малолѣтнихъ, гдѣ неискусный и неспособный работникъ идетъ на сторону за 10 рублей въ лѣто, лишь бы добыть деньги на уплату податей, да и то съ недоимкой, и дома оставляетъ семью безъ всякихъ средствъ. Что же бабы? Онѣ ходятъ въ лѣсъ, набираютъ моху, промоютъ и высушатъ его, потомъ натолкутъ и смѣшавъ 5 фунтовъ этого порошку съ фунтомъ муки, обвариваютъ смѣсь кипяткомъ и ѣдятъ Вмѣсто же чая пьютъ солотковый корень Напитокъ этотъ не считается здоровымъ, потому что человѣкъ отъ него отекаетъ. Такая печальная жизнь составляетъ удѣлъ значительнѣйшаго большинства крестьянъ отъ Тобольска внизъ по Иртышу и по Оби. Тутъ расположены четыре волости: Деньщиковская, Демьянская, Юровская и Увацкая. Въ нихъ считается около 18 т. народу, но только восемь тысячь внизъ по Иртышу на протяженіи 450 верстъ отъ Тобольска считаются особенно голодными. «Пріѣхалъ я въ прошедшемъ году домой, разсказывалъ мнѣ одинъ крестьянинъ на пароходѣ, а народъ отощалъ совсѣмъ и платить податей нечѣмъ, треть народу недоимщиковъ».

Кончаю о Тобольской губерніи разсказомъ о князѣ Матвѣѣ Петровичѣ Гагаринѣ. О немъ разсказываютъ, что, задумавъ образовать отдѣльное сибирское царство, онъ хотѣлъ отложиться отъ Россіи. Петръ узналъ объ этомъ и казнилъ князя. Но дѣло было проще. Князь вовсе не принадлежалъ къ числу людей, способныхъ на такой смѣлый замыселъ и Петръ В. казнилъ его не за политическую вину, а за ли-

хоинство. Разширяя предѣлы Сибири на югъ, забираясь въ Камчатку, открывая серебряную, свинцовую руду и жемчугъ, Гагаринъ прежде всего незабывалъ себя. Обѣдъ подавался ему на 50 серебряныхъ блюдахъ, комнаты были обиты шелковыми обоями, вышитыми серебромъ и золотомъ, а двѣ комнаты были обложены сплошь жемчугомъ. Кареты его были окованы серебромъ и даже лошади ковались серебряными подковами. Бухгольцъ, поссорившійся съ Гагаринымъ за неудачный походъ въ Джунгарію, былъ по представленію Гагарина вызванъ въ Петербургъ и разсказалъ Петру о грабительствахъ сибирскаго губернатора. Оберъ-фискалъ Нестеровъ провѣрилъ чрезъ своихъ чиновниковъ слова Бухгольца и оказалась правда. Въ 1717 году Гагарина вызвали въ Петербургъ, подъ предлогомъ необходимости его присутствія по дѣлу о царевичѣ Алексѣѣ, а въ то же время Петръ В. послалъ въ Тобольскъ довѣренныхъ людей для розыска. Подтвердилось все; обнаружены страшныя злоупотребленія и притѣсненія народа, и у Гагарина найдено наличными деньгами 3,500,000 руб. Гагарина предали суду. Два года томился въ тюрьмѣ обвиняемый, его пытали, били кнутами, но онъ не сознался. 16 марта повѣсили Гагарина, и тѣло его оставалось на висилицѣ до конца апрѣля.

(*Продолженіе въ слѣд. номерѣ*).

ПОДРАЖАНІЕ КОРАНУ.

Храни со строгостью Коранъ,
Аллаха имя чти святое:
Онъ далъ пшеницу и алое,
Верблюда, женщинъ и кальянъ.
И если ты исполнишь свято,
Что заповѣдалъ Магометъ,—
Возлюбишь ближняго, какъ брата,
И будешь истиной согрѣтъ;
Тогда Аллахъ съ вершины трона
Благословитъ твой сонъ и пиръ,
И исполнителю закона
Дастъ счастье вѣчное и миръ.
И будетъ тученъ сборъ пшеницы,
Стада не тронуты никѣмъ,
И расплодятся кобылицы,
И населится твой гаремъ,
И виноградъ созрѣетъ сочный,
И будетъ силенъ твой верблюдъ,
И пылко жены въ часъ полночный
Въ твоихъ объятіяхъ замрутъ.

П. Кельшъ.

каменная церковь. По лѣвую руку отъ церкви, нѣсколько въ гору, шелъ барскій дворъ, огороженный высокимъ, сквознымъ заборомъ, обстроенный по бокамъ службами, а посрединѣ поросшій невысокой густой травой и весь усаженный яблонями. Домъ стоялъ въ глубинѣ двора, на самомъ верьху пригорка, и былъ выстроенъ въ одинъ этажъ, на каменномъ фундаментѣ; подъ балкономъ былъ разбитъ довольно большой, съ затѣйливыми клумбами, цвѣтникъ. Вся эта картина, освѣщенная лѣтнимъ солнцемъ, чистый воздухъ съ луговъ и полей, и присущій русскимъ деревнямъ запахъ овина, отрадно подѣйствовали на меня, и я тутъ же дала себѣ слово пробыть какъ можно долѣе въ Воскресенскомъ.

На крыльцѣ насъ встрѣтила Лизавета Михайловна Козлова, та самая кузина Сусалиной, которая, какъ я уже сказала выше, болѣе походила на гренадера въ женскомъ платьѣ, чѣмъ на *барышню*, какъ звала ее прислуга. Отрапортовавъ самымъ рѣзкимъ басомъ, что тетушка, т. е. старуха, молится у себя въ комнатѣ, а Викторъ Петровичъ—такъ звали сына Нинилы Павловны—все въ полѣ и обѣдать даже не пріѣзжалъ, m-lle Козлова церемоніальнымъ маршемъ послѣдовала за кузиной въ диванную, гдѣ въ ожиданіи пріѣзда хозяйки уже кипѣлъ на столѣ-самоваръ.

— Вамъ право, сестрица, грѣшно на него такъ нападать, онъ ужь и такъ старается вамъ угодить. Подумайте, продолжала она обращаясь ко мнѣ, съ четырехъ часовъ утра и до полуночи все-то онъ въ полѣ; за всѣмъ самъ смотритъ, своимъ глазомъ, никому не довѣряетъ; ужь у него никто на печкѣ не пролежитъ! онъ старикамъ, и тѣмъ дѣло находитъ, ей богу! Вотъ тоже есть и управляющій, и жалованье получаетъ, а пользы никакой не приноситъ. Безъ Виктора, ей богу, сестрица, вамъ и теперь бы сѣна еще не убрать, а у васъ наравнѣ съ другими и жать начали.

— Да что же дѣлаютъ мужики въ полѣ до полуночи? спросила я, въ простотѣ души своей полагая, что ни одинъ помѣщикъ никогда не держитъ крестьянъ на полевой работѣ долѣе заката солнца.

— Какъ что? возразила мнѣ вдругъ Нинила Павловна, во все время монолога свой кузины угрюмо молчавшая и, каза-

лось, даже недовольная ея панегирикомъ Виктору Петровичу. Они обязаны, продолжала Сусалина, окончить заданный имъ съ утра урокъ. Только этимъ способомъ и можно принудить этихъ лѣнтяевъ не теряя времени выполнять свои обязанности и убрать хлѣбъ прежде, нежели онъ переспѣетъ и осыпится на корню.

— Да, вотъ вы теперь согласны, сестрица, забасила опять Лизавета Михайловна, а кто какъ не Викторъ придумалъ завести такой порядокъ? Вашъ Амфилогій Яковличъ немного бы выдумалъ одинъ. Ужь вамъ лучшаго хозяина въ цѣлой губерніи не найдти. Вѣдь онъ по годамъ еще мальчикъ, ребенокъ, можно сказать, а ужь какія способности оказываетъ...

— Онъ все это обязанъ дѣлать. Я тутъ никакихъ заслугъ не вижу, а только прямой его долгъ, говорила Сусалина ужь съ раздраженіемъ. Я его мать, слѣдовательно онъ долженъ посвятить всю свою жизнь на то, чтобы успокоить меня и соблюсти мои интересы. Я для него многимъ жертвовала... и самолюбіе мое не мало отъ него пострадало. Это не такъ легко простить!

— Ну что, сестрица! прервала ее Лизавета Михайловна, вы все за старое опять. А право все-то дѣло было пустяки, дѣтская шалость, больше ничего. Начальству что-то вздумалось ужь очень строго ее принять...

— Ахъ, перестань, Лиза! воскликнула съ нетерпѣніемъ и досадой Нинила Павловна; потомъ, помолчавъ съ минуту, сказала съ принужденной улыбкой:

— Наливай-ка намъ лучше чаю поскорѣе. Да что, Аниська все еще больна?

— Чтобы вамъ служить—больна, а Александра Павлыча давича обѣдомъ кормила... отвѣчала съ двусмысленной улыбкой Лизавета Михайловна.

— Мерзавка! произнесла Сусалина.

Меня при этомъ словѣ какъ кипяткомъ обдало. Весь вышеописанный разговоръ навелъ на меня какую-то безотчетную тоску и изгладилъ совершенно то пріятное впечатлѣніе, съ которымъ я въѣхала въ село Воскресенское, а послѣднее восклицаніе Нинилы Павловны, выраженіе ея лица при

этомъ, заставили меня невольно спросить себя: зачѣмъ я пріѣхала и что за люди мои новые и случайные знакомые?

Напившись чаю, мы вышли на террасу на заднемъ фасадѣ дома, обращеннаго окнами въ садъ. Вечеръ былъ теплый, и тихій; изъ клумбъ поднимался ароматъ свѣжихъ цвѣтовъ, ростущихъ близъ самой террасы, съ которой стоило сойдти три-четыре ступени, пройдти по дорожкамъ между клумбъ, чтобы очутиться въ широкихъ, тѣнистыхъ аллеяхъ стариннаго фруктоваго сада, примыкавшаго къ лѣсу, хотя невысокому, но очень густому. Настроеніе духа Нинилы Павловны вдругъ перемѣнилось; изъ раздраженной и недовольной, она сдѣлалась необыкновенно сантиментальной и расположенной къ поэзіи. Подобные переходы я въ ней и прежде замѣчала, но тутъ они выдавались гораздо рѣзче. Она стала декламировать стихи Пушкина и Лермонтова, а потомъ, сойдя въ цвѣтникъ, обратилась ко мнѣ съ словами:

— Я васъ сейчасъ познакомлю съ моимъ таинственнымъ ночнымъ геніемъ, который услаждаетъ часы моихъ вечернихъ досуговъ, моего одиночества. Къ нему я обращаюсь съ словами любви, дружбы и мольбы, ему повѣряю тревоги сердца... и онъ мнѣ вторитъ, отвѣчаетъ своимъ задушевнымъ нѣжнымъ голосомъ, какъ дѣйствительный другъ, живой, горячій, готовый вотъ сейчасъ броситься въ мои объятья!..

Нинила Павловна хотя и проговорила все это протяжно, съ нѣкоторымъ амфазомъ, но въ голосѣ ея было слышно чувство, и въ ту минуту она мнѣ показалась, при своихъ лѣтахъ и въ паралели съ разговоромъ, бывшимъ за четверть часа передъ тѣмъ у чайнаго стола, и смѣшною и приторною. Я впрочемъ знала уже прежде, изъ разсказовъ и намековъ Лизаветы Михайловны, что Сусалина не одинъ романъ разыграла въ жизни своей, и что роли романическихъ героинь ей были очень по сердцу; она всегда весьма ловко и искусно въ нихъ дѣйствовала; и теперь даже, не смотря на свои сорокъ пять лѣтъ и заботы объ увеличеніи дохода съ имѣнія, она готова была бы тряхнуть своими косточками по прежнему.

Таинственный другъ, ночной геній Нинилы Павловны — былъ эхо, которое дѣйствительно имѣло ту особенность, что на извѣстномъ мѣстѣ, на дорожкѣ между клумбъ,

противъ самаго дома, отдавался отголосокъ, но не такой, какой обыкновенно отдается въ церквахъ, пустыхъ комнатахъ или въ лѣсу, а отголосокъ, повторявшій цѣлыя фразы слово за слово, отчетливо, и внятно, точно другой чей-нибудь голось говорилъ въ нѣкоторомъ отдаленіи.

Нинила Павловна съ распростертыми въ воздухѣ руками и самымъ страстнымъ голосомъ начала говорить лермонтовскія «Рѣчи». Это стихотвореніе было ея любимымъ, и она часто, въ минуты сантиментальнаго настроенія декламировала ихъ. Потомъ вдохновеніе ея усилилось и она ужь стала импровизировать отъ себя въ прозѣ и въ стихахъ, то громко, то шопотомъ, разныя нѣжныя и страстныя воззванія къ своему незримому другу. Не знаю, долго ли бы продолжался восторгъ Сусалиной, но на террасу тяжеловѣсной поступью вошла дѣвица Козлова, и издавъ нѣсколько восклицаній по поводу тишины и прелести вечера, усѣлась на ступеняхъ. На нее, вѣроятно, тоже находили припадки и поэзіи, потому что она вдругъ, ни съ того, ни съ сего, предложила пѣть что-нибудь.

— Жаль только, что Виктора нѣтъ, въ два голоса пѣніе на воздухѣ выходитъ лучше, добавила она.

— Пой теперь, если хочешь, отвѣчала ей Нинила Павловна, входя на террасу:—а когда пріѣдетъ Викторъ, тогда некогда, будетъ, надо о дѣлѣ говорить. И лицо Сусалиной приняло опять озабоченное выраженіе. Мы еще не знаемъ, продолжала она, какой умолотъ будетъ... завтра хоть бы пробу сдѣлать! Неизвѣстность мучительна!.. Не знаешь никогда впередъ ни настоящаго урожая, ни будущаго дохода. Все только однѣ надежды и надежды, осуществленіе которыхъ зависитъ не отъ...

При послѣднихъ словахъ она глубоко вздохнула.

— Перестаньте, сестрица, тосковать, перебила ее Лизавета Михайловна. Какъ вамъ, право, не грѣхъ роптать и Бога гнѣвить? Ужь вы и то кажется не можете ни на что пожаловаться? Вамъ въ жизни во всемъ была удача и счастіе. Двухъ мужей пережили, оба въ васъ влюблены были; сынъ хозяинъ; изъ себя вы до сихъ поръ почти красавица, ей богу! имѣнье вамъ досталось золотое дно... Чего же вамъ еще?

СЕЛО ВОСКРЕСЕНСКОЕ, ЖИВОДЕРОВКА ТОЖЪ.

(*Изъ прошлаго.*)

Вотъ и дожилъ, что безъ спросу
У себя, въ землѣ своей,
Не обрѣжешь дѣвкѣ косу,
Парню лобъ забрить не смѣй!
А задашь, бывало, лупку—
Просто Божья благодать....

Въ 18.. году мнѣ пришлось провести лѣто въ одной изъ среднихъ губерній, гдѣ природа и общество какъ будто и созданы для того, чтобы наводить другъ на друга страшную скуку.

Лѣто было знойное; пыль и духота томили меня; я не знала что дѣлать съ собой, чѣмъ убить время? Книгъ у меня не было, а достать ихъ въ П... было негдѣ. Тамъ вообще не любятъ обременять мозга никакими, какъ выражаются, современными бреднями родной или иностранной литературы. Жила я почти какъ на бивуакахъ, безъ всякой претензіи на комфортъ; у моихъ оконъ даже не было ни ставней, ни сторъ, на томъ основаніи, какъ мнѣ пояснила моя хозяйка, старушка, вдова приказнаго, что напротивъ никто не живетъ и дома нѣтъ, а стоитъ одинъ лишь гнилой заборъ.

— Ну, а прохожіе? вѣдь окна довольно низки. А солнце, которое печетъ цѣлое утро? попробовала было я еще сказать.

— И-и-и, матушка, кто изъ прохожихъ станетъ къ вамъ въ окна смотрѣть, любопытствовать? Да кто тутъ и ходитъ-то! А кабы и заглянули другой разъ, такъ бѣда не велика: все сосѣди, безъ малаго что сорокъ лѣтъ живемъ, привыкли другъ

къ другу. Ну, а солнышкомъ, сударыня моя, прибавила она какъ-то матерински-наставительно, точно открыла моей неопытности великую тайну жизни, солнышкомъ брезговать грѣхъ; оно тепло даетъ, комнатку грѣетъ, и благодать тамъ гдѣ солнышко есть.

На такое патріархальное замѣчаніе я ужь и возражать не смѣла, а собравъ все, что у насъ съ горничной нашлось большихъ платковъ, импровизировала изъ нихъ занавѣски и держала ихъ постоянно спущенными.

Часто сидя въ своей маленькой и душной квартиркѣ, я мечтала о томъ, какъ бы хорошо было провести такое лѣто гдѣ-нибудь въ деревнѣ, гдѣ есть и тѣнистый садъ, и густой лѣсъ, и рѣка... Многіе помѣщики, въ особенности помѣщицы любятъ называть свои деревни *земнымъ раемъ*. Вотъ въ этотъ-то земной рай мнѣ и хотѣлось забраться отъ губернской пыли и грязи.

Еще въ началѣ моего пріѣзда въ П... я случайно познакомилась съ однимъ семействомъ, имѣвшимъ въ П... губерніи подгородное имѣніе душъ въ триста, доставшееся ему, незадолго передъ тѣмъ, по наслѣдству. Въ числѣ членовъ этого семейства была семидесятилѣтняя толстая старуха, съ сѣдой остриженной въ кружокъ головой, съ тупо-смотрѣвшими, когда-то, должно быть, красивыми, но подъ старость совершенно потухшими, карими глазами, и съ множествомъ бородавокъ на лицѣ; старуха эта сильно озадачивала первымъ впечатлѣніемъ; въ особенности тяжело было выносить ея неразборчивый разговоръ; зубовъ у нея не было, да и картавила она вѣроятно еще съ молодости, а говорить очень любила; когда же ее некому было слушать, тогда она принималась брюзжать на прислугу, выражаясь при этомъ довольно энергично. Весь день проходилъ у нея почти исключительно въ томъ, что она бранилась съ людьми, раскладывала пасьянсъ и молилась вслухъ. Но послѣдній процессъ совершался съ особеннымъ церемоніаломъ и въ оригинальной обстановкѣ. Для нея выдвигалось на средину комнаты передъ самымъ кіотомъ большое покойное кресло; въ ноги разстилался коверъ и ставилась мягкая скамейка; потомъ на полъ садилась ея горничная, ровесница своей барыни,—фигура высокая, худая и вѣчно полу-сонная, ежеминутно спотыкавшаяся на ходу, частію отъ физическаго утомленія, а частію отъ *подкрѣпительныхъ*,

къ которымъ она любила прибѣгать, какъ къ единственному утѣшенію въ своей безцвѣтной труженической долѣ. Обязанность старой Василисы, не называемой иначе госпожею своей какъ Васюткой, состояла въ томъ, чтобы неотлучно находиться при барынѣ и безпрерывно день и ночь гладить ей ноги. При чемъ барыня, не любившая никогда стѣсняться, часто въ минуту нервнаго раздраженія, или такъ, для острастки служанки и поддержанія своего достоинства, тыкала Васютку ногами въ лицо, въ голову, куда попало. Моленіе старухи длилось всегда не менѣе трехъ часовъ, а потому соскучась однообразіемъ своего занятія, или просто по привычкѣ, почтенная моя знакомая вдругъ обращалась съ ругательствомъ къ гладившей ей ноги Василисѣ, или къ кому-нибудь другому изъ присутствовавшихъ въ дѣвичьей, смежной съ ея спальней, а послѣ этого маленькаго развлеченія, Клеопатра Петровна, такъ звали старуху, опять принималась креститься и громко лепетать молитвы. Но роль ея въ домѣ и ограничивалась этимъ. Другое же и главное лицо въ этомъ семействѣ была ея дочь, вдова лѣтъ сорока пяти, которая какъ по образованію, такъ и по уму, показалась мнѣ сначала находкою въ этомъ знакомствѣ. Лицо ея носило еще слѣды если не прежней красоты, то по крайней мѣрѣ, прежней миловидности, только зеленаго цвѣта глаза, окоймленные черными рѣсницами, какъ-то коварно смотрѣли; въ нихъ было что-то кошачье, пронзительное. Но за исключеніемъ глазъ наружность и манеры ея мнѣ понравились. Она была весела, словоохотлива, много читала, порой любила посантиментальничать, увлекалась разговорами о чувствахъ, о долгѣ и о поэзіи. Такою, по крайней мѣрѣ, она мнѣ показалась сначала. Звали ее Нинилой Павловной Сусалиной. Мать же не называла ее иначе, какъ полковницей или генеральшей; но какой изъ этихъ чиновъ былъ настоящій, не знаю. Повышеніе и пониженіе ранга дочери зависѣло отъ расположенія духа матери; если старуха была довольна Нинилой Павловной, то обыкновенно говорила улыбаясь и какъ-то особенно сжимая губы: *енаральша*: если же она на нее была сердита, то звала ее не иначе, какъ поматывая головой и гримасничая ртомъ: *оковнica*.

Разъ обѣ эти дамы пріѣхали въ городъ, каждая по своимъ

дѣламъ. Та, что была помоложе, имѣла какое-то дѣло въ губернскомъ правленіи, а старухѣ захотѣлось отвести душу за преферансомъ, до котораго она была страстная охотница, и не смотря на свои лѣта и недуги просиживала на пролетъ цѣлыя ночи за карточнымъ столомъ, придвинутымъ къ ея кровати, а подъ столомъ помѣщалась опять та же Василиса и гладила ей во все время ноги. Въ деревнѣ же старухѣ партіи составить было некому, хотя въ семействѣ еще жили внукъ ея, молодой человѣкъ, выгнанный изъ какого-то корпуса и исключительно съ тѣхъ поръ посвятившій себя сельскому хозяйству, да еще двоюродная племянница, дѣва лѣтъ сорока съ небольшимъ, высокая, черномазая, съ необыкновенно угловатыми тѣлодвиженіями, рѣзкимъ, непріятнымъ мужскимъ басомъ и мужскими манерами; но всѣ эти особы, начиная съ самой Сусалиной, были заняты разными отраслями деревенскаго хозяйства, и играть въ карты не находили времени.

Заѣхавъ ко мнѣ повидаться, Нинила Павловна вдругъ вздумала предложить мнѣ поѣхать къ ней въ Воскресенское и провести тамъ лѣтнее время. Хотя я еще очень мало знала мою новую знакомую, но обольщенная возможностію подышать наконецъ чистымъ воздухомъ (да и село Воскресенское лежало лишь только въ двѣнадцати верстахъ отъ города), я согласилась. Черезъ два дня послѣ посѣщенія Нинилы Павловны, мы отправились съ ней вмѣстѣ въ ея *земной рай*, какъ она называла свое помѣстье. Старуха же уѣхала днемъ раньше.

Когда мы въѣхали въ село, солнце еще было довольно высоко, и я могла вдоволь налюбоваться новой для меня картиной сельской природы. Въ двухстахъ шагахъ отъ околицы направо показалась деревня, разбросанная въ два спускавшіеся подъ гору, неравильные ряда почернѣвшихъ, низенькихъ, крытыхъ соломой, крестьянскихъ избъ; за ними сейчасъ же начинались луга, и далѣе, на протяженіи почти необозримаго пространства, хлѣбныя поля, пестрѣвшія широкими и узкими разноцвѣтными полосами, окаймленныя съ одной стороны темнѣвшимъ вдали лѣсомъ, а съ другой, казалось, примыкавшіе къ городу, стоявшему на высокой горѣ и отчетливо виднѣвшемуся съ своими церквами и садами. Село отъ барской усадьбы отдѣлялось широкой дорогой съ площадью посрединѣ, на которой стояла бѣлая

потому ея идиллическія наклонности съ потребностію сплетничать и наушничать казались еще уродливѣе.

Послѣ ранняго обѣда намъ подали экипажъ. Къ удивленію моему, я увидѣла на козлахъ, вмѣсто кучера, старика лакея, Макара, называемаго постоянно Макаркой, не смотря на то, что человѣку этому было далеко за шестьдесятъ и онъ ужь ходилъ порядочно сгорбившись. За часъ передъ нашей прогулкой Макаръ еще подавалъ кушать къ столу, а тутъ вдругъ явился въ совершенно новой, но кажется, привычной должности. Я смѣясь сообщила Сусалиной мое удивленіе къ ея способности придумывать для людей такія быстрыя превращенія какъ напримѣръ: изъ Макара-официанта сдѣлать вдругъ Макара-кучера. Нинила Павловна улыбнулась.

— Я послала всѣхъ дворовыхъ, которые помоложе въ поле жать, сказала она, повидимому очень довольная своею выдумкою. Меня безпокоитъ погода, барометръ понижается, и такъ какъ жары у насъ стоятъ давно, я боюсь продолжительныхъ дождей, прежде чѣмъ успѣютъ убрать съ поля хлѣбъ. Ахъ, не дай богъ имѣть на рукахъ имѣнье съ такимъ лѣнивымъ и безпечнымъ народомъ, какъ нашъ мужикъ! Это рѣшительно скотъ!... никакихъ чувствъ, никакой совѣсти не имѣетъ! Вотъ вы сами увидите,—закончила Нинила Павловна, садясь въ экипажъ.

Когда мы пріѣхали на жниво, къ намъ подскакалъ Викторъ Петровичъ; онъ былъ верхомъ и въ рукахъ держалъ казацкую плеть; на одной изъ пуговицъ его бѣлаго каломянковаго пальто висѣлъ вышитый шерстями кисетъ съ воткнутой въ него трубкой, на головѣ у него была соломенная шляпа съ широкими полями. При взглядѣ на него, мнѣ припомнилась одна изъ фигуръ «Хижины Дяди Тома».

Доложивъ матери, сколько полосъ уже сжато и сколько телѣгъ свезено на гумно, гдѣ Амфилогій Яковличъ дѣлаетъ пробу умолота, молодой Сусалинъ предложилъ Нинилѣ Павловнѣ выдти изъ экипажа и пройтись по жниву. Мы всѣ сошли съ линейки и отправились пѣшкомъ по сжатому полю; подойдя ближе къ жнецамъ, помѣщица обратилась съ какимъ-то вопросомъ къ одному изъ нихъ; мужикъ немедленно приподнялъ голову и робко давая отвѣтъ, быстро бросилъ серпъ на землю, сложилъ

обѣ руки чашечкой, какъ ихъ обыкновенно складываетъ простолюдинъ, когда подходитъ подъ благословеніе священника,— и подошелъ къ Нинилѣ Павловнѣ; та положила на его ладонь концы своихъ пальцевъ, тщательно одѣтыхъ въ лайковую перчатку, и мужикъ съ трепетомъ и боязливо коснулся до нихъ своими усами, потомъ низко поклонившись, какъ бы благодаря за предложенную честь, отступилъ два шага назадъ, нагнулся, взялъ серпъ и принялся снова за работу. Примѣру его поочередно послѣдовали всѣ вблизи находившіеся жнецы и жницы, повторяя тѣ же самые пріемы, точно по расписному церемоніалу; одна только злополучная, немолодая и съ болѣзненнымъ лицомъ женщина, не обращала никакого вниманія на происходившее возлѣ нея цѣлованіе барскихъ пальцевъ, и продолжала не разгибаясь жать, выхватывая необыкновенно быстро и ловко пучки ржи и откладывая ихъ въ сторону, гдѣ двѣ краснощекія, загорѣлыя крестьянскія дѣвушки вязали снопы.

— Кто эта? Какъ ее зовутъ? спросила Сусалина своего сына, указавъ на женщину.

— Матрена, Фомкина вдова, у которой, помните, недавно мальчишку перекладиной задавило.

— Какая скотина, невѣжа! произнесла ядовито Нинила Павловна. И рыло—воротитъ, будто не видитъ, что барыня тутъ.

— Эй, ты! крикнулъ Викторъ Петровичъ, Матрешка! или не видишь, что барыня пріѣхала? Не умѣешь иль не хочешь поклониться?

— Она маленько не въ себѣ послѣ парнишка-то, ровно какъ бы призадумывается... возразилъ кто-то робко изъ толпы.

Между тѣмъ баба подняла голову и повернувшись въ нашу сторону, стояла неподвижно, точно въ недоумѣніи.

— Вотъ, я тебя, каналью, проучу! закричалъ снова молодой баринъ, и мигомъ пришпоривъ лошадь подскакалъ къ женщинѣ.

Я отошла отъ этого мѣста, въ противоположную сторону, гдѣ размѣщалась другая группа жнецовъ. Между ними я узнала двухъ кружевницъ и одну пяличницу, всѣ три были съ изрѣзанными пальцами отъ непривычки владѣть серпомъ. Не знаю отъ боли ли рукъ или отъ чего *другого*, но глаза у этихъ бѣдняжекъ были сильно наплаканы.

На другой день, убѣдившись вѣроятно въ безполезности такихъ помощницъ на полѣ, какъ кружевницы и бѣлошвейки, Сусалина засадила всѣхъ импровизированныхъ наканунѣ жницъ опять за ихъ обычныя работы. Но понятно, что перерѣзанными пальцами трудно скоро перебрасывать коклюшки и держать тонкую иголку, а потому никто изъ дѣвушекъ не выставилъ своего урока, за что, какъ я узнала отъ своей Аннушки, Нинила Павловна собиралась хорошенько ихъ проучить.

Мнѣ было тяжело жить въ Воскресенскомъ, и я худо скрывала свою полнѣйшую антипатію къ *земному раю*. Поэтому я просила Нинилу Павловну отправить меня въ городъ, но она или считала долгомъ гостепріимства удерживать меня, уговаривая погостить еще недѣлю-другую, или ей дѣйствительно хотѣлось моего присутствія какъ лица посторонняго и поэтому служащаго ресурсомъ въ однообразной деревенской жизни, только она задерживала меня, придумывая разныя причины, затруднявшія мой отъѣздъ; но я настаивала, увѣряя, что чувствую себя нездоровой и боюсь заболѣть въ деревнѣ, гдѣ нѣтъ ни доктора, ни аптеки, да притомъ еще въ чужомъ домѣ; это значило бы надѣлать страшныхъ хлопотъ хозяйкѣ.

— Вотъ, какъ вы соскучились въ деревнѣ, что даже захворать боитесь, отвѣчала мнѣ съ легкой насмѣшкой Сусалина, а еще говорили, что любите деревню и готовы бы были жить въ ней круглый годъ.

Я посмотрѣла въ глаза Нинилѣ Павловнѣ и промолчала.

— Завтра я не могу вамъ дать лошадей, продолжала Сусалина, а дня черезъ два, если вы ужь непремѣнно хотите насъ покинуть, экипажъ будетъ къ вашимъ услугамъ.

Сверхъ обыкновенія работы на полѣ въ этотъ день кончились нѣсколько ранѣе, и Викторъ Петровичъ въ сопровожденіи управляющаго явился домой часовъ въ десять. Вечеръ былъ славный, рано спать идти не хотѣлось, но чтобы избѣжать непріятности выслушивать хозяйственныя распоряженія молодого помѣщика и вздохи и стоны его матери о неизвѣстности цифры будущаго дохода, я тотчасъ же оставила комнату и вышла на террасу. Между тѣмъ въ диванной шелъ жаркій говоръ о посѣвѣ, умолотѣ, уборкѣ хлѣба и т. д. Восклицанія на разные тоны долетали и до меня. Голосъ Виктора Петро-

вича раздавался всѣхъ громче, хотя и рѣдко; управляющій же больше молчалъ, или по временамъ хихикалъ надъ пошлыми остротами молодого барина да поддакивалъ самой Нинилѣ Павловнѣ, которая говорила много и съ обычной своей раздражительностію. Иногда между матерью и сыномъ возникалъ споръ и первая начинала читать длинныя, язвительныя наставленія; но тогда раздавался еще голосъ непріятно дравшій уши своимъ сиплымъ басомъ: это былъ голосъ Лизаветы Михайловны, вступавшейся за племянника. Дѣвица Козлова ставила себѣ въ непремѣнную обязанность присутствовать при всѣхъ домашнихъ и хозяйственныхъ конференціяхъ, вѣроятно съ цѣлію поучиться такому славному хозяйству и, въ свою очередь, когда-нибудь сдѣлавшись помѣщицей нѣсколькихъ десятковъ или сотъ душъ, управлять ими на подобіе Нинилы Павловны и Виктора Петровича.

— Теперь, Амфилогій Яковличъ, ступайте, я васъ не удерживаю, вы устали, сказала Сусалина.—Завтра вечеромъ я сама приду на гумно и тамъ потолкуемъ; значитъ, у васъ завтра начнутъ молотить на сѣмена?

— Да-съ, ужь надо-съ, отвѣчалъ управитель.

Мнѣ сдѣлалось свѣжо на террасѣ и я, въ надеждѣ что аудіенція ужь кончена, вошла въ комнату.

— По скольку человѣкъ вы сегодня ставили на десятину? спросила опять Сусалина раскланивавшагося передъ ней управителя.

— По десяти, отвѣчали въ одинъ голосъ и сынъ, и управитель.

— А завтра поставимъ по шести, продолжалъ Викторъ Петровичъ. Ихъ баловать нечего! Пора начинать овесъ жать; да и рожь еще не вся свезена.... а тамъ у нихъ поля стоятъ; придется на будущей недѣлѣ нѣкоторыхъ отпустить на свои работы.

— Ты пожалуйста не торопись давать имъ дни для своихъ полей; они успѣютъ еще, сказала Сусалина. Надо думать, продолжала она, какъ скорѣе убрать нашъ хлѣбъ; ты забываешь, что погода можетъ испортиться? Для своихъ полей у нихъ всегда руки готовы. Изъ нихъ для своей уборки никто больнымъ не скажется.

И вслѣдъ за тѣмъ Лизавета Михайловна вдругъ крикнула такъ громко своимъ непріятнымъ басомъ, что я вздрогнула:

Вѣютъ бранны знамена
Дышитъ яростью войпа!
Разлука, разлука
Съ любезнымъ тяжела!

Барышня пѣла съ чувствомъ, входя болѣе и болѣе въ поэтическій азартъ, но окончить романса ей не удалось, потому что пріѣхалъ Викторъ Петровичъ и съ шумомъ вошелъ на террасу, громко разговаривая съ управителемъ, небольшимъ бѣлобрысымъ человѣчкомъ съ рысьими глазками, подленькимъ выраженіемъ лица и подобострастными ужимками. Такъ какъ я сына Сусалиной видѣла еще прежде, въ городѣ, то представлять его мнѣ не оказалось надобности, и Нинила Павловна тотчасъ отправилась толковать о хозяйствѣ. Было уже поздно, мнѣ хотѣлось спать, и я ушла въ отведенную мнѣ комнату. Тутъ я нашла свою горничную, Аннушку, задумчиво сидѣвшую у окна и смотрѣвшую въ садъ.

— Что ты сидишь здѣсь въ потьмахъ, одна? отчего не пойдешь познакомиться съ здѣшними дѣвушками? спросила я ее.

— Эхъ, сударыня, что ужь здѣсь за знакомство? отвѣчала мнѣ она, махнувъ рукой.

— А что? развѣ горды очень? съ тобой и говорить не хотятъ.

— Горды! гм! усмѣхнулась Аннушка. Вы бы послушали что разсказываютъ-то! Да посмотрѣли, что дѣлается.... инда тоска возьметъ. Вотъ давно ли, кажется, мы съ вами сюда пріѣхали? а ужь тутъ барыня распорядилась горничную свою, Анисью, высѣчь за то, что вишь притворяется больной. А ей что притворяться! ее третья недѣля трясучка замучила; на дѣвкѣ лица нѣтъ; словно тѣнь ходитъ. А тутъ еще навязался какой-то разслабленный что ли, Богъ его знаетъ! Нинилы Павловны братъ родной, можетъ вы слышали о немъ? Онъ вотъ тутъ во флигелѣ живетъ. Только чудной онъ такой, я въ щелку на него смотрѣла, изъ себя страшный, худой да блѣдный, какъ мертвецъ; волосищи и усищи огромные; руки, по-

ги какъ плети болтаются, языкомъ чуть владѣетъ. А самъ еще не старый; и одѣтъ-то онъ какъ-то странно: весь въ красномъ да въ галунахъ; точно базарная кукла. Говорятъ смолоду въ гусарахъ служилъ, ну и привыкъ щеголять; и теперь все хочетъ точно такъ же наряжаться. Онъ вотъ эту самую Анисью очень любитъ, что она смирная, знаете, такая, не дразнитъ его никогда, не смѣется надъ нимъ, какъ прочія. Все зоветъ ее къ себѣ, чтобы кормила его обѣдомъ да поила чаемъ, а Нинила Павловна запретила ей входить къ нему, приставила старуху кормить-то разслабленнаго. А онъ старуху не хочетъ, гонитъ съ глазъ долой, ругается; мать свою ругаетъ и Нинилу Павловну ругаетъ; кричитъ, что онѣ злодѣйки, варварки, грабительницы, его ограбили, взяли имѣнье себѣ, а ему человѣка по сердцу не даютъ, чтобы кусокъ-то съѣсть, какъ слѣдуетъ, со вкусомъ, да покойно. Давича, говорятъ, до нашего еще пріѣзда, до того онъ это разбѣсновался, что инда пѣна у рта показалась, кричитъ себѣ знай: Аниська! Аниська! Сталъ головой колотить объ столъ; думали что и башку-то себѣ въ кровь разобьетъ. Ну, нечего дѣлать, старушка Василиса, она, видите, его нянькой была, сжалилась надъ нимъ, да тихонько и послала къ нему Анисью, супомъ его покормить. А на тотъ грѣхъ Лизавета Михайловна, должно быть, слышала шумъ да бунтъ и войди къ Александру Павловичу посмотрѣть, что съ нимъ творится такое; Анисью-то и застала на порогѣ съ пустой тарелкой въ рукахъ, послѣ все и пересказала Нинилѣ Павловнѣ. Та, не будь дурна, да старуху Василису давича при мнѣ въ дѣвичьей по щекамъ собственноручно и отдула, а Анисью высѣчь велѣла. Да всего не перескажешь что тутъ дѣлается!

Я молчала и раздумывала о томъ, какъ бы опять поскорѣе возвратиться въ душный, пыльный городъ, въ мою не комфортабельную, но мирную квартирку.

— А теперь тоже, что это у нихъ все печати на всемъ? начала опять Аннушка. Посмотришь на сахарѣ, на банкахъ съ вареньемъ, на хлѣбѣ, на всемъ-то, на всемъ, печати. Вотъ теперь, примѣрно, заварить нужно чаю, откупорятъ чайницу, возьмутъ что слѣдуетъ, и опять припечатаютъ сургучомъ. И все-то такъ дѣлаютъ. А между тѣмъ поклепы без-

престанные у нихъ; то того нѣтъ, то это украли, то другого не хватаетъ. А люди и точно воришки, должно быть. Поэтому я слышала, при мнѣ говорено было: «что коли молъ еще ничего не видя, а ужь ворами обзывать стали да опечатывать все, такъ чѣмъ даромъ сноситьтакую обиду, давай ужь и взаправду будемъ такими».

Помолчавъ съ минуту, Аннушка опять спросила:

— Что, мы долго здѣсь гостить-то останемся?

— Не знаю, отвѣчала я въ раздумьи.

Все слышанное мною грустно и непріятно на меня подѣйствовало. Совсѣмъ не то ожидала я найдти въ Воскресенскомъ, этомъ *земномъ раю* романической Нинилы Павловны. Но судьба безжалостно подшутила надо мной.

Прошло нѣсколько дней безъ особенныхъ приключеній для меня. Я старалась всѣми силами избѣгать всякихъ столкновеній, даже въ разговорахъ, съ закулисной жизнью въ помѣщичьемъ раю. Горничная моя тоже избѣгала часто ходить въ дѣвичью и бесѣдовать тамъ долго. Наступило воскресенье. Нинила Павловна, какъ истинная христіанка, отправилась въ сопровожденіи Лизаветы Михайловны, къ обѣдни. Обѣ онѣ даже не пили чаю. Я же осталась еще дома, чтобы напиться кофе, и тогда намѣревалась тоже отправиться въ церковь. Когда я пришла къ обѣднѣ, меня удивило, что церковь была почти пуста; въ ней, исключая хозяйки, ея кузины, меня и причта, было еще человѣкъ десять мужиковъ и бабъ вмѣстѣ. По окончаніи службы мы съ Лизаветой Михайловной отправились домой, Нинила же Павловна осталась служить молебенъ съ акафистомъ и колѣно-преклоненіемъ (я слышала какъ она его заказывала священнику, вышедшему съ крестомъ) о томъ, чтобы уборка хлѣба кончилась заблаговременно и съ успѣхомъ; я сообщила мое замѣчаніе дѣвицѣ Козловой на счетъ такого малаго числа охотниковъ посѣщать церковь.

— Да и этотъ весь народъ, что вы теперь видѣли, не нашъ, отвѣчала мнѣ разбитная барышня:—это изъ Ручьевъ;... за десять верстъ отсюда есть деревушка нашего прихода.

— Отчего же вашихъ мужиковъ никого не было? Развѣ они по праздникамъ рано выѣзжаютъ въ свои поля? Я думала, что это обыкновенно вездѣ дѣлается только послѣ обѣдни.

— Нѣтъ, перебила меня Лизавета Михайловна, когда же теперь въ свои поля выѣзжать. Сестрица и то все боится, что хлѣбъ переспѣетъ и осыпится на корню. У насъ мужики должны прежде барскія поля убрать, а тогда могутъ и за свои приняться.

— А у нихъ развѣ хлѣбъ не можетъ тоже переспѣть и осыпаться? спросила я ее насмѣшливо.

Но она не обратила вниманія на мой тонъ, или даже просто не поняла его, а продолжала какъ-то скороговоркой:

— Викторъ сегодня распорядился, чтобы усилить работу на поляхъ, всю деревню согналъ на жнитво съ четырехъ часовъ утра. Да проказникъ какой! ей богу! и дворовыхъ-то послалъ туда же. Шесть кружевницъ, четыре пяличницы, двѣ прачки, всѣ у него теперь съ серпами на полѣ. А все сестрица имъ недовольна и бранитъ его, что не хорошо распоряжается.

— Но мнѣ кажется, онъ дѣйствительно дурно распоряжается, сказала я.—Какъ же можно кружевницъ и пяличницъ посылать жать? Онѣ никогда серпа въ рукахъ не держали, какія же онѣ помощницы? да и много ли ихъ. Только руки себѣ перерѣжутъ и не въ состояніи будутъ ни кружева плести, ни вышивать.

— Нѣтъ, у Виктора не перерѣжутъ себѣ рукъ! онъ вѣдь шутить не любитъ! онѣ это знаютъ хорошо.

Я не возражала больше. Мнѣ всегда дѣлалось противно отъ циническихъ похвалъ Лизаветы Михайловны этому дикому молокососу, ея племянничку, напоминавшему голоднаго волка, спущеннаго въ стадо барановъ.

Возвратясь домой Нинила Павловна объявила мнѣ, что послѣ обѣда мы всѣ поѣдемъ въ то поле, гдѣ началась жатва. Я было отказалась подъ тѣмъ предлогомъ, что болитъ голова и день слишкомъ жаркій, но она и дѣвица Козлова, вмѣстѣ стали такъ уговаривать меня, представляя живописность тѣхъ мѣстъ, мимо которыхъ намъ слѣдовало ѣхать, что я не только не могла не согласится, но еще больше окончательно убѣдилась, что и Лизавета Михайловна, несмотря на свою мужико-образную наружность, трескучій баситый голосъ и страсть къ трубкѣ и жукову табаку, не менѣе самой Сусалиной любила посантиментальничать на берегу ручейка или при лунномъ свѣтѣ, только на ней, вообще, меньше было лоску, чѣмъ на вдовѣ и

— Да не безпокойтесь, и для господской тоже у меня не скажутся больными, отвѣчалъ съ самодовольной улыбкой Викторъ Петровичъ. Я сегодня какъ припугнулъ одну, такъ она у меня какъ встрепаная вскочила и за серпъ взялась; куда и болѣзнь дѣвалась... Ха, ха, ха, и Сусалинъ громко захохоталъ, разинувъ огромный свой ротъ и закинувъ назадъ голову.

— Хи, хи, хи, раздался смѣшокъ управителя, что съ ними много-то церемониться, не барыни! хи, хи, хи!

— Ты только способенъ дѣлать глупости, заговорила запальчиво Сусалина, замѣтивъ мое присутствіе и въ то же время бросивъ строгій взглядъ на сына, какъ бы укоряя его за неумѣстную откровенность.

Не имѣя ни малѣйшаго желанія оставаться долѣе въ этомъ миломъ обществѣ, я вышла изъ диванной и отправилась въ свою комнату.

На другой день, за обѣдомъ, Викторъ Петровичъ былъ молчаливъ и надутъ. Нинила Павловна же, напротивъ, много говорила и со мной была особенно любезна въ теченіе всего дня, и на сына не обращала никакого вниманія, что давало, конечно, поводъ Лизаветѣ Михайловнѣ какъ-то особенно подслуживаться своей кузинѣ, видимо стараясь всѣми силами смягчить ея гнѣвъ къ сыну. Но не смотря на всю любезность хозяйки, я воспользовалась первой удобной минутой, и настоятельно попросила Сусалину отвезти меня на другой же день въ городъ.

— Въ противномъ случаѣ, прибавила я смѣясь, вы вынудите меня идти пѣшкомъ и это будетъ похоже на то, будто меня выгнали отсюда...

— Но васъ дѣйствительно точно гонятъ изъ Воскресенскаго, отвѣчала, тоже смѣясь, Нинила Павловна; такъ вы торопитесь насъ оставить. Впрочемъ, я больше васъ не смѣю удерживать, но надѣюсь, что вы не откажетесь пріѣхать еще разъ хоть на короткое время.

— Мы съ сестрицей опять останемся вдвоемъ, какъ отшельницы какія! воскликнула Лизавета Михайловна.

Вечеромъ мы отправились всѣ три, пѣшкомъ, на гумно. Придя туда, Нинила Павловна тотчасъ же занялась своимъ любопытнымъ разговоромъ съ управителемъ. Лизавета Михайловна сѣла возлѣ отдыхавшаго у риги Виктора Петровича, а я

помѣстилась невдалекѣ отъ нихъ, на обмолоченныхъ снопахъ и засмотрѣлась на дружное подыманіе и опусканіе цѣповъ, ударявшихъ въ тактъ по соломѣ.

Разговоръ пожилой барышни и ея юнаго любимца доходилъ до меня ясно.

— Не дурна вотъ и та, что съ краю стоитъ, бѣлокуренькая, говорила Лизавета Михайловна, указывая на одну изъ молотильщицъ.

— Да, но что она въ сравненіи съ моей Алёной! отвѣчалъ Викторъ Петровичъ.

— А которая же она? Что не покажешь? и барышня-гренадеръ ударила, въ знакъ любезности, довольно полновѣсно, своей мускулистой и объемистой ручкой по плечу племянничка.

— А вотъ сейчасъ! Я велю ей подать кисетъ съ трубкой. Алёна! крикнулъ Викторъ Петровичъ.

Молодая, смазливая, черноглазая бабенка, небольшого роста и наряднѣе прочихъ одѣтая, бросила цѣпъ и подбѣжала къ барину.

— Подай трубку, сказалъ ей Сусалинъ.

Алёна юркнула за ригу и черезъ минуту вернулась съ кисетомъ и трубкой въ рукахъ.

— Ну, набивай же, или не знаешь своей должности? смотри у меня! прибавилъ онъ, грозя ей пальцемъ и прищуривая глаза.

Алёна набила табакомъ трубку и подала ее барину вмѣстѣ съ коробочкою спичекъ. Тотъ вынулъ спичку, всталъ и сдѣлалъ примѣръ, будто хочетъ зажечь ее о глаза Алёны. Бабенка осклабилась и закрылась рукавомъ своей красной, ситцевой рубашки.

— У, плутовка! сказалъ съ какой-то особенной улыбкой Викторъ Петровичъ. Что? устала не бойсь? нѣженка! прибавилъ онъ, ласково потрепавъ ее по щекѣ.

— Коли не устать! отвѣчала бойко баба.

— Ну, такъ поди отдохни.

Алёна со всѣхъ ногъ бросилась за ригу, а Викторъ Петровичъ опять сѣлъ на прежнее свое мѣсто возлѣ Лизаветы Михайловны.

— Смотри, Викторъ, сказала ему барышня, ты очень не-

остороженъ, чтобы сестрица не узнала всѣхъ твоихъ проказъ.

— Вотъ еще! Не дуракъ, я думаю, не такія дѣла обдѣлывалъ, все шито да крыто, съ рукъ сходило.

И Викторъ Петровичъ, докуривъ свою трубку, отправился отнести ее самъ на сбереженіе Алёнѣ, отдыхавшей въ шалашѣ, за ригой. Лизавета Михайловна подошла ко мнѣ съ предложеніемъ идти звать сестрицу домой, пить чай.

— А то тетушка соскучится, что долго никого нѣтъ и чай не поданъ до сихъ поръ, прибавила она заботливо.

Я очень хорошо поняла, что ей хотѣлось, чтобы Нинила Павловна поскорѣе ушла съ гумна, не успѣвъ замѣтить отсутствіе сына и Алёны вмѣстѣ.

Нинила Павловна, садясь за чай, съ несвойственной ей материнской нѣжностью выражала свое опасеніе, чтобы сынъ ея, такъ усердно занимающійся хозяйствомъ, не простудился, оставаясь на гумнѣ такъ поздно.

Въ тотъ же вечеръ, послѣ ужина, я простилась со всѣми, поблагодаривъ хозяйку за гостепріимство и прося ее не безпокоиться вставать рано для моихъ проводовъ.

— Я уѣду съ восходомъ солнца, говорила я Нинилѣ Павловнѣ, а вы вѣдь встаете поздно. Притомъ къ чему церемоніи?

— Во всякомъ случаѣ, я васъ не отпущу иначе какъ вы должны мнѣ дать слово, что къ пятому сентября пріѣдете опять; у насъ въ селѣ престольный праздникъ въ этотъ день.

Я однако слова не дала, а сказала, что это будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ; можетъ быть, я раньше этого срока совсѣмъ покину П... губернію.

Придя въ свою комнату, я поспѣшила раздѣться и лечь въ постель, не дожидаясь горничной, и вскорѣ заснула. Не знаю долго ли я спала, только меня разбудили шумъ и бѣготня по корридору, въ который выходила дверь моей комнаты. Вслѣдъ затѣмъ по корридору пронесся пронзительный женскій крикъ: горимъ, горимъ! Я выглянула въ окно и увидѣла зарево, въ нѣсколько минутъ охватившее весь горизонтъ. Клубы дыма, разносимые сильнымъ вѣтромъ, по временамъ закрывали пламя, поднимавшееся волнами надъ гумномъ. Въ домѣ все засуетилось, деревня поднялась на ноги, мужики, женщины и дѣти бѣжали по направленію къ пожару; говоръ и крики испуганной толпы сли-

валпсь съ рѣзкимъ набатомъ колокола, призывавшаго на помощь. Сусалина вскочила съ постели, кое-какъ одѣлась и поспѣшила отправиться чуть не рысью на пожарище; за барыней пустился весь домъ какъ попало; одинъ схватилъ ведро, другой песъ кочергу, третій улепетывалъ безъ сапоговъ и шапки; даже Лизавета Михайловна очутилась на улицѣ въ почномъ костюмѣ. Я также не утерпѣла и вмѣстѣ съ Аннушкой направилась къ даровому, но ужасному зрѣлищу!

Когда мы подошли на близкое разстояніе отъ гумна, пожаръ былъ въ полномъ разгарѣ и понялъ все, что было кругомъ гумна—строенія и скирды. «Воды, воды!» кричали голоса съ разныхъ сторонъ, но вода была далеко, а вѣтеръ широко разносилъ пламя, клубя его, подобно алому парусу и разбрасывая искры по всему полю.

Мимо меня промелькнула баба съ образомъ въ рукахъ, на распѣвъ причитавшая какую-то молитву.

— Ну, что ты стоишь столбнякомъ-то, съ нѣкоторой ироніей сказалъ молодой парень стоявшему близъ меня высокому и стройному мужику: вѣдь гумно-то барское горитъ!

— А что жь, отвѣчалъ тотъ съ неподражаемымъ равнодушіемъ:—пусть горитъ! Только къ утру, когда сталъ вѣтеръ, унялось пламя и мало-по-малу стало потухать. Деревня успокоилась и заснула, только одна Сусалина не могла найдти покоя ни во снѣ, ни въ молитвѣ. На другой день начались толки и розказни, но виновника пожара никто не открылъ. Не знаю, чѣмъ кончилась вся эта исторія; къ вечеру я поспѣшила уѣхать въ городъ, оставивъ за собой земной рай и охающую въ немъ Сусалину съ больнымъ сыномъ, по всей вѣроятности не совсѣмъ благополучно возвратившимся изъ шалаша...

Плебейка.

ШКОЛЬНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

(ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЗНАКОМАГО ДОНЦА.)

(*Окончаніе*)

Нѣтъ сомнѣнія, что человѣка формируетъ окружающая его среда; она незамѣтно, въ силу извѣстныхъ обстоятельствъ и переживаемыхъ впечатлѣній, лѣпитъ изъ него тотъ или другой характеръ, съ тѣмъ или другимъ направленіемъ, или вовсе безъ всякаго направленія. Надо имѣть необыкновенное счастіе или удивительную энергію воли, чтобы изъ грязнаго болота жизни выйдти сухимъ и незапачканнымъ. Въ моей внѣшней обстановкѣ, за стѣнами школы, были предметы, о которыхъ я не считаю лишнимъ вспомнить. На первомъ мѣстѣ представляется мнѣ фигура Николая Ивановича—дьячка, у котораго я жилъ на квартирѣ. Николай Ивановичъ имѣлъ въ станицѣ свой собственный домъ о пяти или о шести комнатахъ, довольно порядочный въ сравненіи съ прочими аристократическими домами станицы. Для меня Николай Ивановичъ являлся олицетвореніемъ жизненнаго опыта, а потому долженъ былъ имѣть и извѣстную долю вліянія. Скажу объ этомъ вліяніи по порядку. Съ чего бы начать? Ну, да все равно. Начну съ эстетическаго развитія. Николай Ивановичъ, по своей профессіи, долженъ былъ пѣть. Онъ пѣлъ козломъ. Вліяніе его въ этомъ отношеніи на мое развитіе состояло въ томъ, что когда онъ былъ пьянъ, то приглашалъ къ себѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей и въ числѣ ихъ дьячка Мануйлу—basso profundo, и Сидорыча, который пѣлъ голосомъ сидоровой козы, когда ее порятъ. У насъ составлялся концертъ. Николай Ивановичъ становился въ главѣ оркестра, сидорову козу ставилъ по правую руку, Мануйлу

по лѣвую, насъ, постояльцевъ, противъ себя, и мы пѣли. И боже ты мой милостивый! какъ пѣли мы... Любимая кантата Николая Ивановича была:

Изъ за Волги кума
Въ решетѣ приплыла,
Веретенами гребла;
Донцемъ правила и т. д.

Николай Ивановичъ дѣлалъ страшные глаза, какъ волкъ въ сказкѣ, и въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ показывалъ видъ, что хочетъ насъ козляточекъ съѣсть. Мы трепетали и визжали до истерики. Мануйло, напротивъ, закрывалъ глаза и, протягивая руки, точно желая схватить и задушить насъ, малыхъ ребятишекъ, гоготалъ до бѣшенства и дѣлалъ такія рулады, какъ будто онъ лежитъ на полкѣ въ жаркой банѣ, его парятъ въ два вѣника, а онъ реветъ благимъ матомъ: «го, го, го! поддай еще! поддай еще!...» При этомъ сидорова коза изнывала во всѣхъ своихъ перепонкахъ и семенила ножками. То она дѣлала руки въ боки, то вихляла спиной, то егозила мелкимъ бѣсомъ. Когда пѣсня наконецъ доходила до того мѣста, гдѣ воробья разрѣзываютъ на двѣнадцать частей, Мануйло раскрывалъ свои дикіе глаза и неистово бросался на сидорову козу, которая при этомъ случаѣ выводила замирающія ноты. Мануйло, казалось, пожиралъ ее, какъ пѣсеннаго воробья, а мы пѣли въ краснорѣчивомъ ужасѣ, хотя положительно не вѣрили, чтобы Мануйло съѣлъ сидорову козу. Впослѣдствіи, когда мы были постарше, концертъ не производилъ на насъ такого потрясающаго дѣйствія, хотя и Мануйло и сидорова коза всегда казались намъ какими-то фантастическими существами. Репертуаръ нашъ не ограничивался впрочемъ одной кумой и воробьемъ; но всѣ прочія пѣсни были ничто въ сравненіи съ этой впечатлительной аріей. Эстетическое наслажденіе, можно сказать — сладострастіе Сидоровой козы доходило до того, что она нерѣдко становилась на четвереньки и пѣла до истомы.

—Молодца, Сидорычъ! кричалъ Николай Ивановичъ: —такъ его! такъ его! выводи, чтобъ и покойникъ отецъ твой въ гробу пошевельнулся... Эко, господи, голосокъ, — вотъ голосъ золотой!..

И сидорова коза бѣшено изнывала, показывая видъ, что вскидываетъ задними ногами, и заливаясь соловьемъ... И Мануйло рвалъ свое горло, опрокидываясь на насъ невинныхъ ребятъ...

— Вотъ поютъ! родимые мои, какъ поютъ! говорилъ Николай Ивановичъ, и приглашалъ своихъ товарищей выпить.

— Къ чумаку, такъ къ чумаку, заключалъ Мануйло.

Николай Ивановичъ былъ поэтъ въ душѣ; восхитительно было слушать, какъ онъ, стоя противъ сидоровой козы декламировалъ:

Родимся мы на свѣтъ наги,
Облиты слезами...

— Ты нагъ родился, Сидорычъ! обращался онъ къ сидоровой козѣ.

— Нагъ родился, нагъ и отыду, отвѣчала сидорова коза.

Грустно мнѣ становилось, когда я смотрѣлъ на этихъ людей, даже не сознававшихъ того, что они могли быть чѣмъ-нибудь лучше, что, при другихъ условіяхъ жизни, они, можетъ быть, были бы благороднѣйшими членами общества.

Но среда, во главѣ которой, лично для меня, стоялъ Николай Ивановичъ, дѣйствовала съ разныхъ сторонъ на мой внутренній міръ. Николай Ивановичъ являлся также практическимъ философомъ. Онъ почти всегда презиралъ мнѣніемъ толпы, и когда ему въ пьяномъ видѣ приходилось выходить отъ чумака, и толпа, всегда собиравшаяся около станичной избы, смѣялась на его счетъ, философъ не обращалъ на это никакого вниманія. Когда въ подобномъ положеніи я видѣлъ Николая Ивановича, мнѣ становилось стыдно за него, и я старался скрыться отъ его глазъ. Но и самъ Николай Ивановичъ дѣлалъ иногда уступку общественному мнѣнію; когда случалось ему пропивать самыя замѣтныя принадлежности своего туалета, тогда онъ робко склонялся передъ судомъ толпы и старался пробираться домой въ сумерки. При этомъ онъ разсказывалъ женѣ, когда та освѣдомлялась о судьбѣ его платья, что дорогою на него напалъ нечистый духъ, въ видѣ повытчика Козюлькина или бабушки Сысоихи, тащилъ его на кладбище и, побѣжденный крестнымъ знаменіемъ, успѣлъ только снять съ него шубу или другія болѣе необходимыя части мужского туалета. Сначала я вѣрилъ этимъ разсказамъ о навожденіяхъ злого духа, тяготѣвшаго надъ злосчастною участью философа, но когда сталъ замѣчать, что, выходя побѣдителемъ изъ единоборства съ дьяволомъ, Николай Ивановичъ всегда пропитывался почему-то не сѣрнымъ запахомъ, — это куда бы ни шло, а нѣтъ, — запахомъ сивухи и кабака, я началъ думать, что онъ клевещетъ на злого духа.

Въ сущности Николай Ивановичъ былъ добрый человѣкъ, и потому вліяніе его на мое развитіе не могло принести столько зла, сколько бы можно было ожидать. Въ то время, когда надолго установившіяся сношенія Николая Ивановича съ нечистою силою прекращались вслѣдствіе какого-нибудь нравственнаго толчка, какъ напримѣръ вслѣдствіе синяковъ подъ глазами, неимѣнья шубы, верхняго платья и даже того, что носится подъ верхнимъ платьемъ, онъ видимо стыдился насъ, а съ Мануйлой и сидоровой козой встрѣчался какъ-то мрачно, и они, въ этомъ случаѣ, вели самый серьёзный разговоръ.

— Что, Мануйло, ты еще не начиналъ пни копать? (Пни старыхъ деревьевъ употреблялись тамъ на топливо).

— Нѣтъ, не начиналъ.... все некогда было, дѣла много, отвѣчалъ Мануйло гробовымъ голосомъ.

— А я ужь два одрика привезъ, пищала сидорова коза, складывая руки самымъ благочестивымъ образомъ (одръ, одеръ — телѣга, плетеная въ Войскѣ Донскомъ).

— Сходить бы къ вечернямъ, замѣчалъ Мануйло.

— Да, надо бы, отвѣчалъ Николай Ивановичъ: — только что-то нездоровится (я навѣрное зналъ, что ему не въ чемъ было выйдти).

— О-охъ-охъ-охъ! вздыхала сидорова коза.

Изъ этого я выводилъ заключеніе, что послѣ всякаго проступка на человѣка должно сходить желаніе покаяться, исправиться, но при этомъ обыкновенно мысли его бываютъ мрачны, точно нравственное улучшеніе его — горе большое, и только задумаетъ человѣкъ сдѣлаться лучшимъ, какъ впадаетъ въ уныніе. Мы сами, послѣ продѣлокъ или слишкомъ отчаянныхъ путешествій, собирались въ училищѣ въ отвратительномъ настроеніи духа, только и говорили что о квадратахъ, кубахъ, объ Испаніи или о пятой заповѣди. Самъ Данило Степановичъ, послѣ своихъ имянинъ, былъ злѣе зла и дралъ насъ за уши съ видимымъ отчаяніемъ. Даже сторожъ Гавриловъ, послѣ масляницы или послѣ троицы, неистово на насъ посматривалъ и готовъ былъ, вмѣсто чернобыльника, нанести въ классъ для экзекуцій корабельнаго лѣсу, а если можно, то радъ бы былъ сѣчь насъ цѣлымъ мамврійскимъ дубомъ, о которомъ онъ отъ насъ же слышалъ, негодный казачишка.

Кромѣ эстетическаго развитія, Николай Ивановичъ далъ мнѣ элементарныя, но прочныя понятія политико-экономическія. Онъ научилъ меня смотрѣть на трудъ, какъ на источникъ общественнаго богатства, хотя не читалъ не только Миля, но и Бастіа.

— Что такое трудъ? говорилъ онъ: — то, что̀ трудно сдѣлать — значитъ трудъ.

— Понимаю, говорилъ Петруша: — выучить урокъ изъ геометріи — это трудъ.

— Да, трудъ.

— И молоденькаго куличенка поймать — тоже большой трудъ, Николай Ивановичъ; а перепеленка никогда не поймаешь.

— Это вздоръ, а не трудъ, замѣчалъ менторъ.

— Ну, такъ черезъ заборъ прыгать — это трудъ, сказалъ я, стараясь намекнуть Николаю Ивановичу, какъ онъ однажды, послѣ неблагопріятнаго столкновенія съ нечистыми духами, разъ на троицу, потерявъ фуражку, старался перелѣзть черезъ заборъ, когда у насъ ворота были заперты, упалъ и разбилъ себѣ носъ о бревна.

Николай Ивановичъ взглянулъ на меня изъ подлобья и замѣтилъ, что мы всѣ ничего не понимаемъ.

— Голубей ловить — это трудъ, сказалъ онъ наставительно: — потому что, когда ты разоспишься ночью, то тебѣ вставать не хочется; а когда потрудишься, встанешь, возмешь фонарь и бредень, и пойдешь на колокольню, наловишь голубей, да сдѣлаешь изъ нихъ хорошій пирогъ — и потрудишься, и поѣшь потомъ вкусно. А то что̀ трудиться по пустякамъ? Надо, чтобъ трудъ былъ въ пользу человѣку. Вотъ что такое трудъ. Понимаете теперь?

— Понимаемъ, понимаемъ, Николай Ивановичъ, закричали мы въ одинъ голосъ.

Практическое примѣненіе этого политико-экономическаго знанія Николай Ивановичъ не замедлилъ показать намъ на дѣлѣ. Однажды онъ разбудилъ насъ ночью, взялъ два бредня, фонарь и повелъ на колокольню. Для меня это былъ дѣйствительно трудъ, потому что приходилось вставать такъ рано, какъ я никогда не вставалъ, и притомъ я чувствовалъ невольный трепетъ, когда мы, въ сопровожденіи дьячка прикрывавшаго полою фонарь, чтобъ не испугать голубей, входили въ церковную ограду. Кругомъ было такъ темно, такъ страшно... Около церкви находилось кладбище, и бѣлые голубцы, которые днемъ не казались мнѣ страшными, теперь представлялись какими-то привидѣніями... Что-то шевелилось въ темнотѣ у ограды, хотя, быть можетъ, ничего тамъ не было и всѣ ужасы создавало мое напуганное воображеніе,—только мнѣ чудилось, что мертвые, наскучивъ лежать въ гробахъ, вышли подышать ночнымъ воздухомъ, и

казалось мнѣ, бѣлыя фигуры сидѣли печально на могилахъ и ждали, когда запоютъ пѣтухи... И какъ хотѣлось мнѣ, чтобъ запѣли они!... Вѣтеръ скрипѣлъ желѣзнымъ листомъ на церковной крышѣ и этотъ звукъ болѣзненно отдавался въ моемъ сердцѣ. Чувство страха, какъ всякое чувство въ дѣтствѣ, было такъ полно, такъ всецѣло охватывало меня, что я готовъ былъ закричать... Да, это ночное путешествіе было для меня очень впечатлительно; это былъ трудъ, по понятіямъ Николая Ивановича. Одинъ за другимъ мы входили потомъ въ узкую дверь, ведущую на колокольню. По этимъ ступенькамъ такъ часто скользили костлявыя ноги мертвецовъ, думалось мнѣ. Потомъ почему-то пришло мнѣ въ голову: сколько разъ съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ эта церковь, церковные сторожа поднимались на верхъ, чтобы звонить по умершимъ, — странная мысль! Затѣмъ мнѣ хотѣлось вычислить сколько слезъ выплакано по этимъ умершимъ...

— Становитесь у оконъ и распускайте полы, шепталъ Николай Ивановичъ, когда мы взобрались на колокольню.

Онъ разставилъ насъ у свободныхъ оконъ, а два окна завѣсилъ бреднями.

— Тише, тише, шепталъ онъ и шопотъ его раздавался какъ-то глухо, и было тихо на колокольнѣ, и слышалось, какъ сонные голуби, просыпаясь, въ полуснѣворковали и ссорились между собой, и стало мнѣ еще страшнѣе... Издали, отъ острога, донесся окликъ часового — «слушай!» — и я вздрогнулъ. Мнѣ думалось, что часовой замѣтилъ насъ во мракѣ, хотя острогъ былъ въ концѣ станицы. На этотъ окликъ отвѣчалъ другой часовой, потомъ третій и четвертый — эти оклики неслись отъ сыскного начальства и отъ дежурства.

Изъ подъ полы Николая Ивановича блеснулъ фонарь, и колокольня освѣтилась. Испуганные голуби заметались, летѣли на фонарь въ окна, бились объ наши руки, головы, путались въ бредняхъ, падали на полъ; Николай Ивановичъ и сидорова коза (онъ былъ приглашенъ въ эту экспедицію) ловили ихъ, свертывали имъ шеи и бросали на полъ. Побоище было страшное... Мое дѣтское сердце не сжималось; я какъ-то привыкъ къ этимъ сценамъ убійства, потому что жизнь на свободѣ, наши лѣсныя похожденія, экспедиціи противъ сусликовъ, тарантуловъ, птичьихъ гнѣздъ, пріучили меня хладнокровно смотрѣть на все это.

— Вотъ потрудились и поѣли, говорилъ на другой день Нико-

лай Ивановичъ, запивая послѣдній кусокъ пирога, приготовленнаго изъ наловленныхъ ночью голубей.

— Трудивыйся ястъ, поясняла сидорова коза.

Кромѣ ловли голубей, производительнымъ трудомъ, въ смыслѣ политико-экономическомъ, считалась у Николая Ивановича ловля «бычковъ». Бычки — это рыба, наиболѣе водящаяся въ Дону. Ее ловятъ бреднями, въ ночное время, когда она подходитъ къ берегамъ и спитъ, или, по выраженію Николая Ивановича, «дрыхнетъ себѣ, канальская, точно послѣ осьмухи доброй водочки». Въ первый разъ я познакомился съ этимъ промысломъ въ одну изъ темныхъ осеннихъ ночей, когда Донъ тихо, точно сонный, плескался у береговъ, и только по временамъ, на песчаной косѣ, проснувшійся куличокъ какъ бы нехотя, въ полудремотѣ, пропискивалъ свою обыкновенную, вѣчно-одинаковую и вѣчно-жалобную пѣсенку, и когда опять все погружалось въ сонъ, въ забытье и покой. Все для меня было ново; ко всему я жадно, съ какимъ-то страхомъ, напряженно прислушивался и къ всплескиванью прибрежной волны, и къ тихому крику кулика, и къ доносившемуся изъ станицы лаю собаки. Донъ казался такимъ чернымъ, такимъ глубокимъ, страшнымъ; впереди было пусто, мрачно — одинокій, скучный берегъ; что оставалось позади, за нами — казалось такимъ же мрачнымъ, одинокимъ; и по сторонамъ было мрачно, тихо... Одинъ, я бы кажется замеръ на мѣстѣ въ этой тишинѣ. Мнѣ думалось, что и маленькому куличку, спавшему тамъ гдѣ-то на песчаной отмели, было страшно, а между тѣмъ онъ иногда вскрикивалъ, тогда какъ я безъ сомнѣнія испугался бы своего собственнаго голоса, какъ пугался своихъ собственныхъ робкихъ шаговъ, хотя я шелъ не одинъ, и братъ Петруша шепотомъ ободрялъ меня, хотя Николай Ивановичъ откашливался иногда довольно звучно, а сидорова коза (почти всегдашній спутникъ Николая Ивановича), тащившая бредень, дѣлала осторожныя замѣчанія въ родѣ того, напримѣръ, что спящая рыба не боится кашля человѣческаго, хотя боится его голоса, что рыба спитъ головой къ берегу, а хвостомъ въ глубь рѣки, что куличокъ кричитъ во снѣ, потому что ему снится будто онъ бѣгаетъ по берегу и ловитъ рыбку, что куличный крикъ — къ хорошему улову и т. п.

— Сова спитъ — куръ видитъ; куликъ спитъ — рыбку чуетъ говорилъ онъ заискивающимъ голосомъ.

— Сидорычъ спитъ — водку чуетъ, замѣчалъ на это Николай Ивановичъ, откашливаясь точно послѣ перепою.

— Тише, тише... рыбка плеснула водицей у берега, и она сны видитъ, и ей чудится, что ее сомъ ловитъ, шептала сидорова коза.

— «И рыбкѣ страшно, думалъ я, — и куличку страшно, и мнѣ страшно».

— Ты дрожишь? шопотомъ спрашивалъ меня Петруша; а самъ тоже дрожалъ отъ внутренняго волненія.

— Мнѣ холодно и я боюсь, отвѣчалъ я, крѣпче прижимаясь къ его боку.

— Ахъ какой ты, Даня... а я ничего не боюсь.

Между тѣмъ въ его голосѣ не было обыкновеннаго спокойствія.

Осторожно подошли мы къ рѣкѣ, и Донъ все еще казался чернымъ, глубокимъ и страшнымъ; а мракъ, по направленію къ станицѣ сдѣлался еще непрогляднѣе.

— Это у Чернушкина свѣтится огонекъ въ окнѣ, шепталъ Петруша. Ты вѣдь испугался бы, еслибъ за Дономъ засвѣтились теперь, какъ свѣчки, глаза у волка.

— Испугался бы, отвѣчалъ я, и напряженно всматривался, что дѣлается по ту сторону Дона, въ лѣсу; не свѣтятся ли, какъ два огонька, волчьи глаза...

Николай Ивановичъ и сидорова коза полѣзли въ воду съ бреднемъ. Они были въ сапогахъ изъ предосторожности, чтобъ не изрѣзать ноги острыми прибрежными камнями, попадавшимися на песчаныхъ отмеляхъ Дона. Они зашли далеко отъ берега, такъ что мы ихъ почти не видѣли, а только слышали тихое плесканье воды у бредня и тихій, сдержанный шопотъ Николая Ивановича. Они долго шли въ водѣ, потому что вездѣ отмель была не глубока; мы осторожно шли по берегу, и хотя насъ было ровно полдюжины мальчиковъ, однако намъ было страшно однимъ. Намъ не велѣно было забѣгать впередъ. Наконецъ, около маленькаго заливчика, наши ловцы поворотили къ берегу и быстро вытащили бредень... Бѣлая рыба блестѣла въ темнотѣ и билась по песку. Я думалъ, какъ ей было страшно (чувство страха я очень хорошо понималъ, потому что самъ былъ трусъ), какъ испугалась она, бѣдненькая, когда, нечаянно пробудившись отъ сна, очутилась въ бреднѣ, на пескѣ... Рыба

отчаянно металась, ее хватали и бросали или въ ведро, или въ мѣшокъ.

Нѣсколько разъ ходили въ воду наши бродильщики, и всякій разъ, когда выходили на берегъ, сидорова коза относилась къ рыбѣ: «пляши, пляши, голубушка-рыбка, а ужь больше тебѣ не плясать». — Уловъ былъ недуренъ. Такъ какъ вода была порядкомъ холодна, то, чтобы согрѣться, Николай Ивановичъ и сидорова коза тамъ же, на пескѣ, выпили полштофа водки: половину полуштофа выпилъ Николай Ивановичъ, а другую отдалъ своему пріятелю.

— Ужь не пора ли тебѣ передохнуть, Николай Ивановичъ? сказала сидоровакоза, когда, приставивъ полштофъ къ губамъ, Николай Ивановичъ жадно пилъ, издавая горломъ звукъ, подобный тому, который слышится, когда вода льется изъ воронки въ пустое пространство.

— Не учи, другъ, ученаго, отвѣчалъ Николай Ивановичъ отрываясь отъ полуштофа:—пришлось на вѣку вымѣрять своимъ горломъ сколько моихъ глотковъ въ косухѣ, въ полуштофѣ, въ штофѣ въ ведрѣ и въ матушкѣ сороковушѣ... Все высчиталъ, не хуже тамъ вашего Архимеда... Да хоть бы глотковъ матушки водочки пришлось насчитать паче песка морского, и то, кажется, высчиталъ бы, паче звѣздъ небесныхъ исчислилъ бы, шире широты земной измѣрилъ бы, хоть въ семинаріи плохо учился арифметикѣ и всѣмъ этимъ семи мудростямъ. Все исчислилъ!

— Исчислить-то исчислилъ, да мнѣ маловато оставилъ, замѣчала сидорова коза обиженнымъ голосомъ.

— Ну полно, Сидорычъ, не суесловь.

— Гдѣ мнѣ суесловить,—горла не промочилъ.

— Баста! домой — рыбу варить, заминалъ Николай Ивановичъ, который, при своихъ математическихъ познаніяхъ по части водки, глубоко сознавалъ всю справедливость замѣчанія сидоровой козы.

Памятна мнѣ осталась эта темная ночь, хотя во всемъ нашемъ похожденіи не было ничего особеннаго. Но для меня все это было ново, первый разъ въ моей дѣтской жизни, все такъ впечатлительно дѣйствовало на мою, тогда еще столь воспріимчивую природу. Остался для меня памятнымъ и плескъ воды, и сонные крики куличка на пескѣ, и даже одинокій огонекъ въ окнѣ у Чернушкина. Это былъ одинъ изъ опытовъ жизни лучшаго, какъ говорится, учителя. И

опять, какъ послѣ ловли голубей на колокольнѣ, я слышалъ отъ Николая Ивановича политико-экономическій афоризмъ:

— Потрудились—и поѣдимъ, говорилъ онъ.

— Трудивыйся ястъ, снова замѣчала сидорова коза.

— «Трудивыйся все-таки мало выпилъ», думалось мнѣ, когда я слышалъ это замѣчаніе отъ сидоровой козы. Дома я уже былъ храбръ, и могъ мысленно шутить и смѣяться надъ сидоровой козой, которую Николай Ивановичъ, во время ловли рыбы, обошелъ водкой. И трудъ казался мнѣ не всегда производительнымъ, не всегда благодарнымъ, хотя я этого вполнѣ не могъ еще сознавать тогда, а что-то предчувствовалъ. Мнѣ думалось, что нужно еще что-то кромѣ труда: «вѣдь Сидорычъ меньше выпилъ водки, чѣмъ Николай Ивановичъ, а трудился больше его, потому что несъ бредень... Вотъ и Прохоръ Баевъ очень трудится, всегда до отупѣнія зубритъ уроки, а его все-таки сѣкутъ не на животъ, а на смерть... Вотъ тебѣ и трудъ!»— Я хотѣлъ въ этомъ случаѣ идти дальше своего учителя, вдумывался въ значеніе словъ Николая Ивановича, и ничего не могъ придумать,— дальше не шелъ. Одно замѣчалъ я, что, какъ ни развивала меня жизнь со стороны опыта, она не помогала моему научному развитію. Ночныя путешествія съ Николаемъ Ивановичемъ оставляли по себѣ одни воспоминанія; наши веселыя, беззаботныя, исполненныя разныхъ приключеній, прогулки вдаль отъ станицы оказывали одно замѣтное вліяніе: послѣ нихъ я былъ разсѣяннѣе въ классѣ, скучалъ, хуже зналъ уроки, нетерпѣливо посматривалъ на окна, на полъ, гдѣ играло солнце, медленно, томительно-медленно подвигаясь отъ одной стѣны къ другой, а за окнами назойливо трещали воробьи; все жило такой полной, свободной жизнью. Я замѣтно скучалъ, какъ скучали и прочіе товарищи. У каждаго изъ насъ въ головѣ бродила мысль, воспоминаніе, ожиданіе новыхъ похожденій; каждый задумывался, поглядывалъ по сторонамъ; учителя замѣчали нашу разсѣянность и сердились, нетерпѣливо выслушивая вялые отвѣты полусонныхъ мальчиковъ...

— Сусликовъ вѣрно выливали вчера, глухо скажетъ бывало Данило Степановичъ, — и пошелъ въ ходъ чернобыльникъ и пошла гулять суровая рука.

— На тарантуловъ войной ходили, степь палили, гнѣзда разоряли родники отыскивали, черезъ Донъ плавали въ перегоняку, на паромѣ добрыхъ людей пугали, черезъ канатъ кувыркались, лапта въ ходу

была, чурка, свинка, тополь ломали,—начнетъ бывало перечислять наши подвиги Иванъ Ивановичъ, который самъ зналъ всѣ интимныя отношенія къ природѣ, а мы сидѣли или стояли на колѣняхъ и слушали, слушали, пока онъ не переставалъ говорить или, разгоряченный своими собственными словами и нашей вялостью, пересѣкалъ наиболѣе недостойныхъ и задавалъ новый урокъ, чтобы скорѣе самому отправиться на охоту.

О, какъ хороши, какъ незамѣнимы всѣ воспоминанія дѣтства! Сколько счастья въ этомъ свѣжемъ ростѣ тѣла и ума, когда все кругомъ вѣетъ на тебя чѣмъ-то новымъ, неизвѣданнымъ, — вѣдь и счастье испытываешь въ первый разъ, и сердце болитъ неиспытанными болями—въ первый разъ... И переболитъ оно, перечувствуетъ живую, острую, рѣзкую боль, какую можетъ только чувствовать впечатлительное молодое сердце, — а ничто не помято этой болью, ничто не утрачено, не заглохло. И снова вѣетъ на него отрадой, и снова въ немъ столько радости, столько свѣжаго счастья, что все горькое забыто, отходитъ вдаль, быстро застилается новыми впечатлѣніями... Какъ живо теперь встаютъ передо мной воспоминанія первой любви, которая имѣла на меня очень замѣтное вліяніе и вліяніе хорошее, потому что чувство это дѣлало меня лучшимъ. Я любилъ мальчика. Какъ и мнѣ, ему было лѣтъ девять, десять, много одиннадцать. Это было чувство серьёзное для ребенка моихъ лѣтъ, постоянное и неизмѣнное; я любилъ своего товарища по училищу, любилъ всѣ четыре года моего пребыванія въ N... станицѣ, съ девяти до тринадцати лѣтъ, и любилъ только его одного; для него одного я желалъ быть лучшимъ; для него, главнымъ образомъ, я старался хорошо учиться. Мысль моя постоянно была сосредоточена на немъ одномъ, его одного я желалъ видѣть, съ нимъ однимъ быть вмѣстѣ... Странно! сколько чувства и въ такіе дѣтскіе годы, что вѣрить теперь самому не хочется, а между тѣмъ это такъ, потому что память моя сберегла въ теченіе многихъ лѣтъ малѣйшіе оттѣнки тогдашнихъ дѣтскихъ впечатлѣній всего, что̀ я чувствовалъ, думалъ, о чемъ горевалъ, чему радовался. Первая любовь моя — это Федя Айдаровъ. Какъ теперь вижу передъ собой этого маленькаго казаченка, съ черными блестящими глазами, съ орлинымъ, тонко очерченнымъ носомъ, съ тщательно-причесанными, черными, какъ вороново крыло, волосами. И на его губахъ, и въ выраженіи свѣтлыхъ глазъ, казалось, постоянно играла ласковая улыбка. Не помню что̀

сблизило насъ, какъ познакомились мы, но едва ли не до знакомства еще я почувствовалъ къ нему привязанность. Что̀ было началомъ этой привязанности, почему онъ привлекъ мое вниманіе, почему первое чувство мое обратилось на него собственно, я теперь совершенно не могу дать себѣ отчета; да едва ли и тогда я могъ сказать, почему онъ понравился мнѣ. Мы и до послѣдняго времени нашего пребыванія въ училищѣ не были друзьями въ обыкновенномъ значеніи этого слова—друзьями-товарищами. — Нѣтъ, съ моей стороны это была любовь, полная, со всѣми мученьями и со всѣми радостями этого чувства. Это была тайная страсть, боязливая, застѣнчивая, и я даже не знаю догадывался ли Айдаровъ, какое глубокое чувство я питалъ къ нему. Я, кажется, впродолженіе четырехъ лѣтъ не успѣлъ высказать ему что̀ у меня на сердцѣ, я не смѣлъ этого сдѣлать, я стыдился, краснѣлъ, когда видѣлъ его приближеніе. Съ тяжелымъ чувствомъ незнанія любитъ ли онъ меня, я и простился съ нимъ навсегда, оставляя училище. Правда, Айдаровъ былъ ласковъ со мной, потому что не могъ не видѣть чего-то особенно-нѣжнаго въ моемъ застѣнчивомъ обращеніи съ нимъ; но едва ли онъ имѣлъ и сотую долю моего чувства въ отношеніи ко мнѣ. Это было не по его характеру. Надо было имѣть настолько впечатлительную натуру какъ моя. При всей своей живости, я былъ больше робокъ и застѣнчивъ, чѣмъ Айдаровъ; среди веселыхъ игръ, отчаянныхъ походовъ по горамъ и лѣсамъ, въ самый разгаръ какого-нибудь великолѣпнаго подвига, я задумывался, забродилъ куда-нибудь въ сторону отъ веселыхъ товарищей и углублялся въ свой собственный міръ созерцаній. Товарищамъ я казался отчасти нѣженкой, дрянью, неспособнымъ къ подвигамъ, трусомъ, хотя всѣ меня очень любили и даже уважали, можетъ быть за то, что я хорошо учился. Я былъ порядочно мечтателенъ и не любилъ, чтобъ кто-нибудь забирался въ мой маленькій внутренній міръ. При самоуглубленіи, при несообщительности — хотя я нисколько не чуждался общества товарищей, и товарищи любили видѣть меня между ними—я могъ долго беречь въ себѣ исключительное чувство, тѣмъ болѣе что оно не могло разрѣшиться ни откровенностью съ моей стороны, ни увлеченіемъ другой привязанностью. Моя собственная сосредоточенность помогала сосредоточенности моего чувства.

Помню я одну изъ первыхъ разлукъ съ Айдаровымъ. Уѣзжая домой, я въ послѣдній разъ видѣлся съ Федей въ классахъ и, по обыкно-

венію, не смѣлъ даже проститься съ нимъ, хотя на сердцѣ у меня, несмотря на предстоящую веселую поѣздку за двѣсти верстъ, было какъ-то особенно тяжело. Я видѣлъ какъ Айдаровъ уходилъ домой съ другими товарищами,—онъ тоже собирался въ деревню къ отцу, котораго имѣнье находилось въ N... же военномъ округѣ; я видѣлъ, какъ его живая фигурка проскользнула въ ворота его квартиры (мы жили почти сосѣдями)—и Айдаровъ даже не оглянулся въ мою сторону. Сердце мое сжалось... Я постоялъ нѣсколько минутъ около своей квартиры, ждалъ, не покажется ли онъ снова на улицѣ, не замѣтитъ ли меня; онъ не выходилъ—и я съ горестью поплелся въ комнату укладывать свои книги, потому что лошади уже ждали насъ.— Это было передъ праздникомъ пасхи.—Возвращаясь потомъ изъ дому, я ни о̆ чемъ не могъ думать, какъ только о предстоящей встрѣчѣ съ Айдаровымъ. Какими разнообразными чувствами волновалось мое маленькое сердце, когда мы подъѣзжали къ станицѣ; какъ робко посматривалъ я на тотъ домикъ, гдѣ жилъ Айдаровъ;... что̀, если онъ увидитъ какъ я загорѣлъ, запыленъ дорожной пылью... А между тѣмъ мнѣ хотѣлось увидѣть его,—вѣдь я такъ рвался къ нему, такъ ждалъ этой встрѣчи. На другой день мы встрѣтились въ классахъ. Не знаю замѣтилъ ли онъ меня; но я его давно замѣтилъ и украдкой посматривалъ на него. Онъ, конечно, зналъ, что мы пріѣхали, потому что видѣлъ какъ братъ Петруша бурлитъ въ классѣ, бранится съ товарищами, христосуется, перебрасывается то привѣтствіями, то перебранками. Айдаровъ болталъ и шалилъ съ другими...

— Что же мы съ тобой, Слѣпченко, не христосуемся, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

Я вспыхнулъ; я ничего не могъ отвѣчать.

— Христосъ воскресъ, сказалъ онъ, и поцѣловалъ меня.

Я готовъ былъ заплакать, страшно сконфузился и не могъ поднять глазъ на Айдарова. Товарищи замѣтили это и начали шутить. Мнѣ было горько, а между тѣмъ столько счастья далъ мнѣ этотъ простой привѣтъ, эта ласка, можетъ быть—шутка.

Время однако помогало нашему сближенію, и чѣмъ больше я привязывался къ Айдарову, тѣмъ непріятнѣе казалось для меня посвященіе кого бы то ни было въ мою тайну, хотя товарищи не могли не видѣть нашихъ отношеній и смотрѣли на нихъ какъ на обыкновенную школьную дружбу, и порой подсмѣивались надъ нами. Мнѣ не хотѣлось, чтобъ всякій смѣлъ судить о моемъ чув-

ствѣ, и я пряталъ его отъ всѣхъ, даже отъ Айдарова. Я чувствовалъ ложный стыдъ. У насъ потомъ завязалась переписка, которую я хранилъ какъ тайну. Записочки свои мы передавали другъ другу тайно, или во время классовъ, или при возвращеніи въ свои квартиры. И чего бывало не перечувствуешь, ожидая отвѣта на какое-нибудь рѣшительное посланіе, сколько перемучишься за ночь, сколько сомнѣній прокрадется въ душу, пока не ощутишь въ рукѣ дорогую бумажку, не перечитаешь и не перецѣлуешь ее десятки разъ...

Я однако ужасно долго оставался ребенкомъ, несмотря на то, что мнѣ было уже десять, одиннадцать лѣтъ. Развитія—положительно никакого и не отъ кого было ждать. Кругомъ страшная умственная глушь, застой, дичь невыносимая. Ни книгъ, ни живого слова, ни живой души. Впродолженіе четырехъ лѣтъ намъ ничего не давали читать, кромѣ учебниковъ, а иногда только избранныхъ изъ насъ заставляли выучивать къ акту гнуснѣйшія, дубовѣйшія привѣтственныя рѣчи, сочиненныя кѣмъ-то едва ли еще не во времена Тохтамыша и ужь никакъ не раньше «азовскаго сидѣнья». Откуда было ожидать притока живого, свѣжаго воздуха въ это затхлой атмосферѣ? И живыя силы могли заглохнуть въ гниломъ омутѣ, затянувшемъ наши дѣтскіе годы. До двадцати лѣтъ мы могли остаться такими же дѣтьми природы, какими были десяти лѣтъ, съ отсутствіемъ всего, чѣмъ только можетъ человѣкъ отличаться отъ животнаго. Это какой-то отдѣльный, замкнутый въ себѣ міръ, въ который ни откуда не досягалъ лучъ свѣта. Винить ли насъ, дѣтей, за то, что тупо шло наше развитіе, и если развивались мы, то едва ли не такъ же, какъ дикари среди своего племени.

Оттого въ десять, одиннадцать и двѣнадцать лѣтъ мы были такими дикими дѣтьми, такими маленькими, глупыми, хотя насъ не забивали искусственно, методически, какъ забиваютъ другихъ дѣтей, желая ихъ сдѣлать развитыми и образованными. Оттого такъ наивны были наши отношенія съ Айдаровымъ, такъ забавна наша интимная переписка. Какъ однако плакалъ я, когда дружественная корреспонденція наша была открыта, когда насмѣялись надъ моимъ чувствомъ. И все это братъ Петруша.

Вхожу я однажды въ свою комнату, такой веселый, счастливый. Мы долго передъ этимъ ходили съ Айдаровымъ рука въ руку и долго бесѣдовали. Мнѣ было такъ хорошо, потому что намъ рѣдко случалось говорить на свободѣ. Петруша встрѣчаетъ меня, по обык-

новенію, какой-то шуткой, колкостью. Я отвѣчалъ ему приблизительно тѣмъ же.

— А что̀ для тебя дороже всего на свѣтѣ? спрашиваетъ онъ, коварно улыбаясь.

— Какъ—что̀ дороже? въ свою очередь спрашиваю я.

— Да такъ: что̀ у тебя въ этой комнатѣ дороже всего? Я вспомнилъ, что для меня дороже всего письма Айдарова — и смутился.

— Не знаю, отвѣчалъ я:—тутъ нѣтъ ничего дорогого.

— Гм... нѣтъ,—есть.

Я молчалъ и инстинктивно догадывался, о чемъ шла рѣчь. Я бросился въ укромный уголокъ, гдѣ, за книгами, спрятаны были письма Айдарова. Письма оказались цѣлы—и я успокоился, думая, что объ нихъ никто не знаетъ, никто не видѣлъ ихъ. Но въ это время случайно взглядъ мой упалъ на одно изъ писемъ—и я замѣтилъ на немъ какую-то приписку, только сдѣланную не рукой Айдарова. Я узналъ руку брата Петруши. Въ припискѣ значилось: «цензировалъ Петръ Слѣпченко». Я схватилъ другое письмо — и тамъ отмѣтка цензора — Петруши; третье, четвертое—и тамъ тоже. Глубоко обиженный я бросился на брата; но онъ былъ сильнѣе меня и не пускалъ меня, схвативъ за обѣ руки. Вырвавшись изъ его рукъ я бросился въ дверь, схватилъ гдѣ-то столовый ножъ и бросился на Петрушу. Само собою разумѣется, я не разсчитывалъ зарѣзать его, да и не могъ бы этого сдѣлать тупымъ ножомъ; но горе мое было такъ велико, а оскорбленное чувство такъ взволновало, взбѣсило меня, что я самъ не зналъ что̀ дѣлалъ, и по крайней мѣрѣ хотѣлъ чѣмъ-нибудь сдѣлать зло Петрушѣ, отмстить ему, напугать его. Я ударилъ его ножомъ въ бокъ, но разумѣется ничего не сдѣлалъ и еще сильнѣе сталъ плакать.

Записки, конечно, я тотчасъ же уничтожилъ, потому что тайна моя была подсмотрѣна другимъ лицомъ, чувство мое обижено, отдано на поруганье.

Въ другой разъ я также горько плакалъ, уничтожая записки Айдарова, когда, по окончаніи курса въ училищѣ, навсегда оставлялъ N... станицу и въ послѣдній разъ сидѣлъ на берегу Дона. Живо помнится мнѣ этотъ день, въ который такъ много было перечувствовано мною, такъ много плакалось. Я былъ уже большой мальчикъ, по четырнадцатому году, и мысль моя забѣгала далеко впередъ; я думалъ о гимназіи, о которой имѣлъ самыя превратныя

понятія, которая мерещилась мнѣ въ какой-то непроглядной дали, совершенно въ другомъ мірѣ, незнакомомъ для меня, потому, можетъ быть, только, что она была не въ Войскѣ Донскомъ, а гдѣ-то въ Россіи. Я покидалъ знакомыя мнѣ мѣста безъ всякой надежды когда-нибудь увидѣть ихъ опять; но едва ли я жалѣлъ объ этомъ. Я грустилъ, почти самъ не зная о чемъ, и грусть моя была тяжела и мучительна; къ тому примѣшивалось томительное чувство разлуки съ Айдаровымъ, съ которымъ мнѣ не довелось и проститься какъ слѣдуетъ. Въ послѣдній разъ мы, кажется, видѣлись съ нимъ на актѣ, а съ акта мы прямо отправились на паромъ, чтобы ѣхать домой. Мы съ Петрушей раньше переѣхали черезъ Донъ и ждали другого парома. Петруша ушелъ въ лѣсъ—въ послѣдній разъ побродить подъ любимыми тополями и карагучами; я сѣлъ на крутомъ берегу рѣки и скучалъ невыносимо. Передо мной лежала знакомая песчаная коса, по которой мы такъ часто бѣгали, отыскивая куличиныя гнѣзда; дальше, на полугорѣ, разстилалась станица; вправо горы, откуда мы спускали камни въ Донъ, знакомыя картины и столько воспоминаній! «Никогда, никогда, думалось мнѣ, не увижу я всего этого... а оно ужь мнѣ дорого стало. А что-то будетъ съ Айдаровымъ»?.. Въ карманѣ у меня были его записки. Я пересмотрѣлъ ихъ, прочелъ нѣкоторыя—и сталъ рвать ихъ, бросая лепестки въ Донъ. Я долго смотрѣлъ, какъ обрывки бѣлой бумаги уносились теченьемъ воды; иные кружились на мѣстѣ, прибивались къ берегу, исчезали вдали... Мнѣ стало невыразимо тяжело и я долго плакалъ какъ ребенокъ.

Когда я вспоминаю этотъ день, мнѣ такъ и кажется, что я слышу однообразное журчанье Дона у моихъ ногъ, несвязный говоръ и шумъ, доносившіеся до меня отъ парома, и какое-то монотонное, глухое, скучное постукиваніе... Гдѣ-то недалеко, на сухой осинѣ, въ гнилую кору дерева постукивалъ дятелъ, и этотъ звукъ раздражалъ и волновалъ меня. Я кажется инстинктивно сознавалъ, что проходило мое дѣтство, что еще что-то другое терялъ я вмѣстѣ съ Айдаровымъ. Образъ его заслоняли другія картины, сцены изъ другой воображаемой жизни, которая пугала меня. Дома ожидали меня уже не веселыя, беззаботныя каникулы, а я думалъ о предстоящей поѣздкѣ въ Россію, объ экзаменахъ... Я имѣлъ причины плакать навсегда прощаясь со станицей, Айдаровымъ и съ моимъ беззаботнымъ дѣтствомъ. И съ Андреевымъ мы никогда больше не встрѣчались.

Воспоминаніе объ Айдаровѣ завлекло меня далеко впередъ, когда передо мной выступаютъ картины прежней училищной жизни, воспоминанія цѣлыхъ четырехъ лѣтъ, впродолженіе которыхъ должно бы было, кажется, положительно начаться мое развитіе, а за всѣмъ тѣмъ оно едва ли начиналось. Что̀ за губительная атмосфера окружала насъ,—вздумать, такъ становится страшно. Вырвешься на свободу подышать чистымъ воздухомъ лѣса и полей, забѣжишь, кажется, далеко отъ гнетущей училищной дисциплины, и то не на радость. Въ первую весну, которую я встрѣчалъ въ N станицѣ, мы отправились побродить за Дономъ. Что̀ это былъ за день, что̀ за воздухъ, какая чудная теплота! Донъ стоялъ въ полномъ разливѣ, и мы принуждены были ѣхать на перевозныхъ баркасахъ, такъ какъ сообщеніе посредствомъ паро̀ма на это время прекращалось. Что̀ это за сила, которая окрашиваетъ такими яркими, такими чудными красками воспоминанія дѣтства? Откуда льется въ молодое сердце этотъ источникъ свѣта, всеоживляющаго, все возвышающаго до чудеснаго? Неужели это дѣтская свѣжая кровь, впечатлительныя нервы? Неужели это простое невѣденіе гадостей жизни, беззаботность, восторгъ, счастье, блаженство глупости?.. Неужели же это такъ хорошо только въ воспоминаніи? Неужели потому оно кажется такимъ чуднымъ, незамѣнимымъ, что прошло? Можетъ быть и потому; а все какъ-то мало утѣшаетъ и то, и другое предположеніе...

Мы переѣзжаемъ черезъ Донъ. Между кучами казаковъ и казачекъ, скромно разсѣлись мы у бортовъ баркаса, и я, прислушиваясь къ разнородному говору пассажировъ, къ спорамъ, перебранкамъ и дружелюбнымъ бесѣдамъ, внимательно слѣжу за веслами гребущихъ казаковъ, которые тактъ въ тактъ разрѣзываютъ мутную донскую воду, поднимаясь и опускаясь, точно живыя руки живого существа. По Дону плыветъ бѣлая и желтая пѣна, сухой тростникъ, обломки досокъ, изсохшихъ деревьевъ, сухой валежникъ, плыветъ все поднятое полой, дружной, разливной водой. По Дону, разсѣкая пѣну, плывутъ верховыя барки отъ Павловска и тѣ, что̀ вышли изъ Хопра и Медвѣдицы. Вотъ барки выплываютъ изъ-за горы и изъ-за зелени прибрежнаго лѣса, что̀ потонулъ въ синей водѣ и, точно живой, шевелитъ вершинами вѣтвей, покачиваемыхъ быстрою донскою водою... Зеленыя вѣтви купаются въ водѣ, и только толстыя, старыя деревья стоятъ прямо, цѣпляясь длинными кореньями за сырую, промокшую землю. Барки одна за другой плывутъ по стержню рѣки,

плывутъ безъ веселъ, увлекаемыя только теченіемъ воды. Но вотъ стержень рѣки какъ будто исчезаетъ въ массѣ воды, въ широкомъ разливѣ Дона, и вода разливается въ ширь, разбитая по двумъ рус-ламъ. Упоръ воды къ станицѣ, къ правому берегу, а главное русло влѣво. На передовой баркѣ все задвигалось; забѣгали человѣче-скія фигуры, забѣлѣлись на солнцѣ длинныя узкія лопасти гребковъ; раздался громкій крикъ «на греблю! ребятушки, на греблю!» и какъ по мановенію, гребки дружно опустились въ воду, дружно поднялись, точно крылья огромной птицы, снова ударили въ воду, снова под-нялись, сверкнули на солнцѣ тысячами брилльантовыхъ капель, — и грянула дружная, заунывная пѣсня:

Сторона ль моя сторонушка,
Сторона ль моя незнакомая!
Что не самъ-то я на тебя зашелъ,
Что не добрый де конь меня завезъ,
Завезла меня добраго молодца,
Прыткость, бодрость молодецкая
Да хмѣлинушка кабацкая..

— Пріударь, ребятушки, пріударь! раздавался голосъ лоцмана: — еще разъ, еще разъ, дружнѣе!

И пѣсня тянулась, обрывалась, а работа на веслахъ шла дружно, порывисто, и раздавался голосъ лоцмана съ другой барки—«въ греб-ки!» Гребки опускались въ воду, поднимались, блестѣли на солнцѣ, какъ бѣлыя крылья большой птицы, и снова неслись звуки незнако-мой намъ пѣсни:

Подували вѣтерочки со восточной стороны
Содували вѣтерочки черну шляпу съ головы...

И почему-то горемъ хватили за сердце звуки этой пѣсни, звуки, которыхъ я прежде не слышалъ, и тяжело было на душѣ въ этотъ чудный, весенній, оживляющій день. Точно боль невыносимая, тоска и сердечныя муки невольно выжимали изъ наболѣвшей груди эти от-чаянно-тоскливые и въ то же время удалые до отчаянія звуки, а если пѣвцы казались такими жалкими, такими бѣдными существами, въ изорванныхъ въ клочья рубашкахъ, въ истоптанныхъ до послѣдней мочалки лаптяхъ, съ всклокоченными головами и бородами.

— Какъ же жалобно да складно поетъ проклятая русь! слышал-ся отзывъ въ толпѣ пассажировъ.

— Эхъ, точно за душу тянутъ вислобрюхіе лапотники, говорилъ другой казакъ, гордо передергивая на бокъ свою засаленную красную фуражку.

— То ли дѣло наша казацкая пѣсня, военная, гнусилъ третій казачишка въ изодранныхъ поршняхъ (башмакахъ) и порыжелыхъ шерстяныхъ чулкахъ, рисуясь передъ казачками.

— Эй, вы! сторонись музланы, крестатыя ноги! кричалъ молодой казаченокъ:—войско донское плыветъ, сторонись!

Дисгармонія этихъ возгласовъ какъ-то непріятно поражали мой слухъ, хотя я самъ былъ убѣжденъ въ недосягаемомъ величіи войска донского и въ жалкомъ ничтожествѣ руси, ходящей въ лаптяхъ и почтительно снимающей шапку передъ казаками. Мнѣ бы хотѣлось слушать, долго слушать, какъ поютъ эти безобразные, съ всклокоченными волосами мужичишки, и мое желаніе удовлетворилось впослѣдствіи, черезъ нѣсколько лѣтъ, когда я переѣхалъ въ Русь, очутился на родинѣ этихъ жалкихъ мужичишекъ, поющихъ такія долгія, тоскливыя пѣсни, столько непохожія на дикое, визгливое и гнусливое пѣніе казаковъ, которое, кажется, и теперь еще слышится у меня въ ушахъ и непріятно раздражаетъ нервы.

Едва намъ удалось пристать къ противоположному берегу Дона, какъ мы тотчасъ наткнулись на сцену, такъ непріятно подѣйствовавшую на меня среди чудной обстановки роскошнаго весенняго дня. У самаго перевоза толпа казаковъ и казачекъ окружала двухъ вислобрюхихъ лапотниковъ, и изъ среды этой пестрой группы раздавались взвизгиванія казачекъ, крикъ и брань казаковъ. Лапотники стояли безъ шапокъ, жалкіе, запуганные, точно приговоренные къ казни. Переминаясь на мѣстѣ, они иногда пятились отъ налетавшихъ на нихъ съ кулаками казаковъ, или кланялись въ землю, когда кулаки слишкомъ близко подносились къ краснымъ носамъ лапотниковъ.

— Помилосердуйте, почтенные, робко говорили они, встряхивая рыжими волосами.

— А, помилосердуйте!.. Мы вамъ дадимъ знать что значитъ войсковая земля, кричали казачишки самые невзрачные изъ толпившихся вокругъ испуганныхъ мужичковъ.

— Помилосердуйте, почтенные кавалеры? отпустите душу на покаяніе.

— Бей бѣглецовъ, воровъ и разбойниковъ!

— Мы не бѣглые, вотъ те христосъ, не бѣглые.

— Бей русь—сыромятное рыло?

— Батюшки, спасите...

— Въ станичную ихъ, въ станичную, раздались голоса изъ толпы.

— Это поджигатели, визжали казачки.

— Вяжи ихъ поясами!

Мужички только охали, крестились да встряхивали своими рыжими кудрями, точно желая выгнать изъ головы какую-то неотвязчивую мысль. Ихъ схватили, втолкнули въ одинъ изъ отправлявшихся баркасовъ, и баркасъ, наполненный казаками и казачками, отчалилъ отъ берега. Слышно было только какъ, въ случаѣ общаго разговора, мужички оправдывались, говоря, что билеты ихъ остались у хозяина на плотахъ, что они выходили на берегъ закупить провизіи на ближнихъ хуторахъ для своей артели, что плотъ ихъ стоитъ здѣсь недалеко отъ берега. Мужичковъ повезли въ станицу. Впослѣдствіи я уже приглядѣлся къ подобнымъ сценамъ, въ которыхъ выражалась казацкая гордость своими правами, и желаніе выказать свое превосходство передъ мужицкою русью. Заѣзжалъ ли къ нимъ мелкій торговецъ изъ Россіи, или даже богатый русскій купецъ, въ русскомъ платьѣ, заносила ли судьба въ ихъ станицы какого-нибудь прохожаго, рабочаго, бурлака или извощика, появлялся ли среди нихъ флегматическій малороссъ на своихъ неповоротливыхъ волахъ, казаки недружелюбно принимали ихъ и иногда жестоко тѣшились ихъ беззащитностью. Казаки считаютъ свое положеніе слишкомъ исключительнымъ, званіе свое слишкомъ привилегированнымъ и почетнымъ, чтобы не относиться свысока къ простому русскому человѣку. Казакъ убѣжденъ, что только имъ однимъ держится Россія, и не будь казака,—тогда богъ знаетъ что̀ бы сдѣлалось съ этою несчастною страною. Одѣтый въ свой ситцевый, до нельзя пестрый чекмень, цвѣтомъ похожій на любое одѣяло русской мѣщанки, сшитое изъ разныхъ лоскутковъ, принарядившись въ бѣлые суконные чулки, подвязанные подъ колѣнкою красною или голубою лентою, а то и просто веревкой, съ поршнями на ногахъ—родъ женскихъ туфель изъ свиной кожи, и въ казацкой, сшитой въ видѣ блина, красной, или съ краснымъ околышкомъ, фуражкѣ, одѣтой отчасти на затылокъ, казакъ, хотя бы онъ былъ оборванъ, засаленъ, гордится собой и своимъ родомъ, какъ кровный аристократъ, гордящійся славою умомъ предковъ за неимѣніемъ ни своего собственнаго ума, ни

славы. Казакъ знать не хочетъ, что̀ дѣлается за предѣлами войсковой земли, и только свысока и снисходительно отзывается о Петербургѣ, который стоитъ еще по ихъ милости, такъ какъ казаки держатъ тамъ караулы, о Варшавѣ, гдѣ онъ бывалъ въ нѣсколькихъ шинкахъ и пилъ съ шинкарками, и наконецъ о Грузіи, объ Имеретіи и прочихъ кавказскихъ провинціяхъ, гдѣ онъ отбывалъ очередь и гдѣ его каждый годъ трепала восточная лихорадка.

Мужичковъ отвезли въ станицу и что̀ съ ними сталось—я не знаю.

— Вотъ какъ наши казаки отдѣлываютъ музлановъ, говорилъ Конинъ, когда мы вошли въ лѣсъ.

— Еще бы не отдѣлать: вся станица поднялась—эка храбрецы, замѣтилъ Петруша, на котораго тоже не совсѣмъ хорошо подѣйствовала казацкая расправа.

— Наши казаки ничего не боятся, замѣтилъ Прохоръ Баевъ, который наслаждался сценой, сейчасъ мною описанною.

— Кто тебѣ, бабушка что ли это сказала? обрѣзалъ его Петруша, разгорячаясь.

— Бабушка называетъ тебя умникомъ, вмѣшался я, обращаясь къ Баеву:—не вѣрь ей... Она же вѣдь говорила тебѣ, что царь-колоколъ кнутомъ сѣкли.

— Ты что на него смотришь, перебилъ меня Петруша:—бабушка и та называетъ своего Прошу дуракомъ.

Баевъ насупился и замолчалъ, вполнѣ увѣренный и въ храбрости казаковъ, и въ своемъ умѣ, и въ правдивости разсказовъ бабушки, и даже въ томъ, что царь-колоколъ пороли кнутьями.

Конинъ однако защищалъ казаковъ и презрительно отзывался о русскихъ.

— Посмотрѣли бы вы какъ казаки сражаются съ черкесами, говорилъ онъ:—черкесы все такіе тоненькіе, такъ казакъ одной пикою прокалываетъ ихъ разомъ человѣка четыре или пять, какъ аладьи вилкой.

— Ну, да, отвѣчалъ Петруша:—имъ такъ доставалось отъ черкесовъ, что вотъ они теперь и не знаютъ, на комъ вымѣстить досаду... Поймали двухъ мужиковъ, такъ хоть надъ ними потѣшатся, чтобъ каза̀чки видѣли, какіе храбрые ихъ Гармилы *).

*) Гармилы, Гаврилы—общее названіе казаковъ, данное имъ въ насмѣшку.

Я при этомъ замѣтилъ, что самъ видѣлъ, какъ у насъ, въ верховыхъ станицахъ, казаки постоянно враждуютъ съ малороссіянами изъ-за покосовъ и пашни, и часто пять, десять малороссовъ, съ своими длинными вилами, выходили на цѣлую станицу и всѣхъ казаковъ обращали въ постыдное бѣгство.

Но лѣсъ съ своею свѣжею зеленью былъ очаровательнѣе для насъ всякихъ споровъ и диспутовъ о храбрости донского войска. Мы быстро разсѣялись въ разныя мѣста, и бо̀льшая часть изъ насъ очутилась на деревьяхъ, на вершинахъ развѣсистыхъ тополей. Какъ бѣлки лазили мы съ дерева на дерево, качались на вѣтвяхъ подобно обезьянамъ, то выходили всѣ на зеленую поляну и гдѣ-нибудь на тѣнистой лужайкѣ устраивали военныя игры. Здѣсь шло, конечно, разоренье гнѣздъ грачей, сорокъ, воронъ и отыскиваніе въ дуплахъ старыхъ деревьевъ утиныхъ яицъ, которыя мы тотчасъ же пекли на разведенныхъ кострахъ и съѣдали на здоровье,—а здоровье наше взлелѣянное природой, воздухомъ полей и лѣсовъ, было такое завидное, столько силы давала намъ эта свободная жизнь.

Я по обыкновенію уединился на высокомъ, широколиственномъ тополѣ и изъ гибкихъ вѣтвей этого дерева свилъ себѣ великолѣпное гнѣздо, въ видѣ постели. Связавъ крупныя вѣтви одну съ другой, перепуталъ ихъ мелкими молодыми порослями и листьями, натаскалъ туда зеленой мягкой травы, и расположился, покачиваясь какъ въ колыбели. Товарищи стали отыскивать меня и, замѣтивъ мое убѣжище, пошли на приступъ, желая плѣнить меня въ моей воздушной крѣпости. Я по возможности защищался; но какъ защита была не безопасна и мое гнѣздо могло полетѣть вмѣстѣ со мной на землю, то я и покорился. На другихъ вѣтвяхъ этого тополя устроены были другія гнѣзда; иные изъ товарищей заняли другія деревья. Работа кипѣла живо, по лѣсу раздавались наши веселые голоса, трескъ сухихъ вѣтвей, смѣхъ и крики. Петруша деспотически командовалъ Прохоромъ Баевымъ, приказывая ему подавать къ себѣ на дерево то траву, то гибкія вѣтви лозы для успащиванія своего гнѣзда. Не было только слышно голоса Конина, который отправился въ сосѣднее болото истреблять черепахъ. Когда гнѣзда надоѣли намъ, мы отправились отыскивать Конина и нашли его за работой; онъ сидѣлъ на берегу лимана и вырѣзывалъ изъ тростника гибкіе, длинные прутики. Около него билась огромная болотная лягушка, привязанная по всѣмъ четыремъ лапкамъ къ воткнутымъ въ землю колышкамъ,

— Ты что это дѣлаешь? говорилъ Петруша, самолюбіе котораго было затронуто оригинальной выдумкой Конина.

— Хочу казнить лягушку, отвѣчалъ тотъ хладнокровно.

— За что?

— Чтобъ не квакала и не пугала черепахъ.

Раздраженный тѣмъ, что черепахи всѣ попрятались въ воду, когда онъ подошелъ къ лиману, Конинъ поймалъ большую зеленую лягушку и рѣшился наказать ее. Когда прутики были окончены, онъ раздалъ всѣмъ намъ по шпицрутику и маленькіе палачи начали наказывать лягушку, по очереди ударяя ее розгой. Лягушка рвалась, тихо квакала отъ боли и казалась мнѣ такой отвратительной и жалкой, что я бѣжалъ отъ этой гадкой сцены. Меня назвали трусомъ, нѣженкой, дѣвчонкой—и отпустили наказанную лягушку въ воду, не развязавъ ей однако спутанныхъ лапокъ.

Вообще мы отличались порядочной жестокостью, что почти каждый день доказывали на Кутырлѣ. Кутырла былъ столѣтній старичокъ, о которомъ по станицѣ ходили разнообразные, невѣроятные слухи. Онъ жилъ уединенно, и никто не зналъ, что̀ дѣлалъ онъ по ночамъ въ своей маленькой избушкѣ. Избушка его стояла на самомъ обрывѣ оврага, перерѣзывавшаго станицу, и это была такая жалкая, едва державшаяся на подпоркахъ, лачужка, что страшно было приблизиться къ ней. Какъ помѣщался въ ней Кутырла, какъ жилъ, что̀ дѣлалъ —мы ничего не знали, и это еще болѣе раздражало наше любопытство. Про Кутырлу говорили, что онъ былъ сподвижникомъ Пугачева и какимъ-то чудомъ спасся отъ казни. Говорили, что онъ колдунъ, и мы дѣйствительно видѣли, какъ часто онъ выходилъ по ночамъ изъ своей избушки, бродилъ по окраинамъ оврага или, оперпись на свою длинную палку, стоялъ неподвижно по цѣлымъ часамъ. Отъ старости онъ не могъ ни ходить, ни стоять прямо, а всегда перегибался вдвое и почти постоянно глядѣлъ въ землю. Мы боялись встрѣтиться съ его глазами, хотя сильно желали ближе разсмотрѣть его странную физіономію, его длинный до безобразія носъ, его ввалившіяся губы, которыя постоянно что-то шептали. Мы слышали, что, по ночамъ, Кутырла выходилъ колдовать и своими чарами отгонялъ отъ станицы облака, махая на небо своею длинною палкою. Можетъ быть, безсонница выгоняла старика изъ его душной трущобы; можетъ быть по ночамъ онъ вытаскивалъ на воздухъ свои старыя кости освѣжиться на свободѣ, чтобы не безпокоили его любопыт-

ствующіе взгляды людей; его, можетъ быть, томило одиночество, потому что въ сосѣдствѣ съ его избушкой стояла только одна лачуга, такая же жалкая, какъ и его жалкій домикъ, и въ ней жила допотопная старушка, которую мы также считали колдуньей; но намъ думалось, что они по ночамъ волшебствуютъ, и страшна намъ казалась, ночью, сгорбленная фигура Кутырлы, оттѣняющаяся на краю оврага. Кутырла былъ замѣчательно высокъ ростомъ и это больше придавало странной оригинальности его старческой фигурѣ. Частью вслѣдствіе разсказовъ Прохора Баева, отчасти же по собственному опыту, мы знали, что колдуны имѣютъ хвостъ, и потому непремѣнно желали удостовѣриться есть ли хвостъ у Кутырлы. Рѣшеніе этой трудной задачи не давало намъ покоя, и можно себѣ представить положеніе старика, когда мы постоянно покушались осязательно увѣриться въ существованіи хвоста у Кутырлы!.. На это рѣшались впрочемъ самые отчаянные изъ насъ, и избирали минуту, когда старикъ шелъ тихо, не подозрѣвая что за нимъ слѣдятъ жестокіе мальчики. Только палка спасала несчастнаго отъ покушеній безсердечныхъ казачатъ... Я просто боялся Кутырлы, а когда мои глаза случайно встрѣчались съ его глубоко впалыми глазами, они казались мнѣ и кроткими и жалкими.

Я не знаю какъ смотрѣли на эти безобразные поступки наши педагоги; собственно наша жестокость, кажется, не печалила и не раздражала ихъ особенно; но когда мы не знали уроковъ и классы превращались въ застѣнки, тогда педагоги напоминали намъ и о Кутырлѣ, и о нашихъ настойчивыхъ розыскахъ волшебнаго хвоста, и о прочемъ. Но мы не думали, что наши варварскія шалости на столько предосудительны, чтобы за нихъ сѣчь и изводить чернобыльникъ; на эти шалости мы смотрѣли какъ на дозволенныя отчасти, потому что Кутырла не принадлежалъ къ училищной обстановкѣ, и мы шалили внѣ классовъ. Но если бы мы даже дошли до того, что отыскали бы и хвостъ у Кутырлы, но явились въ классъ съ выученными уроками, съ рѣшенными и начисто переписанными арифметическими задачами, тогда безъ сомнѣнія насъ не высѣкли бы. Наше домашнее и уличное поведеніе было внѣ педагогической программы училища, и развѣ только въ такомъ случаѣ насъ могли наказать, когда, преслѣдуя Кутырлу, мы не замѣтили бы какого-нибудь проходящаго офицера, дежурнаго адъютанта или самого окружного генерала, израненнаго, едва двигавшагося, но дальнозоркаго старикашку,

не отдали бы имъ должной чести, не вытянулись бы во фронтъ за пятнадцать шаговъ, и по всѣмъ правиламъ военнаго искусства не сняли бы своихъ фуражекъ. О, въ послѣднемъ случаѣ насъ бы не пощадили.

Но передо мной все этотъ чудный весенній день, и голубой Донъ, и зелень, потонувшая въ водѣ, и эти пѣсни—долгія, долгія, которымъ, можетъ быть, воспоминаніе придаетъ столько прелести и силы. Нѣтъ, не одно воспоминаніе...

Мы ѣдемъ обратно черезъ Донъ. Видна станица. Вечерѣетъ. Мнѣ стало невыносимо грустно, но отчего—я самъ себѣ, кажется, не могъ бы дать тогда отчета. Грустно можетъ быть было оттого, что я снова долженъ былъ, послѣ такого чуднаго дня, окунуться въ прозу томительной училищной жизни. Грустно, можетъ быть, было и оттого, что на меня подѣйствовали сцены съ русскими мужиками, русскія пѣсни, отъ которыхъ становилось тяжело на сердцѣ. Какъ бы то ни было, но, возвратившись домой, я не могъ ни за что приняться, хотя не чувствовалъ никакой усталости; все что-то думалось, мечталось и книга падала изъ рукъ.

Въ такомъ же вяломъ состояніи находились мы обыкновенно передъ праздниками, собственно передъ поѣздками домой. Само собою разумѣется, что первая поѣздка была самая впечатлительная изъ всѣхъ послѣдующихъ поѣздокъ; видѣть домъ послѣ первой въ жизни разлуки съ нимъ, взглянуть на мѣста, съ которыми соединялись всѣ впечатлѣнія дѣтства, встрѣтиться съ людьми, которыхъ зналъ и любилъ съ тѣхъ поръ, какъ началъ помнить себя, и кромѣ которыхъ не зналъ и не любилъ никого, показать самого себя въ новой обстановкѣ, явиться человѣкомъ пріѣзжимъ, знать, что и на тебя уже смотрятъ нѣсколько иначе, какъ на большого, какъ на имѣющаго собственные интересы въ жизни, наконецъ возбудить любопытство въ товарищахъ дѣтскихъ игръ своими разсказами объ училищной жизни, о вновь видѣнномъ и слышанномъ въ чужой сторонѣ, за двѣсти верстъ отъ родины, явиться даже нѣкіимъ героемъ въ глазахъ какой-нибудь старой няньки или буйной Оксаны — все это не мало придаетъ очарованія первой, да и не одной первой поѣздкѣ домой.

Первое наше путешествіе состоялось передъ масляницей. Едва мы выѣхали изъ станицы и очутились на Дону, какъ училище, Данило Степановичъ и чернобыльникъ были забыты. Даже мою душу посѣ-

тила не изведанная мною храбрость и удаль. На раскатахъ и ухабахъ я всѣми силами старался, чтобъ наши сани опрокинулись и мы вывалились въ снѣгъ; это было такъ весело — завязнуть въ снѣгу, барахтаться... Сколько смѣху, крику, разсказовъ—кто именно покачнулъ сани, кто выпалъ первый, кто самъ вылѣзъ изъ снѣгу, кого вытащилъ кучеръ. Петруша ерошился и говорилъ, что и въ Лапландіи онъ самъ вылѣзъ бы изъ самаго глубокаго снѣгу, что онъ и изъ всякой пропасти можетъ выйдти, и при этомъ, въ мое назиданіе, разсказывалъ, какъ они обманули меня и, оставивъ одного дома съ горькими слезами, убѣгали зимой въ лѣсъ, лазили по глубокимъ сугробамъ и доходили даже до стараго зимовья. Я только завидовалъ и развѣ изрѣдка возражалъ, что и самъ съ маменькой ѣздилъ на старое зимовье и видѣлъ тамъ всѣхъ собакъ, и что мнѣ показывали тамъ маленькихъ ягнятъ, и что меня тамъ очень любитъ собака Шарпай, которая одна ходитъ на волка, что и волка мы съ маменькой видѣли у самой дороги и пр.

Чѣмъ дальше ѣхали мы, тѣмъ болѣе стушевывался образъ Данила Степановича, тѣмъ болѣе уходили въ даль школьныя воспоминанія... Кругомъ такая бѣлая, снѣжная равнина, кой - гдѣ уже почернѣвшая, и черный обнаженный лѣсъ и далекія мѣловыя горы, а вдали виднѣются станицы Глазуновская, Островская, и какъ точки— степные казачьи хутора. Послѣ храбрости и веселья нападала скука, которая такъ несносна зимой, въ дорогѣ, особенно при тихой ѣздѣ. Все такъ безконечно тянется, небо такое мутное, картины однообразныя. Лѣтомъ хороши проселочныя дороги, зато зимой по нимъ ѣздить — такая тоска! Только и попадается на дорогѣ какой-нибудь одинокій казакъ, везущій дрова изъ лѣсу, или закутанная съ ногъ до головы казачка, которая, за отсутствіемъ мужа на линію, принуждена отправлять всѣ мужскія работы, и теперь ѣздила въ степь за сѣномъ. При каждой встрѣчѣ Петруша приготовлялся къ отпору, копошился въ саняхъ, или выползалъ на дорогу, вязъ въ снѣгу, гордо поглядывалъ на жалкую фигуру казачки, и потомъ снова забирался въ сани. Жилье попадается очень рѣдко, да и то ѣдешь ѣдешь, одурь возьметъ отъ тоски и одиночества, и вдругъ натыкаешься на какой-нибудь жалкій хуторъ, стоящій на юру и весь занесенный снѣгомъ. Перескочатъ черезъ занесенные снѣгомъ плетни голодныя собаки, залаютъ на проѣзжихъ, какъ на необыкновенное явленіе, или какъ на волка, завоютъ даже жалобно отъ тос-

ки ли, отъ голода ли — кто ихъ знаетъ—а за ними выползутъ казачата, покувыркаются по снѣгу, поглазѣютъ на насъ, Петруша покажетъ имъ кулакъ или приметъ въ саняхъ угрожающую позу, казачата бросятъ въ насъ комками снѣга, прокричатъ какое-нибудь бранное привѣтствіе, за ними выскочитъ какая-нибудь казачка, постоитъ, постоитъ у воротъ — «не мужъ ли пріѣхалъ съ линіи» думаетъ, и снова возвращается въ свой скучный курень... А мы все ѣдемъ, а сонъ такъ и клонитъ голову... Вотъ уже и вечерѣетъ. На одномъ хуторѣ мы покормили лошадь; казачка приласкала насъ, называя малютками, «болѣзненькими» (то же что милый). Скука смертная, а ѣхать такъ далеко... Сколько станицъ еще придется проѣхать, сколько хуторовъ... А передъ глазами бѣлый снѣгъ, небо сѣрое, мутное, сливающееся съ горизонтомъ; даль темнѣетъ; холодно. Наконецъ наступила и ночь. Сонъ такъ и клонитъ; даже Петруша прячетъ свой носъ въ воротникѣ шубы, но все-таки проситъ кучера непремѣнно разбудить его, въ случаѣ если нападутъ разбойники, а онъ уснетъ. Я уснулъ, и во снѣ чудилась мнѣ зимняя, дальняя дорога, и разбойники, ведущіе съ связанными руками Данила Степановича, и Петруша, догоняющій разбойниковъ и отнимающій Данила Степановича, который, будто бы, тутъ же, на дорогѣ, вынимаетъ изъ кармана свой классный журналъ и ставитъ Петрушѣ шесть въ поведеніи... Изъ лѣсу несутся на насъ волки, за ними стая собакъ... Волки нападаютъ на наши сани, Петруша стрѣляетъ по одному волку—и я въ испугѣ просыпаюсь. Осматриваюсь и никакъ не могу придти въ себя. Ночь такая темная, вдали снѣгъ и сѣрое небо. Сани наши стоятъ, кучеръ куда-то исчезъ, а Петруша, Вася и Основины (товарищи наши, ѣхавшіе вмѣстѣ съ нами) крѣпко спятъ, прислонившись одинъ къ другому.. Кучера нѣтъ. Мнѣ стало страшно. Изъ-за лая собаки я могу только разслышать, какъ кто-то стучитъ повидимому въ окно или въ деревянную доску. Стукъ—стукъ—стукъ,—стукъ—стукъ—стукъ...

— Господи Іисусе Христе, сыне божій, помилуй насъ, раздается въ темнотѣ голосъ, похожій на голосъ нашего кучера, и мнѣ кажется, что онъ проситъ помилованія у разбойниковъ.

Собаки отвѣчаютъ лаемъ на этотъ голосъ.

— Господи Іисусе Христе, сыне божій, помилуй насъ.

Снова и явственнѣе раздается голосъ нашего кучера.

— Аминь, чуть слышно отвѣчаетъ ему женскій голосъ.

— Пустите, добрые люди, переночевать проѣзжихъ, говоритъ кучеръ.

— Кто вы такіе? слышится женскій голосъ.

— Дѣтей, матушка, везу изъ училища домой... Перезябли. Отогрѣться пустите.

Женскій голосъ выражаетъ согласіе; собачій лай нѣсколько утихаетъ; кучеръ подходитъ къ санямъ и беретъ лошадь подъ уздцы.

— Гдѣ мы, Памфилъ? спрашиваю я, успокоившись отъ мысли, что на насъ напали разбойники.

— На хуторѣ, отвѣчалъ онъ. А вы не спите?

— Я проснулся. А ты что хочешь дѣлать здѣсь, Памфилъ?

— Надо переночевать, погрѣться, да лошадь накормить.

— Кто это? что случилось? заговорилъ вдругъ Петруша, проснувшись: — разбойники? А гдѣ Памфилъ? Памфилъ! гдѣ ты? шепталъ онъ нѣсколько испуганнымъ голосомъ.

— Я здѣсь, отвѣчалъ хладнокровно Памфилъ: — вставайте, пріѣхали ночевать.

— А! а я думалъ разбойники.

— Какіе тутъ разбойники? — все добрые люди.

Сани наши въѣхали на узенькій дворъ, весь обнесенный плетнемъ и плетеными сараями, повѣтями и анбарами.

— Идите въ курень грѣться, говорилъ Памфилъ, разшевеливая насъ, Мы всѣ выползли изъ саней и побрели къ куреню. Я придерживался брата Васи, между тѣмъ какъ Петруша уже воевалъ на дворѣ съ собакой и предупреждалъ смѣлую дворняшку, что убьетъ ее, какъ собаку, если она его укуситъ. Кое-какъ мы отыскали дверь въ курень и робко вошли въ полуосвѣщенную большую комнату съ черными деревянными стѣнами, полатями, лавками и закоптѣлыми образами у самаго почти порога (это признакъ донскихъ старовѣровъ, которые ставятъ иконы не въ переднемъ углу, а наоборотъ—у самыхъ дверей, и если входитъ въ избу посѣтитель, то не молится прямо въ передній уголъ, а оборачивается къ дверямъ и молится на образа, находящіеся въ той части комнаты). Въ куренѣ насъ встрѣтили казачки, такія добрыя, такія ласковыя. Онѣ бросились развязывать насъ и снимать съ насъ шубы. Петруша старался раздѣться самъ — и не могъ развязать пояса.

— Да какія все крошки, говорила одна казачка постарше, распутывая Петрушу:—ахъ, какія крошки!

Петруша гордо взглянулъ на нее: — въ двѣнадцать лѣтъ—крошка! и братъ Вася, четырнадцати лѣтъ,—крошка!

— Да какъ же ты прозябъ, болѣзненькій, ласково тараторила другая казачка, тормоша и раздѣвая меня:—и далеко вы это ѣдете?

— Далеко, за двѣсти верстъ.

— Домой? Къ маменькѣ? спрашивала казачка.

— Да, домой.

— Гдѣ жъ вы были?

— Въ училищѣ учились, въ N станицѣ.

— Ахъ, мои родимые? такія малютки, и ужь учатся, на чужой сторонкѣ сохнутъ.... Чему жъ вы учитесь тамъ? Читать — писать?

— Арифметику учимъ, геометрію, грамматику, законъ божій, затараторилъ Петруша, желая показать, что мы вовсе не крошки.

— Ахъ, ты господи? ужь чему они тамъ ни учатся, говорила старая казачка.

— А соскучился-поди объ маменькѣ, спрашивала меня другая казачка.

— Соскучился.

— О-хо-хо! вздыхала старая казачка:—такія крошки и ужь съ чужой стороной свѣдались.... А чужая-то сторона горемъ поросла. Вотъ и у меня сынъ теперь на линіи, третій годъ и вѣсточки о немъ нѣтъ. Кто-то приголубитъ его тамъ, кто накормитъ?

— Да вотъ и отъ Пети изъ Варшавы ничего нѣтъ, говорила другая казачка, молоденькая, что разспрашивала меня о моей матери:—только-что женился на мнѣ, черезъ мѣсяцъ и погнали на службу.

— Вотъ оно вольное-то житье казацкое, продолжала жаловаться старуха: — остались съ нами только малыя дѣти.

И малыя дѣти, заспанные и всклокоченные казачата, мальчики и дѣвочки, повыползали откуда-то и осматривали насъ, какъ дикихъ звѣрей. Петруша недружелюбно на нихъ поглядывалъ, отдувая свои озябшія руки.

Насъ хотѣли накормить, но мы отказались отъ всего, потому что всю дорогу прикладывались къ дорожному мѣшку и накушались порядочно. Тогда насъ отправили на полати грѣться и спать.

На другой день насъ ожидала такая же скучная дорога, та же степь, тотъ же снѣгъ по обѣимъ сторонамъ, то же сѣрое небо, хутора, вдали медвѣдицкія горы; изрѣдка виднѣлись станицы съ маленькими, почернѣлыми деревянными церквями, да по берегу рѣки лѣсъ, голый и однообразный, съ кое-гдѣ чернѣющимися гнѣздами

грачей и воронъ, оставшияся отъ прошлой весны. Наконецъ, на третій только день, къ вечеру, мы пріѣхали на мельницу, находившуюся въ арендѣ у отца Основиныхъ. Мы разсчитывали получить тамъ свѣжихъ лошадей и съ большимъ удобствомъ добраться до дому, но сильно обманулись въ ожиданіи. На мельницѣ мы не нашли никого изъ Основиныхъ; лошадей также не нашлось ни одной, и мы должны были ждать тамъ нѣсколько дней, пока найдутъ возможность отправить насъ болѣе или менѣе приличнымъ образомъ. Кучера нашего тоже куда-то послали по дѣлу, и оставили насъ умирать медленной смертью. Какое отчаянное положеніе! Что же будетъ съ нами въ эти три, а можетъ быть — четыре дня? Не злая ли это насмѣшка? А между тѣмъ масляница пройдетъ; насъ будутъ ждать въ училищѣ, пожалуй — пошлютъ разыскивать насъ, какъ бѣглыхъ, и, чего добраго, самъ Данило Степановичъ отправится на поиски. Не даромъ я видѣлъ его во снѣ. Мы сильно пріуныли, а я, богатый на слезы, горько и безутѣшно плакалъ. Петруша порывался идти пѣшкомъ, чуть ли не обѣщался набрать шайку разбойниковъ, напасть на сосѣднія станицы и достать тройку лошадей, и недоставало только ружья, чтобъ исполнить это отчаянное намѣреніе. Безвыходность этого положенія разрѣшилась тѣмъ, что старшіе наши коноводы, и въ томъ числѣ, разумѣется, Петруша, потребовали, чтобъ намъ заложили ту же самую лошадь, на которой мы доѣхали до мельницы, указали дорогу до ближайшей станицы,—и только. Мы рѣшились ѣхать одни, безъ кучера. Петруша обѣщался править всю дорогу.

Наша настойчивость побѣдила, и насъ отправили однихъ безъ кучера. Проѣзжая лѣсомъ, мы услышали какіе-то страшные голоса, какое-то гиканье впереди насъ, а потомъ услышали конскій топотъ, какія-то дикія завыванья голосовъ, вовсе не похожихъ на человѣческіе. Топотъ приближался, а гиканье усиливалось, но не казацкое гиканье, съ которымъ мы были очень хорошо знакомы, а напротивъ, что-то страшное и непріятное звучало по лѣсу, въ какую-то безобразную дисгармонію сливались нечеловѣческіе голоса, и свистъ, и хлопанье, похожее на хлопанье нагаекъ. Въ недоумѣніи и страхѣ мы переглянулись и готовы были окаменѣть на мѣстѣ, если бы лошадь наша не везла насъ по направленію къ гикающей и кричащей невѣдомой толпѣ. Я буквально замеръ и посмотрѣлъ на Петрушу. Смущеніе выражалось и на его храбромъ лицѣ; смущеніе умалило до ничтожества и нашихъ старыхъ коноводовъ, четырнадцати-лѣтнихъ

брата Васю и старшаго Основина, знаменитаго пѣвца, усовершенствовавшаго свой талантъ подъ руководствомъ Николая Ивановича и сидоровой козы и даже пѣвшаго на клиросѣ вмѣстѣ съ церковными причетниками.

— Что это?

— Кто это!

— Я боюсь.

— Я убѣгу въ лѣсъ.

— Господи, что жъ это такое? шептали мы, переглядываясь и отдавая богу свои невинныя души.

На опушкѣ лѣса показалась группа всадниковъ въ какихъ-то странныхъ костюмахъ, въ страшныхъ косматыхъ шапкахъ. Яркіе цвѣта платья пестрѣли издали. Всадники неслись прямо на насъ и размахивали руками. «Это черкесы», думалъ каждый изъ насъ, не понимая какъ они могли забраться въ самый крайній уголъ Войска Донского. Всадники приближались къ намъ и продолжали неистово гикать. Вотъ они все ближе и ближе къ намъ, вотъ уже видны ихъ страшныя черныя лица, черные всклоченные волосы... Они скачутъ на насъ, нагайки свищутъ въ воздухѣ, группа дѣлится на двѣ части.... Вотъ они окружатъ насъ, схватятъ, убьютъ, увезутъ... Но группа, раздѣлившись на двое, обскакала насъ, жалкихъ и трепещущихъ, и, съ пѣснями, гиканьемъ и свистомъ, понеслась по дорогѣ, не задѣвъ насъ и не сказавъ намъ ни слова.

— Да это калмыцкая свадьба, сказалъ вдругъ братъ Вася, собравшись съ духомъ.

— Да, это калмыки, повторилъ за нимъ старшій Основинъ.

— Ахъ, какъ они испугали насъ.... Когда я учился въ Березовской станицѣ, я часто видѣлъ калмыцкія свадьбы, продолжалъ Вася:—то-вонъ впереди скакали женихъ съ невѣстой. Видѣли, какая длинная коса, зашитая въ чемъ-то? Они всегда ѣздятъ верхомъ и калмыки, и калмычки.

Только послѣ этого расхрабрился Петруша и началъ бранить калмыковъ.

— Вотъ какіе подлецы! говорилъ онъ, ожесточаясь: — не зналъ я, что это у нихъ свадьба, а то бы я далъ имъ знать. Я бы въ невѣсту бросилъ палкой — вотъ что!

Дѣйствительно, это были калмыки, кочевавшіе иногда около станицъ небольшими партіями. Мы наткнулись на брачное торжество, на разряженныхъ жениха и невѣсту и на прочихъ поѣзжанъ. Кар-

тина была въ самомъ дѣлѣ дикая, и пѣсни торжествующихъ калмыковъ могли испугать и не дѣтей.

Въ дорогѣ насъ захватила ночь, но мы рѣшились, во что бы то ни стало, доѣхать домой. Оставалось верстъ пятнадцать. Измученная лошадь едва двигала ноги. Мы принуждены были попеременно идти пѣшкомъ. Наконецъ мы пріѣхали. Боясь явиться домой въ такомъ отчаянномъ видѣ, въ какомъ мы путешествовали, карабкаясь по снѣгу, мы предварительно заѣхали къ Основинымъ. Отецъ Основиныхъ развелъ руки отъ удивленія и не зналъ что сказать; но какъ онъ почему-то былъ нѣсколько навеселѣ, вѣроятно, погулялъ съ гостями или такъ подкрѣпился отъ скуки въ невеселый зимній вечеръ, то, встрѣчая насъ у порога и не здороваясь, обратился къ намъ, какъ къ людямъ ученымъ, съ слѣдующимъ спеціальнымъ вопросомъ:

— А какъ зовутъ бога?

Мы стали какъ вкопанные и не знали что отвѣчать на такой рѣшительный вопросъ. Мы молчали.

— Какъ бога зовутъ, скажите мнѣ.... Вѣдь васъ тамъ всему учили?

Дѣйствительно, насъ многому учили, но мы рѣшительно не могли отвѣчать на вопросъ Основина. Мы припомнили всѣ выраженія священнаго писанія, знакомыя намъ и могущія служить разъясненіемъ труднаго вопроса, но ничто не помогло.

— Нѣтъ, не такъ, возражалъ Основинъ на всѣ наши усилія.

— Всемогущій, неизмѣняемый.

— Нѣтъ, нѣтъ, говорилъ Основинъ.

— Всеблагій.

— Нѣтъ!

— Вездѣсущій, всеблаженный....

— Нѣтъ.. Ну, — васъ тамъ учили пѣть, Миша?

— Учили, отвѣчалъ его сынъ.

— Такъ пойте же «царю небесный». Пойте каждое слово съ разстановкой и съ понятіемъ.

Мы запѣли хоромъ — и воображаю какое это было пѣніе, послѣ утомительной дороги, когда мы стояли у порога недоумѣвающіе, растерянные, испуганные калмыками и боящіеся предстоящей встрѣчи, выговоровъ за своеволіе и проч. — Но мы запѣли — и пропѣли все до конца.

— Какъ же зовутъ бога? снова спросилъ насъ Основинъ.

Мы опять молчали. На насъ нашелъ столбнякъ.

— Пойте опять «царю небесный».

Мы опять запѣли — и опять пропѣли до конца.

— Ну, какъ же зовутъ бога?

Мы наконецъ потеряли всякое терпѣніе.

— Мы не знаемъ.

— Пойте же еще разъ, повторилъ онъ настойчиво.

Мы запѣли съ страшными сердечными муками; когда мы дошли до словъ «иже вездѣ сый», Осповинъ поднялъ свои толстыя руки, бросился къ намъ, схватилъ своего сына за руку и закричалъ: «стойте! стойте!»

Мы остановились.

— Сый! сый! вотъ какъ зовутъ, сказалъ онъ торжественно и позволилъ намъ отойдти отъ порога и сѣсть. Напоивъ насъ чаемъ, онъ велѣлъ заложить лошадь и отправилъ насъ, троихъ братьевъ, домой.

Пріѣздъ нашъ былъ дѣйствительно поразительный, и встрѣча съ матерью надолго осталась въ моей памяти. Она конечно испугалась, обрадовалась и заплакала.

Мы все-таки торжествовали.

Но никакое торжество не бываетъ продолжительно. На первой недѣлѣ поста насъ снова отправили въ училище, гдѣ ожидалъ насъ выговоръ, гдѣ намъ стало еще горче, еще скучнѣе. Мы прогуляли нѣсколько классовъ, должны были усиленно заниматься. Зато краснорѣчіе Петруши не знало предѣловъ, когда онъ разсказывалъ товарищамъ о нашей смѣлой поѣздкѣ, о встрѣчѣ съ калмыками, о снѣгахъ, о воображаемыхъ разбойникахъ и т. п.

Оттого ли, что я былъ еще слишкомъ малъ, или ужь такова была метода преподаванія въ училищѣ, только ученье тамъ наводило на меня невыносимую скуку. Вспоминаю я теперь и годы, проведенные въ гимназіи; правда, иные предметы или способъ преподаванія ихъ навѣвалъ на насъ смертную скуку; но все же былъ и роздыхъ, все же выпадали минуты, когда весело и легко было учиться, не оттого что въ гимназіи я выросъ, возмужалъ; нѣтъ—просто оттого, что въ училищѣ отъ всего несло мертвечиной и мертвою, безсмысленною буквою пичкали насъ. Оттого, что возвращаться въ училище—это было то же, что возвращаться въ острогъ, если только возвращеніе въ острогъ особенно тяжело для привыкшаго къ тюремной жизни арестанта.

Нечего и говорить, что лѣтомъ мы больше отдавались природѣ, хотя и зима не могла окончательно загнать насъ въ скучныя комнаты. Съ первыми морозами, съ первымъ выпавшимъ снѣгомъ мы искали новаго сближенія съ природой и находили его. Это не были впрочемъ обыкновенныя зимнія увеселенія — катанье съ горъ, игра въ снѣжки; нѣтъ, мы искали развлеченій болѣе впечатлительныхъ, болѣе оригинальныхъ. Едва становился Донъ, какъ Петруша распоряжался уже зимнею экспедиціей. Мы отправлялись «глушить рыбу». Морознымъ, яснымъ зимнимъ утромъ экспедиція сходилась у насъ на квартирѣ; почти у каждаго подъ шубой спрятанъ былъ «чекмарь» — палка съ толстымъ закругленнымъ концомъ, сдѣланнымъ изъ древеснаго корня; чекмари тщательно скрывались отъ глазъ учителей и прочаго начальства, могущаго встрѣтить насъ съ этими разрушительными орудіями. У Прохора Баева былъ чекмарь великолѣпный, пріобрѣтенный имъ у себя на хуторахъ, и Баевъ гордился имъ, лелѣялъ его какъ зеницу ока; онъ готовъ былъ отдать всѣ свои учебники, свои даже, пожалуй, казацкія права.

Тайно выходили мы изъ станицы, и когда уже никто не могъ насъ видѣть, вынимали изъ подъ шубъ свои чекмари, входили на Донъ и тихо, осторожно пробирались на ту сторону по тонкому, прозрачному льду. Переправы эти были не совсѣмъ безопасны; мы могли провалиться на серединѣ Дона и потонуть, но когда мы замѣчали, что ледъ гнулся подъ нашими ногами и трещалъ, тогда мы останавливались, поочередно ложились и осторожно проползали черезъ опасное мѣсто: ноги могли продавить тонкій ледъ, но все тѣло онъ сдерживалъ, и мы избѣгали опасности. Ползешь, бывало, на самой серединѣ рѣки, ледъ гнется подъ тобой, трещитъ какимъ-то угрожающимъ трескомъ, а подъ тобой виднѣется неизмѣримая глубь, такая темная, несмотря на яркое освѣщеніе солнца; ледъ такъ тонокъ и прозраченъ, что видно, какъ рыба гуляетъ въ чистой водѣ и быстро уплываетъ въ глубь рѣки, завидѣвъ надъ собой что-то двигающееся. Перебравшись черезъ Донъ, мы отправлялись въ лѣсъ, на озера. Тонкій ледъ на этихъ озерахъ сквозилъ такъ, что видно было сквозь прозрачную воду все что подъ ней скрывалось: и водяная полегшая трава, не утратившая и въ зимней водѣ своей темной зелени, и водяные жуки, скользящіе между травой, съ черными, блестящими на солнцѣ сквозь прозрачный ледъ, радужными спинками, и лягушки, притаившіяся гдѣ-нибудь подъ травой и недвигающіяся

съ мѣста, и черные раки, медленно двигающіеся подъ водой, задумчиво, меланхолически поводящіе своими длинными усами, и наконецъ рыба, быстро скользящая въ чистой водѣ или неподвижно стоящая у берега. Тихо входили мы на какое-нибудь озеро и тихо, чуть слышно двигались вдоль берега, едва скользя ногами по льду. Точно волшебствомъ какимъ все, находившееся подъ водою, открывалось передъ нашими глазами. Въ мелкихъ мѣстахъ озера, гдѣ ледъ чуть—чуть не касался земли, обыкновенно находили мы рыбу, неподвижно стоящую, точно грѣлась она на солнцѣ, или засыпала у берега. Застигнутая врасплохъ, рыба дѣлалась нашею добычею: сильный ударъ чекмаря по льду въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находилась рыба, оглушалъ ее до того, что она опрокидывалась на бокъ и уже не убѣгала въ глубь озера; повторенный ударъ оглушалъ ее окончательно, и, точно мертвая, она оставалась неподвижной. Тогда ледъ пробивался этимъ же чекмаремъ и рыба вынималась. Распугавъ рыбу въ одномъ мѣстѣ озера, мы отправлялись дальше, и снова начинался тотъ же бой чекмарями по льду. Чекмарь Баева стучалъ звонче всѣхъ и Баевъ торжествовалъ.

— Что это ты головой стучишь, Баевъ, что такъ звонко? Спрашивалъ Петруша, непримиримый врагъ Баева, да кромѣ того въ эту минуту завидующій его чекмарю.

— Нѣтъ, чекмаремъ, отвѣчалъ торжествующій Баевъ.

— А что у тебя лучше, чекмарь или голова, спрашивалъ я скромно.

— И тебѣ завидно стало, говорилъ Баевъ еще болѣе торжественно.

— Да, чекмарю завидую, а головѣ нѣтъ, отвѣчалъ я.

— Ну, заспорилъ! вмѣшался младшій Конинъ, и осѣдлалъ Баева, что̀ онъ всегда дѣлалъ въ веселую минуту:—вези меня...

Такъ какъ Баевъ, по спеціальному направленію своихъ умственныхъ способностей, учился очень плохо и почти всегда былъ написанъ на черной доскѣ, и такъ какъ всѣхъ, записанныхъ на черной доскѣ у насъ офиціально называли «ослами», то Конинъ, садясь верхомъ на Баева, что̀ онъ дѣлалъ очень часто, всегда называлъ его, по справедливости—«жеребятемъ ослимъ», и на это Баевъ отвѣчалъ иногда угрозой, а иногда только осклаблялся.

Само собою разумѣется, что наглушенной рыбы оказывалось немного и мы ее или бросали, если не стоило нести домой, или отдавали кому-нибудь одному, хоть бы, напримѣръ, Баеву за всѣ нанесенныя ему обиды и оскорбленія. Баевъ, впрочемъ, не былъ зло-

памятенъ и не чуждался нашего общества; безъ Баева было даже какъ-то скучно, какъ будто недоставало кого, потому что не надъ кѣмъ было тѣшиться, не на комъ было острить языка, не на комъ ѣздить, если наѣздникъ Копинъ вздумаетъ иногда прокатиться. Но о Баевѣ нельзя сказать однако, чтобъ онъ служилъ только мишенью для нашихъ нападокъ; напротивъ, онъ самъ былъ не прочь зацѣпить кого-нибудь; онъ не былъ положительно пассивенъ или безотвѣтенъ, а иначе, пожалуй, и надоѣлъ бы намъ, какъ существо не могущее дать отпора. Баевъ подмѣчалъ слабыя стороны противниковъ и, съ свойственною ему дубоватостью, билъ ихъ безъ церемоніи. Оттого, можетъ быть, и нападали на него, что видѣли въ немъ своего рода силу, такъ какъ Баевъ никогда не падалъ духомъ. Его стойкость подмывала противниковъ, раздражала ихъ, выводила подчасъ изъ себя; Баевъ, большею частію, былъ хладнокровенъ и повидимому не обижался ничѣмъ. Въ немъ было много чего-то медвѣжьяго, собственно въ характерѣ, кромѣ наружной угловатости и мѣшковатости. У Баева были свои жертвы, надъ которыми онъ тѣшился вяло, будто нехотя, смѣялся надъ ихъ слабостями своимъ лѣнивымъ, грубымъ смѣхомъ, а между тѣмъ жертвѣ было неловко, непокойно. Его трогали всѣ, но и онъ хваталъ всѣхъ за самыя больныя, чувствительныя струны, шевелилъ самолюбіе и унижалъ его. Ни отъ кого, кажется, не доставалось столько Баеву, какъ отъ брата Петруши, но зато никто такъ не умѣлъ и вывести брата изъ терпѣнія, какъ Баевъ. Погрѣшности въ выговорѣ, незнаніе нѣкоторыхъ идіомовъ мѣстнаго донского нарѣчія, потому что мы родились не въ средѣ казаковъ,—служили неисчерпаемымъ источникомъ грубому остроумію Баева и онъ неумѣренно пользовался своими правами коренного донца, рожденнаго отъ коренного казака, на какомъ-то хуторѣ, въ захолустьѣ.

Говоря о зимнихъ развлеченіяхъ, я долженъ упомянуть о препровожденіи времени въ классахъ зимою. Такъ какъ извѣстно, что чернобыльникъ въ нашемъ училищѣ служилъ и педагогическимъ и экономическимъ цѣлямъ, то есть чернобыльникъ былъ и орудіемъ наказанія и матеріаломъ для топлива, или говоря просто—чернобыльникомъ насъ сѣкли и топили классы, и какъ чернобыльника выходило больше на сѣченье, чѣмъ на топку печей, а насъ сѣкли лѣто и зиму, то, само собою разумѣется, что зимою у насъ въ классахъ было иногда нестерпимо холодно.

— Ты что, Гавриловъ, мало топишь? говорилъ бывало сторожу одинъ изъ Кониныхъ:—тутъ хоть волковъ морозить.

— Что мало топлю? отвѣтитъ бывало сквозь зубы Гавриловъ, что у него означало иронію:—да на васъ же, слышь, вчера вышло чернобыльнику полтора воза.

— Какъ полтора воза?

— Да такъ, баринъ,—мало не весь классъ вчера пересѣкъ Данило Степановичъ; а сами посудите сколько на это потребуется чернобыльнику... Такъ даромъ топливо изводите—оттого и холодно.

— Ахъ, ты скотина! еще смѣется...

— Что мнѣ смѣяться, сударь? Правду истинную говорю.

— Такъ ты бы собралъ тотъ чернобыльникъ, которымъ вчера сѣкли, да и въ печку бы его.

— Какъ не собирать,—собиралъ; да ничего не соберешь,—такъ ужь мелко искрошили.

— Какая же ты право свинья, Гавриловъ,—все врешь.

— Анъ не вру... Что мнѣ врать-то? Да вотъ и нонѣ не зачѣмъ было топить; все равно Данило Степановичъ нагрѣетъ васъ всѣхъ.

— Пошелъ ты вонъ, каналья! крикнетъ бывало Конинъ, и вытолкаетъ насмѣшника изъ класса.

Такимъ образомъ, по случаю истребленія чернобыльника на педагогическія надобности, мы принуждены были сидѣть въ классѣ въ шубахъ. Но какъ холодъ иногда былъ очень несносенъ, то, для согрѣванья, мы обыкновенно, до прихода учителей, предпринимали экспедицію на ближайшій классъ. Нападеніе производилось или общимъ натискомъ всего класса, разомъ, по знаку предводителя, или высылались прежде застрѣльщики, а потомъ классъ на классъ шелъ, по казацкому выраженію — «лавой». Въ сраженьяхъ не столько проявлялась храбрость героевъ, сколько задоръ и неистовыя кривлянья, что впрочемъ, очень согрѣвало и веселило насъ. Рѣдко битва оканчивалась единоборствомъ двухъ противниковъ или нѣсколькихъ паръ, привелегированныхъ въ каждомъ классѣ боксёровъ, и тогда обѣ борющіяся партіи, какъ войска кіевскаго князя Владиміра и печенеговъ, отходили всторону и только наблюдали за борцами, выражая знаки одобренія, издавая крики поощренія и преподавая тѣ или другія мудрыя наставленія относительно большей ловкости и меткости ударовъ, какъ это обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. На Дону существуютъ особые кулачные пріемы, боксёрныя правила, ко-

торыя строго соблюдаются бойцами: первое условіе—не бить по лицу; второе—боецъ бьетъ своего противника обыкновенно лѣвой рукой подъ сердце, въ животъ или въ грудь, а правой дѣйствуетъ на лѣвую руку противника, ударяя ее въ самое чувствительное мѣсто между плечомъ и локтемъ, и тѣмъ ослабляя ея силу. Такимъ образомъ всегда бываетъ избита лѣвая рука бойца, которая вслѣдствіе этого, не можетъ наносить сильныхъ ударовъ противнику.

Войны наши нерѣдко оканчивались самымъ трагическимъ образомъ. Въ то время, когда бывало, за пылью, поднявшеюся съ давно неметенныхъ половъ, воюющимъ нельзя уже различить другъ друга, когда въ ходъ пойдутъ, кромѣ кулаковъ, деревянныя орудія, въ родѣ подпорокъ къ доскамъ, линеекъ и прочаго, случалось, что въ такую критическую минуту входилъ въ классъ смотритель или одинъ изъ учителей, какъ напримѣръ Данило Степановичъ. Въ пылу увлеченія и за страшной пылью, мы не видѣли ничего; мы продолжали борьбу, энергически выражая крики негодованія, торжества, побѣды или пораженія; мы не слышали какъ раздавался голосъ ошеломленнаго педагога—«Что это? что это за рѣзня?! а! такъ вотъ они чѣмъ занимаются... вотъ я васъ!.. Стой, разбойники!» и только громовой голосъ педагога галванически потрясалъ всю сражающуюся массу и всѣ каменѣли на мѣстѣ... Еще секунда—и всѣ разбѣгались по мѣстамъ, съ красными лицами, съ изорванными шубами, съ всклоченными волосами, съ дрожащими отъ усталости руками, съ глазами сверкающими отъ недавно одержанной побѣды, отъ оскорбленія и прочихъ волнующихъ человѣка чувствъ. Всѣ согрѣлись, всѣмъ стало тепло, только голосъ и грозная поза педагога бросаетъ героевъ въознобъ.

— Гавриловъ! лозы! кричитъ Данило Степановичъ,—и Гавриловъ несетъ чернобыльникъ, улыбаясь самодовольно, что пророчество его исполнилось.

И пошла переборка...

— Кто первый началъ? спрашиваетъ Данило Степановичъ, которому пыль не позволяетъ дышать свободно.

Молчаніе.

— Бери перваго съ краю, говоритъ Данило Степановичъ:—всѣхъ пересѣку.

И перваго съ краю тащили на средину класса.

— Кто началъ! Говори, признавайся.

— Мы грѣлись, отзывается дрожащій голосъ.

— Грѣлись?.. А, такъ я еще васъ погрѣю.

И дѣйствительно грѣлъ...

Такъ какъ опытъ нашъ доказалъ, что поголовныя ополченія класса на классъ почти всегда оканчивались трагически, то мы должны были искать болѣе скромныхъ и сообразныхъ мѣсту и времени согрѣваній своей плоти. Тогда устроивались одиночныя битвы, а когда битвы надоѣдали или нами овладѣвало миролюбивое настроеніе, тогда мы изыскивали новыя средства развлечь и согрѣть себя. Мы добывали огонь, какъ добываютъ его дикіе, при помощи тренія дерева объ дерево. Для этого мы брали оконныя подпорки и взявъ концы, терли объ столъ или скамейку. Столъ и подпорка отъ тренія разогрѣвались чуть не до огня и мы такимъ образомъ согрѣвались. Но зато въ классѣ распространялся смолистый запахъ горящаго дерева; и педагогъ, при входѣ въ классъ, тотчасъ слышалъ, чѣмъ занимались мы. Онъ осматривалъ столы и подпорки, находилъ ихъ потертыми, отыскивалъ виновныхъ и снова грѣлъ ихъ.

Послѣ подобныхъ операцій казакъ Гавриловъ, нашъ училищный сторожъ, скромно являлся въ классъ и, нюхая табачокъ изъ тавлинки, обращался большею частію къ Конину:

— Не лучше ли топить два раза въ день, а то у васъ, кажись, студено.

— Убирайся, старый! теперь тепло.

— А признаться-таки, этотъ Данило Степановичъ черезчуръ горячъ... Шутка ли?

— Дай-ка, Гавриловъ, лучше табачку понюхать.

— Извольте, сударь... За что жъ это онъ горячился?

— Да мы сражались со вторымъ классомъ.

— Вотъ ужь видно что не военный этотъ Данило Степановичъ. За что дѣтей пересѣкъ? — за то, что пріучались съ невѣрными драться.

— Мы весь второй классъ разбили, Гавриловъ, стали ужъ въ плѣнъ брать—онъ и нагрянулъ.

— Ну вотъ поди ты, за что наказываетъ... Дѣти все военные, всѣ служить будете—такъ отчего жъ не пріучаться заранѣе.

— Да мы, Гавриловъ, и пріучаемся.

— Сѣкутъ только васъ за это; ну да что жъ?—дѣло военное: побьютъ и помилуютъ... А вы вотъ что, баринъ,—дѣлайте, чтобъ Данило Степановичъ не сердился.

— А что?

— Да вотъ что: какъ онъ въ классъ, вы и прочитайте себѣ тихонько псаломъ—«живый въ помощи вышняго». Какъ шелковый будетъ.

— Ну да! говори! перебилъ его братъ Петруша: — вотъ Баевъ всегда его читаетъ и «Сонъ богородицы» у него всегда на крестѣ, а его бьютъ какъ собаку.

— Значитъ несмысленно читаетъ, безъ сокрушенія сердца.

— Какое сокрушеніе! Его и высѣкутъ, такъ онъ не сокрушается.

— Зато я зубы грѣшниковъ сокрушаю, грубо отозвался Баевъ изъ угла.

— А я твое рыло наполню поруганіемъ, заносчиво крикнулъ Петруша.

— А я ему голени и ребра переломаю, прибавилъ старшій Конинъ.

— Будетъ вамъ ссориться, перебилъ Гавриловъ:—поди смотритель сейчасъ придетъ.

Но смотритель не приходилъ, потому что онъ являлся къ намъ только въ торжественныхъ случаяхъ, когда необходимо было присутствіе его важной особы. Къ торжественнымъ случаямъ принадлежало между прочимъ то обстоятельство, когда мы чѣмъ-либо оскорбляли его кухарку, и смотрителю самому предстояла необходимость дѣлать разбирательство, по поводу нашихъ демонстрацій. Смотрителева кухарка была не послѣднею личностью въ заведеніи, гдѣ мы получали элементарное образованіе; она состояла на правахъ экономки, и даже хозяйки, потому что смотритель, какъ человѣкъ уже пожилой и неимѣвшій жены, нуждался въ помощницѣ. Она была изъ русскихъ, баба гнуснаго вида и отчасти гнусившая, толстая, безобразная, но въ то же время украшенная рѣдкими душевными качествами—кротости, сердоболіемъ, человѣколюбіемъ и глупостью, хотя послѣднее качество не составляетъ рѣдкости на землѣ. За эти-то качества, безъ сомнѣнія, и любилъ ее смотритель, хотя Конины и утверждали, вопреки всякому правдоподобію и здравому смыслу, что она была законная жена смотрителя, и что они повѣнчались тайно еще въ древнія времена. Такъ какъ баба эта была русская, а казаки вообще смотрятъ свысока на своихъ великорусскихъ братій, не только на лапотниковъ, неимѣющихъ ни фуражекъ съ красными околышками, ни эполетъ, но и на имѣющихъ сіи драгоцѣнности, то кухарку смотрителеву мы называли «мужичкой» и другого имени ей не было.

Все въ этой женщинѣ, начиная отъ наружности, приводило насъ въ изумленіе и невольно вызывало на демонстрацію; оригинальность ея наружности увеличивалась не мало оригинальностью ея костюма; смотрителева кухарка не ходила, по подобію прочихъ казачекъ, въ «кубелекѣ», а носила русскія платья, иногда сарафанъ; голова ея не была украшена, по казацкому обычаю, колпакомъ, которые носятъ всѣ извѣстнаго круга дончихи, и не повязывалась платкомъ, подъ горло, съ торчащими на темени концами въ видѣ роговъ, какъ это принято между простыми казачками; напротивъ—смотрителева кухарка повязывала голову порусски лодочкой... Сами посудите, какъ же было не демонстрировать намъ? Какъ же могли мы спокойно смотрѣть на странный костюмъ смотрителевой кухарки? Само собою разумѣется,—мы демонстрировали. Баевъ едва ли не больше всѣхъ былъ вооруженъ противъ кроткой кухарки, потому что взросъ въ закоренѣлыхъ ультра-казацкихъ принципахъ; Конины, какъ коренные донскіе помѣщики, а за ними и прочіе помѣщичьи и не помѣщичьи сынки, не могли не чувствовать, при видѣ смотрителевой кухарки, что это—фуй! что тутъ русью пахнетъ. Наши демонстраціи состояли въ томъ, напримѣръ, что Баевъ прятался за лѣстницу, когда проходила кухарка въ библіотеку звать смотрителя завтракать, и тихонько, но такъ, чтобъ кухарка слышала, шепталъ—«русачка!» Иногда мы показывали презрѣніе къ ея національности тѣмъ, что шумно проходили мимо нея и громко разсуждали о преимуществахъ донскихъ казаковъ передъ русскими. Мы были глубоко убѣждены, что въ Россіи никого нѣтъ, кромѣ мужиковъ въ лаптяхъ, купцовъ съ бородами и солдатъ съ свѣтлыми пуговицами, что если и есть тамъ люди знатные, съ большими чинами и съ жирными эполетами, такъ всѣ они выслужились изъ солдатъ или родители ихъ были солдатами, что русскіе никогда и не могутъ имѣть такихъ прекрасныхъ качествъ, какъ донскіе казаки, что все это люди довольно жалкіе и съ чувствомъ невыразимаго удивленія смотрящіе на донцовъ, единственныхъ людей на землѣ, оправдывающихъ назначеніе человѣка. Смотрителева кухарка служила такимъ образомъ олицетвореніемъ Россіи, и какъ была невзрачна, то какое же понятіе мы могли составить о Великороссіи? Бѣдная Россія... Назначеніе человѣка на землѣ, то есть донца—быть храбрымъ, и мы были храбры въ отношеніи смотрителевой кухарки. Наша храбрость доходила иногда до того, что мы пугали бѣдную женщину, когда она бывало несетъ тарелки по лѣстницѣ, такъ что тарелки

едва не выпадали изъ ея рукъ, и тогда только возмущалась ея голубиная кротость, она называла насъ разбойниками, и добавляла: «непремѣнно пожалуюсь смотрителю». Но она, кажется, никогда не жаловалась, и если смотритель когда-либо вступался за нее, такъ это въ такомъ только случаѣ, когда самъ подмѣчалъ наши шалости и ловилъ насъ на мѣстѣ преступленія, то есть—подъ лѣстницей. При этомъ и Баевъ, и Конины, и всѣ храбрые донцы теряли свое казацкое достоинство—храбрость и становились чисто русскими: ёжились, прятались другъ за друга, выдвигали впередъ дубовую фигуру Баева и готовы были сказать, что это, пожалуй, не мы были, а вѣроятно кухарку испугали кошки или собаки. Что касается лично до меня, то, по свойственной мнѣ трусости и отчасти потому что я не имѣлъ счастья вполнѣ принадлежать къ кровнымъ донцамъ, какъ Баевъ; я никогда почти не участвовалъ въ этихъ демонстраціяхъ, а если и попадалъ въ число скопщиковъ и заговорщиковъ, такъ развѣ потому, что мы всѣ находились вмѣстѣ, а если шелъ куда-нибудь цѣлый классъ, то нельзя же было оставаться одному,—и я шелъ съ прочими. Само собою разумѣется, что меня не находили подъ лѣстницей, а гдѣ-нибудь по сосѣдству, около лѣстницы.

До сихъ поръ я вращался, такъ сказать, около внѣшнихъ впечатлѣній дѣтскихъ лѣтъ, проведенныхъ мною въ казацкомъ училищѣ. Время между тѣмъ шло и шло. Проходилъ годъ, два, три, наконецъ прошелъ и четвертый годъ. Время не могло не задѣть меня своими старыми крыльями, которыми оно задѣваетъ всѣхъ безъ разбора, и не могло не смахнуть съ меня много дѣтскаго, хорошаго, поэтическаго, и взамѣнъ утраченнаго дать что-нибудь другое, чтобы по крайней мѣрѣ не жаль было потеряннаго. Обстоятельства также не могли не наложить руку на мой внутренній міръ, не помять въ немъ много хорошаго, чего не даютъ ни время, ни люди... Да,—и время и обстоятельства задѣвали меня; изъ мягкаго, податливаго матеріала гранили будущаго человѣка, учили думать среди дѣтскихъ игръ, заставляли плакать, когда плакать еще было не отъ чего...

Хотѣлось бы мнѣ припомнить эту внутреннюю жизнь въ возможномъ порядкѣ, прослѣдить этотъ ростъ ребенка среди самыхъ неблагопріятныхъ условій; но не знаю удастся ли припомнить такъ, какъ бы хотѣлось.

Попробую....

Д. Мордовцевъ.

ТОРГОВЛЯ БЕЗЪ ДЕНЕГЪ.

(СТАТЬЯ ВТОРАЯ).

«Деньги играютъ большую роль только въ глазахъ людей отсталыхъ.»

«Чѣмъ страна болѣе развита, тѣмъ менѣе нужны ей деньги».

Банкиръ *Исаакъ Перейра.*

Деньги—орудіе банкротства и нищеты.

Вопросы о торговлѣ, кредитѣ и банкахъ имѣютъ огромное значеніе въ экономической наукѣ; отъ разрѣшенія ихъ зависитъ не только участь народнаго хозяйства, но и гражданское развитіе обществъ, при ихъ постоянномъ стремленіи къ улучшенію своего состоянія. Не смотря, однако, на всю важность этихъ вопросовъ, они остаются до сихъ поръ не вполнѣ рѣшенными даже въ западной Европѣ; а у насъ въ Россіи, какъ обыкновенно выражаются: «они только еще подняты».

По окончаніи памятной крымской войны, когда тронулось крѣпостное право, у насъ стали громко обличать злоупотребленія разныхъ монополей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, проповѣдывать о благодѣяніяхъ свободной торговли, о чудесахъ кредита, о пользѣ учрежденія частныхъ банковъ и т. п. Наши благонамѣренные мыслители говорили: Россія выступила на широкій путь экономическаго развитія; она должна послѣдовать примѣру великой Англіи и объявить полную свободу заграничной торговли. Россія должна заманить къ себѣ иностранныхъ капиталистовъ, завести частные банки, организовать кредитъ по еврейски. Мы, русскіе, должны сдѣлать то-то; намъ русскимъ полезно то-то... Пожеланіямъ, совѣтамъ, проектамъ

не было конца. Наши мыслители, стараясь заявить свое сочувствіе и преданность «пробужденному» отечеству, конечно говорили и писали отъ избытка благонамѣренности. Къ сожалѣнію они забыли, что Россія рѣшительно не можетъ идти тѣмъ избитымъ путемъ экономическаго развитія, которымъ шли до сихъ поръ западныя государства. Мало того: они не обратили вниманія даже и на то, что сама Европа отказывается отъ своей экономической рутины и, желая слѣдовать по новому направленію, выбираетъ уже другіе пути для своего матеріальнаго развитія.

Намъ говорятъ о свободѣ торговли.

Само собою разумѣется, что торговля, какъ внутренняя, такъ и внѣшняя, должна быть свободна. Доказывать ея необходимость и пользу, значитъ празднословить.

Но тутъ невольно рождаются вопросы: почему же европейскіе народы, не исключая англичанъ, не хотятъ до сихъ поръ признать полной свободы внѣшней торговли и отказаться отъ таможенной системы? Почему эта система господствуетъ еще всюду, какъ триста лѣтъ тому назадъ, въ ненавистныя времена Филиппа II испанскаго? Какъ объяснить такое упорство и заблужденіе народовъ? Неужели, наконецъ, они не желаютъ собственнаго блага, если здравый смыслъ требуетъ полной свободы торговли.

На эти основательные вопросы болтливый экономистъ отвѣчаетъ: «Отвергать свободу международной торговли, т. е. иностранное соперничество, всегда казалось дѣломъ весьма естественнымъ и позволительнымъ. Интересы казны, алчный инстинктъ народовъ, взаимное ихъ недовѣріе и боязнь, зависть, ненависть, жажда мщенія и войны—вотъ что̀ должно было увлечь народы на подобное дѣло. Но природная находчивость и изворотливость человѣческаго ума, всегда способнаго найдти благовидный предлогъ для оправданія самыхъ гнусныхъ побужденій, разукрасило и увѣковѣчило запретительную систему». (Ch. Dunoyer).

И такъ родъ человѣческій думалъ до сихъ поръ о торговлѣ противно убѣжденіямъ экономиста; за это экономистъ считаетъ себя вправѣ, во имя своей науки, называть его чуть-чуть не породою пиратовъ и контрабандистовъ, вполнѣ достойныхъ всѣхъ золъ таможенной системы. Вотъ до чего можетъ довести фанатизмъ школы «laissez faire, laissez passer!»

Мы вполнѣ сочувствуемъ увлеченію поборниковъ свободной тор-

говли. Но при всемъ томъ надо помнить, что торговля, какъ взаимная договорная мѣна продавца съ покупателемъ, должна быть основана не на чувствѣ, болѣе или менѣе похвальномъ, а на строгой справедливости. Покупка должна быть равна продажѣ, привозъ заграничныхъ товаровъ долженъ быть равноцѣненъ съ вывозомъ домашнихъ; сколько берешь, столько и давай, не болѣе, не менѣе. Короче: взаимность и равенство отношеній — вотъ законъ торговли и общественной экономіи вообще. Этотъ законъ не допускаетъ, чтобы одна сторона теряла, а другая выигрывала. По чувству любви къ ближнему, каждый изъ насъ можетъ дать ему безвозмездно что угодно. Но, конечно, никто не станетъ утверждать, что торговля должна быть основана на такихъ началахъ; она требуетъ взаимности и равенства мѣны, т. е. *баланса*, говоря языкомъ торговли.

Для уравненія купли и продажи, привоза и вывоза, для сохраненія торговаго баланса въ международныхъ сношеніяхъ, каждое государство поддерживаетъ до сихъ поръ такъ называемую охранительную или таможенную систему. При этомъ не слѣдуетъ забывать что таможни и тарифы существуютъ не только для покровительства мануфактурной промышленности и народнаго труда, но главнымъ образомъ затѣмъ, чтобы помѣшать вывозу за границу золота и серебра. Пока эти металлы будутъ служить рычагомъ торговли, до тѣхъ поръ, разумѣется, нельзя ожидать, чтобы государства согласились снять таможни. Вывозъ золота не только наноситъ всегда громадный ущербъ внутренней торговлѣ и производитъ застой всѣхъ промышленныхъ дѣлъ, но и порождаетъ страшные финансовые кризисы. Та страна, которая въ заграничной торговлѣ приплачиваетъ свои деньги, терпитъ всегда убытокъ и дѣлается исподоволь данницей иностранныхъ капиталистовъ. Самые отчаянные англоманы сознаются въ этомъ. Какъ извѣстно, Англія всѣми силами ратуетъ теперь за свободу торговли которую торжественно объявила у себя въ 1845 году, при рукоплесканіи и радостныхъ кликахъ всѣхъ экономистовъ. Но вотъ что мы читаемъ въ *Annuaire de l'Economie politique* за этотъ же 1845 годъ:

«Торговый договоръ съ Китаемъ не оправдалъ разсчетовъ Англіи. Англичане начинаютъ серьёзно опасаться; вслѣдствіе нарушенія торговаго баланса къ огромной невыгодѣ небесной имперіи, *деньги стали до такой степени рѣдки* въ Китаѣ, что вести съ нимъ торговлю почти невозможно».

Экономистъ, сообщившій этотъ фактъ, вслѣдъ затѣмъ писалъ слѣдующее: «Китаю угрожаетъ участь Индіи. Происхожденіе англійскаго владычества въ этой обширной странѣ было послѣдствіемъ той ненавистной и гнусной политики, которая стремится *порабощать* и *эксплоатировать народы*».

Вотъ что̀ писалъ одинъ изъ самыхъ отчаянныхъ поборниковъ свободной торговли, французскій экономистъ Теодоръ Фиксъ, смерть котораго до сихъ поръ оплакиваютъ его ученые собратья.

Изъ нашихъ экономистовъ болѣе всѣхъ проповѣдывалъ о свободѣ торговли и восхвалялъ безкорыстіе англичанъ—г. Ив. Горловъ. Совѣтуя намъ отдавать безбоязненно иностранцамъ наши деньги, взамѣнъ ихъ мануфактурныхъ издѣлій, этотъ ученый въ то же самое время увѣрялъ, что покупая заграничные товары на золото и серебро «*можно всегда подвергнуться потерямъ и убыткамъ*». Какъ объяснить подобное противорѣчіе? Впрочемъ, говоря правду, г. Горловъ проповѣдуетъ намъ не свое собственное убѣжденіе, а ученіе школы англійскихъ экономистовъ. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ ученыхъ, о которыхъ самъ основатель политической экономіи, англичачанинъ Мальтусъ, сказалъ слѣдующее:

«Есть люди, которые до такой степени привязываются къ такъ называемымъ правиламъ политической экономіи, что понимая даже всю ихъ практическую неумѣстность, тѣмъ не менѣе считаютъ неблагоразумнымъ упоминать о томъ, изъ боязни ослабить авторитетъ этихъ правилъ и поколебать къ нимъ довѣріе публики.

«Наконецъ, продолжаетъ Мальтусъ, находятся и такіе поклонники политической экономіи, которые полагаютъ, что ея теоріи подлежатъ самому широкому примѣненію на практикѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ заблужденія меркантильной системы были доказаны и, взамѣнъ ихъ, стали распространяться болѣе здравыя понятія, экономисты *увѣровали, что знаютъ все* и не нуждаются въ новыхъ изысканіяхъ. Вотъ почему, довольные своимъ знаніемъ, они подозрительно смотрятъ на каждую новую мысль». (*Malthus. Principes d'Econ. pol. Introd. trad. par Constancio*).

Любопытно знать къ числу какихъ господъ причисляетъ себя г. Горловъ: къ тѣмъ ли, которые поклоняются авторитетамъ, или которые слѣпо вѣруютъ, что знаютъ все и не хотятъ знать болѣе ничего?!

Меркантильная система подвергалась самымъ жестокимъ нападені-

ямъ со стороны экономистовъ-англомановъ. Бдительные стражи всѣхъ монополей, эти господа страшно возстали противъ монополя торговли и торговаго баланса. Тутъ-то и обнаружилась ихъ софистика и вся односторонность воззрѣнія на торговлю. Конечно, меркантильная система, какъ мы уже говорили неоднократно, падаетъ подъ ударами критики и требуетъ отрицанія. Но отрицать эту систему, значитъ отрицать и ученіе англомановъ о свободѣ торговли, потому что они убѣждены, вмѣстѣ съ меркантилистами, въ томъ, что торговля, кредитъ и банки постоянно нуждаются въ деньгахъ и не могутъ безъ нихъ обойдтись.

Въ нашей первой статьѣ «Деньги и Торговля» мы выставили на видъ поразительное сходство меркантильной системы и ученія о свободѣ торговли. Мы доказали, что снять таможни и объявить безпошлинный привозъ иностранныхъ товаровъ вовсе еще не значитъ освободить торговлю. Ее держитъ въ рабствѣ не таможенная, а кредитная система банковъ. Торговля и промышленность до сихъ поръ нуждаются въ деньгахъ и въ услугахъ банка, который въ свою очередь, нуждается въ деньгахъ самъ. Поэтому, чѣмъ болѣе денегъ требуютъ отъ банка торговля и промышленность, тѣмъ менѣе можетъ онъ ихъ дать. Это доказано было нами самыми положительными фактами. Деньги, деньги — вотъ зло торговли и всей общественной экономіи вообще! Постоянно возрастающія нужды промышленности, настоятельная потребность истребить лихоимство, установить правильность обращенія, облегчить торговыя сдѣлки, разрѣшить задачу продовольствія и экономической солидарности, положить конецъ финансовымъ, торговымъ и промышленнымъ кризисамъ — все это вызываетъ необходимость уничтожить царство денегъ и обратить золото и серебро въ простой товаръ. Мы говоримъ — владычеству денегъ долженъ бытч конецъ; отсталые экономисты думаютъ иначе, это правда; но они не должны забывать, что ихъ наука нуждается въ самоотрицаніи, чтобы добраться до истины. Такъ рѣшилъ нѣмецкій экономистъ, Вильгельмъ Рошеръ.

Люди постоянно нуждались въ деньгахъ. Эта нужда — единственно-достовѣрная исторія всѣхъ народовъ. Мы жалуемся теперь на безденежье; въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Когда мы перестанемъ нуждаться въ деньгахъ, и онѣ намъ будутъ вовсе ненужны, тогда и разбогатѣемъ.

Что было прежде, того не будетъ послѣ; таковъ законъ прогрес-

са. Деньги играли прежде большую роль въ общественной экономіи; теперь умѣютъ уже отчасти обходиться и безъ нихъ, посредствомъ разныхъ кредитныхъ сдѣлокъ; настанетъ скоро время, когда деньги наконецъ, совершенно исчезнутъ изъ употребленія. Подъ словомъ деньги мы, конечно, разумѣемъ звонкую монету, золотую и серебряную; банковые и другіе кредитные билеты вовсе не деньги, а только денежные знаки, которые служатъ представителями настоящихъ денегъ. Это различіе чрезвычайно важно — и его не слѣдуетъ никогда упускать изъ вида.

Французскій банкиръ Исаакъ Перейра, основатель «Общества движимаго кредита», говоритъ слѣдующее:

«Цѣль банковыхъ учрежденій заключается въ томъ, чтобы упростить мѣну и вывести изъ употребленія звонкую монету, это варварское орудіе торговли.

«Чѣмъ болѣе страна дѣлаетъ успѣховъ въ промышленности, тѣмъ менѣе ей нужно денегъ. Самыя значительныя дѣла совершаются теперь письменно, безъ употребленія денегъ, посредствомъ переводовъ и уравненія счетовъ (virements des parties).

«Деньги играютъ большую роль только въ глазахъ людей отсталыхъ».

Такую мысль высказалъ извѣстный въ Европѣ банкиръ, человѣкъ практическій, который понимаетъ смыслъ и направленіе экономическаго развитія, конечно, лучше простого купца или кабинетнаго экономиста, который преклоняется передъ рутиной. По понятіямъ такихъ людей, царство денегъ должно быть вѣчно. Что было прежде, то будетъ и послѣ; такова ихъ логика.

Деньги — символъ богатства, счастія и славы; деньги — рычагъ торговли, основаніе кредита, необходимый фондъ банка и могучій двигатель всѣхъ промышленныхъ дѣлъ. Такъ говорятъ обожатели золотого тельца. Такъ ли это? Должно быть такъ непремѣнно? Неужели рутина будетъ царствовать вѣчно? Вотъ вопросы, на которые приходится отвѣчать въ настоящую пору экономическаго кризиса.

И такъ — почему, въ самомъ дѣлѣ, звонкая монета, то есть настоящія деньги распоряжаются ходомъ всей торговли и служатъ непремѣннымъ посредникомъ всякой мѣны? На чемъ основано это право?

Экономисты имѣютъ притязаніе разрѣшать всѣ вопросы общественной экономіи. Но стоитъ только коснуться вопроса о значеніи

денегъ, они, по своей привычкѣ, тотчасъ же бросаются за предѣлы научнаго изслѣдованія, начинаютъ хвататься то за исторію, то за механику и физику, и поговоривъ обо всемъ, ни на что не дадутъ положительнаго отвѣта. Экономисты говорятъ: «драгоцѣнные металлы, по своей рѣдкости, твердости, нечувствительной порчѣ и прочимъ качествамъ, придаютъ монетѣ такія удобства, которыхъ нельзя найдти въ подобной степени въ другихъ товарахъ... Короче, вмѣсто отвѣта на заданный вопросъ, экономисты разсуждаютъ объ искусствѣ. Они хорошо умѣютъ доказывать почему золото и серебро удобны для выдѣлки монеты, но вовсе не говорятъ на какомъ основаніи эти металлы получили исключительную привилегію быть посредниками и двигателями торговли. Нѣтъ! звонкая монета отличается вовсе не своими механическими свойствами, а тѣмъ, что имѣетъ *общественное мѣновое значеніе* и принимается охотно при всякой уплатѣ.

Каждый знаетъ, что звонкая монета чеканится на монетномъ дворѣ. Тамъ опредѣляютъ сперва вѣсъ и пробу слитковъ золота и серебра, а затѣмъ придаютъ имъ опредѣленную форму, т. е. обращаютъ въ монету и выбиваютъ на ней государственную печать. Чеканка монеты — ничто иное, какъ удостовѣреніе и ручательство въ томъ, что количество металла, изъ котораго она сдѣлана, имѣетъ опредѣленную пробу и надлежащій вѣсъ. Это удостовѣреніе даетъ монетѣ право свободно обращаться и дѣлаетъ ее всеобщимъ товаромъ, который принимается всѣми охотно, какъ посредникъ, въ каждой торговой сдѣлкѣ. Короче, чеканка придаетъ монетѣ общественное мѣновое значеніе. Если бы золото и серебро не обращались въ монету, не чеканились, если бы самая монета не имѣла опредѣленной пробы, извѣстнаго вѣса или государственной печати, то она была бы тогда не монетой, а товаромъ, хотя и цѣннымъ, но тѣмъ не менѣе товаромъ, который бы утратилъ свое мѣновое значеніе. Тогда въ каждой торговой сдѣлкѣ, при каждомъ разсчетѣ, нужно было бы опредѣлять цѣнность, пробу и вѣсъ слитковъ золота и серебра; а это потребовало бы значительной потери времени и чрезвычайно затруднило бы самую мѣну. И такъ — свободное обращеніе звонкой монеты и экономическое ея значеніе, какъ посредника торговли, основано главнымъ образомъ вовсе не на качествѣ драгоцѣнныхъ металловъ, не на ихъ твердости, нечувствительной порчѣ или полезности, а на томъ, что, благодаря вмѣшательству государственной

власти, она получила общественное значенiе и сдѣлалась владыкою рынка. Отчеканенная монета—это безъименный, безсрочный вексель, выдаваемый на имя всѣхъ и каждаго, за общею, круговою порукою; такой вексель, конечно, можетъ свободно обращаться и каждый безбоязненно, съ готовностью принимаетъ его.

Банкиръ Перейра сказалъ, что звонкая монета—самое варварское орудiе мѣны, которое слѣдуетъ вывести изъ употребленiя. Это замѣчанiе вполнѣ основательно. Дѣйствительно, что̀ такое звонкая монета? какое ея назначенiе? звонкая монета (или деньги) чеканится изъ золота и серебра; эти металлы добываются трудомъ, какъ всякiй товаръ вообще. На этомъ основанiи экономисты и называютъ деньги—товаромъ, произведенiемъ труда.

Все, что писали ученые о деньгахъ, можно сравнить только съ тѣми похвальными рѣчами и напыщенными некрологами, которые по обыкновенiю произносятъ на могилѣ покойника почтительные его родственники. Мы сказали, что царству денегъ близится конецъ. Можетъ быть сами экономисты и заготовили свои некрологи на этотъ случай!

«Товары мѣняются на товары и каждое произведенiе труда можетъ служить *монетою»*. Эту истину доказали сами экономисты. Почему же, спрашивается, драгоцѣнные металлы присвоили себѣ исключительное, господское право быть посредниками мѣны? почему эти товары сдѣлались привилегированною монетою и, подъ названiемъ денегъ, подчиняютъ себѣ всѣ остальныя произведенiя труда, оцѣниваютъ ихъ и, безъ своего разрѣшенiя, не позволяютъ свободно обращаться? Какъ объяснить эту монополь?

Звонкая монета, сказали мы, получила вслѣдствiе чеканки, значенiе общественнаго векселя, который безпрепятственно обращается всюду и принимается при каждой покупкѣ и продажѣ. Поэтому, если бы каждое произведенiе труда, всякiй товаръ обратить въ подобный вексель, за общею, круговою порукою продавцовъ и покупателей, тогда монополь звонкой монеты былъ бы уничтоженъ окончательно и она сдѣлалась бы простымъ товаромъ, наравнѣ съ прочими. Каждому болѣе или менѣе извѣстно употребленiе *частнаго*, торговаго векселя. Онъ выдается съ одного мѣста на другое; на немъ обозначаются: годъ, мѣсяцъ, число, а также сумма, которую нужно уплатить, имя плательщика, время и мѣсто уплаты, цѣнность (валюта), выданная *товарами*. Вексель уплачивается самимъ

вексeлeдатeлeмъ, или третьимъ лицомъ по *его приказу*. Такимъ образомъ вексель дается, принимается, переводится и до срока платежа можетъ удобно ходить по рукамъ. Чѣмъ болѣе на немъ передаточныхъ подписей, чѣмъ онъ надежнѣе, потому что въ платежѣ ручаются всѣ тѣ, кто его принималъ. Это начало взаимности и круговой поруки дѣлаетъ вексель самымъ дѣйствительнымъ, полезнымъ и употребительнымъ посредникомъ торговыхъ сдѣлокъ. Употребленіе его извѣстно уже давно и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе развивается и обобщается до такой степени, что звонкая монета и банковые билеты дѣлаются совершенно безполезными. Мало того: въ настоящее время частный вексель ходитъ иногда наравнѣ съ деньгами и принимается даже охотнѣе ихъ. Что же, спрашивается, мѣшаетъ ему сдѣлаться настоящею монетою и замѣнить совершенно металлическія деньги?

Недостатки частнаго торговаго векселя, который теперь употребляется, чисто форменныя и устранить ихъ очень легко. Торговый вексель, какъ мы уже сказали, есть письменный договоръ, по которому одно лицо обязуется заплатить другому или третьему лицу въ извѣстный срокъ и въ назначенномъ мѣстѣ опредѣленную сумму товарами или деньгами; на векселѣ обозначается, притомъ, что эта сумма получена сполна самимъ векселедателемъ. Такова форма, въ которую облекается простой частный вексель. Отсюда видно, что вексельный договоръ предполагаетъ—1) добровольное соглашеніе двухъ лицъ; 2) обѣщаніе дающаго вексель уплатить по немъ въ срокъ, и 3) довѣріе принимающаго вексель. Такимъ образомъ *простой* вексель нечто иное, какъ кредитная сдѣлка, основанная на личномъ довѣріи заимодавца къ своему должнику. Понятно, что вексель въ такой формѣ имѣетъ цѣну только для самого кредитора, какъ долговая росписка, по которой онъ можетъ получить свой долгъ, если должникъ пожелаетъ заплатить въ назначенный срокъ. Но если до истеченія срока платежа, обладатель векселя передаетъ его другому лицу, то въ такомъ случаѣ вексель принимаетъ названіе *переводнаго*. Въ этой новой формѣ онъ получаетъ уже совершенно иное значеніе и дѣлается изъ простого письменнаго документа орудіемъ мѣны, точно такъ же, какъ деньги. Дѣйствительно, пока вексель остается въ рукахъ кредитора до истеченія срока, до тѣхъ поръ онъ не замѣняетъ еще звонкой монеты. Но если кредиторъ, дѣлаясь самъ должникомъ, передаетъ свой вексель новому лицу съ правомъ предъя-

вить его къ платежу, то при этомъ вексель уже играетъ роль настоящихъ денегъ. Передача векселя изъ рукъ въ руки совершается, какъ извѣстно, простою надписью передатчика (индоссанта), который обязуется уплатить означенную на векселѣ сумму, если первый векселедатель не захочетъ или будетъ не въ состояніи выполнить свое обязательство. Такимъ образомъ, по мѣрѣ увеличенія числа передаточныхъ надписей, возрастаетъ благонадежность векселя и его мѣновое значеніе. Поэтому, еслибы на немъ была надпись цѣлаго общества, то онъ получилъ бы совершеннѣйшую форму и обратился бы въ настоящую ходячую монету. Такая форма была бы выраженіемъ экономической солидарности, круговой поруки и взаимнаго застрахованія отъ банкротства. Вексель *простой* даетъ надежду кредитору на полученіе долга съ векселедателя. Предъявитель векселя *переводнаго* уже болѣе или менѣе увѣренъ въ состоятельности надписателей. Изъ этого видно, что уплата по векселю, облегченному въ ту или другую форму, основана на теоріи вѣроятности, которая то уменьшается, то увеличивается, соразмѣрно числу плательщиковъ.

При настоящихъ даже условіяхъ торговли, вексель, выданный извѣстнымъ купцомъ, можно принять безъ опасенія и держать пари 2 противъ 1, что онъ будетъ оплаченъ въ срокъ. Тотъ же самый вексель, если на немъ находится надпись другого извѣстнаго купца, представитъ еще болѣе обезпеченія, и вѣроятность платежа увеличится вчетверо. Когда же вексель будетъ имѣть три, четыре, пять и болѣе передаточныхъ надписей, то смѣло можно держать пари—8, 16, 32 противъ 1, что три, четыре, пять... такихъ купцовъ не обанкротятся всѣ вдругъ, въ одинъ и тотъ же день. Изъ этого слѣдуетъ, что вѣроятность платежа по купеческимъ векселямъ можетъ возрастать въ геометрической прогрессіи относительно числа надписателей. Такой разсчетъ, по нашему мнѣнію, совершенно основателенъ. Но какова должна быть благонадежность векселя, когда въ уплатѣ его будутъ ручаться тысячи, сотни тысячъ болѣе и менѣе извѣстныхъ обществу надписателей, которые связаны другъ съ другомъ общими интересами и желаютъ сохранить свое честное имя?!

Мы описали двѣ употребительныя теперь формы векселей и ихъ значеніе. При этомъ мы обратили вниманіе читателя на то, что вексель переводный, по своей формѣ, гораздо совершеннѣе простого, потому что онъ замѣняетъ, во многихъ случаяхъ, настоящія деньги и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выражаетъ плодотворный принципъ взаимнаго ру-

чательства должниковъ и кредиторовъ. Когда заимодавецъ, не ожидая срока уплаты долга по векселю, передалъ его другому и поручился за себя и за своего должника, съ той самой минуты задача взаимности, солидарности и круговой поруки была рѣшена, и человѣкъ пересталъ быть врагомъ человѣка. Теперь остается только развить, обобщить эти начала, сдѣлать изъ частнаго случая общее правило и возвести его въ законъ экономическихъ отношенiй всѣхъ людей, живущихъ въ обществѣ. Каждый изъ насъ бываетъ должникомъ и кредиторомъ, каждый даетъ и получаетъ, всѣ мы нуждаемся другъ въ другѣ—и потому всѣ должны помогать другъ другу, ручаться другъ за друга и взаимно страховать себя отъ нищеты и банкротства. Того требуетъ правда, нашъ личный интересъ и смыслъ самаго общества. Безъ взаимности, солидарности, круговой поруки всѣхъ за каждаго—нѣтъ и быть не можетъ общественной жизни.

Употребленiе векселей, какъ мы уже замѣчали, распространяется со дня на день. Довѣряйтесь, ручайтесь другъ за друга, — таковъ нравственный смыслъ векселя, который ходитъ по рукамъ съ передаточными надписями и замѣняетъ собою настоящiя деньги, этотъ символъ эгоизма и взаимнаго отчужденiя. Но если переводные векселя и обращаются въ настоящее время довольно свободно въ торговомъ мiрѣ, то все-таки они далеко не совершенны по своей формѣ, потому что подлежатъ *денежному учету*. Этотъ оброкъ ставитъ вексель въ крѣпостную зависимость отъ денегъ, которыя, пользуясь господскимъ правомъ, безъ своего разрѣшенiя не позволяютъ ему обращаться и тѣмъ унижаютъ его значенiе. По этому избавить вексель отъ подобнаго рабства—значитъ придать ему новую, совершенную форму и сдѣлать настоящимъ посредникомъ торговыхъ сдѣлокъ. Другими словами — вся задача заключается въ томъ, чтобы изъ *частнаго* векселя сдѣлать *общественный*, ручательство нѣсколькихъ лицъ замѣнить общею круговою порукою. Почему частный вексель имѣетъ теперь такой ограниченный кругъ обращенiя? Почему ему все-таки предпочитаютъ звонкую монету? Причина такого предпочтенiя очевидна. Отчеканенная монета, какъ было сказано нами, представляетъ собою вексель безсрочный и безъимянный; онъ выдается на имя всѣхъ и каждаго и на немъ находится общественная надпись, въ видѣ государственной печати. Поэтому если бы взамѣнъ каждаго частнаго векселя, на которомъ обозначаются разныя подробности (какъ-то: годъ, мѣсяцъ, число, имена векселедателя и надписателей, срокъ

платежа, время и мѣсто уплаты и, наконецъ, цѣнность въ деньгахъ), выдавать вексель *безсрочный*, *безъименный*, освобожденный отъ размѣна на звонкую монету, тогда золото и серебро обратились бы въ простой товаръ и чеканить изъ нихъ монету было бы неумѣстно и безполезно.

Положимъ, что составилось бы общество изъ 5, 10, 15 тысячь купцовъ, фабрикантовъ, промышленниковъ, которые, не собирая капитала, не составляя фонда, согласились бы только принимать другъ отъ друга векселя съ двумя надписями и другія срочныя обязательства. Положимъ, что при этомъ, для упрощенія своихъ мѣновыхъ сдѣлокъ, они основали общественный *безденежный* банкъ, который, принимая подъ залогъ частные векселя и торговыя бумаги вообще, выпускалъ бы взамѣнъ ихъ безъименные, безсрочные билеты за своею печатью и съ вычетомъ страховой преміи отъ $1/2$ до $^0/_0$. Положимъ, наконецъ, что, при такомъ взаимномъ застрахованіи отъ банкротства и раззоренія, всѣ члены этого общества условились бы продавать другъ другу свои товары *по настоящей цѣнѣ* съ ручательствомъ въ ихъ доброкачественности.

Неужели намъ возразятъ, что основаніе общественнаго банка на такихъ началахъ взаимности и круговой поруки невозможно и безполезно, особенно въ настоящую пору, когда у насъ всѣ жалуются на безденежье и дороговизну? — Не думаемъ. Теперь безденежье пугаетъ насъ; мы жадно бережемъ добытыя деньги, заботливо прячемъ ихъ отъ завистливыхъ глазъ, избѣгая взаимности услугъ и не довѣряя другъ другу. У насъ мало денегъ; что дѣлать? спрашиваютъ всѣ. «Беречь, копить ихъ, отдавать въ ростъ, подъ вѣрный залогъ». Такъ говорятъ отсталые запуганные люди. Мы нуждаемся въ деньгахъ; эта нужда заставитъ насъ обходиться и безъ нихъ. Опытъ и нужда всему научитъ. Такъ говоритъ здравый смыслъ.

Деньги—зло торговли; онѣ порождаютъ застой всѣхъ промышленныхъ дѣлъ, поселяютъ всюду недовѣріе, страхъ и алчность. Деньги—причина постоянной борьбы между капиталистами, банкирами съ одной стороны, и промышленниками, купцами и фабрикантами съ другой. При безденежьи всѣ невыгоды на сторонѣ послѣднихъ, потому что недостатокъ денегъ возвышаетъ проценты, затрудняетъ кредитныя сдѣлки, сокращаетъ работы, производитъ общую дороговизну, уменьшаетъ сбытъ товаровъ, раззоряетъ купцовъ, фабрикантовъ и отнимаетъ у рабочихъ насущный кусокъ хлѣба. При безденежьи фа-

брикантъ и заводчикъ, покупая сами матеріалы по дорогой цѣнѣ и не получая заказовъ, сокращаютъ производство, отказываютъ рабочимъ и уменьшаютъ задѣльную плату тѣмъ изъ нихъ, которыхъ оставляютъ. При безденежьи,—купецъ возвышаетъ цѣны на свои товары, потому что самъ покупаетъ ихъ дорого, не увѣренъ въ сбытѣ и притомъ знаетъ, что никто въ такую пору не станетъ продавать ему дешево. Рѣшаются на этотъ подвигъ только тѣ, кому угрожаетъ банкротство, конечное раззореніе, когда волей неволею приходится распродавать товары, для удовлетворенія кредиторовъ.

Справедливость требуетъ, чтобы товары и всѣ произведенія труда продавались по настоящей цѣнѣ. экономическая Аксіома — *каждое произведеніе должно стоить то, во что обходится его производство*—вотъ законъ торговли. Но какъ, спрашивается, исполнить этотъ законъ, когда товары мѣняются *на деньги?* Тутъ представляется только одно средство: имѣть такой запасъ звонкой монеты, чтобы никакой запросъ не могъ истощить его, а каждый покупатель имѣлъ бы возможность расплачиваться всегда наличными деньгами. Но развѣ подобное средство возможно? Кто не знаетъ, что въ каждой странѣ сумма наличныхъ денегъ совершенно ничтожна сравнительно съ тою массою товаровъ и вещей, которые приготовляются для удовлетворенія разнообразныхъ потребностей людей. Во Франціи, напримѣръ, одни сапожники производятъ ежегодно на сумму въ 10 разъ болѣе, чѣмъ всѣ золотые и серебряные рудники Бразиліи, Перу и Мексики. Развѣ, при такомъ развитіи производства, можно покупать на наличныя деньги? Гдѣ ихъ взять? Промышленность и торговля все болѣе и болѣе развиваются, наши потребности растутъ не по днямъ, а по часамъ, быстрота сбыта товаровъ ускоряется вслѣдствіе усиленія запроса, но количество денегъ, необходимыхъ для торговыхъ сдѣлокъ, не только не увеличивается, а постоянно уменьшается. Это фактъ замѣчательный.

По вычисленіямъ экономистовъ и всѣмъ официальнымъ даннымъ оказывается, что сумма наличныхъ денегъ, которыя употребляетъ Англія для своихъ торговыхъ сдѣлокъ, не превышаетъ 750 милльоновъ. Франція нуждается въ звонкой монетѣ гораздо болѣе; денежный ея капиталъ оцѣнивается въ $3\,^1/_2$ милльярда. Другими словами промышленность и торговля Франціи требуютъ наличныхъ денегъ вчетверо болѣе Англіи, хотя и достигаютъ меньшихъ результатовъ. (Ch. Coquelin). Этотъ фактъ какъ нельзя лучше подтверждаетъ афоризмъ

Исаака Перейры—«чѣмъ страна болѣе развита, тѣмъ менѣе нужны ей деньги».

На всемъ земномъ шарѣ добывается ежегодно золота и серебра на сумму 500 милльоновъ рублей. Спрашивается: что значитъ это количество въ сравненіи съ цѣнностью годового производства даже двухъ такихъ государствъ, какъ Англія и Франція?! Развѣ послѣ этого золото и серебро, эта ничтожная часть общественнаго богатства, могутъ еще играть на всемірномъ рынкѣ прежнюю свою роль владыки и распорядителя труда и торговли? Нѣтъ! царству ихъ насталъ конецъ..

Вотъ что говорилъ, между прочимъ, знаменитый Александръ Гумбольдтъ: «Золото и серебро, которыя втеченіе вѣковъ привозились въ Европу изъ южной Азіи, Африки и Америки, въ настоящее время вывозятся обратно въ тѣ страны, которыя начинаютъ въ нихъ нуждаться, подобно Европѣ въ первомъ періодѣ ея цивилизаціи. Вслѣдствіе этого является уже необходимость изобрѣсть новыя средства кредита, *которыя вознаградили бы насъ за недостатокъ денегъ*».

Послѣ этого каждый пойметъ, конечно, что нужда въ деньгахъ и жалоба на безденежье — очевидный признакъ неразвитости страны и ея отсталости. Пока существовало рабство и крѣпостное право, пока поземельная собственность и трудъ раба составляли основу экономической жизни народовъ, пока, наконецъ, не было ни раздѣленія занятій, ни фабричной и заводской промышленности, до тѣхъ поръ деньги играли большую роль. *То было золотое время.* Ничтожная производительность, ограниченность торговыхъ сношеній, отсутствіе обеспеченія и взаимнаго довѣрія, опасеніе потерять недвижимую собственность, по причинѣ частыхъ войнъ, насилія и грабежа,—все это заставляло людей копить, беречь деньги, какъ самое надежное богатство, которое легче и удобнѣе спасти въ минуту опасности. Евреи ранѣе всѣхъ поняли значеніе денегъ и болѣе всѣхъ цѣнили ихъ, собирали, копили и отдавали въ ростъ. Кто не знаетъ плачевной исторіи этого племени, которое, блуждая въ пустынѣ, еще во времена Моисея, обожало золотого тельца. Затѣмъ непрерывные набѣги сосѣдей, долгое рабство и плѣнъ, изгнаніе и скитальчество, общее презрѣніе и гоненіе, конечно, заставило евреевъ искать спасенія въ деньгахъ—и деньги спасали ихъ всегда. Можно сказать положительно, что если еврейское племя уцѣлѣло до сихъ поръ и сохранило живучесть, не смотря на всѣ испытанія, то этимъ оно обязано деньгамъ, единственно деньгамъ. Филистимляне, аммонитяне, вавилоня-

не, персы, греки, римляне, короче—всѣ древнiе враги и гонители евреевъ давно уже вымерли и исчезли съ лица земли, потому что не поняли, не оцѣнили въ свое время — что такое деньги и какая въ нихъ таится сила. «Деньги — талисманъ нашъ; да сохранитъ онъ насъ отъ огня, меча и погибели» сказали евреи, и съ этою вѣрою бодро вступили въ борьбу со своими врагами и вышли изъ нея побѣдителями. Теперь евреи—первые капиталисты и банкиры; они владѣютъ громадными богатствами и имѣютъ большое влiянiе на политику, финансы и экономическое состоянiе государствъ. Имена братьевъ Ротшильдъ, Исаака Перейры, Баруха Фульда, Миреса и множества другихъ банкировъ-евреевъ извѣстны всей Европѣ.

Нашъ ученый, г. В. Безобразовъ сказалъ: «Еврей — передовой человѣкъ въ дѣлѣ кредита». Какъ экономистъ, г. Безобразовъ совершенно правъ. Дѣйствительно, никто лучше евреевъ не понялъ смысла денежнаго кредита, правило котораго заключается въ томъ, что кредиторъ долженъ давать въ займы, а самъ въ долгъ не брать. Евреи всегда буквально исполняли это правило и передавали его изъ рода въ родъ. «Давай въ займы чужеземцу, а самъ въ кредитъ не бери, — и ты будешь властвовать надъ народами, и тебя никто не побѣдитъ». Таковъ еврейскiй законъ.

Подъ владычествомъ золота, кредитъ есть ссуда денегъ подъ вѣрный залогъ и за проценты, простые или сложные. Въ концѣ прошлаго вѣка англичанинъ Прайсъ высчиталъ, что 2 ½ коп. сер., отданныя въ ростъ на сложные проценты въ первый годъ по Р. Х., образовали бы въ 1772 году такую необъятную груду золота, которая равнялась бы 150 *миллiонамъ* шаровъ, каждый величиною съ нашу землю. Эта арифметическая выкладка, кажется, даетъ ясное понятiе о могуществѣ денежнаго кредита. Къ сожалѣнiю мы, русскiе, не умѣемъ сообразить, подобно евреямъ и англичанамъ, какая сила таится въ деньгахъ и кредитѣ. Мы вывозимъ преспокойно наше золото за границу, вовсе не подозрѣвая, что, при умѣньи пользоваться имъ, намъ можно бы легко разбогатѣть, сдѣлаться владыками мiра и смирить гордую Англiю. Въ первой нашей статьѣ «Деньги и Торговля» мы показали, почему, слѣдуя сама неуклонно меркантильной системѣ, Англiя ратуетъ всюду за свободу торговли и желаетъ, чтобы остальныя государства сняли свои таможни. Деньги, деньги нужны англичанамъ; пора намъ разгадать ихъ тайну. Пока презрѣнные, драгоцѣнные металлы будутъ владычествовать на всемiрномъ рынкѣ, до тѣхъ поръ

Англія — всемірный врагъ. Пусть каждый провѣритъ наше мнѣніе, заглянувъ въ исторію.

Деньги управляютъ ходомъ всей торговли и промышленности и вообще имѣютъ громадное вліяніе на политическое, гражданское и экономическое состояніе народовъ. Съ конца XVII вѣка деньги стали стекаться въ банки и другія кредитныя учрежденія. Французскій еврей и банкиръ Исаакъ Перейра, какъ мы мы уже упомянули, высказалъ ту мысль, что «цѣль банкирскихъ операцій заключается въ томъ, чтобы вывести изъ употребленія звонкую монету, это варварское орудіе мѣны». Эта мысль потверждается фактами. Дѣйствительно, каждый банкъ, закладывая своей денежный фондъ въ звонкой монетѣ и въ слиткахъ золота и серебра, всегда старался привлекать къ себѣ подобные заклады отъ частныхъ лицъ и вынимать изъ обращенія металическія деньги. Иначе, впрочемъ, и быть не можетъ. Извѣстный сторикъ и экономистъ Симондъ де Сисмонди основательно сказалъ: «банкиръ, собирая деньги, чувствуетъ, что сосредоточиваетъ въ своихъ сундукахъ могущество и власть».

Но если банки извлекали изъ обращенія звонкую монету, *какъ варварское орудіе торговли»*, то спрашивается: что же они давали взамѣнъ ее? Конечно вкладчики не даромъ же несли въ банкъ свое золото! Какую же придумали монету, вмѣсто настоящихъ денегъ? Взамѣнъ драгоцѣнныхъ металловъ, банки стали давать *бумагу*. На какомъ основаніи? Неужели бумага можетъ быть деньгами? Что отвѣчали на эти вопросы сами банкиры, люди теоріи и практики?

Англійскій еврей, банкиръ и экономистъ Давидъ Рикардо сказалъ: «*бумага*—совершенный видъ монеты».

Исаакъ Перейра подтвердилъ: «*бумага* должна замѣнять собою деньги; того требуетъ экономическій прогрессъ».

Вотъ мнѣніе двухъ извѣстныхъ господъ, которые понимали что говорили. Можно смѣло сказать, что ихъ слова принимаются на вѣру даже въ мірѣ ученыхъ. Кто поклоняется авторитетамъ болѣе извѣстнымъ, чѣмъ Рикардо и Перейра, тому мы сообщаемъ мнѣніе знаменитаго Адама Смита, котораго экономисты совершенно неосновательно считаютъ отцомъ политической экономіи.

Адамъ Смитъ сказалъ: «Бумага употребляется вмѣсто золотой и серебряной монеты съ цѣлію замѣнить чрезвычайно дорогое орудіе торговли другимъ, которое стоитъ несравненно дешевле и, вмѣстѣ съ

тѣмъ, имѣетъ тѣ же удобства. Такимъ образомъ обращенiе совершается на колесѣ, выдѣлка и сохраненiе котораго гораздо выгоднѣе прежняго.

Бумага, въ самомъ дѣлѣ, лучше всего выполняетъ назначенiе монеты. Замѣняя собою настоящiя деньги, она представляетъ такiя достоинства, которыхъ вовсе нѣтъ въ драгоцѣнныхъ металлахъ, а именно: 1) считать и перевозить ее въ высшей степени удобно; 2) какъ матерiалъ для денегъ, бумага имѣетъ ничтожную цѣну, между тѣмъ какъ добыванiе и покупка золота и серебра обходятся очень дорого, и наконецъ, 3) въ бумагѣ никогда не можетъ быть недостатка и *запросъ на нее равенъ предложенiю.*

Это послѣднее обстоятельство особенно важно, а потому мы и обратили на него вниманiе.

Назначенiе монеты вообще состоитъ въ томъ, чтобы служить орудiемъ мѣны, посредникомъ торговыхъ сдѣлокъ. Мы замѣтили уже что, строго говоря, каждый товаръ или произведенiе труда можетъ, въ сущности, быть монетою. Такъ оно дѣйствительно было и прежде, и теперь есть. Всѣмъ извѣстно, что въ первое время люди избирали мѣриломъ оцѣнки скотъ, кожи, хлѣбъ и проч., затѣмъ начали промѣнивать товары на слитки золота и серебра, изъ которыхъ, съ теченiемъ времени, стали чеканить звонкую монету. Съ появленiемъ денегъ взаимная мѣна сдѣлалась гораздо легче и удобнѣе; въ этомъ нѣтъ спору. Но долго ли могли деньги выполнять свое назначенiе и оправдывать то предпочтенiе, которое имъ отдали передъ прежними орудiями мѣны? Если по своимъ *качествамъ* звонкая монета заняла первое мѣсто, то спрашивается, могла ли она всегда удовлетворять потребностямъ торговли своимъ *количествомъ?* Конечно нѣтъ. Почему? потому что количество драгоцѣнныхъ металловъ и ихъ производство не зависитъ отъ воли человѣка, какъ приготовленiе разныхъ земледѣльческихъ и мануфактурныхъ товаровъ, а отъ счастливой находки рудниковъ и ихъ богатства, что случается весьма рѣдко. И такъ количество золота и серебра ограничивается самой природой и противъ этого возставать безполезно и нелѣпо. Но тутъ возникаетъ вопросъ: сколько намъ нужно денегъ? Разумѣется, сколько потребуютъ ихъ продавцы и покупатели, чтобы расплачиваться между собою. Чѣмъ болѣе запросъ на деньги, какъ орудiе мѣны, тѣмъ ихъ должно быть больше. Но чѣмъ опредѣляется этотъ запросъ? — Числомъ торговыхъ сдѣлокъ, потребностями сбыта, размѣрами самаго производства. И такъ

чѣмъ больше станемъ мы работать, чѣмъ обильнѣе и разнообразнѣе будутъ предметы нашего производства, тѣмъ, конечно, болѣе явится необходимости сбывать каждому свои товары и обмѣнивать ихъ на другіе. До раздѣленія труда и занятій мѣна была весьма ограничена; поэтому люди мало покупали и продавали, и большею частью сами заботились объ удовлетвореніи своихъ нуждъ. Но съ тѣхъ поръ, когда трудъ раздробился на множество отдѣльныхъ ремеслъ, когда каждый сталъ работать не на себя, а больше на другихъ, тогда взаимный обмѣнъ произведеній сдѣлался почти единственнымъ условіемъ существованія работника, посвятившаго себя одному извѣстному занятію. При такомъ условіи труда понятно, что мѣна *натурою* дѣлается невозможною. Теперь вся забота работника состоитъ въ томъ, чтобы возможно скорѣе сбыть свое произведеніе и взамѣнъ его получить множество другихъ вещей и товаровъ, въ которыхъ онъ нуждается. Для работника время дорого; онъ живетъ насущнымъ трудомъ, и потому, по окончаніи одной работы, долженъ приняться за другую. «Время—деньги, говоритъ пословица; слѣдовательно работнику нужно и то, и другое. Дайте ему денегъ и онъ на нихъ купитъ, что пожелаетъ и будетъ имѣть возможность заниматься своимъ дѣломъ. Но если въ деньгахъ нуждаются всѣ—и купецъ, и фабрикантъ, и рабочій, то спрашивается: откуда взять ихъ? Деньги не сапоги; ихъ нельзя дѣлать по заказу.

Итакъ мы пришли къ тому выводу, что деньги, по ограниченному ихъ количеству, не выполняютъ своего назначенія—служить орудіемъ мѣны. Въ экономическомъ развитіи общества неизбѣжно наступаетъ пора, когда запросъ на нихъ превышаетъ предложеніе и люди должны отказаться отъ возможности расплачиваться на наличныя. При этомъ особенно замѣчательно то обстоятельство, что деньги становятся тѣмъ болѣе рѣдки, чѣмъ сильнѣе въ нихъ нуждаются. Поэтому, по логикѣ выходитъ, что крайняя степень экономическаго развитія должна породить страшное безденежье и сдѣлать деньги миѳомъ, невидимкой. «Богатство общества, говорятъ экономисты, заключается не въ деньгахъ, а въ товарахъ, вещахъ, приготовленныхъ для употребленія, и въ капиталахъ разнаго рода, которые служатъ орудіями производства». Совершенно справедливо. Но что значитъ все это богатство, если за недостаткомъ денегъ, этого избраннаго посредника мѣны мы лишены возможности промѣнивать и сбывать другъ другу

произведеній нашего труда?! Какую цѣну имѣетъ для насъ собственность если она обращается въ ничто!? Купецъ накупилъ товару, завалилъ имъ свою лавку, но сбытъ прекратился и онъ—банкротъ. Фабрикантъ, заводчикъ накупили машинъ и матеріалу, разсчитывая усилить производство, — но нѣтъ заказовъ, денегъ нѣтъ заплатить рабочимъ,—и они закрываютъ свои фабрики и заводы, раззоряются сами и пускаютъ по міру рабочихъ. Землевладѣлецъ отдалъ въ наймы свою землю; но арендаторъ, затративъ свой капиталъ на покупку скота и разныхъ земледѣльческихъ орудій, по причинѣ безденежья, поневолѣ возвышаетъ цѣны на свои продукты, сокращаетъ ихъ сбытъ, раззоряетъ бѣдный классъ и, наконецъ, раззоряетъ себя и помѣщика, которому не платитъ. Что значитъ, послѣ этого, трудъ, талантъ, если ни предприниматель, ни потребитель, за недостаткомъ денегъ, не могутъ оплатить ихъ? Что значитъ собственность, когда ею нельзя пользоваться, а приходится продавать за безцѣнокъ, чтобы достать денегъ?! Безъ правильнаго, постояннаго, скораго сбыта и обращенія не могутъ развиваться ни торговля, ни предпріимчивость, ни трудъ, и собственность обращается въ ничто. Что же нарушаетъ эту правильность и быстроту сбыта? Употребленіе денегъ.

И такъ деньги уничтожаютъ торговлю и губятъ собственность. Деньги—самое страшное орудіе банкротства и нищеты. Эта истина доказывается не только умозрительно, логикой, но и ежедневными, повсемѣстными фактами. Кто не знаетъ, съ какою неотразимою силою и какъ часто разражаются теперь повсюду финансовые, коммерческіе и промышленные кризисы, которые дѣйствуютъ на современныя общества губительнѣе чумы и холеры.

Въ началѣ этой статьи мы оговорились, что подъ словомъ *деньги* разумѣемъ исключительно серебряную и золотую монету.

До сихъ поръ мы доказывали пагубное вліяніе денегъ на торговлю, независимо отъ банковыхъ и кредитныхъ учрежденій.

Теперь мы намѣрены разсмотрѣть значеніе кредита и его проводниковъ—банковъ.

Прежде всего обращаемъ еще разъ вниманіе читателя на то, что торговля, въ обширномъ смыслѣ этого слова, то есть, взаимный обмѣнъ услугъ и произведеній труда вообще, составляетъ первенствующій и постоянный фактъ общественной экономіи, самое необходимое условіе производства и потребленія. Прекратите взаимный обмѣнъ—и затѣмъ немедленно разразится общее повсемѣстное банкрот-

ство, миллионы людей умрутъ голодною смертью, собственность превратится въ миѳъ и все общество, со всѣми его накопленными богатствами, повергнется въ крайнюю нищету. Такимъ образомъ вся наша участь, все наше матеріальное и умственное развитіе зависитъ отъ правильности и постоянства того факта, который называется *мѣною*. Она играетъ точно такую же роль въ общественной экономіи, какую въ экономіи нашего тѣла играетъ обращеніе крови. Поэтому все, что нарушаетъ правильность и замедляетъ быстроту нашего взаимнаго обмѣна, имѣетъ гибельное вліяніе на благосостояніе всего общества и производитъ въ немъ страшныя, невыносимыя страданія банкротства и нищеты.

Главная экономическая причина всѣхъ страданій, которыя испытываютъ теперь европейскія общества, уже найдена; эта причина— *употребленіе денегъ*, какъ орудія мѣны.

Мы доказывали раньше, что деньги перестали удовлетворять своему назначенію служить посредникомъ торговли съ того самаго времени, когда впервые обнаружился ихъ недостатокъ, явилась невозможность покупать и продавать на наличныя, и люди стали жаловаться на *безденежье*. Нужда въ деньгахъ, увеличивая запросъ на нихъ, конечно, должна была постоянно возвышать ихъ значеніе, тѣмъ болѣе, что количество золота и серебра, находившагося въ обращеніи, становилось со дня на день ничтожнѣе, сравнительно съ массою другихъ товаровъ и произведеній. При такомъ положеніи дѣлъ, всякій, у кого имѣлись деньги, разумѣется, сталъ беречь ихъ, какъ говорится—«на черный день», собиралъ гдѣ могъ, разставался съ ними только въ случаяхъ крайней нужды, или по просьбѣ другого отдавалъ на срокъ, подъ вѣрное обезпеченіе, и съ условіемъ возвратить непремѣнно съ придачею. Таково начало *кредита*, какъ отдачи денегъ въ ростъ. Такимъ образомъ кредитъ явился вслѣдствіе недостаточнаго количества денегъ, ихъ рѣдкости, съ одной стороны, а съ другой—по причинѣ нужды въ нихъ, какъ непремѣнномъ посредникѣ каждой мѣновой сдѣлки. Всякая мѣна вообще предполагаетъ взаимность нужды покупателя и продавца, и потому требуетъ равенства услугъ. Взаимность и равновѣсіе услугъ — таковъ законъ мѣны. Но подъ владычествомъ золота, кредитная сдѣлка вовсе не повинуется этому закону. Тутъ нуждается одинъ заемщикъ; что же касается заимодавца, то онъ требуетъ отъ него только обезпеченія долга и своевременнаго его возврата съ придачею. Нуждаться въ услугахъ ближняго весьма есте-

ственно, но нуждаться въ деньгахъ очень невыгодно. Вотъ почему каждый опытный человѣкъ, а болѣе всего самъ кредиторъ старается избѣгать кредита, желая только давать его, но не получать. Такъ какъ кредитная сдѣлка не повинуется закону обыкновенной мѣны, основанному на взаимности, а болѣе или менѣе нарушаетъ его, то съ самаго появленія своего она и обратила на себя общее вниманіе, какъ дѣло подозрительное. «Не дѣлай другому того, чего самъ себѣ не желаешь». На основаніи этого правила житейской мудрости, законодатели, философы, моралисты всѣхъ вѣковъ и сами народы, во имя неподкупной совѣсти, на вѣки вѣковъ заклеймили лихоимца названіемъ преступника и вора, оскорбителя нравственности. До сихъ поръ еще лихоимство стоитъ въ ряду самыхъ позорныхъ преступленій въ сводѣ гражданскихъ законовъ и подлежитъ строгому наказанію; что же касается лихоимца, то онъ никогда не могъ возбудить къ себѣ сожалѣнія въ людяхъ, которые съ презрѣніемъ отворачиваются отъ него даже въ тѣхъ случаяхъ, когда съ состраданіемъ смотрятъ на убійцу, идущаго съ нимъ рядомъ. *«Горе, горе лихоимствующимъ»*—такими словами провожали всегда преступниковъ, заклейменныхъ этимъ страшнымъ именемъ.

Но если кредитъ подалъ случай къ преступленію, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что онъ самъ по себѣ преступенъ. Слово «кредитъ» означаетъ довѣріе и это значеніе оправдываетъ его. Съ той минуты, какъ человѣкъ первый разъ поручился за человѣка и сдѣлался надписателемъ переводнаго векселя, — кредитъ выразилъ принципъ солидарности, взаимности и круговой поруки должника и кредитора. Передаточная надпись самого заимодавца на роспискѣ должника и обѣщаніе, данное другому, отвѣчать за него, доказала, что кредитъ можетъ и долженъ быть выраженіемъ довѣрія и солидарности. Ростовщикъ говоритъ своей жертвѣ: «я тебѣ не довѣряю; давай залогъ, пиши форменный вексель и означай на немъ, что я беру съ тебя законные проценты. Вотъ тебѣ деньги; по обыкновенію, я беру впередъ 20% съ занятой у меня суммы. Теперь иди — и помни, что если пропустишь срокъ, то я представлю вексель ко взысканію и тебѣ не миновать тюрьмы». Кредиторъ говоритъ заемщику другое. «Я тебѣ довѣряю и беру подписанный тобою вексель. Если, до истеченія срока платежа, мнѣ понадобятся деньги, я передамъ твой вексель другому, съ ручательствомъ заплатить за тебя въ томъ случаѣ, когда ты будешь не въ состояніи удовлетворить предъявителя. Ты ви-

дишь—мы солидарны, связаны другъ съ другомъ общими интересами».

Цѣль кредита — удовлетворить запросу на деньги, безъ которыхъ донынѣ не хотятъ обойдтись торговля и промышленность.

Проводниками кредита служатъ банки.

«Въ самой глубокой древности мѣнялы, сидя предъ своими столами, или скамьями (banque) промѣнивали однѣ на другія различныя монеты, отечественныя и иностранныя. По большей части они соединяли съ этимъ ремесломъ торговлю золотыми и серебряными слитками. Но мѣнялы и банкиры древности не ограничивались одною торговлею деньгами, а ссужали ихъ на болѣе или менѣе продолжительные сроки, и получали сами, въ видѣ вкладовъ, капиталы частныхъ лицъ, чтобы пользоваться ими и пускать ихъ въ оборотъ. И въ наше время банкиръ дѣлаетъ то же самое (Курсель-Сенёль. Банки. перев. В. Безобразовъ).

Итакъ современные банкиры, подобно древнимъ, занимаются торговлею денегъ, извлекая барыши изъ своихъ, а болѣе всего изъ чужихъ денежныхъ капиталовъ. Изъ этого видно, что банкирская торговля существенно отличается отъ купеческой, потому что купецъ торгуетъ почти всегда на свой счетъ; въ противномъ случаѣ онъ называется коммисіонеромъ.

Курсель-Сенёль, написавшій сочиненіе о банкахъ, которое переведено на нашъ языкъ г. В. Безобразовымъ, говоритъ, что искусство банкира очень просто и его можно подвести къ нѣсколькимъ общимъ правиламъ, точно такъ же, какъ подведено военное искусство. «Наноси непріятелю возможно болѣе вреда съ наименьшею для себя потерею». Таково правило войны. «Извлекай какъ можно болѣе барышей изъ своихъ и чужихъ капиталовъ». Таково правило настоящаго банкира, который долженъ обладать притомъ извѣстными качествами и способностями.

«Тотъ у кого раздражительные нервы, живое воображеніе, сердце слишкомъ *чувствительное*, пылкій, безпокойный характеръ, тотъ долженъ посвятить себя другому занятію, а не банкирскому дѣлу.

«Банкиръ не долженъ быть ни поэтомъ, ни философомъ, ни ученымъ, ни писателемъ, ни ораторомъ, ни государственнымъ человѣкомъ; ему не нужно обладать никакимъ блестящимъ талантомъ, которымъ бы онъ отличался отъ остальныхъ людей; даже лучше, если онъ ихъ вовсе не имѣетъ.»

Вотъ какія качества долженъ имѣть банкиръ, по мнѣнію Курсель-

Сенёля и его переводчика—г. В. Безобразова. Они говорятъ между прочимъ слѣдующее:

«Банкиръ всегда принужденъ (?!) пользоваться трудомъ другихъ; онъ долженъ имѣть подчиненныхъ (?!) ему сотрудниковъ... Умѣнье управлять трудомъ многихъ людей всегда трудное дѣло и требуетъ много искусства и, что бы ни говорили относительно другихъ занятій, но въ дѣлѣ банка, для того, чтобы умѣть распоряжаться, слѣдуетъ прежде выучиться повиноваться чужимъ приказаніямъ.»

«Случается иногда, что управляющіе банковъ губятъ свое здоровье излишнею механическою работою, которую слѣдовало бы предоставить конторщикамъ, а самимъ имѣть общій надзоръ и управленіе.»

Банкиръ особенно заботится о дисциплинѣ своихъ подчиненныхъ, приказывая главному прикащику строго смотрѣть за тѣмъ, чтобы они являлись въ контору всякое утро въ опредѣленное время, чтобы въ продолженіе дня не отлучались безъ причины и не уходили прежде, чѣмъ кончатъ свое дѣло. Прикащикъ долженъ отъ времени до времени просматривать въ порядкѣ ли держатся книги, а если не въ порядкѣ, то дѣлать надлежащія замѣчанія и выговоры (Банки, перев. В. Безобразова).

Такова банкирская служба и ея арестантскій уставъ!

«Многимъ, чуждымъ промышленной жизни, замѣчаетъ г. В. Безобразовъ, вся эта экономическая мораль можетъ показаться черезчуръ узкою и черствою, но она нисколько не противорѣчитъ нравственности (?!) и самымъ кореннымъ основамъ христіанской любви.»

Экономическая мораль, какую проповѣдуетъ г. Безобразовъ, намъ извѣстна. «Законы противъ лихоимства — безнравственны; они нарушаютъ право собственности». Вотъ образчикъ этой морали (см. «Банки», стр. 27—29).

Возвратимся къ нашему предмету.

Древніе банкиры занимались размѣномъ и отдавали въ ростъ свои и чужія деньги. Въ среднія вѣка ремесло мѣнялы получило большое значеніе, по причинѣ чрезвычайнаго разнообразія монетъ и частой ихъ поддѣлки, которою занимались такіе короли, какъ Филиппъ I Французскій. Это официальное преступленіе уже не въ модѣ.

Во всѣхъ почти государствахъ звонкая монета чеканится теперь изъ серебра и золота. Это обстоятельство даетъ мѣняламъ возможность заниматься не только однимъ размѣномъ, но и другою прибыльною операціею, которая у англичанъ называется *drainage*,

Она заключается въ томъ, чтобы искусственно понижать цѣнность одного металла, перекупать его, а потомъ, когда запросъ на него подымется, продавать по дорогой цѣнѣ! Конечно, такая мастерская операція дѣлаетъ мѣнялу распорядителемъ рынка и наноситъ большой ущербъ торговлѣ.

Неудобства и невыгоды употребленія звонкой монеты, какъ посредника торговыхъ сдѣлокъ, были замѣчены давно, еще въ средніе вѣка. Неправильность денежнаго обращенія, поддѣлка и разнобразіе монетъ, частый упадокъ ихъ цѣнности, недобросовѣстность мѣнялъ,— все это заставило, наконецъ, тогдашнихъ купцовъ прибѣгнуть къ довольно остроумному средству избѣгать употребленія денегъ, а именно—къ устройству депозитныхъ или вкладочныхъ банковъ. Первый такой банкъ появился въ Венеціи, въ 12-мъ вѣкѣ, затѣмъ въ Барцелонѣ, Флоренціи, Генуѣ, Амстердамѣ, Гамбургѣ, Роттердамѣ и въ другихъ большихъ торговыхъ городахъ. Устройство вкладочныхъ банковъ очень просто: купцы и вообще капиталисты вносятъ свои наличныя деньги, въ видѣ вклада, и поручаютъ затѣмъ банкиру производить всѣ платежи, по ихъ увѣдомленію, посредствомъ переводовъ съ одного счета на другой, безъ перемѣщенія денегъ. Такимъ образомъ, благодаря этому способу, всѣ разсчеты дѣлаются письменно и банкиру остается только исправно вести приходо-расходныя книги своихъ вкладчиковъ, которые погашаютъ другъ на другѣ свои долги. Подобная операція (virements des parties) происходитъ до сихъ поръ во французскомъ банкѣ ежегодно на сумму свыше 8 миллъярдовъ франковъ.

Система взаимнаго погашенія долговъ дала начало *векселю*, самому разумному посреднику торговыхъ сдѣлокъ, который долженъ непремѣнно изгнать изъ употребленія звонкую монету, банковые, кредитные билеты и другіе денежные знаки, замедляющіе обращеніе. О значеніи векселей мы уже говорили прежде.

Цѣль банковыхъ учрежденій, по словамъ Исаака Перейры, постоянно заключалась въ томъ, чтобы возможно болѣе упрощать мѣновыя сдѣлки и давать средства обходиться безъ денегъ.

Эта цѣль, какъ мы видѣли, отчасти достигалась уже двумя способами: 1) посредствомъ переводовъ и уравненія счетовъ, и 2) помощію векселей.

На этихъ двухъ способахъ финансовый генiй не остановился. Стремясь нанести болѣе рѣшительный ударъ царству денегъ, онъ придумалъ новое средство—*оборотные банки* и выпускъ банковыхъ билетовъ.

Распространенiе векселей, ихъ очевидная польза и постоянно-возраставшiя нужды торговли навели банкировъ на ту мысль, что «бумага должна совершенно замѣнить деньги и окончательно вывести изъ употребленiя это варварское орудiе мѣны». Подобная мысль могла быть основана на слѣдующемъ разсужденiи. Въ большей части случаевъ торговыя сдѣлки совершаются безъ посредничества денегъ; для замѣны ихъ купцы выдаютъ другъ на друга векселя, которые принимаются ими такъ же охотно, какъ настоящiя деньги; это фактъ неподлежащiй сомнѣнiю. На чемъ, спрашивается, основано такое повсемѣстное употребленiе векселей и почему они ходятъ наравнѣ съ металлическою монетою? Потому, что обладатель векселя довѣряетъ векселедателю и надписателямъ, увѣренъ въ платежѣ и знаетъ, что торговый вексель тѣмъ благонадежнѣе, чѣмъ болѣе на немъ передаточныхъ надписей. Такимъ образомъ взаимное довѣрiе и круговая порука торговыхъ лицъ—вотъ что составляетъ достоинство векселя и даетъ ему значенiе настоящей монеты. Но кругъ обращенiя частнаго векселя обусловливается числомъ и извѣстностью надписателей, ихъ личными качествами и состоянiемъ и, кромѣ того, продолжительностью срока, на который онъ выдается. Поэтому, если найдти средство разширить кругъ обращенiя векселя до такой степени, чтобы все общество согласилось принимать его какъ монету, то металлическiя деньги вышли бы изъ употребленiя.

Найдти такое средство было легко; для этого стоило только частный, имянной, срочный вексель обратить въ безъимянный, безсрочный билетъ съ непремѣннымъ ручательствомъ, что каждый предъявитель можетъ, во всякое время, по своему желанiю, потребовать его размѣна на звонкую монету. Но кто, спрашивается, будетъ производить этотъ размѣнъ?—разумѣется банкиръ, выпускающiй билеты на предъявителя и по предъявленiю. Что будетъ служить основою подобныхъ операцiй банкира? Его собственный денежный капиталъ, постороннiе вклады, частные векселя и другiя срочныя торговыя бумаги, которыя онъ принимаетъ къ учету.

Таковы мысли и доводы, давшіе начало такъ называемымъ оборотнымъ банкамъ, которые доживаютъ теперь послѣдніе дни, требуя радикальной реформы.

Первый оборотный банкъ былъ основанъ въ Лондонѣ въ 1694 году Вильямомъ Петерсономъ, а второй, годъ спустя, въ Эдинбургѣ; затѣмъ въ 1718 г.—въ Парижѣ, ученикомъ Петерсона знаменитымъ Джономъ Ло, и въ 1790 г. въ Сѣверо-американскихъ штатахъ.

Исторія оборотныхъ банковъ Франціи, Англіи и Америки представляетъ почти непрерывный рядъ торговыхъ и финансовыхъ кризисовъ и банкротствъ, которые съ 1814 года происходятъ съ изумительною быстротою и одновременностью, почти годъ въ годъ. Оборотные или учетные банки не только не содѣйствуютъ торговлѣ, но рѣшительно губятъ ее, какъ будто единственная цѣль ихъ заключается въ томъ, чтобы увѣковѣчить банкротство и сдѣлать его закономъ общественной экономіи. Банки — учрежденія отжившія; вотъ почему, въ настоящее время, нужно заботиться вовсе не объ устройствѣ ихъ, а о преобразованіи всей кредитной системы. Двѣ старыя теоріи—монополя и конкурренціи банковъ—испытаны на практикѣ и несостоятельность ихъ доказана самыми осязательными, ужасающими фактами банкротствъ и вынужденныхъ ликвидацій. Развѣ свободные банки Сѣверо-американскихъ штатовъ оказались состоятельными? Развѣ монопольные банки — французскій и англійскій оправдали довѣріе общества? Въ Америкѣ, Англіи, Франціи—вездѣ банки объявляли насильственный курсъ своихъ билетовъ, прекращали размѣнъ на звонкую монету и, порождая финансовые, торговые и промышленные кризисы, требовали ликвидацій.

«Товары мѣняются на деньги и банкъ долженъ имѣть металлическій фондъ»—вотъ два софизма, которые лежатъ въ основаніи теорій банковъ. Пока эти софизмы не исчезнутъ, до тѣхъ поръ кредитъ—утопія, мало того—мистификація. Банки могутъ и должны существовать и дѣйствовать безъ денежнаго фонда, безъ запаса золота и серебра. Только при этомъ непремѣнномъ условіи они будутъ въ состояніи удовлетворять требованіямъ торговли и промышленности и содѣйствовать экономическому развитію обществъ.

Въ первой нашей статьѣ «Деньги и Торговля» мы показали по-

чему банки, при настоящемъ ихъ устройствѣ, не соотвѣтствуютъ своему назначенію и, вмѣсто оживленія торговли и промышленности, порождаютъ только застой, кризисы и банкротство. Мы говорили: «Лишь только общество начинаетъ сильно нуждаться въ услугахъ банка, онъ тотчасъ же принимаетъ рѣшительныя мѣры для *сокращенія кредита* и для сохраненія своего *денежнаго фонда*». Эти мѣры, какъ мы представили тогда, заключаются въ томъ, что банкъ если и не отказывается совершенно принимать къ учету торговые векселя, то, по крайней мѣрѣ, возвышаетъ учетный процентъ и уменьшаетъ срокъ платежа на столько, чтобы какъ можно болѣе сократить кредитъ и тѣмъ самымъ поставить промышленныхъ людей въ отчаянное положеніе.

Постоянное и необходимое условіе экономической дѣятельности составляетъ *мѣна*, или торговля, принимая это слово въ самомъ обширномъ его значеніи, не какъ исключительное ремесло купцовъ, а какъ занятіе всѣхъ и каждаго. Мы всѣ продаемъ и покупаемъ, всѣ обмѣниваемся другъ съ другомъ услугами и произведеніями нашего труда, короче—всѣ торгуемъ. Безъ взаимнаго обмѣна намъ нельзя ни жить, ни развиваться. Но непосредственная мѣна *натурою*, вещь на вещь, товаръ на товаръ для насъ весьма затруднительна, даже невозможна, и потому мы принуждены употреблять для этой цѣли *деньги*, которыми и расплачиваемся другъ съ другомъ. При существующемъ разнообразіи и развитіи нашихъ мѣновыхъ сдѣлокъ, деньги рѣшительно не могутъ уже удовлетворить своему назначенію; другими словами: запросъ на деньги не отвѣчаетъ предложенію. Въ такомъ положеніи дѣлъ расплата на наличныя, разумѣется, почти невозможна и приходится покупать и продавать *въ кредитъ*. Пока кредитъ былъ основанъ исключительно на деньгахъ, то заемщикъ поневолѣ платилъ большой оброкъ заимодавцу. Это обстоятельство и побудило законодателей преслѣдовать лихоимство и клеймить его, какъ преступленіе. Строго говоря, лихоимство—преступленіе неумышленное: оно произошло вовсе не отъ порочныхъ наклонностей человѣка и его желанія вредить ближнему, а просто *отъ безденежья*. Если бы денегъ было вдоволь, то каждый платилъ бы наличными, и ростовщикамъ было бы плохо. Но къ сожалѣнію люди долго придавали большое значеніе деньгамъ, считали ихъ непремѣннымъ посредникомъ мѣны, постоянно нуждались въ нихъ, сами не подозрѣвая, что эта нужда укореняла и развивала то самое лихоимство, отъ котораго они хотѣли

навсегда избавиться. Такимъ образомъ нужда въ деньгахъ или поощреніе лихоимству—это одно и то же.

Недостатокъ денегъ, какъ мы уже замѣтили, породилъ *кредитъ*. Это слово первоначально означало ссуду денегъ за проценты. Въ настоящее время кредитъ такого значенія имѣть не можетъ. Порожденный безденежьемъ—*кредитъ есть самое радикальное, безусловное отрицаніе денегъ*. Поэтому, когда у насъ настанетъ крайнее безденежье, когда деньги обратятся въ миѳъ и мы будемъ знать ихъ только по преданію, тогда наступитъ царство кредита, царство взаимнаго довѣрія и круговой поруки, и общество выйдетъ на широкій, безопасный путь нравственнаго и матеріальнаго розвитія. И такъ, когда мы говоримъ теперь: «намъ нуженъ кредитъ, то этимъ желаемъ сказать—намъ не нужны деньги». Когда общество жалуется на безденежье, это самая лучшая пора его жизни, пора настоящаго развитія.

До появленія банковъ слово кредитъ означало недовѣріе. Заимодавецъ ссужалъ деньги за большіе проценты и обращалъ должника въ податного раба. Чѣмъ люди сильнѣе нуждались въ деньгахъ и кредитѣ, тѣмъ недоступнѣе становился заимодавецъ, тѣмъ слабѣе было его довѣріе къ заемщикамъ; онъ возвышалъ проценты, уменьшалъ срокъ ссуды, требовалъ отъ нихъ надежнаго обезпеченія, другими словами—всѣми мѣрами сокращалъ кредитъ. Въ первой статьѣ нашей мы уже высказали ту мысль, что подъ владычествомъ денегъ, кредитъ—утопія, неумѣстность. Дѣйствительно, если нужда въ деньгахъ возрастаетъ ежеминутно, вслѣдствіе неудержимаго развитія торговли и потребностей обращенія, а количество ихъ не увеличивается въ такой же пропорціи, то должна же наступить пора, когда запросъ на деньги будетъ такъ великъ, а предложеніе ихъ такъ ограничено, что доставать въ кредитъ, даже за баснословные проценты, будетъ очень трудно. Что придется дѣлать въ такомъ положеніи? Неужели люди, принужденные занимать деньги и платить за 1 рубль 100 руб., согласятся закабалить себя и сдѣлаться неоплатными должниками денежныхъ капиталистовъ? Допустимъ даже, что это случится, а потомъ? Опять нуждаться въ деньгахъ, опять брать въ займы! А чѣмъ платить? Поневолѣ придется всему обществу работать даромъ на 10 или 20 господъ, если при-

этомъ они дадутъ средства работать и не допустятъ умереть голодною смертью. Вотъ что значитъ нуждаться въ деньгахъ. Сдѣлаемъ другое предположеніе.—Пусть люди, постоянно нуждаясь въ деньгахъ и зная, что брать ихъ въ кредитъ невыгодно и опасно, согласятся вовсе не занимать; что изъ этого выйдетъ? Очевидно мѣновыя сдѣлки сократятся, торговля придетъ въ страшный упадокъ, фабрики и заводы закроются, раздѣленіе занятій сдѣлается неумѣстнымъ: каждый станетъ готовить на себя все нужное и заботиться объ удовлетвореніи насущныхъ и самыхъ необходимыхъ потребностей, отказывая себѣ во всемъ остальномъ. Короче, во избѣжаніе кредита, люди должны будутъ обратиться въ первобытное состояніе и сдѣлаться варварами.

И такъ нуждаться, въ одно и то же время, и въ деньгахъ и въ кредитѣ—значитъ дѣлать неоплатные долги и обрекать себя добровольно на рабство и на каторжную работу; а нуждаться только въ деньгахъ, не прибѣгая къ пособію кредита—значитъ тоже добровольно осуждать себя на послѣдовательное обнищаніе, отказываться отъ дальнѣйшаго развитія и доводить себя до варварскаго состоянія. Вотъ что значитъ нуждаться въ деньгахъ и считать ихъ непремѣнными, необходимыми и незамѣнимыми посредниками мѣны. Пусть кто-нибудь докажетъ намъ, что мы погрѣшили противъ логики, доводя употребленіе денегъ до очевидной нелѣпости?! Мы отрицаемъ деньги вовсе не изъ пристрастія къ парадоксу или желанія отличиться оригинальностью, а потому что того требуютъ логика, смыслъ всей прошедшей экономической жизни народовъ, направленіе нашего вѣка и цѣль учрежденія банковъ. Слѣпой кто этого не видитъ.

Повторимъ еще разъ слова извѣстнѣйшаго въ Европѣ банкира, Исаака Перейры.

«Цѣль учрежденія банковъ заключается въ томъ, чтобы возможно болѣе упростить мѣну и вывести изъ упротребленія звонкую монету, это варварское орудіе и мѣны.

«Бумага должна совершенно замѣнить собою деньги; того требуетъ экономическій прогрессъ.

«Совершенная замѣна денегъ бумагою, а затѣмъ исчезновеніе и

самой бумаги—вотъ двѣ мѣры, которыя должны идти паралельно съ прогрессомъ.

«Самыя значительныя уплаты совершаются упрощеннымъ способомъ, посредствомъ вирементовъ, или переноса суммы съ одного счета на другой.»

Смѣемъ думать, что никто не назоветъ Перейру утопистомъ или нигилистомъ за его отрицаніе денегъ!

Самые отсталые консерваторы говорятъ теперь, что прогрессъ безъ отрицанія немыслимъ. Отрицаніе не пугаетъ уже никого. Мало того: многіе убѣждаются со дня на день въ томъ, что послѣдовательный, логической рядъ однихъ отрицаній есть самое положительное построеніе; короче минусъ на минусъ даетъ въ результатѣ плюсъ. Въ математикѣ, механикѣ, физикѣ, химіи и вообще въ естественныхъ наукахъ *отрицательные* знаки и величины вовсе не означаютъ недѣйствительности, или отсутствія самобытности; напротивъ того: они существуютъ совершенно самостоятельно, независимо, и почти всегда показываютъ только противоположность свойствъ, направленія и дѣйствія.

Кто не знаетъ, что электричество бываетъ положительное и отрицательное, что въ механикѣ одна сила, дѣйствующая по извѣстному направленію, называется положительною, а противуположная ей—отрицательною!? Кто не знаетъ, наконецъ, что и въ каждомъ парламентѣ, собраніи бываетъ *оппозиціонная*, то есть отрицательная сторона, которая дѣйствуетъ очень *положительно*?

Возвращаемся къ нашему отрицанію денегъ и оборотныхъ банковъ. Мы видѣли какимъ образомъ усиленный запросъ на деньги, обнаруживая ихъ недостатокъ; породилъ кредитъ и заставилъ торгующихъ придумывать различныя средства, чтобы избѣжать употребленія звонкой монеты. Съ XII до XVII вѣка, для достиженія этой цѣли, служили вкладочные банки съ ихъ переводными операціями и, затѣмъ, векселя, которые во многихъ случаяхъ замѣняли собою настоящія деньги. При всей своей пользѣ, частные векселя и другія торговыя бумаги могли однако имѣть только весьма ограниченный кругъ обращенія, исключительно въ торговомъ мірѣ, между купцами и банкирами. А между тѣмъ постоянное развитіе торговыхъ сношеній, успѣхи про-

мышленности, потребности сбыта и обращенія, — все это настоятельно требовало дать частному векселю общественное мѣновое значеніе, сравнять его съ монетою и освободить отъ денежнаго учета, отъ платежа оброка золоту и серебру. Пониженіе и окончательное уничтоженіе процента составляетъ безспорно главную задачу кредита, какъ безплатнаго, взаимнаго обмѣна услугъ и произведеній труда. Отъ рѣшенія этой задачи зависитъ не только развитіе всѣхъ промышленныхъ и торговыхъ дѣлъ, но и улучшеніе быта рабочихъ классовъ. Разрѣшить ее значитъ — породить дешевизну жизни, усилить производство, сбытъ и потребленіе, искоренить лихоимство и тунеядство и положить конецъ той убійственной борьбѣ интересовъ, той экономической анархіи, которая укореняетъ нищету и разражается всегда повальнымъ банкротствомъ.

Изобрѣтеніе оборотныхъ банковъ въ концѣ XVII вѣка нанесло страшный ударъ царству денегъ и лихоимства. Эти банки не только стали выводить изъ употребленія звонкую монету, замѣняя ее бумагою, но и сдѣлали изъ частнаго векселя самое могущественное орудіе кредита и торговли. Въ прежнія времена кредитъ, какъ говорится, былъ *личнымъ*; съ появленіемъ оборотныхъ банковъ онъ сдѣлался *общественнымъ*. Этотъ переворотъ произошелъ вслѣдствіе того, что частный вексель получилъ общественное мѣновое значеніе и, замѣняя собою деньги, сталъ настоящею монетою.

Отличительная черта оборотныхъ банковъ заключается въ томъ, что они выпускаютъ билеты на предъявителя, другими словами — чеканятъ *бумажную монету*. Когда банкъ выпускаетъ свой билетъ, взамѣнъ частнаго, имянного, срочнаго векселя, то въ сущности онъ чеканитъ бумажную монету, точно такъ же, какъ монетный дворъ — металлическую монету. Здѣсь операція одна и та же, въ томъ и въ другомъ случаѣ, отчеканенная монета, будетъ ли она приготовлена изъ металла или бумаги, — представляетъ собою безсрочный, безъимянный вексель, выдаваемый на имя всѣхъ и каждаго. Чеканить звонкую монету значитъ придавать извѣстную *форму* кускамъ золота и серебра, опредѣлять ихъ вѣсъ и пробу. Чеканить бумажную монету значитъ придавать болѣе совершенную *форму* частному векселю, удостовѣрять въ томъ, что онъ находится въ залогѣ и затѣмъ ручаться въ его благонадежности. Монетный дворъ чеканитъ монету за-

тѣмъ, чтобы дать слиткамъ золота и серебра общественное мѣновое значеніе; то же самое дѣлаетъ и банкъ, въ отношеніи частныхъ векселей, когда обращаетъ ихъ въ билеты и выпускаетъ за своею печатью.

Назначеніе монеты состоитъ въ томъ, чтобы служить посредникомъ торговыхъ сдѣлокъ и орудіемъ мѣны. Этому назначенію болѣе всего удовлетворяетъ бумажный билетъ на предъявителя, который выдается банкомъ взамѣнъ частнаго надежнаго векселя. Банковый билетъ, дѣйствительно, не только не уступаетъ ни въ чемъ звонкой монетѣ, но и лучше ее во всѣхъ отношеніяхъ. Не говоря уже о томъ, что бумажную монету несравненно легче считать, перевозить и дешевле приготовлять, чѣмъ металлическую, мы укажемъ на то важное обстоятельство, что запросъ на нее всегда равенъ предложенію, и въ банковыхъ билетахъ никогда не можетъ быть недостатка. Запросъ на монету, какъ извѣстно, зависитъ отъ развитія торговли, то есть отъ числа мѣновыхъ сдѣлокъ. Поэтому, чѣмъ чаще намъ приходится обмѣниваться между собою, чѣмъ болѣе усиливается сбытъ и производство товаровъ, и чѣмъ живѣе и разнообразнѣе торговыя и промышленныя предпріятія, тѣмъ болѣе нужно монеты. Деньги не въ состояніи удовлетворить этому запросу; мы уже говорили о томъ раньше и потому считаемъ совершенно неумѣстнымъ приводить новыя доказательства. И такъ монета, въ совершенномъ своемъ видѣ, должна быть непремѣнно бумагою. Съ этимъ согласны даже всѣ экономисты.

Теперь остается рѣшить только одинъ вопросъ: можетъ ли банковый билетъ, выданный взамѣнъ частнаго векселя, или вообще всякаго торговаго обязательства, служить настоящею монетою и сдѣлать деньги окончательно лишними? Мы говоримъ прямо: банковый билетъ не только можетъ вполнѣ замѣнять собою деньги, *но и долженъ совершенно изгнать ихъ изъ банка*, гдѣ имъ вовсе не слѣдуетъ находиться ни въ видѣ размѣннаго фонда, ни въ видѣ основного капитала, ни въ монетѣ, ни въ слиткахъ. До поры до времени деньги могутъ еще оставаться въ употребленіи для мелочныхъ расплатъ; при этомъ не мѣшало бы, однако, значительно понизить ихъ пробу. Весь остальной запасъ золота и серебра, хранящійся въ банкахъ, слѣдуетъ превратить въ посуду, или надѣлать изъ него разныхъ бездѣлокъ... Объ этомъ, впрочемъ, нечего много заботиться: мастера зо-

лотыхъ и серебряныхъ дѣлъ знаютъ лучше что можно сдѣлать изъ драгоцѣнныхъ металловъ... Банку не зачѣмъ имѣть деньги, когда у него находятся въ портфелѣ векселя, взамѣнъ которыхъ онъ выпускаетъ свои билеты. Банку не зачѣмъ выпускать ихъ съ обязательствомъ размѣна на звонкую монету: его билеты никогда не упадутъ въ своей цѣнѣ, если будутъ пускаться въ обращеніе только взамѣнъ надёжныхъ векселей и на ихъ сумму. Излишка банковыхъ билетовъ на рынкѣ быть не можетъ, если они выдаются по мѣрѣ запроса и вынимаются изъ обращенія по окончаніи срока платежа векселей.

Вся задача кредита заключается въ томъ, чтобы обобщить вексель и сдѣлать его, въ видѣ банковаго билета, ходячею монетою, которая не требовала бы размѣна на золото и серебро, а мѣнялась бы только на товары и произведенія труда вообще. Говоря другими словами—банковый билетъ долженъ быть *обезпеченъ* вовсе не денежнымъ фондомъ, не слитками драгоцѣнныхъ миталловъ, а исключительно надежными векселями, на которыхъ означается цѣнность *въ товарахъ*. Освободить банкъ отъ металлическаго фонда, отъ необходимости выпускать билеты съ обязательствомъ размѣна по предъявленію, значило бы избавить векселя отъ денежнаго учета, а торговыхъ и промышленныхъ людей—отъ банкротства.

Банки—учрежденія общественной пользы; поэтому они подлежатъ строгому контролю общества, обязаны вести свои операціи открыто и предавать ихъ гласности. Мало того: общественная польза требуетъ, чтобы существовалъ только *одинъ* централизованный банкъ съ конторами, въ которомъ бы сосредоточивались всѣ кредитныя торговыя операціи. Такой банкъ, принимая въ залогъ торговые векселя и другія срочныя обязательства, долженъ выпускать, взамѣнъ ихъ, свои безсрочные билеты на предъявителя, безъ предъявленія, и заботиться только о томъ, чтобы вынимать ихъ изъ обращенія по мѣрѣ платежа по векселямъ. Короче—банкъ, какъ средоточіе кредита, долженъ быть учрежденіемъ застрахованія отъ неплатежа и банкротства, и съ этою цѣлію можетъ взимать незначительную премію, не болѣе 1%, съ каждой торговой бумаги. Эта премія должна служить вовсе не для оборотовъ банка, а для извлеченія изъ обращенія билетовъ, выданныхъ взамѣнъ такихъ векселей, которые остаются въ

портфёляхъ долѣе своего срока. Банкъ долженъ упрочивать правильность обращенія, а не нарушать его; поэтому онъ ни въ какомъ случаѣ и ни подъ какимъ предлогомъ не можетъ заниматься оборотами для своихъ выгодъ. Банкъ долженъ разсчитывать только на довѣріе общества къ его операціямъ, а вовсе не на барыши. Администрація его должна состоять изъ выборныхъ отъ купцовъ, фабрикантовъ, заводчиковъ и вообще отъ промышленныхъ и торговыхъ людей.

Вотъ вкратцѣ тѣ общія, простыя основанія, на которыхъ, по нашему убѣжденію, можетъ и долженъ дѣйствовать банкъ, какъ учреждение общественное и центральное, которое не имѣетъ ничего общаго ни съ монопольными банками французскимъ, или англійскимъ, ни съ частными банками Шотландіи или Сѣверо-Американскихъ штатовъ. Эти банки доказали уже всю свою несостоятельность; вращаясь въ кругу кризисовъ и банкротствъ, они требуютъ окончательной ликвидаціи.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ НЕУДАВШАГОСЯ ЧИНОВНИКА.

Въ третьемъ году—какъ сейчасъ помню—осенью, я пришелъ въ университетъ на лекцію. Аудиторія, что называется, была биткомъ набита. Я началъ осматриваться кругомъ, не найду ли гдѣ мѣстечка сѣсть; на лавкахъ, на стульяхъ, даже на окнахъ, сидѣли и стояли все студенты. Мѣста, конечно, не оказалось, и я, прислонившись къ стѣнѣ, началъ слушать. Кафедра была слишкомъ далеко отъ меня и потому рѣдкое слово долетало до моего слуха внятно. Какъ ни напрягалъ я своего вниманія, но разслышать что-нибудь не было никакой возможности. И вотъ отъ нечего дѣлать я принялся наблюдать окружающихъ.

Недалеко отъ меня, на лавкѣ, сидѣлъ студентъ съ удивительно симпатичнымъ лицомъ. Онъ повидимому тоже ничего не могъ слышать, и, не зная какъ убить время отъ скуки, рисовалъ что-то карандашемъ на поляхъ тетради. Я началъ всматриваться. Онъ рисовалъ прехорошенькое женское личико, кончилъ его, оттушевалъ, полюбовался, потомъ, не понравилось оно ему что ли, онъ запачкалъ его, взглянулъ на часы, зѣвнулъ и началъ смотрѣть по сторонамъ. Глаза наши встрѣтились. Замѣтивъ, что я стою и смотрю на него, онъ попробовалъ потѣсниться; образовалось небольшое мѣстечко и, указывая мнѣ на него рукою, онъ пригласилъ сѣсть.

Я сѣлъ.

— Скука какая, началъ онъ шопотомъ:—опоздалъ я сегодня... туда не проберешься, а здѣсь ничего не слышно... чортъ знаетъ что... такая досада...

Сказалъ и я ему что-то въ томъ же родѣ.

Вскорѣ за дверью солдатъ Петръ позвонилъ: лекція значитъ кончилась. Началась толкотня, давка, и я не видалъ, какъ въ этой толкотнѣ исчезъ мой новый знакомый.

О немъ я не имѣлъ никакого понятія, и едва ли не въ первый разъ видѣлъ его на этой лекціи.

Но, какъ говорится, сердце сердцу сказалось: съ этого раза, при встрѣчахъ, мы начали кланяться другъ другу, обмѣнивались разными казенными вопросами, но непремѣнно обмѣнивались. Если случалось столкнуться при выходѣ, мы непремѣнно спрашивали другъ друга: «вы въ какую сторону?»

Послѣ мѣсяца или двухъ такого знакомства мы сошлись нѣсколько ближе. Дѣло было, помнится, такъ. Мы оба шли по Малой Морской; былъ страшный, сухой, петербургскій морозъ; отъ частой и быстрой ѣзды въ воздухѣ стояла снѣговая пыль; отъ нея холодъ еще больше увеличивался. Поровнявшись съ моей квартирой я пригласилъ его зайдти къ себѣ покурить, кофе выпить,— онъ зашелъ. Тутъ я въ первый разъ узналъ, что его фамилія Талинъ, а зовутъ такъ же какъ и меня, Сергѣемъ. Кажется и онъ узналъ мою фамилію въ этотъ же разъ.

Не знакомый съ бытомъ студентовъ не пойметъ такихъ отношеній. Они пожалуй, чего добраго, покажутся ему просто глупыми. Но объ этомъ я не намѣренъ распространяться: глупы ли, умны ли они—мнѣ до этого никакого дѣла нѣтъ; я разсказываю только, что̀ это было со мной, и вышло изъ этого вотъ что.

Мало по малу я сошелся съ Талинымъ, какъ нельзя короче. Оказалось, что мы изъ одной губерніи, только разныхъ уѣздовъ. Родныхъ у Талина, кромѣ сестры, никого не было—всѣ вымерли. Какъ-то разъ я что-то спросилъ его о сестрѣ, онъ нехотя сказалъ мнѣ: она тамъ же, въ нашей сторонѣ. Видно было, что эти разспросы не нравились ему. Я разумѣется ужь больше не заводилъ рѣчи объ ней. Талинъ былъ человѣкъ такой впечатлительной натуры, какой я больше не встрѣчалъ. Это была чрезвычайно нѣжная, любящая душа; онъ болѣлъ ею за каждаго. Въ прошломъ году онъ окончилъ курсъ и уѣхалъ въ свою деревеньку, Талинку. Тутъ ему пришла охота служить судебнымъ слѣдователемъ. Что̀ вышло изъ этой службы, читатель самъ увидитъ изъ его записокъ. Я же разскажу теперь, какъ они попали ко мнѣ.

Нынѣшней осенью я возвращался въ Петербургъ. Дорога моя шла мимо Талинки, и я разумѣется заѣхалъ туда проститься опять до лѣта. Талинъ эту зиму хотѣлъ провести въ деревнѣ: онъ писалъ что-то.

На крыльцѣ его флигелька меня встрѣтилъ Иванъ Меркулычъ — дядька его, отличнѣйшій старикъ: теперь такіе въ диковинку.

— Что Сергѣй Николаевичъ дома? спросилъ я его.

— Дома—они нездоровы...

Тутъ только я замѣтилъ, что Иванъ Меркулычъ сильно перемѣнился, похудѣлъ, обрѣзался, обвощанилъ, какъ говорятъ.

— Что съ нимъ?

— Они въ бреду, горячка...

Я вошелъ во флигелекъ. Какая-то тихая, унылая тишина тамъ. Старинные дѣдовскіе часы съ кукушкой были остановлены; бѣленькія шторы на окнахъ спущены; уксусный запахъ въ комнатахъ; Аксинья Степановна—супруга Ивана Меркулыча—тоскливо, шопотомъ разсказывала о больномъ.

Я хотѣлъ было войдти въ его комнату, она меня удержала за руку.

— Они, батюшка, только что забыться изволили, всю ночь не почивали, говорила она, жалобно улыбаясь.

— Что же за докторомъ послали?

— Какъ же-съ. Онъ еще вчера былъ и завтра утромъ опять будетъ, объяснила мнѣ Аксинья Степановна.

Такъ черезъ часъ что ли Талинъ проснулся, и я вошелъ къ нему. Мой пріѣздъ какъ будто оживилъ его. Онъ приподнялся на кровати, прилегъ къ подушкѣ и началъ меня разспрашивать, давно ли я пріѣхалъ, долго ли пробуду у него.

Съ перваго взгляда можно было видѣть, что онъ уже не жилецъ этого міра. Его большіе, густые, черные волосы высохли, растрепались и еще больше придавали блѣдности его исхудалому и безъ того блѣдному лицу. Точно прощаясь, смотрѣлъ онъ на меня своими чудными, глубокими глазами. Я сидѣлъ у него въ ногахъ, на кровати. Тупая тоска сжимала сердце отъ этихъ взглядовъ.

— Ты ужь пожалуйста пробудь у меня хоть сегодня-то... какая скука, братъ... проговорилъ Талинъ.

Хоть бы развлечь мнѣ его чѣмъ нибудь, подумалъ я и заговорилъ о службѣ.

— А... ну что объ этомъ... Талинъ махнулъ рукой. Впрочемъ, ты вѣдь въ Петербургъ ѣдешь?

— Да, а что?

— Ну такъ вотъ тебѣ порученіе. Видишь въ чемъ дѣло... Когда я кончилъ свою служебную карьеру—Талинъ горько улыбнулся—мнѣ пришла мысль разсказать всѣ свои служебныя приключенія, я такъ и сдѣлалъ, написалъ... Только вѣдь у меня все въ безпорядкѣ... Хочешь разбери, да отдай въ какой-нибудь журналъ... пусть напечатаютъ, полюбуются... тебѣ можно это сдѣлать?..

— Конечно, отчего же.

И онъ тутъ же заставилъ меня вынуть изъ письменнаго столика двѣ мелко исписанныхъ тетрадки синей почтовой бумаги. Я просмотрѣлъ ихъ и хотѣлъ было опять положить туда же.

— Ну вотъ ты и забудешь, какъ-то капризно замѣтилъ онъ.

Я перегнулъ тетрадки и положилъ ихъ въ карманъ.

Вскорѣ Талинъ сталъ забываться, начался бредъ. Голова горѣла, руки совершенно сухія. Эту ночь я спалъ въ сосѣдней комнатѣ. Часовъ въ пять утра меня кто-то окликнулъ. Я раскрылъ глаза. Передо мной стоялъ Иванъ Меркулычъ.

— Что ты, спросилъ я.

— Докторъ пріѣхалъ.

Я увидалъ маленькую, нѣмецкую фигурку, протиравшую носовымъ платкомъ свои золотые очки—это былъ докторъ. Онъ очень любезно пожалъ мою руку и началъ распространяться насчетъ того, что у него огромная практика. Между прочимъ онъ назвалъ мнѣ нѣсколько княжескихъ фамилій, аристократовъ нашего уголка, которые были обязаны ему своимъ спасеніемъ. Мнѣ наконецъ надоѣло его слушать и я спросилъ:

— Что же Талинъ, скажите пожалуйста, опасно боленъ? что у него?

— О! да... у него нервная горячка... я думаю... такъ полагать должно, отъ сильныхъ потрясеній. Причиной я полагаю несчастную любовь. О женщины!..

Нѣмецъ взглянулъ на меня и склонилъ голову на бокъ.

— Пойдемте же къ нему, сказалъ я, и мы пошли въ его комнату.

Тамъ, протянувшись на кровати, лежалъ Талинъ. Глаза были закрыты. Одна рука закинута за голову. Черные волосы густыми рядями падали на нее. Въ ногахъ стоялъ Иванъ Меркулычъ. Я взглянулъ на него. Онъ молча, безсмысленно посмотрѣлъ на меня и опять уставился на Талина. Докторъ тронулъ голову больного, и сейчасъ же приподнявъ брови, оттянулъ нижнюю губу и покачивая головой обернулся въ мою сторону.

Я понялъ въ чемъ дѣло.

Начинало разсвѣтать. Сквозь вспотѣлыя стекла слабо пробивался сѣрый свѣтъ осенняго утра. Изъ растворенной двери дядькиной комнаты свѣтила лампадка. Какъ-то странно освѣщались предметы. Мелкія, частыя капли дождя уныло постукивали въ стекла. У крыльца звонили бубенчиками неотпряженныя докторскія лошади.

Вотъ записки, переданныя мнѣ Талинымъ.

ЧАСТЬ I.

ОЧИСТИТЕЛЬНЫЯ МЫТАРСТВА И РУКОПОЛОЖЕНІЕ.

I

Читатель, простите за вопросъ: вы дѣлали глупости на своемъ вѣку?.. Сознайтесь... Вѣдь, если вы *жили*, а не прозябали, вѣроятно дѣлали...

Разскажу и я вамъ одну свою глупость, страшную глупость, такую глупость, что, какъ говорится, и во вѣкъ мнѣ ее не простятъ. Что же дѣлать, читатель, кто не ошибался на своемъ вѣку — ошибся и я... Впрочемъ... нѣтъ... скверно вѣдь и мечтами-то жить...

Я, видите ли, кончилъ курсъ въ третьемъ году, и кончилъ его при слѣдующихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Крѣпостное право пошатнулось 19 февраля, или хавраля, какъ говорятъ у насъ мужики, или, какъ называетъ ихъ Скарятинъ, мужички. Благоденствіе, говорятъ, рѣкою полилось въ народъ. А между тѣмъ наступила весна и съ нею разлились дѣйствительно рѣки. По этимъ-то рѣкамъ да лужамъ я пріѣхалъ въ свою деревеньку — мою милую Талинку.

Пріѣхалъ я, читатель, такъ, просто, совсѣмъ не за тѣмъ, чтобы облагодѣтельствовать своихъ мужиковъ. Мнѣ хотѣлось только выспаться хорошенько. Уже и въ ту пору—прогрессъ, цивилизація, либерализмъ и пр. казались мнѣ смѣшными въ разсужденіи святой родины. Стало быть понятно, почему я не рвался впередъ.

Снѣгъ только что выпалъ. Пригрѣтая солнышкомъ земля отпотѣла, оттаяла. Прошлогоднія зелени лежали на пашнѣ еще совершенно мертвыя, бурыя, грязныя. Деревья въ саду стояли какъ есть голыя. Только у черемухи раздулись уже почки, да отъ березокъ уже пахло сладкимъ смолистымъ запахомъ

Я недолго поскучалъ. Прилетѣли утки, вальдшнепы, и мнѣ было въ Талинкѣ просто какъ въ раю. Утромъ на охотѣ, пришелъ усталый больше Трезорки, съѣлъ чего-нибудь, немного отдохнулъ и опять на *вечерній перелетъ*. Замѣчу, читатель,—хотя до это-го вамъ ровно никакого дѣла нѣтъ,—что у меня въТалинкѣ очаровательное мѣстоположеніе; всѣ сосѣди завидуютъ. Вдоль по рѣкѣ, по берегамъ ростетъ лѣсъ густой, сосновый, темный такой, страшный. Особенно въ бурю онъ бываетъ хорошъ. Чудный, не налюбуюсь я на него!... Надъ самой рѣкой, на крутомъ обрывистомъ берегу стоитъ мой флигелекъ. Въ немъ всего три комнатки. Одна въ родѣ гостиной, потомъ кабинетъ и наконецъ Ивана Меркулыча комната. Вы, читатель, быть можетъ съ аристократическими замашками, не захотите и знакомиться съ моимъ почтеннымъ дядькой, ну что дѣлать, — ужь простите пожалуйста... Есть у меня и садикъ, есть и яблоки въ немъ, есть и вишни и смородина—всего понемножку; съ меня будетъ, хватитъ и вамъ, если бы задумали меня провѣдать. Есть у меня и сосѣди, конечно; говорятъ отличнѣйшіе люди, самъ я ихъ не знаю. Они у меня не бываютъ, а я у нихъ. Впрочемъ съ нѣкоторыми встрѣчаемся на охотѣ и кланяемся.

Какъ то-разъ я только-что вернулся съ охоты, разумѣется страшно усталъ, одѣлся въ халатъ, и усѣлся на балконѣ въ ожиданіи чаю.

Вечеръ былъ очаровательный, тихій, ни одинъ листокъ не шелохнется. Солнце уже сѣло. Гдѣ то далеко звенѣлъ, колокольчикъ и ясно отливалъ свои звуки въ чистомъ воздухѣ. Мало по малу онъ все ближе-ближе и наконецъ раздался у самаго крыльца.

Вѣдь это кто нибудь изъ сосѣдей, подумалъ я, вотъ скука-то.

— Иванъ Меркулычъ, закричалъ я:—скажи голубчикъ, пожалуйста, что меня дома нѣтъ.

Немного погодя я услыхалъ радостный, восторженный крикъ Меркулыча, потомъ поцѣлуи, смѣхъ.

Что за чортъ, кто бы это такой?

Въ балконныхъ дверяхъ я столкнулся съ Кареловымъ, моимъ старымъ товарищемъ. Мы съ самой гимназіи были дружны съ нимъ. А въ университетѣ такъ и стояли даже вмѣстѣ, охраняемые родительской попечительностью Ивана Меркулыча.

—Ну ужь забрался ты, братецъ...вотъ глушь-то: на право лѣсъ, на лѣво лѣсъ, говорилъ Кареловъ.

—А тамъ поля, опять поля, декламировалъ я, указывая ему на огромную пашню, понадвинувшуюся какъ разъ къ моему садику.

Мы вышли на балконъ.

— Ай, какая глушь повторялъ онъ. Что ты тутъ дѣлаешь?

— Ничего, чай пью. Ты не хочешь ли?

— Пожалуйста.

Иванъ Меркулычъ торжественно принесъ на подносѣ стаканъ чаю. Кареловъ взялъ его, усѣлся и закурилъ сигару.

— Серьёзно, однако—что же ты тутъ дѣлаешь.

— Я не шутя говорю, что ничего не дѣлаю. Хожу на охоту... читаю.

— И только?

— Да что же больше?

— Гм... такъ больше потвоему нечего дѣлать, какъ только ходить на охоту да читать.

— Читать и на охоту ходить; вотъ и сегодня за ужиномъ посмотришь, какими я тебя дупелями угощу?

— А ты развѣ ужинаешь?

— Ужинаю.

Кареловъ посмотрѣлъ на меня такими глазами, какими обыкновенно смотрятъ на людей совершенно уже безнадежно больныхъ.

— Ты еще не женатъ? тихо проговорилъ онъ въ раздумьи.

Я разсмѣялся.

— Тебѣ зачѣмъ это надо знать.

— Такъ, я спрашиваю.

— Нѣтъ, еще не женатъ пока.

— Ну, а скоро намѣренъ жениться.

— Не знаю, какъ придется—хоть завтра, можетъ.

Кареловъ опустилъ глаза на чайную ложечку, потомъ, немного погодя, опять поднялъ ихъ на меня.

— Ты ничего не пишешь? проговорилъ онъ.

— А развѣ ты моихъ писемъ не получаешь?

— Ахъ, перестань пожалуйста — я серьёзно говорю. Ты знаешь какую мы переживаемъ эпоху, а ты такъ легко относишься къ ней, и Кареловъ давай пороть все на эту тему.

Въ настоящій моментъ Кареловъ былъ, кажется, въ состояніи паріотическаго восторга 30-хъ годовъ. Онъ видѣлъ ясные признаки нашего благоденствія. Онъ былъ совершенно примиренъ со всѣмъ,

противъ чего ратовалъ вчера еще. Мнѣ иногда дѣлается завидно, глядя на такихъ людей... Счастливы, право! Да и счастіе-то какъ дешево имъ достается....

Съ Кареловымъ, конечно, ни въ чемъ нельзя было согласиться, но я всегда отъ души бываю радъ ему. Онъ съ такимъ жаромъ доказываетъ сегодня одно, завтра другое, и все это вѣдь не фразы—онъ весь проникнутъ тѣмъ, что̀ говоритъ.

Взволнованный, безъ галстуха, заложивъ руки въ карманы, онъ ораторствовалъ передо мной.

Вошелъ Иванъ Меркулычъ и своимъ обычнымъ торжественнымъ голосомъ проговорилъ: кушать готово-съ.

Я поднялся съ своего мѣста.

— Кареловъ, пойдемъ-ка; это, братъ, лучше, вещественнѣе....

— Я вѣдь не ужинаю.

— Ну такъ посиди, посмотри на меня, какъ я буду ужинать.

Подали поросенка съ хрѣномъ.

— Кареловъ, отвѣдай.... великолѣпно.

— Нѣтъ, вѣдь я сказалъ, что не ужинаю

— Да ты отвѣдай.

— Пожалуй.... развѣ немножко?

— Ну конечно.

Кареловъ взялъ и скушалъ кусочекъ. Потомъ съѣлъ парочку дупелей, и вафельку со сливками.

— Ну вотъ теперь-то ладнѣе, сказалъ я:—и уснешь лучше.

— А я напрасно поужиналъ — это вредно.

— Э, вздоръ, ничего.

Мы закурили сигары и улеглись.

— Ты спать еще не хочешь? спросилъ Кареловъ.

— Нѣтъ, а что?

— Такъ, ничего—давай поболтаемъ.

— Давай.

Кареловъ пустилъ струйку сигарнаго дыму, взглянулъ на меня и опять затянулъ свою пѣсенку:—ну такъ что̀ же ты намѣренъ дѣлать?

— Да какъ что̀?... Вѣдь это легко говорить—дѣлать, работать, а попробуй-ка.... Вѣдь это все хорошо, когда можно и дѣлать, и работать, а если нельзя?...

Кареловъ вскочилъ, сѣлъ, обнялъ руками колѣни, положилъ на нихъ голову и началъ меня усовѣщивать.

Господи! чего только онъ тутъ не нагородилъ: и прогрессъ-то, и цивилизація, и все это будто бы у насъ завелось.

Наконецъ мнѣ захотѣлось спать. Я началъ слушать безъ возраженій. Пока я заснулъ, я могъ еще разслышать: Да ты какого направленія держишься? Вѣроятно крайняго, отрицательнаго. Держись направленія Русскаго Вѣстника. Ну, разумѣется, его англоманію надо къ чорту — она негодится для насъ. Русская натура шире. И вотъ тебѣ лучшій примѣръ — Петръ великій. Хотѣлъ надѣть на русскаго человѣка нѣмецкій кафтанъ—онъ и лопнулъ у него въ плечахъ.

— То-есть у кого же, спросилъ я:—у Петра кафтанъ лопнулъ, или у русскаго человѣка.

— Кареловъ плюнулъ.

— Тебѣ видно спать хочется, проговорилъ онъ.... Ты кажется ужь заснулъ.... а?

Я молчалъ. Немного погодя, онъ повторилъ свой вопросъ. Я попрежнему молчалъ. Кареловъ перевернулся на другой бокъ, погасилъ свѣчу и успокоился до утра. На другой день я сидѣлъ съ Кареловымъ за чайнымъ столикомъ.

Отчаянно раскуривая сигару и захлебывая дымъ почти-что кипящимъ чаемъ, онъ опять затянулъ ту же пѣсню.

— Такъ что же ты намѣренъ дѣлать, отчего ты не служишь?

Я разсмѣялся.

— Нельзя.

— Отчего?

— На это, братъ, много причинъ.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ!.. я ему много привелъ этихъ напримѣръ.

— Эхъ, братецъ!.. Ты все хочешь, чтобъ тебѣ разомъ все перевернули?

— Совсѣмъ нѣтъ. Разомъ ничего не перевернешь; я это знаю не хуже твоего.

— Такъ что же?

— Ничего... только я не знаю, чему ты радуешься?..

— Вотъ оно предубѣжденіе-то. Вотъ куда заводитъ нигилизмъ-то!

затрещалъ Кареловъ въ своемъ лирическомъ азартѣ; развѣ ты не видишь, что мы быстро идемъ...

— Куда?..

— Впередъ, спокойнѣе проговорилъ Кареловъ.

— Гм, можетъ быть мы и впередъ идемъ, но только ужь никакъ не лицомъ...

— Ну что же дѣлать; положимъ оно и не все такъ, какъ хотѣлось бы, тихо проговорилъ онъ наконецъ, когда я ему указалъ на нѣсколько особенно крупныхъ случаевъ изъ нашей общественной жизни, показывающихъ, какъ разыгрался въ нихъ нашъ родимый прогрессъ:—положимъ такъ, а все-таки, служа, ты принесешь несравненно больше пользы.

— Ахъ ты, господи боже мой! да укажи гдѣ служить?

— Гдѣ? прокричалъ онъ, а вотъ гдѣ: онъ назвалъ мѣсто.—Мѣсто совершенно независимое, новое, да и то сказать — по тебѣ... что опять нельзя?.. Онъ все больше и больше воодушевлялся. — Здѣсь можно пропасть пользы принести... Кареловъ всталъ и началъ шагать по балкончику.

— Чудакъ ты, говорилъ я:—вѣдь изъ этого ничего не выйдетъ. Первое столкновеніе, и я выйду въ отставку: какую же я пользу принесу?

— Послушай, почти умоляющимъ голосомъ говорилъ мнѣ Кареловъ:— вѣдь это тебѣ ничего не будетъ стоить—попробуй. Не удастся, ну такъ не бѣда, а то какъ же ты говоришь, что нельзя служить, когда еще не пробовалъ. Почемъ знать, быть можетъ можно?

Короче, я согласился.

II.

Отъ слова недалеко до дѣла, по крайней мѣрѣ у насъ съ Кареловымъ.

— Въ тотъ же вечеръ мы ѣхали съ нимъ въ нашъ губернскій городъ. Онъ по какимъ-то своимъ дѣламъ, а я подавать просьбу объ опредѣленіи на службу. Въ нашемъ околоткѣ было вакантное мѣсто и я надѣялся его получить.

— Нѣтъ, братецъ, ты что хочешь тамъ говори, твердилъ мнѣ Кареловъ:—а движеніе у насъ замѣтно; я тебѣ скажу—очень замѣтно.

— Милый мой, да что толку-то изъ этого движенія?.. вѣдь двигаться можно и по круговой линіи. Можно всю жизнь не только двигаться, но и бѣжать, сломя голову бѣжать, да подвинешься ли отъ этого хоть на вершокъ впередъ?..

— Вотъ Иванъ Меркулычъ! помолчавъ немного заговорилъ Кареловъ: —не пріѣзжай я, вѣдь онъ до сихъ поръ сидѣлъ бы въ своей Талинкѣ, а что хорошаго въ ней—глушь.

Ивану Меркулычу, расположенному къ семейной, осѣдлой жизни, наше путешествіе было не понутру; вотъ онъ и окрысился на Карелова, виновника всей этой тревоги.

— Ну ужь не знаю, чѣмъ Талинка нехороша, разсуждалъ Иванъ Меркулычъ:—имѣніе родовое, какъ есть настоящее...

— Ничего тамъ нѣтъ хорошаго. Надо служить, а не сидѣть такъ сложа руки, да хлѣбъ ѣсть, толковалъ Кареловъ:—развѣ я не правду говорю?

— Да зачѣмъ же имъ служить... имѣніе у нихъ есть... жить слава богу есть чѣмъ, а служить... такъ это вы, сударь, одно баламутство значитъ затѣваете.

Я такъ и покатился со смѣху.

— Да, это тебѣ по сердцу, съ упрекомъ говорилъ мнѣ Кареловъ.

Иванъ Меркулычъ, обернувшись съ козелъ, смотрѣлъ на насъ, не понимая въ чемъ дѣло.

Пріѣхали мы въ губернскій городъ. Съ губернаторомъ я былъ знакомъ, т. е. какъ знакомъ — я зналъ кто онъ, онъ зналъ кто я. Я ничего не могу про него сказать, развѣ только то, что онъ былъ не на мѣстѣ. Мнѣ кажется, что съ гораздо большей пользой онъ отправлялъ бы какую-нибудь другую должность, ну хоть напримѣръ директора какого-нибудь цирка, метръ-дотеля и т. п. Какъ-то недавно,—я уже былъ въ отставкѣ,—встрѣтился съ однимъ пріятелемъ, губернскимъ острякомъ, ну и разговорились о губернаторѣ.

— Чортъ знаетъ, говорю, зачѣмъ онъ на этомъ мѣстѣ!

— Да ты развѣ не знаешь зачѣмъ?..

— Нѣтъ...

— Какъ же, братецъ, это извѣстная вещь! это прислали для опыта: повидимому мѣсто-то занято, а въ сущности губернія все та же, есть ли въ ней губернаторъ или нѣтъ...

— Ну, братъ, опытъ вполнѣ удался, какъ видно.

— Все сойдетъ! У насъ все годе—земелька ужь такая!..

— Да, вотъ развѣ потому..

Я пріѣхалъ къ губернатору утромъ, такъ часовъ въ 11, спрашиваю: можно видѣть?

— Нѣтъ-съ, еще изволятъ почивать.

— А когда они изволятъ встать?

— Да такъ... черезъ часъ пожалуйте...

Недалеко отъ губернаторскаго дома садъ, общественный онъ, ну а у насъ принято называть его губернаторскимъ, такъ и я буду называть его. Въ этотъ-то губернаторскій садъ я и отправился теперь дожидаться, пока изволитъ проснуться его превосходительство. Тутъ я наткнулся на очень милую сцену. Его превосходительство, уже освободившійся отъ объятій морфея, отправлялся купаться, и на перекресткѣ акаціевой дорожки повстрѣчался съ какой-то горничной, та: ахъ! и удирать отъ него. Его превосходительство, въ халатѣ, въ туфляхъ, въ фесочкѣ—за ней. Та рысью, наконецъ гляжу:

Догналъ. . поймалъ
И поцѣлуй ихъ прозвучалъ.

Черезъ часъ я опять пришелъ въ переднюю, опять спрашиваю:

— Губернатора можно видѣть?

— Теперь можно съ... Какъ прикажете доложить?

Я сказалъ свою фамилію.

Немного погодя, я вошелъ въ пеструю комнату, отдѣланную чуть ли не въ китайскомъ вкусѣ; на столѣ, на каминѣ, были уставлены разныя бездѣлушки; окна были отворены въ садъ, бѣлыя шторы спущены. Нѣжный, утренній свѣтъ наполнялъ комнату, освѣщая и губернатора, сидѣвшаго съ сигаркой за чашкой кофе. Я увидалъ на немъ уже знакомую мнѣ фесочку и халатъ. Изношенная, старческая физіономія пріятно улыбалась. Эротическій огонекъ слабо теплился въ потупившихся отъ счастья глазахъ его превосходительства. Я раскланялся.

— А!.. а!.. здравствуйте... здравствуйте...

Губернаторъ началъ какъ-то раскачиваться въ своемъ креслѣ. Я подошелъ ближе и удостоился пожатія его маленькой, бѣленькой, почти женской руки.

— Ну садитесь-ка сюда, продолжалъ онъ: — сигарки хотите? Братъ вчера прислалъ изъ Петербурга отличныя.

— Я закурилъ.

— Ну что̀, небось по какому-нибудь дѣлу пріѣхали? опять началъ онъ.

— Да-съ — по дѣлу.

— Что̀ такое?

— Мм... изволите видѣть, я хочу служить... Мнѣ хотѣлось бы прежде узнать, не помѣшаю ли я кому-нибудь?.. Тѣмъ больше, что я и намѣренъ-то собственно только попробовать службу...

— Вотъ это хорошо. Еще не поступилъ, а ужъ объ отставкѣ думаетъ...

— Я и не подумаю, если только можно будетъ служить.

— А почему же вы предполагаете, что нельзя?..

Ну, подумалъ я: объяснять это тебѣ, мой другъ, будетъ уже слишкомъ скучно.

— На это много причинъ, сказалъ я.

Губернаторъ не сталъ приставать съ распросами. Онъ смотрѣлъ на кончикъ своей туфли, и такая тихая, томная, сладкая улыбка разливалась по его истомленному лицу.

— Прошло съ полминуты молчанія.

— Такъ что̀ же, ваше превосходительство, началъ я: — могу ли надѣяться...

Губернаторъ очнулся, взглянулъ на меня, пустилъ легонькую струйку сигарнаго дыма и торопливо заговорилъ:

— Отчего же... конечно... само собою разумѣется... я очень радъ, что у меня чиновники будутъ народъ образованный, молодежь, студенты университетовъ... Губернаторъ началъ воодушевляться. — Эхъ, молодой человѣкъ, продолжалъ онъ, если бы вы знали, какъ я самъ всему сочувствую. Вѣдь развѣ я..." При этомъ губернаторъ сказалъ маленькую либеральную шалость.

— Вѣдь вы знаете, у насъ каждый годъ бываетъ 12 января обѣдъ въ честь основанія московскаго университета, этого, такъ сказать, разсадника народнаго образованія. Вспомните, сколько дѣльныхъ, полезныхъ людей соединяютъ съ нимъ свои лучшія воспоминанія...

Что̀ это такое, подумалъ я: это сюда съ какой стати?..

Губернаторъ между тѣмъ замолчалъ, тяжело, глубоко вздохнулъ, и опять хотѣлъ было уставиться на кончикъ своей туфли.

— Мнѣ, ваше превосходительство, хочется опредѣлиться; въ нашемъ уѣздѣ есть одно вакантное мѣсто, нельзя ли его...

— О конечно! Отчего же... Вѣдь у васъ въ этомъ же уѣздѣ и деревня?..

— Да-съ.

— Ну вотъ видите какъ хорошо. Будемъ служить; Россіи теперь, именно теперь, нужны дѣльныя, трудящіяся головы... Съ своей стороны я готовъ все сдѣлать и впередъ говорю — обращайтесь непосредственно во всемъ ко мнѣ. Конечно, Андрей Ивановичъ (прокуроръ) у насъ отличный человѣкъ и дѣло знаетъ, а все-таки, повторяю, непосредственно обращайтесь ко мнѣ.

Я подумалъ: А что вѣдь онъ и въ самомъ дѣлѣ кажется хорошій человѣкъ, и спросилъ: когда же мнѣ подавать просьбу.

— Да хоть сейчасъ — она у васъ готова?

— Нѣтъ-съ, мнѣ надо еще форму взять.

— Э, полноте, какую тамъ форму. Я на это не обращаю никакого вниманія, до этого ли намъ теперь!.. Вы были въ моей канцеляріи?..

— Нѣтъ-съ.

— Ну хоть нарочно сходите посмотрѣть... Чиновника въ вицмундирѣ вы тамъ ни одного не встрѣтите, все въ пиджакахъ да въ визиткахъ, и я очень доволенъ... лишь бы только занимались дѣломъ... Я нахожу, что и теперь у насъ все еще много дается значенія формѣ.. Ну сами посудите среди такихъ занятій, какъ напримѣръ, крестьянскій вопросъ и т. п. обращать вниманіе на...

— Губернаторъ опять слиберальничалъ.

— Да-съ, оно конечно говорилъ я.

— Я думаю!..

Губернаторъ пожалъ плечами и энергично отхлебнулъ изъ чашки глотокъ кофе.

— Такъ значитъ, ваше превосходительство, опять началъ я, сейчасъ же и принести вамъ просьбу.

— Да куда вы хотите идти? садитесь здѣсь да пишите... На-те вотъ...

Губернаторъ указалъ мнѣ на бумагу... Я началъ писать, а онъ допилъ кофе, всталъ, дернулъ за сонетку и тихо ступая по мягкому ковру, запѣлъ французскій пошлый куплетикъ.

Вошелъ лакей.

— Одѣться, да вели лошадь подавать.

Просьба моя была написана, я подалъ ее и еще разъ полюбопытствовалъ узнать, какъ скоро можетъ состояться мое опредѣленіе.

— Какъ вамъ сказать... Ну день, два, три... Да вамъ зачѣмъ это?

— Я хотѣлъ бы ѣхать въ деревню.

— Ну вотъ! Къ чему это?... Погостите у насъ... Сегодня гулянье въ общественномъ саду. Увидите тамъ все наше общество. Это должно васъ интересовать, вѣдь вы еще молодой человѣкъ, съ разстановкой говорилъ губернаторъ, приподнимаясь на цыпочкахъ и играя кисточками халата.

Я пріятно улыбнулся.

Вошелъ опять лакей.

Значитъ его превосходительство будутъ сейчасъ одѣваться, сообразилъ я, и началъ раскланиваться.

На прощаньи я еще разъ имѣлъ удовольствіе пожать его мякенькіе пальчики.

III.

Вечеромъ мы съ Кареловымъ отправились на гулянье въ губернаторскій садъ и дѣйствительно увидали все общество... Ну, описывать его я не стану, это вещь совершенно лишняя. Губернское общество всѣ знаютъ; оно вездѣ одинаково, вездѣ равно безлично и скучно. Если вы знаете, напримѣръ, воронежское, а я знаю тамбовское, то если мы помѣняемся знаніями, перемѣнятся только фамиліи и имена, сущность же останется совершенно та же.

Въ саду я встрѣтилъ еще одного изъ университетскихъ товарищей.

— Здравствуй.

— Здравствуй.

— Ты какъ сюда попалъ?

— Да вотъ, братецъ, привезъ его. Ужь насилу вытащилъ изъ деревни: забился въ глушь и сидитъ тамъ какъ медвѣдь въ берлогѣ. Сегодня подалъ прошеніе губернатору, служить хочетъ, — за меня объяснялъ Кареловъ.

— Гдѣ же ты хочешь служить?

— Кареловъ назвалъ должность... Представь себѣ! мѣсто есть великолѣпное въ томъ же околоткѣ, гдѣ и его имѣніе, а онъ не служитъ.

— Что же ты получилъ его?

— Да, онъ уже былъ у губернатора и тотъ далъ слово, опять объяснялъ за меня Кареловъ.

— А у прокурора не былъ?

— Нѣтъ.... зачѣмъ?

— Э!... такъ ты значитъ ровно ничего еще не сдѣлалъ.

— Какъ ничего?... Мнѣ губернаторъ обѣщалъ, далъ слово.

— Да что изъ этого слова... вретъ онъ. Это хоть и отъ него зависитъ, да прокуроръ-то такъ дѣлаетъ, что онъ въ этихъ дѣлахъ знаетъ столько же, сколько и прошлогодній снѣгъ.... Нѣтъ, ты ужь если хочешь дѣйствительно получить это мѣсто, такъ сдѣлай вотъ что: поѣзжай къ прокурору, свези ему 300 руб., ну тогда такъ. А теперь!.... Нѣтъ, мой другъ, я вижу ты еще дитя въ этихъ дѣлахъ. Я ужь это знаю получше твоего, у меня вѣдь братъ служитъ: грамотка-то эта мнѣ знакома.

— Вотъ такъ сюпризъ!...

Въ это время мимо насъ проходилъ губернаторъ и такъ привѣтливо улыбнулся мнѣ. Чортъ знаетъ что такое.... ну, какъ это правда, думалъ я, провожая его глазами. Дня черезъ два я отправился въ губернаторскую канцелярію узнать, на чемъ-де остановилось мое дѣло. Я увидѣлъ тамъ дѣйствительно всѣхъ въ пиджакахъ, въ визиткахъ, въ разноцвѣтныхъ галстучкахъ, въ брюкахъ всевозможныхъ цвѣтовъ, начиная отъ гороховаго до нѣжно-фіолетоваго: точно бабочки весной.

За разрѣшеніемъ своего недоразумѣнія я обратился къ какому-то разчесанному, распомаженному господину, съ нѣсколькими рядами на затылкѣ, очевидно губернскому льву.

— Извините, пожалуйста, началъ я:—скажите, сдѣлано какое-нибудь распоряженіе по моей просьбѣ? Я просилъ объ опредѣленіи меня на мѣсто....

— Нѣтъ, пожимая плечами отвѣчалъ левъ: — у насъ даже и нѣтъ этой просьбы.

— Не можетъ быть!

Левъ саркастически улыбнулся.

— Я не имѣю привычки неправду говорить, съ достоинствомъ процѣдилъ онъ сквозь зубы.

— Я въ этомъ нисколько не сомнѣваюсь; мнѣ странно только, что какъ же это губернаторъ....

— Да вы кому ее подавали, спросилъ левъ.

— Я третьяго дня былъ у губернатора, у него въ кабинетѣ написалъ ее, и тамъ же отдалъ ему.

Левъ посмотрѣлъ на меня какъ-то подозрительно. Онъ должно быть подумалъ: ужь ты, пріятель, не слишкомъ ли того.... У губернатора въ кабинетѣ!....

— Что же мнѣ дѣлать теперь?

— Поѣзжайте къ его превосходительству, узнайте.

Ну, подумалъ я про себя, чортъ васъ тутъ разберетъ: поѣзжайте къ его превосходительству! чуть не передразнивъ его, я вышелъ изъ канцеляріи.

IV.

Вечеромъ опять было гулянье въ губернаторскомъ саду, я опять тамъ былъ и опять увидѣлъ губернатора. Онъ былъ въ какомъ-то испанскомъ плащѣ и гулялъ подъ руку съ артисткой нашего театра, дебелой дѣвицей или дамой — богъ его разберетъ.

— Вѣдь это его *метресса*, шепнулъ мнѣ на ухо одинъ знакомый помѣщикъ.

Я замѣтилъ, что его превосходительство очень близко держался къ своей дамѣ, даже черезчуръ ужь близко и глазки его маслянно глядѣли и щурились, когда упадали на пухлые, нѣжные локти артистки, сквозившіе сквозь ея тюлевые рукава.

Встрѣчавшіеся чиновники и вообще всѣ, даже и не чиновники, кланялись и давали мѣсто сановнику. И губернаторъ, и его дама привѣтливо отвѣчали на эти поклоны.

Вотъ Аркадія-то подумалъ я.

Наконецъ мнѣ удалось выбрать время, когда губернаторъ остался одинъ, и я подошелъ къ нему.

— А!... и вы тутъ? ... здравствуйте.... Ну что, нравится вамъ наше общество?... веселитесь?

— Да-съ. Только вѣдь у меня здѣсь знакомыхъ почти никого нѣтъ.

— Стало быть скучно.... Знаете, вѣдь я вашу просьбу позадержалъ немножко. Всѣ эти дни у меня, батюшка, дѣла вотъ.... Губернаторъ указалъ пальцемъ на горло. — Ну, да объ этомъ вы пожалуйста не думайте—ваше дѣло въ шляпѣ.

— А что, ваше превосходительство, началъ я, на сколько это справедливо?...

— Что такое?

— Мнѣ говорятъ, для того чтобы поступить эту въ должность надо сперва прослужить два мѣсяца писцомъ въ уголовной палатѣ?

— Да, это совершенно справедливо.

— Слѣдовательно предполагается, что я на этомъ мѣстѣ докажу свои способности.

— Именно.

Губернаторъ глядѣлъ па меня, втянувъ въ ротъ нижнюю губу, вѣроятно, въ знакъ вниманія къ моимъ словамъ.

— Ну-съ, а вы, ваше превосходительство, вѣроятно знаете, что между обязанностями писца и этой должностью ничего нѣтъ общаго, что необходимо въ одномъ случаѣ, то вещь совершенно лишняя въ другомъ. Писцу напр. нуженъ хорошій почеркъ, а для меня это вещь совершенно ненужная.... Если это справедливо — значитъ я не могу получить мѣсто. У меня отвратительный почеркъ, стало быть я буду плохимъ писцомъ, стало быть не могу быть признанъ способнымъ.

Губернаторъ разсмѣялся.

— А въ самомъ дѣлѣ какъ это вѣрно вы замѣтили, говорилъ онъ, и веселая улыбка долго не сходила съ его лица.

— Да, это такъ, продолжалъ онъ, смотря по сторонамъ, но что же дѣлать?—это не отъ насъ зависитъ... Эхъ, молодой человѣкъ, вы еще такъ мало живете, такъ еще неопытны, а какъ много смѣшного вы встрѣтите въ жизни...

И опять веселая улыбка.

— Помилуйте, ваше превосходительство, какой тутъ смѣхъ—вѣдь это просто безобразіе, говорилъ я: — теперь когда такъ искренно встрѣчается всякое дѣльное замѣчаніе, когда....

Губернаторъ меня уже не слушалъ. Глаза его умаслились, полузакрылись, кожа на вискахъ собралась въ мелкія лучистыя морщинки

и онъ приподнимался на цыпочки: къ намъ подошла его возлюбленная.

— Cher bèbè лѣниво-капризно, какъ-то нехотя, проговорила она.

Губернаторъ улыбнулся мнѣ, кивнулъ и подалъ ей руку. Наклонившись къ ея щекѣ, онъ запѣлъ французскій эротическій куплетикъ. Она откинула назадъ голову и громко захохотала. Потомъ я слышалъ, что она спросила его про меня: кто я такой. Что ужь онъ ей сказалъ на это, я не могъ разслышать.

Въ тотъ же вечеръ мы толковали съ Кареловымъ — бросить ли все и уѣхать въ деревню, потому что дѣло безъ взятки очевидно не могло уладиться, или такъ и быть ужь дать?...

— Дай, чортъ съ ними, говорилъ Кареловъ.

— Да что, братецъ, скверно; вѣдь это пачканье.

— Ахъ, какой же ты чудакъ! Ты помни, что дѣлаешь это съ цѣлью принести пользу обществу, такъ сказать, облегчить участь народа, и на эту тему пошелъ отплясывать мой горячій прогрессистъ.

Дѣлать было нечего; я рѣшился дать. Не дожидаться же въ самомъ дѣлѣ два мѣсяца, таскаясь писцомъ въ уголовную палату. Да потомъ мнѣ кое-кто проговорился еще, что два мѣсяца — это самый кратчайшій срокъ; можетъ случиться что и два года проходишь, а толку все не будетъ.

Это зависитъ отъ прокурора; онъ признаетъ *способнымъ* къ занятію этой должности, а этотъ экзаменъ у него выдерживаютъ не иначе, какъ съ трехсотрублевой *подмазкой*.

Теперь вотъ горе — какъ дать? Изъ рукъ пожалуй не возьметъ. Чего добраго, прикинется еще такой невинностью—бѣду еще наживешь... Навелъ справки какъ и что.

— У прокурора зять, говорятъ, есть. Вы съѣздите и скажите ему обо всемъ откровенно. Онъ человѣкъ хорошій. Онъ васъ научитъ, какъ тутъ поступить. Ужь это отъ васъ будетъ зависѣть дать ему что-нибудь, или нѣтъ, самъ онъ ни за что не попроситъ.

Дали мнѣ и адресъ этого зятя; я поѣхалъ.

V.

Извощикъ мой остановился передъ новенькимъ сѣренькимъ домикомъ съ раскрашенными ставнями. Звонка у дверей не было, а потому я совершенно неслышно очутился въ маленькой темненькой пе-

редней. Сквозь растворенную половинку двери я увидалъ какого-то небольшого господина, въ татарскомъ халатѣ, съ трубкой въ рукахъ, расхаживавшаго взадъ и впередъ по холстиной постилкѣ, посланной по полу, окрашенному, должно быть, еще очень недавно, потому что цвѣтъ былъ еще слишкомъ ярко-желтый. Я подошелъ къ двери, и когда господинъ этотъ поровнялся со мной, я спросилъ: могу ли я видѣть Ивана Матвѣевича Жаворонкова?

Господинъ, поднявъ на меня свои востренькіе глазки, тревожно улыбнулся, запахнулъ халатъ и объявилъ, что онъ тотъ самый Иванъ Матвѣевичъ Жаворонковъ, котораго я спрашиваю.

Я вошелъ въ залъ, т. е. въ комнату съ недавно выкрашенными полами.

Иванъ Матвѣевичъ началъ извиняться, что я засталъ его въ халатѣ.

— Сдѣлайте одолженіе, что такое... успокоивалъ я.

Иванъ Матвѣевичъ пригласилъ меня садиться.

— Вотъ-съ одинъ остался, дома сижу, началъ онъ, жена съ сынишкой къ обѣднѣ пошла, а я ужь такимъ, можно сказать, нехристемъ живу...

Иванъ Матвѣевичъ вздохнулъ и улыбнулся.

— А я вѣдь, продолжалъ онъ:—вчера что ли у насъ гулянье-то было въ саду?.. васъ видѣлъ тамъ. Знаете, общество-то у насъ все одно, ну оно и замѣтно, какъ новый человѣкъ-то появится. Спрашиваю я про васъ: кто это такой? Мнѣ одинъ чиновникъ изъ губернаторской канцеляріи и говоритъ, что вы пріѣхали къ намъ недавно и, кажется... служить хотите... уже тихо, вопросительно проговорилъ Иванъ Матвѣевичъ.

Я сказалъ, что это совершенно справедливо—что вотъ и къ нему пріѣхалъ по этому же случаю.

Иванъ Матвѣевичъ зналъ это безъ сомнѣнія очень хорошо и безъ меня; однако, плохо скрытая, радостная улыбка пробѣжала по его лицу и сей-часъ же исчезла, и онъ, какъ будто не догадываясь, проговорилъ: а я-то тутъ что же?

— Мнѣ съ вами надо кой о чемъ посовѣтоваться.

Ястребиные глазки Ивана Матвѣевича блеснули.

— Ну пойдемте, пойдемте ко мнѣ въ кабинетъ, говорилъ онъ, стараясь улыбнуться попривѣтливѣе какъ-нибудь. Что у васъ тамъ

за дѣло такое?.. Иванъ Матвѣевичъ поправилъ свои гладко причесанные и напомаженные узенькіе височки.

Мы вошли въ кабинетъ, маленькую комнатку, какъ-то сухо, офиціально убранную. Все въ ней мизерно, но все чисто, педантично-чисто. Иванъ Матвѣевичъ затворилъ за собою дверь.

Я разсказать не могу, какое гадкое чувство овладѣло мною, когда мы остались вдвоемъ.

Иванъ Матвѣевичъ разумѣется озаботился меня усадить, сѣлъ возлѣ меня самъ, и съ какимъ-то покровительственнымъ выраженіемъ лица, давалъ совѣты какъ поступать, т. е. собственно какъ подходить къ прокурору.

— Что же, говорилъ онъ, служба право-съ вещь хорошая. Сами изволите знать, какъ и общество, можно даже сказать, смотритъ на заслуженнаго мужа...

Я молча выслушалъ всю его болтовню о прелестяхъ службы и пр.

Наконецъ я сталъ прощаться. Пожимая мнѣ руку, Иванъ Матвѣевичъ перемѣстилъ изъ моей руки въ свою — 10 руб. бумажку. Я осязательно слышалъ, какъ его сухіе пальчики пошарили по моей ладони. Я чуть не выронилъ бумажку... Вотъ одолжилъ бы?!..

Мы вышли изъ кабинета. Я вздохнулъ свободнѣе.

— Такъ, такъ-то-съ, говорилъ мнѣ, затворяя за мною дверь на лѣстницу, Иванъ Матвѣевичъ. Вотъ какъ я вамъ совѣтывалъ, такъ и дѣлайте... Если деньги есть у васъ, это лучше-съ. Отдалъ да ужь и изъ головы вонъ, да право-съ — святое дѣло... А нѣтъ, такъ что-же-съ, на нѣтъ и суда нѣтъ, можно расписочку; кому другому, а вамъ-то они повѣрятъ: это не кто другой... Смотрите—не забудьте: прямо если будете давать—они такую баталію подымутъ; они на это —ни-ни, боже мой — ни за что!.. А вы, вотъ такъ сдѣлайте, какъ я вамъ говорилъ: у стола, справа, большое кресло стоитъ, зеленой клеенкой обито, да вы тамъ увидите его—вы на это-то кресло и садитесь; потомъ, какъ будете уходить, такъ и оставьте на немъ, какъ будто нечаянно; а они ужь тамъ возьмутъ-съ, не пропадетъ, не извольте безпокоиться. А такъ ни... ни...

— Ну, а если у него кто-нибудь будетъ?..

— Никого не будетъ. Иванъ Матвѣевичъ махнулъ рукой, я ужь скажу ему... вы-то только смотрите непремѣнно пріѣзжайте въ 7 часовъ... ахъ да, я совсѣмъ и забылъ—росписку-то на мое имя при-

готовьте, если денегъ-то нѣтъ!.. (При этомъ Иванъ Матвѣевичъ сказалъ свой чинъ имя и фамилію).

— Мое почтенье-съ...

Иванъ Матвѣевичъ запахнулъ халатъ, чтобы не прищемить его дверью и осторожно заперъ ее.

VI.

Въ назначенные 7 часовъ я былъ у прокурора. Прокуроръ совсѣмъ въ иномъ родѣ. Это огромный толстый господинъ съ сонливымъ выраженіемъ, съ розовой физіономіей, съ изжелта-сѣрыми глазами, обрамленными бѣлыми ресницами и такими же бровями. Онъ уже не молодой человѣкъ и даже очень,—ему должно быть, судя по его оплывшей физіономіи, лѣтъ за пятьдесятъ.

У прокурора, разумѣется, и помѣщеніе не такое, какъ у стряпчаго уголовныхъ дѣлъ. Я совсѣмъ было забылъ сказать, что Иванъ Матвѣевичъ служитъ стряпчимъ уголовныхъ дѣлъ.

Меня встрѣтилъ и проводилъ къ прокурору казачокъ, красиво одѣтый.

— У барина никого нѣтъ? спросилъ я.

— Нѣтъ-съ никого-съ.

— А Иванъ Матвѣевичъ былъ?

— Были-съ.

— Давно?

— Еще утромъ-съ.

— Ну, значитъ прокуроръ ужъ знаетъ въ чемъ дѣло, сообразилъ я.

Я вошелъ въ довольно большую комнату, отдѣланную на манеръ губернаторскаго кабинета. Тамъ только больше вкуса; замѣтно, что губернаторъ смыслитъ въ этомъ больше, чѣмъ прокуроръ.

За письменнымъ столомъ, спиною къ двери, сидѣлъ самъ прокуроръ. При моемъ появленіи онъ снялъ свои очки съ огромными круглыми стеклами, сложилъ ихъ и началъ со мною раскланиваться, пожимать мою руку своей мясистой лапой.

— Покорнѣйше прошу садиться.

Прокуроръ указалъ на знакомое уже мнѣ, по разсказамъ Ивана Матвѣевича, кресло, обитое зеленой клеенкой.

Я сѣлъ на него. Прокуроръ — противъ меня, у стола. Казачокъ принесъ намъ два стакана чаю. Потомъ принесъ сухарей, лимонъ, сливокъ и графинчикъ съ ромомъ.

— Не угодно ли съ ромкомъ, подзывалъ прокуроръ.

— Нѣтъ, очень благодаренъ.

— Зажги лампу, замѣтилъ онъ казачку тихимъ басистымъ голосомъ.

— А вѣдь я объ васъ слышалъ... Господи... дай богъ памяти отъ кого это?.. заговорилъ прокуроръ, почесывая пальцемъ на лбу: — забылъ-съ ей ей забылъ-съ... а слышалъ...

Очень можетъ быть, говорилъ я, я вотъ уже болѣе недѣли живу здѣсь...

— Для удовольствiй прiѣхали!..

Я взглянулъ въ глаза прокурору. Мутные — ничего въ нихъ не выражалось.

Вотъ мошенникъ-то, подумалъ я. Этотъ почище Ивана Матвѣевича. У того хоть глаза разгораются, по нимъ можно догадаться, что за птица, а этотъ...

— Нѣтъ, я по дѣлу здѣсь... Вотъ и къ вамъ тоже...

— По какому-съ?.. прокуроръ наострилъ лѣвое ухо и началъ надѣвать очки.

— Вотъ видите ли въ чемъ дѣло, началъ я. Я хочу служить, и служить (я назвалъ при этомъ должность)... Мнѣ сказывали, что это почти непосредственно отъ васъ зависитъ... я бы желалъ знать — могу ли получить это мѣсто?..

— Отчего-жъ и нѣтъ?

— Да нѣтъ-съ, это вѣрно?

— Т. е. какъ же это вы спрашиваете: вѣрно?.. Прокуроръ началъ опять снимать очки.

— Я спрашиваю въ томъ смыслѣ, что желаю рѣшительно знать—а то сами посудите, я здѣсь живу цѣлую недѣлю богъ знаетъ зачѣмъ?..

— Рѣшительно могу вамъ сказать только завтра утромъ. Прокуроръ посмотрѣлъ на меня своими мутными глазами и опустилъ ихъ.

Прошло нѣсколько секундъ общаго молчанiя. Казачокъ внесъ лампу и поставилъ ее. Прокуроръ погасилъ свѣчи. Бѣлый матовый свѣтъ разлился по комнатѣ.

— Да-съ, такъ-то-съ, проговорилъ прокуроръ. — Завтра утромъ я

вамъ скажу окончательно насчетъ вашего дѣла, а теперь не могу этого сдѣлать. Надо кое-какія справки еще навести, добавилъ онъ... И опять взглянулъ на меня.

— Въ какое же время завтра-то я могу узнать, спросилъ я?

— Это все равно... ну хоть утромъ милости прошу... такъ часовъ въ 11, что ли...

— Очень хорошо, я непремѣнно буду.

Благодарность прокурору у меня была въ боковомъ карманѣ. Вытащить мнѣ ее такъ, чтобы не замѣтилъ онъ, было очень трудно. По всей вѣроятности прокуроръ смекнулъ въ чемъ дѣло, и началъ съ чѣмъ-то возиться на столѣ. Я воспользовался этимъ благопріятнымъ моментомъ и подложилъ *подъ себя благодарность.*

Ну, теперь и ѣхать можно, подумалъ я чуть не въ слухъ, точно меня кто-нибудь душилъ...

— Мое почтеніе; такъ завтра я повидаюсь непремѣнно.

— Какъ же-съ; завтра я вамъ скажу непремѣнно... Да! А у предсѣдателя уголовной палаты вы ужь были?

— Нѣтъ, зачѣмъ же?

— Какъ же, надо вамъ и къ нему. Я безъ него ничего не могу сдѣлать...

Я остановился въ недоумѣніи...

— Съѣздите, съѣздите, продолжалъ прокуроръ.—Вы къ нему завтра поѣзжайте утромъ, а ко мнѣ-то ужь вечеркомъ милости прошу...

— Очень хорошо-съ..

Я вернулся домой точно съ каторожной работы, и раньше обыкновеннаго легъ спать.—Почитаю что нибудь, подумалъ я, и развернулъ книгу. Представьте себѣ мое удивленіе, изъ книги выпала моя росписка, которую я приготовилъ въ благодарность прокурору.

Сегодня утромъ я написалъ ее и совершенно позабылъ положить вмѣстѣ съ деньгами. Такимъ образомъ прокуроръ получилъ не 300 руб., а всего только 150 р.

Вотъ горе-то, подумалъ я, какъ теперь быть. Неужели опять мнѣ ѣхать къ нему и опять подкидывать?

Благодаря этому сюрпризу, я долго не могъ заснуть.

VII.

На другое утро часовъ въ 10 я сидѣлъ за послѣднимъ стаканомъ чаю и задумчиво докуривалъ сигару. Я собирался сейчасъ ѣхать къ прокурору и отвезти ему росписку.

— Вашъ баринъ дома? услыхалъ я чей-то голосъ.

— Дома, а что, спросилъ Иванъ Меркулычъ.

— Какъ, а что? мнѣ надо его видѣть, вотъ что.

— Онъ еще не одѣтъ.

— Все равно; скажи, что по дѣлу къ нему, отъ прокурора.

Иванъ Меркулычъ слово въ слово передалъ мнѣ свой разговоръ съ неизвѣстнымъ господиномъ.

— Да кто онъ такой? спросилъ я.

— Кто?—извѣстно чиновничишка какой-нибудь... дрянь, сердито промычалъ Иванъ Меркулычъ.

За дверями моей комнаты послышались покашливанія, потомъ нѣсколько робкихъ шаговъ. Потомъ опять покашливаніе. Я вышелъ.

Передо мною словно изъ земли выросла фигурка маленькаго чиновника въ форменномъ сюртукѣ. Вообще чиновникъ, какъ чиновникъ; само собою разумѣется—губернскій чиновникъ средней руки, которыхъ начальство держитъ во всей строгости слѣдующаго правила: «изнуряяй свою плоть, возвеселится духомъ».

Я поклонился.

Чиновникъ тоже шаркнулъ и какъ-то замялся насчетъ руки, т. е. подавать мнѣ ее, или нѣтъ? Я вывелъ его изъ недоумѣнія — протянулъ. Влажные, красноватые пальцы слегка коснулись моей руки и сейчасъ же удалились въ свое обычное помѣщеніе между 2-й и 3-ей пуговицей, считая съ низу.

— Вы отъ прокурора, мнѣ сказывали?.. садитесь пожалуйста...

— Точно такъ-съ, отъ Андрея Ивановича.

Чиновникъ приподнялъ на зади фалдочки своего сюртука и сѣлъ на стулъ.

Молчаніе, потомъ опять откашливаніе, глотаніе слюнъ.

— Кха... я насчетъ дѣла вашего...

— Что такое?

— Тутъ никого нѣтъ-съ?

— Никого.

Чиновникъ опять кашлянулъ, пріосанился, склонилъ голову на бокъ и тихимъ, мягкимъ голоскомъ началъ:

— Андрей Ивановичъ изволятъ обижаться. Они приказали сказать, что они не купецъ, они вѣдь не торгуются. Вѣдь вамъ Жаворонковъ говорилъ, что надо 300 руб. Они приказали мнѣ отдать вамъ, если вы не прибавите.

Чиновникъ говорилъ все чаще и чаще и наконецъ полѣзъ въ карманъ, откуда и вытащилъ мои деньги, завернутыя въ ту же бумажку, въ которой онѣ были завернуты у меня вчера.

Этотъ наивный цинизмъ, если только такъ можно сказать, до того меня изумилъ, что я рѣшительно не нашелся ничего ему сказать. Я уже насилу объяснилъ чиновнику въ чемъ дѣло.

— Да-съ, это бываетъ, говорилъ онъ, смѣясь и разсматривая мою росписку. — Вотъ-съ, извольте только здѣсь годъ и число выставить.... Да вотъ-съ и чина вашего нѣтъ.... Какъ же-съ.... это бы вамъ ужь лучше переписать.... Чиновникъ взглянулъ на меня.

— У меня чина нѣтъ; я просто кандидатъ университета.

— Ну такъ и извольте написать: кандидатъ—началъ диктовать мнѣ чиновникъ.

— Да помилуйте, что за глупости, для чего это нужно?

— Оно конечно-съ.... пожалуй и такъ ничего-съ, она форменная. Чиновникъ еще разъ посмотрѣлъ на росписку. Прочелъ ее должно быть, и сложилъ вмѣстѣ съ деньгами.

Опять откашливанья.

— Мое почтенье-съ, проговорилъ онъ вставая.

— Позвольте... скажите пожалуйста, что мнѣ къ предсѣдателю уголовной палаты тоже надо ѣхать и свезти что-нибудь?....

— А то какъ же-съ.... Безпремѣнно-съ — это ужь такое заведеніе....

— Ну а ему сколько же надо дать?

— Кругленькую-съ. Чиновникъ проговорилъ это шопотомъ и взглянулъ на меня.

— Т. е. какъ же кругленькую 1000 руб., что ли?

— Ахъ нѣтъ-съ... хе, хе, хе, какъ можно-съ!... *Пестренькую-съ*...

— То-есть 100 рублевую.

— Ну да-съ... Пожалуй можно и больше... Если хотите, они возьмутъ.

Чиновникъ осклабился своей остротѣ.

Что же, думалъ я, вѣдь и тебѣ, голубчикъ, надо что-нибудь дать... Я попросилъ его подождать и вышелъ въ другую комнату. Чиновникъ покашливалъ и выступалъ изъ угла въ уголъ осторожными шагами, стараясь ступать черезъ доску.

Я далъ ему 5 руб.

Было замѣтно, что по его тѣлу пробѣжало что-то въ родѣ лихорадочной дрожи, когда онъ бралъ изъ моей руки ассигнацію. Я не знаю причины этой дрожи и не берусь ее объяснять.

Онъ какъ-то торопливо оглянулся по сторонамъ и ни съ того, ни съ сего заговорилъ вдругъ о совершенно постороннихъ предметахъ.

— Предсѣдателя когда же я могу застать, спросилъ я?

— Ихъ всегда-съ можно застать дома; они въ присутствіи рѣдко бываютъ.

Чиновникъ кашлянулъ.

— Мое почтенье-съ. Повѣрьте, я всегда готовъ... Не забуду вашего благодѣянія... Вторая жена... Отъ нея ужь трое, да отъ первой трое, лепеталъ чиновникъ...

Иванъ Меркулычъ, подавая ему пальто, посмотрѣлъ на него, какъ на таракана, попавшаго въ супъ.

Чиновникъ хотѣлъ было уже выходить—я остановилъ его.

— Позвольте вотъ еще, скажите пожалуйста.

— Что такое-съ.

Чиновникъ снялъ фуражку.

— Вотъ что-съ. Что предсѣдателю надо тоже... давать не прямо?...

— Нѣтъ-съ, они насчетъ этого просты. Хе, хе.

— Очень вамъ благодаренъ.

— Мое почтенье-съ.

— Что денегъ-то ужь много роздали? спросилъ Иванъ Меркулычъ съ досадной улыбкой.

VIII.

Ровно въ часъ я поѣхалъ къ предсѣдателю уголовной палаты.

Меня встрѣтилъ растрепанный, босоногій малый, лѣтъ 20, бѣлобрысый, остриженный въ кружокъ, въ изношенномъ нанковомъ сюр-

тукѣ съ прорванными локтями. Грязь, неопрятность такъ и бросались въ глаза. Въ огромной передней съ выбѣленными мѣломъ стѣнами, на которыхъ висѣло штукъ 5 лисьихъ шкуръ (предсѣдатель, значитъ, охотникъ—это трофеи псовой утѣхи), съ грязными, некрашенными и должно быть лѣтъ десять немытыми полами, былъ удушающій лакейскій запахъ.

— Баринъ дома?

— Дома-съ... Иль нѣтъ-съ... Никакъ вышли... я сей часъ посмотрю.

Лакей скрылся.

— Дома-съ... Пожалуйте.

— Вотъ-съ, на лѣво-то, а то вы къ барынѣ зайдете...

Въ засаленномъ ужь до нельзя бухарскомъ халатѣ, раскуривая патріотическій продуктъ Жукова, передъ растворенными окномъ сидѣлъ самъ предсѣдатель, человѣкъ, по наружности и сложенію—типъ обыкновенныхъ помѣщиковъ-псарей: усатый, глаза на выкатъ, въ носу жаръ.

Для того чтобы опредѣлить, что это за господинъ, слишкомъ достаточно одного взгляда.

А здравствуйте, здравствуйте, какъ-то радостно, фамильярно заговорилъ предсѣдатель. — А я ужь ждалъ васъ, хе хе хе... — Мнѣ этотъ подлецъ, какъ его чорта?... Жаворонковъ говорилъ, что вы у прокурора были. Ну, думаю, и насъ грѣшныхъ не забудетъ... Да что тутъ, я люблю прямо; что вы чистаганомъ привезли, иль росписку небось?...

Я глаза вытаращилъ. Какъ ни былъ я приготовленъ встрѣтить что-нибудь замѣчательно-гадкое, но это было ужь выше всякаго ожиданія.

— Ну-съ... какъ же?.. продолжалъ спрашивать предсѣдатель. Какой смиренница, а самъ небось!!... Жаворонковъ сказывалъ, что вы студентъ, а ужь это такой народъ... чорта за рога схватитъ, а туда же стыдится... хе-хе-хе...

Предсѣдатель потрепалъ меня по боку.—Тутъ что ли? а? проговорилъ онъ.

Я молча вынулъ и отдалъ ему 100 рублевую бумажку.

Онъ взялъ ее въ руки, расправилъ и посмотрѣлъ на свѣтъ.

— Банчишко сегодня вечеромъ... Приходите-ка. Вы же можетъ и выиграете ее. Я вѣдь, батюшка, человѣкъ не скаредъ. Живу въ свое удовольствіе. Одно слово: люблю пожить. Придете что ли? а?

— Нѣтъ, мнѣ сегодня вечеромъ не время будетъ, насилу проговорилъ я.

— Ну что за дѣла, приходи, братецъ,—ужь на *ты* говорилъ предсѣдатель.—Отчего нельзя, что за дѣла? Вѣдь еще не на службѣ, а некогда, говоришь. Ну нашему брату такъ. Принесутъ иной разъ во—какую кипу, сиди да подписывай, ну и некогда, а у тебя что за дѣла?... говори толкомъ, придешь что ли?!...

Я окончательно растерялся.

— Мое почтенье-съ, проговорилъ я, и, какъ сумасшедшій, выскочилъ изъ комнаты.

— Куда вы?.. Э, чудакъ какой, кричалъ предсѣдатель. Оставайся обѣдать. Куда!...

Брошу я все это. Чего тутъ ждать, думалъ я... и вѣроятно былъ смѣшонъ въ это время, потому что когда извощикъ подвезъ меня къ моей квартирѣ, я слѣзъ только тогда съ дрожекъ, когда онъ мнѣ напомнилъ объ этомъ, и я видѣлъ, что онъ какъ-то странно посмотрѣлъ на меня.

IX.

Дома я засталъ Карелова. Я ему разсказалъ всѣ свои походы и наконецъ послѣднюю сцену у предсѣдателя.

— Экой ужасъ какой, говорилъ онъ, качая головой.—Ну, да теперь, значитъ, ты ужь прошелъ всѣ эти мытарства. Поздравляю.

— Это съ чѣмъ?!...

— Какъ съ чѣмъ?...

— Да конечно не съ чѣмъ поздравлять. Я хочу сегодня же ѣхать въ деревню. Я теперь окончательно убѣжденъ, что служить невозможно. Чортъ съ ними совсѣмъ и съ деньгами. Я уѣду, съ какимъ-то отчаяніемъ проговорилъ я.

— Ну, на что это похоже?... вѣдь это просто ребячество.

Я молчалъ. У меня передъ глазами все еще рисовалась безобразная сцена...

— Ну что, все уже кончено, утѣшалъ меня Кареловъ, и вѣроятно желая разсѣять, повезъ меня въ общественный садъ.

Тамъ я увидалъ опять то же, что и въ прошлые разы видѣлъ.

Опять въ томъ же синемъ испанскомъ плащѣ губернаторъ гулялъ подъ руку съ своей возлюбленной М-lle или М-me М—ой.

— А здравствуйте, здравствуйте, по обыкновенію весело заговорилъ онъ, увидя меня. Его дама тоже на меня благосклонно посмотрѣла и удостоила какого-то движенія въ родѣ поклона.

— Что вы такимъ бирюкомъ живете, спрашивалъ губернаторъ. Отчего вы вчера у Васюкиныхъ на вечерѣ не были? а? губернаторъ сдѣлалъ мнѣ *буку* изъ пальцевъ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ дѣтямъ.

— Я незнакомъ, сказалъ я.

— Ну, а теперь что не танцуете? продолжалъ онъ, указывая на нѣсколько паръ губернскихъ львовъ, отчаянно выплясывавшихъ по крашеному липкому полу воксала.

— Ну да кто же это танцуетъ, замѣтила его дама и презрительно взглянула на танцующихъ...

— Отчего же?... ничего, оправдывался губернаторъ.

— М — ва улыбнулась, какъ-то покачнулась и еще болѣе налегла на его плечо.

Губернаторскіе глазки засвѣтились, прищурились и умаслились. Старческое, изношенное лицо его покрылось еще больше мелкими складками.

Я съ боку смотрѣлъ на него. Мы шли всѣ трое рядомъ, т. е. губернаторъ, М — ва и я.

— Ваше превосходительство, раздалось съ боку. Я оглянулся и увидалъ прокурора. Такая почтительная, добрая улыбка сіяла на его лицѣ. Губернаторъ пожалъ ему руку.

— Ну что, Андрей Ивановичъ, что у васъ новенькаго?... Вы знакомы, продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

Прокуроръ издалъ одобрительное мычаніе. Я сказалъ, что вчера вечеромъ былъ у Андрея Ивановича и познакомился.

— Служить хочетъ, говорилъ губернаторъ, указывая на меня прокурору.

Что, спрошу я у него, подумалъ я, когда же наконецъ кончатся мои мытарства, и спросилъ.

— А вы развѣ моей записки не получили? Вы ужь давно въ саду? спросилъ прокуроръ.

— Нѣтъ, я никакой записки не получалъ. Развѣ ты, можетъ, Кареловъ?...

Я оглянулся. Карелова возлѣ меня не было. Онъ что-то съ жаромъ толковалъ директору гимназіи.

— Какъ же-съ, я вамъ писалъ и поздравлялъ васъ... По нашимъ соображеніямъ вы можете получить это мѣсто, улыбаясь продолжалъ прокуроръ.

— Ну вотъ что̀?... передразнилъ меня губернаторъ, а то ужь совсѣмъ было раскисъ...

Я глубоко вздохнулъ и улыбнулся... мнѣ не вѣрилось даже.

— Какъ фамилія вашего знакомаго, спросила меня М — ва, все это время любовавшаяся на Карелова, который былъ дѣйствительно очень не дуренъ. Я сказалъ.

— Гм.... А зовутъ?

— Я сказалъ и имя.

— Жоржъ... славное имя, лѣниво протянула она и пошла, потащивъ за собою улыбающагося губернатора.

— Мы остались вдвоемъ съ прокуроромъ.

— Такъ значитъ, ужь это вѣрно, что я получилъ эту должность, спросилъ я.

— Теперь вѣрно, вѣрно.

Прокуроръ взглянулъ на меня и улыбнулся.

— Скажите, что же я завтра могу и ѣхать? спрашивалъ я.

— Хоть сейчасъ.

Опять сонная улыбка.

— Неужели это правда, думалъ я. Мнѣ все еще не вѣрилось, что это конецъ моимъ мытарствамъ.

— Мое почтенье-съ, проговорилъ прокуроръ и пріятно улыбаясь, поклонился мнѣ.

— Вы куда, спросилъ я?

— Къ предсѣдателю. Въ картишки звалъ сегодня поиграть.

X.

На другой день я уже *официальнымъ* путемъ зналъ о признаніи меня *способнымъ*.

— Что же, братъ, теперь дѣлать, спрашивалъ я Карелова:—все кончено, надо ѣхать.

Кареловъ нашелъ, что дѣйствительно все кончено, оставаться не зачѣмъ, надо ѣхать.

Мы выѣхали въ эту же ночь. Помню, ночь была великолѣпная; тихая, теплая, сѣренькая, безъ мѣсяца, на небѣ наволокъ, въ воздухѣ дождемъ пахнетъ. Въ открытомъ тарантасѣ, съ сигарками въ зубахъ, мы шагомъ ѣхали по сонному городу. Покойно покачивался тарантасъ, когда колеса попадали на какой-нибудь камень. Мостовой въ нашей *губерніи* нѣтъ. Развѣ только на одной московской улицѣ, да и то это не мостовая—по этой улицѣ валяется больше камней, чѣмъ по другимъ.

Мы проѣзжали мимо губернаторскаго сада. Среди темной густой зелени, накрытой такимъ же темнымъ небомъ, ярко свѣтился вокзалъ; доносились звуки гарнизонной музыки, неистово игравшей Folichons. Мнѣ какъ-то скучно, грустно было, такъ, просто безпричинно скучно. Мы ѣхали возлѣ самой садовой рѣшетки. Сквозь отворенную калитку виднѣлось на скамеечкѣ, въ акаціевой тѣни какое-то свѣтленькое ситцевое платьице, возлѣ него кто-то въ манишкѣ, оба съ папиросками:

А вѣдь тоже, можетъ, счастливы, о любви вѣроятно рѣчь-то ведутъ, подумалъ я....

Крупныя рѣдкія дождевыя капли застучали по листьямъ, потянулъ вѣтерокъ...

— Дождикъ, проговорилъ Кареловъ.

— Надо верхъ поднять, замѣтилъ Иванъ Меркулычъ.

Остановились, подняли. Иванъ Меркулычъ надѣлъ свое верблюжье пальто съ колпакомъ, ямщикъ натянулъ армякъ. Маленькія, мохнатыя, крѣпкенькія русскія лошадки, позванивая бубенчиками, побѣжали ровной рысцой; мокрый колокольчикъ дребезжалъ подъ дугой. Кареловъ что-то толковалъ съ Иваномъ Меркулычемъ. Я забился

въ уголъ тарантаса, прилегъ къ подушкѣ, и ужь не помню, какъ пріѣхалъ въ Талинку. Я проспалъ всю дорогу.

XI.

Мнѣ хотѣлось поскорѣе попробовать своей новой должности, и потому мы съ Кареловымъ въ этотъ же день, вечеромъ, выѣхали изъ Талинки—я въ городъ принимать дѣла отъ своего предмѣстника; Кареловъ къ себѣ домой; онъ долженъ былъ тоже принимать должность — только мирового посредника.

Иванъ Меркулычъ собрался, уложилъ всякую дорожную мелочь и съ серьёзнымъ лицомъ осматривалъ старый дѣдовскій тарантасъ, долженствовавшій возить насъ съ нимъ изъ деревни въ деревню отъ слѣдствія къ слѣдствію.

Верстъ 10 намъ съ Кареловымъ приходилось ѣхать вмѣстѣ по одной дорогѣ. Мы сидѣли съ нимъ въ одномъ тарантасѣ. Другой съ Иваномъ Меркулычемъ и Федькой ѣхалъ сзади.

Лѣниво покачиваясь, тарантасы катились по мягкой широкой дорогѣ. Денекъ былъ такой славный, одинъ изъ тѣхъ милыхъ сѣренькихъ лѣтнихъ дней, когда все такъ тихо, мирно, когда и солнце-то не печетъ и какъ-то лѣниво свѣтитъ.

— Ну вотъ, все отъ тебя зависитъ—служи, занимайся, поставь на такую ногу себя, чтобы никто не смѣлъ позволитѣ себѣ даже подумать сдѣлать тебѣ какую-нибудь гадость; отъ тебя совершенно зависитъ установить такія или иныя отношенія... само собою разумѣется, что ты не долженъ имъ теперь же давать потачки. Малѣйшее что-нибудь и валяй... печатай. Небось братецъ, никто не рѣшится довести себя до того, чтобы быть ославленнымъ въ газетѣ...

Я разсмѣялся.

— Какъ важно это напр. для предсѣдателя-то. Да объ немъ хоть по всей Европѣ повѣсти, что̀ онъ за птица, онъ и то не поморщится.

Мнѣ лѣнь было спорить.

Мы доѣхали до поворота, тарантасы съѣхались и остановились рядомъ, Иванъ Меркулычъ вылѣзъ (онъ сидѣлъ въ кареловскомъ). Мы начали прощаться.

— Ну такъ теперь когда же увидимся, спрашивалъ Кареловъ.

— Да какъ тебѣ сказать... мнѣ хотѣлось бы поскорѣе тебя навѣстить...

— Я бы повезъ тебя по своему участку, я бы все тебѣ показалъ, задумчиво, восторженно говорилъ Кареловъ.

— Пріѣду, пріѣду...

— Ну что же, прощай.

— Прощай.

Мы обнялись, поцѣловались, Кареловъ влѣзъ въ свой тарантасъ. Лошади начали подергивать.

— Прощай же, крикнулъ онъ и еще разъ выглянулъ изъ тарантаса.

— Прощай.

Я долго смотрѣлъ ему вслѣдъ. Старый, длинный, пузатый тарантасъ его какъ-то посвистывая и брюзжа, какъ старуха, катился по большой дорогѣ. Прибитая еще вчерашнимъ дождемъ пыль едва подымалась отъ колесъ.

Мнѣ какъ-то сиротливо стало безъ него...

(*Продолженіе въ слѣд. книжкѣ*).

Сергѣй Терпигоревъ.

Полинино. 4 декабря 1862 г.

БОГИ ГРЕЦІИ.

(изъ гейне).

О, полно, блистающій мѣсяцъ! Въ твоемъ величавомъ сіяньи,
Широкое море сверкаетъ, какъ золото въ быстрыхъ струяхъ;
Весь берегъ облитъ какъ бы утреннимъ свѣтомъ,
Но съ призрачно-сумрачнымъ, тихимъ оттѣнкомъ.
По свѣтло-лазурному своду беззвѣзднаго неба
Проносятся бѣлыя тучи,
Какъ лики боговъ-исполиновъ
Изъ ярко блестящаго мрамора...

Нѣтъ, нѣтъ, то не тучи!
То сами они, то могучіе боги Эллады,
Тѣ боги, что весело такъ заправляли когда-то вселенной,
А нынче забиты, безъ жизни,
Какъ сонмъ привидѣній громадныхъ,
Проходятъ по нѣбу въ полуночный часъ.

Объятъ изумленіемъ чуднымъ, смотрю я
На этотъ воздушный, большой Пантеонъ,
На этихъ боговъ-исполиновъ,
Безмолвно и страшно свершающихъ по небу путь.

Вотъ онъ, вотъ Корніонъ, владыка небеснаго царства!
Узналъ я его бѣлоснѣжныя кудри,
Тѣ славныя, нѣкогда цѣлый Олимпъ потрясавшія кудри.
Въ рукѣ онъ потухшую молнію держитъ,
Въ лицѣ громовержца—несчастье и скорбь,
Но старая гордость съ него не исчезла донынѣ.
Да, славное время то было, о Зевсъ,
Когда ты себѣ на потѣху
Бралъ отроковъ, нимфъ, гекатомбы
И ими небесно себя услаждалъ!...
Но царствовать вѣчно нельзя и безсмертнымъ,
И новые старыхъ сгоняютъ,
Такъ нѣкогда самъ ты сѣдого отца своего
И дядей—титановъ согналъ,
Отцеубійца-Юпитеръ!...
Узналъ и тебя я, надменная Зевса супруга!
Ревнивой тоскою наполнено сердце твое,
И очи большія твои потускнѣли,
И нѣтъ уже силы въ лилейныхъ рукахъ,

. . . .

. . . .

Узналъ и тебя я, Паллада-Аѳина!
Ни щитъ твой, ни мудрость, какъ видно, спасти не умѣли
Отъ гибели гордыхъ боговъ!
Узналъ и тебя, Афродита,
Тебя, что была золотой и серебряной стала...
Хоть поясъ волшебный ты носишь еще и теперь,
Но съ ужасомъ тайнымъ гляжу на твою красоту я,
И если бы тѣломъ своимъ осчастливить меня
Ты вдругъ пожелала, какъ древнихъ героевъ,—
Я умеръ бы вѣрно отъ страха!...
Богинею труповъ ты кажешься мнѣ,
Венера-Либитина!
Не съ прежней любовью глядитъ тебѣ въ очи,
Безстрашный и гордый Арей.
И юноша Фебъ-Аполлонъ омрачился печалью:
Молчитъ его лира, та лира,
Что весело такъ на пирахъ олимпійскихъ звучала.
Еще молчаливо-грустнѣе Эфестъ. Да и какъ же
Не быть ему грустнымъ? Вѣдь онъ, хромоногій,
Не будетъ ужь Гебу смѣнять на пирахъ
И въ кубки вливать торопливо
Спасительный нектаръ.—Давно ужь умолкнулъ
Когда-то немолкнувшій хохотъ боговъ...
Я васъ никогда не любилъ, олимпійскіе боги!
Затѣмъ, что мнѣ греки противны давно
И римляне мнѣ ненавистны!
Но все жъ состраданье святое и горькая жалость
Сжимаютъ мнѣ сердце,
Когда я гляжу въ вышину
На васъ, позабытые боги,
Васъ, мертвыя, ночью бродящія тѣни,
Непрочныя, словно туманъ разгоняемый вѣтромъ.
Такія слова говорилъ я, и видимо глазу
Краснѣли воздушные образы въ небѣ,
Взглянули въ глаза мнѣ они умирающимъ взглядомъ
И вдругъ съ небосклона исчезли.
Сокрылся и мѣсяцъ за черною, новою тучей,
Запѣнилось бурное море,
И въ небѣ зажглись побѣдительно вѣчныя звѣзды.

П. ВЕЙНБЕРГЪ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА БЕКЛЯ.

Г. Т. Бокль. Исторія Цивилизаціи въ Англіи Т. I. изд. Н. Тиблена. 1863 г. Бокль. Исторія Цивилизаціи въ Англіи. 1, 2 и 3 выпус. 1863 г. Перев. А. Н Буйницкаго и Ѳ. Н. Ненарокомова).

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Отношеніе внѣшней природы къ человѣку всегда было одной изъ самыхъ тревожныхъ задачь для нашего ума. Не умѣя разрѣшить эту задачу на основаніи точнаго знанія естественныхъ законовъ, человѣческое воображеніе, одолѣваемое непонятными вопросами и сомнѣніями, создало множество призраковъ и облекло ихъ въ различныя теоріи и системы. Болѣзненная фантазія фанатика изъ тѣхъ же матеріаловъ, которыми такъ просто располагаетъ современный натуралистъ, построила ученіе о непримиримой враждѣ противуположныхъ началъ (дуализмъ) и въ самыхъ жизненныхъ проявленіяхъ природы заподозрила своего врага. Это воззрѣніе, развившись до отрицанія лучшихъ сторонъ матеріальной жизни, привело своихъ послѣдователей къ тому настроенію, которое у индійскаго факира близко граничитъ съ сумасшествіемъ. Другой дорогой, но почти къ тому же результату пришли и такъ называемые метафизики, съ тѣмъ единственнымъ различіемъ, что ихъ галлюцинаціи болѣе спокойны и менѣе вредны въ практическомъ отношеніи. Во имя отвлеченной идеи метафизикъ изъ науки сдѣлалъ своего рода капище, гдѣ производится умерщвленіе мысли, оторванной отъ дѣйствительной жизни. Какъ для фанатика такъ и для метафизика внѣшняя природа, со всѣмъ ея разнообразіемъ и богатствомъ, представляется холоднымъ трупомъ, отъ соприкосновенія съ которымъ замираютъ выспреннія

паренія нашего духа. Все, что внѣ человѣка, постоянно враждуетъ съ тѣмъ, что внутри его, и потому онъ долженъ смотрѣть на окружающіе его предметы или съ высоты мистическаго величія, или бояться ихъ какъ непріязненной силы. На этомъ безотрадномъ дуализмѣ созидалась исторія. Духъ свѣта и духъ тьмы, такъ поэтически выраженные древнимъ миѳомъ, попеременно оспаривали другъ у друга судьбу человѣческихъ обществъ, разрывая на двѣ половины ихъ цѣльный и нераздѣльный организмъ.

Изъ того же мистическаго воззрѣнія, стѣснившаго лучшіе порывы человѣческаго ума, сложилась односторонняя теорія и нравственности, заключившей нашу волю въ самомъ узкомъ кругу дѣятельности. Имѣя въ виду свои личныя выгоды, разныя политическія партіи старались впослѣдствіи примѣнять эту нравственность къ своимъ удобствамъ, вовсе не заботясь о томъ, на сколько она будетъ хороша и легка для массы. И такъ какъ экономическія соображенія всегда стояли на первомъ планѣ, то богатые классы постоянно стремились къ эксплуатаціи бѣдныхъ; для этого придумывались особенные правила, наставленія, и гдѣ этого было мало, тамъ употреблялись болѣе дѣйствительныя средства. Вотъ эту-то верхнюю позолоту обществъ, измѣнявшую свой цвѣтъ и яркость на отдѣльныхъ сословіяхъ, и назвали цивилизаціей; не смотря на то, что она, подобно вампиру, сосала сокъ большинства людей, ей приписали небывалыя заслуги. На самомъ же дѣлѣ равновѣсіе нравственныхъ силъ и общественныхъ отношеній, какъ главное условіе всякаго правильнаго развитія, нарушалось больше и больше, такъ что члены одной и той же соціальной семьи оказались непримиримыми врагами другъ другу... Нигдѣ этотъ печальный фактъ не выразился такъ ясно, какъ на исторіи женщины. Дикарь продавалъ ее на рынкѣ, вмѣстѣ съ другими продуктами, удовлетворявшими человѣческую прихоть; цивилизованное общество точно такъ же торгуетъ ею, но подъ другими, болѣе мягкими, формами. Та же раба, но съ цвѣтами на головѣ, вступаетъ въ гаремъ своего господина. Право сильнаго, опирающееся на законѣ эксплуатаціи, и здѣсь нашло себѣ полное примѣненіе.

Бёкль, сколько намъ извѣстно, въ первый разъ затрогиваетъ этотъ вопросъ и довольно ясно разграничиваетъ нравственную и умственную сферы человѣческой жизни. Это разграниченіе очень важно. Доселѣ моралисты присвоивали себѣ огромное вліяніе въ поступательномъ движеніи человѣческихъ обществъ, а между тѣмъ ихъ ди-

дактическая болтовня не имѣла никакихъ серьезныхъ послѣдствій. Ни одна великая реформа не была дѣломъ рукъ ихъ; напротивъ, можно помѣтить множество примѣровъ, подтверждающихъ глубокую ихъ ненависть къ нововведеніямъ и постоянную оппозизію передовымъ людямъ. Бёкль выбираетъ изъ богатаго запаса своихъ историческихъ свѣденій очень удачный примѣръ; онъ указываетъ на римскихъ императоровъ, изъ которыхъ самые добродѣтельные были ужасными гонителями религіозной совѣсти, и самые развращенные отличались вѣротерпимостію. Иначе и быть не могло. Первые были искренно убѣждены, что истребленіе такой ереси, какъ христіанская вѣра, составляетъ доблестный подвигъ ихъ цесарской власти. Они съ наслажденіемъ преслѣдовали поклонниковъ Христа, бросая ихъ въ огонь, и посылая умирать на аренѣ цирка. Напротивъ, такіе императоры, какъ Коммодъ и Геліогабалъ, утопавшіе въ грязи разврата, и открыто глумившіеся надъ всякой добродѣтелью, не мѣшались въ общественные интересы, и потому менѣе принесли зла человѣчеству. То же явленіе повторяется и въ новой исторіи. Католическіе фанатики, проливавшіе кровь съ увлеченіемъ и страстью, были люди, въ обыкновенномъ смыслѣ, нравственные. На почернѣвшихъ портретахъ античныхъ галерей мы доселѣ видимъ эти восковыя личности, питавшіяся цѣлую жизнь плодами и кореньями, не знавшія ни женщинъ, ни свѣтскихъ развлеченій, но когда дѣло касалось ихъ убѣжденій, они обращались въ дикихъ пантеръ и не знали границъ жестокости въ преслѣдованіи своихъ враговъ. Поэтому въ извѣстныхъ случаяхъ отсутствіе строгихъ убѣжденій и равнодушіе къ человѣческимъ дѣламъ составляютъ единственное спасеніе отъ крутыхъ деспотическихъ мѣръ. Если бъ исторія представляла намъ менѣе добродѣтельныхъ людей, въ родѣ Игнатія Лойолы, то сумма злодѣяній, совершенныхъ человѣчествомъ, была бы гораздо умѣреннѣе. Но вотъ вопросъ, постоянно занимающій вниманіе дидактиковъ и моралистовъ: если главнымъ органомъ нашей умственной дѣятельности служитъ мозгъ, то гдѣ же органъ нашей нравственности? Какая часть нашего живого организма можетъ быть названа тѣмъ фокусомъ, изъ котораго распространяются добрыя или злыя побужденія человѣка? Нельзя же предполагать, чтобы всѣ наши намѣренія и дѣйствія управлялись одними предписаніями закона или принудительными средствами власти; этого быть не можетъ. Ни законъ, ни внѣшняя власть, какъ бы она далеко ни простирала свое вмѣшатель-

ство въ частную дѣятельность людей, не имѣютъ на столько проницательности, чтобы слѣдить и контролировать внутреннія движенія человѣка. Пока они не переходятъ во внѣшній актъ воли, зарожденіе и развитіе ихъ едва ли ясно представляются тому самому лицу, которое носитъ ихъ въ себѣ. По крайней мѣрѣ, есть много такихъ нравственныхъ движеній, которыя происходятъ мгновенно и приводятся въ исполненіе безъ всякаго плана и даже сознанія съ нашей стороны. Поэтому надо было предположить особенную силу, руководящую нравственными поступками человѣка: эту силу психологи назвали совѣстью. Но что это за способность и въ чемъ ея отличительные признаки — никто не отвѣчаетъ на это положительно и никто не можетъ поручиться, чтобъ внѣшнія его дѣйствія были согласны съ внутренними движеніями. Для однихъ совѣсть одна, для другихъ другая. Напримѣръ, убійство людей всегда было предметомъ отвращенія для идеалиста-философа, а между тѣмъ никто больше не вдохновлялся и не воспѣвалъ гуртовыхъ убійствъ, называемыхъ войнами, какъ идеалисты поэты. Еслибъ внутренній голосъ совѣсти одинаково подсказывалъ свои наставленія этимъ людямъ, то они не стали бы противорѣчить въ сочувствіи или антипатіи одному и тому же предмету. Пусть каждый изъ насъ заглянетъ въ себя поглубже и, провѣривъ свои дѣйствія, спроситъ: всегда ли они согласны съ его понятіями о добрѣ и злѣ... Доселѣ изъ всѣхъ нравственыхъ инстинктовъ самымъ сильнымъ и ясно-сознаваемымъ инстинктомъ было чувство самосохраненія. Оно такъ нормально и естественно, что никогда не нуждалось въ юридическихъ предписаніяхъ для того, чтобы мы слѣдовали его внушеніямъ. Поставьте человѣка въ какое угодно положеніе, подъ какой угодно географической широтой, на какомъ угодно горизонтѣ развитія, это благородное чувство постоянно находится съ нимъ. Оно пробуждается ранѣе другихъ чувствъ, въ первый моментъ нашего сознанія. Дикарь, брошенный на пустынномъ островѣ и окруженный со всѣхъ сторонъ непріязненными вліяніями природы, прежде всего позаботится о сбереженіи своей жизни; каждый шагъ и каждое движеніе его руки будутъ направлены къ тому, чтобы обезпечить себѣ возможно лучшее и безопасное существованіе. И это неудивительно; все живое и органическое, что только носитъ на себѣ наша грязненькая планета, одарено инстинктомъ сбереженія своихъ силъ и развитія ихъ. У человѣка эта потребность должна достигать высшей мѣры, потому что

организмъ его отличается необыкновенной сложностію, которая требуетъ огромныхъ усилій для полнаго развитія его и слѣдовательно самосохраненія. Когда человѣкъ вступаетъ въ общество и образуетъ новыя отношенія въ своей жизни, онъ вноситъ это чувство во всѣ соціальныя комбинаціи. Религія, гражданскій порядокъ, международныя связи—все это прямо вытекаетъ изъ стремленія людей сохранить и продолжить свою жизнь. Почему не всякому народу удается осуществить это желаніе вполнѣ, почему у одного народа оно проявляется сильнѣе, а у другого слабѣе, — это вопросъ для насъ посторонній; но нельзя представить себѣ ни одного человѣческаго общества, которому бы это стремленіе было совершенно чуждо. Замѣчательно то, что у народовъ хилыхъ, развращенныхъ рабствомъ и войнами, чувство самосхранія падаетъ на низкую степень, и человѣкъ дѣлается равнодушнымъ къ самымъ высокимъ интересамъ своей жизни. Императорскій Римъ, выставляя на свои зрѣлища цѣлыя бойни животныхъ, смѣшивалъ съ ними своихъ рабовъ, часто оцѣнивая ихъ гораздо дешевле, чѣмъ какого-нибудь рѣдкаго звѣря. Напротивъ, націи крѣпкія и свободныя чрезвычайно дорожатъ собой и отстаиваютъ свое достоинство до послѣдней крайности. Здѣсь нельзя обращаться съ человѣкомъ, какъ съ животнымъ, и онъ не позволитъ, хотя бы это стоило ему жизни, унизить себя до безгласнаго существа. И если такое настроеніе общества соединяется съ глубокимъ сознаніемъ его правъ, тогда чувство самосохраненія является высокимъ нравственнымъ чувствомъ, облагораживающимъ человѣка и окрыляющимъ его дѣятельность на всѣхъ поприщахъ. Тогда онъ окажется способнымъ найдти и устроить для себя такія соціальныя формы, которыя сами по себѣ избавятъ его отъ злодѣяній, теперь сдерживаемыхъ угрозой карательнаго закона; только тогда человѣкъ пойметъ, что его жизнь и свободное развитіе ея гарантированы отъ насилія и оскорбленія не случайными фактами, а тѣмъ естественнымъ положеніемъ, которое даетъ ему возможность пользоваться своими правами такъ же нормально, какъ птицѣ — летать въ воздухѣ, а рыбѣ—плавать въ водѣ.

Сообразивъ хорошенько все, что сказано выше, легко понять, что нравственный элементъ, какъ одинъ изъ дѣятелей европейскаго прогресса, не внесъ положительныхъ началъ въ развитіе человѣчества. Каждому изъ современныхъ народовъ пришлось пройдти рядомъ не-

простительныхъ ошибокъ къ своему настоящему состоянію. Представимъ себѣ длинную тюрьму, изъ глубины которой надо пробираться мрачными переходами на свѣжій воздухъ; чѣмъ ближе къ выходу, тѣмъ легче дышется и тѣмъ свѣтлѣе для глазъ. Но на каждомъ переходѣ надо было бороться со множествомъ препятствій, съ различными привидѣніями, порождаемыми темной ночью и еще болѣе темной фантазіей самого узника. Кругомъ него раздавались глухіе стоны, гремѣли цѣпи, поднимались эшафоты, шли похоронныя процессіи; онъ все это слышалъ, но не понималъ, для чего и отъ кого зависятъ эти страданія. Наконецъ многіе изъ этихъ несчастныхъ узниковъ подходили къ самому порогу, за которымъ виднѣлся день, ясная и привольная перспектива жизни; оставалось, кажется, только перешагнуть за ворота смерти и молчанія, но перешагнуть-то и не доставало силъ. Онѣ утомлены, да и не привыкли къ новому мѣсту и воздуху... Зато, говорятъ намъ, сколько великихъ людей, сколько нравственныхъ доблестей, сколько великихъ открытій сдѣлано человѣчествомъ. Да; но кто же воспользовался ими и чѣмъ они купили себѣ право на величіе?

Переходя изъ нравственной сферы въ умственную и наблюдая за побѣдами человѣческаго знанія, картина нѣсколько измѣняется. Здѣсь мы видимъ положительныя пріобрѣтенія, сдѣланныя общими усиліями людей и обращенныя въ общее достояніе человѣчества. Не легка была и эта дорога, но по ней можно было идти не къ рабству и нищетѣ, не въ глубину тюрьмы, а на просторъ и дѣятельность. Оцѣнивая характеръ этого дѣятеля въ исторіи народовъ, по сравненію съ нравственнымъ движеніемъ, Бёкль не видитъ въ послѣднемъ ничего прогрессивнаго и постояннаго; игра страстей, капризы воли, различныя вспышки темпераментовъ, вѣчные приливы и отливы добра и зла—все это такъ перемѣнчиво, что нѣтъ никакой возможности подвести подъ какіе нибудь осязательные законы. Но и надъ всѣмъ этимъ, говоритъ Бекль, есть гораздо высшее движеніе, и между тѣмъ, какъ теченіе (исторіи) состоитъ изъ приливовъ и отливовъ, между этими безконечными волненіями, одна, и только одна, вещь постоянно живетъ. Злодѣянія людей производятъ лишь временное зло, и добродѣтели лишь временное добро; и добро и зло погружаются въ пропасть, умѣряются послѣдующими поколѣніями и исчезаютъ въ безпрерывномъ движеніи грядущихъ вѣковъ. Но открытія великихъ людей навсегда — съ нами; эти открытія вѣчны, въ нихъ заклю-

чаются исконныя истины, переживающія паденія царствъ, борьбы враждебныхъ вѣрованій; одни вѣрованія годятся для одного вѣка, другія — для другого. Подобно снамъ, безслѣдно исчезающимъ, они проходятъ; одни открытія геніальныхъ людей не пропадаютъ. Имъ-то мы и обязаны всѣмъ, что имѣемъ; они для всѣхъ вѣковъ и поколѣній. Не зная ни молодости, ни старости, они носятъ въ себѣ сѣмена своей собственной жизни». (History of Civilization in England. New York. vol. 1. 163). Такимъ образомъ Бёкль въ развитіи цивилизацій признаетъ главнѣйшею силою — умственную дѣятельность человѣка. Но человѣческій умъ былъ бы мертвымъ капиталомъ, самой безплодной способностію, еслибъ онъ не обогащался *знаніемъ*. А знаніе по отношенію къ нашему уму то же, что сила движенія по отношенію къ физическимъ органамъ; оно не увеличиваетъ ни вѣса, ни объема мозга, но даетъ ему извѣстную ловкость производить и комбинировать понятія и сужденія. Отъ правильности и быстроты этихъ комбинацій зависитъ умственная дѣятельность человѣка; она тѣмъ лучше, чѣмъ выше и чище тѣ элементы, изъ которыхъ составляется ея внутренній процессъ. Мы видимъ, что въ грубомъ и неразвитомъ состояніи мысль работаетъ медленно, робко и ошибочно; а у человѣка образованнаго она отличается необыкновенной эластичностію и, смотря по кругозору ея, болѣе или менѣе обширнымъ пониманіемъ окружающихъ предметовъ. Если бъ можно было съ математической точностью измѣрить разстояніе между міросозерцаніемъ Байрона и того наборщика, который набиралъ его драматическія произведенія, то легко могло статься, что въ головѣ второго оказалось бы гораздо больше мозгу, чѣмъ въ головѣ перваго, а между тѣмъ какая бездна различія въ качественномъ достоинствѣ той и другой головы. Но отъ чего же происходитъ это различіе? Многіе еще доселѣ думаютъ, что мы родимся то геніями, то талантами, то идіотами по волѣ природы и по какому-то невѣдомому распредѣленію ея жребіевъ; мнѣніе это, очень удобное для лѣниваго ума, не выдерживаетъ ни одного серьезнаго возраженія для тѣхъ, кто ясно понимаетъ, что у природы нѣтъ ничего напередъ задуманнаго, что она не дѣлитъ насъ на особенныя касты, что ея творческая сила обусловливается тѣми матеріалами, изъ которыхъ она сама составляется и потомъ производитъ. Всѣ мы родимся геніями, но единицы дѣйствительно дѣлаются ими, а миллоны остаются идіотами единственно потому, что соціальная

обстановка не всѣмъ позволяетъ одинаково развиваться. Знаніе такъ же, какъ здоровая пища и чистый воздухъ, обращены въ привилегію богатыхъ классовъ. Поэтому когда возникаетъ вопросъ о различіи умственныхъ организацій, то онъ прямо соединяется съ вопросомъ о воспитаніи, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, начиная отъ зачатія ребенка и оканчивая полнымъ развитіемъ его среди тѣхъ или другихъ общественныхъ условій. И такъ какъ знаніе, подобно уму, не имѣетъ въ себѣ ничего количественнаго, что можно было бы наблюдать простымъ глазомъ, или класть подъ микроскопъ, то оно для насъ важно не по обилію фактовъ или свѣденій, а по своей способности возбуждать и раскрывать наши мыслящія силы. Есть люди, которые очень много знаютъ, очень много видѣли и читали, и все-таки остаются людьми рѣшительно глупыми; къ сожалѣнію это всего чаще замѣчается на спеціалистахъ дюжиннаго разбора. Еслибъ поставить рядомъ поэта Лермонтова и историка Касторскаго, то, вѣроятно, послѣдній оказался бы на столько же ученѣе перваго, на сколько первый умнѣе послѣдняго: скрипъ немазанаго колеса и великолѣпный музыкальный аккордъ при совершенно равныхъ условіяхъ дѣйствуютъ на слухъ совершенно различно...

Первымъ отличительнымъ свойствомъ хорошаго развитія служитъ оригинальность ума и его стремленіе къ новымъ открытіямъ. Только рутина и вялое безсиліе любятъ держаться старыхъ понятій и пережевывать ихъ на разные лады, а люди, смотрящіе вдаль, не могутъ останавливаться на точкѣ замерзанія. Ихъ дѣятельность удовлетворяется только тогда, когда имъ предвидится что-нибудь новое и лучшее впереди. Но человѣческій умъ идетъ впередъ на пути своихъ изысканій и открытій только посредствомъ сомнѣнія и отрицанія. Сомнѣніе есть первый шагъ къ знанію. Съ той минуты, когда человѣкъ перестаетъ безусловно вѣрить тому, что онъ принялъ отъ другихъ учениковъ подъ вліяніемъ авторитета, начинается его самостоятельное образованіе. На этомъ законѣ основываетъ Бёкль прогрессивное развитіе народовъ. Онъ паралельно изучаетъ его въ исторіи двухъ націй—Англіи и Франціи, соединяя ихъ въ одну общую картину своего интереснаго изслѣдованія. И тамъ, и здѣсь, по мнѣнію его, человѣческому уму суждено было бороться съ двумя главными врагами: съ тиранніей церкви и съ тиранніей политической системы. Съ тѣхъ поръ,

какъ пробудилось въ европейскомъ обществѣ сомнѣніе насчетъ этихъ двухъ авторитетовъ, открывается движеніе народовъ, съ каждымъ столѣтіемъ наносящее новые удары суевѣрію и деспотизму. До одиннадцатаго вѣка Бекль смотритъ на Европу, какъ на бездушный трупъ, въ которомъ на время какъ будто прекратилась всякая жизнь. Это была страшная ночь, среди дремучаго лѣса, наполненная разными привидѣніями и чудовищами. Но съ десятаго или одиннадцатаго вѣка сквозь эту непроглядную тьму пробивается свѣтъ, и «съ этого момента,—продолжаетъ историкъ,—начинается великій расколъ между европейскими націями. До сей поры суевѣріе ихъ было такъ универсально и безконтрольно, что не стоило бы опредѣлять степень ихъ относительнаго варварства. Дѣйствительно, они такъ низко упали, что впродолженіе перваго періода власть духовенства во многихъ отношеніяхъ была спасеніемъ ихъ; полагая границу между народомъ и его правителями, она въ то же время подавала примѣръ кой-какого уваженія къ умственнымъ занятіямъ. Но когда начался великій поворотъ, когда человѣческій разумъ возмутился, положеніе духовенства немедленно измѣнилось. Оно благопріятствовало мысли, пока мысль была на его сторонѣ; когда знаніе заключалось въ однѣхъ его рукахъ, оно готово было защищать его интересы. Но теперь оно разлучилось съ ними; свѣтское общество овладѣло умственной жизнію, и потому знаніе сдѣлалось опаснымъ, и подверглось преслѣдованію. Отсюда въ первый разъ являются вездѣ инквизиціи, тюремныя заключенія, пытки, костры и другія преграды, которыми духовенство напрасно старалось остановить потокъ, устремившійся противъ него. Съ этого времени завязывается безпрерывная борьба между двумя главными партіями—защитниками свободнаго мышленія и сторонниками суевѣрія;—борьба, подъ какими бы формами и какъ бы она ни скрывалась, въ сущности все та же,—борьба знанія и суевѣрія, скептицизма и преданія, прогресса и реакціи, стремленій къ будущему, и приверженности къ прошлому. Здѣсь и лежитъ поворотная черта европейской цивилизаціи. Съ этого момента разумъ началъ, хотя и слабо, заявлять свое превосходство, и развитіе каждаго народа стало зависѣть отъ повиновенія предписаніямъ мысли, отъ того успѣха, съ которымъ онъ соглашалъ всѣ свои дѣйствія съ требованіями ума.» (History of Civ. in Engl. гл. IX.) Но когда умъ одержалъ первую свою побѣду надъ непріязненной ему властію, на мѣстѣ этой власти является другая, вооруженная

мечемъ, — власть феодальная. Отсюда борьба усиливается, потому что вмѣсто одного врага являются двое, и чѣмъ оппозиція имъ выступаетъ смѣлѣй, тѣмъ враги смыкаются ближе и употребляютъ всевозможныя средства, чтобы какъ можно долѣе удержать за собой кровавое поле битвы... Такимъ образомъ идея Бёкля формулируется слѣдующимъ образомъ: чѣмъ свободнѣе и лучше была умственная жизнь народа, тѣмъ онъ больше сдѣлалъ для своего счастія, и эта идея какъ золотая жила, сверкающая между пескомъ и каменьями, проводится имъ среди массы историческихъ событій, революцій и реакцій.

Но достаточно одного поверхностнаго взгляда на европейскую исторію, чтобы видѣть различіе умственнаго уровня народовъ. Одна страна развивается быстрѣе, другая медленнѣе; въ одной странѣ образованіе принимаетъ характеръ религіозный, въ другой чисто-реальный, удовлетворяющій практическимъ требованіямъ общества, въ третьей— преобладаетъ направленіе теоретическое, какъ напримѣръ въ Германіи, не имѣющее почти никакой органической связи съ дѣйствительной жизнію и общественными интересами. Поэтому, при оцѣнкѣ умственнаго развитія той или другой націи, необходимо обратить вниманіе на самое *качество* тѣхъ знаній, которыми располагаетъ общество. Въ этомъ случаѣ весьма важно поставить вопросъ слѣдующимъ образомъ: съ какою цѣлью народъ старается образовать себя? Если онъ ищетъ въ образованіи не практическаго приложенія его къ своей жизни, а какого-то пустого аристократическаго отличія по сравненію съ невѣжествомъ, какъ это было съ высшими сословіями Европы, то можетъ ли имѣть какую-нибудь цѣну такое образованіе? Разумѣется, никакой. Нельзя сказать, чтобъ въ средніе вѣка не было людей образованныхъ, чтобъ въ гнилыхъ тогдашнихъ школахъ юношество меньше насъ потѣло и зѣвало надъ схоластическими учебниками, но что же путнаго дала схоластика человѣчеству, и къ какому результату привела она Европу? Безплодность и сухость этого знанія только истощила свѣжесть умственныхъ силъ и, навѣрное можно утверждать, что въ концѣ XV вѣка тѣ народы и сословія были глупѣе, у которыхъ схоластическая наука особенно процвѣтала. То же самое явленіе повторилось на французскомъ дворянствѣ XVIII вѣка: это было самое развратное и нелѣпое сословіе, а между тѣмъ по образованію оно стояло неизмѣримо выше другихъ сословій... Слѣдовательно выборъ предметовъ для

нашего умственнаго развитія имѣетъ огромное значеніе; имъ собственно рѣшается судьба дальнѣйшей соціальной дѣятельности народа. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ всѣхъ знаній, какія только доступны нашей любознательности, знаніе окружающей насъ природы болѣе полезное и плодовитое. Вліяніе природы дѣйствуетъ на насъ ежеминутно; съ нимъ мы безпрестанно боримся и отъ него или страдаемъ или благоденствуемъ; съ феноменами природы тѣсно связывается вся наша общественная жизнь, и потому пониманіе ея есть первая задача въ нашемъ развитіи. А изъ этого слѣдуетъ то, что изученіе естественыхъ наукъ должно стоять на первомъ планѣ всякаго народнаго образованія. Тамъ, гдѣ важность ихъ понята и гдѣ ими занимаются много, тамъ на сторонѣ знанія есть положительное преимущество; по степени ихъ распространенія можно судить о дѣйствительной потребности образованія и о хорошемъ направленіи его. Это такъ вѣрно, что если народъ пренебрегаетъ естественными знаніями, то безошибочно можно изъ этого заключить, что онъ народъ дикій или испорченный историческими обстоятельствами. То же самое мы видимъ и на отдѣльныхъ личностяхъ; у плохихъ лирическихъ поэтовъ, у людей, страдающихъ пошленькимъ идеализмомъ и мечтательностію есть какое-то инстинктивное отвращеніе къ естественнымъ наукамъ. Все это доказываетъ одно, что всякое положительное знаніе прививается только къ здоровому и нормальному уму, а такого ума въ иномъ обществѣ пожалуй не отыщешь и нѣсколькихъ золотниковъ... Дополнимъ наше мнѣніе нѣсколькими мѣткими словами Бекля: «литература, говоритъ онъ, какъ сокровищница идей, выработанныхъ человѣчествомъ, наполнена не только мудростію, но и нелѣпостями. Поэтому польза, извлекаемая изъ нея, не столько зависитъ отъ самой литературы, сколько отъ искуснаго изученія и отъ благоразумнаго выбора предметовъ ея. Въ этомъ заключаются первыя условія успѣха; въ противномъ случаѣ число и достоинство книгъ, находящихся въ странѣ, не имѣетъ никакого значенія. Даже у народовъ высшей цивилизаціи всегда есть стремленіе предпочитать тѣ отрасли литературы, которыя льстятъ старымъ предразсудкамъ, чѣмъ тѣ, которые оппозируютъ имъ. И въ той странѣ, гдѣ это стремленіе выражается очень сильно, единственнымъ послѣдствіемъ большой учености будетъ увеличеніе матеріаловъ для подкрѣпленія старыхъ заблужденій и суевѣрій. Въ наше время такіе примѣры встрѣчаются не рѣдко; намъ часто попадаются люди, которыхъ ученость служитъ органомъ ихъ не-

вѣжества и которые чѣмъ больше читаютъ, тѣмъ меньше знаютъ. Бываютъ и такіе соціальные періоды, когда это настроеніе до того обобщается, что литература приноситъ больше вреда, чѣмъ пользы». (Hist. of Civil. T. I. стр. 195). Вотъ это-то очень умное замѣчаніе Бёкля не мѣшаетъ принять къ свѣденію нашей публикѣ и юродивымъ просвѣтителямъ ея, въ родѣ г. Старчевскаго и tutti quanti

Вторымъ условіемъ хорошаго умственнаго развитія служитъ равномѣрное распредѣленіе знанія между всѣми членами общества. Въ противномъ случаѣ эксплуатація однихъ сословій другими дѣлается неизбѣжной; тѣ классы людей, въ рукахъ которыхъ скопляются всѣ умственные интересы и слѣдовательно бо̀льшая часть общественной дѣятельности подчиняютъ своимъ эгоистическимъ разсчетамъ невѣжественную массу и, при дурномъ соціальномъ порядкѣ вещей, не замедлятъ обратить ее въ своихъ паріевъ. Этотъ фактъ съ необыкновенной точностію повторяется исторіей всѣхъ образованныхъ народовъ. Тамъ, гдѣ неравномѣрность умственнаго развитія особенно велика, общество находится въ постоянномъ лихорадочномъ состояніи, какимъ страдаетъ отдѣльное лицо во время воспаленія головы и болѣзненнаго холода въ ногахъ. Еслибъ намъ былъ предоставленъ выборъ между двумя системами—сдѣлаться народомъ очень развитымъ, но только въ извѣстномъ кругу, или ограничиться самымъ низкимъ уровнемъ образованія, но раздѣлить его поровну между всѣми сословіями, то мы охотно предпочли бы послѣдній случай. Нѣсколько геніальныхъ единицъ на нѣсколько милльоновъ идіотовъ—плохая вещь; это то же, что шелковая заплата на грязномъ сермяжномъ кафтанѣ. Къ сожалѣнію, равновѣсіе умственныхъ силъ въ соціальномъ организмѣ зависитъ отъ чисто-экономическихъ условій: у большинства людей, занятыхъ съ утра и до вечера пріобрѣтеніемъ насущнаго куска хлѣба, не имѣющихъ ни досуга, ни средствъ для умственныхъ занятій, отнята всякая возможность къ образованію. Грубое невѣжество такъ же неразлучно съ ними, какъ дурная пища и зараженная вредными міазмами атмосфера. Кто желаетъ изъ читателей поближе познакомиться съ нашимъ взглядомъ на этотъ предметъ, тотъ можетъ обратиться къ статьѣ, болѣе подробно раскрывающей этотъ вопросъ, и напечатанной въ «Рус. Словѣ» (О значеніи университетовъ въ системѣ народнаго воспитанія. 1861 г. 12 кн.).

Наконецъ третье условіе умственныхъ успѣховъ народа и соотвѣтственнаго имъ хорошаго соціальнаго развитія состоитъ въ самомъ объ-

емѣ накопляемыхъ знаній. Выражаясь языкомъ ариѳметики, сумма ума одного народа сравнительно съ суммою ума другого опредѣляется относительной цифрой 1) образованныхъ дѣятелей, 2) открытій и изобрѣтеній, которыми обогащаетъ себя общество. Что касается первыхъ, то они являются по мѣрѣ того, какъ чувствуется въ нихъ потребность; у народа дикаго, гдѣ все живетъ одной животной силой и войной, нѣтъ надобности въ умственныхъ занятіяхъ, слѣдоват. нѣтъ надобности и въ дѣятеляхъ, разработывающихъ науку. Всѣ интересы и нужды дикаря удовлетворяются чисто физическимъ трудомъ, и потому сила мускуловъ, необузданная отвага въ бою и ловкость въ убійствѣ подобныхъ себѣ людей, цѣнятся выше всего; кто больше принесетъ человѣческихъ череповъ на тризну побѣды, тотъ и считается героемъ. Вокругъ него группируется военная каста, безусловно управляющая подвластной ей толпой. Но какъ скоро эта животная жизнь начинаетъ уступать свои права умственной дѣятельности, вызываемой развитіемъ новыхъ потребностей и инстинктовъ въ обществѣ, сословіе мирныхъ гражданъ, преданныхъ умственному труду, начинаетъ пользоваться уваженіемъ и общество ожидаетъ отъ него осуществленія своихъ лучшихъ стремленій. На мѣстѣ военнаго лагеря становится школа и купеческая лавка; вмѣсто дикихъ упражненій войны совершаются спокойныя побѣды соціальнаго труда. Образованіе дѣлается необходимой стихіей, безъ которой общество не можетъ жить. Тамъ, гдѣ прежде работала одна физическая сила, теперь работаетъ умъ; онъ нуженъ каждому—и ремесленнику, стоящему у машины, и механику, изобрѣтающему эту машину; онъ нуженъ матросу на кораблѣ и путешественнику, отправляющемуся въ море для новыхъ открытій. Всѣ соціальныя отношенія такъ складываются, что безъ образованія трудно ступить шагъ, чтобъ не сдѣлать ошибки и не повредить своимъ личнымъ интересамъ. Потребность въ людяхъ образованныхъ съ каждымъ днемъ чувствуется больше, трудъ ихъ дѣлается самымъ благодарнымъ и общественное положеніе самымъ почтеннымъ. Само собою разумѣется, что недостатка въ такихъ дѣятеляхъ не можетъ быть, если только не отнимаютъ у нихъ свободы дѣйствовать и не отравляютъ разными препятствіями и безъ того тяжелаго ихъ труда. Слѣдовательно увеличеніе числа людей образованныхъ прямо зависитъ отъ развитія общественныхъ потребностей и благопріятныхъ условій самой дѣятельности ихъ. Нѣтъ потребностей и этихъ условій—нѣтъ, или мало, и мысля-

щихъ людей. А если ихъ мало, то умственный прогрессъ народа долженъ возрастать медленно или находиться въ совершенномъ застоѣ. Самыя худшія реакціи обществъ всегда были реакціями противъ независимости мысли и совѣсти. Но если умственный трудъ вполнѣ обезпеченъ со стороны его благородной свободы, безъ которой ему нельзя и существовать, то онъ естественно стремится къ изысканію новыхъ сторонъ въ жизни, къ такимъ открытіямъ, которыя бы удовлетворяли его смѣлые и пытливые порывы. Оригинальность мысли есть неразлучный спутникъ независимаго ума. Рутина, вялость, посредственность и робость суть свойства крайняго отупѣнія или разсчетливаго шарлатанства. Поэтому общество, если только оно умѣетъ цѣнить свое мыслящее сословіе, должно всѣми мѣрами поддерживать въ немъ оригинальность ума. Только оригинальный умъ способенъ открывать великія истины и новыя направленія, какъ въ практической, такъ и въ умственной жизни; только оригинальный умъ рѣшается вступить въ борьбу съ предразсудками, питая къ нимъ по своей натурѣ непреодолимое отвращеніе; только у такого ума достаетъ силы для отраженія пошлыхъ насмѣшекъ, оскорбленій, доносовъ и для одолѣнія всевозможныхъ препятствій. Если разъ этотъ умъ пробиваетъ себѣ отверзтіе сквозь заскорзлую общественную кору, то онъ, подобно волканическому пламени, освѣщаетъ горизонтъ на далекое разстояніе и навсегда покрываетъ горячей лавой и лягушекъ, и близъ пасущихся ословъ. Но общество тупое, съ узкими понятіями, рутинными привычками, общество запуганное, копѣечное, обыкновенно боится оригинальнаго ума, отталкиваетъ его отъ себя, и въ этомъ случаѣ оно походитъ на того дровосѣка, который, сидя на суку, рубилъ его подъ собой... Говоря вообще, исторія представляетъ очень мало такихъ эпохъ и обществъ, которыя бы благопріятствовали дѣятельности независимыхъ и оригинальныхъ талантовъ; путь ихъ усѣянъ разными колючками, а розы доставались на долю крѣпкихъ лбомъ. Обижаться тутъ нечѣмъ, а пожалѣть можно о многомъ... — Такимъ образомъ для хорошаго умственнаго развитія народа необходимо соединеніе возможно большаго числа мыслящихъ людей съ возможно - большею оригинальностію ума. Но и этого мало. Кто близко наблюдалъ за распространеніемъ знанія, тотъ могъ убѣдиться, что идеи, особенно новыя, медленно прививаются къ обществу и часто переживаютъ нѣсколько поколѣній,

сотни лѣтъ, прежде чѣмъ обращаются въ общенародное добро. Рѣдкое открытіе, которымъ теперь гордится человѣчество, не рисковало погибнуть отъ недостатка сочувствія и средствъ; рѣдкій изъ геніальныхъ людей не попробовалъ бѣдности, тюрьмы и цѣпей. Это еще ничего; но вотъ что дурно,— рѣдкій изъ нихъ не разочаровался въ своихъ надеждахъ и не усталъ на полдорогѣ. Отчего это? Опять оттого же, что среда, чрезъ которую проводится мысль, или мало сочувствуетъ ей, или такъ глупа, что даже сочувствовать не можетъ. Притомъ у всѣхъ европейскихъ обществъ, и особенно въ странахъ полуварварскихъ еще слишкомъ мало средствъ для быстраго распространенія знаній между массами. Книги дороги, школъ мало, и безграмотныхъ людей въ общемъ итогѣ придется едва ли не болѣе 100 человѣкъ на одного грамотнаго. Да и этими средствами не вездѣ располагаетъ общество такъ, какъ слѣдовало бы, безъ посторонняго вмѣшательства. Кромѣ того сословныя перегородки мѣшаютъ обобщенію тѣхъ идей, которыя считаются удобными для высшаго или средняго класса, и вовсе неудобны для большинства народа. Наконецъ и то надо замѣтить, что если бъ человѣческая идея распространялась съ быстротой солнечнаго луча, то и тогда практическій результатъ ея приходилъ бы не скоро. Отъ пониманія какой-нибудь нелѣпости до уничтоженія ея на дѣлѣ лежитъ множество переходовъ. Кто, напримѣръ, изъ людей мыслящихъ не сознавалъ въ XVI или XVII столѣтіи, что пытка — вещь отвратительная, унижающая до ремесла палача и судью, который судитъ, и того, кто утверждаетъ ее? Противъ нея кричали моралисты, возставали философы, ее клеймила всякая порядочная литература, и если собрать всѣ книги, написанныя объ этомъ предметѣ, то онѣ составятъ цѣлую библіотеку, и все-таки людей пытали и другіе люди шли наслаждаться этими гнусными зрѣлищами. И что же? Прошло нѣсколько столѣтій и только въ концѣ XVIII вѣка гуманная идея перешла въ самую жизнь, и пытка была вычеркнута изъ юридическихъ кодексовъ. Но почему въ одной странѣ знаніе распространяется быстрѣе, а въ другой медленнѣе — вопросъ этотъ можетъ быть удовлетворительно разрѣшенъ только послѣ изученія всего соціальнаго организма того или другого народа.

Бёкль останавливается на этомъ вопросѣ съ особеннымъ вниманіемъ, онъ посвящаетъ ему двѣ лучшія главы своей книги, сравнивая въ нихъ исторію умственнаго развитія Англіи и Франціи. Изъ

этого мастерского очерка, исполненнаго мѣткихъ характеристикъ и глубокихъ идей, можно видѣть ясно, что англійскій умъ обязанъ своимъ успѣхомъ двумъ счастливымъ обстоятельствамъ—отсутствію правительственнаго вмѣшательства въ умственную дѣятельность народа и сильному скептицизму; напротивъ, французскій умъ, ясный и смѣлый въ отвлеченныхъ теоріяхъ, на практикѣ былъ подавленъ постоянно возраставшимъ вліяніемъ политической власти. Вліяніе это, возведенное Людовикомъ XIV въ иѣеамъ абсолютнаго произвола и нетерпимости къ свободному мнѣнію, подобно духу зла проникло во всѣ складки французской жизни и оставило ея естественное теченіе. До конца XVII вѣка историческія явленія той и другой страны, имѣютъ поразительное сходство; какъ въ Англіи, такъ и во Франціи тотъ же протестъ ума противъ злоупотребленій церкви, тѣ же гражданскія войны, и одинаковый исходъ ихъ, тѣ же стремленія литературы, выразившіяся въ отрицаніи преданія и лицемѣрія среднихъ вѣковъ. Но на Людовикѣ XIV оканчивается это сходство и судьбы двухъ націй расходятся въ противоположныя стороны. «Различіе это между Франціей и Англіей, говоритъ Бекль, такъ замѣчательно, что пониманіе причинъ его существенно важно для пониманія европейской исторіи; оно бросаетъ свѣтъ на другія событія косвенно-соединенныя съ нимъ. Кромѣ того это изслѣдованіе, независимо отъ научнаго интереса, имѣетъ высокую практическую пользу. Оно раскроетъ то, что начинаетъ входить въ сознаніе только въ послѣднее время,—что въ политикѣ, для которой опредѣленные принципы еще не выработались, первыми условіями успѣха служатъ взаимныя уступки, обмѣнъ и терпимость; оно покажетъ крайнюю безпомощность самыхъ искусныхъ правителей, когда онѣ пытаются парализировать новыя стремленія старыми правилами; оно покажетъ тѣсную связь между знаніемъ и свободой, между возрастающею цивилизаціей и развитіемъ демократіи; оно покажетъ, что для прогрессивнаго народа требуется и прогрессивная политика; что въ извѣстныхъ границахъ духъ обновленія есть единственное средство безопасности; что никакая политическая система не можетъ противиться потоку и движенію, общества если только она не поправляетъ свой механизмъ и не расширяетъ своего содержанія; что даже въ матеріальномъ отношеніи никакая страна не можетъ долго оставаться спокойной и счастливой, если только народъ не увеличиваетъ свои права и преимущества постепенно и, такъ сказать, не поглощаетъ въ себѣ государства. Спокойствіе Англіи и

ея свобода послѣ революціи должны быть приписаны признанію этихъ великихъ истинъ, между тѣмъ какъ вслѣдствіе пренебреженія ими другія націи подверглись самымъ ужаснымъ бѣдствіямъ. Только въ одномъ этомъ отношеніи интересно прослѣдить, какъ эти два народа, сравниваемые нами, приняли діаметрально противоположное направленіе въ политикѣ, хотя, въ другихъ отношеніяхъ, мнѣнія ихъ, какъ мы видѣли выше, были сходны. Говоря другими словами, намъ хотѣлось бы показать, какъ случилось, что французы, шедшіе однимъ путемъ съ Англичанами въ знаніи, скептицизмѣ, въ религіозной терпимости, такъ рѣзко остановились въ политическомъ развитіи,—какъ случилось, что умъ, понимавшій такія великія вещи, оказался столь тупымъ въ пониманіи свободы, что не смотря на геройскія усилія фронды, онъ не только палъ подъ гнетомъ Людовика XIV, но никогда не думалъ и сопротивляться ему; наконецъ сдѣлавшись рабами по душѣ и тѣлу, они выросли въ гордости отъ такого состоянія, которое бы самый плохой англичанинъ оттолкнулъ отъ себя ногой, какъ невыносимое бремя. Причину этого различія надо искать въ томъ протекціонномъ духѣ, который такъ вреденъ и впрочемъ такъ очевиденъ. Этотъ духъ всегда былъ сильнѣе во Франціи, чѣмъ въ Англіи. Въ самомъ дѣлѣ между французами онъ сопровождается даже въ настоящее время самыми дурными результатами; ему они обязаны той наклононстью къ централизаціи, которая отражается въ складѣ ихъ правительства и въ направленіи ихъ литературы».

«Этотъ духъ заставляетъ ихъ удреживать стѣсненія, которыя такъ долго угнетали торговлю,—оберегать монополи, разрушенные болѣе свободной системой въ Англіи. Этотъ духъ заставляетъ ихъ мѣшаться въ естественныя отношенія производителя съ потребителемъ, заводить такія мануфактуры, которыхъ бы иначе никогда не существовало и въ которыхъ поэтому никто не имѣлъ бы нужды, нарушать ходъ промышленности и, подъ видомъ покровительства земледѣльческаго сословія, уменьшать производительность труда, отвлекая его отъ натуральныхъ каналовъ, по которымъ онъ продолжалъ свое естественное теченіе», (Hist. of Civil., 1 т. 436—439 стр).

Убѣжденный въ томъ, что протекціонная система Франціи надѣлала много зла народной жизни, Бѣкль вообще думаетъ, что политическая власть тѣмъ больше оказывала услугъ человѣческому развитію, чѣмъ меньше вмѣшивалась въ его интересы.

гдѣ давленіе его было легче, тамъ жилось лучше и просторнѣе. Теперь посмотримъ на главный выводъ, къ которому приводитъ насъ Бёкль и съ которымъ такъ или иначе сцѣпляются его второстепенныя соображенія. Изъ первой нашей статьи читатель могъ видѣть, что Бёкль построилъ свою смѣлую теорію на равновѣсіи двухъ силъ — внѣшнихъ феноменовъ природы и человѣческаго духа. Тамъ, гдѣ физическія явленія взяли перевѣсъ надъ умомъ человѣка, не осилившемъ вліянія ихъ, общественное развитіе остановилось и народъ окаменѣлъ въ неподвижномъ состояніи. Такой участи подверглись всѣ *не европейскія* цивилизаціи, погибшія на полдорогѣ своего восхода, или убитыя въ самомъ зародышѣ. Для нихъ природа была такимъ тиранномъ, какого нельзя отыскать въ самыхъ темныхъ лѣтописяхъ человѣческихъ дѣлъ. Другая судьба ожидала цивилизаціи *европейскія*, гдѣ люди побѣдили внѣшнія преграды и силой ума проложили себѣ путь къ безпрерывному развитію, котораго границы трудно предвидѣть въ будущемъ. Мы уже высказали свои возраженія противъ теоріи Бёкля, которая грѣшитъ абсолютнымъ принципомъ, насилующимъ частные факты; теперь намъ остается показать недостатки другой половины его философскаго анализа.

Принимая всякое соціальное движеніе за результатъ умственнаго развитія народа, историкъ въ то же время считаетъ образованіе продуктомъ общественныхъ условій. Онъ оговорился прежде, что бѣдный народъ не можетъ образовать себя, потому что все его время и силы употреблются на добываніе хлѣба. Когда онъ голоденъ и раздѣтъ, тогда ему нѣкогда думать о развитіи своихъ высшихъ способностей. Съ другой стороны образованіе вовсе не такая вещь, чтобы ее нужно было насильно навязывать человѣку. Необходимость образованія чувствуется всякимъ, и какъ скоро представляется возможность получить его, то оно безъ всякихъ постороннихъ побужденій и регламентовъ распространяется въ обществѣ. Есть особенный разрядъ мечтателей, очень умныхъ и благородныхъ, которые думаютъ, что всю общественную жизнь, всю систему ея нравственныхъ и политическихъ началъ можно перестроить съ помощію образованія. Когда народъ на столько разовьется, что въ состояніи будетъ убѣдиться въ нелѣпости своего положенія, тогда, по мнѣнію нашихъ доктринеровъ, онъ пойдетъ быстрыми шагами къ своему прогрессу. — Нѣтъ спору, что образованіе — великое дѣло, но оно только въ соединеніи съ благопріятными общественными условіями оказываетъ народу дѣй-

ствительную пользу. Бёкль показалъ намъ это на Франціи, странѣ очень образованной и въ то же время самой отсталой въ гражданскомъ отношеніи. Другой примѣръ мы можемъ взять изъ исторіи нашего собственнаго развитія. Многіе утверждаютъ не безъ основанія, что грамотность производитъ у насъ совершенно обратное дѣйствіе, какого не предполагаютъ ея жаркіе ревнители. Это нисколько неудивительно. Представьте, что большинство грамотныхъ людей, не имѣя матеріальныхъ средствъ довести своего образованія до болѣе чистыхъ сферъ, остановится на томъ развитіи, кокое можетъ дать чтеніе такихъ книгъ, какія пописываетъ для народа г. Погосскій, или такихъ журналовъ, какъ «Домашняя Бесѣда»; — спрашивается, что лучше: полнѣйшее невѣжество или подобное образованіе? Первое мы всегда предпочтемъ второму. Ничего не можетъ быть отвратительнѣе, какъ видѣть человѣка полуобразованнаго и въ то же время испорченнаго ложнымъ направленіемъ знанія. Онъ гораздо скорѣе можетъ сдѣлаться негодяемъ, чѣмъ тотъ, кто никогда не прочиталъ ни одной книги и не слышалъ о существованіи журналовъ. Поэтому есть много случаевъ, когда образованіе положительно вредитъ; но и при самыхъ лучшихъ условіяхъ его, оно только въ гармоніи съ хорошей общественной обстановкой и съ другими прогрессивными силами поправляетъ состояніе народа. Бёкль только прикоснулся къ этому вопросу, но не разъяснилъ его удовлетворительно. Потому умственное развитіе играетъ у Бёкля двойную роль: у одного народа оно производитъ чудеса, а у другого оказывается совершенно ничтожнымъ. А между тѣмъ, по мнѣнію историка, оно составляетъ рычагъ Архимеда въ европейскихъ цивилизаціяхъ вообще. Самъ же Бёкль замѣчаетъ, что теоретически разработанное знаніе еще далеко отъ непосредственнаго примѣненія его къ жизни: слѣдовательно въ исторіи какой бы то ни было цивилизаціи намъ не столько интересно знать, какъ велико было образованіе народа, сколько то, какъ онъ распорядился имъ для практическихъ цѣлей, а этотъ-то предметъ и упущенъ изъ вида почтеннымъ реалистомъ.

Другой пунктъ, не удовлетворяющій насъ въ книгѣ Бёкля,—это отсутствіе сравнительнаго анализа тѣхъ соціальныхъ условій, которыя доводятъ народъ до нищеты и рабства или до колоссальнаго богатства и свободы. Пониманіе этихъ условій и освѣщеніе ихъ историческимъ взглядомъ чрезвычайно важно, но Бёкль поставилъ въ тѣни множество любопытныхъ вопросовъ, прямо относящихся къ его предмету.

Такъ, напримѣръ, экономическое состоянiе страны, — столь капитальный дѣятель въ народной жизни, совершенно исчезаетъ изъ его кругозора. Онъ на сотнѣ страницъ разсуждаетъ о томъ, какъ запретительная система развратила Францiю, и ни слова не говоритъ о матерiальномъ состоянiи общества. Вотъ почему мы не видимъ настоящихъ причинъ паденiя нацiй и возвышенiя ихъ. По теорiи Бёкля выходитъ такъ: если народъ глупъ и не развитъ, то у него не можетъ быть ни хорошей администрацiи, ни религiи, ни литературы; но почему же онъ дѣлается глупъ и несообразителенъ,—этого историкъ не раскрываетъ. Поэтому Бёкль часто изъ реалиста обращается въ идеалиста, и на мѣсто дѣйствительныхъ вещей подставляетъ воображаемыя. Правда, задача его такъ обширна и такъ разнообразна, что нельзя требовать отъ одного человѣка полнаго разрѣшенiя ея, но это не можетъ служить извиненiемъ такому блистательному уму, какъ Бёкль; онъ поступилъ бы лучше, еслибъ сократилъ внѣшнiя границы своего излѣдованiя, но расширилъ внутреннее содержанiе его. Тогда «Исторiя английской цивилизацiи» выиграла бы въ ясности и логической послѣдовательности, хотя рамки ея были бы тѣснѣе и авторскихъ претензiй меньше. Впрочемъ главная заслуга Бёкля вовсе не въ томъ, чтобы сказать послѣднее слово объ исторiи: такое желанiе можетъ имѣть только бездарнѣйшiй историкъ, для котораго наука — не жизнь, а мертвая формула, не допускающая ни ошибокъ, ни увлеченiй; Бёкль самъ не разъ признается, что онъ только кладетъ первый камень въ основу того построенiя, надъ которымъ придется работать будущимъ поколѣнiямъ. Онъ даетъ первый толчокъ идеѣ, въ высшей степени плодовитой и свѣтлой, и въ этомъ мы видимъ первое и послѣднее его превосходство.

Доселѣ мы имѣли дѣло съ Бёклемъ, какъ съ отвлеченнымъ мыслителемъ; теперь мы намѣрены посмотрѣть на него, какъ на историка. Доселѣ насъ занимали общiя идеи Бёкля, теперь онъ займетъ насъ какъ художникъ, рисующiй характеры и событiя на основанiи избранной имъ програмы. Съ тѣмъ вмѣстѣ мы увидимъ ближе, какъ прилагаетъ Бёкль свои принципы къ историческому развитiю народовъ. Съ этой цѣлiю мы просимъ позволенiя у нашихъ читателей предложить имъ еще одну статью, которая дополнитъ нашъ настоящiй оборванный взглядъ новыми соображенiями...

Григ. Благосвѣтловъ.

ЧИЧЕРИНЪ И ЕГО ФИЛОСОФІЯ.

Несколько современныхъ вопросовъ, соч. Б. Чичерина. Москва 1863.

Москва одновременно подарила намъ трехъ великихъ публицистовъ, которымъ ничего равнаго не представляетъ ни столица Японіи, ни столица Китая. Чтобы появиться на свѣтъ такимъ глубокимъ мыслителямъ по части политическихъ вопросовъ, нужна была особенная внѣшняя обстановка—соединеніе воспоминаній Красной площади съ преданіями Кремля, Царь-пушки съ Царемъ-колоколомъ, Ивана Корейши съ Федоромъ Буслаевымъ, немножко татарской физіономіи и немножко европейской; точно въ такой же пропорціи должны были соединиться и умственные элементы для образованія этихъ трехъ публицистовъ: немножко философіи Гегеля на огромную дозу риторики Кошанскаго, нѣсколько классической мудрости съ значительнымъ количествомъ учебной рутины старой кіевской бурсы, отчасти судебника Ивана Грознаго и отчасти конституціонной хартіи Англіи. Соединеніе это кажется намъ тѣмъ оригинальнѣе, что не производитъ ни малѣйшаго диссонанса въ московской литературѣ и въ ея Геркулесахъ, какъ будто все это такъ и должно быть. Каждый изъ этихъ публицистовъ имѣетъ свое міросозерцаніе казеннаго свойства, свое либеральное направленіе, состоящее изъ тенденцій нѣмецкой бюрократіи, англійскаго аристократизма и русскаго городничества. Читатель конечно догадывается, что мы говоримъ о трехъ свѣтилахъ первой величины—гг. Катковѣ, Павловѣ и Чичеринѣ. Нельзя сказать, чтобы они совершенно сходились въ своихъ мнѣніяхъ; напротивъ, есть частные пункты, особенно въ области практической мудрости — въ родѣ печатанія офиціальныхъ объявленій и дворянскаго вопроса,—на которыхъ они рѣшительно расходятся, но это нисколько не мѣшаетъ имъ стремиться къ одинаковому результату. Всѣ трое выше всего уважаютъ *законность*, но одинъ изъ нихъ понимаетъ ее такъ, какъ

привыкли понимать ее въ парламентѣ, другой беретъ немножко пониже и держится законности, употребляемой въ канцеляріяхъ, третій даетъ ей значеніе порядка и строя, заведеннаго на съѣзжихъ. Всѣ вкупѣ они обнимаютъ всевозможныя законности и единодушно защищаютъ ихъ, то въ качествѣ полицейскихъ хожалыхъ, то въ качествѣ ораторовъ общественной трибуны, отъ разныхъ свистуновъ, мальчишекъ и тому подобныхъ агитаторовъ нашего олимпійскаго спокойствія. Относительно силы дарованія между ними есть разница, но совершенно ничтожная. Главная способность, которой они отличаются, состоитъ въ томъ, чтобы какъ можно краснорѣчивѣе говорить о такихъ предметахъ, о которыхъ обыкновенные смертные стараются говорить какъ можно проще и яснѣе. Въ этомъ отношеніи краснорѣчіе г. Каткова далеко уступаетъ краснорѣчію г. Чичерина; первый постоянно чувствуетъ себя какъ бы въ присутствіи парламентскаго спикера и потому, не желая подвергаться замѣчанію и штрафу, рѣдко позволяетъ себѣ ругаться, развѣ только въ торжественныхъ случаяхъ, когда за неимѣніемъ смысла, надо пронимать публику крѣпкимъ словомъ московскаго закала; поэтому ораторское искусство редактора «Русскаго Вѣстника», въ общемъ тонѣ, болѣе мелодично и увлекательно, чѣмъ барабанный бой г. Чичерина. Но зато дѣйствіе послѣдняго гораздо сильнѣе: оно производитъ точно такое же впечатлѣніе, какое производитъ музыка Лагарева. Въ этомъ потокѣ словъ, въ этой фантасмагоріи метафоръ и метонимій ничего не разберешь, кромѣ одного, постоянно повторяемаго выраженія, что онъ, г. Чичеринъ, до самаго дна исчерпалъ государственную науку.

Кромѣ того у г. Чичерина есть еще одно драгоцѣнное качество, какого Богъ непослалъ въ той же мѣрѣ ни г. Каткову, ни г. Павлову. Это качество — необыкновенная смѣлость приступа, когда дѣло касается враговъ его убѣжденій. Однажды на итальянскомъ бульварѣ въ Парижѣ ему вздумалось сочинить циркулярное посланіе и напечатать его въ «Колоколѣ». Письмо, какъ и надо было ожидать, громило одного изъ набольшихъ свистуновъ. Это былъ первый выстрѣлъ, сдѣланный противъ Герцена. Вотъ о немъ-то и не можетъ забыть г. Чичеринъ. Въ предисловіи къ своей книжкѣ онъ, очевидно, съ удовольствіемъ вспоминаетъ объ этомъ. Послѣ этого московскій публицистъ, желая собраться съ новыми силами, надолго замолчалъ. Но силы возвратились, и онъ снова открылъ батальный огонь противъ маленькихъ домашнихъ свистуновъ, кото-

рыхъ онъ уже билъ гуртомъ и огуломъ. И какъ же досталось имъ отъ сего мужа государственной силы и генеральской храбрости! Какъ! — ораторствовалъ онъ почти въ слѣдующихъ суровыхъ фразахъ, — какъ-де вы, малокососы, осмѣливаетесь не признавать государственнаго идеала, какъ вы рѣшаетесь забѣгать впередъ, когда моя государственная теорія хочетъ тащить васъ назадъ, какое вы тамъ придумали *земство*, *народную жизнь*, уравненіе сословныхъ кастъ и т. п. Все это, съ пафосомъ восклицалъ г. Чичеринъ, все это вздоръ, анархія, хаосъ! Живите, какъ жили ваши отцы, и все будетъ прекрасно подъ луной! И книжка моя, думаетъ онъ теперь, раскупится солидными читателями, на зло свистунамъ и нигилистамъ.

Но прежде, чѣмъ она раскупится, я намѣренъ поговорить о ней тоже солиднымъ манеромъ, какъ слѣдуетъ въ отношеніи г. Чичерина.

И потому мы приглашаемъ читателя въ галерею «Современныхъ вопросовъ», разрисованныхъ г. Чичеринымъ. Здѣсь есть все, начиная отъ пейзажа до исторической картины, — вотъ оглавленіе книги: Вступительная лекція по государственному праву. Что нужно для русскихъ университетовъ? Мѣра и границы. Русское дворянство. Что такое среднее сословіе? Что такое охранительныя начала? Разные виды либерализма. Совѣтъ министровъ. О судебной реформѣ. О земскихъ учрежденіяхъ.

Общій характеръ всѣхъ этихъ статей таковъ, что имъ позавидовалъ бы самъ Монитеръ французскій, редакція Сѣверной Пчелы, и всякая другая *благонамѣренная* редакція. Разница между офиціальными журналами и свободной литературой, существующая во всѣхъ странахъ, гдѣ есть и офиціальные журналы, и свободная литература, заключается въ томъ, что въ литературѣ выражаются самые разнообразные взгляды и мнѣнія, начиная съ самыхъ практическихъ и до вновь рождающихся идей и предположеній, весьма далекихъ еще отъ практическаго ихъ приложенія; разнообразіе это вполнѣ нормально, законно, и зависитъ отъ того, что свободно-мыслящіе люди разсматриваютъ всякій предметъ съ различныхъ точекъ зрѣнія, не стѣсняясь никакой нормой, никакимъ предначертаннымъ планомъ; иначе это и быть не можетъ, потому что общественная мысль развивается и устанавливается процессомъ столкновенія противоположныхъ мнѣній, и имѣетъ въ виду вовсе не поддержаніе существующаго, а прямую истину, т. е. лучшее изъ худшаго; офиціальные журналы,

напротивъ, имѣютъ своимъ назначеніемъ разсматривать всѣ предметы только съ извѣстной точки зрѣнія, опредѣляемой политикой правительства; отсюда слѣдуетъ то однообразіе мнѣній, которое составляетъ непремѣнное условіе офиціальныхъ изданій; задачей этихъ органовъ является практическая цѣль объяснять обществу офиціальныя тенденціи вообще и въ каждомъ частномъ случаѣ въ особенности, не углубляясь свободной мыслью въ сущность предмета, и анализируя его лишь съ цѣлью дойдти до опредѣленныхъ заранѣе результатовъ. Такова разница между свободной и офиціальной публицистикой.

Г. Чичеринъ, хотя принадлежитъ къ свободнымъ публицистамъ, но по характеру своихъ трудовъ представляетъ рѣдкій образецъ самороднаго *казеннаго* публициста. Мы вовсе не думаемъ ставить этого ему въ упрекъ, потому что почти увѣрены, что онъ дѣйствуетъ искренно, по своему собственному убѣжденію и по доброй волѣ, а не по обязанности, какъ это дѣлаютъ въ нѣкоторыхъ странахъ офиціальные публицисты, служащіе своимъ перомъ, какъ чиновники, правительству, за жалованье или изъ за награды, въ видахъ честолюбія, извѣстной популярности и т. п. Въ авторѣ «Современныхъ вопросовъ» насъ поражаетъ только то, какъ могла въ немъ сформироваться такая цѣльно замкнутая система воззрѣній. Наука, конечно, не могла подвести г. Чичерина подъ эту категорію воззрѣній. Практическія же *случайности* не могутъ играть большой роли для свободнаго мыслителя, у котораго на первомъ планѣ должна быть истина: вѣдь онъ пишетъ вовсе не для того, чтобы преподавать правительству то, что оно само знаетъ и во имя чего дѣйствуетъ, а для того, чтобы уяснить обществу значеніе каждой мѣры и указывать именно на прогрессивную сторону этой мѣры.

При напыщенномъ и въ то же время педантически точномъ изложеніи, г. Чичеринъ могъ бы быть удивительнымъ редакторомъ Монитера или какого-либо другого офиціальнаго журнала, и мы думаемъ даже, что онъ когда-нибудь и сдѣлается имъ — это его призваніе и сила; тамъ онъ замѣченъ будетъ болѣе, чѣмъ въ нестройномъ говорѣ свободной журналистики, гдѣ его голосъ является рѣзкимъ диссинансомъ и не производитъ того впечатлѣнія, которое, по всей вѣроятности, имѣетъ въ виду г. Чичеринъ. Его историческія изслѣдованія, съ которыми онъ явился въ свѣтъ, были замѣчены и оцѣнены по достоинству, но журнальные труды г. Чичерина

были и остаются крикомъ вопіющаго въ пустынѣ. Они остались для общества пустыми словами, хлыстаніемъ бича въ воздухѣ, приводящимъ лишь въ минутное содраганіе и не оставляющимъ никакого слѣда на мысли.

Для подтвержденія нашего мнѣнія о трудахъ г. Чичерина мы попробуемъ сдѣлать квинтъ-эссенцію изъ его статей, собранныхъ въ изданной нынѣ книгѣ. Приступаемъ къ этому труду съ нѣкоторой робостью, потому что всѣ вмѣстѣ взятые г. Чичеринымъ вопросы могутъ составить политическую энциклопедію; но не смотря на это, мы не находимъ возможнымъ отнестись серьёзно къ труду г. Чичерина. Всѣ его статьи въ сущности суть не болѣе какъ лекціи профессора, и притомъ лекціи, прочитанныя какъ бы по конкурсу. По крайней мѣрѣ мы имѣемъ смѣлость смотрѣть на нихъ именно такимъ образомъ.

Непосредственно послѣ письма къ издателю «Колокола» находится въ книжкѣ «Вступительная лекція по гусударственному праву». Почему именно лекція эта попала въ число современныхъ вопросовъ, мы объяснить не беремся, но во всякомъ случаѣ разсмотримъ опредѣленіе г. Чичерина государства.

«Государство—организмъ многосложный, говоритъ г. Чичеринъ,— который заключаетъ въ себѣ безчисленное разнообразіе отношеній. Въ науку о государствѣ входитъ и философія, и исторія, и юриспруденція, и бытовыя условія, и экономическіе вопросы. Все это надобно изучить, чтобы составить себѣ полное понятіе о предметѣ. Можно почти сказать, что все это надобно знать, чтобы разумно обсудить всякій практическій вопросъ; ибо въ каждомъ явленіи жизни отражается вся ея полнота, каждое изъ нихъ находится въ зависимости отъ всѣхъ сторонъ, входящихъ въ составъ цѣлаго организма».

Поняли, читатель, что такое, по понятію г. Чичерина, государство? Если не поняли, то мы беремся объяснить только то, что здѣсь говорится о томъ, что нужно очень много знать: и философію, и исторію и проч. и проч., чтобы понять предметъ, о которомъ взялся говорить г. Чичеринъ; потомъ говорится объ условіяхъ обсужденія практическихъ вопросовъ и явленій жизни, для чего, какъ увѣряетъ авторъ, также нужно знать очень много наукъ. Но можетъ быть, мы найдемъ что-нибудь ниже.

«Теоріи государства, продолжаетъ ученый профессоръ, я предпо-

шлю исторію развитія политическихъ идей. Это введеніе необходимое... Исторія развитія политическихъ идей есть точное философское развитіе элементовъ государственной жизни. Нѣтъ политической теоріи, какъ бы она ни была одностороння, нѣтъ сколько-нибудь значительной системы, которая бы не опиралась на который-нибудь изъ этихъ элементовъ. Недостатокъ той или другой теоріи обыкновенно состоитъ именно въ развитіи одного элемента въ ущербъ другимъ. Но такъ какъ въ цѣльномъ организмѣ государства всѣ эти элементы естественно вяжутся между собою внутреннимъ закономъ своей природы, то односторонняя теорія, вслѣдствіе этой связи, сама прямо указываетъ на необходимость дополненія, т. е. на дальнѣйшую, высшую теорію. Такимъ образомъ естественная связь различныхъ элементовъ государства отражается въ естественной послѣдовательности слѣдующихъ другъ за другомъ ученій. Присущій вещамъ законъ необходимости есть самый логическій законъ человѣческаго разума. Поэтому, изучая исторію идей, мы на фактѣ, въ положительныхъ явленіяхъ жизни, получаемъ самую полную и всестороннюю философію государства».

Изъ этихъ афоризмовъ видно, что г. Чичеринъ сначала опредѣляетъ, что элементы государственной жизни суть политическія идеи, что всестороннее развитіе этихъ идей есть государство, что теорія государства есть высшая изъ высшихъ теорій — *sancta sanctorum* всѣхъ теорій. Потомъ мы видимъ, что законъ необходимости есть самый логическій законъ человѣческаго разума,—слѣдовательно только та теорія истинна, которая необходима, и слѣдовательно о государствѣ нельзя и составлять абсолютныхъ теорій. Наконецъ, г. Чичеринъ предлагаетъ уже изученіе философіи государства на фактѣ, въ положительныхъ явленіяхъ жизни. Здѣсь много противорѣчій, много робости: хотѣлось бы пойдти реальнымъ путемъ для изслѣдованія предмета, но какъ этимъ способомъ нельзя дойдти до тѣхъ выводовъ, какіе *задалъ* себѣ г. Чичеринъ, то и оказалось необходимымъ удариться въ абстрактную діалектику.

«Результатъ философскаго развитія идей есть понятіе о государствѣ, какъ о живомъ организмѣ народнаго единства. Это не внѣшняя форма, наложенная на общество, не механическое соединеніе лицъ. Нѣтъ,—государство живое единство народа; граждане—живые члены единаго цѣлаго, единаго свободнаго и духовнаго организма, который связываетъ между собою не только существующихъ въ данное время

людей, но и давнопрошедшія поколѣнія съ настоящимъ и будущими. Современное государство не только нравственно, но и юридически, связано со всѣми предшествующими его формами. Связь эта образуется сохраняющеюся въ немъ непрерывностью сознанія и воли. Потому мы народъ иначе и не представляемъ себѣ, какъ единымъ лицомъ, субъектомъ, имѣющимъ разумную волю, а потому и права. Такимъ образомъ онъ является въ международныхъ сношеніяхъ, въ исторіи, въ судьбахъ міра, и это лицо есть государство. Потому, когда исторію народа противополагаютъ исторіи государства, какъ-будто государство есть что-то внѣшнее и чуждое народу, мы можемъ видѣть въ этомъ только смѣшеніе понятій. Государство есть самъ народъ, какъ единое цѣлое, какъ живой организмъ, какъ нравственное лицо, какъ историческій дѣятель.»

Изъ этого авторъ выводитъ потомъ различіе между народами государственными и негосударственными». Государственный народъ по его мнѣнію тотъ, который способенъ установить надъ собою высшій порядокъ, разумно и единодушно подчиниться верховной власти. Государственные народы одни имѣютъ высшее сознаніе и силу, одни призваны играть роль въ исторіи. Государственные народы—вѣнецъ человѣчества. Оттого мы, русскіе, не остались на степени болгаръ или хорватъ. Государственный смыслъ русскаго народа раскинулъ Россію на то необъятное пространство, которое составляетъ для насъ отечество, и далъ ему возможность играть историческую роль, которою можетъ гордиться русскій человѣкъ. Поэтому у насъ тотъ только можетъ сознательно кидать камень въ государство, въ комъ исчезло пламя любви къ отечеству». О томъ же, что такое народы негосударственные—авторъ не сказалъ ни слова. Надо полагать, что негосударственные народы суть тѣ, которые неспособны установить надъ собою высшій порядокъ и подчиняться единодушно верховной власти.

Мы выписали эту, исполненную пафоса, тираду для того, чтобы дать возможность читателю вспомнить старину: въ литературѣ послѣдняго времени рѣшительно не встрѣчалось такихъ напыщенныхъ словоизверженій о предметахъ, требующихъ холоднаго умозрительнаго анализа.

Говоря далѣе объ элементахъ государственной жизни, авторъ уже противопоставляетъ понятіе о государствѣ понятію о народѣ.

Изъ всего, что мы привели здѣсь, конечно, никто не въ состоя-

ніи уяснить себѣ понятія г. Чичерина о государствѣ; а между тѣмъ это вся *суть* его лекціи объ этомъ предметѣ. Несчастные слушатели, что вынесутъ они изъ лекцій подобнаго преподавателя! Сколько сомнѣній, противорѣчій и недовѣрія вообще къ наукѣ, и даже къ университету, неизбѣжно должно явиться въ молодомъ пытливомъ умѣ слушателя послѣ подобной лекціи, исполненной гремучихъ фразъ и противорѣчій?!

То государство есть политическія идеи, совокупное и всестороннее развитіе политическихъ теорій, — слѣдовательно нѣчто фиктивное, не существующее въ дѣйствительности; то государство есть самъ народъ, живой организмъ народнаго единства, и притомъ народъ не вообще, а въ такомъ только случаѣ, если онъ способенъ установить надъ собою высшій порядокъ, верховную власть. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ этотъ порядокъ является уже чѣмъ-то внѣшнимъ. Если государство есть народъ, какъ нравственное лицо, какъ историческій дѣятель, то слѣдовательно уже два или три народа вмѣстѣ не могутъ составлять государства; или также одинъ народъ не можетъ составлять нѣсколькихъ государствъ. Поэтому ни Австрія не можетъ называться государствомъ, ни отдѣльныя нѣмецкія королевства и герцогства не могутъ быть государствами; а между тѣмъ и то, и другое существуетъ въ дѣйствительности. Верховную власть мы видимъ у народовъ почти дикихъ, слѣдовательно они народы государственные, и государство не есть проявленіе чего-то высокаго, божественнаго, какъ находитъ г. Чичеринъ. Если авторъ лишаетъ званія государственныхъ тѣ народы, которые, хотя и стоятъ на высшей степени цивилизаціи, но своею политической жизнью развиваютъ какую-нибудь одностороннюю политическую систему, то тогда титулъ «государственныхъ народовъ», представляющихъ «вѣнецъ человѣчества» достанется и полудикимъ, за то только, что они своимъ смысломъ раскинули свое отечество на необъятное пространство. Если же кто, по совѣту г. Чичерина, захочетъ изучить «полную и всестороннюю философію государства, на самомъ фактѣ, въ положительныхъ явленіяхъ жизни», то получитъ полное опроверженіе всѣхъ хитросплетенныхъ опредѣленій его, и убѣдится, что государство есть политическій терминъ, выражающій существованіе географическихъ границъ, опредѣленныхъ трактатами. Чтобы уяснить себѣ этотъ взглядъ, стоитъ вообразить уничтоженны-

ми географическія границы: безъ нихъ уничтожается само по себѣ всякое понятіе о государствѣ.

Мы не думаемъ, чтобы г. Чичеринъ не могъ сдѣлать философски и вмѣстѣ съ тѣмъ практически вѣрнаго опредѣленія государства, какъ ученый; но онъ и на кафедрѣ является не профессоромъ, а публицистомъ, пристрастнымъ именно къ тому, что̀ ему нравится. Повидимому онъ влюбленъ во внѣшнія государственныя формы; въ нихъ онъ все еще видитъ стройный и сильный механизмъ, приводящій въ движеніе всѣ функціи народной жизни и самую исторію народа; а для этого необходимо было возвести ихъ въ апотеозу человѣческаго духа и сопричислить къ явленіямъ не отъ міра сего. Единообразіе и замкнутость государственнаго механизма и его магическія дѣйствія обольщаютъ воображеніе и честолюбіе многихъ, стремящихся къ тому, чтобы самимъ быть какимъ-нибудь винтомъ или колесомъ въ этомъ механизмѣ. Другой причины и цѣли подобной пропаганды мы предположить не можемъ, потому что въ дѣйствительности государственная форма продолжаетъ свое существованіе, не смотря на тѣ или другія опредѣленія и понятія о государствѣ.

Второй вопросъ, разработанный г. Чичеринымъ, состоитъ въ томъ, «что̀ нужно для русскихъ университетовъ?» Этотъ вопросъ авторъ рѣшилъ необходимостью сохраненія университетовъ въ настоящемъ ихъ видѣ и съ настоящимъ ихъ устройствомъ, т. е. чтобы они были корпоративными высшими школами, а не публичными образовательными учрежденіями. Г. Чичеринъ въ замкнутости университета, съ живущими въ немъ преданіями науки, видитъ «отпоръ тому невѣжественному легкомыслію, тому нравственному безначалію, той страсти къ мечтательнымъ нововведеніямъ, по которымъ безъ паруса и кормила несется русская мысль». Въ вопросѣ объ университетахъ, занимавшемъ вниманіе общества полтора года тому назадъ, существенной задачей было опредѣлить собственно отношенія правительства къ университету; отношенія эти сами собой измѣнялись отъ устройства университетовъ какъ публичныхъ учрежденій, или какъ высшихъ замкнутыхъ школъ. Въ первомъ случаѣ контроль общественнаго мнѣнія имѣлъ бы значеніе и относительно состава профессоровъ, и относительно программъ и характера преподаванія; въ послѣднемъ случаѣ долженъ былъ сохраниться существующій нынѣ характеръ отношеній правительства къ университетамъ, чего и желаетъ собственно г. Чичеринъ, выражая мнѣніе о сохраненіи настоящаго

устройства университетовъ. Служебныя преимущества университетовъ, т. е. право на чины, онъ также находитъ полезными приманками къ образованію, съ государственной цѣлью, предполагая наибольшую нужду въ образованныхъ чиновникахъ, чѣмъ вообще въ образованныхъ гражданахъ. Образованію г. Чичеринъ въ своей статьѣ придаетъ болѣе формальное значеніе, чѣмъ живое, общественное.

Въ числѣ статей разбираемой нами книги есть замѣтка г. Чичерина, отличающаяся необыкновенной оригинальностью и новизной предмета, это—«Мѣра и границы». Г. Чичеринъ нашелъ недостатокъ въ свойствѣ русскаго ума, именно въ томъ, что онъ не знаетъ ни въ чемъ мѣры и границъ, и что всякое понятіе представляется намъ въ безусловной формѣ. «У насъ, какъ у восточныхъ народовъ, говоритъ онъ, все расплывается въ безконечность». Присущій русскому обществу и глубоко коренящійся въ свойствахъ русскаго духа элементъ разгульной свободы, которая не знаетъ себѣ предѣловъ и не признаетъ ничего, кромѣ самой себя,—это именно то, что можно назвать казачествомъ». Въ подтвержденіе своей мысли авторъ беретъ примѣры изъ исторіи, припоминая, что у насъ безграничная свобода смѣнялась полнымъ рабствомъ; изъ бояръ дѣлались холопами; изъ прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ возникло крѣпостное право съ полновластіемъ помѣщика. Въ современномъ быту злоупотребленія власти г. Чичеринъ объясняетъ тѣмъ же отсутствіемъ понятія о мѣрѣ и границахъ: становой приставъ, имѣющій извѣстную степень власти, подчасъ считаетъ себя чуть не всемогущимъ. Въ нападкахъ на централизацію, бюрократію и т. п. г. Чичеринъ видитъ ту же безграничность требованій общества. Вотъ именно къ этому-то пункту и подговаривался ученый профессоръ, чтобы посовѣтовать обществу придерживаться молчалинскихъ добродѣтелей «умѣренности и аккуратности». Эта замѣтка г. Чичерина была бы очень хорошей замѣткой, если бъ въ ней не было той постоянной тенденціи, которая преобладаетъ вообще во всѣхъ его статьяхъ. Г. Чичеринъ вѣрно охарактеризовалъ особенность русскаго ума и характера, но совершенно напрасно упрекаетъ наше общество въ безграничности *требованій*. Оно только говоритъ, шумитъ, разсуждаетъ, мечтаетъ, но ничего не требуетъ. Къ нашему обществу какъ нельзя лучше подходитъ репетиловскій стихъ «шумимъ, братецъ, шумимъ!» Въ настоящее время, по нашему мнѣнію, русское общество упражняется собственно въ мыслительной гимнастикѣ, и потому нѣтъ ничего дурнаго въ его на-

клонности къ широкому горизонту мысли. Вѣдь мысль, по своей природѣ, безпредѣльна, слѣдовательно зачѣмъ же ей ставить рогатку для опредѣленія мѣры и границы; да и кто же начертаетъ эту мѣру и границы?.. Другое дѣло, когда мысль переходитъ въ дѣйствительность: тогда мѣра и границы указываются и опредѣляются силой обстоятельствъ; а мысль сама по себѣ непремѣнно должна быть безусловно-свободна, и эту свободу ни въ какомъ случаѣ нельзя называть казачествомъ, какъ это дѣлаетъ почтенный московскій профессоръ. Мысль исходитъ изъ разума, т. е. изъ тѣхъ силъ, выше которыхъ для человѣка ничего нѣтъ, и которыя сами содержатъ въ себѣ и законъ движенія, и законъ мѣры и границъ. Мы думаемъ, что разсуждая о нихъ, г. Чичеринъ трудился совершенно напрасно.

Прилагая свое разсужденіе о мѣрѣ и границахъ къ элементу власти, онъ говоритъ: «Чѣмъ власть безпредѣльнѣе въ своихъ правахъ, тѣмъ легче подвергается она искушенію преувеличивать собственное начало, тѣмъ необходимѣе для нея разумное воздержаніе».

Въ вопросѣ о «Русскомъ дворянствѣ» предстояла г. Чичерину весьма трудная задача: нужно было доказать, что дворянство надо поддержать нѣкоторыми новыми правами, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не дать ему возможности получить сословную силу по отношенію къ государству. Изъ этой трудной дилеммы г. Чичеринъ вышелъ блистательнымъ образомъ: онъ разсудилъ такъ, что и овцы цѣлы, и волки сыты. Опровергая мнѣніе многихъ, что съ уничтоженіемъ крѣпостного права дворянство утратило свои главныя преимущества и даже теперь совершенно лишнее, г. Чичеринъ доказываетъ, что дворянство существуетъ фактически и юридически и будетъ существовать въ Россіи до тѣхъ поръ, покуда не образуется у насъ сильное среднее сословіе, которому г. Чичеринъ придаетъ столь огромное политическое значеніе, что съ существованіемъ сильнаго средняго сословія только и находитъ возможнымъ общественное единство и разумную государственную жизнь; но какъ у насъ нѣтъ еще и надежды на образованіе этого сословія, то, по мнѣнію автора, мы должны довольствоваться тѣми элементами, которые есть. Наше дворянство, говоритъ онъ, въ настоящее время единственное сословіе, которое имѣетъ образованіе и политическій духъ; съ нимъ намъ и слѣдуетъ жить. Сближеніе сословій г. Чичеринъ также признаетъ невозможнымъ, потому что дворянство въ настоящее время имѣетъ права и интересы, прямо противоположные интересамъ другихъ сословій, именно кресть-

янъ; поставить дворянство, какъ сословіе, въ главѣ государства, также невозможно, но сдержанное властью, оно можетъ, по мнѣнію г. Чичерина, сдѣлаться однимъ изъ самыхъ полезныхъ политическихъ элементовъ въ Россіи; «оно можетъ стать вмѣстѣ и опорою престола, и защитникомъ свободы».

Разсуждая о дворянствѣ и опредѣляя его нравственныя и политическія свойства, г. Чичеринъ приходитъ къ заключенію, что оно для Россіи каменная стѣна, опора, и останется такимъ до тѣхъ поръ, покуда у насъ не образуется среднее сословіе, на возникновеніе котораго изъ какихъ-то новыхъ элементовъ покуда нѣтъ еще никакой надежды; но авторъ оставилъ въ сторонѣ самый практическій вопросъ: не сдѣлается ли наше дворянство теперь же, съ уничтоженіемъ главной его прерогативы—крѣпостного права, этимъ среднимъ сословіемъ, на силу котораго такъ надѣется г. Чичеринъ. Зачатки у насъ средняго сословія уже существуютъ и сами по себѣ. Все, что живетъ трудомъ и капиталомъ, внѣ крестьянства, не исключая и сословія чиновниковъ и духовенства, есть среднее сословіе; сословіе мелкихъ землевладѣльцевъ, число которыхъ при новомъ порядкѣ владѣнія населенными имѣніями должно постоянно возростать, также примыкаетъ скорѣе къ среднему сословію, чѣмъ къ дворянству; все мелкопомѣстное дворянство съ утратой своей существенной прерогативы, и по своему общественному положенію, и по своему образованію, и по практическимъ отношеніямъ къ той средѣ, въ которой обращается каждый мелкопомѣстный дворянинъ,—фактически дѣлается составнымъ элементомъ средняго сословія. Доказывая непоколебимость существованія у насъ дворянства, г. Чичеринъ говоритъ, что сословіе это, кромѣ своихъ правъ и преимуществъ, отдѣляется отъ всѣхъ другихъ сословій преданіями, которыя поддерживаютъ въ дворянахъ особый духъ, сознаніе чести, правъ и проч. Но едва ли это справедливо, въ особенности относительно огромнаго большинства нашего дворянства. Ну какія, напримѣръ, преданія могутъ сформироваться въ дворянской фамиліи, которая получила свое начало отъ какого-нибудь военнаго или гражданскаго чиновника. Дворянскихъ фамилій съ преданіями осталось весьма немного, и притомъ же современный духъ налагаетъ на позднѣйшее потомство нѣкоторое недовѣріе къ преданіямъ, давая болѣе вѣсу личнымъ качествамъ, нежели дѣламъ предковъ, напоминающихъ собой гусей, спасавшихъ Римъ. Духъ времени сильнѣе преданій, онъ можетъ сокрушить какіе хотите пре-

данія, а преданія — мертвая сила и не въ состояніи ничего ослабить. Такимъ образомъ и богатое дворянство скорѣе пойдетъ по общей торной дорогѣ и сблизится съ среднимъ сословіемъ, нежели будетъ тщетно хлопотать о томъ, чтобы изолировать себя отъ всѣхъ сословій.

Г. Чичеринъ предполагаетъ открыть доступъ въ дворянское сословіе землевладѣльцамъ и государственнымъ сановникамъ; для первыхъ, по его мнѣнію, долженъ быть установленъ цензъ — 500 десятинъ; для вторыхъ — болѣе или менѣе значительное мѣсто на службѣ и возвышенный чинъ. Но все это покуда еще внѣшніе несущественные признаки дворянства; права же, принадлежащія по закону каждому дворянину, въ особенности нынѣ, состоятъ: въ изъятіи отъ тѣлеснаго наказанія; въ освобожденіи отъ личныхъ повинностей; въ освобожденіи отъ рекрутской повинности; въ правахъ по службѣ и въ правахъ по суду. Первыя три льготы не принадлежатъ уже дворянамъ исключительно, потому что почетные граждане, личные дворяне, купцы, духовенство также пользуются этими правами; служба открыта нынѣ для всѣхъ; передъ судомъ, съ новымъ устройствомъ его, также всѣ будутъ равны. Въ управленіи дворянство тоже не принимаетъ исключительнаго участія; правда, что представители его засѣдаютъ въ нѣкоторыхъ административныхъ мѣстахъ, но въ этомъ случаѣ они являются болѣе чиновниками правительства, нежели представителями сословія. Нужно было много изобрѣтательности, чтобы придумать для дворянства какія-нибудь новыя и болѣе или менѣе дѣйствительныя привилегіи, — и г. Чичеринъ изобрѣлъ ихъ. Онъ полагаетъ, что военная служба даетъ дворянству нѣкоторое право на привилегированное положеніе въ ней, потому что «военная служба держится на чести, а военная честь ближе всего подходитъ къ понятію о чести дворянской». На это остается только замѣтить, что г. Чичеринъ предполагаетъ службу для дворянъ, а не дворянъ для службы. Второй привилегіей дворянства г. Чичеринъ предполагаетъ предпочтительное участіе въ законодательствѣ, когда вообще окажется это возможнымъ; онъ находитъ, что одно дворянство способно теперь имѣть голосъ въ этомъ дѣлѣ, но что допущеніе его къ участію въ законодательствѣ можетъ быть теперь вредно для интересовъ государства. Несостоятельность этого послѣдняго вывода г. Чичерина о предпочтительномъ, или исключительномъ участіи дворянства въ законодатель-

ствѣ, такъ очевидна, что не возбуждаетъ даже никакихъ возраженій и замѣчаній.

Среднее сословіе г. Чичеринъ понимаетъ въ очень тѣсномъ смыслѣ: «высшее общественное положеніе, по его мнѣнію, принадлежитъ политической жизни; оно дается участіемъ въ государственныхъ дѣлахъ. Низшее положеніе, напротивъ, занимаютъ по самой природѣ вещей, массы народа, преданныя физическому труду и мало доступныя образованію. Между этими крайностями является сословіе среднее, которое заключаетъ въ себѣ всѣ частныя профессіи, требующія нѣкотораго достоянія и образованности. Къ нимъ можетъ присоединиться и низшая государственная служба, которая, занимая средину между высшимъ положеніемъ и среднимъ, можетъ принадлежать къ тому и другому». Такимъ образомъ, по опредѣленію г. Чичерина, каждый не очень значительный чиновникъ, по своему значенію въ общественной кунсткамерѣ, есть нѣчто въ родѣ члена средняго сословія. «Связующій элементъ общества (т. е. среднее сословіе), продолжаетъ авторъ, вышелъ не изъ села, а изъ города. Городъ — центръ движимой собственности, частной промышленности и образованія; городъ, по природѣ своей, — главное средоточіе средняго состоянія. Этотъ личный подвижной элементъ труда и образованія могъ въ безчисленныхъ градаціяхъ проникать въ высшія сферы и опускаться въ низшія, разбивая всѣ перегородки и соединяя сословія въ одну общественную массу. Это сліяніе тѣмъ возможнѣе, чѣмъ болѣе силы носитъ въ себѣ это среднее, городовое сословіе. Что же мы видимъ у насъ? Въ Россіи дворянство и крестьяне, до послѣдней минуты, составляли двѣ, безконечно отстоявшія другъ отъ друга крайности властителей и подчиненныхъ; а среднее сословіе, относительно малочисленное, представляетъ съ одной стороны—богатство, не связанное съ образованіемъ, а съ другой стороны — слишкомъ еще шаткое и скудное образованіе, не соединенное съ богатствомъ».

Не надѣясь на силы этого-то средняго сословія и не допуская возможности того, чтобы дворянство примкнуло къ среднему сословію, г. Чичеринъ съ ужасомъ восклицаетъ, представляя себѣ уничтоженіе дворянства и сліяніе сословій: «Опрокиньте остальныя грани, расшатайте зданіе во всѣхъ его концахъ, подъ предлогомъ послѣдовательнаго развитія началъ, тогда исчезнетъ послѣдняя возможность справиться съ бродячими стихіями и установить какой-нибудь порядокъ. Тогда всплыветъ та пѣна, которая выбрасывается на верхъ

общественнымъ броженіемъ. При отсутствіи у насъ самыхъ элементарныхъ понятій о правѣ, о потребностяхъ порядка, объ общественномъ устройствѣ, при паденіи всякихъ твердыхъ (?) преградъ, всякихъ положительныхъ точекъ опоры, выдвинутся впередъ съ неотразимой силой (!) легкомысленные планы и самыя мечтательныя притязанія. Хаосъ — вотъ въ настоящее время единственное возможное послѣдствіе господства пресловутаго земства».

Если вы, читатель, живы еще, не смотря на весь ужасъ картины, созданной воображеніемъ г. Чичерина, то обратите ваше вниманіе на самые выводы краснорѣчиваго профессора, съ помощью которыхъ онъ дошелъ до такого пессимизма. Говорятъ, чтобы не бояться чорта, стоитъ только его поймать за рога. Судя по опредѣленію г. Чичерина о высшемъ и низшемъ сословіяхъ, — для средняго сословія и у насъ существуетъ достаточно элементовъ для того, чтобы оно возникло. Кромѣ незначительнаго количества людей, принимающихъ участіе (мы понимаемъ непосредственное участіе) въ государственныхъ дѣлахъ, и кромѣ массъ, преданныхъ одному физическому труду, есть еще весьма значительное количество людей самыхъ различныхъ профессій и всѣхъ возможныхъ сословій; они-то и есть среднее сословіе. Здѣсь есть и дворянинъ-фабрикантъ, дворянинъ-землевладѣлецъ, дворянинъ-чиновникъ, дворянинъ-купецъ, дворянинъ-аферистъ, дворянинъ-спекуляторъ, купецъ-фабрикантъ, купецъ просто, купецъ-негоціантъ, капиталистъ, домовладѣлецъ, учитель, музыкантъ, художникъ, ремесленникъ, и проч. и проч. Всѣ эти люди, озабоченные менѣе всего своей сословной кличкой, преданы своимъ существеннымъ интересамъ, вытекающимъ изъ профессіи каждаго изъ нихъ. Какой хаосъ можетъ быть отъ того, что извѣстный *терминъ*, употребительный въ теченіе столѣтій, перестаетъ нынѣ быть употребительнымъ? Другое дѣло, если бы съ этимъ терминомъ связаны были существенныя права, то, конечно, это равнялось бы, по значенію своему, самымъ интересамъ; но одинъ забытый терминъ едва ли способенъ произвести общественный хаосъ, пугающій г. Чичерина. Мы впрочемъ позволяемъ себѣ нѣсколько усомниться въ томъ, чтобы страхъ этотъ былъ у самого автора дѣйствительнымъ страхомъ: онъ, кажется, боится за то только, чтобы внѣшняя общественная форма не измѣнила нѣсколько своихъ строгихъ классическихъ линій. Онъ въ этомъ случаѣ напоминаетъ ту сказочную бабу, которая плакала, когда ея внучекъ проходилъ мимо поленницы дровъ, воображая, что

если бы дрова разсыпались, то внучекъ непремѣнно былъ бы убитъ. Но такія опасенія за общественныя формы, за общественный порядокъ совершенно неумѣстны. Общество съ своими безконечно-разнообразными элементами, составляющими его живой организмъ — тотъ же калейдоскопъ: какъ бы ни перевернулся цилиндръ калейдоскопа, форма сочетанія отдѣльныхъ фигуръ непремѣнно явится.

Проводя послѣдовательно и логично одну идею — панегирикъ и защиту внѣшней формѣ, и при тѣхъ преобразованіяхъ, которыя неизбѣжно должны имѣть на нее рано или поздно существенное вліяніе, г. Чичеринъ добирается также до вопросовъ о томъ, что̀ такое охранительныя начала и какихъ родовъ бываетъ либерализмъ.

Эти вопросы относятся собственно къ политической азбукѣ, и всякій знаетъ, что̀ такое консерватизмъ и прогрессизмъ; слово либерализмъ, очень тягучее по своему смыслу, сдѣлалось въ послѣднее время флагомъ всевозможныхъ литературно-политическихъ партій въ Россіи; и Русскій Вѣстникъ, и Наше Время, и Сѣверная Пчела прикрѣпляютъ къ сумбуру своихъ воззрѣній слово: *либерализмъ*. Дѣйствительно, понятіе о свободѣ чрезвычайно условно: можно, пожалуй, назвать свободой и то, что райя турецкій живетъ на свѣтѣ и работаетъ не на галерахъ. Спорить, резонировать о понятіяхъ консерватизма, прогрессизма и либерализма мы считаемъ совершенно излишнимъ, тѣмъ болѣе, что и самые эти термины суть продукты развитой политической жизни, и, понимаемые въ строгомъ смыслѣ, представляютъ собою политическія партіи, дѣйствующія въ законодательныхъ палатахъ — одна съ цѣлью охранить существующую систему политики и устройства: а другая — съ цѣлью постоянно вводить въ дѣйствительность новыя стремленія, новый строй жизни, всегда противоположный существующему по-своимъ главнымъ основамъ. Намъ чуждъ этотъ порядокъ въ томъ смыслѣ, какъ онъ существуетъ въ Европѣ; но тѣмъ не менѣе и у насъ, какъ и вездѣ, политика можетъ быть и консервативной и прогрессивной, слѣдовательно и дѣятели ея также могутъ раздѣляться на двѣ партіи; въ обществѣ также вполнѣ естественны всѣ оттѣнки партій, дѣйствующихъ собственно въ правительственной сферѣ. Консерватизмъ и прогрессизмъ относятся не къ той или другой частной мѣрѣ, а ко всей политикѣ, поэтому, не смотря ни на какія частныя видоизмѣненія государственнаго хозяйства, антагонизмъ между консервативной и прогрессивной партіей неизбѣженъ.

Г. Чичеринъ этой простой истины не признаетъ, не допуская ни консерваторовъ, ни прогрессистовъ. Онъ говоритъ, что и тѣ, и другіе должны непремѣнно сойдтись и слиться. «Теперь истинный либерализмъ, говоритъ онъ, измѣряется не оппозицiей, не прославленіемъ свободы, не передовымъ направленіемъ, а преданностію «положенію» 19 февраля, которое освободило 23 милльона русскихъ людей и оградило всѣ ихъ существенные интересы. Этого же должно держаться и разумное охранительное начало. Консерватизмъ и либерализмъ здѣсь одно и то же.

Не правда ли, какъ все это мѣтко направлено къ воспитанію серьёзной политической мысли въ русскомъ обществѣ. И такіе публицисты, какъ г. Чичеринъ, имѣютъ еще дерзость считать себя полезными литературными дѣятелями и относиться ко всему остальному не иначе, какъ задравъ къ верху носъ, и съ цинизмомъ авторитета. Все современное и вполнѣ естественное броженіе русской мысли какъ въ самомъ обществѣ, такъ и въ литературѣ, которая неизбѣжно должна была отразить въ себѣ состояніе и потребность общества, г. Чичеринъ смѣшалъ съ грязью. Въ своей замѣткѣ о «различныхъ видахъ либерализма» онъ подраздѣляетъ либерализмъ на дѣльный и оппозиціонный. Не допуская, чтобы либеральная мысль выходила изъ кабинета или гостиной на улицу, и забывая, что большая часть людей не имѣетъ ни того, ни другого, и по свойству своего воспитанія и общественнаго положенія не имѣютъ ни изящныхъ манеръ, ни такой эрудиціи, какую напримѣръ получилъ ученый московскій профессоръ, тѣмъ не менѣе не считаютъ себя лишенными здраваго смысла и права выражать свое посильное мнѣніе о предметахъ общественныхъ, живо ихъ интересующихъ, г. Чичеринъ клеймитъ уличный либерализмъ съ силой и ловкостью кулачнаго бойца, напоминающаго древнія московскія площадныя побоища.

Признавая одинъ «либерализмъ охранительный» и тѣмъ не допуская, разумѣется, либерализма прогрессивнаго, г. Чичеринъ безпощадно противорѣчитъ себѣ тѣмъ, что, какъ онъ доказывалъ, въ обществѣ неизбѣжны два элемента — охраняющій и разрушающій. Мнѣніе г. Чичерина вообще похоже на то, что если бы кто-нибудь сталъ доказывать, что въ воздухѣ не должно быть азота или кислорода.

Въ статьѣ о судебной реформѣ г. Чичеринъ высказалъ одну вполнѣ вѣрную мысль, именно ту, что безсмѣнность судей, гарантируясь

одной стороны независимость судьи отъ правительства, въ то же время гарантируетъ ему и прочную возможность безнаказанно злоупотреблять своей властью; такъ напримѣръ, если взяточникъ заберется въ судьи, то безсмѣнность его будетъ покровительствомъ продажности и лихоимства, которыя фактически доказать и обвинить за нихъ судью почти невозможно.

О преобразованіи земскихъ учрежденій авторъ разбираемой книги также сказалъ свое слово. Онъ находитъ, что программа правительства гораздо шире, чѣмъ это дозволяютъ нравственныя силы русскаго общества. Правительство предположило главнымъ исходнымъ центромъ мѣстнаго самоуправленія и выборовъ сдѣлать *уѣздъ*, и въ выборѣ членовъ губернскаго управленія не допускаетъ сословнаго различія. Московскій публицистъ, по страсти своей къ централизаціи, находитъ что центромъ должна быть *губернія*, и что наибольшее участіе въ дѣлахъ земства должно быть предоставлено дворянству, какъ сословію государственному, потому что самоуправленіе имѣетъ не одну цѣль — мѣстные интересы, но и государственные. Контроль надъ мѣстнымъ самоуправленіемъ, по мнѣнію автора, долженъ находиться въ рукахъ правительства.

Кромѣ предметовъ, о которыхъ мы уже говорили, г. Чичеринъ сочинилъ еще статью о «Совѣтѣ Министровъ». Онъ сдѣлалъ историческое изслѣдованіе о высшихъ центральныхъ русскихъ учрежденіяхъ, начиная съ боярской думы, которая, замѣтимъ мимоходомъ, не имѣетъ ничего общаго съ центральными учрежденіями, возникшими съ Петра I, и между боярской думой и всѣми позднѣйшими учрежденіями нѣтъ даже никакой исторической связи.

Вотъ все, чѣмъ выразилась философія и убѣжденія московскаго публициста. Какой существенный смыслъ, какую цѣль и какую *доктрину* содержитъ въ себѣ пропаганда Г. Чичерина? На это отвѣчать довольно легко, если мы вспомнимъ изъ всего предъидущаго изложенія, что авторъ всѣ вопросы, всѣ политическія мнѣнія, всю литературную пропаганду приводитъ къ одному знаменателю—государство.

Но не есть ли это та же самая односторонность направленія, за которую упрекаетъ г. Чичеринъ и современное общество, и современную литературу?

Можетъ быть, онъ предпочитаетъ именно говорить и выхвалять то, что завтра можетъ быть исполнено, а все, что относится къ области

мысли, хотя и болѣе плодотворной для общества, нежели самое дѣло, но не можетъ реализироваться тотчасъ, почитаетъ безплодной болтовней; но это странно бы было предположить въ профессорѣ, который долженъ же знать, что идеи, рождающіяся и зрѣющія въ обществѣ съ теченіемъ времени, суть коренныя основанія всякаго человѣческаго развитія и всякаго дѣйствительнаго прогресса.

Политическая доктрина нашего публициста, развитая имъ послѣдовательно и логично въ рядѣ разобранныхъ нами статей, основана на изученіи исторіи европейскаго государственнаго строя, который послужилъ для московскаго ума такимъ сильнымъ соблазномъ, что онъ, кажется, даже забылъ всю русскую исторію и признаетъ и помнитъ только одинъ періодъ — съ Петра I. Онъ не признаетъ за русской націей и за русской исторіей никакой самобытности, а хочетъ, чтобы Россія прописала на страницахъ своей исторіи, подъ диктовку такихъ публицистовъ, какъ г. Чичеринъ, все то же, что онъ читаетъ на страницахъ исторіи всякаго европейскаго *государства.*

Говоря, что русскіе имѣютъ свой особенный, восточный складъ ума, и что свойство это даже отразилось въ исторіи нашей непослѣдовательностью, нѣкоторыми скачками, авторъ вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ отъ русскаго общества, чтобы оно жило и слагало свои формы на общеевропейскую колодку, и съ этой цѣлью даетъ ему въ своихъ статьяхъ приличествующія наставленія, которыя, какъ кажется, къ несчастію автора останутся безъ послѣдствій. Форма есть выраженіе духа,—поэтому формы нашей жизни могутъ быть только выраженіемъ особенностей народнаго духа и уступать лишь въ томъ, чего требуетъ цивилизація и идеи времени, общія для всего человѣчества и неотразимо-сильныя по своему внѣшнему вліянію на всякое человѣческое общество.

А. Г—довъ.

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕАКЦІЯ.

Князь Серебряный.—Повѣсть временъ Іоанна Грознаго соч. графа Алексѣя Толстого.

Не удается намъ историческій романъ, да и баста! Вслѣдъ за Вальтеръ-Скоттомъ, создавшимъ эту отрасль литературы, у насъ явилась особенная школа историческихъ романистовъ, которые лѣтъ двадцать тѣшили неприхотливую любознательность публики. Стоитъ взглянуть въ каталоги тридцатыхъ и даже сороковыхъ годовъ, чтобы подивиться нашему творчеству въ этомъ отношеніи. Сотни героевъ и героинь русской старины появлялись другъ за другомъ на сцену, и какъ плохіе актеры сходили съ нея, большею частію освистанные и тотчасъ же преданные забвенію. Владиміры, Рогнѣды, Шуйскіе, Басмановы, Юріи Милославскіе, Волынскіе и проч. и проч. попеременно волновали нашу фантазію и у слабонервныхъ натуръ вызывали искреннія слезы. Многіе изъ насъ еще живо помнятъ то время, когда отъ мала и до велика вся читающая Русь приходила въ неизрѣченный восторгъ отъ романовъ Загоскина и Лажечникова. Ихъ читали явно и тайкомъ; ихъ прятала подъ подушку *благонравная* дѣвушка; съ ними скрывался семинаристъ подъ грязную парту или на полѣницу дровъ; надъ ними вздыхалъ и умилялся и бѣдный чиновникъ, и полуграмотный купецъ. И сколько непритворныхъ слезъ пролито на эти сѣрыя странички, сколько радушныхъ иллюзій и патріотическихъ аккордовъ они поднимали въ душѣ своихъ читателей и читательницъ. О! блаженное было то время. Ядъ отрицанія и нигилизма еще не касался тогда нашего дѣвственнаго мозга; сердце наше билось ровнѣе и нервы спокойно выносили и тычки отеческаго кулака, и рубцы супружеской плет-

ки. До какой степени историческій романъ былъ тогда моднымъ занятіемъ литератора, можно судить потому, что самъ г. Погодинъ сочинилъ какую-то историческую драму, о которой теперь никто не помнитъ, кромѣ двухъ или трехъ записныхъ библіофиловъ и, вѣроятно, самого автора. Да, почти не было ни одного писателя и писаки, который бы не попытался создать чего-нибудь въ родѣ историческаго разсказа, или сцены. А между тѣмъ мы не можемъ указать ни на одно произведеніе, которое спаслось бы отъ преждевременной смерти; один «Борисъ Годуновъ» Пушкина пережилъ своего творца и то поколѣніе, для котораго онъ былъ предназначенъ; но и это художественное произведеніе въ частныхъ сценахъ давно потеряло для насъ свое значеніе въ общемъ построеніи и главной его идеѣ. Бѣлинскій, инстинктивно понимавшій высшія требованія критики, угадалъ, что историческій романъ намъ не подъ силу, что у насъ нѣтъ для него ни историческаго драматизма, ни сильныхъ характеровъ, которые воспитываетъ независимость ума и воли въ обществѣ, ни женщины, которая бы свободно располагала своей судьбой и вносила въ романъ ясно-очерченную физіономію. Посмотрите на «Минина» г. Островскаго: что это за блѣдныя тѣни, что это за скелеты, поднятые изъ могилъ и названныя женскими именами! Онѣ говорятъ текстами и думаютъ однѣми молитвами, какъ будто въ нихъ нарочно замерли всѣ другія стороны жизни. Ни любви, ни гнѣва, ни одной страсти, ни одного жизненнаго порыва не замѣтно на этихъ холодныхъ и безцвѣтныхъ лицахъ. Онѣ проходятъ передъ нами, какъ привидѣнія болѣзненнаго сна, не вызывая въ насъ ни сочувствія, ни особенной антипатіи къ себѣ. И это нисколько неудивительно. Если бъ у г. Островскаго было въ десять разъ больше творческаго воображенія и во сто разъ глубже знаніе той эпохи, которую онъ задумалъ воспроизвести, то и тогда его «Мининъ» потерпѣлъ бы полнѣйшее фіаско... И, признаемся, для насъ непонятно, какимъ образомъ талантъ писателя, у котораго есть кровныя симпатіи съ современнымъ ему поколѣніемъ, съ вопросами и задачами, волнующими общество въ данную минуту, талантъ, живущій раздраженіемъ явленій, окружающихъ его, воспріимчивый и чуткій, постоянно сосредоточенный въ надеждахъ будущаго и стремленіяхъ молодой жизни,—акимъ образомъ этотъ истинный талантъ можетъ искренно сочувствовать тому, что давно обратилось въ прахъ и не можетъ потрясти въ немъ ни одной живой фибры, обрисовать передъ нимъ ни одного живого образа. Вмѣсто

дѣйствительнаго міра, чувствующаго и мыслящаго подобно ему, онъ долженъ вдохновляться пыльными листами рукописей или нѣмыми остатками давно угасшей жизни. Притомъ, наши историческія знанія еще далеки отъ того богатства матеріаловъ, которые необходимы для поэта. Романъ и драма могутъ интересовать насъ яркимъ и точнымъ воспроизведеніемъ самыхъ мелкихъ подробностей отжившей эпохи. Только въ этихъ подробностяхъ можетъ ясно отразиться историческая личность или физіономія эпохи, воскрешаемая въ фантазіи художника. Если историкъ, имѣющій дѣло съ голымъ фактомъ, на каждомъ шагу затрудняется недостаткомъ свѣденій, если по сю пору возникаютъ серьёзные диспуты о томъ: откуда *мы* пришли—отъ Жмуди или отъ Варяговъ—то гдѣ же взять поэту обильныя краски для освѣщенія мертвыхъ характеровъ и самыхъ интимныхъ отношеній семейной и общественной жизни? Нѣтъ сомнѣнія, что можно намалевать какого угодно Юрія Милославскаго, даже намалевать лучше, чѣмъ это сдѣлалъ Загоскинъ, но что же тутъ похожаго на историческое воспроизведеніе и на живой поэтическій образъ, нарисованный истиннымъ художникомъ? Поэтому всѣ наши историческіе романы сшиваются на живую нитку и по извѣстной мѣркѣ; всѣ они болѣе или менѣе разсчитываютъ на мелодраматическіе эффекты, за неимѣніемъ хорошаго внутренняго содержанія. Самыя названія ихъ въ родѣ слѣдующихъ: *Таинственный нищій*, *Полночный гость*, *Ужасный бракъ*, и т. п.—отличаются той пошлой эффектаціей, отъ которой можетъ не умирать со скуки только наша публика и артисты нашихъ театровъ. Что же касается развитія самыхъ событій и характеровъ, то здѣсь все путается и перепутывается, какъ попало. Что ни глава, то сокрушенная физіономія, раздробленная челюсть, разрубленный черепъ; кровь хлещетъ ручьями, сабли почти не вкладываются въ ножны, выстрѣлы нарушаютъ безпрестанно то тишину ночи, то безмолвіе дремучаго лѣса, то просто величавое спокойствіе природы. Кончилась одна драка — тотчасъ же обдумываютъ и затѣваютъ другую; кончилась другая—затѣваютъ третью. Въ антрактахъ пьютъ, ѣдятъ, прославляютъ отечество и его доблестныхъ сыновъ, составляютъ заговоры, ввергаются въ темницы, идутъ на плаху и остаются цѣлыми, потомъ веселятся, горюютъ, блаженствуютъ, страдаютъ и любятъ, любятъ, любятъ до того, что впечатлительная и нервная читательница, нерѣдко съ нѣкоторымъ ущербомъ для здоровья, закрываетъ книгу послѣ словъ: «конецъ четвертой и послѣдней части».

Вся путаница событій вращается обыкновенно около героя романа, выставляя его на показъ то съ той, то съ другой, то съ третьей стороны. Это онъ, по преимуществу, сокрушаетъ физіономіи, и раздробляетъ челюсти; изъ подъ его сабли хлещетъ кровь ручьями; въ него, съ первой главы до послѣдней, направлены всѣ выстрѣлы — и утромъ, и вечеромъ, и ночью, и въ лѣсу, и въ полѣ, и въ комнатѣ. Восторженныя рѣчи о любви къ отечеству и о наслажденіи положить за него животъ принадлежатъ также герою, и—Боже мой!— какъ онъ говоритъ!..

Зато героиня, по большей части, только страдаетъ и проливаетъ слезы въ ожиданіи той вожделѣнной минуты, когда герой, преодолѣвъ тысячу непреодолимыхъ препятствій, сожметъ наконецъ избранную своего сердца въ могучихъ объятіяхъ и зычно-страстнымъ голосомъ воскликнетъ: «ты моя! моя навѣки!..» Вотъ по этому-то рецепту составляются наши историческіе романы и мы нисколько не удивились бы, еслибъ они сотнями являлись каждый день въ нашей литературѣ.

Нельзя сказать, чтобъ по тому же самому рецепту былъ составленъ романъ графа Алексѣя Толстого, но онъ вполнѣ раздѣляетъ недостатки своихъ предшественниковъ, особенно при тѣхъ огромныхъ претензіяхъ, которыми задался авторъ.

«Представляемый здѣсь разсказъ, говоритъ онъ въ предисловіи, имѣетъ цѣлію не столько описаніе какихъ-либо событій, сколько изображеніе общаго характера цѣлой эпохи и воспроизведеніе понятій, вѣрованій, нравовъ и степени образованности русскаго общества во вторую половину XVI столѣтія».

Задача, какъ видите, громадная, превышающая и не такія силы, какими располагаетъ графъ Алексѣй Толстой. Для выполненія такой задачи недостаточно только связнаго разсказчика, напоминающаго болтливые романы А. Дюма, но необходимъ широкій историческій взглядъ, котораго мы совершенно не находимъ въ авторѣ «Князя Серебрянаго». Онъ забылъ, что для воспроизведенія полной физіономіи русскаго общества XVI вѣка, рамки его романа слишкомъ узки; онъ забылъ, что за Александровской слободой, за царемъ, за опричниками, за добродѣтельными и злыми земскими боярами стояла еще цѣлая русь,— русь городовъ и деревень, русь торговавшая, русь въ потѣ лица снѣдавшая хлѣбъ свой, русь, валившаяся сотнями и тысячами подъ татарскими, литовскими и нѣмецкими стрѣлами и пулями, русь стра-

давшая, волновавшаяся, русь уповавшая... Выведенные графомъ Толстымъ станичники — эта пестрая вольница, сбившаяся въ кучу изъ самыхъ разнокалиберныхъ слоевъ общества, «изъ хатъ, изъ келій, изъ темницъ» — могутъ, конечно, служить отчасти представителями разнородныхъ общественныхъ интересовъ, стремленій, воззрѣній и требованій, но только отчасти, а не вполнѣ. Разбойничья жизнь слагалась, и слагается всегда и вездѣ слишкомъ своеобразно и прихотливо для того, чтобы служить типомъ обыкновенной, обыденной жизни народа, которая не мчится, какъ бурный потокъ, то и дѣло мѣняющій свое направленіе, свой цвѣтъ и видъ, а льется тихо, плавно, даже нѣсколько сонно. Станичники графа Толстого могутъ дать полное понятіе объ одной лишь сторонѣ народнаго воззрѣнія того времени на своего грознаго царя. Какъ ни грозенъ былъ этотъ царь, какъ ни суровы черты его необузданной тиранніи, — а святая Русь все-таки относилась къ нему съ полнѣйшимъ смиреніемъ, и самыя кровавые, самыя возмутительные поступки его объясняла и оправдывала тѣмъ, что это ни что иное, какъ проявленіе неисповѣдимаго гнѣва Божія, карающаго русскихъ людей за грѣхи ихъ. Такъ думали всѣ тогда, отъ перваго боярина до послѣдняго холопа, и черта эта подмѣчена графомъ Толстымъ очень вѣрно. Она не составляетъ въ романѣ такъ называемой задней мысли, но она проглядываетъ въ каждомъ событіи, слышится въ каждомъ разговорѣ, потому что такъ было на самомъ дѣлѣ.

Но эта черта есть только одно изъ проявленій русскаго общества во второй половинѣ XVI столѣтія. На вопросъ же о другихъ понятіяхъ, о другихъ вѣрованіяхъ и воззрѣніяхъ «князь Серебряный» не даетъ никакого отвѣта, и ширина задачи, предложенной авторомъ въ предисловіи, сводится въ самомъ романѣ на описаніе александровской свободы съ ея нравами, свычаями и обычаями, да на разсказъ о нѣсколькихъ, на половину вымышленныхъ, на половину дѣйствительныхъ, событіяхъ.

Но этотъ капитальный недостатокъ отчасти выкупается отрицательнымъ достоинствомъ романа. «Князь Серебряный» къ счастію, *психологическими развитіями* не страдаетъ; зато онъ не обошелся безъ такъ называемыхъ лирическихъ мѣстъ, которыя узнаются главнымъ образомъ по большому количеству восклицательныхъ знаковъ съ точками. Этимъ графъ Толстой увлекся совершенно напрасно: если у Гоголя лирическія мѣста выходили большею частію не со-

всѣмъ удачными, то что же сказать о наборѣ *общихъ мѣстъ*, не говорящихъ ничего ни уму, ни сердцу, да и слухъ-то поражающихъ вовсе непріятно? Есть въ «Серебряномъ» и *эпическіе* пріемы на манеръ слѣпца Гомера и того же Гоголя, испортившаго этими пріемами своего «Тараса Бульбу» во второмъ изданіи. У графа Толстого все это крайне натянуто и преувеличено до чудеснаго, переходящаго въ чудовищное; читатели навѣрно будутъ съ нами согласны, если обратятъ вниманіе на слѣдующее *эпическое* описаніе пощечины, данной княземъ Серебрянымъ Малютѣ Скуратову:

«Серебряный былъ у Скуратова за плечами. Не выдалъ его старый конь водовозный.

— «Стой, Малюта! повторилъ Серебряный и, нагнавъ Скуратова, ударилъ его въ щеку рукою могучею.

«Силенъ былъ ударъ Никиты Романовича. Раздалась пощечина, словно выстрѣлъ пищальный; загудѣлъ сыръ боръ, посыпались листья; бросились звѣри со всѣхъ ногъ въ чащу; вылетѣли изъ дупелъ пучеглазыя совы; а мужики, далеко оттолѣ дравшіе лыки, посмотрѣли другъ на друга и сказали, дивясь:

— «Слышь, какъ треснуло! Ужь не старый ли дубъ подломился надъ Поганою Лужей!»

Если бы такимъ образомъ треснулъ Илья-Муромецъ Соловья-разбойника, или Алеша Поповичъ Чурилу Пленковича,—мы не сказали бы ни слова; но князь Никита Романовичъ Серебряный—какъ онъ ни силенъ—все же не могъ произвести своею пощечиною столь оглушительнаго эффекта, да и романъ историческій не сказка.

Князь Серебряный, вообще,—самое слабое лицо изъ всѣхъ лицъ, изображенныхъ графомъ Толстымъ. Причиною тому вышеупомянутая нами рутина—изображать героя совсѣмъ ужь героемъ, не имѣющимъ въ себѣ почти-что ничего человѣческаго. И князь Никита Романовичъ вышелъ, дѣйствительно, героемъ, настоящее мѣсто котораго не въ *повѣсти временъ Іоанна Грознаго*, а въ сказаніи о подвигахъ богатырей князя Владиміра — краснаго солнышка. Заявляетъ онъ себя героемъ съ первой же минуты появленія своего въ романѣ, а именно—дебютируетъ съ того, что съ двадцатью человѣками ратниковъ и холопей лупитъ на голову пятьдесятъ человѣкъ хорошо вооруженныхъ опричниковъ, сшибаетъ *рукоятью сабли* съ лошади ихъ предводителя, очень ловкаго и сильнаго дѣтину Матвѣя Хомяка, освобождаетъ захваченныхъ опричниками станичниковъ, которые

зато, само собою разумѣется, отдаются князю тѣломъ и душою, на жизнь и на смерть. Затѣмъ онъ, какъ мы уже упомянули, сшибаетъ съ коня Малюту Скуратова и отбивается одинъ отъ цѣлой толпы опричниковъ. Затѣмъ убиваетъ тоже одинъ еще человѣкъ семь или восемь опричниковъ и ранитъ князя Вяземскаго, бойца далеко не послѣдняго достоинства. Послѣ того усмиряетъ бунтъ станичниковъ, принимаетъ надъ ними начальство и разбиваетъ татаръ; въ антрактахъ же между этими подвигами изумляетъ и умиляетъ всѣхъ своими добродѣтелями, прямодушіемъ, честностью, твердостью характера, безстрашіемъ и нѣкоторымъ тупоуміемъ, неизбѣжною принадлежностью всѣхъ героевъ такого рода, умѣющихъ только рубить, колоть, застрѣливать и пресерьёзно почитать это милое занятіе единственнымъ назначеніемъ и призваніемъ человѣка на землѣ. Въ тупоуміи князя Никиты Романовича сознается и самъ графъ Толстой, говоря, что Серебряный *больше привыкъ дѣйствовать, чѣмъ мыслить,* и справедливость этого отзыва ярче всего подтверждается разсужденіями не привыкшаго мыслить князя о перемѣнѣ въ характерѣ Іоанна, объ опричникахъ, о причинахъ и всякихъ ужасахъ и мерзостяхъ того времени.

Подъ стать герою и героиня, ничѣмъ почти не отличающаяся отъ всѣхъ героинь русскихъ историческихъ романовъ, отъ всѣхъ болѣе или менѣе безличныхъ, безцвѣтныхъ и невыразимо скучныхъ Анастасій, Марій, Катеринъ, Полинъ и подобныхъ имъ. Историческая вѣрность изображенія выражается тутъ главнымъ образомъ въ описаніи костюма, въ перечисленіи аксамитныхъ лѣтниковъ, запятьевъ, зарукавниковъ, кокошниковъ, манистъ, да въ передачѣ русскихъ пѣсень, которыя поютъ боярынѣ Морозовой ея сѣнныя дѣвушки. Авторъ «Серебрянаго» въ этомъ случаѣ, не посмѣлъ ни на волосъ отступить отъ рутины, и это до такой степени замѣтно, что даже разговорный языкъ, вообще у графа Толстого очень хорошій, въ объясненіяхъ князя Никиты Романовича съ Еленой Дмитріевной не отличается ничѣмъ отъ языка, на которомъ объясняются Анастасія съ Юріемъ Милославскимъ, и Маріорица съ Волынскимъ. Боярыня Морозова добродѣтельна тоже не въ могоry; земное поприще свое она кончаетъ монастыремъ, и вотъ, между прочимъ, какія рѣчи ведутся у нея съ Серебрянымъ, когда онъ, послѣ казни ея мужа, предлагаетъ ей свою неизмѣнную любовь, а добродѣтельная Елена Дми-

тріевна, превратившаяся уже въ сестру Евдокію, любовь эту отвергаетъ:

— «Зачѣмъ, сказалъ съ мрачнымъ видомъ Серебряный:—зачѣмъ не сложилъ я голову на татарскую саблю! Зачѣмъ не казнилъ меня царь, когда я ему повинную принесъ! Что мнѣ теперь осталось на свѣтѣ?

— «Неси крестъ свой, Никита Романовичъ, какъ я мой крестъ несу. Твоя доля легче моей. Ты можешь отстаивать родину, а мнѣ остается только молиться за тебя и оплакивать грѣхъ мой!

— «Какая родина! Гдѣ наша родина? вскричалъ Серебряный:— отъ кого намъ ее отстаивать? Не татары, а царь губитъ родину! Мысли мои помѣшались, Елена Дмитріевна... Ты одна еще поддерживала мой разумъ; теперь все передо мной потемнѣло; не вижу болѣ, гдѣ ложь, и гдѣ правда. Все доброе гибнетъ, все злое одолѣваетъ! Часто, Елена Дмитріевна, приходилъ мнѣ Курбскій на память, и я гналъ отъ себя эти грѣшныя мысли, пока была еще цѣль для моей жизни, пока была во мнѣ сила; но нѣтъ у меня болѣ цѣли, а сила дошла до конца... разсудокъ мой путается...

— «Просвѣти тебя Боже, Никита Романовичъ! Ужели оттого, что твое счастье погибло, ты сдѣлаешься врагомъ государевымъ, пойдешь наперекоръ всей землѣ, которая держитъ предъ ними наклонную голову? Вспомни, что Богъ посылаетъ намъ испытаніе, чтобы мы могли свидѣться на томъ свѣтѣ! Вспомни всю жизнь свою и не солги противъ самого себя, Никита Романовичъ!

«Серебряный опустилъ голову. Вскипѣвшее въ немъ негодованіе уступило мѣсто строгимъ понятіямъ долга, въ которыхъ онъ былъ воспитанъ, и которыя доселѣ свято хранилъ въ своемъ сердцѣ, хотя и не всегда былъ въ силахъ имъ покориться.

— Неси крестъ свой, Никита Романовичъ! повторила Елена: — Иди куда посылаетъ тебя царь. Ты отказался вступить въ опричнину, и совѣсть твоя должна быть чиста. Иди же на враговъ земли русской; а я не перестану молиться за насъ обоихъ до послѣдняго моего часа!

— «Прости же, Елена,—прости, сестра моя! воскликнулъ Серебряный, бросаясь къ ней.

«Она встрѣтила спокойнымъ взглядомъ его сокрушенный взглядъ, обняла его, какъ брата, и поцѣловала три раза безъ страха и замѣшательства, ибо въ этомъ прощальномъ лобзаніи уже не было

того чувства, которое за два мѣсяца, у ограды морозовскаго сада, кинуло ее въ объятія князя невольно и безсознательно.

— «Прости! повторила она и, опустивъ покрывало, поспѣшно удалилась въ свою келью.»

Разговоръ этотъ, какъ видятъ читатели, можетъ быть безъ всякаго анахронизма перенесенъ изъ 1565 въ 1812 годъ и вложенъ въ уста Полины и Рославлева; ибо все намекающее въ немъ на языкъ временъ Іоанна Грознаго заключается въ одномъ словѣ *болѣ* вмѣсто *болѣе*.

Должно, впрочемъ, замѣтить, что графъ Толстой, послуживъ рутинѣ въ изображеніи своего героя и героини, не довелъ этого служенія до уморительно-смѣшныхъ пріемовъ Загоскина и Лажечникова, и въ этомъ нельзя не отдать предпочтенія автору «Серебрянаго» передъ нашими старыми романистами. Графъ Толстой понялъ очень хорошо, что вывести главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ романѣ русскую женщину XVI столѣтія съ ея любовью къ русскому мужчинѣ того же времени—рѣшительно невозможно безъ того, чтобы не впасть во вранье и нелѣпости, а потому и отнесся къ своей Еленѣ Дмитріевнѣ и Никитѣ Романовичу очень благоразумно. Елена Дмитріевна является въ романѣ всего четыре раза; Никита Романовичъ услаждается съ ней любовными объясненіями тоже не болѣе трехъ или четырехъ разъ; кромѣ Елены Дмитріевны, въ «Князѣ Серебряномъ» выводится на сцену еще только одна женщина—мамка царя Грознаго — Онуфріевна, и *повѣсть временъ Іоанна Грознаго* отъ этого положительно выигрываетъ. Въ повѣсти этой вообще, хотя она называется «Княземъ Серебрянымъ» главнымъ героемъ является самъ царь Иванъ Васильевичъ. И на этомъ графъ Толстой рѣшительно расходится съ пошлою рутиною стараго времени. На личности Іоанна Грознаго нельзя здѣсь не остановиться, тѣмъ болѣе, что у насъ смотрятъ на него съ двухъ діаметрально противоположныхъ точекъ зрѣнія, и каждая изъ этихъ точекъ имѣетъ своихъ горячихъ поклонниковъ.

О царѣ Грозномъ какъ извѣстно, существуютъ у насъ въ настоящее время два мнѣнія: одно — карамзинское, по силѣ котораго Іоаннъ Грозный выставляется ужаснѣйшимъ тиранномъ, *исполиномъ безчеловѣчія, губительнымъ ангеломъ тьмы для россіянъ, обагренныхъ святою кровью невинности;* другое — соловьевское, по силѣ котораго Иванъ Васильевичъ является монархомъ истинно-великимъ,

преисполненнымъ самыми высокими *государственными идеями*, и только ради этихъ идей совершившимъ всѣ свои казни и убійства. Карамзинъ все доброе и хорошее въ Іоаннѣ приписываетъ вліянію «добродѣтельной» Анастасіи и «друзей отечества и блага» Сильвестра и Адашева съ ихъ сторонниками, говоря, что, удаливъ этихъ друзей и лишившись Анастасіи, царь «лишился не только супруги, но и добродѣтели»; Соловьевъ, Кавелинъ и ихъ послѣдователи утверждаютъ, напротивъ, что вліяніе на Іоанна Сильвестра и Адашева съ ихъ друзьями было далеко не благотворно; что оно только раздражало и портило пылкаго и впечатлительнаго царя; что виною жестокости Іоанна было его дурное, небрежное воспитаніе, крамолы строптивыхъ, дерзкихъ и своекорыстныхъ бояръ, нарушеніе ими рано и глубоко сознанныхъ Іоанномъ, его законныхъ царскихъ правъ и долголѣтняя, то явная, то тайная, боярская оппозиція всѣмъ великимъ замысламъ царя. Задавшись разъ такими мыслями, панегиристы Ивана Васильевича оправдываютъ его во всемъ и открываютъ въ немъ множество умилительныхъ достоинствъ и добродѣтелей, выставляя между прочимъ на первый планъ, что жестокости грознаго царя, поражая крамольныхъ бояръ, не касались никогда народа; въ стремленіяхъ же Ивана Васильевича окружить себя людьми незнатными, незначительными, *худородными*, самымъ яркимъ образомъ сказался монархъ, глубоко проникнутый новыми, разумными взглядами на государственную жизнь, вполнѣ достойный предшественникъ Петра Великаго.

Мнѣніе это, какъ почти всякое новое мнѣніе, высказанное горячо и болѣе или менѣе талантливо, показалось сначала русской публикѣ совершенно справедливымъ и нашло себѣ много поклонниковъ. Потомъ первый пылъ увлеченія прошелъ; въ дѣло стали вглядываться внимательнѣе и спокойнѣе и, разумѣется, не могли не придти къ заключенію, что гг. Кавелинъ, Соловьевъ и ихъ послѣдователи хватили ужь черезчуръ далеко. Хвачено, точно, не близко, и если взглядъ Карамзина не выдерживаетъ строгой критики, то еще легче разлетаются въ пухъ и прахъ при самомъ поверхностномъ разсмотрѣніи горячіе возгласы новѣйшихъ изслѣдователей о великомъ значеніи въ русской исторіи Ивана Васильевича Грознаго и о его высокихъ государственныхъ идеяхъ, какъ о единственныхъ причинахъ его возмутительной жестокости.

Іоаннъ Грозный былъ, дѣйствительно, человѣкъ во многихъ отношеніяхъ очень замѣчательный, умный, проницательный, дѣятельный,

начитанный и обѣщавшій изъ себя одно время государя, которому будетъ отведено весьма видное мѣсто въ лѣтописяхъ русской земли. Обѣщанія эти, однако же, такъ и остались одними обѣщаніями, и всѣ хорошія свойства царя разомъ обратились къ самымъ дурнымъ цѣлямъ, исказились и извратились до безобразія. Умъ и начитанность стали служить орудіями къ придумыванію и сочиненію софистическихъ, произвольныхъ теорій и ученій о царской власти, о ея происхожденіи, цѣли и значеніи,—теорій, на основаніи которыхъ производились потомъ самыя страшныя злодѣйства. Проницательность направилась къ отыскиванію и распознаванію небывалыхъ враговъ, супостатовъ и измѣнниковъ; дѣятельность устремилась почти исключительно къ изобрѣтенію и усовершенствованію разнообразнѣйшихъ и изысканнѣйшихъ мукъ и казней, отъ одного описанія которыхъ поднимается дыбомъ волосъ. Винить въ этомъ одного Іоанна было бы, конечно, несправедливо: обстоятельства, обстановка, развитіе и положеніе его были таковы, что ему трудно было не сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ онъ и сдѣлался на самомъ дѣлѣ, и въ этомъ отношеніи мы совершенно согласны съ мнѣніями и взглядами гг. Кавелина, Соловьева, и ихъ послѣдователей. Раннее сиротство, отсутствіе необходимаго за ребенкомъ надзора и ухода, сначала грубое, дерзкое и утѣснительное, потомъ льстивое, раболѣпное, истинно холопское обращеніе и поведеніе бояръ и пѣстуновъ, дурные примѣры и совѣты, неограниченный произволъ и разныя, болѣе или менѣе грустныя, случайности,—все это неминуемо, рано или поздно, должно было поставить Іоанна на тотъ путь, по которому и шелъ онъ, въ крови по колѣно, втеченіи многихъ тяжелыхъ годовъ. Съ самаго нѣжнаго дѣтскаго возраста онъ уже находился въ положеніи, долженствовавшемъ преждевременно исказить всѣ хорошія наклонности и свойства; съ самаго нѣжнаго дѣтскаго возраста онъ уже видѣлъ въ извѣстныхъ случаяхъ раболѣпное уваженіе къ себѣ со стороны бояръ и вельможъ, а въ другихъ случаяхъ отъ ихъ же бояръ и вельможъ испытывалъ горькія оскорбленія и притѣсненія. При посольскихъ пріемахъ, при выходахъ и другихъ придворныхъ церемоніяхъ бояре стояли передъ Іоанномъ въ струнку, кланялись ему, какъ безмолвные рабы; но кончался выходъ—и тѣ же бояре становились грубы и повелительны, безцеремонно разваливались передъ великимъ княземъ, кладя ноги на постель его отца, оскорбляли ребенка въ его лучшихъ чувствахъ и привязанностяхъ, съ позоромъ и безчестіемъ отгоняли отъ него тѣхъ, кого онъ любилъ,

оказывали при немъ неуваженіе къ памяти его родителей, расхищали ихъ вещи и казну, своевольничали, безчинствовали и даже плохо одѣвали его и кормили. Вышло изо всего этого то, что и должно было выйдти. Въ тѣ годы, когда каждаго правильно-развивающагося ребенка занимаютъ одни уроки и игры, въ тѣ годы, когда на дѣтскую душу мирно ложатся одни ясныя и кроткія впечатлѣнія—умъ Іоанна былъ уже постоянно и тревожно занятъ мыслями о безусловной самодержавной власти; сердце же бурно кипѣло непримиримой ненавистью и злобой къ боярамъ, и эти мысли, эти страшныя въ ребенкѣ чувства зрѣли и развивались не по днямъ, а по часамъ. Все болѣе и болѣе поглощаемый вопросами: какъ бы лучше усмирить и покорить строптивыхъ и дерзкихъ бояръ, какъ бы ему прочнѣе утвердить за собой свои, крамольниками нарушенныя, прародительскія права, Іоаннъ обращался къ исторіи, къ св. писанію, къ твореніямъ св. отцовъ, вездѣ искалъ подтвержденія своихъ желаній и взглядовъ, и мало по малу въ головѣ его сложилась цѣлая теорія самодержавія, которую онъ твердо рѣшился приложить къ дѣлу при первой же возможности. Какова была его теорія—лучше всего можно видѣть изъ собственныхъ словъ Іоанна въ его посланіяхъ къ князю Курбскому, гдѣ онъ подробно и обстоятельно излагаетъ свои воззрѣнія на царскую власть, свои понятія о томъ, что такое царь, какъ долженъ онъ относиться къ подданнымъ, и какъ подданные должны относиться къ нему. Тутъ и толки о божественномъ происхожденіи власти, и примѣры изъ исторіи св. писанія, и указаніе на тексты апостола Павла: тутъ и попреки Курбскому примѣромъ раба его Васьки Шибанова, который, *при смертнѣхъ вратѣхъ стоя, ради крестнаго цѣлованія*, не отрекся отъ своего господина, *и похваляя и всячески за него умерети тщашеся»*. «Ты же убо—присовокупляетъ Іоаннъ—сего благочестія не поревновалъ еси: единаго ради моего слова гнѣвна, не токмо своею едину душу, но и всѣхъ прародителей души погубилъ еси: понеже Божіимъ изволеніемъ, дѣду нашему, великому государю, Богъ ихъ поручилъ въ работу, и они давъ свои души, и до смерти своей служили, и вамъ, своимъ дѣтямъ, приказали служити и дѣда нашего дѣтямъ и внучатамъ.

Изъ этихъ разсужденій видно ясно, что царь вѣровалъ искренно и свято въ непогрѣшимость своихъ убѣжденій о царской власти, которымъ, впрочемъ, столь же искренно и свято вѣровали и всѣ его подданные. Онъ даже прямо укоряетъ Курбскаго за то, что Курбскій

не захотѣлъ отъ него, «строптиваго владыки, страдати и вѣнецъ жизни наслѣдити», ибо такого рода смерть «нѣсть смерть, но пріобрѣтеніе».

Вѣнцомъ этихъ разсужденій Ивана Васильевича было краткое, но сильное изреченіе: «а жаловати есмы своихъ холопей вольны, а и казнити вольны же есмы», и въ истину этого изреченія вѣровалъ искренно и свято опять-таки не одинъ лишь царь, но и сами же его холопи.

Таковы были *высокія государственныя идеи*, съ которыми Іоаннъ переживалъ свое отрочество и свою юность и готовился вступить въ періодъ совершеннолѣтія. Но еще гораздо прежде этого удалось ему отчасти приложить къ дѣлу носившуюся въ головѣ его теорію власти и дать вкусить нѣкоторымъ своимъ притѣснителямъ отъ ими же возрощеннаго горькаго плода. Когда великій князь сталъ подростать, бояре поняли, что теперь не мѣшаетъ имъ перемѣнить тактику, и грубо повелительное обращеніе съ Іоанномъ замѣнить раболѣпствомъ, и лестью, потакая ему во всемъ, поощряя самыя предосудительныя его потѣхи и забавы. И уже съ двѣнадцатилѣтняго возраста въ отрокѣ Іоаннѣ сталъ понемногу обнаруживаться будущій Іоаннъ Грозный, не только совершенно спокойно, но даже съ замѣтнымъ удовольствіемъ взиравшій на самыя жестокія мученія и старыхъ и малыхъ, и мужчинъ и женщинъ. Сначала такое пріятное зрѣлище доставляли великому князю одни животныя, большею частію кошки и собаки, которыхъ онъ собственноручно сбрасывалъ съ теремовъ и высокихъ крылецъ при одобрительномъ хохотѣ своихъ воспитателей и приближенныхъ; потомъ своимъ порядкомъ дошла очередь и до людей. На тринадцатомъ году любимое развлеченіе Ивана Васильевича состояло въ томъ, что онъ, съ толпой молодыхъ бояръ, отправлялся верхомъ по Москвѣ, носился какъ бѣшеный по улицамъ и торжищамъ, топталъ и давилъ народъ, билъ и оскорблялъ и встрѣчныхъ, и поперечныхъ. «И воистину дѣла разбойническія самыя творяше — говоритъ по этому поводу Курбскій въ своей исторіи Іоанна — и иныя злыя исполняше, ихъ же не токмо глаголати излишно, но и срамно; ласкателемъ же все таковое на свою бѣду восхваляющимъ: «о храбръ глаголюще, будетъ сей царь и мужественъ?»

Все это были пока одни первовесенніе, нѣжные цвѣтки; всѣ эти милыя шутки и забавы только закаляли впечатлительнаго отрока, только пріучали его смотрѣть съ хохотомъ на кровь и страданіе, слу-

шать съ хохотомъ же вопли и стоны, исподоволь подготовляя такимъ образомъ Іоанна къ его позднѣйшимъ, несравненно болѣе грандіознымъ подвигамъ. Но великому князю уже и въ ту пору мечтались не одни сбрасыванья съ теремовъ безсловесныхъ собакъ и кошекъ, не одно топтанье по московскимъ улицамъ ничего не сдѣлавшаго ему народа: ему хотѣлось поскорѣе добраться до тѣхъ, кому обязанъ былъ онъ многими тяжелыми днями, многими скверными воспоминаніями, многими горькими, злыми, но безсильными слезами! Іоаннъ спалъ и видѣлъ — наказать оскорбившихъ его бояръ, отдѣлаться отъ всѣхъ опекуновъ и совѣтниковъ, и страстное желаніе его скоро исполнилось. Одинъ за другимъ пали жертвами отроческой злобы и мести князья Шуйскіе, Темкинъ, Палецкій, Кубенскій, Воронцовы, Головинъ, Бутурлинъ и др. Князь Андрей Шуйскій отданъ былъ на истязаніе и убіеніе псарямъ; князю Кубенскому и Воронцовымъ отсѣкли головы; Бутурлину отрѣзали языкъ «за невѣжливыя слова»; прочіе были сосланы въ ссылку. Великій князь въ особенности радъ былъ отдѣлаться отъ Шуйскихъ, которые болѣе другихъ притѣсняли и оскорбляли его въ дѣтствѣ. Надменный и властолюбивый Іоаннъ всю жизнь свою, кажется, не могъ забыть этихъ оскорбленій, и много лѣтъ спустя послѣ паденія своихъ вороговъ все еще съ яростью вспоминаетъ въ посланіи къ Курбскому, какъ Шуйскіе *свое хотѣніе во всемъ улучиша и сами убо царствовати начаша*, и какъ онъ, государь, долженъ былъ *съ холопомъ ссылатися и холопа своего упрашивати.*

Точно такія же чувства возбудили впослѣдствіи въ Іоаннѣ и Сильвестръ съ Адашевымъ, въ особенности же послѣдній, и эти чувства въ соединеніи съ нѣкоторыми грустными обстоятельствами, уже окончательно переполнили сердце царя злобою и ненавистью ко всѣмъ, въ комъ замѣчалъ, или только подозрѣвалъ онъ хотя малѣйшее желаніе, хоть одинъ намекъ на желаніе помѣшать ему *строити царство свое по волѣ своей.* Приближенные Іоанномъ въ самое благопріятное время, въ ту пору, когда онъ, подъ вліяніемъ разныхъ неожиданныхъ событій и глубоко потрясшихъ его впечатлѣній, горячо и искренно желалъ быть *царемъ правды, раззорять неправды и возвращать хищенія.* Сильвестръ и Адашевъ не поняли своей роли, и значеніе ихъ, дѣйствительно, было вовсе не таково, какимъ описываетъ его Карамзинъ. Они тоже, какъ ненавистные Іоанну бояре, думали и заботились прежде всего о своихъ личныхъ интересахъ, заводили каверзы и интриги, сносились съ людьми, нелюбимыми царемъ;

Сильвестръ же, кромѣ того приближенный Іоанномъ *для духовнаго совѣта и спасенія души*, доказалъ очень скоро, что ему весьма недостаточно этой, хотя и высокой, но довольно ограниченной и не совсѣмъ видной роли. Онъ сталъ вмѣшиваться и въ дѣла политическія, и въ дѣла административныя, и даже въ домашнюю, интимную жизнь государя, деспотически требуя, чтобы Іоаннъ во всемъ и всегда исполнялъ всѣ его совѣты такъ же смиренно и безпрекословно, какъ исполнялъ ихъ въ дѣлахъ чисто религіозныхъ. Понятно, какъ подобное обращеніе должно было дѣйствовать на гордаго, горячаго, раздражительнаго, самолюбиваго и властолюбиваго царя; понятно, что Іоаннъ не менѣе Шуйскихъ возненавидѣлъ Сильвестра, и въ томъ же посланіи къ Курбскому, гдѣ говорится о Шуйскихъ, чуть не бѣснуется при одномъ воспоминаніи о томъ, какъ владѣли имъ, законнымъ и немалолѣтнимъ государемъ *попъ невѣжа* и *собака Алексѣй*. Гроза на этихъ неосторожныхъ деспотовъ, обманувшихъ всѣ надежды на нихъ Іоанна, долго и сдержанно зрѣла въ его давно уже озлобленномъ и мстительномъ сердцѣ; а чѣмъ дальше и сдержаннѣе она зрѣла, тѣмъ, разумѣется, страшнѣе и разрушительнѣе долженъ былъ послѣдовать его взрывъ...

Ненависть и злоба къ Сильвестру, Адашеву и всѣмъ инымъ *злодѣйственнымъ измѣннымъ человѣкомъ* еще сильнѣй прежняго разгорѣлась въ сердцѣ царя послѣ тяжкой его болѣзни въ 1553 году. Отчаяваясь въ его выздоровленіи, нѣкоторые близкіе къ нему люди совѣтовали ему сдѣлать духовное завѣщаніе и привести бояръ и двоюроднаго своего брата, князя Владиміра Андреевича Старицкаго, къ присягѣ на вѣрность царевичу Дмитрію Іоанновичу. Іоаннъ согласился; но бояре, полагая, что царь уже не встанетъ, почти всѣ открыто приняли сторону князя Старицкаго, объявивщаго, вопреки новому порядку престолонаслѣдія, права свои на престолъ. Сильвестръ тоже оказался въ числѣ сторонниковъ Владиміра Андреевича; Алексѣй Адашевъ молчалъ, выжидая; отецъ же его объявилъ прямо, что не хочетъ цѣловать креста царевичу Дмитрію. Поднялись шумъ и крикъ, споры и брань, и все это происходило у самой постели больного, изнуреннаго горячкою Іоанна. Въ полной увѣренности, что эта горячка кончится смертью, расходившіеся бояре не разбирали выраженій, не щадили въ рѣчахъ своихъ ни ненавидимыхъ Сильвестромъ и его партизанами родственниковъ царицы Анастасіи Романовны — Захарьиныхъ, ни самой царицы. Все видя и все слыша, Іоаннъ сталъ уже просто опасать-

ся за жизнь супруги и сына, и опасенія свои высказалъ немногимъ присягнувшимъ царевичу Дмитрію боярамъ, прося ихъ не измѣнить присягѣ, помнить крестное цѣлованіе и не дать измѣнникамъ извести царевича, а лучше бѣжать съ нимъ въ чужую землю, куда Богъ укажетъ». А вы, Захарьины, прибавилъ царь, обращаясь къ родственникамъ: — чего испугались? Или вы думаете, что бояре васъ пощадятъ? Вы будете отъ нихъ первыми мертвецами! Такъ вы лучше умрите за сына моего и за его мать, а жены моей на поруганіе боярамъ не давайте».

Слова эти произвели на расходившихся бояръ сильное впечатлѣніе и заставили ихъ тотчасъ же спохватиться; они поняли, что отзовутся имъ дни царской болѣзни, если только она не кончится смертью,—и, скрѣпя сердце, присягнули царевичу Дмитрію. Но этимъ позднимъ раскаяніемъ имъ уже не удалось заслужить помилованія, и дни царской болѣзни, дѣйствительно, отозвались боярамъ, и отозвались страшно, — только часъ возмездія, ко всеобщему изумленію, наступилъ не тотчасъ за выздоровленіемъ Іоанна. Царь съумѣлъ еще на время справиться съ своими страстями, съумѣлъ совладѣть съ собой, и лишь съ 1560 года «воскурилось гоненіе великое, и пожаръ лютости въ землѣ русской возгорѣлся», по выраженію князя Курбскаго.

Въ 1560 году, 7 августа, скончалась Анастасія, и кончина ея была послѣднею каплею, переполнившею чашу. Въ мрачную душу Іоанна закралось подозрѣніе, что супруга его пала жертвою Сильвестра и его партіи, что она умерла неестественною смерію. Основательно или нѣтъ было это подозрѣніе — это дѣло темное, нерѣшенное, но уже довольно было и того, что подозрѣніе явилось, чтобы злоба и ненависть, давно уже накипѣвшія въ сердцѣ царя, разлились наконецъ разомъ бурнымъ страшнымъ потокомъ. Іоаннъ долго ждалъ для этого благопріятнаго случая, долго крѣпился и боролся съ своими страстями... И вотъ такой случай представился, и неистовыя страсти, прорвавшись на волю, начали давно желанное дѣло крови и разрушенія безъ удержу, безъ мѣры, безъ передышки...

Вотъ какимъ путемъ дошелъ Иванъ Васильевичъ до наименованія Грознаго, до висѣлицъ, плахъ, костровъ, сковородъ, клещей, кольевъ, палачей и опричниковъ. Ясно, что его привели къ этому неотразимыя обстоятельства; неоспоримо, что много изъ пролитой имъ крови должно пасть на головы его воспитателей и приближенныхъ; но гдѣ

же все-таки тѣ *высокія государственныя идеи*, во имя которыхъ Іоаннъ, по увѣренію г.г. Кавелина, Соловьева и комп., совершалъ всѣ свои тиранства? Онъ истреблялъ преимущественно бояръ и вельможъ—это правда; но вѣдь онъ истреблялъ ихъ—всѣхъ, потому что они дѣйствовали или казались ему дѣйствующими вопреки его деспотическимъ стремленіямъ; во 2-хъ, потому, что онъ много терпѣлъ отъ нихъ съ самаго дѣтства. Другими словами: Іоаннъ мстилъ боярамъ *за себя*, и это чувство *личной мести*, наравнѣ съ желаніемъ упрочить сколь возможно крѣпче *свое собственное положеніе*, служило главнѣйшимъ, можно даже сказать—единственнымъ побужденіемъ всѣхъ поступковъ грознаго царя. Являлись тутъ, конечно, въ видѣ подспорья или отвода, и тѣ софистическія, произвольныя теоріи и ученія, о которыхъ мы упоминали выше, и если эти именно теоріи и ученія именуются высокими государственными идеями на ученомъ языкѣ нашихъ новѣйшихъ историческихъ изслѣдователей, то мы, разумѣется, съ ними спорить не будемъ...

Зато нельзя не сказать здѣсь хоть нѣсколько словъ объ укоренившемся у насъ въ послѣднее время мнѣніи, будто Іоаннъ Грозный, карая бояръ, не касался никогда народа, а потому и народъ льнулъ къ царю, не сочувствуя нисколько боярской оппозиціи, какъ бы доблестно и благородно она ни проявлялась. Мы сейчасъ только сказали, что Иванъ Васильевичъ, точно, истреблялъ преимущественно бояръ и вельможъ; но пусть не забываютъ, что мы употребили слово: *преимущественно*. Съ этимъ словомъ, положеніе объ образѣ дѣйствій Іоанна будетъ вполнѣ справедливо; безъ него же разсматриваемое нами мнѣніе окажется ничѣмъ не лучше пресловутыхъ толкованій объ удручавшихъ царя высокихъ государственныхъ идеяхъ. Иванъ Васильевичъ, повторяемъ, направлялъ главнымъ образомъ свои смертоносные удары противъ бояръ потому, что мстилъ имъ за свое прошлое и постоянно подозрѣвалъ въ нихъ *злодѣйственныя несльханныя умышленія*; но и лицамъ всѣхъ другихъ сословій неудобно было попадаться на глаза царю въ его недобрыя минуты, и народъ извѣдалъ ужасъ царскаго гнѣва, свирѣпство царскихъ палачей. Въ подтвержденіе нашихъ словъ напомнимъ панегиристамъ Іоанна хоть одинъ только незабвенный и несравненный новгородскій погромъ съ походомъ. Прибывъ въ Новгородъ и ставъ съ дружиною своею на городищѣ, въ двухъ верстахъ отъ посада, царь открылъ судъ. На судъ этотъ представляли ему ежедневно отъ

пятисотъ до тысячи и болѣе новгородцевъ, которыхъ всѣхъ и отправляли на тотъ свѣтъ послѣ жесточайшихъ пытокъ, не принимая во вниманіе ни званія, ни возраста, ни пола. Судъ такимъ-образомъ продолжался цѣлыхъ пять недѣль, и, по словамъ Курбскаго, только въ одинъ изъ такихъ судебныхъ дней перѣшено было разомъ 15,000 человѣкъ. Засимъ, по окончаніи суда, разосланы были во всѣ четыре стороны, по всѣмъ пятинамъ, станамъ, и волостямъ, верстъ за двѣсти и болѣе отъ Новгорода, вооруженныя толпы, съ приказаніемъ вездѣ пустошить и грабить безъ всякой пощады. Такой же грабежъ, такое опустошеніе произведены были въ самомъ городѣ и его окрестностяхъ, при чемъ лично присутствовалъ самъ Иванъ Васильевичъ, съ удовольствіемъ наблюдая, какъ ревностные исполнители его повелѣній разрушали дома, выбивали окна и ворота, ломали лавки и амбары, били скотъ, били людей, жгли хлѣбъ и пеньку, бросали въ рѣку воскъ и сало, дѣлили между собою шелковыя ткани, мѣха и другіе цѣнные товары. Весь этотъ страшный погромъ продолжался шесть недѣль, и число отправленныхъ въ это время на тотъ свѣтъ новгородцевъ было никакъ не менѣе 60,000 человѣкъ!..

Такъ какъ царь Иванъ Васильевичъ, по увѣренію нашихъ мудрецовъ, каралъ однихъ лишь бояръ и вельможъ, никогда не касаясь народа, то несомнѣнно, что всѣ эти 60,000 человѣкъ принадлежали къ цвѣту россійскаго вельможества и россійской аристократіи. Они, вѣроятно, только представлялись купцами, ремесленниками, крестьянами,—словомъ, лицами всѣхъ сословій.

Столь же успѣшно, какъ въ Новгородѣ, дѣйствовалъ царь съ своею вѣрною дружиной и на пути къ этому злосчастному городу. Клинъ, Городня, Тверь, Мѣдное, Торжокъ, Вышній Волочокъ и всѣ мѣста до Ильменя опустошены были огнемъ и мечомъ такъ, какъ будто прошла тутъ самая дикая, самая ожесточенная непріятельская армія. Царскіе дружинники, сверхъ того, убивали всякаго, кто только попадался имъ на дорогѣ, потому что походъ Ивана Васильевича долженствовалъ быть тайною для Россіи. Погибло такимъ образомъ, большею частію въ жесточайшихъ мукахъ, огромное количество ни въ чемъ невиноватыхъ людей, и все это былъ цвѣтъ русской аристократіи, ибо теперь мы уже убѣдились положительно, что Іоаннъ никогда не касался народа и каралъ однихъ бояръ и вельможъ.

Послѣ столь положительнаго убѣжденія, едва ли не лишнимъ бу-

детъ напомнить читателямъ еще нѣсколько фактовъ, какъ будто самымъ неопровержимымъ образомъ доказывающихъ, что и народъ, при случаѣ, терпѣлъ отъ царя Ивана Васильевича нисколько не менѣе бояръ и вельможъ. Такъ, напримѣръ, въ Торжкѣ, въ 1568 году, буйные опричники затѣяли на ярмаркѣ ссору и драку съ жителями. Іоаннъ, разумѣется, принялъ сторону опричниковъ, объявилъ торжковскихъ гражданъ бунтовщиками и велѣлъ ихъ бить, пытать и топить въ рѣкѣ. То же было и съ Коломной. Близъ этого города находилось помѣстье безвинно казненнаго въ 1567 году конюшаго, боярина Ивана Петровича Федорова; коломенскіе жители любили его, а по этой самой причинѣ были уже въ глазахъ Ивана Васильевича измѣнниками и бунтовщиками. Могли бы мы привести и еще дватри подобныхъ факта, но къ чему бы это послужило? Глубокомысліе, ученость, проницательность и знаменитость нашихъ новѣйшихъ историческихъ изслѣдователей, столь убѣдительно доказывающихъ, что Іоаннъ Грозный каралъ однихъ бояръ, никогда не касаясь народа, повергаютъ насъ, да, вѣроятно, и читателя, въ невольное смущеніе. Мы поддаемся этому смущенію и приходимъ къ заключенію, что если лѣтописцы и историки, у которыхъ находятся сообщенные нами здѣсь разсказы, немилосердно клевещутъ и сочиняютъ, или всѣ эти замученные, ограбленные, перебитые торжковскіе, коломенскіе и иные граждане и поселяне; дѣйствительно только притворялись гражданами и поселянами; въ сущности же принадлежали къ роскошнѣйшему цвѣту русской аристократіи. Такъ вѣдь, читатель?

А между тѣмъ—куда ужь ни шло! — мы имѣемъ непреодолимое желаніе коснуться здѣсь слегка еще одного, тоже довольно щекотливаго вопроса. Нашими новѣйшими и глубокомысленнѣйшими историческими изслѣдователями ставится въ особенную заслугу Іоанну Грозному то, что онъ, подобно Петру Великому, окружилъ себя незнатными, *новыми худородными* людьми, и ни въ грошъ ставилъ безсмысленныя привилегіи рода, породы и титула. Это, конечно, очень умно и хорошо; но каковы были *новые, худородные* люди, которыми окружилъ себя Иванъ Васильевичъ? Вѣдь это были Басмановъ, Малюта Скуратовъ, Грязной и т. п.; вѣдь это были опричники, одно названіе которыхъ производило содроганія ужаса и терзанія въ сердцѣ каждаго русскаго человѣка. Не по заслугамъ, не по личнымъ достоинствамъ выбиралъ ихъ Іоаннъ: онъ бралъ ихъ, какъ лихихъ собакъ, готовыхъ по первому его знаку искусать или вовсе загрызть кого

угодно, и въ этомъ отношеніи, дѣйствительно, разсчетъ его оказался вѣренъ, и царю стоило только уськнуть, да показать пальцемъ—и злая стая его бросалась стремглавъ бить и терзать царскихъ супостатовъ, увозить и безчестить ихъ женъ и дочерей, раззорять и грабить города и села, совершать, не задумываясь, всякія пакости и злодѣйства. Эти-то свойства и были дороже всего Іоанну въ его страшныхъ любимцахъ, ибо опричники и нужны были ему исключительно для его личныхъ видовъ и цѣлей. Онъ набралъ ихъ для того, чтобы они грызли его лиходѣевъ и выметали известку изъ Россіи, и не терялъ сладостной надежды, что лиходѣи мало по малу будутъ изгрызены всѣ до послѣдняго, а Россія выметется отъ известки, какъ чистый полъ дворцоваго покоя. Другими словами: Іоанну хотѣлось, чтобы все государство превратилось современемъ въ опричину, и чтобы по всему пространству этой громадной, но рабски-покорной и животно-безсловесной опричины разносился повелительно и звонко одинъ лишь его царскій голосъ. Это была его самая *высокая государственная идея*, и другихъ идей не имѣлъ онъ никогда.

А чего ему было желать, изъ за чего ему было бушевать и волноваться, когда вся Россія и безъ того предъ нимъ трепетала и безмолствовала, не упрекая его даже за жестокости, но почитая ихъ проявленіемъ неисповѣдимаго гнѣва Божія? Старые лиходѣи его не существовали, новыхъ не являлось, — а казни какъ начались съ 1560 года, такъ и продолжались безостановочно, ежедневно, возрастая въ ужасающей прогрессіи. Царь бредилъ измѣнами и измѣнниками, *злодѣйственными умышленіями* и *злодѣйственными человѣки*, видѣлъ ихъ всюду, мучился день и ночь мрачными, тревожными подозрѣніями, и если бы не былъ такъ возмутительно-страшенъ, то былъ бы, по истинѣ, достоинъ сожалѣнія. И когда Іоаннъ волновался мыслями объ измѣнахъ и измѣнникахъ, о злодѣйственныхъ умыслахъ и злодѣйственныхъ людяхъ, онъ имѣлъ въ виду Россіи ея благо и славу — о, нѣтъ! послушный до конца однимъ эгоистическимъ чувствамъ, Иванъ Васильевичъ думалъ лишь о себѣ, оберегалъ лишь себя, и только маскировалъ иногда свой эгоизмъ софизмами и хитросплетенными рѣчами *о мирномъ и немятежномъ строеніи царства*, да и то все-таки «по волѣ нашей». Встрѣчай себѣ эта «воля» какую-нибудь серьёзную преграду, какихъ-нибудь супротивниковъ — царю, очень можетъ быть, стало бы легче. Онъ разрушилъ бы до тла преграду, разбилъ

бы въ дребезги супротивниковъ, и засимъ успокоился бъ, по крайней мѣрѣ, хоть на время. Но ничего этого не было, ничего подобнаго даже не предвидѣлось; а Іоанну казалось, что есть, что готовится что-то на его погибель,—только гдѣ, какъ, кѣмъ — онъ рѣшительно не могъ догадаться, и не зналъ ни минуты покоя, терзался самъ и терзалъ другихъ, не давалъ отдыха палачамъ, казнилъ сотнями своихъ подданныхъ по одному пустому подозрѣнію, вѣрилъ всякому вздору—колдовству, ворожбѣ, приворотнымъ зельямъ, выниманью слѣдовъ, *бабамъ шепчущимъ*, и за этотъ вздоръ предавалъ неслыханнымъ мукамъ самыхъ невинныхъ людей, самыхъ вѣрныхъ и заслуженныхъ слугъ своихъ. Это становилось уже болѣзнью, мономаніей, а отъ этой мономаніи былъ только одинъ шагъ до другой,—до мономаніи убійствъ не изъ за чего иного, какъ изъ за пламенной любви къ искусству; Іоаннъ сдѣлалъ и этотъ шагъ, и сдѣлалъ его тѣмъ легче, что еще съ дѣтства былъ подготовленъ къ нему постепенно. Онъ, что называется, вошелъ во вкусъ убійствъ, во вкусъ человѣческой крови, — и убійства, и кровь стали для него рѣшительно то же, чѣмъ была медвѣжья травля и всякая другая болѣе или менѣе необыкновенная охота. Съ перваго взгляда это покажется невѣроятнымъ; въ сущности же тутъ нѣтъ ровно ничего невѣроятнаго. Мономаны убійствъ, люди, мучившіе и умерщевлявшіе себѣ подобныхъ единственно ради непонятнаго наслажденія, доставляемаго мученіями жертвъ, и были, и есть и, вѣроятно, будутъ всегда; такъ разнообразны вкусы человѣческіе! до такой степени можетъ сжиться человѣкъ съ самыми уродливыми, съ самыми омерзительными, съ самыми неестественными явленіями. Иначе чему же приписать факты въ родѣ того, что Іоаннъ очень не рѣдко послѣ обѣда отправлялся въ тюрьмы и казематы пытать тамъ—не бояръ—лиходѣевъ, не людей, ему ненавистныхъ, а просто на просто какихъ-нибудь несчастныхъ литовскихъ или крымскихъ плѣнниковъ, и послѣ такихъ экскурзій становился всегда гораздо веселѣе и разговорчивѣе, шутилъ, смѣялся, — словомъ, чувствовалъ и велъ себя, какъ человѣкъ, который препріятно провелъ время и вполнѣ собою доволенъ? Чему приписать, что изъ всѣхъ любимцевъ ближе другихъ къ царю былъ палачъ въ душѣ, палачъ по призванію — Малюта Скуратовъ, одинъ во всю жизнь свою не извѣдавшій ни опалы, ни гоненія, а по смерти достойно почтенный Іоанномъ знаменитою, небывалою еще дотолѣ тризною: сожженіе ъ

на кострѣ всѣхъ, бывшихъ во власти у русскихъ, шведскихъ и нѣмецкихъ плѣнниковъ? Чему приписать, наконецъ, что Іоаннъ не довольствовался простыми, обыкновенными пытками и казнями, но употреблялъ всегда самыя жестокія, неслыханныя, придумывалъ нерѣдко ихъ самъ, или разнообразилъ и *улучшалъ* уже существовавшія, занимался этимъ съ любовью, принималъ иногда собственноручно участіе въ исполненіи смертныхъ приговоровъ, издѣвался надъ истязуемыми, глумился надъ казненными, простирая свою злобу и ненависть даже за предѣлы гроба? Все это не анекдоты, а факты, и чѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, объяснить ихъ безъ натяжекъ и искаженія истины, какъ не очень обыденною, но возможною и во всякомъ случаѣ тяжкою болѣзнью души?

Іоаннъ чувствовалъ это и самъ. Онъ сознавалъ по временамъ всю глубину своего нравственнаго паденія, и въ эти минуты на него находила невыносимая тоска, нападалъ невыносимый страхъ, главнымъ образомъ отъ мысли: какой отвѣтъ дастъ онъ *тамъ*, при трубномъ звукѣ ангеловъ, въ день послѣдняго суда, когда тысячи, десятки тысячъ замученныхъ имъ жертвъ окружатъ его, окровавленныя, истерзанныя, грамогласно вопія о вѣчномъ мщеніи?... Минуты эти были ужасны, и царь, подъ вліяніемъ ихъ, отдавался обыкновенно весь религіи, т. е. извѣстнымъ ея обрядамъ: постился, истязалъ грѣшную плоть свою, ѣздилъ по монастырямъ и пустынямъ, давалъ въ нихъ богатые вклады, заказывалъ панихиды и молился,—молился, вообще, такъ неистово-усердно, что знаки крѣпкихъ земныхъ поклоновъ почти не сходили съ его высокаго лба. А чуть смѣнялось это настроеніе инымъ, болѣе спокойнымъ и ровнымъ,—и царь снова вооружался своими софизмами и теоріями, и снова принимался за душегубства, въ полной увѣренности, что онъ *строитъ свое царство* и его величіе.

И вотъ оборвалась внезапно эта странная и страшная жизнь, перегорѣвъ въ злобѣ. «Земля тихо приняла въ свои нѣдра трупъ Іоанна! говоритъ Карамзинъ, описывая погребеніе Грознаго: — безмолвствовалъ судъ человѣческій предъ божественнымъ—и для современниковъ опустилась на театръ завѣса: память и гробы остались для потомства».

Мы не безъ цѣли позволили себѣ это отступленіе отъ настоящаго предмета нашей статьи: намъ хотѣлось показать, какъ (по крайней мѣрѣ, по нашему мнѣнію) слѣдуетъ смотрѣть на Іоанна

Грознаго, чтобы потомъ рѣшить вопросъ: на сколько исторически вѣрно, и правдиво изображенiе царя въ романѣ графа Толстого? Сличая сказанное нами съ тѣмъ, что̀ говорится въ «князѣ Серебряномъ», читатели безъ труда поймутъ, что графъ Толстой, рисуя грознаго царя, не далеко уклонился отъ исторической истины. Онъ помѣтилъ и жестокiй эгоизмъ Ивана Васильевича, прикрывавшiйся складными рѣчами объ обязанностяхъ и призванiи царя, который *аки господинъ винограда, поставленъ Господомъ-Богомъ надъ народомъ своимъ воздѣлывати виноградъ свой*; онъ не упустилъ изъ виду и тѣхъ рѣзко противорѣчившихъ одно дрогому свойствъ, изъ которыхъ сложился болѣзненный характеръ царя, — эту странную мысль почти фанатической набожности съ неуваженiемъ къ религiи, возмутительной несправедливости и жестокости съ искреннею вѣрою въ свою справедливость и милосердiе, ума и начитанности, по тому времени весьма замѣчательной, съ грубѣйшимъ невѣжествомъ и суевѣрiемъ, достойной самой мрачной эпохи. Не всѣ эти свойства объяснены авторомъ «Серебрянаго» надлежащимъ образомъ; иныя не объяснены вовсе; но разнообразныя картины вышли очень рельефны и удачны, и читатель, который составитъ себѣ понятiе объ Іоаннѣ Грозномъ по портрету его у графа Толстого, не во многомъ, повторяемъ, уклонится отъ исторической истины.

Мы не можемъ упрекнуть также въ особенной невѣрности изображенiя нѣкоторыхъ второстепенныхъ лицъ, и на первомъ планѣ тутъ стоятъ Федоръ Басмановъ, царевичъ Іоаннъ Іоанновичъ и князь Афанасiй Вяземскiй. Басмановъ, рѣшительно, лучшее лицо въ романѣ. Красивый, женоподобный, дерзкiй, нахальный, злой, то удалецъ, то трусъ, то лихо бьющiй татаръ, на конѣ въ большомъ нарядѣ, то, какъ изнѣженный куртизанъ, любующiйся на себя въ зеркало, или по-женски, въ лѣтникѣ, отплясывающiй предъ сумрачно-сладострастными очами своего грознаго повелителя, этотъ царскiй фаворитъ — *царская Федора* — былъ именно такимъ, какимъ мы видимъ его въ романѣ графа Толстого. Всего лучше выражается характеръ Басманова въ той сценѣ съ царемъ въ монастырѣ, когда Іоаннъ изрекаетъ своему бывшему любимцу, своей милой Федорѣ громовой приговоръ и посылаетъ его на пытку. Избалованный фаворитъ въ первую минуту окончательно падаетъ духомъ, труситъ до отреченiя. Онъ ползаетъ на колѣнахъ, валяется у царя въ ногахъ, ловитъ полы его охабня, называетъ его и солнышкомъ краснымъ,

и свѣтикомъ, и мѣсяцемъ, и соколикомъ, вымаливая себѣ помилованіе; кидается потомъ къ отцу своему, къ игумену, прося заступничества,—словомъ, сказывается баба-бабой и возбуждаетъ въ читателѣ не столько чувство сострадапія, сколько чувство отвращенія. Но Іоаннъ непреклоненъ, игуменъ только дрожитъ отъ страха всѣмъ тѣломъ, а родной отецъ отталкиваетъ сына, говоря, что кто къ государю не мыслитъ, тотъ ему не сынъ. Надежды на спасеніе нѣтъ никакой—и сцена перемѣняется...

«Басмановъ обвелъ кругомъ себя умоляющимъ взоромъ, но вездѣ встрѣтилъ враждебныя или устрашенныя лица.

«Тогда въ сердцѣ его произошла перемѣна.

«Онъ понялъ, что не можетъ избѣжать пытки, которая жестокостью равнялась смертной казни и обыкновенно ею же оканчивалась; понялъ, что терять ему болѣе нечего, и съ этимъ убѣжденіемъ возвратилась къ нему его рѣшимость.

«Онъ всталъ, выпрямилъ станъ и, заложивъ руку за кушакъ, посмотрѣлъ съ наглою усмѣшкою на Іоанна.

— «Надежда-государь! сказалъ онъ дерзко, тряхнувъ головою, чтобы оправить свои растрепанные кудри, и звякнувъ серьгами:—надежда-государь! Иду я по твоему указу на муку и смерть. Дай же мнѣ сказать тебѣ послѣднее спасибо за всѣ твои ласки! Не умышлялъ я на тебя ничего, а грѣхи-то у меня съ тобою одни! Какъ поведутъ казнить меня, я всѣ до одного разскажу передъ народомъ! А ты, батька-игуменъ, слушай теперь мою исповѣдь!..

«Опричники и самъ Алексѣй Басмановъ не дали ему продолжать. Они увлекли его изъ кельи на дворъ, и Малюта, посадивъ его, связаннаго, на коня, тотчасъ повезъ къ слободѣ.

— «Ты зришь, отче, сказалъ Іоаннъ, игумену:—коликими я окруженъ и явными, и скрытыми врагами! Моли Бога за меня недостойнаго, дабы даровалъ онъ добрый конецъ моимъ начинаніямъ, благословилъ бы меня, многогрѣшнаго, извлечи корень измѣны!

«Царь всталъ и, перекрестившись на образа, подошелъ къ игумену подъ благословеніе».

А корень измѣны въ этомъ случаѣ заключался буквально въ корнѣ тирлича—травы, который Басмановъ, добывъ съ цѣлью воротить къ своей персонѣ охладившуюся къ ней въ то время царскую любовь. Іоанну же донесли, что Басмановъ носитъ на себѣ этотъ корень для того собственно, чтобы испортить его государево здоровье,

ну а подобное обвиненіе было самымъ страшнымъ обвиненіемъ при царѣ Грозномъ, и попавшемуся въ такомъ злодѣйственномъ, измѣнномъ дѣлѣ человѣку нечего было и думать отдѣлаться даже легкою казнью. Въ разбираемой нами сценѣ Іоаннъ изображенъ вообще очень рельефно и типично.

Царевичъ Іоаннъ Іоанновичъ является въ романѣ вскользь, на самое короткое время, но тѣмъ не менѣе очерченъ недурно. Это именно тотъ самый блѣдный и пасмурный юноша, злой, высокомѣрный, ядовитый, непривѣтливый, который съ такимъ удовольствіемъ сопутствовалъ отцу на всѣ казни и пытки, чинилъ съ нимъ и судъ и расправу надъ новгородцами на городищѣ и, навѣрное, современемъ перещеголялъ бы своего родителя по части убійствъ и кровопролитія, если бы, обнаруживъ разъ въ жизни благородное движеніе, не погибъ за это отъ руки своего отца.

Князь Афанасій Вяземскій играетъ въ романѣ довольно важную роль, и—странное дѣло!—этотъ вовсе не добродѣтельный опричникъ возбуждаетъ къ себѣ гораздо болѣе симпатіи, чѣмъ вполнѣ добродѣтельный земскій бояринъ, князь Никита Романовичъ Серебряный. Разгадка этой странности, впрочемъ, очень не мудрена. Князь Вяземскій лицо живое, а Серебряный—сочиненное. Князь Вяземскій—человѣкъ, какъ всѣ мы, грѣшные, а князь Серебряный—герой, какіе бываютъ только въ книгахъ. Вотъ почему умилительнѣйшія доблести Серебрянаго вызываютъ у насъ одну холодную, недовѣрчиво-насмѣшливую улыбку, а за Вяземскимъ мы слѣдимъ съ невольнымъ участіемъ даже и тогда, когда онъ пускается на самыя предосудительныя дѣла—платитъ за гостепріимство намѣреніемъ увезти жену своего гостепріимнаго хозяина, чуть не убиваетъ этого человѣка, и жену его все-таки увозитъ. И что же? Мы все-таки съ большимъ участіемъ слѣдимъ за этимъ буйнымъ и безнравственнымъ опричникомъ, чѣмъ за героемъ Никитою Романовичемъ; трагическая кончина Вяземскаго отъ руки палача поражаетъ и трогаетъ насъ гораздо больше рыцарской кончины Серебрянаго, сложившаго, дѣйствительно, свою голову въ бою съ татарами. Вяземскій страдалъ и умеръ, какъ человѣкъ, страдалъ много и сильно, да еще вдобавокъ безвинно; а князь Никита Романовичъ, вѣроятно, умеръ, какъ умираютъ одни герои романовъ—какъ-нибудь тамъ съ лучезарной улыбкой или побѣдной пѣснью на устахъ, да еще, безъ всякаго сомнѣнія, *умирающей рукой* порубилъ и покололъ десятка полтора нехристей...

Недурно были бы очерчены въ «князѣ Серебряномъ» Малюта Скуратовъ и Борисъ Годуновъ, если бъ графъ Толстой получше понималъ эти личности, поглубже всмотрѣлся въ нихъ. Такіе характеры, впрочемъ, вообще не по плечу автору, потому что они требуютъ болѣе серьезнаго анализа, чѣмъ Серебряный, и болѣе сильной кисти романиста. Что же касается Митьки, котораго авторъ, повидимому, рисовалъ съ большою любовью, съ претензіею на народный юморъ и съ очевиднымъ желаніемъ и посмѣшить, и умилить соотечественника-читателя, то хотя идіотъ этотъ и, дѣйствительно, вызываетъ порою улыбку, но сила его такова, что такъ и несетъ отъ нея романомъ и сочиненіемъ. Своротить плечомъ три тюремныя двери, да еще три двери въ тюрьмѣ временъ Іоанна Грознаго, въ тюрьмѣ устроенной и охраняемой самимъ Малютою Скуратовымъ—это, какъ хотите, черезчуръ ужь *сильно* и можетъ идти въ параллель развѣ только съ пощечиной, данной героемъ Никитою Романовичемъ Малютѣ. Въ такомъ случаѣ ужь и взломъ дверей слѣдовало бы воспѣть эпическимъ манеромъ: тутъ эффектъ могъ бы выйдти еще поразительнѣй!

Объ остальныхъ лицахъ романа мы говорить не станемъ: въ нихъ нѣтъ ничего замѣчательнаго, и всѣ они болѣе или менѣе, выкроены по извѣстному, давно избитому образчику. Это механическія подставки, понадобившіяся автору для разнообразія общей обстановки романа. Не станемъ указывать на нѣкоторыя историческія невѣрности; онѣ въ романѣ дозволительны, да и самъ авторъ уже оговорился о нихъ; сдѣлаемъ въ заключеніе два слѣдующихъ замѣчанія.

Въ предисловіи своемъ графъ Толстой говоритъ: «въ отношеніи къ ужасамъ того времени авторъ оставался постоянно ниже исторіи. Изъ уваженія къ искусству и къ нравственному чувству читателя, онъ набросилъ на нихъ тѣнь и показалъ ихъ, по возможности, въ отдаленіи». Это, по нашему мнѣнію, графъ Толстой сдѣлалъ совершенно напрасно и къ собственному своему вреду. Не набрасывай онъ на ужасы тѣни, не покажи ихъ *по возможности въ отдаленіи*, а по возможности поближе — романъ его производилъ бы болѣе сильное впечатлѣніе, а стало быть и выигралъ бы во всѣхъ отношеніяхъ. Мы сами не разъ думали, что въ «Серебряномъ» нѣтъ даже того, что есть у Карамзина; отъ этого пострадала историческая правда и авторъ принужденъ былъ наполнить вмѣстѣ дѣйствительныхъ фактовъ придуманными имъ мелодраматическими сценами. Что же касается до искусства и до нравственнаго чувства

читателя, то первое, отъ изображенія ужасовъ въ настоящемъ ихъ видѣ, нисколько бы не пострадало. Правда не оскорбляетъ никакого искусства; нравственное же чувство, не выносящее зрѣлища суровыхъ и страшныхъ картинъ (въ особенности же, если эти картины пишутся тоже не съ безнравственной цѣлью) называется уже не нравственнымъ чувствомъ, а щепетильностью, брюзгливостью, и на читателей, одаренныхъ этими качествами, смотрѣть нечего. Для услажденія ихъ существуютъ произведенія многочисленныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ соловьевъ, влюбленныхъ въ розы, розъ, влюбленныхъ въ соловьевъ, барышень, нюхающихъ розы, юношей, слушающихъ соловьевъ и тому подобныхъ благовонныхъ и благозвучныхъ предметовъ.

Второе замѣчаніе наше относится къ предмету, объяснить себѣ который мы рѣшительно не въ состояніи. Ради чего графъ Толстой ввелъ въ свой романъ нелѣпый сверхъестественный элементъ, дающій, конечно, возможность рисовать эффектныя сцены, но положительно вредящій каждому мало-мальски серьёзному произведенію! Спора нѣтъ, что суевѣріе было одною изъ характеристическихъ, отличительныхъ чертъ описанной въ «Серебряномъ» эпохи; но вѣдь въ томъ-то и дѣло, что это было *суевѣріе*, т. е. нелѣпыя, дикія понятія, порожденныя однимъ лишь грубѣйшимъ невѣжествомъ. А по роману графа Толстого выходитъ, что суевѣріе вовсе не суевѣріе, а вѣра, оправдываемая неотразимыми фактами; что и колдовство, и ворожба, и нашептыванья, и разныя чудодѣйственныя колюки, тирличи, плакуны и разрывъ - травы — тоже не чепуха, а вещи очень серьёзныя! Доказательства на лицо: старикъ-мельникъ въ «Серебряномъ» показываетъ князю Вяземскому въ водѣ его будущее и заговариваетъ тому же Вяземскому кровь посредствомъ одного нашептыванья. Матка Грознаго, Онуфріевна, гадаетъ и никогда ни въ чемъ не ошибается, пророчествуетъ, словно по книгѣ читаетъ и, какъ породистая лягавая собака, не то верхнимъ, не то нижнимъ чутьемъ чуетъ всякаго недобраго человѣка. Что это такое— мы рѣшительно не знаемъ, но знаемъ зато, что вся эта ерунда, всѣ эти мельники, мамки, съ ихъ нашептываньями, гаданьями и предсказаніями положительно неумѣстны въ историческомъ романѣ и, порождая вмѣсто таинственнаго ужаса одинъ смѣхъ, могутъ въ то же самое время породить объ авторѣ романа не совсѣмъ-то лестное для него впечатлѣніе.

В Б—на.

ХЛѢБНАЯ КРИТИКА «ВРЕМЕНИ».

(*Посвящается М. М. Достоевскому*)

Не посмотрѣвъ въ святцы, да и бухъ въ колоколъ.

Прочитавъ въ январской книжкѣ «Времени» анонимную статью: «Необходимое литературное объясненіе по поводу нѣкоторыхъ хлѣбныхъ и нехлѣбныхъ вопросовъ» я горько улыбнулся, узнавъ, что въ нашей литературѣ есть *хлѣбные* свистуны. Жалко стало мнѣ и литературу, которую такъ безцеремонно доятъ, и тѣхъ *хлѣбныхъ* господъ, которые вносятъ привычки толкучаго рынка въ нашу безотвѣтную журналистику. Стыдно мнѣ сдѣлалось и за себя, когда я подумалъ, что и мнѣ приходилось свистѣть изъ хлѣба. И вотъ, въ видахъ искренняго раскаянія, началъ я отыскивать по журналамъ главнаго *хлѣбнаго* торгоша, сбывающаго свой литературный товаръ безъ всякаго уваженія къ своему покупателю. Съ этою цѣлію посовѣтовали мнѣ прежде всего перечитать критическія статьи г. Аполлона Григорьева, печатаемыя во «Времени». Не могу достаточно выразить своей благодарности за этотъ совѣтъ, столь назидательный по своимъ послѣдствіямъ. Познакомившись поближе съ г. Апол. Григорьевымъ, я во-первыхъ узналъ, что можно писать такія статьи, которыхъ никто не понимаетъ, никто не читаетъ, даже самъ редакторъ того же журнала, гдѣ помѣщаются эти статьи. Въ этомъ убѣдится мой читатель ниже. Во-вторыхъ я узналъ,

что въ нашей литературѣ существуютъ не только хлѣбные свистуны, но и хлѣбные критики, обирающіе сами себя, сбывающіе свой старый товаръ за новый. И въ этомъ убѣдится мой читатель ниже. Наконецъ передо мной разъяснилась самая темная для меня вещь, давно мучившая мое любопытство: ученіе о *почвѣ*, изобрѣтенное редакціей «Времени». Что такое *почва*, и какая она—черноземная или глинистая, сухая или трясинная, я не могъ разрѣшить этихъ вопросовъ, какъ ни добивался этого разрѣшенія. Теперь для меня ясно, что *почва* «Времени» есть прежняя почва «Москвитянина»; обработываетъ ее тотъ же воздѣлыватель, который нѣкогда удобрялъ благодатныя земли «московскаго сборника.» И въ этомъ убѣдится мой читатель ниже. Но прежде, чѣмъ я докажу свои интересныя наблюденія, попрошу выслушать слѣдующее отеческое наставленіе, вышедшее изъ подъ редакціи М. М. Достоевскаго.

«Начиная новый годъ изданія, мы находимъ лишнимъ, говоритъ «Время,» съ самаго начала года сказать нѣсколько словъ этимъ выходящимъ изъ себя господамъ (т. е. свистунамъ) не въ видѣ оправданія нашего передъ ними, а такъ, въ смыслѣ нѣкотораго назиданія.... Да ктому же не худо иногда кое-что и поразъяснить.» (Да, дѣйствительно не худо).

«Словцо, о которомъ мы сейчасъ говорили, они (т. е. свистуны) до сихъ поръ забыть не могутъ. Они корчатся отъ него, какъ будто мы ихъ посадили на булавку. Это именно то мѣсто въ объявленіи нашемъ, гдѣ мы говоримъ, что «ненавидимъ пустозвонныхъ крикуновъ, свистящихъ изъ хлѣба» и т. п. Всѣ они видимо приняли это мѣсто на свой счетъ. (Еще бы не принять!) А между тѣмъ, что же дурного мы написали? Что мы ненавидимъ свистуновъ «свистящихъ изъ хлѣба, т. е. не свистуновъ вообще, а именно тѣхъ, которые свищутъ изъ хлѣба. Да кто же такихъ любитъ? Что можетъ быть гаже такой дѣятельности? Что можетъ быть возмутительнѣе, когда какая нибудь совершенно спокойная, сытая и вседовольная верхоглядка, чаще всего пошлѣйшая бездарность, думаетъ выиграть по модѣ къ прогрессу, обличаетъ, свищетъ и выходитъ изъ себя за правду *по заказу* и *по модѣ?* Говоря о «свистунахъ изъ хлѣба», мы не предполагали, да даже и теперь еще не хотѣли бы предполагать, что у насъ существуютъ экземпляры «свистуновъ изъ хлѣба»

въ самомъ чистомъ, то есть въ самомъ омерзительномъ ихъ состояніи; но однако нѣкоторые слѣды такого духа и направленія мы и тогда еще замѣтили. Вотъ мы и сказали нѣсколько словъ въ видѣ обличенія и предостереженія, да сверхъ того желая заявить, что съ этимъ направленіемъ у насъ (т. е. у журнала «Время») нѣтъ, не было и не будетъ ничего общаго, потому что мы уже и тогда предвидѣли дальнѣйшее развитіе этого хлѣбнаго направленія. И что же? На насъ вдругъ поднялись цѣлыя тучи враговъ. Всякій изъ нихъ, даже вовсе и не хлѣбный свистунъ, принималъ наше выраженіе на свой собственный счетъ. Мы полагаемъ, что хлѣбные-то и соблазнили всѣхъ, даже и не хлѣбныхъ, подняться на насъ, увѣривъ тѣхъ, что мы вредимъ общему дѣлу. Замѣтимъ вообще, что наши не хлѣбные, хоть и бываютъ иногда чрезвычайно хорошіе люди, но все-таки большею частію народъ чрезвычайно легкомысленный, спѣшливый и довѣрчивый. *Самый отъявленный свистунъ изъ хлѣба ихъ надуетъ и они ему ввѣрятся и примутъ его въ сотрудники* и т. д. и т. д. Даже такъ бывало: кто бы ни былъ сотрудникъ, хоть и зазнамо хлѣбный свистунъ, имъ все равно, свисталъ бы только съ ихъ голоса.»

Перечитавъ разъ и два это высоко-поучительное мѣсто, я сталъ раздумывать: на кого бы это былъ намекъ редакціи «Времени»? Къ кому именно изъ нашихъ свистуновъ относится этотъ горькій упрекъ? Сообразивъ дѣло, какъ слѣдуетъ, я додумался, что «Время» такъ отечески журитъ никого иного, какъ своего же собственнаго сотрудника, которымъ оно не можетъ нахвалиться и который представляетъ его критическій отдѣлъ, т. е. все направленіе журнала. Сотрудникъ этотъ г. Аполлонъ Григорьевъ. И журитъ его «Время» по всей справедливости. Выражаясь языкомъ Иліады Гнѣдича, этотъ *словоизвергающій* критикъ простеръ свой хлѣбный свистъ до того, что поживился хлѣбцемъ, подъ самымъ носомъ М. М. Достоевскаго. И какъ еще безсовѣстно поживился-то: взялъ нѣсколько своихъ старыхъ статей, напечатанныхъ въ «Москвитянинѣ» и почти не подновляя ихъ, помѣстилъ во «Времени», выдавъ за статьи совершенно новыя. Намъ извѣстно, что г. Аполлонъ Григорьевъ уже не въ первый разъ пользуется этимъ хлѣбцемъ, но едва ли гдѣ онъ пользовался имъ такъ безцеремонно и часто, какъ подъ отеческимъ надзоромъ М. М. Достоевскаго. Возьмемъ, для примѣра, Современное

Обозрѣніе «Времени» за февраль мѣсяцъ и пробѣжимъ слѣдующія страницы: 172, 175, 176, 177 и т. д.; потомъ сравнимъ ихъ съ страницами Москвитянина—1853 года — 16, 17, 19, 22, 23, 24 и т. д. Что же открывается изъ этого сравненія? А вотъ что! г. Аполлонъ Григорьевъ, говоря о произведеніяхъ Островскаго во «Времени» 1863 года, почти цѣликомъ перепечаталъ свою старую критическую статью, помѣщенную имъ нѣкогда въ Москвитянинѣ 1853 г. Конечно, десять лѣтъ разницы тутъ ничего не значутъ, но самый способъ хлѣбной поживы — довольно интересный. Доселѣ плохіе писатели, обыкновенно, обкрадывали другихъ хорошихъ писателей, стараясь впрочемъ соблюсти нѣкоторое приличіе, а именно: брали чужія идеи, но выражали ихъ своими собственными словами, такъ что въ итогѣ выходило и свое и краденое. Но г. Аполлонъ Григорьевъ не ограничивается этимъ невиннымъ похищеніемъ чужого добра; онъ обираетъ самого себя, но не въ припадкѣ лунатизма, а при ясномъ сознаніи выгодъ отъ хлѣбной критики.

Просматривая «Время» дальше, мы попадаемъ на другую статью г. Аполлона Григорьева, гдѣ онъ переливаетъ изъ пустого въ порожнее «О нашихъ литературныхъ направленіяхъ съ 1848 года». Здѣсь онъ также похитилъ самого себя и опять изъ того же злосчастнаго Москвитянина, все цѣликомъ, какъ слѣдуетъ хорошему писарю, списывающему свою собственную рукопись. Потрудитесь, читатель, сравнить слѣдующія страницы Москвитянина (2, 3, 4, 5, 38, 39, 40, 41, 52, 53 и 54) съ слѣдующими страницами «Времени» (12—31) и вы убѣдитесь, что между двумя критическими статьями г. Апол. Григорьева нѣтъ ни малѣйшій разницы.

Въ первой статьѣ «Русскій Театръ», напечатанной во «Времени», мы читаемъ строки, которыя точь въ точь находимъ и въ Москвитянинѣ; для образчика приведемъ ихъ здѣсь.

«Время» 1863 г. Апол. Григорьевъ.	Москвитянинъ 1853 года г. Апол. Григорьевъ
Какъ ни было несправедливо отношеніе критики къ новому произведенію Островскаго, каковы бы ни были недостатки самой комедіи, извѣстные и намъ конечно, но все болѣе извѣстные ея автору, все-таки, изъ литературы 1852 года уцѣлѣетъ и останется	Какъ ни было несправедливо отношеніе критики къ новому произведенію Островскаго, каковы бы ни были дѣйствительные недостатки въ экономіи постройки самой драмы, все-таки изъ литературы 1852 года уцѣлѣетъ и останется одно только: «Бѣдная Не-

одно только: «Бѣдная Невѣста». Отъ этого положенія не можетъ отречься и та близорукая критика, которая придираясь къ разнымъ мелкимъ недостаткамъ или даже просто недосмотрамъ въ комедіи, не замѣтила самаго важнаго, самаго существеннаго недостатка въ художественномъ отношеніи, недостатка экономіи въ планѣ и въ подробностяхъ. Задачи, замыслы произведенія такъ широко, такъ, можно сказать, блестяще раскинулись передъ самимъ художникомъ, явились ему такъ благородными и такъ говорящими сами за себя, что онъ пренебрегъ ради ихъ симетричностью постройки, что даже, драматургъ по свойству своего таланта, онъ забылъ объ условіяхъ драматизма, и нѣкоторымъ сторонамъ своей концепціи далъ эпическое развитіе, нѣкоторыя же черты выразилъ даже лирически. Можетъ быть также, увлеченный благородствомъ и новостью своихъ задачъ, авторъ не выносилъ ихъ достаточно въ душѣ, не далъ имъ дозрѣть до надлежащей полноты и ясности представленія, но во всякомъ случаѣ, «Бѣдная Невѣста» свидѣтельствовала о силѣ таланта, находящейся въ извѣстномъ броженіи, въ необузданномъ состояніи, а никакъ не о безсиліи его. Крайне несправедливое отношеніе критики къ новому произведенію Островскаго было живо почувствовано самымъ парадоскальнымъ, но вмѣстѣ самымъ образованнымъ и самымъ умнымъ изъ нашихъ критиковъ, Иногороднымъ подписчикомъ. «Приступая къ «разбору Бѣдной Невѣсты», говоритъ онъ, «я долженъ сказать, что смотрю «на это произведеніе не тѣми глаза«ми, которыми привыкъ смотрѣть на «всѣ драматическія и беллетрическія

вѣста». Отъ этого положенія не можетъ въ настоящую минуту отречься и та близорукая критика, которая, придираясь къ разнымъ мелкимъ недостаткамъ или даже просто недостаткамъ въ комедіи, не замѣтила самаго важнаго, самаго существеннаго недостатка въ художественномъ отношеніи, недостатка экономіи въ планѣ и въ подробностяхъ. Задачи, замыслы произведенія такъ широко, такъ, можно сказать, блестяще раскинулись передъ самимъ художникомъ, явились ему такъ благородными и такъ говорящими сами за себя, что онъ пренебрегъ ради ихъ симетричностью постройки, что даже, драматургъ по свойству своего таланта, онъ забылъ во многихъ случаяхъ объ условіяхъ драматизма и нѣкоторымъ сторонамъ своей концепціи далъ эпическое развитіе, нѣкоторыя же черты выразилъ даже лирически. Можетъ быть также, увлеченный благородствомъ и новостью своихъ задачъ, авторъ не выносилъ ихъ достаточно въ душѣ, не далъ имъ дозрѣть до надлежащей полноты и ясности представленія, но во всякомъ случаѣ «Бѣдная Невѣста» свидѣтельствовала о силѣ таланта, находящейся въ извѣстномъ броженіи, въ необузданномъ состояніи, а никакъ не о безсиліи его. Крайне несправедливое отношеніе критики къ новому произведенію Островскаго, было еще тогда почувствовано самымъ народоксальнымъ, но вмѣстѣ самымъ образованнымъ и самымъ умнымъ изъ нашихъ тогдашнихъ критиковъ, Иногороднымъ подписчикомъ.

«Приступая къ разбору «Бѣдной невѣсты», говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, я долженъ сказать, что смотрю на это произведеніе не тѣми глазами, которыми привыкъ смотрѣть

«произведенія, явившіяся въ нашихъ «журналахъ, съ самаго начала моихъ «писемъ о журналистикѣ. Еслибъ наши «періодическія изданія представляли «публикѣ, хоть разъ въ треть года, по «одному подобному произведенію, тонъ «моихъ писемъ былъ бы совершенно «иной и взглядъ мой на журналисти- «ку измѣнился бы радикально. И вотъ «почему, я, хваля и осуждая госпо- «дина Островскаго, гляжу на него какъ «на товарища лучшихъ русскихъ и «иностранныхъ комиковъ, а вовсе не «какъ на сверстника современныхъ «намъ петербургскихъ и московскихъ «художниковъ». Вслѣдствіе этого, иногородный подписчикъ съ весьма справедливымъ смѣхомъ и негодованіемъ замѣчаетъ что «въ Петербургѣ о «немъ (объ Островскомъ) отозвались «тѣмъ же тономъ, какъ отозвались »недавно о г-жѣ Туръ, авторѣ романа: «*Племянница*», и что, благодаря кри- «тикѣ, нашему блистательному драма- «тургу долго придется прогуливаться »изъ Харибды въ Сциллу, то витая въ «сообществѣ міровыхъ поэтовъ, то «опускаясь въ лимбы, гдѣ копошатся, шумятъ, теряются, прославляются», царапаются, сплетничаютъ и забы- «ваются публикою наши современные «художники мужескаго и женскаго «пола.» Мы привели снова это мѣсто потому, что считаемъ выходку критика необыкновенно правильною и остроумною, и что по нашему мнѣнію, подобная насмѣшка вполнѣ заслужена критикою, которая тономъ покровительства объявляла за новость, что у Островскаго есть талантъ, которая спрашивала кто такое Меричь: «чело- «вѣкъ, не кончившій курса? слуша- «тель лекцій, вѣчно собирающійся дер- «жать экзаменъ? чиновничекъ низшихъ

на всѣ драматическія и беллетрическія произведенія, явившіяся въ нашихъ журналахъ съ самаго начала моихъ писемъ о журналистикѣ. Еслибъ наши періодическія изданія представляли публикѣ хоть разъ въ треть года по одному подобному произведенію, тонъ моихъ писемъ былъ бы совершенно иной, и взглядъ мой на журналистику измѣнился бы радикально. И вотъ почему я, хваля г. Островскаго, гляжу на него, какъ на товарища лучшихъ русскихъ и иностранныхъ комиковъ, а вовсе не какъ на сверстника современныхъ намъ петербургскихъ и московскихъ художниковъ.» Вслѣдствіе этого иногородный подписчикъ съ весьма справедливымъ смѣхомъ и негодованіемъ замѣчаетъ, что въ Петербургѣ о немъ (объ Островскомъ) отозвались такъ же, какъ отозвались недавно о г-жѣ Туръ, авторѣ романа «Племянница», и что, благодаря критикѣ, и нашему блистательному драматургу долго придется прогуливаться изъ Харибды въ Сциллу, то витая въ обществѣ міровыхъ поэтовъ, то опускаясь въ лимбы, гдѣ копошатся, шумятъ, теряются, прославляются, царапаются сплетничаютъ и забываются публикою наши современные художники мужского и женскаго пола.

Я напомнилъ эту замѣчательную выходку самаго умнаго изъ критиковъ той эпохи, потому что подобная насмѣшка вполнѣ была заслужена критикою, которая тономъ покровительства объявила за новость, что у Островскаго есть талантъ, которая спрашивала кто такое Меричъ: «человѣкъ не кончившій курса? Слушатель лекцій, вѣчно собирающійся держать экзаменъ? Чиновникъ низшихъ инстанцій, или купеческій сынокъ?» которая находила пятый

«инстанцій или купеческій сынокъ?» которая находила пятый актъ «Бѣдной Невѣсты» совершенно излишнимъ, намѣренно ли, не понимая всей его необходимости въ концепціи автора, или возвращая на сцену давно забытыя правила трехъ единствъ, которая наконецъ въ этомъ самомъ актѣ не замѣтила, кого бы вы думали? Дуни! Дуни, которая кромѣ самостоятельнаго значенія, необходима и для пополненія личности Беневоленскаго!

актъ «Бѣдной Невѣсты» совершенно излишнимъ, намѣренно ли, не понимая всей его необходимости въ концепціи автора, или возвращая на сцену давно забытыя правила трехъ единствъ, которая наконецъ въ этомъ самомъ актѣ не замѣтила, кого бы вы думали? Дуни! не догадалась, что Дуня при всемъ своемъ самостоятельномъ, высоко поэтическомъ значеніи, необходима кромѣ того и для пополненія личности Беневоленскаго.

Изъ всего этого оказывается, какъ Божій день, ясно, что всѣ *хлѣбные* свистуны, взятые вмѣстѣ, ничего не значутъ въ сравненіи съ *хлѣбнымъ* критикомъ «Времени». Только въ двухъ книжкахъ этого почвеннаго журнала г. Апол. Григорьевъ перепечаталъ изъ Москвитянина около печатнаго листа, и слѣдовательно насвистѣлъ себѣ у М. М. Достоевскаго рубликовъ 40, а пожалуй и больше. Но это было бы еще ничего; отчего же и не подѣлиться съ инымъ свистуномъ малой толикой отъ 4000 подписчиковъ; да дурно вотъ что — зачѣмъ же брать почву-то Москвитянина и выдавать ее за свою собственную? Чего добраго — М. П. Погодинъ можетъ предъявить законный искъ на своевольное похищеніе хорошо удобренной имъ и только ему одному принадлежащей почвы. И мы навѣрное можемъ сказать, что М. М. Достоевскій проиграетъ процессъ и «оскандалитъ себя въ публикѣ».

Вѣрный г. Косица, преданный редакціи до гроба и своею жизнію и своимъ талантомъ, какъ будто предчувствовалъ, что въ критическомъ отдѣлѣ «Времени» происходитъ противозаконная кража цѣлой почвы, и на 194 стр. того же Современнаго обозрѣнія начерталъ слѣдующія глубоко скорбныя слова: «я готовъ утверждать, что наша изящная литература есть явленіе глубоко-нормальное и прекрасное, тогда какъ наша критика есть явленіе безобразное и уродливое». Ну кто же могъ бы кромѣ г. Косицы такъ просто и такъ правдиво произнести судъ надъ «Временемъ» и его критикомъ.

А чтобы впередъ не случилось такого же скандала (повѣрьте,

очень непріятнаго для редакціи), то мы совѣтуемъ М. М. Достоевскому какъ можно поскорѣе проводить г. Ап. Григорьева на «Якорь» г. Стелловскаго, или если ужь очень жалко разстаться съ почвой Москвитянина, то учредить строгой надзоръ за статьями *хлѣбнаго* критика. Гг. Фуксъ и Бибиковъ, какъ сотрудники того же журнала, могутъ съ честію исполнить эту обязанность и тѣмъ доставятъ величайшее удовольствіе публикѣ не читать ихъ собственныхъ статей.

Надзоръ долженъ быть не только внѣшній, но и внутренній, потому что г. Аполлонъ Григорьевъ нетолько перепечатываетъ свои статьи изъ другихъ журналовъ, но даже перетаскиваетъ свое *гуано* изъ «Времени» 1862 г. во «Время» 1863 г. въ нѣкоторыми видоизмѣненіями.

Впослѣдствіи мы намѣрены заняться подобнымъ изслѣдованіемъ хлѣбныхъ критиковъ и въ другихъ нашихъ журналахъ. Надѣемся, что не даромъ убьемъ время, хотя и увѣрены, что не найдемъ ничего подобнаго г. Апол. Григорьеву. Дѣло это спеціально принялъ на себя «Темный человѣкъ».

Старый Свистунъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Продуктъ дѣятельности книжной литературы за первые два мѣсяца нынѣшняго года.— Услуги ея для народа и мое обращеніе къ народу. — Нѣчто объ умственной дѣятельности Стараго Оскола, Воронежа и Смоленска.—Книга г. Забѣлина: «Домашній бытъ Русскихъ царей въ XVI и XVII ст.—Въ старину живали дѣды веселѣй своихъ внучатъ.—Благородное самолюбіе бояръ и ихъ понятія о холопствѣ.—Прелестные споры за честь и старый русскій способъ отмщенія за обиду.—Образъ жизни государей.—Моя элегія въ честь старины. — *«Очерки Англіи, соч. г. Леона Фоше, переводъ Дементьева и Хлѣбникова»* — Гейне объ Англіи. — Мрачная сторона англійской жизни. — Барбье о нищетѣ. — Нѣсколько страшныхъ фактовъ. — Тучная аристократія и худощавая демократія. Устройство телеграфа между душами человѣческими, сдѣланное въ Россіи авторомъ книги: *«Телеграфъ Душъ»*. — *«Голосъ самоучки молодой Россіи»*, А. К. Силоамскаго. *«Гигіена и Физіологія Брака»*; соч. Дебе, перевод. съ французскаго Совѣтъ г. В. Крестовскому прочитать г. Дебе и написать физіологію любви на всѣ манеры.

Знаете ли, читатель, что къ написанію этой статьи я приступаю съ румянцемъ стыда на пожилыхъ ланитахъ. Я не имѣю привычки раскаяваться въ собственныхъ словахъ и поступкахъ, но тутъ торжественно раскаяваюсь въ составленіи «библіографическаго листка», напечатаннаго въ январской книжкѣ «Русскаго Слова». Меня стыдитъ мой скептицизмъ, мнѣ совѣстно за тѣ слова сомнѣнія, которыя я произнесъ въ прошедшемъ мѣсяцѣ. Да, стыдно и совѣстно, потому что наша книжная литература, чтобъ ни говорили пессимисты, летитъ на всѣхъ парусахъ. Летитъ она, какъ и все русское,—и этотъ полетъ шевелитъ всѣ патріотическія струны россійскихъ сердецъ, а въ моемъ поэтическомъ сердцѣ онъ задѣваетъ за внутреннюю *лиру* и извлекаетъ изъ нея слѣдующіе аккорды.—

Не по днямъ, по часамъ ты растешь,
О моя дорогая отчизна!
И пускай не смущаетъ тебя
Никакая невѣждъ укоризна!
Пусть они говорятъ, что еще

Не совсѣмъ истребились ухватки
Драгоцѣнной, родной старины —
Напримѣръ: спиногнутіе, взятки,
Самодурство, сословный разладъ,
Апатичная лѣнь, лицемѣрье,
Поклоненіе слову *авось*,
Ханжество, кретинизмъ, суевѣрье, —
Пусть кричатъ—это все пустяки!
Это частныя только явленья;
Вообще жъ, вообще, вообще —
Твоего, о Россія, движенья
Я свидѣтелемъ гордымъ стою,
На завистниковъ гордо взираю
И во славу прелестнѣйшихъ дѣлъ
Превосходныя пѣсни слагаю?

Почти то же самое я могу сказать о нашей книжной литературѣ. Всего полтора мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ окончился 1862 годъ, и ужь сколько добра сдѣлала она! Передо мною два первые номера «Книжнаго Вѣстника» за нынѣшній годъ; всего два номера, а уже сколько сокровищъ такъ и мечутся въ глаза, когда просматриваешь заглавія новыхъ книгъ! Каждому предлагаешь ты, о книжная литература, здоровую пищу,—каждаго можешь ты наставить на путь истины! Взгляните, о порицатели этой литературы, на продуктъ ея дѣятельности въ эти полтора мѣсяца,—взгляните и судите: Предъ вами Житіе преподобнаго отца нашего Антонія, предъ вами жизнь святителя Тихона, предъ вами «Св. великомученица Варвара, жизнеописательное стихотвореніе въ 3-хъ частяхъ, переложенное Варварою Кукариной,» предъ вами Жизнь схи-игумены Евпраксіи, предъ вами Извѣстіе о послѣднихъ годахъ жизни и кончинѣ преосв. Тимофея, быв. архіеп. смоленскаго, предъ вами изданное на собственный счетъ Виктора Ипатьевича Аскоченскаго «Слово о смерти, составленное Игнатіемъ, бывшимъ епископомъ кавказскимъ,» — предъ вами *новое* изданіе книги: «Размышленіе о смерти и судѣ, объ адѣ и царствѣ небесномъ, руководствующее къ тому, чтобы не грѣшить», предъ вами... да мало ли еще чего нѣтъ въ этомъ родѣ; вотъ хоть бы книга съ такимъ заглавіемъ: «Христіанское безстрастное разсужденіе о семеновскомъ рынкѣ, основанномъ на фундаментѣ царскаго благоволенія!» — Такой же богатый потокъ устремляется и по другимъ отдѣламъ. Г. Силоамскій, этотъ «самоучка молодой Россіи,» громитъ

«пѣтуховъ и свистуновъ», медицина дѣлаетъ великое пріобрѣтеніе въ «Гигіенѣ и физіологіи брака», о которой я буду имѣть честь ниже бесѣдовать съ читателями; неизвѣстные авторы сообщаютъ свѣденія о служебной дѣятельности генералъ-адъютанта барона Э. А. Рамзая и генералъ-адъютанта Н. Н. Анненкова, г. Габріель Раштановъ или Расштановъ (авторъ подписывается и такъ и этакъ — т. е. принимайте меня за настоящую фамилію или за псевдонимъ») даритъ насъ первымъ выпускомъ своего періодическаго изданія подъ заглавіемъ: «Людскія Тайны, литературно-музыкальный міръ,» — г. Торчиловъ *составляетъ* «Добрыхъ Родственниковъ» (по крайней мѣрѣ, заглавіе этой книги такое: Добрые родственники. Составлены Ѳ. В. Торчиловымъ) Г. И. Б....ій скромно выступаетъ съ своими стихотворными «Опытами», помѣстившимися на 14 страницахъ... А народъ нашъ... О, мой милый русскій народъ!

Ты, которому таксе
Благодатнѣйшее сѣмя
Возращаетъ такъ прилежно
Ежемѣсячное «Время».
Ты, съ которымъ хочетъ каждый
И душой, и тѣломъ *слиться*,
О которомъ такъ хлопочутъ
И Краевскій, и Косица;
Для котораго какъ менторъ,
Весь сочащійся елеемъ,
Кротко Кушеревъ выходитъ
Съ миротворнымъ «Грамотѣемъ»,
На котораго мы смотримъ
Въ стекла розовыхъ идиллій,
Какъ смотрѣть способенъ не былъ
Буколическій Виргилій;
О которомъ мы такъ нѣжно,
Такъ красиво разсуждаемъ
И которому лобзанья
Издалека посылаемъ.
О народъ, народъ любезный,
Наша радость, наша сила, —
И тебя литература
Не забыла, не забыла!...

Да, и ты въ эти полтора мѣсяца обогатился свѣжими знаніями и новыми умственными пріобрѣтеніями. Не успѣлъ я еще достаточно

порадоваться за тебя, прочитавъ составленную г-жею О. В. В-вой книжку подъ заглавіемъ «Совѣты крестьянамъ къ сохраненію ихъ здоровья и къ леченію чаще бывающихъ у нихъ болѣзней самыми простыми, испробованными средствами», — книжку, въ которой авторъ чуть-чуть не совѣтуетъ тебѣ, о народъ, подкрѣплять себя лафитомъ отъ Елисеева, — какъ сердце мое снова радостно постукиваетъ: нѣкто Ольга Даниловна печатаетъ для тебя «разговоръ съ крестьянами о молитвѣ господней», Викторъ Ипатьевичъ Аскоченскій издаетъ на свой счетъ «Поученіе о спасеніи къ простому народу». Для легкаго чтенія, которое могло бы развлекать тебя въ часы пріятныхъ досуговъ, ты получаешь слѣдующія книги: «Котъ въ сапогахъ, русская народная сказка въ 3 ч., соч. В. Ѳ. Потапова», «Коверъ-Самолетъ или старый колдунъ, сказка въ 2 ч. въ стихахъ», «Мужичокъ съ ноготокъ, борода съ локотокъ», «Мальчикъ съ пальчикъ, или малъ золотникъ да дорогъ», «Атаманъ шайки разбойниковъ Стенька Разинъ, и старая повѣсть изъ временъ царствованія царя Алексѣя Михайловича: «Исторія Ерофея Ерофеича, изобрѣтателя Ерофеича, аллегорически: горькой водки,— твореніе росс. автора, прозваннаго старый индійскій пѣтухъ», «Собраніе новѣйшихъ пѣсень и романсовъ» и проч. и проч. и проч. Сильно бьется мое сердце отъ радости, когда вижу я, какъ много, о народъ, извлекаешь ты пользы изъ всѣхъ этихъ изданій, какъ просвѣтляютъ они твой взглядъ, какъ много дѣлаютъ для тебя наши черноземные почвенники, которые неутомимо хлопочутъ о трогательномъ *слитіи* съ тобою...

Публика, среди которой въ теченіе самаго короткаго времени можетъ появиться такое множество такихъ превосходныхъ книгъ, добрая хорошая публика. Мнѣ скажутъ, что я ошибаюсь, что собственной доброты со стороны публики тутъ нѣтъ никакой, что книги эти могли появиться, но ихъ никто не купитъ и т. п. Мнѣ скажутъ это, но я этому не повѣрю. Въ этомъ случаѣ, я не возьму назадъ того, что говорилъ въ своемъ прошломъ листкѣ. Такія именно книги и будутъ раскупаться; это засвидѣтельствовали мнѣ многіе опытные книгопродавцы. Правда, между вышедшими въ этомъ мѣсяцѣ на свѣтъ твореніями есть такія, которыя, кажется, вылетѣли изъ типографій единственно для доставленія удовольствія самимъ авторамъ; наприм. «Медвѣжій островъ» стих. г. Вальзера, «Опыты» г. Б—аго и т. п. (я даже не могъ отыскать эти творенія въ книжныхъ магазинахъ, не смотря на всѣ мои усилія); — но такихъ злополучныхъ книгъ немного. Зато изданія

Виктора Ипатьевича, *народныя* сказки, историческіе романы и вся подобная братія какъ широко разлетятся по землѣ русской! Я убѣжденъ, что даже Старый-Осколъ сдѣлаетъ имъ радушный пріемъ. Вы спрашиваете меня, почему я говорю: *даже* Старый-Осколъ. — Пользуюсь этимъ вопросомъ, чтобы сдѣлать небольшое отступленіе и разсказать вамъ объ умственномъ уровнѣ этого города,—такъ какъ всѣ умственные успѣхи моихъ милыхъ соотечественниковъ должны выражаться ихъ привязанностью къ чтенію, а все, что касается этого послѣдняго, входитъ въ область моихъ замѣтокъ. Итакъ, Старый-Осколъ— городъ Курской губерніи; отъ него до Харькова, университетскаго города, всего 200 верстъ, а до Воронежа и Курска, т. е. городовъ губернскихъ—130; городъ торговый, имѣющій значительныхъ капиталистовъ. Недавно умеръ ординарный академикъ г. Бутковъ и завѣщалъ, чтобъ вся его большая библіотека была отдана въ старо-оскольское уѣздное училище, съ тѣмъ, чтобы въ Старомъ-Осколѣ открыть публичную библіотеку для безплатнаго чтенія всѣмъ жителямъ города. По поводу этого факта, г. Копейчиковъ, житель того же Стараго-Оскола, напечаталъ въ «Книжномъ Вѣстникѣ» небольшую замѣтку, въ которой весьма неблагосклонно отозвался объ умственномъ развитіи старооскольцевъ вообще, а по случаю открытія публичной библіотеки, сказалъ: «библіотеку перевозятъ на казенный счетъ, дѣлаютъ шкафы—и что жъ вы думаете, старо-оскольцы читаютъ эти книги? Ничуть не бывало, благородная пыль тысячу разъ покроетъ эти книги и тысячу разъ будетъ сметена по обязанности, а старо-оскольцамъ и въ голову не придетъ почитать, и книгамъ приходится какъ тремъ пальмамъ Лермонтова сказать: на то мы родились, чтобъ здѣсь увядать». Должно быть г. Копейчиковъ имѣетъ основаніе руководиться такимъ отраднымъ взглядомъ; по крайней мѣрѣ, въ этой же замѣткѣ онъ говоритъ: «года два тому назадъ вышло распоряженіе, по которому всѣ библіотеки при уѣздныхъ училищахъ обращены въ публичныя съ тѣмъ, чтобы читающіе платили по три рубли сер. въ годъ,—и что жъ вы думаете? Рѣдко, очень рѣдко, въ какомъ городѣ такихъ подписчиковъ болѣе десяти, да и тѣ больше подписались не съ тѣмъ, чтобы читать, а такъ, *мы-де сами на чтеніе подрядились*». Г. Копейчиковъ, какъ видно, безотрадный пессимистъ; иначе бы онъ не говорилъ, что «много, очень много городовъ на святой Руси, гдѣ объѣдаются, опиваются, дни и ночи проводятъ за картами, а о книгахъ и газетахъ только при несчастьи подумаютъ, какъ напр. при уни-

чтоженіи откуповъ, введеніи новой судебной системы...» Это не можетъ быть, «не смѣю вѣрить, ваше превосходительство» — скажу я словами Антона Антоновича Сквозника-Дмухановскаго. Положимъ, что въ газетахъ то и дѣло встрѣчаются подобныя извѣстія; положимъ, что еще недавно узналъ я, что въ Воронежѣ, гдѣ даже живетъ г. де-Пуле и издаются «Воронежскія Бесѣды», нѣтъ ни одной публичной библіотеки, а въ Смоленскѣ, городѣ столь драгоцѣнномъ для каждаго истиннаго росса по великимъ патріотическимъ воспоминаніямъ, окружающимъ его, нѣтъ ни одной книжной лавки; положимъ, что еще восемь лѣтъ тому назадъ, когда я имѣлъ счастіе быть студентомъ харьковскаго университета, въ этомъ *университетскомъ* городѣ Харьковѣ существовалъ только одинъ, и то весьма плохенькій книжный магазинъ,—положимъ, что это есть и бываетъ,— но чтобъ такіе факты доказывали что-нибудь, съ позволенія сказать, не хорошее — «не смѣю вѣрить, ваше превосходительство». И на этотъ разъ тоже повторю:

Это все пустяки, пустяки,
Это частныя только явленья,
Вообще-жъ, вообще, вообще
Мы идемъ по пути обновленья!...

Вообще у насъ все идетъ весьма хорошо, а если въ частностяхъ мы и прихрамываемъ, такъ вѣдь это частности,—стоитъ ли на нихъ обращать серьёзное вниманіе? Въ частностяхъ, напр., нелѣпѣйшія книги являются у насъ въ громадномъ количествѣ, но вообще наша книжная дѣятельность весьма красива; въ частностяхъ одни провинціальные города вовсе лишены книжныхъ лавокъ, а другіе, какъ Старый-Осколъ, смотрятъ на книги какъ на вещь, даже негодную быть товаромъ, — но вообще умственная дѣятельность въ провиніяхъ, судя по достовѣрнымъ официальнымъ источникамъ, стоитъ на весьма удовлетворительной степени;—въ частностяхъ, одинъ издатель одной превосходной книги говорилъ мнѣ, что до сихъ поръ (книга издана уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ) онъ далеко не вернулъ даже расходовъ по изданію,—но вообще о каждой хорошей книгѣ мы говоримъ съ благороднѣйшимъ увлеченіемъ. И такъ далѣе, и такъ далѣе. Очевидно, что всѣ эти частности совершенно тускнѣютъ предъ блескомъ общаго впечатлѣнія—явленіе, свойственное не только книжно-литературной дѣятельности, но и всему, что носитъ на себѣ

прелестное, щиплющее за сердце, названіе *современнаго русскаго движенія*...

Я не знаю, какъ благодарить судьбу за то, что она натолкнула меня на занятія русскою библіографіей. Занятіе въ высшей степени полезное и пріятное. Здѣсь я прямо очутился на той *почвѣ*, которую взрываетъ М. М. Достоевскій съ своей компаніей, рафинируя продукты, предлагаемые нашему народу А. В. Старчевскимъ съ братіей. И вы не можете себѣ представить, какое благоуханіе вѣетъ отъ этой почвы, какая неистощимая производительность на ней. Попробуемъ сорвать съ этой почвы нѣсколько цвѣтковъ для услажденія обонянія нашихъ читателей.

Передо мной, напримѣръ, лежитъ первая часть книги, сочиненной г. Забѣлинымъ и носящей такое заглавіе: «Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII ст.» Знаете ли, что съ тѣхъ поръ, какъ я прочелъ эту книгу, въ которой жизнь нашихъ бояръ (такъ какъ они составляли главный и огромный антуражъ царскаго двора) является въ характеристическихъ и мельчайшихъ подробностяхъ, — я не перестаю напѣвать:

«Въ старину живали дѣды
Веселѣй своихъ внучатъ!»

Т. е. если и не веселѣй, то патріархальнѣй, размашистѣй, вольнѣй. Отношенія бояръ между собою и къ старшимъ себя были оригинальнаго свойства; честь понималась не такъ, какъ у искаженныхъ западныхъ народовъ; самолюбіе тоже было своего особаго рода; спасеніе души отыскивалось истинно душеспасительнымъ путемъ, сознаніе собственнаго достоинства проявлялось на каждомъ шагу... Но я забѣгаю впередъ; позвольте мнѣ послѣдовательно и подробно (на сколько позволяютъ мнѣ размѣры моего листка) познакомить васъ съ тѣми выводами, до которыхъ нельзя не дойдти, прочитавъ сочиненіе г Забѣлина.

Г. Забѣлинъ, поставивъ своею задачею познакомить читателей съ домашнимъ бытомъ русскихъ царей XVI и XVII ст. въ мельчайшихъ его подробностяхъ, очевидно, долженъ былъ нарисовать нѣкоторыя стороны жизни боярской, такъ какъ царскій дворецъ былъ напол-

ненъ сверху до низу боярами, вносившими туда свои интересы—интересы весьма оригинальнаго свойства, какъ читатели увидятъ ниже. Отношенія бояръ къ царямъ этого времени были чисто патріархальныя. Да иначе не могло и быть.

«Великій Государь московскій съ распространеніемъ своего политическаго могущества—говоритъ г. Забѣлинъ—присоединивши къ прежнимъ еще новые, болѣе соотвѣтственные своему значенію, титулы царя и самодержца,—на дѣлѣ, въ дѣйствительности, оставался все тѣмъ же государемъ, осподаремъ. Мы хотимъ сказать, что въ простомъ и удобопонятномъ, а главное, наиболѣе точномъ и вѣрномъ смыслѣ, это былъ помѣщикъ съ широкими царственными размѣрами жизни, которые явились почти неизбѣжно, сами собою, какъ необходимое, совершенно неизбѣжное условіе новыхъ политическихъ отношеній и потребностей.»

И такъ, великій князь московскій, даже сдѣлавшись сильнымъ въ политическомъ отношеніи, у себя дома все-таки продолжалъ оставаться *государемъ*, *осподаремъ*. Что же значили тогда эти названія: государь, осподарь? На этотъ вопросъ вотъ что отвѣчаетъ намъ г. Забѣлинъ: «Именемъ «государь» обозначался извѣстный типъ жизненныхъ отношеній, именно властный, оборотная сторона котораго выставляла противоположный типъ раба, холопа или вообще слуги. Осподарь былъ не мыслимъ безъ холопа, такъ какъ и холопъ не былъ бы понятенъ безъ «осподаря».—Такъ и запишемъ—какъ говорилъ мой учитель математики.

Хотя трудъ г. Забѣлина не существовалъ въ XVI ст., но бояре того времени и безъ его указаній понимали свое значеніе, высказанное въ только-что приведенномъ взглядѣ нашего историка. Они и сами хорошо понимали, что осподарь былъ не мыслимъ безъ холопа и покорялись этому историческому закону съ самымъ похвальнымъ благоразуміемъ и даже съ нѣкотораго рода гордостью. Бояринъ какъ-то особенно любовно говоритъ о своемъ холопскомъ достоинствѣ, по крайней мѣрѣ, какую бы челобитную (изъ находящихся въ книгѣ г. Забѣлина) къ царю вы ни раскрыли, вамъ на каждой строчкѣ красиво мечутся въ глаза слова: «я, холопъ твой», «меня холопа твоего» и т. п. во всѣхъ падежахъ и во всѣхъ числахъ. По отношенію къ этому холопству бояринъ являлся рыцарски-самолюбивымъ, иначе сказать, онъ дорожилъ своимъ холопствомъ именно

по отношенію къ великому князю московскому. Такъ напр., если кто обзывалъ его *своимъ* холопомъ, бояринъ обижался, но не столько потому, что слово холопъ казалось ему бранным, но потому, что онъ хотѣлъ оставаться холопомъ только князя московскаго, а не кого-нибудь другого. Это доказываетъ безчисленное множество челобитныхъ царю; одинъ примѣръ даетъ понятіе о всѣхъ остальныхъ: «*Князь* Мышецкій обиженъ Федоромъ Нащокинымъ и Иваномъ Бужаниновымъ и прописываетъ въ челобитной: «бьетъ челомъ холопъ твой Еуфимка Мышецкой—билъ челомъ я холопъ твой тебѣ государю на Федора Васильева сына Нащокина, на Ивана Иванова сына Бужанинова, что онѣ насъ холопей *твоихъ* и родителей нашихъ безчестили; Федоръ Нащокинъ называлъ насъ холопей *твоихъ* всѣхъ холопьми *боярскими*»!..

И такъ далѣе; тысячи подобныхъ же мѣстъ, доказывающихъ, что русскій бояринъ очень хорошо понималъ, что холопъ холопу розь. Трогательное сознаніе своихъ *вотчинныхъ* отношеній высказывалось у боярина не только въ замѣчательныхъ чертахъ самолюбія, только-что указанныхъ нами; оно проявилось даже и въ слѣдующей мелочи: бояринъ, подавая челобитную великому князю московскому, никогда не называлъ себя своимъ настоящимъ именемъ, а непремѣнно именемъ уменьшеннымъ, смиреннымъ. Да иначе не могло и быть. Если вы, мой читатель, знаете прежнее время, то по всей вѣроятности помните, какъ величали себя въ вашемъ присутствіи ваши *люди;* вы, вѣроятно, не забыли, что какой-нибудь сѣдоволосый Василій на вашъ вопросъ: кто тамъ? обыкновенно отвѣчалъ: Васька, а какая-нибудь Александра, мать десятерыхъ дѣтей, на такой же вопросъ отвѣтствовала: Сашка. Въ XVI ст. конечно никому даже не снилось, что когда-нибудь можетъ быть 19 февраля 1863 года, да никто и не чувствовалъ надобности въ подобныхъ снахъ. Оттого каждый бояринъ съ дѣтскимъ простодушіемъ обращалъ себя въ нѣчто уменьшительное. Князь Евфимій Мышецкій называлъ себя «Еуфимкой», царскій казначей Богданъ-Дубровскій «Богдашкой», стольники Салтыковы—Федькой и Алешкой и т. д.

Соревнованіе бояръ между собою это доходило вотъ до чего: «бояре и сановники—читаемъ мы у г. Забѣлина—вмѣняли себѣ въ особую честь и почесть получать каждый день съ царскаго стола, отъ обѣда и отъ ужина, *поденную подачу* и ставили себѣ въ большое безчестье,

когда эта подача, по ошибкѣ или по другой какой причинѣ, до нихъ не доходила, размышляя, что ни царскаго гнѣва надъ собою, ни вины за собою не вѣдаютъ, а въ подачѣ передъ своею братьею обезчещены».

Такъ вотъ каковы были предки наши, милостивые государи! То было

Россійское, лихое племя,
Богатыри—не вы!

Русская натура, еще не испорченная гнилымъ вліяніемъ запада, сказывалась въ нихъ, какъ вы только-что изволили видѣть, въ своей первобытной чистотѣ и красотѣ. Вы видѣли, какъ понимали эти бояре чувство собственнаго достоинства, какую громадную роль играло въ нихъ самолюбіе; — во взаимныхъ отношеніяхъ ихъ между собою честь также стояла на первомъ планѣ, и они отстаивали ее опять-таки — свѣжо, благоуханно. Это лучше всего выражалось въ ссорахъ и обидахъ. Эти люди, такъ смиренно признававшіе себя холопами, въ то же время не позволяли наступать себѣ на ногу людямъ, стоявшимъ хоть на волосъ ниже ихъ (качество высокое и такъ удачно переводимое словами: предъ высшимъ сгибайся, на низшаго плюй.

«Необходимо припомнить—говоритъ г. Забѣлинъ—что старое наше служилое сословіе, боярство и дворянство, исполнено было непомѣрной щекотливости въ отношеніи своей чести,—не той, однакожъ, чести, которая служитъ выраженіемъ сознанія въ себѣ человѣческаго достоинства,—(не люблю я такихъ придирчивыхъ людей, какъ г. Забѣлинъ); тогдашняя честь заключалась въ *Отчествѣ*, т. е. въ значеніи рода, къ которому лицо принадлежало, собственно въ *почетѣ*, какимъ пользовался этотъ родъ и какимъ по нисходящему порядку долженъ былъ пользоваться всякій родичъ... Разумѣется — продолжаетъ авторъ дальше—въ обществѣ, пропитанномъ родовымъ началомъ, по которому все старое почиталось неизмѣримо выше всего молодого, и старая, т. е. заслуженная цѣлыми поколѣніями честь всегда почиталась больше чести молодой, хотя бы и болѣе достойной».

Изъ за этой *чести* происходили чуть не каждый день во дворцѣ царскомъ и въ другихъ мѣстахъ прелестнѣйшія сцены, въ которыхъ русская жизнь такъ и брызжетъ самымъ живымъ потокомъ. Нарушеніе чести состояло обыкновенно въ томъ, что одинъ обругивалъ другого,—ругаться мы всегда умѣли удивительно. Больше всего

ругали другъ друга измѣнничьими племянниками, псаревичами, псаревыми внуками, ворами, «матерними словами», б.....ми сыновьями и т. п.

Отъ ругательствъ доходили и до болѣе энергическихъ, но совершенно-русскихъ выраженій гнѣва; такъ Александръ Протасьевъ прошибъ у Ивана Хрущова кирпичомъ голову; стольникъ Романъ Бабарыкинъ спихнулъ истопника съ лѣстницы и убилъ до полусмерти; и т. п.

Но если способъ нанесенія обиды былъ своеобразенъ, то способъ сыска за нее еще менѣе пахнулъ иноземщиной. Не было у насъ этихъ глупыхъ дуэлей, поединковъ, не было правила—смывать обиду кровью, не сходилъ никто съ ума на какомъ-то фантастическомъ point d'honneur. Нѣтъ, тутъ дѣло обходилось гораздо проще. Обругали вы меня какою-нибудь «непристойною лаею», или глазъ мнѣ вышибли, или что нибудь въ этомъ родѣ, я за секундантами не пошлю, и «часа и мѣста» у васъ не попрошу,—нѣтъ, шалишь; я вотъ жалобу сочиню, да ее къ батюшкѣ великому князю московскому и предст[illegible], прописавъ въ концѣ: «милосердый государь! пожалуй меня холопа своего, вели, государь, про тоѣ мою брань и про бой сыскать тѣми людьми, кои тутъ были, и по сыску свой царской указъ учинить. Царь государь смилуйся»! Велитъ сдѣлать сыскъ, и отдерутъ васъ «нещадно батоги» — вотъ вамъ и удовлетвореніе!.. Завтра мы съ вами опять въ думѣ будемъ присутствовать, и вмѣстѣ рѣшать дѣла государственныя, — а сегодня васъ все-таки отпороли. Не ругайтесь въ другой разъ!..

А какъ же жили самые государи того времени? Хорошо и свѣтло жили они; тихо и безмятежно, большею частью среди душеспасительныхъ упражненій протекало бытіе ихъ. Оно начиналось ежедневно, въ четыре часа утра. Съ первой же минуты пробужденія, въ душѣ государя должно было разливаться тихое, умиротворяющее чувство, потому что «раннее утро заставало государя въ крестовой, въ которой молебный иконостасъ, весь уставленный иконами, богато украшенными золотомъ, жемчугомъ и дорогими каменьями, давно уже освѣщался множествомъ лампадъ и восковыхъ свѣчъ, теплившихся почти предъ каждымъ образомъ». Вообще образовъ и картинъ духовнаго содержанія во дворцѣ было много. Одно исчисленіе ихъ занимаетъ у г. Забѣлина нѣсколько страницъ. Вставши, государь умывался. Умывшись, государь предавался религіознымъ упраж-

неніямъ; онъ молился, прикладывался ко кресту и затѣмъ его кропили святою водою, которую по свидѣтельству г. Забѣлина «привозили иногда изъ весьма отдаленныхъ мѣстъ, изъ монастырей и церквей, прославленныхъ чудотворными иконами». Этими обрядами религіозныя занятія еще не оканчивались: за ними еще слѣдовало чтеніе крестовымъ дьякономъ духовнаго *слова*.

«Окончивъ утреннюю крестовую молитву—такъ разсказываетъ г. Забѣлинъ—государь, если почивалъ особо, посылалъ ближняго человѣка къ царицѣ въ хоромы спросить ее о *здоровьѣ*, какъ почивала? потомъ самъ выходилъ здороваться въ ея переднюю или столовую. Послѣ того они вмѣстѣ слушали въ одной изъ верховныхъ церквей заутреню, а иногда и раннюю обѣдню. Между тѣмъ съ утра же рано собирались во дворецъ всѣ бояре, окольничіе, думные, и ближніе люди — «челомъ ударить государю» и присутствовать въ царской думѣ. Они собирались обыкновенно въ *передней*, гдѣ ожидали царскаго выхода изъ внутренняго покоя или комнаты. Нѣкоторые, пользовавшіеся особою довѣренностью государя, выждавъ время, входили и въ комнату. Увидѣвъ пресвѣтлыя царскія очи, въ церкви ли, во время службы, или въ комнатахъ, смотря по тому, въ какое время являлись на пріѣздѣ, они всегда кланялись передъ государемъ въ землю, даже по нѣскольку разъ. «А какъ они на пріѣздѣ кланяются, замѣчаетъ Котошихинъ, и государь въ то время стоитъ или сидитъ въ шапкѣ, и противъ ихъ боярскаго поклоненія шапки съ себя не снимаетъ никогда. А котораго дня они бояре въ пріѣздѣ своемъ запоздаютъ, или по нихъ посылаетъ, и они будутъ къ нему не вскорѣ, или что малое учинятъ не по его мысли, и онъ на нихъ гнѣвается словами, или велитъ изъ палаты выслать вонъ, или посылаетъ въ тюрьму, и они за свои вины потому жъ кланяются въ землю многожды, доколѣ проститъ». За особенную милость, являемую государемъ, бояре кланялись ему въ землю до тридцати разъ сряду, Такъ умиленный царскимъ благоволеніемъ большой воевода князь Трубецкой, на отпускѣ въ польскій походъ, въ 1654 г., поклонился передъ государемъ въ землю тридцать разъ».

За этимъ слѣдовалъ небольшой разговоръ о дѣлахъ — а затѣмъ снова религіозное упражненіе: присутствованіе въ поздней обѣднѣ. Это отнимало у государя всего часа два времени. Послѣ обѣдни часа полтора употреблялось на занятіе государственными дѣлами, въ числѣ которыхъ не малую роль занимали челобитныя обруганныхъ или поколоченныхъ другъ другомъ бояръ. Въ двѣнадцать часовъ обѣдъ, — въ постъ, конечно, постный. Послѣ обѣда трехчасовой сонъ, — а тамъ опять въ церковь — вечерню слушать. Послѣ вечерни отдыхъ въ семейномъ кругу. За этими развлеченіями слѣдовало вечернее кушанье, — а за нимъ опять молитва, послѣ кото-

рой царь ужь окончательно отправлялся почивать и во дворцѣ водворялась глубокая тишина...

И такъ дѣло шло каждый день,—исключая высокоторжественныхъ, когда гудѣли колокола и царь являлся народу въ блескѣ московско-византійскаго величія...

Хорошее, блаженное время нашей старины! Безмятежная, безхитростная жизнь! Знай себѣ молись, да пей, да кушай, да спи, — чего и желать больше?—Да, наши предки ничего и не желали больше. Зато они и нервами никогда не страдали, зато они и толстѣли, дай Богъ имъ здоровья, на радость себѣ и домочадцамъ. Стоитъ взглянуть на помѣщенный на оберточномъ листѣ книги г. Забѣлина портретъ великаго князя Василія Ивановича Московскаго, чтобы понять, какъ хорошо жить на свѣтѣ человѣку, у котораго горя и заботы мало. Славное, хорошее житье!.. Я пришелъ въ такой восторгъ послѣ чтенія книги г. Забѣлина, что если бы мнѣ попался подъ руку какой-нибудь славянофилъ, я бросился бы къ нему на шею и облобызалъ бы его въ самыя уста.

Книга г. Забѣлина воспламенила меня такою ненавистью ко всему иноземному, что мнѣ даже противно приняться за бѣглое ознакомленіе моихъ читателей съ другою книгою: «Очерки Англіи» сочиненіе Леона Фоше, переводъ Дементьева и Хлѣбникова;—тѣмъ болѣе противно, что дѣло въ этой книгѣ идетъ объ Англіи. Англичане!.. «Ненавижу я, сударь, англичанъ, говорилъ Расплюевъ:—хитрая нація. Всякій у нихъ тамъ выученъ боксу»... Я съ англичанами никогда близко не сталкивался, но началъ чувствовать къ нимъ антипатію съ тѣхъ поръ, какъ познакомился съ статьями Гейне. Какъ поэтъ, Гейне не могъ сочувствовать англичанамъ. «Мнѣ—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ—дѣлается тошно каждый разъ, когда я, думая о Шекспирѣ, вспоминаю, что онъ все-таки англичанинъ и принадлежитъ къ противнѣйшему народу, какой только могъ создать Господь въ минуту гнѣва. О, какой это противный народъ и какая это наводящая скуку страна! Какая это клеенчато-жесткая, дома испеченная, эгоистическая, узкая, чисто-англійская земля! Земля, которую океанъ давно поглотилъ бы, еслибы не боялся, что она разстроитъ ему желудокъ!..»

И гдѣ бы ни заговорилъ Гейне объ Англіи, вездѣ рисуетъ онъ ее такими же красками. При томъ поклоненіи, которое я оказываю этому удивительному писателю, мнѣ понятно, что онъ значительно усилилъ мою инстинктивную антипатію къ англичанамъ,—антипатію, отчасти умѣрившуюся только мыслью, что Англія подарила Россіи Михаила Никифоровича Каткова — эту драгоцѣнную жемчужину съ британской почвы и въ московской оправѣ.

Леонъ Фоше далеко не поклонникъ Англіи. Но причина мрачнаго взгляда его на эту страну лежитъ не въ томъ поэтическомъ чувствѣ, которое возбуждаетъ въ Гейне такую суровую антипатію къ прозаической землѣ. Фоше не любитъ Англію вопервыхъ потому, что онъ французъ, а во вторыхъ потому, что онъ демократъ. Это демократическое чувство заставляетъ его говорить съ нескрываемою досадою слѣдующія, конечно, справедливыя слова, отчасти резюмирующія его общій взглядъ: «Въ Европѣ въ настоящее время исчезаютъ послѣдніе слѣды феодальнаго общества: аристократія пала, титулъ дворянства сталъ пустымъ украшеніемъ, воспитаніе сдѣлалось истиннымъ и стремится быть единственнымъ различіемъ между людьми; французская революція привила къ правамъ всѣхъ народовъ страсть къ равенству предъ закономъ. Всѣ народы, а за ними и правительства, увлечены этимъ стремленіемъ. Одна только Англія противится этому и дѣлаетъ изъ себя убѣжище для той власти, которую прочія государства признали безправною; аристократія, для которой на материкѣ не осталось даже мѣста въ преданіяхъ, существуетъ у этого народа, какъ учрежденіе; изъ нея вытекаетъ сила въ Великобританіи, въ ней заключается вся дѣйствующая власть...» Это одна изъ главныхъ точекъ зрѣнія французскаго экономиста, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ смотрѣлъ на все съ исключительно-мрачной точки зрѣнія. Онъ хорошо понимаетъ все величіе этой страны, все громадное значеніе ея въ современномъ мірѣ, но его не можетъ не поразить соединеніе въ этомъ удивительномъ организмѣ контрастовъ самыхъ противоположныхъ. Контрасты эти онъ видитъ въ томъ, что англичане сильнѣе всякаго другого народа держатся за свое прошедшее, и въ то же время, также сильнѣе всякаго другого народа, ожидаютъ отъ будущаго разрѣшенія множества вопросовъ, вызванныхъ общественною жизнью страны; въ томъ, что это государство своими учрежденіями, механическою и промышленною дѣятельностью и т. п. далеко опередило другія государства Европы и въ то же время управляется законами и обы-

чаями, изъ которыхъ большая часть относится ко временамъ Альфреда, Вильгельма-Завоевателя и Генриха I; въ томъ, что аристократiя и демократiя вмѣстѣ составляютъ основанiе власти; въ томъ, что королевская власть повидимому безгранична, а на дѣлѣ имѣетъ такъ мало значенiя, что, по словамъ Фоше, «было время, когда англiйская королева была почти доведена до того, что принимала горничныхъ по назначенiю сэра Роберта Пиля»; въ томъ, что «Англiя такая страна, въ которой самая большая свобода соединяется съ наибольшой нетерпимостью нравовъ, страна, въ которой личность всегда занимаетъ первое мѣсто, въ которой обязанности всякаго опредѣлены самымъ точнымъ образомъ, въ которой равенство правъ соединяется съ крайнимъ неравенствомъ общественныхъ положенiй, въ которой наконецъ частныя влiянiя имѣютъ одинаковую силу съ законами»; въ томъ, что въ этой странѣ, получившей великую хартiю еще съ 1215 г., до конца прошлаго столѣтiя въ нѣкоторыхъ участкахъ Шотландiи существовала помѣщичья зависимость;—наконецъ, во многихъ другихъ отношенiяхъ.

Фоше соглашается, что англiйскiй народъ представляетъ величайшiй интересъ для наблюдателя,—и этому наблюденiю онъ посвящаетъ толстый томъ, исполненный самыхъ занимательныхъ, хватающихъ за душу подробностей. Еслибы авторъ не подходилъ къ своему предмету съ заранѣе образовавшимся предубѣжденiемъ, онъ, конечно, не докапывался бы такимъ тщательнымъ образомъ до самыхъ мрачныхъ, раздирающихъ фактовъ; — заранѣе составленная симпатiя или антипатiя дѣло конечно не хорошее для наблюдателя; но она часто, при извѣстныхъ условiяхъ, помогаетъ. Леону Фоше она помогла въ энергическихъ изысканiяхъ; онъ раскопалъ всевозможные закоулки и показалъ публикѣ вещи, одинъ видъ которыхъ производитъ въ сердцѣ что-то очень нехорошее. Въ общемъ смыслѣ сочиненiе Фоше не представляетъ особой новизны; преобладанiе аристократическаго элемента, подавленiе бѣднаго сословiя богатымъ, преступленiя и развратъ вслѣдствiе голода, нищета и роскошь, сталкивающiяся другъ съ другомъ—все это вещи давно извѣстныя, все это «старая и вѣчно новая пѣсня», та пѣсня, къ которой можно примѣнить слова Гейне:

Es ist eine alte Geschichte,
Doch bleibt sie immer neu;

Und wem sie just passiret
Dem bricht das Herz entzwei *).

Но новизна сочиненія Фоше состоитъ въ подробностяхъ, и изъ за нихъ книга читается съ живѣйшимъ интересомъ. Любопытнѣйшія изъ нихъ касаются проституціи, поражающей нищеты, полнѣйшаго упадка человѣческаго достоинства въ людяхъ, сдѣлавшихся жертвой этой послѣдней, звѣрства, съ которымъ третируются дѣти на фабри- ахъ. Интересъ чтенія увеличивается еще тѣмъ, что въ авторѣ видишь честнаго человѣка, по мнѣнію котораго народу, чтобы назваться истинно счастливымъ и пріобрѣсть право на общую благодарность человѣчества, недостаточно имѣть полную конституцію, пользоваться великою хартіею, владѣть огромными богатствами, повелѣвать на сушѣ и на моряхъ...

Въ сочиненіи Леона Фоше яркою и ужасающею картиною является жизнь англійскихъ городовъ, жизнь, въ которой съ одной стороны стоитъ высочайшее развитіе механической силы—источника всякихъ богатствъ и утѣхъ, а съ другой— такое же механическое состояніе самихъ людей, помогающихъ движенію этой силы; съ одной стороны—фабрикація того, что должно служить для лелѣянія, успокоенія и роскошной обстановки богатыхъ міра сего, а съ другой—трясущаяся отъ холода, гнѣвно посматривающая вокругъ себя, подавленная своей собственной безотрадностью нищета;—эта жизнь о которой нельзя подумать безъ того, чтобъ не припомнить слова Барбье:

O misère, misère!
Toi qui pris sur la terre
Encore tout en feu
L'homme des mains de Dieu...
. . . .
O mère de tristesse!
Ces chants sont un miroir
Où l'on pourra te voir
Dans toute ta détresse.
J'ai voulu que devant
Ton image terrible
L'homme le moins sensible
Le plus insouciant

*) Т. е. Это старая исторія, но она остается всегда новою,—кого же она задѣнетъ заживо, у того сердце разорвется пополамъ.

Put sentir et comprendre
A quels prix redoutés
La Providence engendre
Ses superbes cités *).

Бѣдный Барбье! Онъ хотѣлъ, чтобъ его пѣсни тронули самаго безчувственнаго человѣка; онъ хотѣлъ, чтобъ нищета, это, по его словамъ, «сухощавое и мрачное привидѣніе, которое слѣдитъ за человѣкомъ отъ колыбели до могилы, точно собака за собственной тѣнью», —навѣки оставила землю!—Да и не онъ одинъ хотѣлъ этого. Нигдѣ, можетъ быть, не раздавалось столько энергическихъ голосовъ въ пользу страждущаго человѣчества, какъ въ Англіи,—а прочитайте-ка книгу Фоше и посмотрите, какую пользу принесли эти голоса. Вы узнаете, что дѣти самыя маленькія продолжаютъ сидѣть за рабочими станками по тринадцати и четырнадцати часовъ въ день; что бываютъ бѣдныя увѣчныя женщины, нанимающія *половину постели*, не имѣя возможности платить за цѣлую; бываетъ и такъ, что на одной постели спятъ вмѣстѣ старики—отецъ и мать, двадцатилѣтній чахоточный сынъ, семнадцатилѣтняя дочь въ золотухѣ и маленькій ребенокъ.—Вы узнаете, что «въ Лондонѣ, посреди самыхъ богатыхъ кварталовъ, подъ окнами герцога Велингтона и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дворца королевы, подданные Викторіи ходятъ толпами и какъ паріи, изгнанные изъ своей касты, располагаются въ октябрьскую ночь на сырой землѣ подъ деревьями парка, а лондонская полиція, образцовая, крайне исполнительная, когда дѣло касается покровительства хорошо одѣтому джентльмену, его дому или его семейству, замѣчаетъ только по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, что въ какой-нибудь ямѣ въ Гайдъ-Паркѣ, умираютъ несчастные съ голоду и холоду».

«Вы мнѣ скажете, что это вообще участь всѣхъ большихъ столицъ,— но я васъ спрошу въ такомъ случаѣ: для чего эти большія столицы, развѣ нельзя обойдтись безъ нихъ? Вѣроятно нельзя, когда не обходятся, а между тѣмъ Фоше совершенно правъ, говоря, что «система,

*) Т. е. О, нищета, нищета! Ты, взявшая на землѣ человѣка изъ рукъ Бога въ то время, когда эта земля была еще въ первобытномъ огнѣ... О мать печали! Пѣсни мои — зеркало, въ которомъ ты отразишься во всемъ твоемъ отчаянномъ положеніи! Я хотѣлъ, чтобы самый нечувствительный, самый беззаботный человѣкъ, увидѣвъ твой ужасный образъ, почувствовалъ и понялъ, за какую страшную цѣну провидѣніе зарождаетъ великолѣпные города.

господствующая въ управленіи Лондона, есть конечно самый сильный доводъ, какой только можно привести противъ существованія такихъ огромныхъ столицъ, въ которыхъ собирается почти вся страна, и можетъ быть только для того, чтобы погибнуть».

Еслибъ рядомъ съ несчастнѣйшимъ положеніемъ бѣднаго класса, наблюдателю Англіи не представлялось отвратительное зрѣлище тучной аристократіи, какъ финансовой, такъ и породистой, смотрящей на все стоящее ниже ея, съ омерзительнымъ презрѣніемъ — то можетъ быть мысль объ этой мрачной сторонѣ англійской жизни не вызывала бы въ сердцѣ такого возмутительнаго чувства. А между тѣмъ, давленіе этою тучностью этой сухощавости — фактъ несомнѣнный; о существованіи его свидѣтельствуютъ всѣ очевидцы. Гейне выражается: такъ, говоря о лондонской нищетѣ: Эта нищета тѣмъ болѣе страшится дневного свѣта, чѣмъ сильнѣе противоположна она роскоши, блистающей повсюду: только голодъ иногда вызоветъ ее въ часъ обѣда изъ темнаго переулка и тутъ стоитъ она съ нѣмыми, но говорящими глазами, и умоляя смотритъ на богатаго купца, который, суетливо и брянча деньгами, спѣшитъ мимо, или на гордаго лорда, который, какъ сытый богъ ѣдетъ на высокой лошади и изрѣдка бросаетъ надменный взглядъ на вертящуюся у ногъ его толпу людей, какъ будто они ничтожные муравьи, или низшаго сорта творенья, которыхъ радость и печаль не имѣютъ ничего общаго съ его собственными чувствами... Потому что надъ этой нищетой, пресмыкающеюся на землѣ, англійскіе аристократы парятъ какъ созданія совсѣмъ иного рода, которыя смотрятъ на маленькую Англію, какъ на свою временную квартиру, на Италію — какъ на свой лѣтній садъ, на Парижъ — какъ на свою гостиную, на всю вселенную — какъ на свою собственность. Беззаботно и неограниченно парятъ они надъ черныю, и золото — ихъ талисманъ, осуществляющій ихъ безумнѣйшія желанія»... — «У клейменаго преступника въ сердцѣ — говоритъ онъ дальше — часто больше человѣчности, чѣмъ у этихъ холодныхъ, безукоризненныхъ джентльменовъ, въ сердцахъ которыхъ угасла сила зла, но угасла также и сила добра»...

Знаете ли, что мы опередили открытіями и изобрѣтеніями самые изобрѣтательные европейскіе народы? Не шутя. Они открыли, напр., телеграфы электрическіе, а мы изобрѣли даже телеграфы душевные. Имя изобрѣтателя душевнаго телеграфа неизвѣстно, но что онъ не

миѳъ, въ этомъ убѣждаетъ меня лежащая въ моихъ рукахъ книга, стоющая одинъ р. сер., напечатанная въ нынѣшнемъ году въ типографіи г. Спиридонова и К°, посвященная Николаю Алексѣевичу Гнѣдичу и называющаяся: Телеграфъ Душъ или Примѣненіе животнаго электромагнетизма къ способу говорить безъ слова, письма и мимики и узнавать темпераментъ, характеръ и свойства души человѣческой. Изобрѣтатель, какъ всѣ великіе люди, скромный, скрылъ свое имя; онъ назвалъ себя просто авторомъ «характеристики человѣка». Къ глубокому стыду моему я долженъ сознаться, что никогда не видѣлъ этой книги и даже не слыхалъ про нее, а между тѣмъ она, по всей вѣроятности, имѣла очень важное значеніе, такъ какъ, судя по словамъ самого автора, «трактатъ этотъ ограничился хиромантическимъ признакомъ, опредѣляющимъ характеръ человѣка». Трактатъ этотъ былъ изданъ еще въ 1839 г.,— значитъ литературная дѣятельность знаменитаго, но неизвѣстнаго философа началась уже давно. Въ эти 24 года онъ дошелъ до глубочайшихъ философскихъ открытій. Онъ собственнымъ умомъ дошелъ до убѣжденія, что человѣкъ замѣчателенъ между другими тварями, что онъ великъ, могуществен, силенъ и и властелинъ, что въ душѣ человѣческой существуютъ симпатія и антипатія, что родъ человѣческій раздѣляется на пять племенъ, что человѣкъ — всюду человѣкъ, что онъ родится, младенчествуетъ, мужаетъ, старѣетъ и умираетъ подъ вліяніемъ страстей, что всѣ люди болѣе или менѣе грѣшники, что характеры и темпераменты горячіе— рѣшительны, тверды и энергичны, а холодные — вялы, трусливы и мелочны, что страсти присущи всему человѣческому роду, но развиваются отъ условій воспитанія, что въ каждомъ человѣкѣ можно найдти дурную и хорошую сторону и т. п.

Всѣ эти истины, подобно всѣмъ великимъ истинамъ, ясны какъ день, но онѣ ничто въ сравненіи съ главною мыслью трактата. Эта главная мысль заключается въ томъ, что большею частью нашихъ дѣйствій управляетъ животный *электро-магнетизмъ*. Съ этимъ электро-магнетизмомъ авторъ носится на 130 страницахъ и до того проникается магнетическою матеріею, что самъ впадаетъ въ нѣкоторый родъ лунатизма: по крайней мѣрѣ, онъ говоритъ такія вещи, которыя могутъ быть понятны только человѣку, знакомому съ языкомъ духовъ, гномовъ и вообще неземныхъ существъ. Я изгрызъ себѣ ногти отъ желанія проникнуть въ смыслъ его откровенія — и рѣши-

тельно ни слова не понялъ. Только я уяснилъ себѣ, что всѣ мы надѣлены животно-электрическою матеріею, и что всѣ мы состоимъ на службѣ въ телеграфномъ управленіи по части душевныхъ сообщеній, — конечно безъ жалованья и даже безъ чиновъ. Не смотря на то, что я ни слова не понялъ изъ трактата ученаго телеграфиста, онъ все-таки убѣдилъ меня, что въ мірѣ все совершается подъ вліяніемъ тока животно-электрической матеріи. На этомъ основаніи я убѣжденъ въ томъ, что и трактатъ его — продуктъ животно-электрической матеріи.

Вотъ все, что я могу сообщить вамъ объ этомъ ученомъ сочиненіи. Разсказать вамъ содержаніе его, объяснить главную мысль автора, остановиться на подробностяхъ — для меня дѣло рѣшительно невозможное, потому что, еще разъ повторяю, хоть убейте меня, я ни слова не понимаю въ этой книгѣ. Можетъ быть, это происходитъ оттого, что у насъ съ авторомъ различные электро-магнитизмы, никакъ не могущіе разрядиться въ одно и то же время; но какая бы причина ни существовала, а результатъ тотъ, что «Телеграфъ Душъ» произвелъ на меня совершенно одуряющее дѣйствіе. Одно утѣшаетъ меня въ этомъ плачевномъ состояніи: это то, что, судя по всѣмъ признакамъ, и самъ авторъ ничего не понимаетъ изъ того, что написалъ. Животная электрическая матерія совершенно подавила его, и очевидно, онъ находится въ состояніи сомнамбулизма, или, какъ онъ самъ выражается, *самбулизма.*

Немало огорченъ я еще вотъ чѣмъ: я заплатилъ за книгу одинъ р. сер. собственно для того, чтобы выучиться телеграфировать посредствомъ душъ и впослѣдствіи получить мѣсто хоть бы душевнаго сигналиста. Оказалось, что весь этотъ трактатъ служитъ только вступленіемъ въ искусство переговариваться душами. Авторъ обѣщаетъ издать современемъ «сравнительную физіономику»; въ ней — говоритъ онъ — я укажу на сходство и несходство человѣка съ другими животными и растеніями въ предѣлахъ электро-магнитизаціи, ихъ отношенія и обоюдное вліяніе, и постараюсь открыть способъ разговора душъ безъ письма и слова, безъ ограниченія со стороны времени и пространства». И такъ, мнѣ приходится приготовить еще одинъ р. сер., — впрочемъ, о рублѣ истраченномъ я не сожалѣю. Я все-таки узналъ много прекрасныхъ вещей, — между прочимъ то, что можно придерживаться матеріальной теоріи, и въ то же время объяснять себѣ многія вещи текстами изъ св. писанія. Я узналъ, напримѣръ, что

мысль о вѣчности души образуется или, какъ говоритъ ученый авторъ, *вытекаетъ* чрезъ совокупленіе реальнаго электро-магнитизма съ раціональнымъ; что предчувствіе есть «провидѣніе приближающейся враждебной электро-магнитической матеріи»; что общественная жизнь человѣка «обусловливается въ жизни политической взаимнымъ отношеніемъ мужского пола, въ цѣляхъ общаго благосостоянія, гдѣ каждый живетъ взаимнымъ пособіемъ другого»; (вы поняли что-нибудь? то-то же!) что люди поступаютъ въ монастыри «съ соединенною цѣлью, чтобы истребить страсти, помыслы и желанія мірскія; т. е. *погрузившись въ чисто-духовную природу, отдѣлить отъ своего состава реальный электро-магнитизмъ*»; что дѣти «должны наслѣдовать тѣ жизненные элементы, кто изъ родителей имѣлъ болѣе вліянія на зачатіе плода и чье *настроеніе духа* (!!) преобладало въ моментъ онаго»; что животный электро-магнитизмъ и дьяволъ одно и то же. На стр. 7 ученый авторъ говоритъ: «злодѣянія, совершаемыя человѣкомъ *подъ вліяніемъ животнаго электромагнитизма*, разсчитанныя и продолженныя, ужасаютъ иногда самую природу и дѣлаютъ его кровожаднѣе звѣря и мстительнѣе дьявола, *по назначенію котораго* онъ накопляетъ въ своей организаціи адскія чувствованія злобы»; ясно изъ этого, что электромагнитизмъ и дьяволъ одно и то же; что «въ природѣ человѣческой существуютъ два типа: *реалисты* и *раціолисты* (такъ-таки въ трактатѣ и написано: *раціолисты*); что примѣрами этихъ двухъ типовъ служатъ два сына перваго человѣка (т. е. Каинъ и Авель; выходитъ, что всѣ реалисты—Каины, а раціолисты — Авели); что глаза тѣлесные, «смотря въ безпредѣльную лазурь неба, созерцаютъ тамъ его красоту съ миріадами свѣтилъ, и передаютъ это созерцаніе очамъ душевнымъ, которые уже тамъ зрятъ творца, ангеловъ и обители праведниковъ; они же заглядываютъ и въ мрачную бездну ада и служатъ иногда проводниками къ чарамъ сатаны»; (вотъ такихъ матеріалистовъ я люблю; на такихъ и г. Юркевичъ въ своихъ публичныхъ лекціяхъ не возстанетъ); что... Но я не хочу разсыпать предъ читателемъ всѣхъ сокровищъ этой книги; пусть онъ, подобно мнѣ, лишится рубля серебромъ, и наслажденіе его будетъ не меньше моего.

Что читатель насладится болѣе чѣмъ на цѣлковый — за это я ручаюсь; что онъ ничего не пойметъ — за это я еще болѣе ручаюсь. Чтобы приготовить его къ предвкушенію этого непониманія, я ра-

скрываю трактатъ наудачу и выписываю первую страницу, которая попалась мнѣ на глаза:

«Разсмотримъ двойственнаго человѣка по внутреннему и наружному устройству, по формѣ его, которая опредѣляетъ его въ половомъ отношеніи, общемъ другимъ твореніямъ руки Божіей; ибо половое влеченіе и жизнь общественная есть общая принадлежность организованныхъ существъ, даже и неорганическое сцѣпленіе атомовъ, соединяющихся въ массы, представляя какъ бы половое влеченіе, совершается электромагнетизмомъ; но наиболѣе она замѣтна въ человѣкѣ; ибо онъ наиболѣе нуждается въ пособіи другихъ не столько въ отношеніи средствъ пропитанія и сохраненія жизни, сколько въ отношеніи изліянія посредствомъ слова преизбыточествующихъ чувствъ своихъ другому подобному себѣ существу. Жизнь его общественная обусловливается въ жизни политической взаимнымъ отношеніемъ мужского пола, въ цѣляхъ общаго благосостоянія, гдѣ каждый живетъ взаимнымъ пособіемъ другого. Въ многолюдныхъ обществахъ эти отношенія стремятся къ мировому спокойствію, гдѣ представителемъ частности представляетъ себя цѣлое поколѣніе народа, и здѣсь уже забывается вражда индивидумовъ, ибо враждебное чувство антипатіи и миролюбивое чувство симпатіи здѣсь устремлены къ общимъ врагамъ или друзьямъ народа, гдѣ каждый членъ, забывая, себя, единодушіемъ сливается съ обществомъ, къ которому принадлежитъ».

Что, насладились на цѣлковый? — Еще бы! — А поняли что-нибудь? — Конечно, нѣтъ. Ну, вотъ такое дѣйствіе производитъ вся книга: и наслаждаешься, и ничего не понимаешь. Полагаю, что это происходитъ отъ усиленнаго дѣйствія животно-электрической матеріи...

Особеннымъ благоуханіемъ и прелестью отличается та часть, въ которой ученый авторъ, «слѣдившій за физіономикой около тридцати лѣтъ» и поэтому называющій себя «телеграфистомъ», — учитъ своихъ читателей искусству угадывать людей по различнымъ частямъ ихъ тѣла или, вѣрнѣе сказать, лица. Особенно хорошо то мѣсто, гдѣ онъ доказываетъ вліяніе носа на свойства души. «Носъ — говоритъ онъ — въ отношеніи животнаго электро-магнитизма разсматриваемый, равно какъ и слухъ, наиболѣе развиты въ нѣкоторыхъ безсловесныхъ животныхъ, въ человѣкѣ опредѣляетъ самые тончайшіе атомы, плавающіе въ атмосферѣ, которые передаютъ душѣ, приводя ее то въ увеселяющее, то въ одурманивающее, то въ усыпляющее состояніе».

Весьма недурны тоже слѣдующія строки, относящіяся также къ носу:

«Если физіономистъ желаетъ принять за признаки характеристическіе носъ, то вѣрнѣе всего онъ можетъ почерпать ихъ изъ присущаго источника, т. е. изъ народнаго типа, къ которому могъ подходить наблюдаемый имъ субъектъ, по виду и формѣ своего носа и лица, какъ напр. приписывать ему ха-

рактеръ и свойства души извѣстнаго какого-либо историческаго народа, подъ типъ котораго онъ подходитъ: ибо генеалогія каждаго человѣка имѣетъ свое начало отъ родоначальника его, который можетъ быть былъ выходецъ изъ страны совершенно чуждой той странѣ, на которой обитаетъ его потомокъ, *утратившій родословное дерево* и нѣкоторыя свойства предковъ, привившись къ чужой почвѣ и климату.

Насладились? — Еще бы! — Ничего не поняли? — Еще бы.

Одинъ мой знакомый, истратившій, подобно мнѣ рубль сер. на покупку «Телеграфа Душъ», и человѣкъ чрезвычайно раздражительный, ужасно разсердился, прочтя этотъ трактатъ и назвалъ изданіе его безсовѣстнымъ шарлатанствомъ. Я смѣю честью увѣрить его, что онъ въ крайнемъ заблужденіи. Стоитъ хладнокровно прочесть двѣ-три страницы «Телеграфа Душъ», чтобы убѣдиться, что о шарлатанствѣ тутъ и помину не было. Авторъ искрененъ, какъ младенецъ. Онъ дѣйствительно самъ не понимаетъ что говоритъ, и думаетъ, что говоритъ дѣло. Это бываетъ, особенно когда на человѣка сильно дѣйствуетъ животно-электрическая матерія.

Та самая типографія, изъ которой вылетѣлъ на свѣтъ «Телеграфъ Душъ», дала жизнь и другой прелестной книжкѣ, съ которой я уже вскользь познакомилъ васъ: это — «Голосъ самоучки Молодой Россіи, И. А. К.—Силоамскаго». Теперь г. Каткову приходится въ уныніи закрыть свое лицо и посыпать главу, какъ свою собственную, такъ и г. Леонтьева, пепломъ; ихъ перещеголяли въ остроуміи; они выдумали слово *свистунъ*, а г. Силоамскій пошелъ дальше и придумалъ *пѣтуховъ*. Молодецъ г. Силоамскій! Трактатъ его — перлъ въ своемъ родѣ; кто желаетъ отъ души посмѣяться, пусть купитъ этотъ перлъ, тѣмъ болѣе, что онъ стоитъ всего 30 к. сер. Какъ напримѣръ, не расцѣловать г. Силоамскаго, не назвать его душкой уже за одно предисловіе, которое у него называется *объясненіемъ* и состоитъ изъ слѣдующихъ строкъ:

«Приступая къ воплощенію своихъ идей, я прежде всего долженъ былъ рѣшить вопросъ: можно ли человѣку стать на арену литературнаго ѳеатра, чтобъ не приготовить себя къ отвѣту тысячей вопросовъ? Нѣтъ, этого нельзя, — нужно отвѣтить. Поэтому и страшно, даже очень страшно, выходить на эту арену. Каждый авторъ, желая воплотить свои идеи, предварительно долженъ приготовить себя къ всемірному суду. Магистры, профессоры и студенты, въ своемъ родѣ, менѣе подвержены критикѣ: они, стоя на трибунахъ состязанія диспута, рѣшая конкурсъ и защищая диссертацію, отвѣчаютъ только десяткамъ или много сотнямъ слушателей, но явиться на аренѣ литературнаго ѳеатра — это великое дѣло! — Здѣсь предстоитъ тьма вопросовъ, коментарій

и критическихъ разборовъ, а также порицаній, похвалъ. Но какъ исторіею доказано, что ни одинъ изъ великихъ людей не могъ прожить безъ своего непремѣннаго спутника — *ошибки* (разумѣется, въ разныхъ видахъ), то на этомъ только основаніи и можно мельчайшему — назвать попросту молью — человѣку выдвинуться на арену литературы. По этому соображенію и я себѣ дозволилъ высказать свои мысли, касающіяся современности, но только придерживаясь за якорь правды и закона, и положилъ строжайшій принципъ быть неприкосновеннымъ къ косвеннымъ фантазіямъ, и не излагать ихъ въ духѣ алармиста, а смотрѣть съ нормальной точки. Этимъ только и можно ежели не избавиться порицаній и прочаго, то по крайней-мѣрѣ завербоваться въ ряды патріотовъ; а въ ряды патріотовъ могутъ стать всѣ, кто только любитъ свое отечество и желаетъ блага ему, тѣмъ болѣе, что теперь Россіи открыта дорога къ достиженію блага, открыта дорога и журналистикѣ идти къ благимъ цѣлямъ, но никакъ не сбиваться въ сторону, могущую привести къ гибельнымъ результатамъ. Смотря на ходъ современной журналистики, легко можно замѣтить отсутствіе благихъ цѣлей; она во многомъ идетъ не тѣмъ путемъ, которымъ должно, — почему я и беру тему *литературнаго суда*. Но это только легчайшій взглядъ на современную журналистику и на ея дѣйствія съ нѣкоторыми приложеніями, дальнѣйшія же наблюденія впереди».

Далѣе слѣдуютъ не менѣе драгоцѣнныя страницы. Во 1-хъ авторъ желаетъ, чтобъ «писатели были такъ строги къ своему творенію, какъ фотографія». Во 2-хъ, авторъ негодуетъ на петербургскую литературу за то, что она нападаетъ на Москву. Въ 3-хъ, авторъ находится «въ опасеніи и за Донскаго Димитрія, за Сухорукаго Кузьму Минина, за Суворова Александра Васильевича, за благословеннаго Александра I, дабы и они, не смотря на ихъ великія дѣла, не попали подъ судъ на нихъ современныхъ пѣтуховъ». Въ 4-хъ, авторъ находитъ съ удовольствіемъ, что «во второй половинѣ XIX вѣка наша литература (благодаря неусыпному попеченію правительства) точно изъ гроба воскресла или изъ тысячилѣтняго заключенія освободилась». Въ 5-хъ, авторъ не понимаетъ, какъ смѣютъ «трубить въ трубу гласности» и учить русь такіе «строчилы», которые живутъ «съ голубями въ одномъ этажѣ». Въ 6-хъ, авторъ желаетъ, чтобы писатели, между прочимъ, позаботились, какъ бы помочь тому горю, чтобъ зимой можно было получить въ Москвѣ дрова восьмивершковыя дешевле 25 р. за сажень». Въ 7-хъ, авторъ съ гордостью объявляетъ, что онъ ученикъ пономаря. Въ 8-хъ, онъ убѣжденъ, (тѣмъ болѣе, что ему говорилъ это *одинъ* изъ почтенныхъ особъ), что «Великоруссъ» и «Молодая Россія» написаны покойнымъ Иваномъ Яковлевичемъ Корейшой, а изданы Марфушей Въ 9-хъ...

Но я лучше остановлюсь. Я чувствую, что все это въ моемъ изложеніи выходитъ вяло и безцвѣтно. Никакія человѣческія слова не въ состояніи передать всѣ грамматическія и логическія прелести, щедрою рукою разсыпанныя въ сочиненіи г. Силоамскаго. О прелестяхъ грамматическихъ вы можете судить уже по одному предисловію. Что касается до прелестей логическихъ, то вотъ для примѣра одна. Авторъ разсуждаетъ о «Великоруссѣ» и «Молодой Россіи» и говоритъ: «Если нѣкоторые будутъ держаться мнѣнія, что Великоруссъ», и «Молодая Россія» принадлежатъ редактору «Прерванныхъ Разсказовъ», «Полярной звѣзды», «Колокола» и другихъ безпаспортныхъ изданій, то это было бы смѣшно и необдуманно... Почему же такъ, спросятъ»?

Пари держу, что вы ни за что не догадаетесь, что отвѣтитъ на это г. Силоамскій. А онъ, милѣйшій человѣкъ, отвѣчаетъ вотъ что: «А потому, что съ этимъ колоссомъ, нашимъ народомъ, шутить опасно; онъ вѣдь у насъ эгоистъ, да притомъ и грубъ, и свирѣпъ, какъ Юпитеръ. Сатурнъ пожралъ своихъ дѣтей для того, чтобъ не перешло въ ихъ руки его правленіе; столь же плевое дѣло и для нашего народа поступать посатурновски съ этими социалистами—демогогами и ихъ братіей».

Я ничего не знаю прелестнѣе этой логической связи, — за однѣ эти строки можно заплатить 30 к. сер.

Николай Филипповичъ Павловъ былъ совершенно правъ, когда говорилъ въ своемъ объявленіи, что теперь въ его смыслѣ говорятъ столько голосовъ, что онъ боится остаться назади. И въ самомъ дѣлѣ, сколько голосовъ! Уже такіе два, какъ *Голосъ* г. Краевскаго и *Голосъ* г. Силоамскаго чего стоятъ. Николай Филипповичъ можетъ съ гордостью сказать себѣ, что онъ создалъ цѣлую школу. Въ этомъ смыслѣ книжка г. Силоамскаго имѣетъ для меня важное значеніе: я радуюсь за литературу, въ которой могутъ появляться такія произведенія. Рекомендую этотъ трактатъ просвѣщенной редакціи «Черниговскихъ Епархіальныхъ вѣдомостей». Для непонимающихъ смысла этой рекомендаціи считаю долгомъ пояснить слѣдующее: къ просвѣщенной редакціи означенной газеты нѣкоторые изъ подписчиковъ ея обратились съ просьбою указать имъ на самые лучшіе журналы. Просвѣщенная редакція отвѣчала, что изъ духовныхъ журналовъ она рекомендуетъ «*Домашнюю Бесѣду*», а изъ свѣтскихъ — «*русскій Вѣстникъ*», «*День*» *и* «*Сѣверную Почту*».—Теперь она можетъ разослать въ видѣ преміи *Голосъ самоучки молодой Россіи*.

Но Бога ради не думайте, что сочиненіе г. Силоамскаго имѣетъ

въ себѣ малѣйшую долю серьезности. Это просто невинный лепетъ шаловливаго младенца, который еще не учился ни грамматикѣ, ни логикѣ, насосался идей Н. Ф. Павлова и комп. и шевелитъ губками, на которыхъ это прекрасное молоко еще не обсохло. Агу, агу, г. Силоамскій! Паюшка, цаца мальчикъ!.. Учись, батюшка, учись, авось изъ тебя второй Викторъ Ипатьевичъ выйдетъ...

Гигіена и физіологія брака, естественная исторія мужчины и женщины; специальная гигіена беременной женщины и новорожденнаго младенца. Соч. Д. Дебэ, Переводъ съ французскаго. Таково заглавіе книги, которая появилась въ одно время, въ разныхъ переводахъ, въ Петербургѣ и въ Москвѣ, и сбытъ которой идетъ на всѣхъ парусахъ. Это послѣднее обстоятельство отнюдь не удивительно. Названная нами книга принадлежитъ къ разряду тѣхъ, которыя русская читающая публика встрѣчаетъ съ особымъ благоголеніемъ. Плѣшивые старички, замирающіе въ первыхъ рядахъ креселъ во время балетныхъ представленій, юные кадеты и гимназисты, молодыя созданія женскаго рода съ эротическими наклонностями — найдутъ въ этой книгѣ обильную, усладительную пищу. Довольно сказать, что петербургское изданіе ея принадлежитъ г. Д, Федорову, чтобы читатели поняли, что заключается въ этой книги, которой было бы всего приличнѣе явиться подъ такимъ, напримѣръ, заглавіемъ: «*Любострастные разсказы и эротическія разсужденія, собранныя для возбужденія игривыхъ мыслей и пожеланій въ старичкахъ и юношахъ*».

Авторъ тоже, какъ видно человѣкъ игривый и на счетъ «клубнички» весьма опытный. Онъ знаетъ такія вещи, какія намъ съ вами, читатель, можетъ быть и въ голову не приходили. Поэтому для *любознательнаго* читателя книга г. Дебе — просто кладъ. Одно оглавленіе заставляетъ предвкушать неописанныя утѣхи, — и я проклинаю мою стыдливость, препятствующую мнѣ подѣлиться съ моими читателями подробностями какъ этого оглавленія, такъ и самой книги... Впрочемъ, мое изложеніе не привело бы къ какимъ-нибудь особеннымъ результатамъ, — потому что вся прелесть сочиненія состоитъ именно въ способѣ изложенія, который я не могу назвать иначе, какъ лирико-медицинско-эротическимъ. Искренно рекомендую эту книгу г. Всеволоду Крестовскому; она можетъ послужить ему сюжетомъ для нѣкоторыхъ переложеній, которыя будутъ какъ нельзя болѣе кстати въ его «Испанскихъ мотивахъ» или для составленія новой физіологіи—физіологіи любви во всевозможныхъ пріемахъ.

П. П.

ПОЛИТИКА.

Америка. Театръ войны въ началѣ и въ концѣ 1862 года. — Пагубная осторожность Макъ-Клеллана. — Фарсъ, выкинутый сепаратистами и пораженіе ихъ при Antietam'ѣ — Партіи республиканская и демократическая и изысканная вѣжливость послѣдней къ палачамъ негровъ.—Измѣнчивость военнаго счастія.—Суда, блиндированныя хлопкомъ. — Успѣхи эмансипація невольниковъ.—Прокламація Линкольна и ядовитыя насмѣшки надъ нею нѣкоторыхъ европейскихъ журналовъ, сочувствующихъ рабовладѣльцамъ. — Италія. Раттацци — довѣренный большинства палаты, партіи дѣйствія Людовика Наполеона и Виктора Еммануила.—Проектъ его относительно перенесенія итальянской революціи изъ Италіи въ Грецію и Венгрію.—Союзъ республиканизма съ роялизмомъ и имперіализмомъ.— Уничтоженіе плана Раттацци. — Обида, нанесенная народу, и скрѣпленіе дружбы двухъ монарховъ. — Крестовый походъ въ Римъ. — Тираннія, не нуждающаяся въ солдатахъ, и популярное правительство, принужденное для поддержанія своей популярности прибѣгнуть къ военной силѣ. — Торжество Раттацци и его паденіе.—Что теперь дѣлаетъ Гарибальди?—Внутреннее положеніе Италіи.

Страшная война, обливающая Соединенные Штаты потоками крови, есть только эпизодъ той вѣковой драмы, которая разыгрывается на сценѣ исторіи между рабовладѣльцами и невольниками. Экспедиціи, марши, контрмарши, кровавыя стычки и сраженія суть только послѣдствія этого чудовищнаго явленія.—А между тѣмъ, когда вся публика съ жаднымъ вниманіемъ слѣдитъ за ходомъ американской войны, только немногихъ занимаетъ настоящая причина этой борьбы. Быть можетъ, даже нѣкоторые изъ наивныхъ читателей журналовъ и изъ записныхъ политиковъ, болѣе или менѣе искусныхъ, полагаютъ начало этой страшной рѣзни въ какомъ-нибудь вопросѣ, касающемся тарифа, и видятъ въ основаніи ея только пеньсильванское желѣзо и ловельскія бумажныя ткани. Эти невинные философы въ колпакахъ не знаютъ роковой причины, которая въ продолженіе почти двухъ лѣтъ погубила столько тысячь храбрыхъ людей, потопила въ морѣ столько кораблей, наполненныхъ моряками и солдатами, и обратила въ пустыни столько земель, ужасающихъ теперь путешественника видомъ разрушенныхъ городовъ и истребленныхъ жатвъ. Такъ какъ умъ человѣческій судитъ о важности причинъ только по

ихъ дѣйствіямъ и узнаетъ справедливость только вслѣдствіе страшныхъ рѣшеній судьбы, то бросимъ взглядъ на ходъ американской войны и ея ближайшія послѣдствія.

Въ началѣ 1862 года простодушное и чистое объясненіе президента Линкольна, приправленное ироніей министра Сьюарда, вызвало на уста лорда Пальмерстона наглыя угрозы и побудило г. Тувенеля сочинить хитросплетенныя замѣчанія, исполненныя дидактики и льстиваго коварства. Американская республика, которую Франція и Англія готовы были сдѣлать своею жертвою, вышла изъ этой борьбы съ достоинствомъ, еще болѣе гордая и страшная, и эти грубые Янки, повидимому лишенные всякаго свѣтскаго такта, съумѣли, къ великой своей выгодѣ, дать урокъ вѣжливости и хорошаго вкуса изношеннымъ дипломатамъ Парижа и Лондона.

Несмотря на это дипломатическое торжество, внутреннее положеніе Соединенныхъ Штатовъ оставалось крайне опаснымъ. Правда, корабли Сѣвера съ успѣхомъ начали блокаду южныхъ береговъ; но зато рѣка, на которой находится Вашингтонъ, сама блокировалась непріятелемъ, и федеральныя суда могли пробираться въ столицу республики только тайкомъ, ночью, потушивъ у себя огни. На берегахъ огромной территоріи рабовладѣльцевъ, уніонисты занимали только двѣ точки, отдѣленныя одна отъ другой сотнями миль: архипелагъ Портъ-Ройальскій и островъ Пиккенсъ, напротивъ Пенсаколы. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ, сепаратисты, безпрепятственно владѣя прибрежьемъ, укрѣпляли свои форты и сооружали флотиліи. Миссисипи, эта великая артерія материка, принадлежала имъ отъ устьевъ Огайо до самаго моря, т. е. по всему тому протяженію, которое имѣетъ большое значеніе торговое и политическое. Рабовладѣльцы держали въ рукахъ своихъ Новый Орлеанъ, этого стража великой рѣки, и направляли пять сотъ пушекъ на море, чтобы встрѣтить выстрѣлами флотъ, который осмѣлится показаться въ виду этого города. На сушѣ, они почти вездѣ играли роль нападающихъ, и даже занимали высоты, находящіяся въ виду Вашингтона, и народные ораторы въ залахъ самаго конгресса могли слышать отвѣтъ на свои рѣчи, посылаемый пушками Борегара. Далѣе, на сѣверѣ, войска сепаратистовъ дѣлали время отъ времени вторженія по ту сторону Потомака и пересѣкали желѣзную дорогу изъ Балтимора въ Огайо; наконецъ, благодаря содѣйствію мѣстныхъ жителей, они захватили большую часть двухъ штатовъ, Кентукки и Миссури, которые не

отпали отъ союза оффиціально. Въ одномъ изъ своихъ посланій, президентъ мятежниковъ, Джефферсонъ Дэвисъ, могъ, немного искажая истину, объявить, что почва его отечества еще не была осквернена стопами непріятеля.

Теперь положеніе дѣлъ измѣнилось значительно. Хотя судьба часто была неблагопріятна оружію федералистовъ, и хотя ихъ генералы, вслѣдствіе взаимной зависти, несогласій и неопытности, нерѣдко пропускали благопріятные случаи для рѣшительныхъ побѣдъ, однако территорія рабовладѣльцевъ окончательно подверглась нападенію федеральныхъ войскъ на всѣхъ пунктахъ. Двѣнадцати мѣсяцевъ достаточно было для завладѣнія цѣлой трети союза южныхъ штатовъ. Столица Уніи уже болѣе не блокируется баттареями мятежниковъ. Штаты: Западная Виргинія, Мэрилендъ, Кентукки, Миссури, представлявшіе еще въ началѣ 1862 года одно обширное поле сраженія, оспариваемое противниками другъ у друга, теперь снова присоединены къ сѣверному союзу, которому прежніе измѣнники спѣшатъ присягнуть въ вѣрности. Теперь главный театръ войны отодвинулся болѣе на югъ, въ Сѣверную Каролину, Тенессу, Арканзасъ. Обширныя территоріи на западѣ: Новая Мексика, Аризона, Колорадо, снова сдѣлались землями свободными; желѣзныя цѣпи, которыя протянуты были поперекъ рѣки, ниже Новаго Орлеана, разбиты остріями федеральныхъ судовъ; наконецъ, Миссиссипи, котораго полное обладаніе обезпечило бы за союзниками сѣвера окончательную побѣду надъ мятежниками, теперь на всемъ своемъ протяженіи бороздится флотиліями Уніи, защищаемый со стороны сепаратистовъ только двумя укрѣпленными городами, Портъ-Гудсономъ и Виксбургомъ. Развѣ эти два города не могутъ быть взяты? На этотъ вопросъ отвѣтятъ храбрость и настойчивость федералистовъ.

Читатели *Русскаго Слова* знакомы съ судьбою, какую имѣла война въ продолженіе первой половины 1862 года. Имъ извѣстны: осада и сдача фортовъ Генри и Донельсона, воздвигнутыхъ сепаратистами на самой территоріи Кентукки; взятіе важнаго города Гашвилля, столицы Теннесси; страшная высадка при Питтсбургѣ, гдѣ двадцать пять тысячь человѣкъ частію лишились жизни или свободы, частію превратились въ калѣкъ; взятіе федеральнымъ флотомъ, во время плаванія внизъ по Миссиссипи, цѣлаго ряда укрѣпленій, одного за другимъ: Колумба, острова N 10, форта Пило, Мемфиса; геройское дѣйствіе канонерскихъ лодокъ, которыя стали на шпрингъ

передъ Новымъ Орлеаномъ, пробравшись чрезъ устье Миссисипи подъ градомъ бомбъ и ядеръ; драматическая борьба Монитора съ Меримакомъ, предвѣщавшая, къ несчастію, новый и страшный прогрессъ въ искусствѣ истребленія людей массами.

На этомъ остановились сообщенныя нами извѣстія объ американской войнѣ. Благодаря Монитору и другимъ броненоснымъ судамъ, стоявшимъ на стражѣ у берега, маршалъ Макъ-Клелланъ, которому поручено было сдѣлать нападеніе на Ричмондъ, могъ расположить свою армію на болотистомъ полуостровѣ, пересѣкаемомъ рукавами моря, широкими и глубокими рѣками и рвами, покрытыми трясиной. Всѣ его солдаты преобразованы были въ понтонеровъ; они не могли сдѣлать ни шагу впередъ, ни двигать своихъ орудій, не укрѣпивъ предварительно подъ своими ногами почвы настилками изъ срубленныхъ деревъ и не устроивъ мостовъ для перехода чрезъ болотистыя озера. Въ продолженіе этого времени, мятежники, защищаемые безчисленными естественными ретраншементами, оспаривали у федералистовъ каждую переправу черезъ рѣку, каждый переходъ въ лѣсу. Но федеральная армія состояла изъ людей столько же твердыхъ, сколько и храбрыхъ. Она овладѣла сильными укрѣпленіями Іорка, одержала побѣду при Вилліамсбургѣ и сражаясь, перешла широкую иловатую рѣку Шиккагомини. Еслибъ генералъ Макъ-Клелланъ не отличался излишней осторожностью, то, вѣроятно, его армія, устремившись впередъ, взяла бы городъ Ричмондъ. Но Макъ-Клелланъ, черезчуръ благоразумный, предпочелъ остановиться и потребовать подкрѣпленій, которыя не могли быть ему доставлены. Онъ дождался только появленія тифа и холеры, и когда треть его войска лежала въ лазаретѣ, а остальные солдаты подверглись нападенію непріятелей, вдвое болѣе значительныхъ силами, тогда онъ увидѣлъ, что нѣтъ болѣе никакой надежды на успѣхъ. Сдѣлавъ внезапный поворотъ фланга, онъ заставилъ свою армію совершить семидневный походъ, въ продолженіе котораго дано было семь сраженій. Правда, этотъ походъ можетъ считаться стратегическимъ движеніемъ, обдуманнымъ и совершеннымъ какъ нельзя лучше, но тѣмъ не менѣе онъ ничто иное, какъ отступленіе. Это было началомъ ряда неудачъ, почти безпрерывнаго, тянувшагося въ продолженіе второй половины 1862 года.

Освобожденные отъ всякой заботы относительно участи своей столицы и наивно предполагая, что можно эффектной выходкой разомъ

покончить все дѣло, сепаратисты рѣшились перенести войну на самую территорію своихъ враговъ и устремиться къ крайнимъ пунктамъ страны, въ Вашингтонъ, Бальтиморъ, Филадельфію, даже въ Нью-Іоркъ и Цинциннати. Оставивъ позади себя войска Макъ-Клеллана, изнуренныя и страшно уменьшившіяся отъ лихорадокъ, они снова являются въ виду Вашингтона, неожиданно нападаютъ на армію генерала Попе и разбиваютъ его на томъ самомъ полѣ сраженія при Булльсрёне, которое уже разъ имѣло роковое значеніе для оружія республики. Потомъ переходятъ черезъ Потомакъ и проникаютъ въ Мэрилендъ, даже въ Пенсильванію, между тѣмъ какъ на западѣ отъ Аллегановъ другіе мятежники усиленнымъ маршемъ направляются къ Огайо. Уже паническій страхъ распространяется въ большихъ городахъ Сѣвера и всѣ жители, способные носить оружіе, призываются на защиту отечества. Надо было какъ можно скорѣе принять мѣры къ отвращенію опасности. Между тѣмъ Макъ-Клелланъ, съ упорствомъ отчаянія, оставался въ своихъ болотахъ и не хотѣлъ возвратиться, не смотря на приказанія, которыя посылались къ нему, въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, одно за другимъ, и президентомъ, и военнымъ министромъ. Наконецъ, однакожъ, онъ рѣшился снова повести свои войска на «театръ войны» и одержалъ ими кровавую побѣду при Antietam'ѣ. Эта побѣда заставила сепаратистовъ отступить за линіи, которыя они занимали прежде. Въ то же время войска генерала Буэлля очистили отъ непріятеля Кентукки, которымъ было завладѣли мятежники, и освободили отъ опасности Гашвилль, подвергшійся блокадѣ и считавшійся уже погибшимъ.

Федералисты снова стали дѣйствовать наступательно, сепаратисты оборонительно.

Въ это самое время въ сѣверныхъ Штатахъ происходило избраніе членовъ въ палату представителей. Партія, нагло присвоившая себѣ названіе демократической, и въ то же время глубоко уважавшая рабство негровъ, какъ учрежденіе, по ея понятію, благородное, единодушно вотировала въ пользу кандидатовъ, которые хотя и требовали продолженія войны, но оспаривали у президента право коснуться невольничества, «этого краеугольнаго камня общества». Не столь многочисленные, какъ республиканцы, которые желаютъ возстановленія Уніи во что бы то ни стало, и готовы для этой цѣли пожертвовать неволею негровъ, демократы избрали, однакожъ, довольно значительное меньшинство членовъ, способное поколебать единодушіе, столь

необходимое для народа во время тяжкой борьбы. Гордясь торжествомъ своей партіи, демократъ Макъ-Клелланъ отказывался преслѣдовать побѣду надъ непріятелемъ и дать новое сраженіе своимъ друзьямъ, рабовладѣльцамъ юга. Необходимо было его отставить и назначить на его мѣсто другого главнокомандующаго, котораго и избрали изъ деликатности въ рядахъ демократической партіи.

Первыя дѣйствія новаго полководца, Бёрнсайда, не были счастливы. Онъ открытою силою перешелъ Раппаганокъ, составляющій теперь такую же спорную рѣку, какою прежде былъ Потомакъ; но, по отсутствію единства—этому главному недостатку американскихъ войскъ,—онъ претерпѣлъ пораженіе передъ укрѣпленіями, которыя воздвигнуты были мятежниками позади Фридериксбурга. Потерявъ несколько тысячъ человѣкъ, онъ долженъ былъ отступить и снова переправиться черезъ рѣку, ночью. Но, по крайней мѣрѣ, его войска отступали въ стройномъ порядкѣ, сепаратисты не осмѣлились ихъ преслѣдовать и послѣ того въ этомъ самомъ мѣстѣ уже не оставляли своего оборонительнаго положенія.

Въ Теннесси участь оружія была болѣе благопріятна для федералистовъ. Мятежники, не отчаяваясь взять Гашвилль, пытались обойдти армію генерала Розенкранца, расположенную на юговостокѣ отъ этого города, близъ Мёфрисбору. Они сначала имѣли удовольствіе напасть въ расплохъ на одну бригаду, взять нѣсколько баттарей и дать разгулъ чувству мести, разстрѣливая значительное число негровъ, попавшихся въ ихъ руки; но послѣ пяти дней, проведенныхъ въ разныхъ стычкахъ и сраженіяхъ, въ продолженіе которыхъ пало двѣнадцать тысячъ человѣкъ, сепаратисты, окончательно разбитые, должны были отступить. Въ то же время федеральныя войска испытали въ Виксбургѣ на Миссисипи такую же неудачу, какъ и при Фридериксбургѣ на Раппаганокѣ.

Генералъ Шерманъ, увлекаемый желаніемъ покрыть себя славой, черезчуръ поспѣшилъ аттакой города. Онъ выстроилъ свои штурмовыя колонны на берегахъ болота, которое нужно было перейдти, погружаясь въ воду по самый поясъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ взобраться на утесъ, въ сто футовъ вышины, защищаемый баттареями въ нѣсколько рядовъ. Вся храбрость солдатовъ Уніи, поведенныхъ въ аттаку, не въ состояніи была преодолѣть такія препятствія. Претерпѣвъ значительныя потери, федералисты должны были отступить, оставивъ своихъ мертвыхъ въ болотѣ и на скатѣ утеса. Генералъ

Шерманъ, который во время сраженія пять разъ мѣнялъ свой планъ, лишился начальства надъ войсками, а его преемникъ, генералъ Макъ-Клернандъ, долженъ былъ, для возстановленія духа арміи, уйдти съ своими солдатами, чтобы доставить имъ случай одержать легкую побѣду надъ мятежниками въ Аркансасѣ.

Но это не все еще. Уніонистамъ пришлось претерпѣть неудачу и на морѣ, на которомъ они господствовали. Перваго января ихъ канонерскія лодки, спокойно стоявшія на якорѣ въ Гальвестонскомъ заливѣ, въ Техасѣ, застигаются въ расплохъ флотиліею изъ судовъ, блиндированныхъ тюками хлопчатой бумаги. Адмиральскій корабль федералистовъ взрываетъ себя на воздухъ, два другіе спасаются бѣгствомъ, четвертый дѣлается добычей рабовладѣльцевъ, потерявъ почти всѣхъ своихъ защитниковъ. Этотъ корабль, попавшій въ руки сепаратистовъ, теперь промышляетъ корсарствомъ въ Мексиканскомъ заливѣ.

И такъ, хотя театръ войны мало по малу отодвинулся на югъ, но сраженія, происходившія въ теченіе послѣднихъ шести мѣсяцевъ минувшаго года, большею частію имѣли результатъ неблагопріятный для оружія сѣвера. А между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что положеніе мятежниковъ стало значительно хуже, тогда какъ дѣло федералистовъ на столько же подвинулось впередъ: ибо невольничество, настоящая причина этой борьбы, все болѣе и болѣе принуждено отступать. Вездѣ, гдѣ это гнусное учрежденіе исчезаетъ, прекращается и самая война, подобно тому, какъ потухаетъ пожаръ, за недостаткомъ горючихъ матеріаловъ. Такимъ образомъ Миссури, гдѣ масса населенія состоитъ изъ усердныхъ аболиціонистовъ; Мэрилендъ, гдѣ плантаторы соглашаются принять за своихъ невольниковъ выкупъ, и Нижняя Люизіана, гдѣ эмансипація негровъ уже совершена на дѣлѣ,— теперь находятся внѣ всякой опасности отъ гражданской войны. Зато Кентукки, гдѣ невольничество признается главнымъ закономъ божескимъ и человѣческимъ, все еще наполненъ вооруженными шайками. Пламенный патріотизмъ мятежниковъ соразмѣряется съ числомъ Африканцевъ и Африканокъ, которые находятся въ ихъ власти. Рабовладѣльцы держатъ въ одной рукѣ кнутъ, а въ другой ружье. Отымите у нихъ орудіе пытки — и они сами бросятъ орудіе войны. Ихъ отечество главнымъ образомъ заключается не въ странѣ ихъ предковъ, какъ говорятъ они, но въ насиліи противъ негровъ. Уничтожьте это насиліе — и тогда не будетъ болѣе преступной земли.

Съ освобожденіемъ послѣдняго раба, перестанетъ быть мятежникомъ послѣдній господинъ: онъ тогда будетъ побѣжденъ.

Въ этомъ отношеніи, минувшій годъ представляетъ неимовѣрные успѣхи, и мы съ радостью можемъ указать на него, какъ на одинъ изъ великихъ этаповъ человѣчества на пути къ будущей эрѣ справедливости и мира. Еще въ началѣ 1862 года президентъ Линкольнъ объявилъ, что единственная его цѣль заключается въ возобновленіи Уніи. Что же касается негровъ, то онъ ограничился только совѣтомъ признать республики Гаити и Либерію, принять рѣшительныя мѣры къ прекращенію торговли невольниками и устроить поселенія изъ освобожденныхъ рабовъ. Въ его глазахъ, невольничество, какъ учрежденіе согласное съ конституціею, было еще предметомъ священнымъ, до котораго онъ не рѣшался коснуться, подобно тому, какъ еврей не рѣшился бы задавить змѣю, забравшуюся въ кивотъ завѣта. Съ своей стороны, генералъ Галлекъ, примѣру котораго послѣдовала большая часть другихъ генераловъ Уніи, запретилъ бѣглымъ невольникамъ переходить въ предѣлы сѣвернаго союза и предоставлялъ этихъ несчастныхъ бѣглецовъ нѣжному состраданію ихъ господъ. Наконецъ, штатъ Иллиноисъ принялъ полицейскія мѣры, осуждавшія мѣстныхъ свободныхъ негровъ къ настоящему рабству. Стараясь, съ оружіемъ въ рукахъ, подавить мятежъ, уніонисты въ то же время оправдывали его своею снисходительною терпимостью ко всѣмъ владѣльцамъ рабовъ. Грубые демократы-янки исполнены были изысканной вѣжливости ко всѣмъ палачамъ несчастныхъ рабовъ.

Послѣ того событія быстро смѣнялись одно другимъ, въ идеяхъ также произошелъ переворотъ, и истина вышла на свѣтъ. Законы, изъ которыхъ каждый современемъ могъ бы нанести смертельный ударъ невольничеству, постепенно вотировались одинъ за другимъ и приводились въ исполненіе съ большею или меньшею быстротою. Округъ Колумбія, т. е. территорія, непосредственно окружающая Вашингтонъ, носилъ еще пятно безчестія, имѣя въ предѣлахъ своихъ три тысячи невольниковъ, и ораторы конгресса, говорившіе краснорѣчиво о независимости и свободѣ, могли съ своихъ скамеекъ слышать крики негровъ, которые въ недальнемъ разстояніи подвергались истязанію. Теперь эти три тысячи рабовъ выкуплены на волю и столица республики сдѣлалась наконецъ мѣстомъ свободнымъ.

Согласно американской конституціи, конгрессъ имѣлъ право уничтожить невольничество только въ округѣ Колумбіи, и не смѣлъ вмѣ-

шиваться въ этомъ отношеніи въ частныя дѣла другихъ штатовъ. Но ему дозволялось рекомендовать эмансипацію негровъ всѣмъ рабовладѣльческимъ штатамъ и вотировать фонды для содѣйствія такому радикальному перевороту. Трогательное посланіе президента Линкольна приглашало конгрессъ принять всѣ эти мѣры и приготовить такимъ образомъ постепенный переходъ невольничества къ свободѣ. Эти мѣры и были приняты.

Оставаясь въ предѣлахъ строгой законности, вашингтонскія палаты могли сдѣлать болѣе; онѣ могли уничтожить невольничество въ территоріяхъ, т. е. въ обширныхъ областяхъ запада, въ Новой Мексикѣ, Аризонѣ, Небраскѣ, Колорадѣ и др., которыя, по недостаточному своему населенію, еще не возведены на степень штатовъ. Эти земли, занимающія почти такое же обширное пространство, какъ и населенная уже часть Соединенныхъ Штатовъ, теперь однимъ почеркомъ пера навсегда сдѣлались недоступными для рабовладѣльцевъ. Съ этихъ поръ свободные колонисты, безопасные насчетъ своей будущности, поселяются тамъ спокойно, и своимъ трудолюбіемъ содѣйствуютъ къ образованію новаго кордона вокругъ олигархіи плантаторовъ.

Нѣмцы, шведы, норвежцы, янки, привлекаемые новымъ закономъ *о домашнемъ очагѣ*, которымъ каждому отцу семейства предоставляется шестьдесятъ четыре гектора земли, многочисленными толпами устремляются въ эти новыя области, и благодаря имъ, земли Колорадо, быть можетъ въ скоромъ времени, сдѣлаются новой Калифорніею!

Истощивъ всѣ свои права, предоставленныя конституціею, конгрессъ долженъ былъ принять военныя мѣры, вызываемыя упорствомъ мятежниковъ. Эти мѣры онъ дѣйствительно принялъ; послѣ преній, продолжавшихся нѣсколько мѣсяцевъ, онъ вотировалъ законъ о конфискаціи, которымъ признавались свободными всѣ невольники плантаторовъ, замѣшанныхъ въ мятежѣ. Это значило объявить свободу почти всѣмъ невольникамъ, такъ какъ значительные землевладѣльцы юга всѣ, за исключеніемъ немногихъ, приняли участіе въ возстаніи. Недоставало только одного: освященія этой мѣры высокими принципами справедливости и свободы. Тогда это была бы великая мѣра радикальной эмансипаціи.

Впрочемъ она имѣла неоцѣнимые практическіе результаты, что ясно доказывается дѣйствіями генераловъ Гёнтера и Бётлера. Первый изъ нихъ, обязанный сохранять архипелагъ Портъ-Рояльскій,

между Чарльстономъ и Саванной, долженъ былъ кромѣ того защитить десять тысячь бѣглыхъ негровъ. Наставники и наставницы, пришедшіе изъ Бостона и Нью-Іорка, уже занимались образованіемъ и пріученіемъ бѣглецовъ къ земледѣлію, и раздавали имъ платья и съѣстные припасы. Генералъ Гёнтеръ старался снабдить бывшихъ невольниковъ оружіемъ и доставить имъ возможность защищать эту драгоцѣнную свободу, которую они уже начинали вкушать. Онъ пріучилъ къ строю негровъ, способныхъ къ войнѣ, и не задумался назначить имъ въ сраженіи опасный авангардный постъ, довѣряя имъ такъ же, какъ своимъ храбрымъ янки. Поощряемый успѣхомъ, онъ хотѣлъ не болѣе не менѣе, какъ образовать солдатъ изъ всѣхъ негровъ Южной Каролины, Георгіи и Флориды, составлявшихъ его военный департаментъ. Не испрашивая разрѣшенія начальства, онъ объявилъ свободными милльонъ негровъ, обитающихъ эти области. Это значило благороднымъ образомъ превысить свою власть. Президентъ Линкольнъ, совѣстливо соблюдая законность, долженъ былъ объявить прокламацію своего генерала недѣйствительною; но онъ въ то же время напомнилъ мятежникамъ, что рано или поздно можетъ признать ихъ невольниковъ свободными, и просилъ южанъ въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ, чтобъ они сами приступили къ постепенной эмансипаціи негровъ. Его просьба была тщетна. Плантаторы готовы были скорѣй погибнуть, чѣмъ согласиться на такую мѣру.

Генералъ Бётлеръ, въ Новомъ Орлеанѣ, распоряжался подобнымъ же образомъ, какъ и генералъ Гёнтеръ. Но ему приходилось дѣйствовать на глазахъ европейскихъ консуловъ, которые бо̀льшею частію заинтересованы были въ выгодахъ плантаторовъ. Поэтому онъ подвергся обидамъ и клеветамъ, которыя посыпались на него градомъ и повторялись даже въ Европѣ, распространяемыя отголосками печати.

Генералъ Бётлеръ, демократъ стараго закала, прибылъ на мѣсто своего назначенія съ твердымъ намѣреніемъ не касаться вопроса о рабствѣ и выказать уваженіе къ учрежденію, столько разъ провозглашенному священнымъ; но главнымъ образомъ онъ имѣлъ въ виду заставить мѣстныхъ жителей соблюдать законы Соединенныхъ Штатовъ. Кто-то изъ партіи рабовладѣльцевъ снялъ знамя Уніи, развѣвавшееся на монетномъ дворѣ Новаго Орлеана, и генералъ Бётлеръ счелъ долгомъ показать при этомъ примѣръ строгости и подвергнуть виновнаго смертной казни. Кромѣ того, онъ имѣлъ смѣлость захватить нѣсколько сотъ тысячь піастровъ, которые, будто по

ошибкѣ, отправлялись къ консуламъ Франціи и Голландіи, съ тѣмъ, чтобы потомъ быть доставленными Джефферсону Дэвису. Накопецъ, видя, что плантаторы Люизіаны не перестаютъ подстрекать мятежниковъ, генералъ Бётлеръ примѣнилъ законъ о конфискаціи, вотированный конгрессомъ, и когда онъ оставилъ свое мѣсто, то успѣлъ уже дать свободу около восьмидесяти тысячамъ невольниковъ. Вотъ въ чемъ состояло его преступленіе! — «А! я варваръ, я чудовище!» воскликнулъ онъ. — «Я имѣлъ жестокость отнять у нашихъ непріятелей кнутъ, которымъ они такъ искусно испещряли спины несчастныхъ негровъ. Вотъ, еслибъ я подражалъ французамъ, которые душили арабовъ дымомъ въ пещерахъ, или англичанамъ, которые привязывали сипаевъ къ жерлу пушекъ, тогда, безъ сомнѣнія, я велъ бы войну на манеръ цивилизованныхъ людей!» (sic).

Между тѣмъ президентъ Линкольнъ обратился къ сепаратистамъ съ своимъ послѣднимъ увѣщаніемъ. Въ пр кламаціи отъ 22 сентября онъ далъ имъ еще два мѣсяца отсрочки и замѣтилъ, что если они въ это время не захотятъ возвратиться въ лоно союза и лично освятить эмансипацію своихъ невольниковъ согласіемъ принять выкупъ, то 1-е января наступающаго года будетъ для нихъ днемъ гибели, а для ихъ негровъ — днемъ освобожденія! Но какъ остановить пушечное ядро во время его полета? Война продолжалась съ удвоенной яростью. Дни проходили за днями, и все болѣе и болѣе приближался роковой срокъ. Въ это самое время Джефферсонъ Дэвисъ, ослѣпленный чувствомъ мести, объявляетъ, что всѣ негры, служащіе въ федеральномъ войскѣ, и всѣ офицеры, которые ими командуютъ, подлежатъ смертной казни. На просьбу Линкольна объ эмансипаціи невольниковъ, онъ отвѣчаетъ обѣщаніемъ убить всѣхъ тѣхъ, которые сдѣлались свободными.

Наконецъ наступилъ великій день для Америки, и эдиктъ объ эмансипаціи негровъ, ожидаемый съ такимъ нетерпѣніемъ, былъ обнародованъ въ Вашингтонѣ. Президентъ Линкольнъ, въ качествѣ командующаго войсками на сушѣ и на морѣ, объявляетъ свободу невольникамъ Восточной Виргиніи, Каролинъ, Георгіи, Флориды, Миссисипи, Алабамы, Люизіаны, Арканзаса и Техаса; онъ совѣтуетъ имъ браться за оружіе только для личной защиты и обѣщается принять бѣглыхъ въ ряды федеральной арміи.

Редакторы Таймса, Patrie, Constitutionel'я и другихъ газетъ, сочувствующихъ рабовладѣльцамъ, не могутъ вдоволь насмѣяться надъ

этимъ поступкомъ. «Какъ!» восклицаютъ они, «только-то!» и при этомъ дѣлаютъ видъ, будто не знаютъ, что Линкольнъ внезапному освобожденію негровъ предпочитаетъ систему постепенной эмансипаціи невольниковъ, приводимую уже въ исполненіе въ Миссури, Мэрилендѣ и Западной Виргиніи. Они съ ироніею спрашиваютъ, почему эдиктъ не распространяется безразлично на всѣ штаты. Потомъ говорятъ, что это только пустая бравада, такъ какъ война Уніи занимаетъ значительную часть всѣхъ рабовладѣльческихъ штатовъ и уже начали дѣло освобожденія рабовъ при первомъ извѣстіи о декретѣ.

Наконецъ, принимая видъ философовъ въ отношеніи вопроса объ эмансипаціи негровъ, журналы эти объявляютъ, что эдиктъ есть только простой клочокъ бумаги, такъ какъ онъ не опирается ясно на принципахъ справедливости и свободы. Пусть изливаютъ они свой ядъ! Заключая свою прокламацію, Линкольнъ обращается къ хладнокровному суду человѣчества и призываетъ на эдиктъ «благословеніе всемогущаго бога».

Богъ оружія, безъ сомнѣнія, будетъ ему благопріятенъ. Что же касается до мнѣнія свѣта, то Линкольнъ смѣло можетъ разсчитывать на сочувствіе всѣхъ благомыслящихъ современниковъ и быть увѣреннымъ, что потомство глубоко будетъ уважать его память.

II.

Въ началѣ 1862 года положеніе Италіи было безпокойно и тревожно. Пятнадцать мѣсяцевъ прошло послѣ присоединенія королевства Неаполя и Обѣихъ Сицилій къ общему отечеству итальянцевъ. Нація чувствовала, что какъ для развитія, такъ и для сохраненія итальянскаго единства, необходимо еще сдѣлать шагъ впередъ и поставить и разрѣшить вопросъ о Римѣ. Дѣйствительно, Викторъ Эммануилъ нѣсколько разъ давалъ свое королевское слово, что вступитъ въ этотъ городъ очень скоро, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, быть можетъ даже чрезъ нѣсколько недѣль. Парламентъ, согласно рѣшенію своему, торжественно объявилъ, что отнынѣ и впредь Римъ будетъ столицей Италіи. Оставалось только взять эту столицу. Баронъ Рикасоли, находившійся тогда въ главѣ итальянскаго кабинета, во время своего президентства сдѣлалъ нѣсколько промаховъ, но вообще его планъ относительно Рима былъ не дуренъ, а его намѣренія—превосходны. Собственно говоря, это былъ планъ, въ общихъ чертахъ набросанный Кавуромъ. Онъ состоялъ въ томъ, чтобы заключить сдѣлку съ римскимъ дворомъ и дать щедрое вознагражденіе епископамъ и кар-

диналамъ, дабы они благоволили отказаться отъ титула земныхъ владыкъ и удовольствовались титуломъ духовныхъ пастырей. Съ этою цѣлью предполагалось дѣйствовать на духовенство силою общественнаго мнѣнія, какъ Италіи, такъ и остальной Европы.

Баронъ Рикасоли, человѣкъ непреклоннаго и гордаго нрава, заслужилъ вообще уваженіе, но не пріобрѣлъ ничьей симпатіи. Онъ началъ съ того, что заявилъ себя антагонистомъ партіи дѣйствія, на которую подъ конецъ принужденъ былъ опереться. Онъ не очень былъ терпимъ палатой, которая привыкла къ осторожному обращенію его предшественника, Кавура. Она признавала въ немъ болѣе честности, чѣмъ любезности, и болѣе силы воли, чѣмъ ума. Король Викторъ Эммануилъ также терпѣть не могъ своего главнаго министра и даже не старался скрыть своего отвращенія. Наконецъ, тюйльерійскій дворъ ненавидѣлъ барона Рикасоли за его гордость и откровенность, а въ особенности за то, что онъ, Рикасоли, уничтожилъ гнусныя интриги Флоренціи,—эту паутину, приготовленную Рейзетомъ и Понятовскимъ.

Раттацци, напротивъ, вездѣ встрѣчаемъ былъ ласково и самъ былъ ласковъ со всѣми. Онъ имѣлъ частыя свиданія съ Гарибальди и говорилъ, что находится въ полномъ согласіи съ освободителемъ Сициліи. Король съ величайшимъ удовольствіемъ встрѣчалъ этого человѣка, простого и милаго, который умѣлъ давать граціозный оборотъ своимъ комплиментамъ? Большая часть членовъ палаты, недовольныхъ аристократизмомъ Рикасоли, была въ восторгѣ, видя въ соперникѣ этого министра настоящаго буржуа. Урбанъ Раттацци, находя свое положеніе еще не совсѣмъ твердымъ, предпринялъ поѣздку въ Парижъ, чтобы снискать расположеніе тюйльерійскаго двора, какъ нѣкогда поступилъ Кавуръ въ Пломбіерѣ. Достовѣрно неизвѣстно, какія онъ имѣлъ бесѣды съ императоромъ; но хозяинъ-протекторъ благоволилъ замѣтить, что онъ въ восхищеніи отъ своего *протеже*, а *протеже*, съ своей стороны, увѣрялъ, что въ восторгѣ отъ своего покровителя. Раттацци посѣщалъ тюйльерійскій дворецъ, но не забывалъ и принца Наполеона и часто гостилъ въ Пале-Роялѣ. Онъ навѣщалъ Тьера, говорилъ любезности орлеанистамъ, давалъ руку республиканцамъ и согласился участвовать въ общественномъ банкетѣ, гдѣ, по условію, рѣшено было непроизносить тоста въ честь императора французовъ. Когда Раттацци возвратился въ Туринъ, онъ явилъ себя великодушнымъ въ отношеніи къ Рикасоли, котораго онъ однимъ знакомъ могъ

свергнуть въ палатѣ. Онъ предоставилъ президенту совѣта время, необходимое для того, чтобы подать въ отставку, чѣмъ и не замед лилъ воспользоваться его безоружный соперникъ.

И вотъ Раттацци утвердился на президентскомъ креслѣ. Онъ былъ въ одно и то же время довѣреннымъ большинства и меньшинства палаты, партіи дѣйствія, Людовика Наполеона и Виктора Эммануила. Въ этой двуличной роли онъ долженъ былъ угождать революціонной партіи, не оскорбляя реакціонерныхъ инстинктовъ парламентскаго большинства. Но у Раттацци на этотъ случай былъ въ портфёлѣ превосходный планъ, удостоившійся высочайшаго одобренія тюильерійскаго двора. Вопросъ заключался въ томъ, чтобы освободиться отъ внутренней итальянской революціи и произвести внѣшнюю. Надо было вовлечь Гарибальди въ какое-нибудь опасное предпріятіе за границей. Если онъ при этомъ сломитъ себѣ шею, то доставитъ большое облегченіе піемонтскому министерству; если же воротится съ новымъ королевствомъ, то тѣмъ будетъ лучше для короля Виктора Эммануила и его сына, принца Гумберта. Такъ точно поступилъ мудрый Адметъ съ Геркулесомъ, героемъ черезчуръ сильнымъ и потому опаснымъ. Вслѣдствіе этого Раттацци вызвалъ Гарибальди изъ Капреры и объявилъ ему, что король Викторъ Эммануилъ и императоръ французовъ вполнѣ согласны въ томъ, что нужно сдѣлать Италію единою и свободною отъ Альпъ до Адріатическаго моря. Онъ говорилъ, что императоръ хранитъ Римъ только какъ точку опоры для дѣйствія противъ австрійцевъ, занимающихъ Венецію, и что, какъ скоро Венеція освободится отъ тедесковъ, Франція охотно очиститъ столицу Италіи. Далѣе онъ замѣтилъ, что аттаку противъ Франца Іосифа всего выгоднѣе начать низверженіемъ вѣрнаго его друга, короля Оттона. При этомъ онъ увѣрялъ, что правительство піемонтское, зная глубокую взаимную симпатію, соединяющую патріотовъ итальянскихъ и греческихъ, не будетъ негодовать, если Гарибальди вступитъ въ сношеніе съ послѣдними, для низверженія баварской династіи, которой несостоятельность въ это самое время вновь доказывалась возстаніемъ Навпліи. Съ возмущеніемъ Греціи, продолжалъ вкрадчивый Раттацци, возобновится восточный вопросъ; тогда возстанутъ дунайскія населенія, подымется Венгрія, и Австрія принуждена будетъ раздѣлить свои военныя силы: одни войска отправить въ долины Мароса и Тиссы, а другія оставить на поляхъ венеціянскихъ. Тогда она покроется

позоромъ, пораженная въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ и съ правой стороны, и съ лѣвой.

Для Гарибальди этого было достаточно. Онъ всегда требовалъ только одного: дѣйствій. Онъ дѣйствительно любитъ Грецію, какъ второе отечество, на будущность котораго полагаетъ великія надежды. Онъ вѣритъ, что возрожденіе Италіи необходимо повлечетъ за собою возрожденіе Греціи, и что за возстановленіемъ Рима послѣдуетъ возстановленіе Афинъ. Онъ надѣялся, что если проектированное движеніе удастся, то легко будетъ перейдти изъ Греціи въ Венгрію, а изъ Венгріи въ Венецію.—Необходимо возвратить Италіи Римъ и Венецію. Если правительство Виктора Эммануила желаетъ начать съ Венеціи, пусть будетъ такъ. Впередъ!

Въ числѣ желаній Гарибальди, однимъ изъ самыхъ дорогихъ его сердцу было видѣть все свое отечество вооруженнымъ и всѣхъ своихъ соотечественниковъ пріученными дѣйствовать оружіемъ. Съ милльономъ людей подъ ружьемъ, Италія не имѣла бы надобности бояться кого бы то ни было: ни Австріи, ни Франціи. Увѣренная въ повиновеніи своихъ противниковъ, она тогда могла бы однимъ повелительнымъ жестомъ потребовать возвращенія Рима и Венеціи. Гарибальди поэтому началъ походъ по-своему. Онъ объѣзжалъ страну, организуя всюду *національный тиръ*. Его сопровождали два сына короля, изъ которыхъ младшій выставлялъ себя на видъ, чтобъ его издали могъ замѣтить греческій народъ.

До этого времени существовали важныя причины несогласія между Мадзини, этимъ непреклоннымъ республиканцемъ, и Гарибальди, который, подобно знаменитому Манини, былъ въ союзѣ съ королемъ Піемонта, этого *spada d'Italia*. Однакожъ, въ Генуѣ обѣ стороны партіи дѣйствія сошлись. Гарибальди предсѣдательствовалъ въ обществѣ *Provedimento* и подлѣ него оставлено было пустое кресло для «великаго изгнанника», о возвращеніи котораго онъ долженъ былъ просить короля.

Въ это время, казалось, всѣ были согласны между собою: и императоръ Людовикъ Наполеонъ III, и Викторъ Эммануилъ, и Раттацци, и Гарибальди, и Мадзини. Исторія рѣдко представляла подобную коалицію. Никогда, быть можетъ, ей не случалось видѣть, чтобы по одному и тому же дѣлу трудились два врага, ненавидящихъ другъ друга такъ глубоко, какъ Мадзини и императоръ Бонапартъ. Это минутное согласіе было настоящимъ чудомъ, слѣдствіемъ другого

чуда, искренней привязанности, которую Гарибальди, посредникъ всѣхъ партій, питалъ къ своему другу, палестрскому капралу.

Дебюты похода были великолѣпные. Вокругъ Гарибальди, сопровождаемаго двумя маленькими принцами, надъ которыми онъ возвышался и головою, и плечами, толпилась итальянская молодежь съ иступленными криками восторга: Да здравствуетъ избавитель! Да здравствуетъ избранникъ народа! Да здравствуетъ герой человѣчества! Союзъ республиканизма съ роялизмомъ и даже съ имперіялизмомъ вскружилъ всѣмъ голову. Казалось, передъ этимъ союзомъ должны пасть всѣ препятствія, будто чудомъ. Но собственно говоря, этотъ союзъ самъ по себѣ составлялъ самую страшную опасность. Такія разнородныя стихіи рано или поздно должны были произвести взрывъ. Какъ это забыли про союзъ Карла Альберта, родного отца Виктора Эммануила, съ республиканцами и карбонарами, которымъ дорого пришлось поплатиться за это товарищество: оставленные своимъ союзникомъ въ рѣшительную минуту, они подверглись частію заключенію, частію ссылкѣ, частію смертной казни.

Итакъ, цѣлью новой экспедиціи была Греція. Полковникъ Каттабени долженъ былъ съ нѣсколькими сотнями людей отправиться на кораблѣ генуэзской компаніи, и высадившись на греческій берегъ, объявить о скоромъ прибытіи Гарибальди. Около того же времени предполагалось произвести манифестацію на Дунаѣ, и когда обѣ инсуррекціи подадутъ другъ другу руку черезъ трепещущую Турцію, тогда предпринять нападеніе на австрійскую имперію.

Пока дѣлались приготовленія къ походу, въ дѣло вмѣшался генералъ Тюрръ. Онъ замѣтилъ Гарибальди, что, такъ какъ греческіе инсургенты желаютъ имѣть королемъ сына Виктора Эммануила, то переговоры съ ними о мѣрахъ къ достиженію этой цѣли должны быть предоставлены ему, генералу Тюрру, какъ человѣку, близкому ко двору. Таково, по его замѣчанію, было желаніе короля. Вслѣдствіе этого Гарибальди отмѣнилъ до новыхъ распоряженій отправленіе полковника Каттабени. Затѣмъ переговоры съ греками предоставлены были лицамъ официальнымъ и полуофиціальнымъ, и потому немудрено, что все это дѣло только запуталось и разстроилось.

Такъ какъ у Гарибальди отняли первую часть его плана, то онъ тѣмъ болѣе дорожилъ второю. Онъ хотѣлъ предпринять походъ въ Венгрію. Тамъ его ожидали. Черногорія, воевавшая съ турками, могла служить отличною точкою опоры для его дѣйствій. Не смотря

на австрійскихъ кройсеревъ, которые разъѣзжали взадъ и впередъ по Адріатическому морю, чтобы помѣшать переѣзду Гарибальди, онъ смѣло готовилъ свою экспедицію и уже назначилъ своимъ волонтерамъ мѣста для сходокъ.

Король помѣшалъ первой части проекта, императоръ французовъ разрушилъ вторую. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, пока длились приготовленія къ походу, много думъ зародилось при дворѣ тюйльерійскомъ; мексиканская экспедиція оказалась гораздо болѣе трудною, чѣмъ полагали сначала,—Англія пронюхала проектъ и по этому поводу обнаруживала болѣе, чѣмъ неудовольствіе,—Австрія была на сторожѣ, и пр. и пр. Словомъ, телеграфическая проволока, проведенная отъ кабинета императора Бонапарта въ кабинетъ Раттацци, въ одинъ прекрасный день доставила депешу: «Остановите Гарибальди!»

И послушный Раттацци, съ своей стороны, немедленно телеграфировалъ Гарибальди: «Стой!»

Но къ несчастію, Гарибальди не раздѣлялъ этого мнѣнія. Онъ обязался честнымъ словомъ совершить эту экспедицію, въ которой его волонтеры рѣшились принять участіе на собственный рискъ. Никто изъ нихъ не хотѣлъ отказаться отъ задуманнаго предпріятія ради одного удовольствія императора французовъ. Человѣкъ, носящій имя Гарибальди, никогда не откажется исполнить то, что обѣщалъ, и всегда готовъ умереть, или возвратиться побѣдителемъ.

Снова заигралъ телеграфъ между Парижемъ, Неаполемъ и Туриномъ, и ночью отъ 12-го на 13-е мая піемонтскіе жандармы окружили домъ, гдѣ жилъ Гарибальди въ Трескоррѣ. Они овладѣли этимъ домомъ, сломали въ немъ замки и захватили бумаги. Потомъ напали на полковника Каттабени, наложили на него ручныя цѣпи и съ конвоемъ отправили въ генуэзскія темницы.

Крикъ негодованія поднялся при такомъ оскорбленіи, нанесенномъ народу. Ломбардія была въ изступленіи. Въ Миланѣ и Бергамѣ поднялся бунтъ, когда повели арестованныхъ волонтеровъ. Благодаря бумагамъ, захваченнымъ у Гарибальди, этихъ несчастныхъ забирали цѣлыми шайками. Въ продолженіе пяти дней шестьсотъ человѣкъ были посажены въ крѣпость Александрію. Кромѣ того, арестованы были всѣ эмигранты римскіе и венеціянскіе. Въ Бресчіи народъ, возмущенный такимъ насиліемъ, требовалъ отъ префекта возвращенія плѣнныхъ. Префектъ, маленькій молодой человѣкъ, съ холодной улыбкой на устахъ, велѣлъ выстрѣлить въ толпу, которая съ ужасомъ и въ

безпорядкѣ отступила, унося съ собою убитыхъ и раненныхъ, и испуская яростные крики негодованія.

Это было великимъ бѣдствіемъ. Въ одной телеграммѣ изъ Турина, отъ 24 мая, сказано: «Оправдывается слухъ, что поведеніе итальянскаго правительства въ ломбардскомъ дѣлѣ заслужило полное одобреніе Франціи, выраженное въ дипломатическомъ актѣ. Дружба, связывающая обоихъ монарховъ, сдѣлалась теперь еще болѣе тѣсною.»

Но не было никакой возможности подвергнуть волонтеровъ суду, не подвергая такому же суду и капрерскаго льва. Поэтому арестанты были освобождены, какъ только успокоилось народное волненіе. Въ парламентѣ по этому поводу происходила не борьба, а настоящая перебранка. Обѣ партіи обмѣнялись такими изъявленіями гнѣва и ненависти, которыя не забываются никогда. Дебаты нисколько не разъяснили этого таинственнаго дѣла, съ которымъ ни та, ни другая сторона не думали познакомить публику. Партія министерства и партія дѣйствія обличали другъ друга во лжи и въ возмутительномъ запирательствѣ; но никто не рѣшался обвинить своихъ противниковъ формально. Громъ гремѣлъ страшно и яростно, но ни разу не сверкнула молнія и не раздалось ни одного выстрѣла.

«Мы кричали на всѣ четыре стороны»: Италія и Викторъ Эмма-
«нуилъ! — Еще теперь, во что бы то ни стало, мы возобновляемъ
«этотъ крикъ. Но горе тому, кто оскорбитъ идею освобожденія! Горе
«тому, кто захочетъ отдѣлить народъ отъ арміи и короля отъ націи!»
Съ этимъ крикомъ, раненный левъ, Гарибальди, удалился на свой островъ, который онъ оставилъ по приглашенію Раттацци.—Что ему было дѣлать теперь?

По приказанію тюйльерійскаго двора, Викторъ Эммануилъ поступилъ насильственно съ этимъ героемъ. Онъ оскорбилъ его въ лицѣ полковника Каттабени, который былъ заключенъ въ темницу вмѣсто своего генерала; Гарибальди перенесъ эту обиду. Вѣдь онъ былъ звѣномъ, соединяющимъ двѣ половины націи, республиканскую и монархическую. Онъ не хотѣлъ оставить роль миротворителя и отказаться отъ призванья водворить согласіе въ своемъ отечествѣ. Чтобы осуществить политическое единство Италіи, надо было сохранить союзъ сердецъ. Поэтому, не желая дать никакого повода къ раздору, Гарибальди принялъ нанесенный ему ударъ и перенесъ оскорбленіе. «Соберемся вокругъ Виктора Эммануила!» началъ онъ снова кричать. Ему пріятно было думать, что король все еще оставался первымъ

гражданиномъ и самымъ храбрымъ и преданнымъ солдатомъ Италіи. Одинъ Раттацци, въ его глазахъ, былъ виновенъ въ рабской угодливости человѣку, который убилъ римскую республику, который купилъ Ниццу и который внѣдрился въ Римъ, какъ солитеръ въ человѣческомъ тѣлѣ. Вотъ этотъ самый человѣкъ, которому такъ угождаетъ піемонтскій министръ, и есть истинный врагъ Италіи. Онъ не дозволяетъ возстановить Венецію, — поэтому надо взять у него Римъ.

Но какъ взять?!—Гарибальди уже далъ совѣтъ королю. «Государь!» говорилъ онъ, «сдѣлайте воззваніе къ своему народу. Призовите «мужчинъ, женщинъ, дѣтей и скажите имъ всѣмъ: Идите со «мной!— «Государь, бросьте свою кавалерію, отошлите свою артиллерію, «станьте въ головѣ толпы и съ величіемъ права явитесь къ воротамъ «Рима. Скажите стражу или таможенному смотрителю, которые за-«хотятъ преградить вамъ дорогу: Я король Италіи, я вхожу въ свою «столицу во имя націи и по рѣшенію парламента!»

То, о чемъ не заботился Викторъ Эммануилъ, хотѣлъ исполнить Гарибальди. Быть можетъ, это было только мечтою патріота, созданіемъ рыцарскаго воображенія, дѣломъ вдохновенія поэта. Пусть такъ, но это одна изъ тѣхъ утопій, которыя удаются героямъ, что доказалъ и самъ Гарибальди, когда, оставивъ позади себя своихъ храбрыхъ сподвижниковъ марсальскихъ, онъ отправился одинъ къ Неаполю, гдѣ владычествовалъ король, окруженный арміей, подкупленными прелатами и 12-ю тысячами всевозможныхъ шпіоновъ.

Поэтому онъ рѣшился предпринять великій походъ въ Римъ. Съ своими вѣрными волонтерами, онъ хотѣлъ пройдти посреди населеній, собрать ихъ вокругъ себя и вмѣстѣ съ ними смѣло отправиться противъ французскихъ пушекъ и противъ проклятій епископовъ. Зуавамъ и монсиньорамъ онъ хотѣлъ кричать: «Мы народъ Италіи; убейте насъ, если хотите. Убейте насъ, но наше право останется. Убейте насъ, но вы не убьете рѣшенія парламента!»

Французы или убили бы, или пощадили бы Гарибальди. Еслибъ они открыли передъ безоружнымъ человѣкомъ свои ряды, то онъ пошелъ бы прямо на капитолій, въ сопровожденіи двухъ сотъ тысячъ товарищей, и тамъ среди энтузіазма многочисленной толпы объявилъ бы во имя короля и парламента, что Римъ столица Италіи и что онъ, Гарибальди, беретъ эту столицу.

Еслибъ французы убили Гарибальди, то сами подверглись бы

опасности немедленно погибнуть отъ транстеверинцевъ. Тогда надъ ними собралась бы гроза народной ненависти. Они сдѣлались бы въ Италіи еще болѣе *невозможными*, чѣмъ австрійцы. Поэтому имъ пришлось бы удалиться. Что касается до войны, то имперія не могла бы предпринять ее противъ собственной, ею же покровительствуемой союзницы, не нанося самой себѣ смертельнаго удара. А еслибъ и предприняла, и еслибъ даже одержала минутное торжество, то гибель ея не замедлила бы явиться вслѣдъ за побѣдой, и Италія все-таки была бы спасена. Людовикъ Наполеонъ III самъ ясно показалъ въ Виллафранкѣ, что совершенное торжество погубило бы его политику, потому что его друзья — въ сущности его враги, а враги замѣняютъ ему друзей. Имперія Бонапартовъ состоитъ изъ сближенія двухъ противорѣчащихъ другъ другу принциповъ, и тотъ, кто имѣетъ силу и отвагу вызвать ее на крайность, можетъ быть увѣреннымъ, что одержитъ надъ нею верхъ. Гарибальди первый въ Европѣ имѣлъ эту смѣлость: всѣмъ извѣстенъ его приговоръ надъ дѣйствіемъ 2-го декабря. — И такъ, побѣдой или гибелью своею, Гарибальди возвратилъ бы Италіи Римъ. Поэтому онъ воскликнулъ: «Римъ или смерть! и отправился въ Сицилію.

Подобно грому, Гарибальди грянулъ въ Палермо въ минуту, когда его всего менѣе тамъ ожидали. Этотъ оживленный городъ готовилъ торжество въ честь королевскихъ принцевъ. Его обыкновенная восторженность расточалась на энтузіазмъ къ Піемонтцамъ. Вдругъ, 28 іюня вечеромъ, распространился слухъ о прибытіи великаго патріота. Никто не предупредилъ объ этомъ жителей: ни телеграфъ, ни журналы, ни тайные курьеры острова Капреры, ни префектъ Сициліи, маркизъ Паллавичино, бывшій арестантъ Шпильберга, президентъ національной ассоціаціи, прежній продиктаторъ Неаполя и всегдашній близкій другъ Гарибальди.

Гарибальди въ Палермо, въ томъ самомъ городѣ, который онъ два года тому назадъ взялъ силою и удержалъ подъ градомъ бомбъ и ядеръ! Освобожденіе Палермо составляетъ, быть можетъ, самый удивительный эпизодъ въ этой удивительной революціи. Было всего тысяча человѣкъ противъ сорока тысячь солдатъ, защищаемыхъ крѣпостью, и что же? эти сорокъ тысячь солдатъ заключили капитуляцію. — И такъ, Гарибальди возвратился! При этомъ неожиданномъ извѣстіи, въ городѣ произошло судорожное движеніе, раздался шумъ вопросовъ и отвѣтовъ. Паллавичино отправился извѣстить своего дру-

га; за нимъ хлынулъ весь народъ. Толпа хотѣла видѣть этого человѣка, котораго она любитъ; она хотѣла слышать его голосъ, волнующійся и дрожащій, его рѣчь, отрывистую, звучную и громкую, его слова, выходившія изъ глубины души. Въ одно мгновеніе весь городъ былъ иллюминованъ. Въ толпѣ пробѣжалъ трепетъ ожиданія, и когда показался Гарибальди, всѣми овладѣлъ энтузіазмъ. То была героическая сцена. Гарибальди нѣсколько разъ принужденъ былъ возвратиться къ окну, потомъ, прощаясь, сказалъ городу: До свиданія! Дождикъ лилъ ливнемъ. Не смотря на то, на улицахъ всю ночь толпился народъ и ежеминутно раздавались крики восторга.

На другой день, рано утромъ, Гарибальди отправился на берегъ морской и посѣтилъ мѣсто, назначенное для національнаго тира. Потомъ онъ возвратился въ городъ, въ тѣ самыя ворота, которыя взялъ силою 27 мая 1860 года. Сицилійцы считаютъ эти ворота тріумфальными и называютъ ихъ неиначе, какъ воротами Гарибальди. Какъ въ день побѣды, прежній диктаторъ отправился затѣмъ въ муниципальный дворецъ. Съ балкона онъ привѣтствовалъ народъ рѣчью. Онъ говорилъ противъ духовенства, противъ враговъ Италіи и въ особенности увѣщевалъ жить въ добромъ согласіи и образовать крѣпкій союзъ между всѣми либералами. «Повѣрьте мнѣ», воскликнулъ онъ въ минуту сердечнаго изліянія, «есть два человѣка, которые никогда вамъ неизмѣнятъ: это я и Викторъ Эммануилъ!» — Въ заключеніе онъ замѣтилъ, что итальянцы должны пріобрѣсти Римъ и Венецію, во что бы то ни стало, и окончилъ словами, повторенными нѣсколько разъ съ увеличивающеюся силой: «Италія должна быть единою!

Потомъ онъ отправился, вмѣстѣ съ принцами, для открытія національнаго тира. Принцъ Гумбертъ сдѣлалъ первый выстрѣлъ, принцъ Амедей — второй, и Гарибальди — третій. Вечеромъ муниципалитетъ далъ балъ, который принцы оставили въ полночь, чтобъ продолжать свое путешествіе.

По своей исторіи и по своему географическому положенію, Сицилія болѣе всѣхъ другихъ итальянскихъ земель находится внѣ піемонтскаго вліянія, которое теперь дѣйствуетъ въ пользу традицій спеціально-монархическихъ. Впрочемъ, сицилійцы, мало понимаютъ тонкости политики и почти вовсе не посвящены въ новѣйшую дипломацію. Они живутъ по примѣру древнихъ, какъ жили ихъ праотцы. Пастухи, земледѣльцы и рыбаки — все такіе же, какими были ихъ

предки во времена Гомера. При видѣ сельскихъ женщинъ, идущихъ съ кувшиномъ на головѣ, и дѣвушекъ, стирающихъ бѣлье у фонтана, подъ букетомъ алоэ, подумаешь, что это матери и сестры Навсикаи.

Однакожъ, не смотря на свою патріархальность, сицилійцы иногда увлекаются революціонными инстинктами, вспышками гнѣва и даже кровожадной ярости, какъ это было во время знаменитыхъ сицилійскихъ вечерень, а иногда они предаются припадкамъ неистоваго энтузіазма, подобнаго тому, какой возбудилъ въ нихъ Гарибальди. Суевѣрные и страстные, они живутъ въ первобытномъ состояніи, подобно природнымъ жителямъ Каролинскихъ острововъ, на южномъ океанѣ. Но иногда они возстаютъ, величественные и грозные. Не даромъ они дѣти исполинской Этны, той самой Этны, которая покрыла свои бока зеленѣющимъ плащомъ, но по временамъ, въ тысячелѣтіе разъ, чувствуетъ въ своихъ нѣдрахъ клокотаніе огненной лавы.

Поэтому Гарибальди рѣшился отважиться на свое предпріятіе вмѣстѣ съ сицилійцами. 31-го іюля онъ изъ Палермо адресовалъ къ народу свою послѣднюю прокламацію. Эта прокламація была настоящимъ объявленіемъ войны похитителю столицы Италіи. Неистовый энтузіазмъ, овладѣвшій толпою, былъ отвѣтомъ на крикъ: «Римъ или смерть!» Одна старая женщина представила генералу своихъ трехъ сыновей и сказала: «У меня нѣтъ ничего, кромѣ моихъ дѣтей, но я ихъ отдаю вамъ. И такъ Гарибальди отправился въ походъ и на слѣдующій же день, 1-го августа, адресовалъ въ Фикуццѣ къ волонтерамъ свой знаменитый приказъ.

«Снова насъ соединяетъ святое дѣло. Снова вы явитесь на пиръ сраженій, съ улыбкой на устахъ, съ сіяющимъ челомъ, не спрашивая: Что? Куда? Какая будетъ награда? — Вы идете сражаться противъ гордыхъ чужеземныхъ притѣснителей, и бросить искру утѣшенія въ душу нашихъ братьевъ, изнывающихъ въ неволѣ.... Труды, страданія и опасности — вотъ все, что я, по обыкновенію, обѣщаю. Такія обѣщанія могутъ ужаснуть людей слабыхъ и продажныхъ, но для храбрыхъ моихъ спутниковъ они нестрашны.... Я знаю васъ, израненные воины, оставшіеся послѣ нашихъ славныхъ сраженій, я знаю и славную молодежь, которая идетъ за мною вслѣдъ.... Соединившись съ нашей мужественной арміей, мы представимъ новое доказательство итальянской храбрости, довершая,

наконецъ, единство отечества, и отважные сыны Сицилии еще разъ будутъ предвѣстниками великихъ судебъ!»

Толчокъ былъ данъ; движеніе началось. Ополченіе носило на своемъ знамени слова: Единство отечества. Оно все болѣе и болѣе возрастало, по мѣрѣ того, какъ переходило изъ города въ городъ. Цѣлью его было увлечь за собою массы населенія и толпою постучаться у воротъ Рима. Ударилъ роковой часъ въ исторіи. То былъ моментъ, когда встаетъ всякій человѣкъ съ душой и говоритъ: Вотъ я!

Раттацци вздрогнулъ. Всѣ его хитрые планы рушились; всѣ его дипломатическія ноты сдѣлались безполезными; его министерская кампанія разстроилась; всѣ его маневры, которые тюйльерійскій протекторъ снисходительно одобрилъ своею двусмысленною улыбкою, были напрасны; вся его мудрая стратегія оказалась несостоятельною.— Раттацци немедленно прибѣгъ къ новой мѣрѣ. Такъ какъ Гарибальди увлекалъ за собою націю, то онъ, Раттацци, рѣшился противопоставить ему короля. 3-го августа Викторъ Эммануилъ издалъ прокламацію такого содержанія:

«Итальянцы! Въ такое время, когда Европа отдаетъ справедливость нашему благоразумію и признаетъ наши права, мнѣ прискорбно видѣть, что молодые люди, забывающіе свои обязанности и благодарность, которую мы должны чувствовать къ нашимъ лучшимъ союзникамъ (!) дѣлаютъ изъ имени Рима сигналъ для войны!...

«Я высоко держалъ въ рукахъ знамя Италіи. Но *тотъ* не слѣдуетъ этому знамени, кто нарушаетъ законы, принимая на себя роль судьи отечества. Поэтому остерегайтесь преступныхъ увлеченій... Всякое воззваніе, дѣлаемое не королемъ, есть воззваніе къ мятежу и междоусобію... Кто не послушается моихъ приказаній, тотъ подвергнется всей строгости законовъ!» Подписано: Викторъ Эммануилъ.

Кавуръ торжественно охуждалъ первую экспедицію Гарибальди, въ Сицилію до тѣхъ поръ, пока эта экспедиція не удалась. Но онъ остерегся вмѣшать въ это дѣло особу короля, которая въ конституціонномъ государствѣ должна быть устранена отъ всякой внѣшней отвѣтственности. Чего не посмѣлъ сдѣлать Кавуръ, на то рѣшился Раттацци, и онъ произнесъ страшныя слова мятежа и междоусобія.— Адъютанты поднесли королевское письмо Гарибальди, который прочелъ его спокойно, вслухъ, передъ всѣми присутствующими. «Это дипломатическій документъ, адресованный на имя канцелярій!» вос-

кликнулъ онъ. «Я знаю великую душу нашего короля. Да здравствуетъ Италія и Викторъ Эммануилъ!»

Когда происходили эти событія, король находился на охотѣ въ горахъ Аосты. Онъ оттуда пріѣхалъ только для того, чтобы издать свою прокламацію, и на слѣдующій же день отправился въ обратный путь. Во время проѣзда черезъ Иврею, онъ былъ встрѣченъ офицерами этого города; большая часть изъ нихъ прежде принадлежала къ вультурнской арміи. Въ ту минуту, когда проходилъ король, въ рядахъ раздалось восклицаніе: «a Roma con Garibaldi!» Лицо короля побагровѣло отъ гнѣва. Офицеръ, произнесшій эти слова, долженъ былъ немедленно выйдти изъ рядовъ. Его арестовали и на другой день лишили чиновъ, по приговору военнаго совѣта.

Два фрегата, *Италія* и *Викторъ Эммануилъ*, столкнулись на морѣ и нанесли другъ другу значительный вредъ. Этотъ случай обратилъ на себя общее вниманіе. «Нація и король, говорили при этомъ, въ ссорѣ между собою».

Сенатъ вотировалъ рѣшеніе, въ которомъ объявилъ, что «присоединяется къ патріотитеческимъ и великодушнымъ намѣреніямъ короля. Камера депутатовъ поступила такъ же, вопреки просьбамъ негодовавшихъ членовъ лѣвой стороны. Въ прокламаціи къ арміи говорилось: «Противъ виновныхъ, предавшихся преступнымъ увлеченіямъ, вы исполните свой долгъ, какъ бы труденъ онъ ни былъ!

При всемъ томъ новые волонтеры безпрестанно отправлялись изъ Милана, Генуи, Ливорно и Флоренціи. Всѣ они ѣхали на собственномъ иждивеніи, не собираемые никакимъ агентомъ. Между ними были немногіе буржуа; остальные же, составлявшіе большую часть, принадлежали къ рабочимъ и аристократическимъ классамъ. Генуэзскій портъ былъ объявленъ въ осадномъ положеніи, для воспрепятствованія отправленію гарибальдійцевъ. Начальство неаполитанское помѣшало высадкѣ полковника Нулло и его волонтеровъ. Сто человѣкъ изъ нихъ прибыли опять на пароходѣ и должны были остаться на кораблѣ. Нѣкоторые, пытавшіеся достигнуть берега вплавь, преслѣдовались въ портѣ карабинерами и спасались какъ могли. Подобныя же мѣры принималъ въ Палермо г. Медичи, который сначала считался другомъ Гарибальди и получилъ изъ его рукъ граммату на званіе генерала, а потомъ сдѣлался орудіемъ Раттацци и назначенъ былъ главнымъ начальникомъ надъ палермскою національною гвардіею.

Весь сѣверъ Италіи лишился значительной части своихъ войскъ, которые въ огромномъ числѣ отправлялись въ обѣ Сициліи. Генералъ Куджіа получилъ надъ ними начальство съ тѣмъ, чтобы взять въ плѣнъ Гарибальди. Такъ какъ волонтеры проникли во внутренность острова, то Куджіа хотѣлъ ихъ окружить. Піемонтскій флотъ началъ крейсировать вокругъ Сициліи, какъ нѣкогда крейсировали суда Франциска II-го.

Одно министерское рѣшеніе уничтожило всѣ ассоціаціи, учрежденныя съ цѣлью освобожденія Италіи, хотя парламентъ, гдѣ съ этою цѣлью предложенъ былъ проектъ закона и осмѣлился коснуться этихъ обществъ, и хотя Рикасоли, признававшій ихъ законность, скорѣй рѣшился бы оставить министерство, чѣмъ оскорбить права свободнаго народа. Такимъ образомъ, пятьсотъ законныхъ ассоціацій въ одинъ день превращены были въ разсадники для заговоровъ.

Гарибальди все далѣе и далѣе проникалъ въ Сицилію. Не смотря на королевскія и министерскія прокламаціи, народъ не переставалъ думать, что правительство въ сущности согласно съ человѣкомъ, который, доставивъ королю Неаполь, хотѣлъ доставить и Римъ. Вездѣ, гдѣ показывался Гарибальди, онъ встрѣчаемъ былъ мѣстнымъ начальствомъ, и общины съ удовольствіемъ угощали его волонтеровъ. Однакожъ, люди, нѣсколько знакомые съ ходомъ дѣлъ, были въ большомъ недоумѣніи и само правительство, не смотря на свои торжественныя военныя приготовленія, находилось въ безпокойномъ состояніи. И та, и другая сторона понимала жалкое противорѣчіе такого положенія дѣлъ.

Въ Палермо, Неаполѣ, Миланѣ и Ливорно дѣлались новыя демонстраціи, еще болѣе сильныя, чѣмъ первыя. Куджіа, котораго находили слишкомъ слабымъ, былъ смѣненъ и на мѣсто его назначенъ Рикчіоли. Новый главнокомандующій запретилъ Гарибальди идти далѣе и въ особенности приблизиться къ Катанѣ, которую сильно стерегли и флотъ, и армія короля. Однажды Гарибальди, не смотря на на всѣ мѣры піемонтскихъ генераловъ, 18 августа явился предъ Катаной только съ нѣсколькими друзьями, оставивъ позади себя свои войска. Вопреки генераламъ, катанцы открыли ему свои ворота и вопреки офицерамъ солдаты отдавали ему честь.

Такимъ образомъ не смотря на яростную оппозицію министерства, движеніе, которое затѣялъ Гарибальди, повидимому вскорѣ должно было достигнуть своей цѣли. Тогда Раттацци, г. Дурандо, А. Петитти,

Р. Конфорти, К. Маттеуччи, Депретисъ, Персано, Селла (ихъ имена должны быть сохранены) представили королю, что Гарибальди не болѣе не менѣе, какъ военный тиранъ, что онъ водворилъ въ Сициліи знамя революціи, что онъ отдалъ себя на службу европейской демагогіи,—словомъ, что онъ непріятель и что поэтому съ страною занимаемою имъ, должно быть поступлено, какъ съ страною непріятельскою. Вслѣдствіе этого Сицилія объявлена была на военномъ положеніи, и эти самые люди торжественно приняли на себя отвѣтственность какъ за эту, такъ равно и за всѣ вызванныя ею послѣдующія мѣры. Кавуръ на смертномъ одрѣ, въ минуту агоніи, говорилъ: «Не объявляйте только осаднаго положенія; во время осаднаго положенія всякій хочетъ господствовать!» Исторія скажетъ, что предсмертный бредъ Кавура былъ разумнѣе здравыхъ соображеній г-на Раттацци.

Поэтому Гарибальди былъ не болѣе, не менѣе, какъ мятежникъ, котораго надо было преслѣдовать и схватить, живымъ или мертвымъ. Съ этой цѣлью Персано отправился въ Сицилію съ флотомъ, а Чіальдини — съ шестьюдесятью линейными баталіонами, одиннадцатью баттареями и тремя полками кавалеріи. Новыя войска посыпались противъ Катаны и туда же направлялся флотъ. Но 24 числа Гарибальди, въ сопровожденіи нѣсколькихъ шаекъ, спокойно уѣхалъ на кораблѣ генуэзской компаніи. Два командира военныхъ фрегатовъ смотрѣли на него въ подзорныя трубы. Они могли скомандовать на абордажъ, но не хотѣли этого сдѣлать. На другой день ихъ арестовалъ Персано, прибывшій въ Катану на всѣхъ парахъ. Обоихъ предали военному суду, а восемьсотъ волонтеровъ, находившихся еще въ городѣ, отведены были въ темницы.

Что касается Гарибальди, то онъ высадился въ маленькомъ городѣ Мелито, въ Калабріи. Немедленно Ла-Мармора объявилъ неаполитанскій полуостровъ въ осадномъ положеніи. Онъ же арестовалъ депутатовъ Кальвино, Фабриччи и Мордини. Это значило дѣйствовать противъ легальности, которую онъ торжественно обязался защищать. Венгерецъ Пульски былъ также арестованъ за преступленіе, до того времени невѣдомое, а именно за то, что онъ ѣхалъ на одномъ кораблѣ съ членами италіянскаго парламента.

И вотъ Гарибальди на материкѣ. Успѣхъ его предпріятія казался несомнѣннымъ. Офицеры снимали свои эполеты, чтобы не быть обязанными съ нимъ сражаться. Удачная высадка его въ Калабріи объ-

ясняется согласіемъ матросовъ, которые должны были преградить ему дорогу. Онъ не имѣлъ надобности въ солдатахъ для того, чтобы господствовать въ Сициліи; онъ не могъ имѣть надобности въ нихъ и для того, чтобы господствовать въ Неаполѣ; народъ повиновался его голосу, какъ волны морскія повинуются дуновенію вѣтра. Странная «военная тираннія», которая дѣйствуетъ такими средствами! Не правда ли? А между тѣмъ что дѣлало популярное правительство, будто бы угрожаемое этою «тиранніей»? Оно принуждено было защищать свою популярность военною силою. Оно объявило въ военномъ положеніи Сицилію — до того оно было увѣрено въ симпатіи сицилійцевъ. Оно объявило въ такомъ же положеніи Неаполь — до того оно было увѣрено въ неаполитанцахъ! Гарибальди стоило бы только войдти въ Неаполь, какъ вошелъ онъ въ Палермо и Катану — и все было бы спасено. Онъ имѣлъ тысяча рѣшительныхъ человѣкъ: этого было для него болѣе, чѣмъ достаточно, для того, чтобы собрать вокругъ себя огромную толпу, которая увлекла бы за собою массы, тѣмъ болѣе страшныя, что онѣ состояли бы изъ безоружныхъ старцевъ, женщинъ и дѣтей.

Но для этого ему нуженъ былъ срокъ въ нѣсколько дней. Нельзя увлечь за собою населенія съ такою же быстротою, съ какою вѣтеръ уноситъ сухія листья. Но Раттацци и не думалъ дать срока своему противнику. Гарибальди надѣялся, по крайней мѣрѣ, съ своею шайкою достигнуть горъ, находящихся по сосѣдству Рима. Тамъ онъ могъ бы выждать или появленія французскихъ солдатъ, или присоединенія транстеверинцевъ. Повидимому, Гарибальди и правительство короля старались другъ друга перещеголять въ великодушіи: Гарибальди и его друзья хотѣли жертвовать собою, чтобы доставить Римъ королю, а правительство, по предварительному разсужденію дѣла, жертвовало цвѣтомъ итальянскаго населенія, чтобъ заслужить одобрительную улыбку со стороны его величества, императора тюильерійскаго.

Изъ Мелито Гарибальди отправился въ Реджіо. Вся территорія была уже покрыта піемонтскими войсками. На мысѣ, образующемъ южную оконечность Италіи, находилось восемьнадцать тысячъ человѣкъ. Цѣпь крутыхъ возвышенностей внезапно прерывается на перешейкѣ Тиріоло, гдѣ поверхность становится почти ровною. Тамъ былъ самый опасный пунктъ для перехода. На этомъ мѣстѣ взятъ былъ король Мюратъ, и тамъ уже пали геройскіе братья Бандіеры.

За этимъ пунктомъ мѣстоположеніе принимало другой видъ, начинались Аппенины, земля расширялась, возмутившаяся Калабрія представляла точку опоры, можно было избѣгнуть всякаго преслѣдованія превосходныхъ силъ и достигнуть Неаполя.

Отрядъ Гарибальди потерялъ значительное число людей, изнуренныхъ голодомъ и продолжительными маршами. Вечеромъ 28 августа полторы тысячи человѣкъ расположились на равнинахъ Аспромонте. Дождикъ лилъ ливнемъ, сопровождаемый порывистымъ вѣтромъ. Волонтерамъ пришлось обойдтись безъ огня и довольствоваться самою скудною пищею. Не смотря на свою незначительность, отрядъ этотъ все еще былъ слишкомъ великъ для того, чтобы проходить горными дорогами для избѣжанія преслѣдованій, и добыть въ достаточномъ количествѣ самые необходимые припасы въ малочисленныхъ, бѣдныхъ и жалкихъ хижинахъ мѣстныхъ жителей, которыя притомъ уже заняты были преслѣдователями. Въ одну деревню, въ то время, когда оттуда выходили волонтеры, прибыли регулярныя войска, и къ нимъ присоединились отдѣлившіеся отряды. Казалось, Піемонтцы готовились забрать плѣнныхъ... Но какихъ? Не было никакой войны. Никто не сражался. Волонтеры получили формальное приказаніе не дѣлать никакихъ нападеній, не защищаться, идти быстро впередъ, и только.

29 августа, не за долго до полудня, генералъ велѣлъ снять лагерь. Піемонтскія войска были отъ него на разстояніи не болѣе двухъ часовъ пути. Они настигли его въ ту минуту, когда онъ находился на половинѣ одного косогора. Вотъ какъ описываютъ слѣдовавшія за тѣмъ происшествія офицеры генеральнаго штаба Гарибальди:

«Передовыя линіи берсагліеровъ приблизились на разстояніе ружейнаго выстрѣла и стали въ позицію. Весь отрядъ смотрѣлъ на нихъ безмолвно. Многіе изъ нашихъ, и притомъ изъ числа самыхъ храбрыхъ, рѣшившись не сражаться, углубились въ лѣсъ... Не раздалось ни одного крика, ни одного выстрѣла. Только генералъ, въ своей сѣрой шинели, съ красной подкладкой, стоя наблюдавшій за тѣмъ, что происходило, иногда обращался къ волонтерамъ, съ словами: Не стрѣляйте! И офицеры повторяли за нимъ приказаніе: Не стрѣляйте?

« Не было никакого предварительнаго объявленія, не являлся ни одинъ парламентеръ.

«Берсагліеры открыли по насъ дѣятельный огонь. Къ несчастію, нѣкоторые изъ молодыхъ сицилійцевъ, изъ числа *picciotti*, не могли устоять противъ увлеченія, для нихъ новаго, возбуждаемаго этою страшною игрою, и отвѣчали ружейными выстрѣлами, правда рѣдкими и неловкими, но которые однакожъ стоили крови. Изъ прочихъ никто не шевелился: кто стоялъ— продолжалъ стоять; кто сидѣлъ—оставался въ этомъ положеніи. Трубачи, всѣ безъ исключенія, подавали сигналъ для прекращенія выстрѣловъ. Такое же приказаніе отдавали и офицеры. Таковъ былъ нашъ отвѣтъ войску, которое подало сигналъ къ аттакѣ, сопровождаемый дѣятельнымъ ружейнымъ огнемъ.

«Генералъ, стоя неподвижно подъ градомъ пуль, продолжалъ кричать волонтерамъ: не стрѣляйте! Въ эту минуту, двѣ пули, одна со всей силой, поразили его въ нижнюю часть правой ноги. Генералъ, раненный, величественно выпрямился, снялъ шляпу, замахалъ своимъ знаменемъ и закричалъ: Да здравствуетъ Италія? Не стрѣляйте!

«Нѣкоторые офицеры отнесли его въ сторону и помѣстили подъ деревомъ. Тамъ онъ съ своимъ обыкновеннымъ спокойствіемъ отдавалъ приказанія и каждый разъ повторялъ: Пусть подойдутъ они. Не стрѣляйте! Съ нашей стороны прекратился огонь. Принесли Менотти, также раненаго. Его помѣстили подлѣ отца, подъ однимъ и тѣмъ же деревомъ.

«Въ эту минуту настигли насъ аттакующіе. Они остановились и прекратили огонь... Съ обѣихъ сторонъ солдаты стали сходиться. Между нами возникъ споръ. Одинъ лейтенантъ генеральнаго штаба зашелъ дальше другихъ и объявилъ, что посланъ въ качествѣ парламентера. Его отослали къ полковнику Паллавичино, начальнику аттакующихъ, съ отвѣтомъ, что генералъ приказалъ вступить въ переговоры, такъ какъ мы не намѣрены сражаться противъ итальянской арміи.

«Двадцать минутъ спустя, явился Паллавичино и объявилъ, что получилъ положительное приказаніе аттаковать волонтеровъ, какимъ бы образомъ и гдѣ бы то ни было. Онъ требовалъ сдачи; но ему замѣтили, что не можетъ быть сдачи тамъ, гдѣ не было никакого сраженія. Согласились однакоже сдать оружіе и отправиться подъ конвоемъ войскъ. Паллавичино увѣрялъ, что, по его мнѣнію, всѣ

будутъ распущены по домамъ чрезъ двадцать четыре часа. Вотъ заключенныя съ нимъ условія:

«Генералъ Гарибальди, со свитою офицеровъ, которымъ оставлены будутъ ихъ шпаги, отправится въ Сциллу. На дорогѣ ему дозволено будетъ останавливаться, гдѣ онъ захочетъ, для перевязки ранъ. Въ Сциллѣ онъ съ своею свитою сядетъ на англійскій корабль. За поѣздомъ въ нѣкоторомъ разстояніи будетъ слѣдовать конвой изъ берсагліеровъ. — Что касается отправленія на англійскомъ кораблѣ, то полковникъ Паллавичино объявилъ, что долженъ на этотъ счетъ испросить разрѣшенія правительства...»

Когда Гарибальди, съ своею свитою, прибылъ въ Сциллу, послѣ самой грустной поѣздки, тамъ уже получены были приказанія правительства, отличавшіяся чрезвычайною строгостью. Ни одно изъ условій, словесно заключенныхъ съ Паллавичино, не было исполнено. Что касается до отправленія на англійскомъ кораблѣ, то объ этомъ правительство не хотѣло и слышать. Генералъ, узнавъ это, не показывалъ ни малѣйшаго удивленія. Онъ только замѣтилъ: А! вы меня обманули!

Его посадили на катеръ для отправленія вмѣстѣ съ другими плѣнными, на бортъ фрегата *«Герцогъ генуэзскій»*. На палубѣ корабля находились генералъ Чіальдини и контръ-адмиралъ Альбини. Когда Гарибальди проходилъ мимо этихъ господъ, они старались смотрѣть ему въ лицо, не кланяясь. Потомъ фрегатъ снялся съ якоря и отправился въ Специю, находящуюся на другомъ концѣ Италіи. По прибытіи на мѣсто назначенія, Гарибальди былъ заключенъ въ крѣпость Вариньяно, подъ одну кровлю съ каторжниками.

Такимъ образомъ водворенъ былъ порядокъ. Волонтеровъ по сту человѣкъ сажали въ одинъ и тотъ же казематъ. Нѣкоторые бѣжали въ лѣса и горы, и тамъ преслѣдовались солдатами; другіе разстрѣливались, какъ дезертеры піемонтской арміи. Чіальдини издалъ приказанія такого рода: «Всѣ лица, скитающіяся по Сициліи и Калабріи, если попадутся съ оружіемъ въ рукахъ, будутъ наказаны наравнѣ съ преступниками, обвиненными въ грабежахъ и убійствахъ. Остатки гарибальдійскихъ шаекъ, не взятые еще въ плѣнъ, должны выдать себя правительству въ продолженіе пяти дней; только тогда они подвергнутся такому же обращенію, какъ военноплѣнные. Въ противномъ же случаѣ съ ними поступлено будетъ, какъ съ разбойниками.» Король, впрочемъ, велѣлъ отсрочить исполненіе приговора-

ровъ военнаго суда и всемилостивѣйше замѣнилъ «пожизненнымъ заключеніемъ» казнь, назначенную солдатамъ регулярныхъ войскъ, которые послѣдовали за знаменемъ Гарибальди.

Конечно, все это было въ порядкѣ вещей. Гарибальди палъ отъ піемонтской пули, Гарибальди былъ наказанъ, какъ мятежникъ, тѣмъ самымъ королемъ, которому онъ подарилъ два королевства. Его преслѣдовалъ, тѣснилъ, билъ, мучилъ тотъ самый человѣкъ, для котораго онъ рисковалъ своею свободою, своею жизнію, озаренною лучезарнымъ блескомъ славы. Гарибальди палъ отъ руки итальянца за то, что хотѣлъ дать Италіи новое доказательство своей любви и доставить Виктору Эммануилу новую побѣду, безъ которой всѣ предъидущія оставались и останутся безполезными. Такъ Раттацци былъ правъ, и снова водворился порядокъ!

Послѣ торжества, одержаннаго надъ волонтерами, у правительства была одна забота: что дѣлать съ плѣнными и, въ особенности, съ величайшимъ изъ нихъ, Гарибальди? Предать ли ихъ военному суду и приговорить къ разстрѣлянію или пожизненному заключенію, или же нанести имъ новую обиду объявленіемъ помилованія? Послѣдней мѣры требовали Ла Мармора, Чіальдини и вся партія генераловъ. Военному совѣту возразили, что Гарибальди не находится на службѣ піемонтской, что онъ давно уже вышелъ въ отставку, что онъ никогда не сражался противъ Италіи и что даже неизвѣстно, хотѣлъ ли онъ сражаться противъ французовъ, занимающихъ Римъ, или противъ кого бы то ни было. Тогда адмиралъ Персано подалъ великолѣпную идею—обвинить Гарибальди въ составленіи беззаконныхъ сборищъ. Другой просто-на-просто совѣтовалъ предать Гарибальди суду, образованному изъ сенаторовъ, которому и предоставить обязанность пріискать причину для обвиненія и осужденія подсудимаго. Пріискать причину для обвиненія побѣжденнаго—вотъ въ чемъ состояло затрудненіе правительства. Впрочемъ, это бездѣлица!

И надо было видѣть, какъ торжествовалъ синьоръ Раттацци, внимая поздравленіямъ короля Виктора Эммануила, комплиментамъ ловкихъ дипломатовъ, похваламъ всѣхъ сильныхъ міра сего. Онъ сдѣлался предметомъ зависти для Фанти, предметомъ лести Ла-Фарины, былъ поздравляемъ Фарини и удостоился одобренія со стороны своего учителя Ла-Марморы. Императоръ тюйлерійскій выражалъ ему свою чувствительную благодарность, а принцесса Bonaparte Wyse по телеграфу изъявляла разныя любезности. Высокая и сухая фигу-

ра синьора Раттацци выпрямилась во всю свою длину; онъ однимъ уже ростомъ равнялся великому Діомеду, а что касается ума, то въ этомъ отношеніи — можно было присягнуть Минервой — онъ не уступилъ хитрому Улиссу, одержавшему верхъ надъ героемъ Аяксомъ. Съ улыбкой закинувъ голову назадъ, онъ съ самодовольнымъ видомъ вертѣлъ своимъ большимъ пальцемъ. Съ лорнеткой на носу, висѣвшей на черномъ снуркѣ, онъ, казалось, придавалъ своему лицу магическій и тонкій взглядъ. Его голосъ сдѣлался въ одно и то же время привѣтливымъ и повелительнымъ, и все существо, съ головы до пятокъ, прониклось чувствомъ торжества.

А! думалъ онъ, — это я уничтожилъ Гарибальди, это я повергъ его на землю раненнымъ и окровавленнымъ. Это я одержалъ побѣду надъ побѣдителемъ австрійцевъ, надъ побѣдителемъ у береговъ Вультурна. Освободитель двухъ міровъ теперь находится въ моихъ рукахъ. Я былъ твердъ, ловокъ и отваженъ. Я былъ храбръ и изобрѣтателенъ. Я исполнилъ то, чего не поспѣлъ сдѣлать Кавуръ, этотъ человѣкъ, возбуждавшій всеобщее удивленіе. Онъ не рѣшался коснуться Гарибальди, а я этому самому Гарибальди всадилъ пулю въ ногу! Если предводитель знаменитой «тысячи» герой, то что же я послѣ того, я, который побѣдилъ предводителя храбрыхъ?!

Еще разъ, синьоръ Раттацци былъ правъ. Всегда маленькій одерживаетъ верхъ надъ великимъ, таковъ ужь роковой законъ судьбы. Но вотъ неслыханное чудо! Былъ на свѣтѣ народъ, дѣйствительно восторгавшійся своимъ королемъ, была монархія, которая въ числѣ чистыхъ и искреннихъ республиканцевъ находила себѣ самыхъ пламенныхъ защитниковъ. Раттацци все это измѣнилъ! Императору Людовику Наполеону, душившему Италію вопросами римскимъ и неаполитанскимъ, готовился страшный ударъ. Раттацци искусно отпарировалъ этотъ ударъ и заставилъ его пасть на піемонтскую династію. Онъ спасъ папу и императора, но поразилъ своего короля въ самую грудь! Да, дѣйствительно, синьоръ Урбанъ совершилъ все это и теперь будутъ говорить: Италія до Раттацци и Италія послѣ Раттацци!

Первый министръ, безъ сомнѣнія, считалъ бы себя освобожденнымъ отъ всякаго затрудненія, еслибъ Гарибальди умеръ, вслѣдствіе своей раны. Но это почти единственная любезность, которой Гарибальди не оказалъ правительству. И все-таки онъ не былъ судимъ ни офицерами Чіальдини, ни сенатомъ, ни даже помилованъ министромъ. Не зная, что дѣлать съ своимъ плѣннымъ, правительство на-

конецъ открыло двери его темницы, не отдавая никакого объясненія. Плѣнникъ вышелъ не благодаря, потому что самъ требовалъ суда. Вчера онъ страдалъ, разбитый въ ногахъ; теперь онъ поправляется, и полагаютъ, что его здоровье будетъ возстановлено къ веснѣ.

Признаться, такая развязка не совсѣмъ правильна. Какъ это не умеръ герой? Простой и добрый, съ душою прямою и чистою, какъ это онъ не погибъ, подобно Іоанну Гуссу, подобно Іоаннѣ д'Аркъ. На что же созданы герои, спрашиваю васъ, если не на то, чтобъ ихъ преслѣдовали, судили, унижали и терзали мерзавцы?!

Какъ бы мы ни надѣялись, что дѣло Аспромонтское не прекратитъ карьеры добраго Гарибальди, но то уже несомнѣнный фактъ, что идея, которой представителемъ былъ этотъ человѣкъ, идея союза партіи дѣйствія съ роялизмомъ, перестала быть примѣнимою съ тѣхъ поръ, какъ королевскій слуга преслѣдовалъ, аттаковалъ и тяжело ранилъ народнаго героя. На сколько Раттацци отнялъ вліянія у Гарибальди, на столько же лишился этого вліянія и роялизмъ и на столько же выигралъ Мадзини. Одна логика ничего не потеряла въ этомъ дѣлѣ.

Объ этомъ-то, быть можетъ, и думаетъ великій патріотъ въ минуты принужденной своей бездѣятельности. Онъ охотно переносится мыслями на барку, качаемую волнами любимаго имъ моря. По цѣлымъ часамъ онъ погруженъ въ безмолвную думу. Его глаза устремляются въ даль, за синія волны Средиземнаго моря, туда, гдѣ за позлащенными облаками скрывается величественный Капитолій. И однакожъ онъ говорилъ: Во имя Италіи, я взойду на Капитолій, или умру!—Герой думаетъ думу, онъ думаетъ и молчитъ!...

Дѣйствительно, исторія Италіи остановилась послѣ пораженія Гарибальди. Съ тѣхъ поръ она какъ-будто въ заперти, и въ этомъ положеніи, повидимому, останется долго. Правительство тюйльерійское замѣчало туринскому кабинету, что удерживаетъ Римъ вслѣдствіе поведенія Гарибальди; теперь оно своими дѣйствіями даетъ замѣтить еще болѣе яснымъ образомъ, что не оставляетъ этого города именно по случаю удаленія Гарибальди. Друэнъ де Люи принимаетъ высокомѣрный тонъ. Онъ недавно еще осмѣлился намекнуть Нигри, что итальянскій парламентъ необходимо долженъ отказаться отъ своего объявленія, будто Римъ столица Италіи,—объявленія, которымъ оправдывались всѣ прошедшіе и всѣ будущіе Гарибальди. Тотъ самый Бильо, который еще въ прошломъ году сознавался, что Римъ занимается французами вопреки права римлянъ, недавно, во время дебатовъ объ адресѣ, объявилъ, не запинаясь, что Франція никогда,

рѣшительно никогда, не подавала Италіи повода надѣяться на возвращеніе Рима. Кабинеты парижскій и туринскій, наконецъ, вступили въ истинныя взаимныя отношенія, и этимъ они обязаны Гарибальди.

По мѣрѣ того, какъ усиливается антагонизмъ между этими двумя кабинетами, увеличивается и симпатія Англіи къ Италіи. Явленіе странное и въ то же время назидательное! Италія наконецъ поняла, что подвергалась опасности не столько отъ политики папы, сколько отъ политики человѣка, одержавшаго побѣду при Сольферино. Въ свою очередь, папа, во имя котораго союзникъ Италіи удерживаетъ Римъ вопреки самой Италіи, теперь ищетъ защиты не у старшаго сына церкви, доставляющаго ему войско, въ видѣ почетной стражи, но у нѣкогда столь ненавистной, еретической Англіи. Хитрый римскій дворъ примѣняетъ такимъ образомъ правило высокой политики: Не вѣрьте своимъ друзьямъ, а въ особенности, не будьте благодарны!

И вотъ папа обращается къ англійскому правительству съ вопросомъ: «найдетъ ли онъ, въ случаѣ несчастія, когда обстоятельства заставятъ его искать убѣжища, радушное гостепріимство въ Англіи?»

Рѣдко дипломатамъ случается получить такой пріятный сюрпризъ, какимъ была эта просьба для сенъ-джэмскаго кабинета. Немедленно лордъ Россель отвѣтилъ, что конечно Англія почтетъ за счастіе принять у себя папу и щедро отблагодарить за оказываемое ей довѣріе, и что уже теперь она можетъ назначить мѣстомъ пребыванія для такого почетнаго гостя островъ Мальту, съ дворцомъ, нѣкоторыми доходами и пр. и пр. Папа, получающій пенсію отъ Англіи! Какое странное смѣшеніе словъ и понятій! И это притомъ еще дѣло возможное, о которомъ ведутся дипломатическіе переговоры! Одного этого обстоятельства достаточно, чтобы показать, какъ измѣнились въ нашъ вѣкъ основанія религіозныя, политическія и нравственныя нашихъ современныхъ обществъ. Папа, отправляющійся въ изгнаніе, папа, получающій квартиру съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, со столомъ и бѣльемъ, отъ еретической, проклятой Англіи! Что бы сказали на это Павелъ III, Игнатій Лойола?

Само собою разумѣется, что эта новость въ такой же степени возмутила тюйльерійскій кабинетъ, въ какой она обрадовала сенъ-джемскій. По этому случаю, между обоими протекторами папы возникла сердитая, грозная дипломатическая переписка, которая не прекратилась до сихъ поръ и, быть можетъ, еще не мало потѣшитъ публику.

Мы оставили Раттацци посреди его торжества. Ударъ, нанесенный имъ Гарибальди, обошелся ему не даромъ. Несчастный Урбанъ самъ

былъ рапенъ нравственно. Онъ долженъ былъ оставить министерство, преслѣдуемый негодованіемъ страны, и уступить свое мѣсто другому. Его преемникъ Фарини — человѣкъ, еще менѣе заслуживающій уваженія. Онъ болѣе своего предшественника тщеславенъ, завистливъ и самодоволенъ, притомъ менѣе ловокъ и отличается менѣе честною наружностью. Къ тому же онъ хилъ и умираетъ. По временамъ министръ Перуцци выпускаетъ какой-нибудь циркуляръ противъ журналовъ и журналистовъ. Чтобъ быть справедливыми, упомянемъ объ одномъ фактѣ, который, еслибъ осуществился, сдѣлалъ бы честь министерству. Уже сто лѣтъ тому назадъ леопольдинскіе законы уничтожили въ Тосканѣ смертную казнь. Флорентійцы, достигшіе этого прогресса, чувствовали величайшее отвращеніе къ піемонтскому кодексу. Чтобъ устранить это отвращеніе, министерство теперь серіёзно занято вопросомъ объ отмѣнѣ смертной казни для всей Италіи. Вообще правительство окружено всякаго рода затрудненіями, но такъ какъ оно болѣе не возбуждаетъ къ себѣ сочувствія, то никто о немъ не безпокоится. Оно мало имѣетъ кредита, еще менѣе денегъ. Бѣдность его такъ велика, что однажды сохранный банкъ не былъ въ состояніи произвести платежъ. Реакціонеры торжествуютъ и нахально подымаютъ свои головы, въ особенности во Флоренціи и Неаполѣ. Францискъ II радостно потираетъ себѣ руки, а принцъ Мюратъ все пишетъ письмо за письмомъ къ своему знаменитому герцогу «Oiseau Bleu, Culeur du Temps.» А разбойничество, которое годъ тому пазадъ почти было уничтожено, теперь снова появляется на дорогахъ и въ горахъ. Нѣтъ болѣе денегъ для производства полезныхъ общественныхъ работъ; желѣзныя дороги не строются. Вотъ почему въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуетъ крайняя бѣдность и почему разводятся разбойники. Разбойничество, впрочемъ, эндемическая болѣзнь, свойственная неаполитанскому народу, подобно благородному учрежденію Lazzaroni. Во времена Бомбы и Del Caretto разбойники были еще многочисленнѣе, чѣмъ теперь, Только когда они уже черезчуръ размножались, тогда правительство вступало съ ними въ переговоры, завлекало ихъ въ западню и убивало. Впрочемъ, подобные случаи были рѣдки. Обыкновенно отъ этихъ шаекъ освобождались другимъ способомъ: ихъ начальникамъ давали титулъ капитановъ и пенсію изъ суммъ бюджета, а простыхъ разбойниковъ обращали въ сбировъ и жандармовъ, для которыхъ лаззарони служили шпіонами, а каммористы священной фалангой. — Конечно, правительство Виктора Эм-

мануила осталось чуждымъ такихъ постыдныхъ мѣръ. Дѣйствительно, когда какая-нибудь вооруженная шайка только грабитъ и жжетъ селенія, не угрожая самому кабинету, тогда ее оставляютъ въ покоѣ. Иногда, впрочемъ, вслѣдствіе жалобы какой-нибудь ограбленной общины, противъ разбойниковъ высылается рота солдатъ. Эта рота выступаетъ въ походъ не совсѣмъ охотно, взбирается на гору, заходитъ въ лѣсъ, схватываетъ иногда преступника, а иногда, на мѣсто его, двухъ невинныхъ, и потомъ вечеромъ возвращается во свояси. Когда она уходитъ, разбойники появляются еще въ большемъ числѣ, потому что безнаказанность дѣлаетъ ихъ смѣлыми и привлекаетъ къ нимъ новыхъ товарищей. Всѣ, не имѣющіе ни крова, ни родныхъ, дѣлаются негодяями, для которыхъ нѣтъ ничего святого, и никто имъ въ этомъ не препятствуетъ: ни армія — потому что она ихъ презираетъ, ни народъ — потому что онъ ихъ боится, ни правительство — потому что оно видитъ въ этихъ людяхъ только разбойниковъ. Вотъ еслибъ это были волонтеры, желающіе идти на Римъ, тогда дѣло приняло бы другой оборотъ! Тогда противъ нихъ высылались бы арміи, подъ предводительствомъ генераловъ, и съ этой цѣлью очищались бы границы отъ солдатъ и расходовались бы пятьдесятъ мильлоновъ. Если бы волонтеры вздумали показаться на континентѣ, то не могли бы остаться тамъ и пяти дней. То ли дѣло разбойничьи шайки? Они не имѣютъ ничего общаго съ гарибальдійцами. Когда они чувствуютъ голодъ, то не довольствуются картофелемъ; когда встрѣчаютъ стадо барановъ, то берутъ ихъ не платя. Они вовсе не думаютъ идти на Римъ; напротивъ, если попадутъ туда, то желаютъ поскорѣе выбраться. И такъ, они не опасны, и поэтому имъ предоставляются жатвы, дилижансы, горы и селенія, землевладѣльцы и путешественники!..

Какъ еще недавно Италія была хороша, когда ея отважный корабль, обратившись къ будущности, гордо шелъ впередъ, разсѣкая волны, которыя съ шумомъ разбивались о его быстрые бока! Теперь ея паруса повисли и не раздуваются болѣе вѣтромъ общественнаго мнѣнія. Корабль лежитъ въ дрейфѣ и въ немъ мѣстами образовалась течь. Маневры его совершаются превратно. Ничто не удается. Руль скривился и дѣйствуетъ наоборотъ. Кавуръ началъ эру прогресса, Раттацци—эру ретроградную. Вотъ, что значитъ имѣть слишкомъ много ума и мало чувства!

Что касается итальянскаго народа, то онъ собирается мыслями. Это занятіе скучное и которое можетъ продолжаться долго.

Жакъ Лефренъ.

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

Чѣмъ интересуется наше общество?—Общія свойства нашихъ журналовъ.—Говядина и телятина, какъ современные интересы петербургскаго населенія.—Причины общественнаго индиферентизма. — Взаимныя отношенія общества и литературы.—Время скандаловъ, какъ пища для нашихъ публицистовъ.—Отсутствіе общественныхъ интерессовъ.—Неудачные опыты самодѣятельности нашего общества.—Мѣры о понужденіи общества къ самодѣятельности.—Проектъ положенія о новомъ городскомъ устройствѣ.—Общественное мнѣніе и примѣры, доказывающіе его слабость.—Просвѣщеніе какъ якорь спасенія.—Вѣрно ли это? По нашему мнѣнію однимъ просвѣщеніемъ ничего нельзя сдѣлать.—Проектъ преобразованія земскихъ учрежденій.—Наше мнѣніе по этому предмету.—Проектъ преобразованія народныхъ училищъ.—Подробный разборъ этого проекта.—Исторія народнаго *обученія* въ Россіи.—Заключительные выводы изъ нея.—Основанія новаго проекта.—Системы для народнаго образованія во Франціи, Пруссіи и Англіи.—Сравненіе нашей системы съ англійской.—Свободное открытіе училищъ и ограниченіе относительно лицъ, открывающихъ училища.—Отношеніе по этому предмету общества и училищнаго совѣта.—Причины антипатіи народа къ грамотности.—Печальныя послѣдствія грамотности.—Недостатокъ образовательныхъ пособій въ народной литературѣ.—Плачъ помѣщиковъ о барщинѣ.—Объ условіяхъ хозяйства съ вольнонаемнымъ трудомъ. Затрудненія.—Артели рабочихъ и подрядчики, какъ пособія для организаціи свободнаго труда. Возможность иниціативы въ этомъ дѣлѣ помѣщиковъ.—Польское дѣло.—Послѣднія извѣстія.—Лангевичъ и его циркуляръ.

Обязанные говорить преимущественно о томъ, что интересуетъ наше общество, мы этимъ поставлены въ крайне затруднительное положеніе, потому что рѣшительно не знаемъ, чѣмъ въ настоящее время особенно интересуется русское общество; мы даже не знаемъ, способно ли оно вообще интересоваться чѣмъ-нибудь. Политическіе вопросы вертятся на однѣхъ и тѣхъ же темахъ и при всей остротѣ своей новизны и производимаго ими впечатлѣнія никогда не занимали насъ. Политики мы не любимъ по той простой причинѣ, что мало въ ней смыслимъ. Притомъ въ нашихъ ежедневныхъ газетахъ самый интересный отдѣлъ составляютъ объяв-

ленія и телеграфическія депеши. Затѣмъ все прочее печатается не столько для удовольствія публики, сколько для очистки совѣсти самихъ редакторовъ. Общія мѣста ужасно наскучили читателямъ, а живой и яркой мысли нигдѣ не встрѣчаешь, какъ будто литература исчерпала всѣ наши умственныя силы. Между ежемѣсячными журналами ведется серьёзная конкуренція по вопросу: какой изъ нихъ выйдетъ толще и выставитъ побольше подписчиковъ? Съ этой послѣдней цѣлію «Время» напечатало романъ В. Гюго «*Notre Dame de Paris*», а съ слѣдующаго мѣсяца, говорятъ, намѣрено предложить своимъ читателямъ «Дафниса и Хлою», повѣсть, относящуюся къ IX вѣку христіанской эры. Переводъ будетъ сдѣланъ самимъ М. М. Достоевскимъ прямо съ греческаго языка.

Впрочемъ въ послѣднее время огромное большинство петербургскаго населенія занято вовсе не литературой, а вопросомъ о говядинѣ и телятинѣ; хотя вопросъ этотъ, повидимому, не такъ важенъ, какъ вопросъ о земствѣ, такъ поэтически разработываемый г. Щаповымъ, но онъ имѣетъ прямое отношеніе къ желудку и карману, и потому интересуетъ даже тѣхъ, кто не читаетъ «Сынъ Отечества»—и «Домашнюю Бесѣду».

И на это есть своя уважительная причина: общество такой субъектъ который преимущественно цѣнитъ положительную пользу, а какую же пользу принесли, и могутъ принести ему наши бѣдные журналы. Вотъ говядина стала дорога такъ, что бѣднымъ чиновникамъ скоро придется употреблять изношенные сапоги на котлеты, а газеты объ этомъ не только не знали прежде, когда еще подготовлялись причины этой дороговизны, но и теперь не хотятъ знать. Можно быть увѣреннымъ, что если бы разныя экономическія причины произвели напримѣръ то, что въ Петербургѣ сдѣлался бы голодъ,— газеты узнали и сообщили бы объ этомъ не прежде, какъ когда обнаружились бы послѣдствія голода. Вотъ о голодѣ въ Финляндіи, происшедшемъ отъ раннихъ лѣтнихъ морозовъ, мы узнали въ декабрѣ; а о голодѣ въ Вологодской губерніи, происшедшемъ тоже отъ дурного лѣта, узнали только въ январѣ. А кажется у всѣхъ газетъ есть свои собственные корреспонденты, разсѣянные по всему лицу земного шара, отъ мытнаго двора на петербургской сторонѣ и до Коломны.

Когда между обществомъ и публичными его дѣятелями есть взаимность, т. е. каждый изъ нихъ цѣнитъ себя и другъ друга, тогда

торговля умомъ, знаніемъ, талантомъ, не заключаетъ въ себѣ ничего худого; но когда нѣтъ этой взаимной оцѣнки, т. е. когда публичный дѣятель знаетъ, что онъ работаетъ своимъ умомъ для общества, которое не уважаетъ, а съ другой стороны общество относится къ произведеніямъ ума и таланта безъ способности оцѣнить ихъ, безъ всякаго сочувствія, то умственное занятіе дѣлается скучнѣйшимъ ремесломъ, какое только существуетъ. Именно таково отношеніе нашей современной литературы къ обществу; въ этомъ должно искать причину и объясненіе вялости и недостатка вліянія преобладающаго въ нашей текущей литературѣ. Это фактъ несомнѣнный, и потому мы выставляемъ его на видъ прямо, не указывая на доказательства, которыя сами собою бросаются въ глаза на каждомъ шагу. А между тѣмъ, говоря вообще, нельзя сказать, чтобы русскіе люди были бездарны; на что же нибудь да произвела насъ природа.

Но филиппика наша ни въ какомъ случаѣ не избавляетъ насъ отъ необходимости говорить о внутреннихъ дѣлахъ. Было время когда они процвѣтали, когда публицисту и публикѣ было весело и пріятно слѣдить за нашими общественными явленіями. То было драгоцѣнное время скандаловъ, въ несчастію скоро миновавшееся. Всякій публицистъ могъ быть увѣренъ, что, говоря о послѣднихъ скандалахъ, онъ удовлетворяетъ насущной потребности общества; теперь какъ на бѣду скандаловъ нѣтъ или въ печати вышли изъ моды.

Съ паденіемъ откупа также исчезъ богатый источникъ матеріаловъ для внутренняго хроникера, такъ что неизвѣстно какъ будутъ существовать теперь нѣкоторые журналы. Первые два мѣсяца этого года еще можно было пробавляться восторгами отъ паденія откупа и добивать его обличеніями разныхъ мелкихъ плутней цѣловальниковъ, но далѣе говорить объ откупѣ,—значило бы бить лежачаго. Повидимому, неистощимый запасъ разныхъ проектовъ общественныхъ преобразованій тоже, пожалуй, оскудѣетъ для насъ, тѣмъ болѣе, что мы любимъ заниматься только началомъ всякаго дѣла, не обращая никакого вниманія на его практическія послѣдствія.

Крестьянское дѣло, судебная реформа, преобразованіе городского и земскихъ учрежденій, желѣзныя дороги и прочія акціонерныя предпріятія, кредитныя учрежденія, устройство пожарныхъ командъ, тюрьмы, самоуправленіе, децентрализація, уставъ о книгопечатаніи, народное образованіе, устройство учебной части, даже вопросъ объ улуч-

шенiи быта духовенства, о которомъ теперь поручено сдѣлать соображенiе особой коммисiи, все это такiе предметы, которые уже потеряны для общественнаго вниманiя вслѣдствiе того, что объ нихъ ужь слишкомъ много говорили....Для публики остается послѣдняя надежда не умереть со скуки, дождаться и прочитать новый романъ Писемскаго, который повезенъ авторомъ въ Москву, въ особомъ товарномъ вагонѣ по желѣзной дорогѣ. Это громоздское произведенiе будетъ напечатано въ Рус. Вѣстникѣ и навсегда разлучитъ насъ и «Библiотеку для Чтенiя» съ главнымъ редакторомъ ея. Увы! Мiръ опустѣлъ.

Обращаясь затѣмъ къ текущимъ событiямъ, вообще къ предметамъ, касающимся общества, мы намѣрены сказать нѣсколько словъ по поводу разосланныхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ программъ о преобразованiи городского управленiя и нашихъ земскихъ учрежденiй. Эти программы являются какъ-бы финаломъ той газетной трескотни о самоуправленiи и самодѣятельности общества, которая раздавалась лѣтъ пять безпрерывно.

Нѣсколько опытовъ нашей самодѣятельности въ дѣлахъ, *предоставленныхъ* обществу правительствомъ, какъ напримѣръ: взаимное страхованiе и устройство пожарныхъ командъ, показали, что въ нашемъ обществѣ нѣтъ ни малѣйшей опытности въ дѣлѣ самоуправленiя; даже можно указать на явные признаки нашей полной небрежности и антипатiи къ формамъ общественнаго управленiя; кому, напримѣръ, не извѣстно, съ какимъ равнодушiемъ производятся всевозможные выборы въ общественныя должности и съ какой антипатiей къ дѣлу принимаются эти должности избираемыми. Общество считаетъ выборы и весь существующiй нынѣ механизмъ общественнаго управленiя одной лишь формальностью, не имѣющей существеннаго значенiя. Общество не только не держитъ инициативы въ своихъ собственныхъ дѣлахъ, но даже не принимаетъ на свою заботу и того, что прямо отнесено къ его вѣдѣнiю разными правительственными постановленiями.

Если бъ мы стали объяснять причину этого явленiя продолжительной опекой, захватившей себѣ всѣ самобытныя отправленiя общественнаго организма, то это было бы повторенiемъ мнѣнiя, высказаннаго несчетное число разъ многими изъ на-

шихъ журналовъ. Соглашаясь вполнѣ съ тѣмъ, что наше общество и безсильно, и непрактично, и даже вовсе не наклонно къ самодѣятельности, — мы находимъ несправедливымъ обвинять его въ этомъ, потому что не можемъ не признать причины, которая, по нашему мнѣнію, объясняетъ безсиліе общества во всемъ, что касается его мнѣнія и дѣятельности.

Какъ бы то ни было, но мы находимъ почти невозможнымъ относиться серьёзно къ вопросу о самодѣятельности русскаго общества, несмотря на то, что и пропаганда журналовъ, начиная отъ «Сѣверной Почты» до «Сына Отечества», и желаніе правительства, и самое сознаніе общества сходятся на необходимости вызвать самодѣятельность народа. Намъ какъ-то не вѣрится, чтобы достаточно было одного желанія и сознанія необходимости въ самодѣятельности, для того, чтобы она и дѣйствительно явилась. Мы также не вполнѣ вѣримъ и тому, чтобы самодѣятельность и способность къ самоуправленію пробудились въ русскомъ обществѣ только отъ призванія его правительствомъ къ исполненію тѣхъ или другихъ общественныхъ дѣлъ.

Программа для общественной самодѣятельности, съ преобразованіемъ у насъ судебной части и съ преобразованіемъ городского общественнаго управленія, должна значительно увеличиться; но нравственныя силы самого общества остаются, и навѣрное останутся, тѣми же, каковыми онѣ были и прежде, если общество не будетъ чувствовать себя сильнѣе во всемъ, что касается вообще достиженія или защиты его разнообразныхъ интересовъ. Общество тогда само попроситъ себѣ дѣятельности и будетъ достигать расширенія ея границъ; только это и можетъ служить доказательствомъ, что общество сознаетъ въ себѣ силы для управленія своими собственными дѣлами; безъ сознанія же въ себѣ этой умственной силы никакое общество не можетъ быть достаточно компетентнымъ въ этомъ управленіи.

Приводимъ, по нашему мнѣнію, весьма характеристическій примѣръ недоразумѣнія въ такомъ простомъ общественномъ и нисколько не казенномъ дѣлѣ, какъ напримѣръ освѣщеніе городовъ: въ № 29 Сѣв. Почты, въ отдѣлѣ распоряженій по министерству внутреннихъ дѣлъ сообщено, что «нѣкоторыя губернскія начальства, по случаю встрѣченнаго затрудненія пріобрѣтать, по дешевой цѣнѣ, спиртъ для освѣщенія городовъ, ходатайствуютъ о разрѣшеніи городскимъ *обществомъ* употреблять для уличнаго освѣщенія другіе ма-

теріалы, какіе будутъ признаны по мѣстнымъ обстоятельствамъ болѣе выгодными для городской казны, напримѣръ фотонафтиль, стеариновыя свѣчи, масло и пр.» Министерство, конечно, разрѣшило *предоставить* городскимъ обществамъ избрать освѣтительные матеріалы по ближайшимъ соображеніямъ обществъ.

Этотъ, повидимому ничтожный, фактъ стоитъ того, чтобы на немъ остановиться.

Можетъ быть, и новое ожидаемое положеніе объ управленіи городами будетъ постигнуто той же участью, какъ и прежнія положенія, начиная со временъ Екатерины II; но во всякомъ случаѣ разосланныя нынѣ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ программы имѣетъ для насъ значеніе какъ новый правительственный актъ, изъ котораго видно, что именно предоставляется правительствомъ городскимъ обществамъ, какія предположены границы для независимости ихъ дѣйствій, и въ какихъ формахъ будетъ организованъ механизмъ общественнаго управленія.

Главнѣйшія задачи, поставленныя программой министерства внутреннихъ дѣлъ для обсужденія мѣстнымъ коммисіямъ, составляющимъ свои соображенія о городскомъ устройствѣ, заключаются въ опредѣленіи слѣдующихъ обстоятельствъ: а) Какія условія городской жизни заключаетъ извѣстный городъ или посадъ? б) При какихъ условіяхъ поселившіеся въ городѣ жители должны считаться членами городского общества и на какіе разряды или сословія жители эти могутъ быть раздѣлены? в) Въ чемъ состоятъ общественныя дѣла городского общества и отдѣльныхъ городскихъ сословій? г) Какія учрежденія и должности должны быть установлены для завѣдыванія общественными дѣлами? д) При какихъ условіяхъ городскіе обыватели имѣютъ право голоса въ выборахъ? е) Какія условія должны соединять въ себѣ лица, избираемыя въ общественныя должности? ж) Какимъ образомъ должны быть опредѣляемы права избирателей и избираемыхъ? з) Какой порядокъ долженъ быть установленъ относительно составленія общественныхъ собраній, а также какъ должны производиться самые выборы? и) На какой срокъ должны быть избираемы должностныя лица, и какія преимущества надлежало бы присвоить лицамъ, состоящимъ въ городской службѣ?

Вопросъ о преобразованіи городского управленія, по этой программѣ, могъ бы быть *обсужденъ* весьма широко и не безплодно для

общества, если бы оно, равно какъ и представители его, члены коммисій, призванные къ обсужденію вопроса, обладая необходимымъ въ подобныхъ дѣлахъ политическимъ развитіемъ, изслѣдовали не поверхностно, а поглубже тѣ основанія, на которыхъ могло бы возникнуть не какое-нибудь фиктивное, а дѣйствительное, самостоятельное общественное управленіе, или *самоуправленіе*. Повторяемъ, программа такъ широка, что по ней можно бы было построить прочный фундаментъ для самобытнаго общественнаго развитія; и это зависитъ отъ общества, которое можетъ теперь выразить свои желанія именно въ опредѣленіи *границъ* своей дѣятельности. Развитое политически общество всегда съумѣло бы съ тактомъ, прямотой и практичностью сдѣлать для себя много дѣйствительно хорошаго при этомъ случаѣ. Но что сдѣлаютъ наши городскіе мудрецы и публицисты, призванные для рѣшенія изложенныхъ вопросовъ, и какъ будетъ направлять ихъ общественное мнѣніе — мы рѣшительно отказываемся предугадать. Мы боимся, чтобы всѣ воззрѣнія и цѣли этихъ коммисій не ограничились бюрократической рутиной; чтобы свою задачу не приняли они только за *новый планъ* существующаго теперь *городского хозяйства*. Самоуправленіе — не то, что хозяйство: послѣднее лишь незначительная часть перваго. Изъ губернскихъ мѣстныхъ источниковъ мы знаемъ, къ несчастію, весьма мало о ходѣ работъ коммисій и о настроеніи общественнаго мнѣнія въ вопросахъ по этому дѣлу. Въ «Голосѣ» мы находимъ корреспонденцію изъ Красноярска, изъ которой видимъ, что тамъ коммисія поняла свое значеніе и цѣль очень оригинально. Въ засѣданія этой коммисіи были приглашаемы эксперты по дѣламъ, касающимся народнаго обученія и сохраненія народнаго здоровья. Не поставивъ вопросовъ, о которыхъ коммисія хотѣла посовѣтоваться съ свѣдущими людьми по спеціальнымъ предметамъ, члены коммисіи, въ лицѣ одного изъ своей среды, выразили экспертамъ, что они, члены, не имѣютъ времени выслушивать все, что скажутъ эксперты, и потому требуютъ, чтобы эксперты выражались какъ можно короче, и что главный вопросъ состоитъ въ томъ, чтобы учебная и медицинская части въ городѣ «были *подчинены* будущему городскому управленію», все же прочее есть дѣло второстепенное. Изъ этого видно, что у коммисіи засѣла неискоренимо мысль о непремѣнномъ *подчиненіи*, которое она и полагаетъ цѣлью и средствомъ самоуправленія. Вообще бюрократическіе пріемы красноярской коммисіи доста-

точно ручаются за то, что и самая разработка обсуждаемыхъ ею вопросовъ будетъ вполнѣ достойна этихъ пріемовъ.

Обращаясь затѣмъ къ самой программѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, мы ограничиваемся только главными, основными ея вопросами, именно:

1. *На какіе разряды или сословія жители города могутъ быть раздѣлены?* Мы находимъ, что сословныя различія существуютъ только по отношенію къ государству, и имѣютъ политическое значеніе; а въ интересахъ чисто-мѣстныхъ, городскихъ, всѣ сословія имѣютъ одинаковыя права, слѣдовательно должны имѣть и одинаковое значеніе; поэтому въ системѣ городского управленія дѣленіе жителей на сословія не можетъ имѣть дѣйствительнаго значенія. Нѣтъ сомнѣнія, что интересы собственниковъ, т. е. домовладѣльцевъ, землевладѣльцевъ, фабрикантовъ-заводчиковъ, интересы капиталистовъ, т. е. купцовъ, рентьеровъ, антрпренеровъ, ремесленниковъ, и интересы людей всѣхъ сословій, промышляющихъ исключительно однимъ трудомъ, — различны и даже противоположны; также нельзя сомнѣваться и въ томъ, что на первомъ планѣ и первой задачей общества должны стоять самые существенные, экономическіе интересы, которые, при противоположности ихъ, требуютъ постояннаго уравновѣшиванія; а оно возможно только при равносильномъ и равноправномъ участіи въ общественныхъ дѣлахъ каждаго изъ экономическихъ элементовъ общества. Поэтому, мы находимъ единственно возможнымъ одно различіе между городскими жителями, это—собственники, капиталисты и пролетаріи (другого слова нѣтъ для выраженія понятія о людяхъ, живущихъ исключительно свободнымъ трудомъ); они и должны съ должной равноправностью дать отъ себя представителей для городского управленія, безъ различія того, къ какому сословію (т. е. личный или потомственный дворянинъ, или мѣщанинъ, или крестьянинъ) принадлежитъ городской собственникъ, капиталистъ и пролетарій.

2. *Въ чемъ состоятъ общественныя дѣла городского общества и отдѣльныхъ городскихъ сословій?* Всѣ мѣстныя дѣла и интересы какъ цѣлаго города, такъ и отдѣльно каждой корпораціи, если эти послѣднія требуютъ общаго участія городского общества, естественно должны входить въ кругъ дѣятельности городского управленія; всѣ обязанности города, какъ юридической единицы, къ правительству и государству, частью котораго состоитъ каждый городъ, также неиз-

бѣжно войдутъ въ кругъ дѣйствій городского управленія; но чтобы управленіе это нисколько не было бюрократическимъ снарядомъ, хотя и учрежденнымъ не отъ правительства, а только съ помощью мѣстныхъ выборовъ, что также не представляется невозможнымъ; чтобы городское общественное управленіе имѣло непосредственную и существенную связь съ самимъ обществомъ и было готово служить ему во *всякой* потребности, — то необходимо, чтобы всякую общественную потребность, болѣе или менѣе важную, для осуществленія которой общество нашло бы полезнымъ обратиться къ правительству,—городское общественное управленіе считало бы своимъ прямымъ дѣломъ и служило бы въ этомъ случаѣ представителемъ общества, ввѣрившаго ему свои дѣла. Русское общество еще въ отдаленные періоды своей исторіи пользовалось правомъ приносить верховной власти жалобы, *челобитья*, чрезъ выборныхъ, назначаемыхъ прямо для этой цѣли... Этотъ обычай обуздывалъ прежде произволъ воеводъ и другихъ мѣстныхъ сановниковъ и ставилъ въ непосредственную связь общество съ правительствомъ относительно нуждъ перваго. Съ преобразованіемъ городского управленія, учрежденіе, которое будетъ органомъ этого управленія, должно по нашему мнѣнію, считать своей первой и существенной обязанностью представлять правительству о всѣхъ заявленныхъ городомъ, какъ собирательной единицей, нуждахъ и потребностяхъ; что же касается до права общественныхъ собраній, уже само собою разумѣется, общество должно его получить, какъ скоро оно признано къ управленію своими дѣлами Выборы и совѣщанія, неизбѣжные при нихъ, суть уже общественныя собранія.

3) *При какихъ условіяхъ городскіе обыватели имѣютъ право голоса въ выборахъ.* Это тотъ самый вопросъ о цензѣ, который и по сіе время составляетъ камень преткновенія нашихъ публицистовъ. Относительно права на выборы противорѣчатъ даже люди однородныхъ направленій. Вопросъ о цензѣ есть вопросъ о преобладаніи. А какъ сословный духъ, еще существующій повсюду, хранитъ въ себѣ самый корень преобладанія съ одной стороны и необходимость защиты, оппозиціи съ другой, то вопросъ о цензѣ и получаетъ обыкновенно вездѣ характеръ страсти, борьбы. Въ странахъ, развитыхъ политически, вся политика опирается на этомъ вопросѣ, и всякій знаетъ, при какомъ цензѣ какая партія возметъ перевѣсъ, и какія должны быть политическія реформы. Въ Россіи

вопросъ о цензѣ—въ особенности относительно городского управленія, не можетъ имѣть и доли того значенія; но во всякомъ случаѣ цензъ опредѣляетъ вліяніе одного разряда людей на другіе, и потому вопросъ этотъ требуетъ особеннаго вниманія.

Цензъ можетъ быть по оцѣнкѣ недвижимаго имущества, или по оцѣнкѣ чистаго дохода; въ послѣднемъ случаѣ избирательнымъ правомъ могутъ пользоваться и люди, живущіе собственно однимъ трудомъ; годовая сумма, платимая за квартиру, принимается, обыкновенно мѣриломъ дохода. Но ни тотъ, ни другой родъ ценза не примѣнимы въ Россіи, потому что не цѣлесообразны. Если цензъ опредѣлять стоимостью недвижимой собственности въ городахъ и принять высшую или даже среднюю оцѣнку этой собственности, то избирателей будетъ весьма мало, вслѣдствіе того однообразія и одноцѣнности зданій, которымъ отличаются наши города; если же принять низшую оцѣнку, то тогда цензъ оставитъ за бортомъ всѣхъ, кто живетъ трудомъ, получая—одни много, а другіе мало, что будетъ крайне несправедливо, и кромѣ того городское общество лишится энергическаго и разумнаго элемента, потому что въ числѣ живущихъ однимъ трудомъ и неуспѣвшихъ еще ничего для себя пріобрѣсти, будутъ находиться многіе изъ лучшихъ представителей умственной жизни и дѣятельности города. Цензъ по оцѣнкѣ чистаго дохода будетъ представлять двѣ крайности. Если право избирательства будетъ усвоиваться доходомъ, равняющимся хоть низшему окладу жалованья губернскихъ и уѣздныхъ чиновниковъ, то опять избирателей будетъ весьма мало, и именно та часть населенія, которая болѣе всего нуждается въ представительствѣ ея интересовъ, не будетъ имѣть этого представительства; если же принять цифру годового дохода, получаемаго большинствомъ населенія, то-есть всѣми, кромѣ нищихъ, то цензъ теряетъ значеніе. Такимъ образомъ сама *почва* русской жизни указываетъ, что корни ценза на ней привяться не могутъ; слѣдовательно о немъ нечего и хлопотать. Вообще, цѣль ценза есть неравенство, неравноправность; а современныя требованія прямо противоположны этой цѣли. Если при общемъ избирательномъ правѣ всего городского населенія число избираемыхъ будетъ опредѣлено поровну: отъ собственниковъ, капиталистовъ и отъ живущихъ трудомъ,—то цѣль равноправности въ городскомъ управленіи будетъ вполнѣ достигнута.

Если между имѣющимъ возникнуть общественнымъ городскимъ упра-

вленіемъ и самымъ обществомъ не будетъ такой живой непосредственной связи, чтобы оно служило для общества органомъ его желаній и стремленій, подобно тому какъ, напримѣръ, въ былыя времена выборные люди приносили царямъ отъ своихъ обществъ челобитныя, то городское общественное управленіе едва ли будетъ чѣмъ-либо отличаться отъ всякаго бюрократическаго учрежденія; мы видимъ, что и тѣ изъ существующихъ нынѣ коллегіальныхъ учрежденій, которыя наполняются членами по выборамъ, какъ, напримѣръ, гражданскія палаты, городскія думы и т. п., въ сущности ничѣмъ не отличаются ни отъ губернскихъ правленій, ни отъ казенныхъ палатъ, гдѣ царитъ исключительно элементъ чиновничій. Общество тогда только оцѣнитъ это новое учрежденіе, когда почувствуетъ, что въ немъ есть живая сила, а не одна форма; тогда только и возникнетъ общественное мнѣніе, за отсутствіе котораго такъ справедливо и такъ безсознательно казнитъ общество наша періодическая литература.

Приводимъ изъ самыхъ послѣднихъ листковъ ежедневныхъ журналовъ образчики этого.

Московскія Вѣдомости сообщаютъ, что въ саратовскомъ рекрутскомъ присутствіи солдаты-цирюльники открыто торгуются съ рекрутами о цѣнѣ за стрижку и бритье лба, требуя за эту операцію по 5 р. сер., т. е. дороже всякаго придворнаго парикмахера, и въ случаѣ неудовлетворенія сначала являются угрозы изрѣзать и окарнать рекрута, а наконецъ самая угроза переходитъ въ дѣло: волосы на головѣ не стригутся, а выдергиваются клочьями; и это варварское вымогательство продолжается до тѣхъ поръ, покуда рекрутъ не дастъ этой взятки. Все это происходитъ открыто, публично, рядомъ съ комнатой рекрутскаго присутствія, гдѣ засѣдаетъ цѣлая коллегія мѣстныхъ чиновниковъ гражданскихъ и военныхъ. Сидя въ этомъ присутствіи, конечно нельзя не знать того, что дѣлается за стѣною, если это могло сдѣлаться извѣстнымъ въ городѣ и даже сообщается въ столичныхъ журналахъ. Всякое другое общество, въ которомъ есть сознаніе своего достоинства, было бы сильно оскорблено такой открытой наглостью и индиферентизмомъ мѣстныхъ властей, но саратовцы вѣрно не таковы: говорятъ, что многіе нашли солдатъ-цирюльниковъ очень находчивыми людьми, когда въ ихъ рукахъ «шило брѣетъ».

«Наше Время» сообщаетъ, что въ одной губерніи, помѣщикъ П.

уѣзда г. Л... обвиненъ въ *грабежѣ*, *въ вѣшаніи своего крестьянина*, который снятъ чуть живымъ, въ *отнятіи жены* у другого крестьянина, тотчасъ послѣ вѣнца, для сожитія съ нею, въ *нанесеніи жестокихъ побоевъ* унтеръ-офицеру Болдовскому и въ *удушеніи лошадей* его. Кажется, обвиненія не легки, но слѣдствіе по нимъ началось только спустя десять лѣтъ. Многія преступленія были доказаны; на повальномъ обыскѣ Л... не одобренъ дворянами, они назвали его *грабителемъ*, *воромъ* и вообще человѣкомъ опаснымъ для цѣлой мѣстности. Нижняя дистанція присудила Л... къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, но уголовная палата дѣло Л... поправила; она освободила его изъ тюрьмы, и онъ до сихъ поръ пользуется свободою, *женился* (?) и живетъ въ своемъ имѣніи. (Даже и имѣніе съ крѣпостными крестьянами не было отобрано у этого злодѣя.) На губернскихъ выборахъ Л... опороченъ общественнымъ приговоромъ П. уѣзднаго собранія, но приговоръ этотъ неизвѣстно какимъ образомъ исчезъ съ губернскаго стола, и наказаніе Л... ограничивается тѣмъ, что имя его произносится съ негодованіемъ его собратами, т. е. дворянами.

Во всемъ этомъ дѣлѣ еще можно оправдывать самого преступника: онъ защищалъ свою свободу, но каковы всѣ мѣстныя власти, которыя не могли не знать этого дѣла; каково дворянство, которое остается равнодушнымъ къ тому, что и приговоръ его остается безъ всякихъ послѣдствій!

Вообще по поводу всѣхъ неустройствъ наши скромные прогрессисты прожужжали *уши* русской публикѣ, что корень всего зла Россіи это непросвѣщеніе, и что распространеніе просвѣщенія есть истинный *якорь спасенія* для насъ. Такъ какъ съ этимъ всѣ согласны, не исключая и гг. Аскоченскаго, Н. Ф. Павлова, М. Н. Каткова, Б. Чичерина и др., то хоровое пѣніе журналовъ о недостаткѣ просвѣщенія въ Россіи стало доходить до какого-то экстаза, заглушающаго всякое другое воззрѣніе, неподходящее къ общимъ мѣстамъ нашей газетной мудрости. Просвѣщеніе и грамотность, конечно, должны идти своимъ порядкомъ, но *якоря-то спасенія* все-таки не будетъ, если бы даже уровень образованности и просвѣщенія массъ поднялся до современнаго уровня трехъ грамотныхъ и болѣе или менѣе образованныхъ сословій государства: дворянъ, чиновниковъ и духовенства; притомъ же, если для образованія отдѣльнаго человѣка, кромѣ среды, въ которой онъ

обращается, нужно по крайней мѣрѣ 10—15 лѣтъ, то для образованія массъ нужны цѣлые исторические періоды; образованіе народа совершается не иначе, какъ путемъ постепеннымъ; одно поколѣніе передаетъ другому плоды своего развитія и умственнаго труда; весь этотъ процессъ совершается крайне медленно, такъ, что нужно нѣсколько поколѣній для того только, чтобы одна грамотность и знакомство съ первыми пріемами реальныхъ наукъ и элементарныя понятія объ окружающихъ предметахъ, — сдѣлались достояніемъ массъ. Но отъ грамотности и арифметики до соціальнаго развитія народа еще неизмѣримо далеко.

Мы думаемъ, что наши прогрессисты крайне вредятъ общественному сознанію своимъ крикомъ о *якорѣ спасенія*, забывая, что соціальное развитіе, хотя и находится въ связи съ образованіемъ, но составляетъ въ то же время особое самобытное начало. Соціальное развитіе и образованіе народа связываются между собою взаимодѣйствіемъ; но объяснять соціальное развитіе прямой и единственной зависимостью отъ образованія — крайне близоруко. Развивать это и подкрѣплять примѣрами исторіи совершенно излишне; въ исторіи всякаго народа можно найдти эпохи, въ которыя онъ развивался подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ политическихъ причинъ, помимо процесса его образованія, достигая сравнительно высшихъ фазъ соціальнаго развитія. Если мы будемъ надѣяться только на одну грамотность да образованіе, то намъ придется очень долго идти подобно тому ослу, который, видя привязанный къ его лбу передъ глазами клокъ сѣна, думалъ, что его можно достигнуть посредствомъ движенія впередъ. Какая безконечная перспектива была бы нашимъ удѣломъ, если бы мы повѣрили, что отдаленныя блага образованности помогутъ намъ скоро исцѣлиться отъ нашихъ недуговъ. Неужели, въ ожиданіи этихъ благъ, намъ придется еще цѣлыя столѣтія утѣшаться только одними надеждами на будущее! Это даже противно природѣ человѣка, который всегда ищетъ и долженъ искать предпочтительно улучшенія своего настоящаго, которое въ его рукахъ, а не «ловить синицу въ морѣ» неизвѣстной никому будущности.

Образованіе сдѣлалось любимымъ *конькомъ* нашихъ прогрессистовъ и консерваторовъ. Мы думаемъ, что эти послѣдніе *объѣдутъ* на немъ нашихъ неопытныхъ прогрессистовъ.

Понимая всю важность народнаго образованія и не ограничиваясь высказаннымъ здѣсь мнѣніемъ собственно о томъ, что нельзя объя-

снять недостаткомъ образованія недостатокъ гражданскаго развитія въ обществѣ, мы намѣрены поговорить подробнѣе объ условіяхъ народнаго образованія въ Россіи въ настоящей же лѣтописи, особо; а теперь скажемъ нѣсколько словъ о проектѣ преобразованія земскихъ учрежденій.

Рядомъ съ проектомъ преобразованія городского управленія, стоитъ предполагаемое преобразованіе земскихъ учрежденій, которыя будутъ состоять изъ уѣздныхъ и губернскихъ управъ. Число членовъ этихъ управъ опредѣляется по шести. Они будутъ избираемы слѣдующимъ образомъ: уѣздное собраніе составится изъ гласныхъ, избираемыхъ землевладѣльцами, не входящими въ составъ сельскихъ общинъ, городскими жителями и *представителями* крестьянъ всѣхъ наименованій, т. е. волостными старшинами и сельскими старшинами; гласные, составившіе такимъ образомъ уѣздное собраніе, избираютъ изъ своей среды членовъ уѣздной управы, предсѣдателемъ которой *долженъ* быть уѣздный предводитель дворянства. Члены губернскаго собранія избираются, безъ различія сословій, уѣзднымъ же собраніемъ, и изъ среды своей избираютъ шесть членовъ въ губернскую управу, предсѣдателемъ которой состоитъ губернскій предводитель дворянства.

Предметы дѣятельности предполагаемыхъ земскихъ учрежденій таковы: управленіе земскимъ имуществомъ и земскими сборами, устройство мѣстныхъ путей сообщенія, народное продовольствіе, призрѣніе взаимнаго страхованія отъ огня, развитія промышленности и торговли нѣкоторыя части почтоваго управленія, раскладка податей и исполненіе потребностей военнаго и гражданскаго управленія. Однимъ словомъ всѣ мѣстныя дѣла и повинности, исполняемыя земствомъ государству, составляютъ предметъ дѣятельности земскаго управленія.

Самыми главными вопросами, возникающими при разсмотрѣніи проекта преобразованія земскихъ учрежденій, представляются два слѣдующіе: какими правами независимости отъ мѣстной правительственной власти будутъ пользоваться земскія учрежденія и кто будетъ контролировать ихъ, т. е. правительство или само общество, избравшее ихъ, и въ рукахъ суда или администраціи будетъ находиться право карать за неисполненіе воздвигаемыхъ закономъ обязанностей?

Земское самоуправленіе есть историческая древняя форма русскаго народа. Оно играло огромную роль въ нашей исторіи и до сихъ поръ остается идеаломъ народа, не смотря на новую государственную форму, по

глотившую земство въ послѣдніе два съ половиной вѣка. Исторія земства, его смыслъ и значеніе въ жизни русскаго народа суть предметы въ высшей степени для насъ интересные и поучительные, въ особенности теперь, когда ожидаемое преобразованіе земскихъ учрежденій прежде своей реализаціи должно войти въ сознаніе общества. Земство составляло обычное древнее русское право и было духомъ и плотью русской жизни. Въ быломъ мы можемъ сыскать много указаній и объясненій для настоящаго, если хотимъ быть послѣдовательными въ нашихъ преобразованіяхъ.

Какъ выйдетъ общество изъ своего привычнаго бездѣйствія (а выйдти надо), поможетъ ли ему преобразованіе земскаго управленія, и что̀ вообще оно сдѣлаетъ изъ этой неуловимой *тѣни* прошедшаго, на все это можетъ отвѣтить только сама жизнь.

Нѣтъ сомнѣнія, что возвращаться къ старинѣ намъ невозможно, потому что было бы неестественно; но во всякомъ случаѣ теперь предстоитъ русскимъ людямъ рѣшить вопросъ: чему новый порядокъ долженъ дать перевѣсъ и просторъ для развитія—новой, или старой культурѣ, которая какъ ни слаба, но все-таки существуетъ, какъ жизненное и историческое начало?

Но изъ всѣхъ преобразовательныхъ проектовъ, разбираемыхъ журналами въ настоящее время, заслуживаетъ особеннаго вниманія разосланный министерствомъ народнаго просвѣщенія «Проектъ положенія о народныхъ училищахъ». Въ немъ опредѣляются способы и средства для народнаго обученія, которое, какъ извѣстно, должно составлять первую ступень въ народномъ образованіи и развитіи.

Для народнаго обученія, какъ сказано въ проектѣ, служатъ *нормальныя народныя училища; начальныя народныя училища* и *воскресныя школы*. Первыя учреждаются непосредственно министерствомъ народнаго просвѣщенія въ количествѣ, сообразномъ съ его средствами, но также могутъ быть учреждаемы и другими вѣдомствами, обществами и частными лицами. Къ начальнымъ народнымъ училищамъ отнесены: состоящія въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія; приходскія училища въ городахъ, посадахъ и нѣкоторыхъ селахъ, содержимыя на счетъ мѣстныхъ обществъ и частію на счетъ казны и пожертвованій частныхъ лицъ, и школы грамотности, учрежденныя и содержимыя въ городахъ и селахъ частными лицами; также разныя училища, состоящія въ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ, внутреннихъ дѣлъ, удѣльнаго и горнаго

вѣдомства, и сельскія училища, основанныя и содержимыя сельскимъ духовенствомъ.

Проектъ настоящаго положенія предполагаетъ полную реформу нынѣшняго состоянія уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, какъ въ педагогическомъ, такъ и въ административномъ отношеніяхъ; что касается воскресныхъ школъ, то онѣ сравнены съ начальными народными училищами, т. е. право на нихъ и наблюденіе предоставляется, наравнѣ съ этими училищами, уѣздному училищному совѣту, составляющему совершенно новое административное педагогическое учрежденіе.

Совѣтъ этотъ состоитъ изъ членовъ отъ министерствъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, отъ духовнаго вѣдомства и изъ представителей тѣхъ вѣдомствъ, которыя содержатъ у себя народныя училища. Общества, содержащія на свой счетъ начальныя народныя училища, также могутъ имѣть, по дѣламъ отъ училищъ, представителей въ этомъ совѣтѣ въ лицѣ попечителей и попечительницъ народныхъ училищъ. Предсѣдатель совѣта выбирается изъ среды совѣта самими членами на два года. Совѣтъ собирается ежегодно не менѣе трехъ разъ, а въ необходимыхъ случаяхъ, въ то время, когда нѣтъ засѣданій совѣта, дѣла разрѣшаетъ предсѣдатель, отдавая отчетъ и отвѣтствуя за свои рѣшенія передъ совѣтомъ.

Здѣсь необходимо замѣтить, что хотя воскресныя школы и сравнены съ начальными народными училищами даже въ отношеніяхъ своихъ къ училищному совѣту, но представителей отъ нихъ въ совѣтахъ проектъ не допускаетъ. Открытіе и содержаніе начальныхъ народныхъ училищъ предоставлено, между прочимъ, и частнымъ лицамъ, съ тѣмъ, что они, для ближайшаго управленія училищами, могутъ избирать попечителей и, въ женскихъ училищахъ,—попечительницъ, которымъ и предоставлено присутствовать въ совѣтахъ съ правомъ голоса. Нѣтъ сомнѣнія, что попечители и попечительницы будутъ избираться не для каждаго училища, содержимаго частнымъ лицомъ, а для многихъ, по цѣлому уѣзду; число же воскресныхъ школъ, по всей вѣроятности, будетъ болѣе, нежели число народныхъ училищъ; и потому попечительство надъ ними, въ видахъ представительства ихъ *правъ* и интересовъ, въ училищныхъ совѣтахъ болѣе необходимо, чѣмъ надъ низшими училищами, особенно если принять въ соображеніе, что право совѣтовъ разрѣшать открытіе школъ и закрывать ихъ въ случаѣ безнравственности, или неблагонамѣренности

ихъ содержателей, распространяется совершенно одинаково какъ на школы, такъ и на начальныя училища.

Кругъ дѣйствій и обязанности уѣзднаго училищнаго совѣта таковы, что онъ можетъ быть полезенъ всего болѣе воскреснымъ школамъ, содержаніе и открытіе которыхъ требуетъ гораздо менѣе средствъ, нежели постоянныхъ училищъ. Такъ напримѣръ, на совѣтъ возлагается, между прочимъ: изысканіе средствъ къ открытію новыхъ училищъ, или къ улучшенію уже существующихъ, попеченіе о снабженіи училищъ учебными пособіями, и пріисканіе, въ случаѣ надобности, учителей и учительницъ. Все это какъ нельзя болѣе приложимо и къ воскреснымъ школамъ; поэтому представительство ихъ въ совѣтахъ, по нашему мнѣнію, необходимо, тѣмъ болѣе, что никому не можетъ быть извѣстно, народнымъ ли училищамъ, или воскреснымъ школамъ суждено играть первенствующую роль въ народномъ обученіи.

Полный курсъ ученія въ нормальныхъ народныхъ училищахъ раздѣляется на три класса; срокъ ученія въ каждомъ классѣ опредѣляется единственно успѣхами учащихся; слѣдовательно исключенія изъ училища *по неспособности къ наукамъ* не можетъ имѣть мѣста. Учебные предметы суть слѣдующіе: законъ Божій, русскій языкъ, наглядное обученіе, въ которое входятъ всѣ необходимыя свѣденія изъ естественныхъ наукъ, отечественной исторіи и географіи, черченіе и начальныя понятія изъ геометріи, арифметика, пѣніе, гимнастика.

Кругъ довольно полный, но надо сожалѣть, что въ число учебныхъ предметовъ не введена краткая всеобщая исторія. Обучаясь географіи, ученикъ будетъ знать, что на свѣтѣ есть и Франція, и Англія, и Персія и проч.; но въ умѣ его не можетъ созрѣть никакого понятія о различіи этихъ странъ, если въ то же время ему не будутъ сообщены хоть краткія историческія свѣденія объ этихъ странахъ. Трехгодичный курсъ допускаетъ возможность преподаванія краткой исторіи.

Назначеніе платы за ученіе въ нормальныхъ народныхъ училищахъ зависитъ отъ усмотрѣнія министерства народнаго просвѣщенія; дѣти совершенно недостаточныхъ родителей освобождаются отъ платы за ученіе съ разрѣшенія уѣзднаго училищнаго совѣта.

Для обученія въ нормальныхъ училищахъ назначаются: законоучитель и три учителя. На одного изъ нихъ возлагается обученіе пѣнію, а тамъ, гдѣ это окажется невозможнымъ, для пѣнія пригла-

шается особый учитель; тотъ же порядокъ установляется и относительно учителя гимнастики.

Завѣдываніе каждымъ училищемъ возлагается на одного изъ учителей, по назначенію уѣзднаго инспектора народныхъ училищъ; непосредственное же управленіе нормальными училищами всего уѣзда предоставляется особому уѣздному инспектору, который о своихъ распоряженіяхъ доводитъ до свѣденія совѣта.

Штатъ содержанія училища опредѣленъ слѣдующій: законоучителю 250 р. учителямъ по 500 р.; за обученіе пѣнію и гимнастикѣ 100 р.; на книги и учебныя пособія 170; на содержаніе дома, служителей и прочіе расходы 350 р., всего 2,370 р. Уѣздный инспекторъ получаетъ 600 р., квартирныхъ 200, всего же 1,000 р. сер.

. Дѣти въ нормальныя училища принимаются не моложе 7 лѣтъ.

Не имѣя подъ руками статистическихъ свѣденій о возможномъ и предполагаемомъ числѣ нормальныхъ училищъ, для которыхъ преимущественно и назначаются инспекторы, мы не можемъ сказать какъ дорого обойдется собственно наблюденіе за училищами сравнительно съ самымъ содержаніемъ этихъ училищъ. По штату, содержаніе инспектора стоитъ около половины содержанія всего нормальнаго училища, и тамъ, гдѣ или вовсе нѣтъ нормальныхъ училищъ, или только одно въ цѣломъ уѣздѣ, инспекцію можно бы было возложить на почетныхъ попечителей, избираемыхъ отъ уѣздовъ, или на будущіе уѣздныя земскія учрежденія, т. е. на одного изъ его членовъ. Это было бы вполнѣ возможно, тѣмъ болѣе, что инспекція, обыкновенно, полезна бываетъ тогда, когда развиты уже самыя учрежденія; а у насъ это можетъ случиться и наоборотъ.

Программа и штатъ нормальныхъ народныхъ училищъ удовлетворяютъ самымъ строгимъ требованіямъ; но вопросъ въ томъ, какими средствами министерство народнаго просвѣщенія будетъ осуществлять учрежденіе этихъ училищъ. Мы знаемъ изъ государственнаго бюджета, какъ мало приходится на его долю изъ казны денегъ, сравнительно съ другими вѣдомствами; а на учрежденіе по одному такому училищу въ каждомъ уѣздѣ, число которыхъ составитъ, по крайней мѣрѣ 500, потребуется, считая содержаніе инспекторовъ, около двухъ миллюновъ рублей ежегодно. Кромѣ этого расхода, нужно еще содержаніе училищъ для образованія учителей, въ которыхъ чувствуется большой недостатокъ. Поэтому мы думаемъ, что раздѣленіе курса на *три класса* и содержаніе для нихъ *трехъ* учителей далеко не эко-

номично, потому что требуетъ и учителей, и денегъ гораздо болѣе, чѣмъ возможно; притомъ же надо было имѣть въ виду, чтобы на тѣ средства, которыми можетъ располагать министерство, учредить какъ можно болѣе нормальныхъ училищъ, а для этого необходима экономія и въ учителяхъ, и въ деньгахъ.

Мы находимъ, что если бы училищный курсъ раздѣленъ былъ на два класса, то это дало бы возможность имѣть вмѣсто трехъ учителей, только двухъ, что сократило бы расходы на каждое училище слишкомъ на 20 процентовъ, увеличивъ на столько же общее число нормальныхъ училищъ, которыя будутъ учреждаемы отъ министерства народнаго просвѣщенія. Тогда, конечно, и пріемъ учениковъ въ училище, такъ же какъ и выпускъ, должны быть производимы не черезъ годъ, а чрезъ полтора года, или, иначе говоря, трехгодичный курсъ долженъ быть раздѣленъ не на три, а на два срока, и программа преподаванія въ каждомъ классѣ должна быть также измѣнена согласно этому. Даже если бы вмѣсто *трехъ* лѣтъ общій курсъ ученія въ нормальномъ училищѣ былъ бы *четыре* года, едва ли бы успѣхъ народнаго обученія могъ отъ этого пострадать. Тогда пріемъ учениковъ безъ экзамена, безъ всякой подготовки могъ быть только черезъ два года, при нѣкоторой же подготовкѣ можно бы было принимать въ первый классъ и въ половинѣ двухгодичнаго курса, т. е. ежегодно. Три года крайне мало для семилѣтняго ребенка, чтобы онъ могъ усвоить весь довольно обширный курсъ, проектированный для нормальнаго училища. При четырехгодичномъ курсѣ было бы возможно даже расширить нѣсколько программу преподаванія; отъ этого выиграла бы степень образованія учащихся. Въ дѣтскомъ возрастѣ играетъ роль самый процессъ ученія, и пробыть въ училищѣ лишній годъ для ребенка ни сколько не лишнее.

Программа преподаванія въ начальныхъ народныхъ училищахъ заключаетъ въ себѣ: законъ Божій (краткій катихизисъ и священная исторія) русскій языкъ, чтеніе, письмо и первыя четыре дѣйствія арифметики; но эта программа, смотря по мѣстнымъ потребностямъ и соображеніямъ учредителей, сокращаема и расширяема до курса паралельныхъ училищъ.

То же самое, конечно, относится и къ воскреснымъ школамъ, гдѣ расширеніе программы имѣетъ болѣе значенія, нежели въ отношеніи къ училищамъ, потому что школы посѣщаются болѣе взрослыми, нежели дѣтьми, и часто уже грамотными, слѣдовательно въ программѣ

школы необходимо имѣть въ виду удовлетвореніе именно той потребности, какую имѣютъ ея посѣтители. Въ воскресныя школы идутъ люди, посвящающіе для своего обученія или образованія только одинъ день въ недѣлѣ, и для нихъ эти школы потеряли бы значеніе, если бы они не находили въ нихъ того, въ чемъ чувствуютъ потребность.

Народное обученіе въ Россіи имѣетъ свою исторію, не лишенную интереса. Мы понимаемъ здѣсь исторію правительственныхъ мѣръ, принимаемыхъ систематически для обученія народа, и пользуемся трудами ученаго комитета главнаго управленія училищъ, разработавшаго этотъ предметъ при составленіи проекта положенія о народныхъ училищахъ.

Въ старой Россіи грамотность была почти исключительнымъ достояніемъ духовенства; народъ же началъ учиться читать книги церковной печати и славянскому письму со времени раскола; спеціальныя же школы для народнаго обученія возникли при Петрѣ I. Впрочемъ первоначальная цѣль этихъ школъ состояла въ приготовленіи способныхъ и грамотныхъ людей для гражданской службы, почему школы эти и нельзя назвать народными. Только впослѣдствіи Петръ I повелѣлъ высылать въ такъ называемыя *цифирныя* школы дѣтей извѣстнаго возраста изъ всѣхъ сословій, кромѣ дворянъ, которые предназначались для высшаго образованія. Но обязательное обученіе не только не имѣло успѣха, но даже встрѣтило въ народѣ оппозицію: въ 1720 г. поступила въ сенатъ челобитная отъ посадскихъ людей многихъ сѣверныхъ городовъ, просившихъ освободить ихъ отъ высылки дѣтей въ школы, такъ какъ отъ этого разстроиваются ихъ промыслы и торговыя дѣла, которымъ обучаются дѣти дома. Просьба эта была удовлетворена разрѣшеніемъ посылать въ школы дѣтей по желанію. Будучи освобождены отъ обязанности посылать дѣтей въ школы, посадскіе вовсе перестали учить своихъ дѣтей. Съ учрежденіемъ школъ гарнизонныхъ для обученія солдатскихъ дѣтей, ариѳметическія или цифирныя школы почти совершенно опустѣли, и обученіе опять сдѣлалось домашнимъ, вмѣсто публичнаго, и преимущественно состояло въ чтеніи церковной печати. Учителями были по большей части отставные унтеръ-офицеры, канцеляристы или причетники приходскихъ церквей.

Императрица Екатерина II повелѣла приказамъ общественнаго призрѣнія основать училища сначала во всѣхъ городахъ, а потомъ и въ

большихъ селахъ, но дѣло это также не привилось, по оказавшейся неспособности приказовъ къ педагогіи; затѣмъ учреждена была особая коммисія народныхъ училищъ, подъ предсѣдательствомъ Завадовскаго, которая должна была заняться не только учрежденіемъ школъ, но и приготовленіемъ учителей и хорошихъ учебныхъ книгъ. Задачей коммисіи было устроить училища на основаніи современныхъ ей педагогическихъ началъ. Коммисія эта составляла *первый* у насъ уставъ народныхъ училищъ, раздѣливъ ихъ на два разряда: главныя — для губернскихъ городовъ, состоящія изъ 4-хъ классовъ, и малыя—для уѣздныхъ городовъ, въ 2 класса. Смотрители училищъ избирались изъ мѣстныхъ жителей города. Программа обученія въ высшихъ училищахъ была срединой между нынѣшними уѣздными училищами и гимназіями. Уставъ этотъ имѣлъ значительный успѣхъ, выразившійся какъ числомъ открытыхъ училищъ, такъ и числомъ учащихся. Для образованія наставниковъ учреждена была при главномъ народномъ училищѣ учительская семинарія. Руководство для образованія наставниковъ для училищъ, принадлежало извѣстному педагогу Янковичу, и по своей грамотности и вѣрному взгляду на предметъ заслуживаетъ полнаго уваженія. Янковичъ требовалъ отъ учителей способности различать дѣтей и не допускалъ никакихъ не только тѣлесныхъ наказаній, но даже запрещалъ ставить на колѣни «и всѣ посрамленія и честь трогающія устыженія, какъ-то: уши ослиныя и названіе скотины, осла и т. п.» Честь и слава великому педагогу екатерининскаго времени! Онъ, какъ видно, опередилъ своихъ преемниковъ почти на цѣлое столѣтіе.

Но уставъ Екатерины, обнимая только народное образованіе въ городахъ, нисколько не заботился о распространеніи образованія между сельскимъ населеніемъ, и увлекаясь раціональной педагогикой, стѣснялъ частное преподаваніе ограниченіемъ, разрѣшая учить только тѣмъ частнымъ лицамъ, которыя будутъ испытаны въ наукахъ и имѣютъ удостовѣреніе въ своихъ педагогическихъ способностяхъ.

Мѣра эта встрѣтила оппозицію со стороны значительной массы населенія; на нее смотрѣли какъ на косвенное принужденіе посѣщать правительственныя народныя училища, и потому продолжали обучать дѣтей по прежнему у частныхъ лицъ; но этотъ способъ обученія изъ открытаго сдѣлался тайнымъ, секретнымъ.

Третій періодъ народнаго образованія начинается съ изданія при императорѣ Александрѣ I, въ 1803 г., предварительныхъ правилъ на-

роднаго просвѣщенія и устава учебныхъ заведеній, подвѣдомыхъ университетамъ.

По учебной части главныя народныя училища преобразованы были въ гимназіи, а изъ малыхъ народныхъ училищъ образовались два рода низшихъ училищъ: приходскія одноклассныя и уѣздныя двуклассныя, существующія и по нынѣ. Въ этомъ же уставѣ постановлено было, что каждый сельскій церковный приходъ или два вмѣстѣ должны были имѣть по крайней мѣрѣ одно приходское училище. Мѣра объ учрежденіи училищъ въ селахъ, впервые появившаяся въ уставѣ 1804 г. встрѣчена была современниками съ величайшимъ сочувствіемъ и радостными ожиданіями, которымъ, однако не суждено было осуществиться.

Содержаніе училищъ, по уставу 1804 г., отнесено въ уѣздныхъ городахъ на счетъ правительства, съ дополненіемъ изъ суммъ городскихъ обществъ, а приходскія училища оставлены были вполнѣ на содержаніи городскихъ обществъ: при этомъ сельскія приходскія училища должны были содержаться: въ казенныхъ селеніяхъ—на иждивеніи прихожанъ, а въ помѣщичьихъ—на счетъ помѣщиковъ, *если бы они того пожелали.* Въ этой мѣрѣ заключалось, между прочимъ, препятствіе къ распространенію ихъ въ такой степени, въ какой можно было того ожидать. Жители казенныхъ селеній, нечувствовавшіе еще особенной потребности въ ученіи, не охотно соглашались на заведеніе училищъ, которыя должны были содержаться на ихъ счетъ; помѣщики съ своей стороны также весьма немногіе заботились объ этомъ; одно лишь духовенство заводило сельскія училища; о желаніи же помѣщиковъ содержать на свой счетъ училища нечего и говорить: они объ этомъ вовсе не думали. Вообще и сельскія училища, основываемыя духовенствомъ, не имѣли прочнаго основанія и вскорѣ послѣ открытія ихъ закрывались. Программа преподаванія, по уставу 1804 г., оказалась выше потребностей населенія и потому впослѣдствіи нѣкоторые предметы, какъ-то естественная исторія, начальныя правила технологіи, географія и исторія или вовсе были исключены, или сокращены. Въ отношеніи къ частнымъ училищамъ уставъ 1804 г. повторилъ положенія прежняго устава 1786 г. и потому тайное обученіе продолжалось по прежнему.

Послѣдній періодъ народнаго образованія, продолжающійся и по настоящее время, начался съ изданія устава гимназій и училищъ

1828 г. Гимназіи были совершенно преобразованы; нисшія училища остались прежнія, но въ нихъ ограничено было число предметовъ; приходскимъ и въ особенности уѣзднымъ училищамъ данъ характеръ самостоятельныхъ учебныхъ заведеній, имѣющихъ цѣлію доставить окончательное образованіе людямъ низшаго званія, а не служить, какъ то было прежде, переходомъ въ высшія училища. При прежнемъ порядкѣ поступали въ уѣздныя училища люди достаточные и по окончаніи въ нихъ курса переходили въ гимназіи, съ реформой же училища были почти всѣми оставлены и пришли въ упадокъ. Уставъ 1828 г. имѣлъ только одну важную сторону: содержаніе уѣздныхъ училищъ отложено было вполнѣ на счетъ правительства, тогда какъ прежде они содержались на счетъ городовъ только съ пособіемъ отъ правительства. Приходскимъ училищамъ нѣкоторыхъ городовъ, изъ числа неимѣющихъ возможности содержать училища на свой счетъ, назначено было содержаніе отъ казны. Сельскія училища въ послѣднемъ періодѣ получили нѣкоторое развитіе по инціативѣ бывшаго министра государственныхъ имуществъ, графа Киселева, и министерства удѣловъ. Училища этихъ вѣдомствъ возникли на основаніи устава 1804 г. и содержатся на счетъ общественнаго сбора. Въ 1860 г. такихъ училищъ считалось уже 3760 съ 219.377 учащихся обоего пола. Сначала эти училища, какъ извѣстно, имѣли спеціальную цѣль: приготовленіе волостныхъ и сельскихъ писарей, землемѣровъ и фельдшеровъ и только въ послѣдніе годы получили наибольшее значеніе.

Но особенное развитіе получили сельскія училища въ послѣдніе два года: открыто много училищъ въ селеніяхъ крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, и кромѣ того основано много школъ сельскимъ духовенствомъ; по спискамъ, такихъ училищъ считалось въ прошедшемъ году 9.283 съ 159.000 учащихся, а всего съ училищами министерства народнаго просвѣщенія, которыхъ считается до тысячи, показывается училищъ 16.000 съ 480.000 учащихся. Но эта цифра, по отношенію къ общему числу народонаселенія имперіи, ничтожна: приходится на 100 безграмотныхъ одинъ учащійся грамотѣ, и притомъ надо замѣтить, что дѣйствительная цифра бываетъ у насъ всегда менѣе цифры статистической, написанной на бумагѣ.

Относительно народныхъ училищъ необходимо замѣтить одинъ важный фактъ: всѣ они не имѣютъ матеріальнаго обезпеченія ихъ суще-

ствованія и прочность ихъ находится въ прямой зависимости отъ стремленія народа къ обученію и главное отъ степени его избытковъ; но и то и другое крайне сомнительно для упроченія средствъ народнаго обученія.

Исторія народнаго обученія въ Россіи приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

Принудительная система къ просвѣщенію народа въ первый разъ примѣнена была Петромъ I, но съ Екатерины II эта система, оказавшаяся несостоятельною, замѣнена поощрительною.

Но поощреніе оказывалось почти исключительно училищамъ правительственнымъ, учрежденнымъ самимъ правительствомъ, а потому частная педагогическая дѣятельность въ дѣлѣ первоначальнаго образованія. при значительныхъ ограниченіяхъ, ей поставленныхъ, не только не могла получить своего естественнаго развитія, но и приняла неправильный характеръ секретнаго ученія.

Удерживая въ своихъ рукахъ народное образованіе, правительство придало и образовательнымъ учрежденіемъ однообразную форму, что при различіи условій народной жизни не могло не оказать вреднаго вліянія на сущность самаго образованія.

Устроивая народныя училища посредствомъ своихъ органовъ, правительство образовало нѣсколько училищныхъ вѣдомствъ, которыя дѣйствуютъ въ дѣлѣ народнаго образованія различно.

Въ казенныхъ народныхъ училищахъ, учебный курсъ почти постоянно оказывался несоотвѣтствующимъ потребностямъ народа въ ученіи, то превышая ихъ въ одномъ отношеніи, то неудовлетворяя въ другомъ.

На образованіе учителей обращено было нѣкоторое вниманіе лишь при Екатеринѣ II, а потомъ предметъ этотъ предоставленъ случайностямъ. Скудное содержаніе учителямъ народныхъ училищъ недавало возможности привлекать къ этимъ занятіямъ людей способныхъ и преданныхъ дѣлу.

Въ основаніе составленнаго нынѣ проекта по инициативѣ г. министра народнаго просвѣщенія, лежитъ цѣль устранить всѣ означенныя препятствія. Нормальныя училища предполагается сдѣлать образцовыми для учрежденія другихъ училищъ въ округѣ; относительно же учрежденія нормальныхъ народныхъ училищъ, ученый комитетъ находитъ, что повсемѣстное устройство ихъ въ настоящее время было бы не только невозможно, но и стѣснительно для народа. Нор-

мальныя училища стоятъ, во первыхъ, слишкомъ дорого для того, чтобы ихъ можно было содержать вездѣ; во вторыхъ, для повсемѣстнаго учрежденія ихъ, независимо отъ недостатка матеріальныхъ средствъ, министерство народнаго просвѣщенія не нашло бы въ настоящее время и средствъ педагогическихъ, именно — способныхъ учителей. Поэтому, только по мѣрѣ приготовленія послѣднихъ, оказалась бы возможность учреждать постепенно нормальныя училища, и наконецъ, въ третьихъ, народонаселеніе въ большей части мѣстностей не чувствуетъ еще и потребности въ такихъ училищахъ. Поэтому, въ отношеніи учебнаго курса, во всѣхъ не нормальныхъ народныхъ училищахъ, названныхъ начальными народными училищами, необходимо допустить наибольшее разнообразіе. По этимъ соображеніямъ, начальнымъ народнымъ училищамъ, которыя долго еще будутъ составлять огромное большинство въ сравненіи съ нормальными народными училищами, въ проектѣ новаго положенія предоставленъ наибольшій просторъ какъ въ отношеніи учебнаго курса, такъ и срока ученія и выбора учащихъ, къ числу которыхъ допускаются и лица женскаго пола вслѣдствіе той несомнѣнной истины, что женскій трудъ дешевле, и что распространеніе грамотности между женскимъ поломъ отзовется благопріятно вообще на домашнемъ быту сельскаго населенія.

Соединеніемъ въ уѣздномъ училищномъ совѣтѣ представителей отъ всѣхъ вѣдомствъ и обществъ, содержащихъ училища, проектъ имѣетъ въ виду доставить имъ возможность взаимнаго совѣщанія, не отнимая у каждаго вѣдомства и общества самостоятельности собственно въ управленіи училищами. Совѣтъ этотъ будетъ состоять изъ лицъ, уже находящихся на службѣ тѣхъ вѣдомствъ, которыя содержатъ училища, не исключая и инспектора народныхъ училищъ, который получаетъ только новое названіе вмѣсто прежняго — смотритель уѣздныхъ училищъ, и относительно незначительную прибавку содержанія.

Для достиженія цѣли народнаго образованія употребляются на практикѣ различныя системы: въ Пруссіи, напримѣръ, ученіе обязательно, подъ страхомъ денежнаго взысканія съ родителей, или тюремнаго заключенія; во Франціи нѣтъ личнаго обязательства, но каждая община, заключающая въ себѣ не менѣе 800 душъ, обязана содержать школу для мальчиковъ и для дѣвочекъ; въ Англіи народное образованіе предоставлено свободно обществамъ и частнымъ ли-

цамъ; правительство же избавлено отъ всякой заботы объ образованіи и отъ всякаго наблюденія за учебными заведеніями; оно только даетъ пособія обществамъ, когда они къ нему обращаются, удостовѣряясь въ дѣйствительной потребности въ пособіи, чрезъ своего инспектора.

Настоящій проектъ принялъ отчасти англійскую систему, т. е., какъ сказано въ проектѣ, привлеченіе къ дѣлу народнаго образованія дѣятельности обществъ и частныхъ лицъ, посредствомъ поощрительныхъ мѣръ и даже пособій со стороны правительства въ случаяхъ необходимости.

Положеніе, дѣйствительно, предоставляетъ частнымъ лицамъ и обществамъ открывать училища съ разрѣшенія уѣздныхъ совѣтовъ; но здѣсь частная инціатива можетъ быть только условной, а не безусловной какъ въ Англіи, потому что допущеніе лицъ къ учрежденію училищъ зависитъ отъ разрѣшенія правительства.

Дѣйствующее нынѣ законодательство допускаетъ къ учрежденію частныхъ училищъ или къ обученію въ нихъ только лицъ, имѣющихъ извѣстныя, закономъ опредѣленныя знанія, и притомъ представившихъ надлежащее удостовѣреніе въ доброй ихъ нравственности, подвергая не исполняющихъ этихъ условій взысканіямъ.

Постановленіе это, по проекту, оставляется въ своей силѣ для всѣхъ частныхъ пансіоновъ и школъ выше нормальныхъ, относительно же нормальныхъ школъ въ проектѣ говорится, что они не только въ селахъ и деревняхъ, но и въ городахъ повсемѣстно учреждаются лицами, не пріобрѣвшими права на обученіе, и существуютъ безъ всякаго дозволенія, не подвергаясь контролю. Учредители ихъ суть преимущественно вдовы и дочери бѣдныхъ чиновниковъ, отставные канцелярскіе служители, солдаты, писаря, грамотные мѣщане и крестьяне, берущіеся за обученіе какъ за средство къ насущному пропитанію. Такихъ лицъ подозрѣвать въ стремленіяхъ политическихъ, кажется, невозможно; считать ихъ неспособными къ ученью можетъ, конечно, училищное начальство; но общество, довѣряющее имъ обученіе своихъ дѣтей, тѣмъ самымъ уже показываетъ, что оно понимаетъ ихъ иначе и даже считаетъ людьми нравственными, а на преслѣдованіе ихъ смотритъ, какъ на несправедливое притѣсненіе, какъ на помѣху къ распространенію грамотности; отсюда понятно, почему до сихъ поръ всѣ старанія правительства уничтожить подобныя секретныя школы оставались безъ успѣха; школы эти находи-

лись и находятся подъ сильнымъ покровительствомъ общества. Кромѣ того самыя неудобства и формальности, существующія при ходатайствѣ о разрѣшеніи школъ, способствуютъ въ свою очередь поддержанію и распространенію секретнаго преподаванія.

Въ этихъ соображеніяхъ, по настоящему проекту предположено разрѣшать школы частнымъ лицамъ, отъ уѣздныхъ училищныхъ начальствъ, и требовать для этого, чтобы лицомъ, открывающимъ школу, представлено было только свидѣтельство о доброй нравственности отъ жителей того общества, гдѣ оно желаетъ обучать. Школы эти подвергать контролю только въ отношеніи направленія ученія и закрывать ихъ въ случаѣ безнравственности и неблагонамѣренности учителя; въ хозяйственномъ же отношеніи оставить школы въ полной зависимости отъ ихъ учредителей.

Здѣсь оказывается неравноправность общества и училищнаго совѣта. Общество компетентно только въ одобреніи лица, открывающаго школу, а совѣтъ пользуется правомъ удаленія этого лица уже безъ согласія общества. Вліяніе общества на открытіе училищъ можетъ быть обезсиливаемо вліяніемъ совѣта на закрытіе училища. Мы находимъ это обстоятельство очень важнымъ, и чтобы проектъ настоящаго положенія, развивающій всѣ средства къ усиленію народнаго обученія, не давалъ никакихъ сомнѣній въ его опредѣленности по настоящему вопросу, по нашему мнѣнію, необходимо постановить, чтобы и *закрытіе школъ* также совершалось *не иначе*, какъ съ согласія же общества, т. е. не иначе, какъ когда само общество признаетъ безнравственнымъ то лицо, о доброй нравственности котораго оно уже удостовѣрилось. Инціатива въ подобныхъ дѣлахъ, пожалуй, еще можетъ принадлежать совѣтамъ, но чтобы они не вторгались съ своимъ произволомъ въ одинъ изъ важнѣйшихъ интересовъ общества,—окончательный приговоръ о неблагонадежности лица, открывшаго школу,—долженъ принадлежать самому обществу. Можно предполагать, что, предоставляя совѣтамъ это право, едва ли положеніе достигнетъ цѣли прекратить секретное обученіе.

Проектъ разрѣшаетъ еще одинъ важный вопросъ о преподаваніи на мѣстныхъ нарѣчіяхъ, именно тѣмъ, что въ мѣстностяхъ, гдѣ господствующее нарѣчіе, какъ напримѣръ Малороссія и Бѣлоруссія, близко подходитъ къ русскому, начинать обученіе съ мѣстныхъ нарѣчій, переходя уже потомъ къ русскому.

Не смотря на то, что о народномъ обученіи и образованіи такъ мно-

го писано было въ нашихъ журналахъ, остались вовсе нетронутыми два факта, о которыхъ мы хотимъ сказать теперь нѣсколько словъ, а именно: почему объ образованіи народа болѣе хлопочетъ часть общества уже образованная, а не самъ народъ, который почти ничѣмъ не выразилъ самобытно своего стремленія къ обученію? И почему народъ какъ будто предубѣжденъ противъ грамотности, не ожидая отъ нея никакого прока, а напротивъ, какъ бы опасаясь за нравственность своего молодого поколѣнія.

Объяснять все это невѣжествомъ народа не совсѣмъ основательно: у массъ есть свои инстинкты, которые ихъ рѣдко обманываютъ, по крайней мѣрѣ во всемъ, что касается ближайшихъ послѣдствій нововведенія, и даже инстинктъ этотъ проникаетъ даже въ сущность самыхъ отдаленныхъ послѣдствій. Мы думаемъ, что недовѣріе народа къ грамотности столько же зависитъ отъ положительной причины, сколько и отъ недостатка сочувствія къ послѣдующей фазѣ его умственнаго развитія. Потребность образованія чувствуется всякимъ отдѣльнымъ человѣкомъ и народомъ тогда лишь, когда у него есть время и силы, остающіяся отъ удовлетворенія его первыхъ потребностей; однимъ словомъ: когда матеріальная сторона его быта достаточно обезпечена, онъ чувствуетъ потребность къ образованію, которая увеличивается соразмѣрно матеріальнымъ средствамъ. Это относится не только къ земледѣльческому классу, преданному одному физическому труду, но и къ классамъ нѣсколько уже развитымъ и добывающимъ свой насущный хлѣбъ болѣе или менѣе легкимъ трудомъ. Кромѣ того, отъ указанной нами экономической причины находятся въ прямой зависимости и средства, необходимыя для учрежденія и содержанія образовательныхъ заведеній. Нѣтъ сомнѣнія, что тѣ или другіе уставы и положенія также имѣютъ косвенное вліяніе на образованіе, но главная причина лежитъ въ экономическихъ условіяхъ народнаго быта.

По второму поставленному нами вопросу, несомнѣнно, существуетъ тотъ фактъ, что народъ не видитъ хорошихъ результатовъ грамотности на тѣхъ изъ своей среды, которые уже научились грамотѣ. Напротивъ доказывается и статистикой и народнымъ, мнѣніемъ, основаннымъ на видимыхъ явленіяхъ, что большинство преступниковъ, плутовъ и мошенниковъ и вообще людей безправственныхъ изъ низшихъ классовъ состоитъ изъ грамотныхъ. Видя это передъ глазами, естественно, народъ недовѣрчиво относится къ грамотности, хотя не отвергаетъ пользы и даже необходимости ея, какъ бы указывая на то,

что вредъ происходитъ не прямо отъ грамотности, а отъ послѣдующихъ впечатлѣній, составляющихъ уже образованіе, умственное развитіе. И дѣйствительно, вѣдь грамотность въ сущности есть средство, предполагающее дальнѣйшую цѣль — образованіе. Всякій грамотный человѣкъ, естественно, тотчасъ послѣ механическаго навыка къ чтенію, начинаетъ читать уже не для искусства, а по потребности въ умственныхъ впечатлѣніяхъ, болѣе или менѣе являющихся при всякомъ чтеніи. Для человѣка, выучившагося грамотѣ, открывается вмѣстѣ съ тѣмъ новый міръ, доселѣ ему невѣдомый; каждая страница газеты, каждая попавшаяся ему книга открываетъ передъ нимъ этотъ новый міръ, и умъ его принимаетъ впечатлѣнія мысли также, какъ фотографическая пластинка принимаетъ впечатлѣніе каждой фигуры, наведенной на нея камер-обскурой.

Какія мысли и впечатлѣнія можетъ получить нашъ простолюдинъ, читая то, что преимущественно для него пишется и издается, да и вообще все, что печатается у насъ и что можетъ быть доступно простому уму, незнакомому съ хитрой діалектикой нашихъ истинно разумныхъ книгъ и журналовъ? Попадется ли въ руки крестьянина «Грамотѣй» г. Кушнерева, или «Сынъ Отечества» г. Старчевскаго, что онъ увидитъ въ нихъ кромѣ нелѣпыхъ пустыхъ хитросплетеній, чуждыхъ и несвойственныхъ всякому человѣку, хотя съ простымъ, но еще не испорченнымъ здравымъ умомъ и свѣжими инстинктами? Не развращаютъ ли подобные плоды издательной спекуляціи умъ простолюдина, не обезсиливаютъ ли его, не отвращаютъ ли его отъ инстиктивнаго пониманія истины, не колеблятъ ли въ немъ довѣріе къ его простому и зравому пониманію предметовъ.

Для того, чтобы умѣть отличить правду отъ лжи, прямое доброжелательство отъ обманчивыхъ хитросплетеній, вѣдь не нужно имѣть много ни ума, ни образованія, и нашъ простолюдинъ едва ли можетъ довѣрчиво и съ уваженіемъ обратиться къ тому, что онъ можетъ читать? И едва ли такая литература какъ наша можетъ служить средствомъ развитія и образованности для тѣхъ, кто захочетъ въ ней искать этихъ благъ? Естественно, что при первомъ прикосновеніи новой мысли, убѣжденія человѣка, которыми онъ жилъ прежде, начинаютъ колебаться; но онъ не легко разстается съ ними: онъ подвергаетъ ихъ строгому анализу, и чѣмъ далѣе совершается этотъ процессъ, тѣмъ анализъ дѣлается наиболѣе необходимымъ. Вотъ этого-то анализа, который бы помогъ, разставшись съ прежними убѣжде-

ніями, образовать въ себѣ новыя, простолюдинъ и не найдетъ въ существующей для него литературѣ. Все, что онъ можетъ читать, заключаетъ въ себѣ подтвержденіе, и подтвержденіе почти насильственное, всего того, въ чемъ онъ уже началъ сомнѣваться, убѣдившись практически въ несостоятельности его міровоззрѣній.

Мы думаемъ, что для правильнаго умственнаго развитія, необходимость котораго непосредственно начинается съ навыкомъ къ чтенію, необходимо измѣнить нѣсколько условія нашей простонародной литературы; безъ этого же, грамотность и элементарное образованіе, вмѣстѣ съ степенью своего развитія, могутъ вести къ нѣкоторой деградаціи народной нравственности.

Хотя мы никогда не заявляли себя слишкомъ заботливыми объ интересахъ нашихъ помѣщиковъ, предоставляя этотъ предметъ другимъ журналамъ, но современныя жалобы помѣщиковъ на уменьшенія ихъ доходовъ отъ имѣній, съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права и барщины, обязываютъ и насъ сказать хоть нѣсколько словъ утѣшенія. Говорятъ, что если нѣтъ денегъ, то это — передъ деньгами. Наши помѣщики находятся именно въ такомъ состояніи. Этимъ ихъ утѣшали постоянно наши журналы, но утѣшенія, какъ водится, не достаточно питательны, и гуманныя, сладчайшія изліянія журналовъ, по всей вѣроятности, становятся для обѣднѣвшихъ помѣщиковъ хуже горькой рѣдьки. Наши утѣшенія также могутъ быть постигнуты подобной участью, но это не останавливаетъ нашей храбрости поговорить объ означенномъ предметѣ.

Въ вышедшей недавно первой книжкѣ «Сельско-хозяйственной библіотеки» издаваемой г. Озеровымъ, есть статейка Куровскаго о безбарщинномъ сельскомъ хозяйствѣ; опытный авторъ говоритъ въ ней объ устройствѣ хозяйства съ вольнонаемнымъ трудомъ и о необходимыхъ для того условіяхъ. Время, слѣдующее непосредственно за отмѣной барщины, онъ называетъ кризисомъ и приводитъ въ примѣръ подобное же положеніе дѣлъ, бывшее въ Галиціи и Познани. Въ Галиціи съ уничтоженіемъ барщины тотчасъ поднялась заработная цѣна, что, конечно, отразилось совершенно такъ же на помѣщичьихъ хозяйствахъ, какъ и у насъ. Въ Познани земледѣльческій кризисъ уже миновалъ и доходы помѣщиковъ снова возросли.

Авторъ статьи представляетъ результаты введеннаго въ Познани надѣла крестьянъ собственной землей и тѣ средства, при помощи которыхъ землевладѣльцы обезпечили себя относительно рабочихъ

рукъ, необходимыхъ въ земледѣльческихъ работахъ, присовокупляя, что эти замѣчанія могутъ служить отчасти указаніемъ въ устройствѣ, вызванномъ новымъ положеніемъ дѣлъ въ хозяйственномъ быту.

«Уничтоженіе барщины, говоритъ одинъ познанскій хозяинъ, принесло огромныя выгоды для обѣихъ сторонъ. Крестьянинъ, пріобрѣвъ собственность, научился довольно рѣдко встрѣчающемуся у насъ качеству — бережливости и разсчетливости, сдѣлался болѣе распорядительнымъ и трудолюбивымъ, болѣе заботящимся о будущности, ибо созналъ, что долженъ самъ о себѣ заботиться, что имущество, долженствующее перейдти къ его дѣтямъ, увеличивается посредствомъ труда. Помѣщикъ пріобрѣлъ тоже громадныя выгоды, къ нимъ мы можемъ прежде всего отнести слѣдующія: отдѣленіе крестьянскихъ земель отъ помѣщичьихъ, уничтоженіе общихъ пастбищъ и накопецъ исключительное право на владѣніе лѣсами, владѣть которыми крестьяне-собственники пока еще не имѣютъ права. Съ этой только поры лѣсное хозяйство стало на самомъ дѣлѣ возможнымъ и вслѣдствіе этого значительно подвинулось впередъ.

«Крестьянинъ пріобрѣлъ собственность и право свободно располагать своимъ временемъ, эти два главныя условія его нравственнаго развитія. Землевладѣлецъ же получилъ возможность устроитъ порядокъ въ своемъ имѣніи, достигъ правильно распредѣленнаго труда, и достигъ до возможности улучшенія сельскаго хозяйства, что въ свою очередь произвело увеличеніе производительности и цѣнъ на землю; финансовый переворотъ, обыкновенный въ эти моменты, произвелъ благодѣтельныя послѣдствія: владѣльцы, которые вынуждены были ввести улучшенное, но мало стоющее хозяйство, и тѣ, которымъ пришлось самимъ приниматься за трудъ, поставлены были въ необходимость обратиться за совѣтомъ къ наукѣ сельскаго хозяйства, принуждены были лично приняться за управленіе имѣніемъ. Это произвело на все общество въ совокупности самое благодѣтельное вліяніе; имѣнія же, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе надѣла землею, скорѣе возвысились, чѣмъ упали въ цѣнѣ.

»Надо прибавить, говоритъ авторъ, что напрасно опасаются тѣ, которые утверждаютъ, что крестьянинъ, освобожденный отъ обязательнаго труда, не захочетъ идти въ наемъ и что цѣна найма будетъ слишкомъ высока. Очевидные примѣры доказываютъ, что коль скоро заработокъ вѣренъ, задѣльная плата правильна, работники всегда найдутся, и то, что работникъ заработываетъ въ первый годъ,

въ слѣдующемъ году дѣлается его потребностью, а вслѣдствіе этого онъ уже самъ будетъ искать работы.

«Въ Познани опасались недостатка рабочихъ рукъ; и въ первое время послѣ надѣла правительство позволило удержать на нѣкоторое время опредѣленное число рабочихъ дней. Однако никто не воспользовался этой мѣрой. Это было устранено наймомъ рабочихъ, которымъ, вмѣсто денежной платы давался огородъ и паекъ зерномъ, и при помощи опредѣленнаго числа поденщиковъ, въ послѣдствіи времени съ большею легкостію нанимаемыхъ, работы несравненно уже лучше выполнялись, чѣмъ при существованіи барщины.

«Но въ ожиданіи благъ, которыя должны произойдти отъ уничтоженія барщины, полезнѣе всего будетъ обратить вниманіе на затрудненія, сопряженныя съ подобнымъ измѣненіемъ хозяйственныхъ отношеній.

«Въ барщинномъ хозяйствѣ, для веденія его не нужны были деньги; и такъ какъ за трудъ работнику уплачивается землей, то поэтому можно сказать, что земля обезпечиваетъ всѣ потребности, пристекающія изъ нея. Но совершенно иначе идутъ дѣла въ безбарщинномъ хозяйствѣ. Съ момента прекращенія барщины начинается *хозяйство, основаніе котораго деньги.* Деньги тутъ главный дѣятель, потому что отъ количества денежнаго капитала зависитъ: *возрастаніе, застой и упадокъ сельскаго хозяйства.* Тутъ обыкновенно рождается потребность капитала на наемъ работника, обходящагося, естественно, довольно дорого въ началѣ подобнаго рода перемѣнъ; на увеличеніе дворни; на увеличеніе числа рабочаго скота, и слѣдовательно на увеличеніе построекъ для него; наконецъ чувствуется потребность капитала на заведеніе разныхъ хозяйственныхъ машинъ, замѣняющихъ ручную работу.

«Это еще не все: для благопріятныхъ результатовъ отъ перемѣны отношеній, о которыхъ мы говорили, еще не достаточно владѣть капиталомъ: только въ связи съ основательнымъ знаніемъ введеніе новой системы хозяйства, которая неизбѣжно должна замѣнить старую, въ связи съ величайшею старательностію, бережливостію и надзоромъ, только съ помощію этихъ качествъ хозяина, капиталъ можетъ дать хорошіе плоды».

Такимъ образомъ, для того, чтобы обойдтись безъ барщины, нужны деньги и наука. Истина старая, но не легко исполнимая. А между тѣмъ теченіе жизни не останавливается; ея требованія взываютъ къ

удовлетворенію. Наука достается вообще не легко и не скоро, деньги также создавать трудно, но все-таки недостатокъ въ деньгахъ можетъ быть замѣненъ какими-нибудь кредитными и экономическими комбинаціями; притомъ же наши помѣщики еще недостаточно проникнуты сознаніемъ о необходимости науки и денегъ вмѣстѣ, и сѣтуютъ исключительно на недостатокъ въ деньгахъ для оборотовъ своего хозяйства. Продажа части земель, конечно, могла бы выручить изъ бѣды, потому что лучше имѣть сто десятинъ, приносящихъ правильный хорошій доходъ, нежели двѣсти, не приносящихъ никакого дохода. По всей вѣроятности мѣра эта и приводится въ исполненіе, гдѣ мѣстныя условія тому благопріятствуютъ, но общее безденежье едва ли дѣлаетъ возможной продажу земель, не только за низшую цѣну, но и вообще.

Барщина была для помѣщика правильно-организованнымъ трудомъ, всегда готовымъ къ его услугамъ; съ уничтоженіемъ же ея найдти рабочія руки представляется уже трудностью въ томъ отношеніи, что не во всякой мѣстности можно имѣть именно то количество рукъ, какое нужно для производства извѣстныхъ работъ. Во всѣхъ другихъ свободныхъ производствахъ, какъ напримѣръ на желѣзныхъ дорогахъ и т. п. наемъ потребнаго количества рабочихъ облегчается у насъ съ помощію подрядчиковъ и рабочихъ артелей; для земледѣльческаго труда этотъ обычай также могъ бы оказать пользу, если бы помѣщики взяли на себя иниціативу примѣненія этого обычая къ полевымъ работамъ. Всякій наниматель могъ бы быть хоть отчасти обезпеченъ въ томъ, что онъ будетъ имѣть потребное количество рабочихъ, именно въ то время, когда ему нужно. Обычай найма рабочихъ для сельско-хозяйственныхъ работъ посредствомъ подрядчиковъ, конечно, явится и самъ по себѣ, но отъ помѣщиковъ зависитъ вызвать его скорѣе, предоставленіемъ сначала хорошаго барыша подрядчикамъ.

Заключаемъ нашу лѣтопись извлеченіемъ изъ указа правительствующему сенату отъ 1-го сего марта о прекращеніи обязательныхъ поземельныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами въ западныхъ губерніяхъ: Волынской, Гродненской, Ковенской, Минской и въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Витебской. По мѣстнымъ обстоятельствамъ означенныхъ губерній и уѣздовъ признано необходимымъ прекратить обязательныя отношенія посредствомъ выкупа крестьянами земель ихъ надѣла съ пособіемъ правительства. Съ 1-го мая этого года временно-обязанные крестьяне означенныхъ губерній и уѣздовъ при-

числяются къ разряду крестьянъ собственниковъ, но до составленія выкупныхъ актовъ и опредѣленія выкупныхъ платежей, они обязаны платить оброкъ, назначенный въ уставныхъ грамотахъ, прямо въ уѣздныя казначейства, а оттуда уже будутъ выдаваться деньги по принадлежности.

Такимъ образомъ помѣщики даже избавлены отъ всякихъ личныхъ сношеній съ крестьянами.

По составленіи выкупныхъ актовъ, платежи эти прекращаются, и вмѣсто нихъ предоставляется помѣщикамъ получать выкупные платежи, опредѣленные въ выкупномъ актѣ, на основаніи правилъ, которые будутъ составлены.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ скоромъ времени будутъ извѣстны въ подробности сроки платежей и способъ ихъ погашенія бумагами или наличными деньгами; тогда можно будетъ видѣть и общую сумму, необходимую для реализаціи принятой правительствомъ мѣры, вызванной мѣстными обстоятельствами означенныхъ губерній.

Польскій вопросъ, который по существу своему также долженъ бы былъ войдти въ нашу лѣтопись, разработывается болѣе иностранными журналами, чѣмъ нашими русскими; слѣдить же за ходомъ событій, сообщаемыхъ въ депешахъ, значило бы повторять уже всѣмъ извѣстное. Поэтому мы ограничиваемся занесеніемъ только одного изъ послѣднихъ событій въ Польшѣ: Лангевичъ провозгласилъ себя диктатромъ, отъ имени народа, и издалъ отъ 12 марта н. с. циркуляръ объ учрежденіи гражданскаго революціоннаго правительства изъ четырехъ членовъ, которые будутъ одновременно начальниками департаментовъ военнаго, финансоваго, внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ. Это правительство, какъ сказано въ циркулярѣ, будетъ соблюдать до неопредѣленнаго времени строгую тайну. Всѣ гражданскія и военныя власти, дѣйствующія по настоящую минуту, увольняются этимъ циркуляромъ отъ должностей.

Циркуляръ данъ въ Сосиовкѣ, а самъ Лангевичъ, какъ видно было изъ газетъ, находился тогда въ Галиціи, въ Тарновѣ.

ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Слово къ потомкамъ. — Петербургъ и его физіономія. — Нѣсколько словъ о *водобоязни* с. петербургскаго общества водопроводовъ. — Подвиги *водянаго* правленія. «Сонъ въ руку». — Акціонерная пѣсня, А. И. Кронъ и его предложеніе обществу. — Петербургскіе книгопродавцы и ихъ торговля. — Дюфуръ и его продѣлка. — Находчивый маклеръ. — Изгнаніе женщинъ изъ Петербургскаго университета. — Эпизодъ изъ жизни русскихъ студентовъ. — Аммосовъ, его статьи и печи. — Врачи-благотворители въ максимиліановской лечебницѣ. — Московскія сельско-хозяйственныя бесѣды въ обществѣ сельскаго хозяйства. — *Бесѣдовать* — значитъ *молчать*. — «На Кузнецкомъ мосту» — Сцена изъ московскихъ нравовъ. — Дворянскіе и купеческіе выборы въ Москвѣ и ихъ курьеры. — Городской голова, запирающій выборныхъ подъ замокъ. — Наши новости. — Г. Стелловскій, остановившійся на *якорѣ*. — Новый замѣчательный талантъ въ журналѣ *Время*. — Гг. Скарятинъ и Юматовъ, отказавшіеся отъ своего пола и вступившіе въ сестры милосердія. Лекціи профессора отъ розогъ и философіи г. Юркевича. — Пропажа вагона въ главномъ обществѣ желѣзныхъ дорогъ. — Опытъ сюжетовъ для произведеній будущихъ русскихъ писателей. — Вѣсти изъ провинціи. — Скромность провинціаловъ. — Волга и ея редакторъ. — Русскіе журналы предъ судомъ Черниговскихъ Епархіальныхъ вѣдомостей. — Воронежскій прогрессъ и его уличные тореадоры. — Оренбургскіе киргизы во фракахъ и мундирахъ. — Странный случай самовозгаранія въ кассѣ Кронштадтскаго театра. — Какихъ крестьянъ можно считать *зажиточными?*

Пусть не обижаются мои читатели, если я свой февральскій дневникъ начну слѣдующимъ воззваніемъ: любезные потомки! вамъ, и только вамъ хочу я на этотъ разъ посвятить нѣсколько страницъ и требую вашего полнаго вниманія. Обращаюсь я къ вамъ во первыхъ потому, что каждый авторъ всегда болѣе надѣется на расположеніе потомковъ своихъ, чѣмъ на современниковъ, а во вторыхъ потому, что на это есть особыя причины.

Бѣдные потомки! Ваша участь всегда достойна сожалѣнія! Всякій разъ, когда вамъ приходилось взглянуть назадъ, въ минувшее — вы всегда дѣлались жертвою обмана. Васъ обманывало прошедшее, обманывали книги, обманывали историки, которые капризно, по произволу, распоряжаются историческими фактами и событіями. Бѣдные потомки!

историки увѣрятъ васъ, напримѣръ, что въ такомъ-то году, въ такомъ-то уголкѣ земного шара царствовалъ прогрессъ, этотъ рай общественной жизни, или увѣрятъ васъ, что нѣкогда существовало въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ ужасное демократическое чудовище, и вы поневолѣ вѣрите и въ то, и въ другое, вѣрите до тѣхъ поръ, пока новый историческій геній (а много ли геніевъ?) не освѣтитъ вамъ далекаго горизонта прошлаго новымъ свѣтомъ, новою мыслью. Бѣдные, довѣрчивые потомки! Вы не рѣдко съ великою важностью разбираете историческія подробности прошедшихъ столѣтій, а между тѣмъ не знаете часто, какъ звали вашего дѣдушку и къ какой націи принадлежала ваша бабушка.

Имѣя въ виду спасти васъ, любезные потомки, хоть отъ одной ошибки, я приподниму теперь одинъ уголокъ той завѣсы, за которой для васъ будетъ скрыто прошедшее. Я хочу говорить теперь о Петербургѣ и о его физіономіи.

Почтенные наши правнуки и правнучки! Я увѣренъ, что вы, опираясь на свидѣтельство своихъ предковъ, составите себѣ о современномъ Петербургѣ самое ложное понятіе, и будете повторять старую мысль, что это былъ городъ безъ физіономіи, безъ самобытнаго характера, городъ, лишенный того національнаго запаха, который всюду носятъ съ собою наши соотечественники.

Противъ такой клеветы, сочиненной завистливой старухой Москвой, я рѣшился вооружиться всѣми своими силами.

Петербургъ — это представитель всѣхъ элементовъ русской жизни, и только въ одномъ Петербургѣ вы разомъ встрѣтите молодую и старую Россію. Городъ юнаго нигилизма и разлагающейся старости, горячаго протеста и робкой терпимости, городъ движенія и неподвижности, городъ, на почвѣ котораго уживаются вмѣстѣ самыя противоположныя идеи и характеры. Петербургъ, какъ возникающее наше будущее, поражаетъ своей физіономіей, своимъ новымъ типомъ. Города, какъ и люди, имѣютъ свои типы, и, если приводить сравненія, то всѣ наши литературные типы отразились на многихъ русскихъ городахъ. Напримѣръ, какая-нибудь Рязань или Кострома развѣ не та же Коробочка? развѣ предпріимчивая, изворотливая Одесса — не самъ П. И. Чичиковъ? А Москва — развѣ не Фамусовъ и Загорѣцкій, взятые вмѣстѣ?

Одному только Петербургу я не могу найдти соотвѣтствующаго типа, и именно потому, что онъ, какъ двуликій Янусъ, имѣетъ двѣ физіономіи, съ самыми разнообразными оттѣнками и видоизмѣненіями;

Петербургъ—это съ одной стороны предчувствіе Базарова, съ другой — догорающее прошедшее, съ его Кирсановыми, съ его Пигасовыми, со всѣми его *мертвыми душами*.

Если вы взглянете на Петербургъ съ вышины птичьяго полета, если вы будете изучать его жизнь по его изданіямъ, по его увеселительнымъ зрѣлищамъ и по извѣстіямъ Полицейскихъ Вѣдомостей, то вы не составите о немъ никакого понятія, даже приблизительнаго. Окунитесь въ его ежедневную, будничную жизнь, поживите во всѣхъ атмосферахъ этого новаго міра, и тогда, можетъ быть, вы додумаетесь до пониманія этого страннаго города!

Петербургъ мы привыкли считать за одинъ городъ, а между тѣмъ онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ городовъ, изъ которыхъ каждый живетъ своей собственною жизнью, и на обитателей другихъ уголковъ Петербурга смотритъ, какъ на иностранцевъ.

Я не берусь сдѣлать полнаго очерка этихъ особыхъ мірковъ петербургской жизни, потому что это завело бы меня слишкомъ далеко изъ предѣловъ моего дневника, но я постараюсь хоть только въ легкихъ чертахъ обвести контуръ этихъ мірковъ, указавъ на ихъ главный характеръ.

На сколько хватитъ умѣнья, попробую прогуляться съ своими любезными потомками по городкамъ, которыхъ не найдешь ни въ какой географіи.

Первый міръ, куда мы перенесемся, есть, безъ сомнѣнія, Невскій проспектъ. Невскій проспектъ—это пульсъ, нервъ петербургской жизни. Онъ есть единственный центръ, притягивающій и сближающій между собою всѣ остальные уголки цѣлаго города.

Эта блестящая улица—резервуаръ движенія и торговой дѣятельности Петербурга. Здѣсь всѣ нижніе этажи торгуютъ. Промышленность, во всѣхъ своихъ видахъ, соблазняетъ здѣсь каждый карманъ плодами своего изобрѣтательнаго генія. На Невскомъ никто не имѣетъ ничего *для себя самого*, потому что здѣсь все продажно: здѣсь, на этомъ громадномъ аукціонѣ, вы можете купить за деньги все, что угодно: произведенія всѣхъ странъ, женскіе уборы, женскую красоту, даже собственную красоту, съ помощью косметическихъ и туалетныхъ операцій. Всѣ потребности роскоши, капризнаго вкуса и прихоти—стоятъ здѣсь и ждутъ своихъ потребителей. На этой разнообразной выставкѣ, съ помощью золота, все въ вашей власти, все, отъ драгоцѣнныхъ тканей и бездѣлушекъ до камелій обоего пола.

На этой улицѣ собственно не живутъ, а только торгуютъ или покупаютъ. Здѣсь все мимоходомъ: и люди, и вещи. Что вчера еще такъ поражало васъ, то сегодня уже продано и замѣнено новымъ соблазномъ. Вчерашній модный нарядъ, вчерашняя невская гетера, проданы на этомъ рынкѣ, и на другой день на ихъ мѣстѣ вы найдете и новые наряды и новыхъ красавицъ.

Невскій проспектъ — это колоссальный пассажъ, и самый штейнбоковскій пассажъ есть только Невскій въ миніатюрѣ.

Невскій проспектъ, эта безконечная улица, кипящая вѣчнымъ движеніемъ и жизнью, есть станція между двумя кладбищами: одинъ ея конецъ ведетъ на Волково, другой на Смоленское. Все въ мірѣ подтасовано, и эти оба полюса блестящей улицы—явленіе вовсе не случайное. Съ Невскаго проспекта переходъ на кладбище почти неизбѣженъ. Если бы какому-нибудь мертвецу пришла охота не надолго воскреснуть и отправиться по Невскому проспекту изъ одного кладбища въ другое, то можно смѣло ручаться, что онъ не дошелъ бы до цѣли своего пути, и снова былъ бы принужденъ разстаться съ жизнью. Уличные промышленники сорвутъ съ него саванъ, и онъ снова умретъ отъ удара дышла, или подъ ногами рысаковъ столичныхъ баши-бузуковъ.

Невскій проспектъ—это улица жизни, догоняемой смертью.

Заглянемъ теперь въ другой міръ—на невскія набережныя (по сю сторону Невы). Декораціи совершенно измѣняются. Ни одного магазина, ни одной вывѣски на великолѣпныхъ зданіяхъ. Мѣщанское, суетливое движеніе Невскаго проспекта здѣсь замѣняется аристократическимъ безмолвіемъ, и только одна Нева рѣшается иногда тихо ворчать у ногъ безмолвныхъ палаццо. Здѣсь обитаетъ то блестящее населеніе Петербурга, которое своимъ существованіемъ, кажется, дѣлаетъ особую честь жизни. Мы перенеслись въ уголокъ пышныхъ подъѣздовъ, недоступныхъ швейцаровъ и вельможныхъ богачей. Каждый простой смертный, попавъ въ эту часть города, пойметъ тотчасъ же что Богъ далъ ему спину для того, чтобъ кланяться, а волосы для того, чтобъ ходить здѣсь съ открытой головой, безъ шапки.

Такъ какъ я имѣю право предполагать, что вы, мои гордые потомки, устыдитесь привычекъ вашихъ предковъ, то я поскорѣе уведу васъ отсюда въ другой уголокъ столицы.

Передъ нами опять совершенно особенный міръ. Для приблизительнаго указанія границъ этого міра, я скажу, что онъ занимаетъ Литей-

ную и Владимірскую улицы съ прилежащими къ нимъ окрестностями. Главное населеніе этой части города — литераторы и гробовщики, третій же элементъ ея — это танцклассы. Почти всѣ редакціи журналовъ и газетъ петербургскихъ, съ ихъ конторами, типографіями и сотрудниками, сгруппировались на этой полосѣ населенія. Здѣсь и «Искра», и «Русское Слово», и «Народное Богатство», и «Заноза»; здѣсь, — подивитесь, любезные потомки, — поселились подъ одною кровлею, въ одномъ этажѣ, чуть не съ однимъ подъѣздомъ, «Современникъ» съ «Отечественными Записками», «Свистокъ» съ «Голосомъ» А. А. Краевскаго.

Почему же, спросите вы, въ этомъ міркѣ журнальныхъ редакцій и литературныхъ бородъ такъ часто попадаются эти мрачныя вывѣски съ таковою надписью «здѣсь дѣлаютъ гробы»? Это вопросъ еще не разрѣшенный окончательно. Можетъ быть потому, что у гробовщиковъ есть особенная симпатія къ литературѣ, а можетъ быть и оттого, что никто такъ часто не умираетъ, какъ русскіе литераторы.

Нравы этого мірка отличаются нѣкоторою независимостью и эксцентричностью. Литераторы такъ же, какъ и гробовщики, очень часто по цѣлымъ недѣлямъ предаются лѣни и отдохновенію отъ трудовъ своихъ, а иногда по цѣлымъ ночамъ просиживаютъ за своей работой. Не рѣдко случается, что въ одномъ и томъ же уголкѣ улицы, въ то позднее ночное время, когда какой-нибудь запальчивый рецензентъ роетъ яму своему литературному собрату, а гробовщикъ сколачиваетъ свѣжій гробъ, въ это самое время, напротивъ оконъ ихъ квартиръ, въ освѣщенныхъ залахъ танцкласса шумитъ и прыгаетъ развеселая ночная публика столицы.

Нигдѣ не истребляется столько вина и чернилъ, какъ въ этой городской полосѣ, и въ то же время, нигдѣ такъ мало не совершается законныхъ браковъ, почему отношенія обоихъ половъ гораздо независимѣе.

Къ четвертому петербургскому мірку мы должны отнести ту часть города, которой центромъ служатъ всѣ три мѣщанскія улицы. Здѣсь поселился петербургскій Эротъ; здѣсь, по всей вѣроятности, воспиталась сладострастная муза В. Крестовскаго. Всѣ люди съ эротическими наклонностями, не исключая изъ этого числа и редакцію журнала «Время», обитаютъ въ этомъ участкѣ города. Это міръ дешевыхъ квартиръ отъ хозяевъ, дешевыхъ камелій и грязныхъ дворовъ и лѣстницъ, міръ темныхъ угловъ, темныхъ промышленниковъ и содержанокъ безъ карь-

еры, безъ завтрашняго дня; міръ отставныхъ чиновниковъ, артистовъ безъ занятій и безконечнаго числа пѣмокъ, отдающихъ отъ себя крошечныя квартиры съ мебелью, отопленіемъ и прислугою. Днемъ въ этой части города вы не встрѣтите ни одного порядочнаго человѣка, кромѣ сотрудниковъ «Времени»; ночью же вы встрѣтите въ этихъ мѣстахъ только однихъ невскихъ Діогеновъ, которые, съ фонарями или безъ оныхъ, ищутъ себѣ человѣка... женскаго пола.

Мы переходимъ границу этого мірка, и вдругъ попадаемъ въ новую часть свѣта петербургскаго—въ Коломну. Несмотря на свое видимое сосѣдство, Коломна гораздо ближе къ Москвѣ, нежели къ Петербургу. Если поставить туда Царь-пушку съ колокольней Ивана Великаго, перевести туда Погодина и Аксакова—вамъ и Москвы не нужно видѣть. Въ патріархальной, тихой Коломнѣ, съ ея купчихами и чиновницами, съ ея прошлогодними модами и нарядами, даже самая погода всегда какъ будто лучше, нежели въ центральномъ, вѣчно сыромъ и туманномъ Петербугѣ. Коломна—это петербургскій выселокъ, съ особой природой, съ своими людьми, нравами и обычаями. Житель Коломны—непремѣнно чиновникъ, а иногда купецъ; коломенецъ всегда доволенъ собой и всѣмъ окружающимъ. Въ Коломнѣ ни литературой, ни политикой не занимаются, и только недавно книгопродавецъ Озеровъ принялся просвѣщать эту невскую Африку. Гласности Коломна не боится, о прогрессѣ не безпокоится, и въ своемъ затишьѣ предается обыкновеннымъ своимъ занятіямъ: сплетнямъ, преферансу и домашнему хозяйству. Каждый коломенскій поселенецъ непремѣнно женатъ или же думаетъ жениться. У всѣхъ жены *непремѣнно законныя*, настоящія жены. Отъ иныхъ гражданскихъ и болѣе простыхъ отношеній къ женщинѣ Коломна съ негодованіемъ отвертывается, ограждая себя крестнымъ знаменіемъ отъ всякаго подобнаго дьявольскаго навожденія. Ни одинъ танцклассъ не смѣлъ появиться въ этомъ богоспасаемомъ уголкѣ, гдѣ и о канканѣ едва ли слыхивали. Коломенскій житель скроменъ даже въ своихъ дебоширствахъ и скандальчикахъ, и самый его развратъ, «добросовѣстный, ребяческій развратъ», цѣломудренъ, если такъ можно выразиться, потому что всегда скрытъ въ мракѣ неизвѣстности.

Пески—опять новый міръ. Здѣсь то же чиновничество, та же простота и чистота нравовъ, какъ и въ Коломнѣ, но зато между ними какая разница! Въ Коломнѣ чиновникъ—квартирантъ, на Пескахъ—онъ почти всегда домовладѣлецъ и владѣтель деревяннаго домика съ мезониномъ. Въ Коломнѣ чиновникъ—умѣренный консерваторъ, который

беретъ взятки; на Пескахъ онъ умѣренный либералъ, который тоже беретъ взятки. Коломенцы — народъ женатый, песочникъ не прочь и отъ дешевой содержанки. Въ Коломнѣ одинъ экземпляръ «Сына Отечества» удовлетворяетъ любопытство чуть ли не цѣлаго квартала, песочный обыватель выписываетъ «Пчелу», «Собраніе иностранныхъ романовъ и повѣстей». Въ Коломнѣ нѣтъ ни одного публичнаго сада и мѣста для прогулки; на Пескахъ есть свой собственный Невскій проспектъ — это *Прудки*. Пески и Коломна — это двѣ различныя ступени изъ жизни петербургскихъ чиновниковъ. Но есть еще третья ступень—это Галерная гавань. Въ Галерной гавани живетъ чуть ли не самое бѣдное, самое несчастное населеніе города, состоящее изъ бѣдныхъ нѣмцевъ и петербургскихъ пролетаріевъ—чиновниковъ, существующихъ иногда цѣлыми семействами на 12 р. с. мѣсячнаго жалованья. Галерная гавань есть кажется единственный уголокъ Петербурга, который не нуждается въ услугахъ общества водопроводовъ, потому что, по своему низменному положенію, почти постоянно купается по поясъ въ водѣ. Галерный житель долженъ призадуматься при вопросѣ: гдѣ онъ живетъ—на водѣ или на сушѣ? Галерной гавани до полнаго сходства съ Венеціей недостаетъ только итальянскаго неба и бѣлыхъ австрійскихъ мундировъ. Каждый разъ, когда до слуха жителей Морской или Литейной, долетаютъ крѣпостные выстрѣлы, говорящіе о прибыли воды въ Невѣ, они должны знать, что въ это время обитатели Галерной гавани изъ нижнихъ этажей своихъ убогихъ домиковъ перебираются на чердаки, подъ самую крышу и вмѣстѣ съ крысами, мышами и домашними животными спѣшатъ спасать жизнь свою отъ наводненія. Это самый печальный, самый мрачный изъ всѣхъ особыхъ мірковъ невской столицы.

Васильевскій островъ — еще особый мірокъ, обитаемый учеными, цензорами и повивальными бабками. Здѣсь, что не домъ, то квартира цензора, что не ворота, то надпись: акушерка. Почему такое изобиліе повивальныхъ бабокъ на васильевскомъ островѣ, исторіей еще не изслѣдовано: вѣроятно, такое ужь плодородное свойство почвы острова. Что же касается до сосѣдства цензоровъ и повивальныхъ бабокъ, то оно совершенно понятно. Цензора для насъ такъ же необходимы, какъ и повивальныя бабки; цензора, *эти акушеры русской мысли* выправляютъ каждый ея неестественный вывихъ, каждое ея неправильное проявленіе; они, такъ сказать, призваны присутствовать при рожденіи нашей идеи. Но возвращусь къ нашему острову. На Васильевскомъ островѣ каждое

даніе выглядитъ какъ-то мрачно и пусто, какъ его университетъ, и только на однихъ его проспектахъ, съ ихъ бульварами и садиками передъ каждымъ домомъ, картина оживляется и невольно напоминаетъ маленькія, нѣмецкія городки съ ихъ палисадниками, съ ихъ учеными германцами, съ ихъ пивомъ и золотухою. Вообще на островѣ живутъ очень тихо, покойно и... скучно.

Я заглянулъ бы еще въ два-три уголка Петербурга, но и безъ того уже, думая очень много о своихъ потомкахъ, я наскучилъ своимъ современнымъ читателямъ этимъ очеркомъ, въ которомъ я хотѣлъ хоть слегка указать на замѣчательное разнообразіе въ элементахъ петербургской общественной жизни, которая еще до сихъ поръ не оцѣнена по заслугамъ, и понынѣ ждетъ своего изслѣдователя и поэта. Будущій поэтъ объяснитъ вамъ, дорогіе мои потомки, что Петербургъ вовсе не переряженый европеецъ, а коренной руссакъ; онъ докажетъ вамъ, разумѣется, иными словами, что —

По виду только иностранцемъ
Глядитъ нашъ «сѣверный колоссъ,»
А поскобли — подъ этимъ глянцемъ,
Подъ внѣшнимъ лоскомъ и румянцемъ
Такъ и сквозитъ природный Россъ.
Здѣсь все приглажено и чисто,
Скрытъ за кулисами сумбуръ,
Но сквозь атласъ, изъ подъ батиста,
И изъ подъ тюля прогрессиста
Глядитъ славянскій самодуръ.
Нашъ городъ Лондона не хуже,
Но поживи здѣсь года три,
То скажешь, правду обнаружа:—
Мы европейцы лишь снаружи,
Славяне кровные внутри.

Теперь я долженъ обратиться къ вамъ, мои современные читатели, чтобъ начать свои постоянныя бесѣды. И такъ, «впередъ, впередъ моя исторья!»

Для чего существуетъ въ Петербургѣ общество водопроводовъ? вотъ вопросъ, который можетъ задать себѣ каждый невскій житель. Какого-нибудь пріѣзжаго провинціала, не посвященнаго въ наши домашнія, городскія тайны, такой вопросъ, можетъ быть, очень удивилъ бы, но насъ

онъ не удивитъ. На него мы давно отвѣтили такъ: общество водопроводовъ есть ничто иное, какъ общество застрахованія невскихъ жителей отъ воды. Такой отвѣтъ прямо вытекаетъ изъ дѣятельности самаго общества, которое не дѣлая само ничего, страдая постоянной *водобоязнью*, отбиваетъ и у другихъ всякую охоту заняться водоснабженіемъ невскихъ жителей.

Кого жь, кого винить намъ строго,
Что на Невѣ ужь много лѣтъ—
Водопроводныхъ акцій—много,
А водоемовъ вовсе нѣтъ?

Кто виноватъ? Но вѣдь виноватыхъ у насъ всегда не скоро откроешь: судьба, говорятъ, или русское «авось» всему виною. Какъ Прометей былъ наказанъ судьбою за мысль похищенія огня съ неба, такъ и общество водопроводовъ, какъ типъ новѣйшей русской мифологіи, наказано за желаніе похитить воду съ невскаго берега.

Исторія этого мифическаго общества, въ самомъ дѣлѣ поучительна для всѣхъ россіянъ вообще, а для акціонеровъ въ особенности.

Эта великолѣпная акціонерная комедія разыгралась передъ нашими глазами. Съ блистательными надеждами выступило общество водопроводовъ на арену своей новой дѣятельности. Оно кликнуло кличъ на всю Россію, соблазняя своихъ будущихъ акціонеровъ открытіемъ, которое стоитъ всякаго философскаго камня, открытіемъ, которое дастъ имъ возможность добывать изъ простой невской воды самое чистое золото. Но, чтобъ достигнуть этого, обществу были нужны люди, т. е. не люди собственно, а ихъ карманы, ихъ кошельки и бумажники. Соблазнительный вызовъ общества не пропалъ даромъ: со всѣхъ сторонъ стекались толпы акціонеровъ, предавшихъ свои капиталы въ пользу такого благого дѣла. И вотъ акціи были розданы, общество сгруппировалось и начались его бурныя засѣданія, занимаясь то выборомъ новыхъ директоровъ, то ихъ ревизіей. Началось смутное время для общества: перемѣнялось правленіе, раздавались спичи и голоса Океля, Пеля, Палибина и др., на берегу Невы поднялась семиэтажная водопроводная башня, городскія улицы покрылись водопроводными баррикадами и канавами, закладывались трубы и привозились машины. Однимъ словомъ работа кипѣла, и все, казалось, «обстояло благополучно»; акціонеры видѣли зо-

лотые сны, невскіе озлобленные водовозы (о, рутинёры!) чуяли скорый подрывъ своей дѣятельности.

Помнитъ житель Петрограда,
Какъ вездѣ, изъ за угла,
Изъ канавъ и ямъ преграда
Насъ на улицахъ ждала,
Гдѣ въ открытый зѣвъ оврага,
Какъ въ прожорливый капканъ,
Для общественнаго блага
Пало множество гражданъ,
Гдѣ работали насосы
На Фонтанкахъ день и ночь,
Гдѣ тревожные вопросы
Мы старались превозмочь.

Помнитъ житель Петрограда,
Какъ сложилась сгоряча,
Близъ таврическаго сада
Въ семь этажей каланча,
Какъ въ правленьи къ разнымъ цѣлямъ,
Суетясь не безъ причинъ,
Пробирались *Окель* съ *Пелемъ*
И съ *Палибинымъ Ильинъ*,
Какъ, — минуту роковую
Не забудемъ никогда; —
Вверхъ взрывая мостовую
Всюду брызгала вода.

Гдѣ жъ они, водопроводы,
Трудолюбія примѣръ?
Гдѣ жъ теперь твои доходы,
Водяной акціонеръ?
«Денегъ мало! денегъ мало!..»
Скорбно общество твердитъ:—
«Не начать ли намъ сначала
Дѣло новое... въ кредитъ?»
— Что же! сдѣлайте огласку,
Увлеките новичка,
И разсказывайте сказку
Намъ про бѣлаго бычка!

Обществу дѣйствительно пришлось скоро повторить на себѣ эту сказку. Послѣ столькихъ тратъ и расходовъ, столькихъ треволненій и тру-

довъ общество водопроводовъ вдругъ пришло къ самому горькому разочарованію, къ самому крайнему отрицанію, къ отрицанію самого себя. Оно вдругъ догадалось, что его машины негодны, что его трубы положены въ землю совсѣмъ не такъ, и что наконецъ его башня есть безполезная груда кирпичей, негодная ни для какого употребленія. На обществѣ повторилась поэтическая библейская легенда вавилонскаго столпотворенія. Съ постройкой башни въ обществѣ послѣдовало «смѣшеніе языковъ» и внутренніе безпорядки. Но самое сильное зло, котораго зубы почувствовало на себѣ «водяное правленіе», было безденежье, отсутствіе всякихъ капиталовъ, безъ которыхъ нельзя даже было начать сказку о бѣломъ бычкѣ. Нѣтъ денегъ—стало быть ихъ нужно занять. Черезъ посредство думы общество заняло 250,000 р. с., но увы! этихъ денегъ показалось слишкомъ мало для окончанія дѣла; потребовалась еще необходимая маленькая сумма въ 980,000 р. с. Общество одинъ разъ испытавъ благодушество думы, предполагало и теперь воспользоваться ея посредничествомъ въ дѣлѣ займа между имъ и государственнымъ казначействомъ. Просьба была представлена въ концѣ прошлаго мѣсяца въ думу, но со стороны городского управленія послѣдовалъ самый рѣшительный отказъ. Нѣтъ-дескать, денегъ; идите—богъ подастъ! Сорвалось!.. Общество поставлено было въ критическое положеніе: правленію съ своими акціонерами оставалось только взобраться на вершину своей пустой башни, и оттуда поочередно броситься внизъ головою, подобно тому оригиналу, который недавно сдѣлалъ такой прыжокъ съ колокольни Notre Dame de Paris.

Наступила роковая ночь на 27 января текущаго года. Въ эту тревожную ночь всѣ члены правленія общества водопроводовъ видѣли одинъ и тотъ же пророческій сонъ, сонъ, пробудившій въ нихъ новыя надежды. Эта вѣщая греза такъ знаменательна, что я не могу умолчать о ней, и передамъ ее въ формѣ болѣе пристойной случаю.

СОНЪ ВЪ РУКУ.

Лишь надъ заснувшею Невою
Настала полночи пора,
Тревожный сонъ надъ головою
Узрѣли всѣ директора.

Надъ изголовьемъ ихъ кроватей
Вставали призраки гурьбой,
И въ вихрѣ стоновъ и проклятій
Куда-то кликали съ собой.

То рвали ихъ акціонеры,
Какъ стая жадная пантеръ,
То ихъ давилъ, давилъ безъ мѣры
Водопроводный бельведеръ,

То въ общемъ хаосѣ и свалкѣ
Грозила Дума имъ вдали,
То словно невскія русалки
Ихъ въ омутъ съ хохотомъ влекли.

Но вдругъ все скрылось мглой тумана;
И передъ ними просвѣтленъ,
Въ вѣнкѣ изъ листьевъ кукельвана
Предсталъ Андрей Иванычъ Кронъ.

Зачѣмъ онъ здѣсь? Еще ль улика?
Вотъ рѣчь его течетъ, течетъ,
И слаще пѣнья Тамберлика
Директорамъ былъ голосъ тотъ:

— «У васъ, несчастные собратья
Бѣда висѣла на носу;
Придите жъ всѣ въ мои объятья:
Я васъ спасу! я васъ спасу!...

«Скажите мнѣ — и въ два - три года,
Въ дома столицы, навсегда,
Изъ новыхъ трубъ водопровода
Запрыщетъ невская вода.

«Хотите — сотворю я диво,
И вдругъ, на зло своимъ врагамъ,
Пущу я кроновское пиво
По всѣмъ квартирамъ и угламъ.

«Хотите — сдѣлаю я ссуду,
Велю работы начинать,
И все правленье ваше буду
Три года ровно содержать!»

Пронесся сонъ. Покинувъ ложе,
Всю ночь до самаго утра:
— Ужели Кронъ спасетъ насъ, Боже?
Шептали всѣ директора.

Сонъ былъ въ руку. Не далѣе какъ на слѣдующій день передъ правленіемъ общества явился А. И. Кронъ съ формальнымъ предложеніемъ своихъ услугъ. Общество, находясь въ положеніи утопающаго, который хватается за соломенку, не могло отвергнуть соблазнительнаго предложенія г. Крона. Главные пункты этого предложенія были слѣдующіе:

А. И. Кронъ въ три года обязуется окончить водопроводное предпріятіе общества, принимая на себя всѣ долги его.

Три года онъ содержитъ правленіе на свой счетъ, *отпуская ему по 14,000 с. въ годъ.*

Онъ *пользуется правомъ полученія изъ городской думы 54,000 р. с. ежегоднаго чистаго дохода въ теченіе 35 лѣтъ.*

Кромѣ того *получаетъ съ дивиденда по 10%, но въ томъ только случаѣ, если дивидендъ превыситъ 10 р. с. на акцію,* за выдачею означенныхъ 54,000 р.

Какъ и слѣдовало ожидать, предложеніе это было встрѣчено съ восторгомъ правленіемъ и... акціонерами общества. Правленіе не могло не изъявить на него своего согласія: вѣдь *только за одно* согласіе это члены его (т. е. пять директоровъ) и будутъ получать въ продолженіе трехъ лѣтъ по 8,400 р. с. Кто же откажется получать даромъ такое жалованье? И такъ не будетъ обиженъ никто.

Кронъ,—какъ видимъ, безъ урона
И съ предчувствіемъ дохода,
А, правленіе три года
Будетъ славить имя Крона.

Лишь пока ни тепло, ни холодно однимъ акціонерамъ. Что жъ! акціонеры народъ терпѣливый; авось и они современемъ получатъ какуюнубудь благостыню. Теперь остается узнать только мнѣніе невскихъ жителей: довольны ли будутъ они, что г. Кронъ одну стихію промѣнялъ на другую и станетъ теперь утолять ихъ жажду не пивомъ и портеромъ, а простою водою изъ рѣки Невы? Да, всѣмъ намъ остается теперь пожелать:

Дай Богъ, чтобъ прежняя бѣда
Не попадалась никогда намъ,
Дай Богъ чтобъ невская вода
Не отравлялась кукельваномъ.

Пойдемте теперь, господа на Невскій проспектъ и, какъ досужіе наблюдатели, заглянемъ въ нѣкоторыя наши книжныя лавки. Смотря на эти великолѣпно отдѣланные магазины съ яркимъ газовымъ освѣщеніемъ, съ громадными зеркальными окнами, за которыми въ нѣсколько рядовъ выставлены книги разныхъ величинъ подъ обертками всѣхъ цвѣтовъ, вы невольно придете въ умиленіе при созерцаніи видимаго успѣха нашей книготорговли. Съ точки посторонняго, невнимательнаго зрителя, гуляющаго по широкой панели блестящей улицы, вы будете правы, но когда вамъ придетъ охота повнимательнѣе посмотрѣть за стекла и за прилавки этихъ магазиновъ, захочется прослѣдить дѣятельность большинства нашихъ книгопродавцевъ, то вамъ сдѣлается если не смѣшно, то грустно. Плодомъ такого наблюденія будетъ то, что вы узнаете, что у насъ нѣтъ собственно книжныхъ магазиновъ, а есть только конторы журналовъ и газетъ, при которыхъ, словно между прочимъ, продаются и разныя книги. Открывается у насъ книжная лавка — и прежде всего старается устроить у себя контору какого-нибудь журнала, безъ чего ей приходится плохо. Большинство нашихъ книгопродавцевъ — не въ обиду имъ будь сказано — отличаются тѣмъ простодушнымъ, наивнымъ невѣжествомъ, которое невольно приводитъ къ вопросу: почему именно они торгуютъ книгами, а не мукой, не ситцами, не мебелью? За исключеніемъ двухъ, трехъ личностей, которыя болѣе или менѣе съ толкомъ и смысломъ ведутъ свои дѣла, всѣ остальные наши книжники вполнѣ достойны слѣдующей эпиграммы, которую я недавно гдѣ-то слышалъ:

Я васъ никакъ донынѣ не постигъ,
Да и постичь ей богу, нѣтъ надежды:
Вы круглый годъ сидите между книгъ
И круглый годъ вы круглые невѣжды.

Никто такъ мало не знакомъ съ умственной жизнью въ Россіи, какъ книгопродавцы; они не только не помогаютъ книжной торговлѣ, но даже мѣшаютъ ей, гдѣ можно; они — какъ ни странно это — какъ-то враждебно смотрятъ на свое собственное дѣло. Книгопродавецъ не читаетъ ни одного журнала и снисходительно только относится къ тому изъ нихъ, котораго главная контора находится въ его магазинѣ. Онъ смотритъ на журналъ съ купеческой точки зрѣнія и оцѣняетъ его достоинство по числу его подписчиковъ. Журналъ для него, какъ купчиха-невѣста: много за ней приданаго — хороша невѣста, а мало — онъ и смотрѣть не хочетъ.

Случилось мнѣ недавно быть въ одной книжной лавкѣ. При мнѣ является въ лавку какой-то пріѣзжій провинціалъ, въ огромныхъ медвѣдяхъ и въ калошахъ такой необъятной величины, что въ нихъ, какъ въ лодкѣ, можно бы, я думаю, было переѣхать черезъ Неву.

Баринъ въ медвѣдяхъ, купивъ нѣсколько дѣтскихъ книгъ, объявилъ, что онъ хочетъ подписаться на такую-то газету. Онъ назвалъ одну дѣйствительно лучшую изъ нашихъ газетъ.

Книгопродавецъ, въ магазинѣ котораго была контора *другой* газеты, сдѣлалъ презрительную гримасу.

— Вѣдь это, кажется, хорошая газета, какъ я слышалъ? замѣтилъ нерѣшительно провинціалъ.

— Мало распространенная-съ, язвительно замѣтилъ купецъ. Притомъ же... говорятъ...

— Что̀ такое? безпокойно спрашиваетъ довѣрчивый посѣтитель.

— Такъ-съ, слухи разные есть... впрочемъ, какъ вамъ угодно-съ.

— Ну, а на какую же лучше газету подписаться? Какъ вы думаете?

Тотъ только этого и ждалъ, и довольно тонко похвалилъ газету, контора которой была въ его магазинѣ. Напуганный баринъ поспѣшилъ измѣнить свое желаніе и подписался на эту «лучшую» газету.

Такъ относятся книгопродавцы къ нашей журналистикѣ. Что̀ же касается до изданій непе::іодическихъ—книгъ и разныхъ сочиненій, то и къ нимъ книгопродавцы относятся не съ большею благосклонностью. Они озабочены распространеніемъ только *своихъ* собственныхъ изданій, а на чужія изданія смотрятъ довольно небрежно. Я не разъ былъ свидѣтелемъ, что на вопросъ покупателя: есть ли въ лавкѣ такая-то книга и у кого она продается, не знали что отвѣчать, потому что̀ не знали даже о ея существованіи.

А какъ исполняютъ книгопродавцы порученія и коммисіи, особенно провинціальныя? Изъ множества случаевъ укажу на одинъ, укажу на продѣлку одного *моднаго* книгопродавца—г. Д...ра. Чрезъ коммисіонера этого книгопродавца, не такъ давно, одинъ русскій туристъ переслалъ изъ Парижа въ Петербургъ большой ящикъ съ своими книгами. Самый ящикъ и нѣсколько книгъ дошли до Петербурга благополучно, и владѣлецъ этого ящика, вмѣсто довольно значительного количества посланныхъ имъ изданій, получилъ только нѣсколько книжекъ. Куда же дѣлись всѣ эти книги? Важный и величественный книгопродавецъ на такіе пустяки даже и отвѣчать не захотѣлъ. Что жъ? У нашихъ книгопродавцевъ такія дѣла дѣлаются на каждомъ шагу.

Пусть это послужитъ намъ всѣмъ въ назиданье,
Они, — пусть людей не дивитъ, —
Не только теряютъ чужія изданья, —
Теряютъ свой собственный стыдъ.

О дѣятельности русскихъ книгопродавцевъ стоитъ когда-нибудь поговорить побольше: за фактами дѣла не станетъ.

Въ извѣстной пьесѣ Пушкина «Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ» книгопродавецъ былъ такого мнѣнія, что—

Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.

Не знаю, какъ думаютъ объ этомъ наши современные книгопродавцы,—имъ кажется нѣтъ дѣла ни до вдохновенія, ни до рукописей, но я знаю одного прозорливаго петербургскаго маклера, по мнѣнію котораго писатель не можетъ не только продать вдохновенія своего, но даже не имѣетъ права продать рукописи своего сочиненія. Какъ такъ? Да просто: нельзя, да и только. Къ этому самому маклеру на дняхъ являются двое господъ. Одинъ изъ нихъ объявляетъ, что онъ писатель, который продалъ изданіе своихъ сочиненій такому-то (онъ указалъ на своего спутника), и желаетъ по этому случаю заключить съ издателемъ формальное условіе. Маклеръ не понялъ просьбы и переспросилъ.

— Намъ нужно заключить между собою контрактъ. Вѣдь вы составляете контракты?

— Я... но позвольте узнать, что вы продаете, а вы что покупаете, разспрашивалъ растерявшійся маклеръ.

— Да вѣдь я уже говорилъ вамъ, что продалъ свои сочиненія: для общей нашей гарантіи, по желанію издателя, мы хотимъ сдѣлать письменное условіе.

Маклеръ задумался и скоро его лицо покрылось струями пота.

— Но о чемъ же вы думаете?

— Я не могу исполнить вашей просьбы... еще въ первый разъ приводится встрѣтить мнѣ такой странный, необыкновенный случай... можетъ быть на это есть какія-нибудь особыя правила закона, которыя мнѣ неизвѣстны.

— Да какія же тутъ правила! Законъ общій: я—продавецъ, онъ—покупатель. Вѣдь вы же сами не затруднились бы, вѣроятно, составить для насъ контрактъ, если бы одинъ изъ насъ покупалъ у другого лошадь, карету, домъ что-ли? Не затруднились бы?

— Нѣтъ!..

— Такъ чего же вы тутъ сомнѣваетесь?

— А сомнѣваюсь я потому, что не знаю, имѣете ли вы право продавать свои сочиненія. Дѣло это совсѣмъ для меня новое, и вы ужь извините меня, а я совѣтую вамъ обратиться къ какому-нибудь другому маклеру.... Вотъ вы продадите теперь свои сочиненія, а я послѣ поди отвѣчай за васъ...

Обоихъ посѣтителей такой неожиданный оборотъ дѣла такъ поразилъ, что они въ первую минуту не могли произнести ни одного слова, но черезъ минуту отъ души расхохотались. Цѣлый вечеръ потомъ они употребили на то, чтобъ вбить въ юридическую голову маклера ту простую мысль, что каждый можетъ продать другому свои сочиненія. Несчастный, взволнованный юристъ, утомленный долгимъ сопротивленіемъ но видимо мало убѣжденный, рискнулъ наконецъ составить контрактъ, признаваясь откровенно, что онъ съ этого дня ни одной ночи покойно не заснетъ, опасаясь *«чтобъ чего-нибудь дрянного не вышло»*. Онъ такъ и остался при своемъ убѣжденіи, не вѣря, что только

Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.

Бѣдный юристъ! Ему можетъ быть по сю пору снятся зловѣщіе сны и эта страшная сцена продажи литературнаго труда, продажа, которая для него казалось преступнѣе той сдѣлки, которая была скрѣплена кровью между Фаустомъ и Мефистофелемъ.

Покойной ночи, тебѣ, бѣдный, напуганный маклеръ.

Дамы не могутъ посѣщать университетскихъ лекцій.

Такъ рѣшили высшіе петербургскіе педагоги. Эти мудрые педагоги произнесли недавно такое рѣшеніе: «лица *женскаго пола* не могутъ посѣщать лекцій, читаемыхъ гг. профессорами с.-петербургскаго университета». Наука, какъ гермофродитъ, смотрѣвшая всегда и вездѣ безразлично на половыя особенности человѣчества, наука подъ 59 градусомъ с. широты, какъ русскій самодуръ, проводитъ рѣзкую грань между мужчиной и женщиной.

Въ самомъ дѣлѣ, странная судьба русской женщины! Ей прокричали со всѣхъ сторонъ о гражданскихъ правахъ—но едва только она попробовала воспользоваться самыми скромными изъ этихъ правъ—передъ самымъ ея носомъ захлопываютъ двери. Нашей женщинѣ велико-

душно разрѣшается выходить замужъ, родить дѣтей, сплетничать, ничего не дѣлать, содержать танцовальные увеселительные дома и пр. и пр. Все это ей разрѣшается безпрекословно, но если ей придетъ въ голову дикая мысль сѣсть за книгу, искать серьёзного образованія, то этихъ немногихъ охотницъ мы запугаемъ на первыхъ же порахъ. Мы осмѣемъ въ нихъ новую страстишку *якшаться* съ студентами, мы нарисуемъ на позоръ ихъ собственную каррикатуру въ лицѣ Авдотьи Кукшиной, мы вышлемъ имъ навстрѣчу разныхъ Аскоченскихъ и Незамаевъ безъ намордниковъ—и пошла писать журнальная травля. Русскій прогрессъ смотритъ на игры этихъ гладіаторовъ темной русской письменности, нашъ сдержанный прогрессъ самъ поощряетъ ихъ домашнія игры. Передо мной невольно раскрывается цѣлая сцена изъ лѣтописей россійскаго прогресса. Любознательный читатель! остановись на минуту вмѣстѣ со мною передъ опущеннымъ занавѣсомъ: я сейчасъ подниму его передъ тобою. Смотри: фантастическое дѣйствіе начинается.

ЖЕНЩИНА ПЕРЕДЪ ЛИЦОМЪ РУССКАГО ПРОГРЕССА.

Фантазія, взятая изъ дѣйствительности.

ЯВЛЕНІЕ I

Прогрессъ.

(Протирая свои сонные глаза, выступаетъ лѣнивой походкой Ильи Обломова).

Ухъ! я рѣшительно слабѣю,
Всхрапнуть нельзя пяти минутъ;
Едва глаза закрыть успѣю —
Толпа просителей ужь тутъ,
Кричатъ, бранятся, всѣхъ трактуютъ,
Бѣгутъ, какъ чумные, сюда,
Протесты пишутъ, протестуютъ
И осуждаютъ безъ суда.
О чемъ же просятъ всѣ тревожно?
Весь гамъ и шумъ изъ пустяковъ:
Какъ будто передѣлать можно
Всѣхъ подлецовъ и дураковъ,
Да и къ чему? Вѣдь самый разумъ
Безъ нихъ не ту бы честь имѣлъ,
Мы не признали бъ честность разомъ,

Не будь съ ней рядомъ темныхъ дѣлъ.
Къ тому жъ условно все на свѣтѣ,
Вѣдь эта истина стара:
Чего теперь стыдятся дѣти,
То дѣды славили вчера.
Ахъ, если бъ могъ кто всѣмъ повѣсамъ
Растолковать хоть стороной,
Что вдвое хуже жить съ прогрессомъ,
Чѣмъ съ неподвижной стариной.

ЯВЛЕНІЕ II.

Гласность (*входитъ*).

Прогрессъ.

Ну, что? опять толпа въ пріемной?
Кто тамъ явился? Говори.

Гласность.

Во первыхъ, ждетъ часа вась три
Левъ Камбекъ съ книгою огромной,
Потомъ какой-то офицеръ,
Писецъ, мозольный операторъ,
Хористъ, кадетъ, акціонеръ
И неизвѣстный литераторъ,
Потомъ московскій откупщикъ,
Наставникъ съ сотней гимназистовъ,
Купецъ априксинскій, деньщикъ,
Молочница и частный приставъ,
Потомъ два маклера, маіоръ,
Въ отставку вышедшій съ мундиромъ,
Потомъ Стелловскій съ «Русскимъ міромъ»,
Ветеринаръ и полотёръ,
Потомъ...

Прогрессъ.

Довольно! О, за что же
Терзаюсь такъ я день отъ дня?
Вѣдь каждый будочникъ, о Боже!
Живетъ покойнѣе меня!...

(*обращаясь къ* Гласности)

Иди жъ къ гостямъ, и на отрѣзъ
Имъ всѣмъ сейчасъ же объяви ты —

Что мы, прославленный прогрессъ
Лежимъ въ постели и сердиты.

(Гласность *хочетъ идти*).

Постой! Но если кто-нибудь
Изъ нихъ пришелъ ко мнѣ... *не даромъ*...
Ну, знаешь! — вѣжлива съ тѣмъ будь,
Что проситъ — обѣщай все съ жаромъ.

Гласность (*уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Прогрессъ (*одинъ*)

Я взятки съ дѣтства презиралъ
И ихъ достойными считалъ
Однихъ подъячихъ и кухарокъ,
Но *благодарность*, но подарокъ
Отъ всѣхъ и всюду принималъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Прогрессъ и Гласность (*входятъ*)

Гласность.

Всѣ разошлись, но въ вашей залѣ
Остались женщины однѣ;
Какъ ни просили ихъ, ни звали —
Нейдутъ, упорствуя онѣ.
Не гнать же ихъ! Вѣдь полъ таковскій!...

Прогрессъ.

О, нѣтъ! Я къ дамамъ выйду самъ.
Я, какъ и Всеволодъ Крестовскій,
Всегда былъ другомъ русскихъ дамъ.
Пускай войдутъ сюда свободно.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и множество дамъ всѣхъ возрастовъ и сословій.

Прогрессъ.

Bonjours, mes dames. Что вамъ угодно?
Просите—и для васъ прогрессъ
Готовъ согнуться въ букву *есъ*.
Желанья дамъ—ему святыня.

Первая группа дамъ.

Мы жить хотимъ свободно нынѣ,

Безъ неотлучныхъ сторожей, —
Ревнивыхъ аргусовъ — мужей.

ПРОГРЕССЪ.

Желанье ваше очень здраво.
Я вамъ дарю такое право.
По-моему — вамъ нѣтъ причинъ
Сносить семейный карантинъ.

ПЕРВАЯ ГРУППА ДАМЪ.

Merci, monsieur!

ПРОГРЕССЪ.

Mesdames, за что же?
Свобода женщины всегда
Всего на свѣтѣ мнѣ дороже.

ВТОРАЯ ГРУППА ДАМЪ.

А мы пришли просить сюда,
Чтобъ Страусъ возвратился къ лѣту.

ПРОГРЕССЪ.

Исполню я и просьбу эту.

ТРЕТЬЯ ГРУППА.

M-г. Прогрессъ, мы просимъ васъ —
Позвольте ѣздить намъ въ танцклассъ.
Вѣдь намъ гражданство обѣщали,
Намъ посулили новый санъ,
Такъ почему же на шпицъ-балѣ
И не дозволить намъ канканъ?

ПРОГРЕССЪ.

Отлично сказано, отлично,
И главное—чего не ждалъ —
До чрезвычайности логично:
Извольте жъ ѣздить на шпицъ-балъ
Пора танцоркамъ сдѣлать смѣну.

БРЮНЕТКА.

Я поступить хочу на сцену!

ПРОГРЕССЪ.

Извольте я для русскихъ дамъ
Свободный пропускъ всюду дамъ:
Вступайте въ званіе актрисы,
Въ среду камелій и ханжей,
Въ кухарки, въ прачки, въ директрисы;
Бѣгите жены отъ мужей,

Дѣвицы замужъ всѣ бѣгите...
Все разрѣшу, все, что хотите,

Голосъ изъ кружка новыхъ просительницъ.

Въ своихъ желаньяхъ мы скромны,
Хотимъ немногаго добиться.
Мы — видите-ль — не учены,
А потому, хотимъ учиться.
Прогрессъ! мы падаемъ всѣ ницъ,
Къ тебѣ съ мольбой поднявши руки,
Скажи — ужели храмъ науки
Отвергнетъ робкихъ ученицъ?

Прогрессъ. (*съ ужасомъ*).

Какъ? что̀ я слышу? Вы хотите
Исчерпать знанія родникъ?...
Скорѣй, скорѣе вонъ бѣгите,
Пока мой гнѣвъ не такъ великъ.
Учиться! какова затѣя?
За эту дерзость я готовъ
Предать васъ долѣ Прометея
Для назиданія вѣковъ.
Прочь съ глазъ моихъ! (*просительницы убѣгаютъ*) въ васъ вижу фатовъ
Одѣтыхъ въ юпки!... О скандалъ!...
Да! правъ Скарятинъ и Юматовъ:
Ужасный вѣкъ теперь насталъ!
(*Занавѣсъ опускается.*)

«Наука юношей питаетъ», сказалъ кто-то давно. Не вѣрьте этому, мои любезныя соотечественницы, желающія учиться. Изъ множества примѣровъ, доказывающихъ какою тяжелою цѣною долгихъ испытаній русскіе юноши пріобрѣтаютъ свои знанія, укажу на одинъ, о которомъ разсказываетъ Сѣверная Почта. Вотъ какой фактъ приводитъ она *изъ нынѣшней* студенческой жизни казанскаго университета. «Четверо молодыхъ людей поступили въ университетъ. Матеріальныя средства ихъ были до того ограничены, что они помѣстились въ одной маленькой квартиркѣ и завели только одинъ экземпляръ необходимой одежды, какъ-то: одну шинель, одну пару платья и едва ли не одну пару сапоговъ. Вслѣдствіе этого, они должны были ходить въ университетъ поочередно, и прослушавшій лекцію сообщалъ ее своимъ тремъ товарищамъ,

оставшимся дома. Не смотря на этотъ оригинальный и стѣснительный способъ образованія, они всѣ четверо кончили курсъ и, блистательно выдержавъ экзамены, получили ученыя степени.»

Какъ видите, наука наша, Минерва, не похожа на другую богиню— на Ѳемиду. Ѳемида, это щедрая красавица, которая продаетъ свои богатыя ласки ненасытнымъ любовникамъ за цѣну ихъ собственной чести и совѣсти. Наука же цѣлый вѣкъ ходитъ подъ лохмотьями и рубищемъ, и на вопросъ своихъ поклонниковъ о насущномъ хлѣбѣ отвѣчаетъ словами испанки Всев. Крестовскаго:

Вмѣсто хлѣба я — сама.

Такъ гдѣ же, послѣ всего этого, русской женщинѣ побороть всѣ эти преграды—и нравственныя, и матеріальныя, заграждающія ей входъ въ неприступное капище науки. Сословные и родовые предразсудки ей и не въ этомъ только мѣшаютъ. У насъ до сихъ поръ, напримѣръ, еще кое-гдѣ шевелится такое мнѣніе, что порядочная женщина не можетъ сдѣлаться актрисой. На нашихъ глазахъ были такіе случаи, что нѣкоторыя артистки потому только покидали сцену, что выходили замужъ, т. е. потому, что ихъ мужья считали неудобнымъ для своей «благородной репутаціи» имѣть женъ, играющихъ на театральныхъ подмосткахъ. При такомъ стѣсненіи женщинъ, мы предъ самымъ обыкновеннымъ фактомъ, выходящимъ изъ подъ уровня общей пошлости и рутины, невольно должны останавливаться. Вотъ, напр. фактъ, который самъ по себѣ весьма незначителенъ, а у насъ онъ возвышается до степени феномена и курьёзнаго происшествія. Недавно на офенскомъ театрѣ дебютировала одна русская аристократка, графиня Юлія Батьяни, урожденная графиня А..... На сценѣ она явилась подъ псевдонимомъ Юліи Будаи. Ко всеобщему ужасу надутаго, закорузлаго русскаго боярства, она, говорятъ, хочетъ постоянно оставаться на сценѣ и совершенно отказаться отъ своего графскаго титула.

На такое самоотреченіе у насъ найдется мало не только охотницъ, но и охотниковъ. Есть напр. у насъ такіе страстные любители чиновъ, что даже въ газетныхъ полемическихъ статьяхъ не забываютъ ихъ выставлять рядомъ съ своимъ именемъ. Извѣстный изобрѣтатель аммосовскихъ печей, замѣчательныхъ по распространенію сухости и чахотки, иначе и не подписывается подъ своими статьями какъ: «Н. Аммосовъ, уволенный отъ службы генералъ-маіоръ». Кстати я заговорилъ о г. Аммосовѣ.

Хороши его печи, спору нѣтъ, но его статейки по моему мнѣнію еще лучше. Казалось бы, что можетъ быть суше и скучнѣе полемики, которая трактуетъ о вентиляціи, о температурѣ дыма, о гигіеническомъ состояніи воздуха, о сравненіи аммосовскихъ печей съ печами г. фонъ-Дершау, а между тѣмъ нѣтъ ничего игривѣе и увлекательнѣе этой полемики, въ которой встрѣчаются и анекдоты, и разныя остроумныя замѣчанія. По этимъ полемикамъ будущій библіографъ г. Аммосова можетъ составить полное и занимательное жизнеописаніе сего великаго мужа. Изъ его статей онъ узнаетъ, что у г. Аммосова есть много враговъ, что у него въ комнатѣ стоитъ тиковый диванъ, на которомъ онъ очень любитъ сидѣть, и пр. и пр. А знаете ли, напр. почему иногда люди выходятъ въ отставку? Не знаете, такъ г. Аммосовъ разскажетъ вамъ назидательный случай изъ своей собственной жизни.

— Почему вы покинули службу? спросили однажды у автора аммосовскихъ печей. На это онъ далъ такой неожиданный и знаменательный отвѣтъ:

«Будучи вынужденъ строить печи для содержанія многочисленнаго семейства моего, я *счелъ неприличнымъ* заниматься такою работою по частнымъ заказамъ, нося генеральскія эполеты.» (С. Пч. N 46.)

Читая такіе анекдоты я рѣшительно позабываю и аммосовскія вентиляціи, и температуру его дыма и только могу воскликнуть

О, пусть прославленныя печи
Печей Дершау горячѣй,
Но мнѣ аммосовскія рѣчи
Теплѣй аммосовскихъ печей.

Всѣхъ врачей и докторовъ можно сравнить — я большой охотникъ до сравненій — съ Харонами, стерегущими врата смерти. Не знаю вѣжливо ли обходились съ простыми смертными греческіе Хароны, но наши славянскіе Хароны этою добродѣтелью далеко не отличаются. Въ обыкновенныхъ врачахъ отсутствіе этого свойства еще не такъ замѣтно, но если вы наткнетесь на врача-благотворителя, на врача-филантропа, который пользуетъ своихъ паціентовъ *даромъ*, то тутъ вы вполнѣ можете оцѣнить какъ дорого часто обходится для больныхъ эта безкорыстная благотворительность.

Въ одной лечебницѣ, гдѣ всѣ доктора рѣшились безвозмездно

оказывать помощь больнымъ, можно не рѣдко наткнуться на такого благотворителя. Нѣсколько недѣль тому назадъ одна бѣдная женщина явилась къ лечебницу вмѣстѣ съ своей 16 лѣтнею дочерью, только-что вставшей съ постели послѣ продолжительной болѣзни. Мать хотѣла посовѣтоваться съ медикомъ насчетъ здоровья дочери. Очередной медикъ, *пользующійся извѣстностью*, быстро осмотрѣлъ больную, и тутъ же безцеремонно объявилъ ей самой:

— У васъ всѣ признаки развивающейся водяной; при ненормальномъ состояніи печени и легкихъ можетъ образоваться и чахотка.

Бѣдную, едва оправившуюся отъ болѣзни дѣвушку такое предсказаніе поразило ужаснѣе самаго недуга. Воображеніе было напугано и потрясено, а Монтань уже давно сказалъ: «кто зараженъ страхомъ болѣзни, тотъ уже зараженъ болѣзнію страха». Сбудется или нѣтъ предсказаніе врача-нигилиста — кто знаетъ? — но жизнь дѣвушки уже встревожена роковымъ предсказаніемъ, надежда жизни поколеблена, а у больного нѣтъ больше никакого утѣшенія, кромѣ надежды.

O, rendete mi la soave,
O, la sciate mi morir!..

Вотъ какъ пріятно иногда бѣднякамъ принимать безвозмездныя услуги докторовъ-филантроповъ!

Въ средѣ врачей всякіе попадаются. Въ Петербургѣ есть одинъ докторъ и въ то же время содержатель лечебницы для умалишенныхъ, который для своихъ шумливыхъ паціентовъ придумалъ довольно странное наказаніе. Если который-нибудь изъ нихъ ужь очень его разсердитъ какой нибудь выходкой или безсознательной шалостью, то изобрѣтательный медикъ тотчасъ же заставляетъ его проглотить извѣстную порцію рвотнаго: и полезно, и ощутительно. Что вы скажете объ этомъ? Впрочемъ мы подобнаго врача, вращающагося всю свою жизнь среди сумасшедшихъ, не должны очень строго обвинять.

Въ него не бросимъ мы укора;
Здѣсь виновата жизнь сама:
Въ средѣ помѣшанныхъ вѣдь скоро
И самый врачъ сойдетъ съ ума.

Знаете ли вы, читатели, что въ Москвѣ существуетъ общество сельскаго хозяйства?

— Что же это за новость, скажутъ мнѣ,—что въ такомъ большомъ селѣ, какъ Москва, находится сельско-хозяйственное общество!

Совершенно справедливо, но можетъ быть въ самомъ этомъ обществѣ мы встрѣтимъ что-нибудь заслуживающее нашего вниманія. Вѣдь не даромъ же говорятъ, что

Съ головы до пятокъ
На всѣхъ московскихъ есть особый отпечатокъ.

Заинтересовавшись хоть немножко этимъ обществомъ, мы непремѣнно узнаемъ, что при немъ недавно начались *сельско-хозяйственныя бесѣды*. Что жъ! и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; даже было бы странно, еслибъ въ обществѣ вовсе не было бесѣдъ. Дѣло сельскаго хозяйства должно невольно возбуждать много преній, толковъ, споровъ, и долгихъ обсужденій. Сельское хозяйство такъ близко связано съ собственными интересами членовъ общества, что непремѣнно должно вызывать на живой обмѣнъ мыслей и воззрѣній.

Въ московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства существуютъ *бесѣды*, а если есть бесѣды, то значитъ тамъ бываетъ и обмѣнъ мысли, и толки, и споры, по предмету сельскаго хозяйства! Не такъ ли? Совершенно не такъ, милостивые государи. Въ обществѣ приняты всѣ мѣры къ тому, чтобъ на этихъ *бесѣдахъ* члены *вовсе не бесѣдовали*.

Прелюбопытное зрѣлище! Вотъ напр. бесѣда открывается (возьмемъ хоть послѣднее собраніе, бывшее 20 января), тридцать пять членовъ собираются на обсужденіе разныхъ хозяйственныхъ вопросовъ. Много хочется кое о чемъ потолковать, но.... но встрѣчается нѣкоторое затрудненіе. Едва только кто раскроетъ ротъ *не по порядку*, т. е. не въ очередь, какъ загремитъ колокольчикъ президента, призывающаго къ молчанію. Иной порывается высказать свое мнѣніе, сдѣлать возраженіе, или спросить о чемъ нибудь—звонокъ президента прозвучитъ ему грозное «молчать!» и охотникъ *до бесѣды* долженъ прикусить язычокъ и ждать своей очереди. «Нѣкоторые изъ пріѣхавшихъ на бесѣду, говоритъ одинъ московскій корреспондентъ, пытались было разъ-другой начать говорить, но звонъ колокольчика и приглашеніе ждать очереди естественно охладили въ нихъ желаніе и, посидѣвъ нѣсколько времени, нѣкоторые изъ *безмолвно побесѣдовавшихъ* оставили собраніе».

Такимъ образомъ на языкѣ сельскаго общества слово *бесѣда* означаетъ *молчаніе*, и всѣ глухо-нѣмые могутъ быть самыми лучшими членами этого общества молчанія.

Я бы никогда и не узналъ о существованіи этого клуба нѣмыхъ,

если бы не нѣсколько строкъ, найденныхъ мною въ какой-то газетѣ, а главное, если бы не письмо одного московскаго свистуна, приславшаго мнѣ цѣлую сцену въ стихахъ, изъ которой я и почерпнулъ эти драгоцѣнныя свѣденія. Самая же эта сцена, на столько не лишена интереса, что я считаю не лишнимъ познакомить съ ней моихъ читателей. Передаю ее теперь безъ всякихъ измѣненій.

НА КУЗНЕЦКОМЪ МОСТУ.

СЦЕНА ИЗЪ МОСКОВСКИХЪ НРАВОВЪ.

Дѣйствующіе лица.—»—»—Одинъ изъ москвичей.
Павелъ Якушкинъ.
Дѣйствіе происходитъ на улицѣ.

—

Москвичъ (*сталкиваясь съ прохожимъ*)

Якушкинъ! душенька! Да это полно ты ли?
Разстались невзначай—судьба опять свела...
Откуда жь и куда? Проѣздомъ? изъ Орла?
Пойдемъ-ка въ Троицкій! бутылочку-бъ спросили!..

Якушкинъ

Мнѣ некогда, спѣшу; я здѣсь лишь на два дня.

Москвичъ

Послушай-ка, постой — взгляни-ка на меня!
Не обманулся ль я? Да ты ль, Якушкинъ Павелъ?
Гдѣ жъ нахватался ты какихъ-то новыхъ правилъ?
Спѣшить въ Москвѣ! да развѣ здѣсь спѣшатъ?
Здѣсь спѣшныхъ дѣлъ никто не вѣдалъ съ роду.
Мы, москвичи, живемъ, — таковъ московскій складъ,—
Всѣ, какъ опущенные въ воду.
Да ты куда жъ, скажи?

Якушкинъ

Къ Каткову я бѣжалъ.

Москвичъ

Къ Каткову? какъ, къ нему? давно бы ты сказалъ.
Да онъ, ты слышалъ ли, — въ Москвѣ здѣсь каждый знаетъ,—
Всѣхъ постороннихъ лицъ къ себѣ не принимаетъ.
Тебя жъ, держу пари, — смотри какъ ты одѣтъ,—
Не пустятъ ни за что въ катковскій кабинетъ.

Якушкинъ

Не пустятъ? почему?

Москвичъ

Во 1-хъ по наряду:
Рубашка красная... смазные сапоги...
Кафтанъ не чищенный пять лѣтъ, пожалуй, съ ряду.
Къ нему попасть и думать не моги,
«Вѣкъ съ англичанами, все англійская складка»,
Какъ Репетиловъ говорилъ,
Милордъ Катковъ ужь многимъ заявилъ:
Въ одеждѣ и въ умахъ не терпитъ безпорядка.
Зато, какъ пишетъ онъ! оближешься всегда ..
Пребойкое перо, всѣ признаки таланта,
Не ѣзди лишь къ нему, — напрасная ѣзда:
Надъ лѣстницей его ты встрѣтишь надпись Данта:
«Оставь надежду навсегда!»
Послушайся жъ меня: дорогу эту ль, ту ли,
Не все ль равно какую изберемъ,
И знаешь ли куда сейчасъ бы мы махнули
Съ тобой вдвоемъ?

Якушкинъ

Куда же рано такъ? И двухъ часовъ не било.

Москвичъ

Куда? меня спроси. Куда? вотъ въ томъ и сила:
Я мѣсто для тебя такое здѣсь найду,
Что стану звать назадъ — ты скажешь: не поиду.

Якушкинъ

Какое жъ диво тутъ открылъ ты, другъ любезный?

Москвичъ

Въ Москвѣ есть общество съ задачей преполезной;
И если общество продержится хоть годъ —
Хозяйство сельское въ Россіи процвѣтетъ.
Что за порядки тамъ, мой милый! Да нигдѣ намъ
Не отыскать — объѣзди хоть весь свѣтъ —
Такихъ *хозяйственныхъ бесѣдъ.*
Я числюсь въ обществѣ исправнымъ самымъ членомъ.
Ну, хочешь ли теперь, урочный благо часъ
(По вторникамъ всегда собранія у насъ),
Заѣхать въ общество, гдѣ началась бесѣда?
Такъ утро и убьешь до самаго обѣда.

Якушкинъ

Да я усну у васъ тотчасъ же мертвымъ сномъ,
Хозяйство мнѣ и такъ въ деревнѣ надоѣло.

Москвичъ

Ты все не то поешь! Пойми, мой другъ, въ чемъ дѣло:
Взгляни хоть на меня: какой я агрономъ!
Какой хозяинъ я! Я — нуль въ подобной сферѣ,
Но все-таки я членъ, и въ этомъ нѣтъ потери.

Якушкинъ

Зачѣмъ же тамъ бывать?

Москвичъ

Ба! въ этомъ-то и смакъ!
Чѣмъ заняты мы тамъ — не отгадать никакъ.
Не смѣйся, погоди, — не кстати здѣсь улыбка.
Представь: мы сходимся, разсѣлись по мѣстамъ...

Якушкинъ

И начинается навѣрно шумъ и гамъ.

Москвичъ

Вотъ тутъ-то у тебя и страшная ошибка.
Премолчаливѣйшій сбирается народъ!
Сидимъ и всѣ молчимъ: полетъ услышишь мухи,
Когда же членъ иной едва раскроетъ ротъ —
Нашъ президентъ звонокъ хватая въ руки
Вдругъ зазвонитъ —
И слышно вновь, какъ муха пролетитъ.
Что? каково? еще ли не похвально?
Съ «бесѣдой» нашею какую мы сравнимъ?
И хоть ораторствомъ мы слуха не плѣнимъ,
Зато, зато, mon cher, молчимъ мы геніально.
Поѣдемъ же сейчасъ... куда же ты опять?

Якушкинъ.

Нѣтъ, лучше ты одинъ отправься на бесѣду:
Ты поѣзжай въ собранье *помолчать*,
А я — *поговорить* куда-нибудь поѣду.
Прощай-же (*уходитъ*)

Москвичъ (*одинъ*)

Убѣжалъ! Пріятель-то каковъ!
Вотъ этотъ, напримѣръ: одѣлся бы почище,
А то залѣзъ въ тулупъ, въ смазные сапожищи
И хочетъ, чтобъ къ себѣ пустилъ его Катковъ?!.
(*махаетъ рукой и уходитъ*)

Но не всѣ же московскія бесѣды такія молчаливыя. Въ концѣ прошлаго мѣсяца, до «хладныхъ, невскихъ береговъ» доходилъ гулъ, поднятый московскими городскими выборами. Говору было много, *самъ* Погодинъ — наша московская пифія, заговорилъ, а этотъ великоученый

мужъ говорилъ только въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ. Значитъ, дѣло было горячее. Пускаться въ тонкую характеристику этихъ выборовъ я не стану — дѣло очень скучное, — но не могу не сказать нѣсколько словъ объ общемъ характерѣ этихъ выборовъ, и о томъ, какъ отнеслись къ нимъ разныя сословія. По праву первородства начну съ дворянъ.

Что дѣлали дворяне на выборахъ? Во 1-хъ завтракали, во 2-хъ закусывали, въ 3-хъ опять завтракали. Эта операція, къ которой они готовились долгое время дома, была исполнена ими очень исправно. Они блистательно доказали на себѣ, что языкъ данъ человѣку прежде всего для удобнаго проглатыванья пищи. Что же касается до общественныхъ интересовъ, балотировки выборныхъ — то это было дѣло второстепенной важности. Даже новое городское положеніе, за исключеніемъ весьма немногихъ лицъ, для всѣхъ осталось какою-то непроницаемою тайной.

Какой же толкъ отъ нихъ вамъ нуженъ?
Одинъ отвѣтъ со всѣхъ сторонъ:
Все наше счастье — жирный ужинъ,
Все наше благо — крѣпкій сонъ.

Когда же почти насильно въ головы посѣтителей ворвался вопросъ: кого балотировать въ выборные? то онъ былъ рѣшенъ чисто по-московски. Попадались на выборахъ и такіе фокусники, что сами себя балотировали, и вотъ какимъ-образомъ: когда доходила очередь до такого господина, то онъ, стоя у ящика, обращался ко всѣмъ незнакомымъ ему лично избирателямъ съ такимъ предложеніемъ:

— Это отличный господинъ! Кладите ему шаръ на право.

Одного того фокусника уличили въ этомъ, но ничего — вынесъ.

Такъ въ непастные дни,
Занимались они
Дѣломъ.

О выборахъ изъ другихъ сословій упомяну только о купеческихъ. Между этими выборами и купеческими была большая разница. Дворяне сбирались на балотировку и только косились другъ на друга, потому что большинство было незнакомо между собою, а незнакомые люди всегда какъ-то враждебно смотрятъ одинъ на другого. Между купечествомъ этого уже не было: тамъ знаютъ другъ друга не по однимъ только фамиліямъ, но могутъ разсказать всю подноготную своего собрата. Кромѣ согласія въ мнѣніяхъ, быстротѣ купеческихъ выборовъ

помогла особенно одна рѣшительная мѣра. Изъ усерднаго рвенія къ общественному дѣлу распорядились такъ, что во время выборовъ избирателей только *впускали* въ залу, но *не выпускали* ихъ изъ нея обратно безъ особеннаго письменнаго разрѣшенія. Такимъ образомъ въ первый же день выборовъ избиратели просидѣли *подъ замкомъ* отъ 10 часовъ утра до 9 часовъ вечера: на тощій желудокъ дѣло и подвинулось скорѣе.

Въ Москвѣ выходитъ все изъ рамокъ.
Тутъ удивиться бъ каждый могъ:
Хотѣлъ попасть лишь просто въ за́мокъ,
А попадаетъ—подъ замо́къ.

«О, русская земле! уже за шеломянемъ еси»!..

Я увѣренъ, что многіе читатели ждутъ отъ меня полнаго отчета о текущихъ, ежедневныхъ новостяхъ нашей общественной жизни, забывая о томъ, что многія новости хороши только на мѣстѣ и притомъ въ извѣстную минуту. Вѣдь куда было бы весело читателю ежемѣсячнаго изданія, получивъ на Фоминой недѣлѣ книжку журнова, читать о томъ, что вотъ, дескать, у насъ въ Петербургѣ — великій постъ наступилъ, отъ концертовъ отбою нѣтъ, театры закрыты, танцклассы закрыты и проч. и проч. А кто жъ виноватъ въ томъ, что эту книжку, родившуюся на первой недѣлѣ поста иной читатель, живущій въ Новоархангельскѣ (у «Времени», напр. и въ Сѣверной-Америкѣ подписчики есть!) получитъ послѣ пасхальныхъ праздниковъ? Чѣмъ виноватъ читатель, что эти книжки почтамтъ посылаетъ во всѣ концы Россіи *на долгихъ,* или просто даже черезъ пѣшихъ почтальоновъ?

Нѣтъ ужь лучше оставить въ покоѣ подобныя преходящія и нескоро доходящія до читателей новости.

Но чтобы очистить свою совѣсть, я долженъ же кое о чемъ и разсказать, и выбрать изъ нашихъ новостей и слуховъ такіе, которымъ и самый почтамтъ нашъ не могъ бы повредить. Хоть трудно, а постараюсь исполнить свое желаніе. И такъ: *новость 1-я.* Извѣстный критикъ и поэтъ, извѣстный либретистъ и переводчикъ Аполлонъ Григорьевъ въ сообществѣ съ г. Стелловскимъ будутъ съ марта мѣсяца текущаго года, издавать музыкальныя и литературныя преміи съ приложеніемъ къ нимъ газеты «Якорь». «Якорь», какъ подводный тормазъ, какъ эмблема неподвижности и задержки, выбранъ для названія газеты, вѣроятно, совершенно случайно.

Новость 2-я. Гудокъ, освобожденный отъ крѣпостной зависимости издателя-собственника, въ скоромъ времени снимется съ якоря и пустится снова въ свое плаваніе по житейскому морю.

Новость 3-я. Въ январской книжкѣ «Времени» появилась замѣчательная статья новаго даровитаго автора, имя котораго, къ несчастію, пока неизвѣстно. Это художественное произведеніе называется «*Списокъ экземпляровъ журнала «Время», разосланныхъ подписчикамъ въ 1862 году».* Въ обществѣ статья эта произвела говоръ, и говорятъ, что на одномъ изъ литературныхъ чтеній М. М. Достоевскій прочтетъ ее публично въ залѣ г-жи Мятлевой.

Новость 4-я. Недавно—этотъ случай принадлежитъ уже къ области слуховъ—съ двумя редакторами «Русскаго Листка» гг. Скарятинымъ и Юматовымъ произошло слѣдующее довольно странное происшествіе. Однажды, проснувшись утромъ, оба эти редактора почувствовали вдругъ что съ ними совершилась какая-то новая органическая перемѣна: они почувствовали, что они уже не редакторы, что они вдругъ изъ жестокосердыхъ публицистовъ превратились въ *сестеръ милосердія.* Убѣдившись окончательно въ своей перемѣнѣ, они объявили объ этомъ Г. И. Кори. Г. И. Кори прослезился и благословилъ ихъ на новое поприще. Въ настоящую минуту новыя «сестры милосердія» предлагаютъ Наполеону III свои услуги въ мексиканской экспедиціи.

Новость 5-я. Въ нашей журналистикѣ произойдутъ въ скоромъ времени двое похоронъ въ то время, когда А. Н. Майковъ грозитъ намъ своей новой поэмой: *«Смерть Люція»,* въ то время профессоръ отъ розогъ и философіи г. Юркевичъ обѣщаетъ московской публикѣ открыть свои великолѣпныя лекціи, на которыхъ воспослѣдуетъ смерть Бюхнера и вообще всего ученія матеріалистовъ. «День» уже заранѣе предсказываетъ полный успѣхъ знаменитому сотруднику «Русскаго Вѣстника» и «Домашней Бесѣды».

А вотъ, наконецъ, въ заключеніе и новинка изъ главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, столь богатаго на всевозможные курьозы. Посмотрите, что за милый курьозъ: 19 января настоящаго года было отправлено имущество, принадлежащее г. Минятову, въ запломбированномъ вагонѣ, отъ станціи Пильвишки въ С. Петербургъ. Проходитъ съ тѣхъ поръ нѣсколько дней; недѣля, мѣсяцъ проходитъ, но вещи г. Минятова до сихъ поръ не попали въ Петербургъ. Почему? Да потому, что случилась одна маленькая непріятность: запломбированный вагонъ *пропалъ* неизвѣстно куда. Случай самъ по себѣ довольно рѣд-

кій и странный, но для главнаго общества такія пропажи не диковинка. Мы помнимъ какъ однажды въ главномъ обществѣ исчезли документы на 338,000 р. с.; мы помнимъ, какъ изъ общества было выдано г. Гелингу 200 р. с. за *«карету, потерянную въ Псковѣ»*; такъ чего жъ мудренаго, что теперь вдругъ скрылся неизвѣстно куда вагонъ съ чужимъ имуществомъ? Если однажды пропала карета, то отче[illegible] не пропасть вагону? «Главное общество» постоянно и вездѣ выдерживаетъ свой характеръ.

Если бъ я имѣлъ талантъ романиста или поэта, имѣлъ ихъ наблюдательность и художественный вкусъ, я бы непремѣнно уже давно написалъ съ дюжину романовъ и повѣстей, съ полсотни поэмъ и многое множество стихотвореній; причину такой плодовитости я объясняю тѣмъ, что, при отсутствіи вышеозначенныхъ необходимыхъ свойствъ писателя, я обладаю или вѣрнѣе сказать обладаемъ самой необузданной, неутомимой фантазіей, которая работаетъ во мнѣ безпрестанно; фантазія Дюма, Кукольника и Рафаила Зотова блѣднѣетъ передъ тою, которая почти ежеминутно рисуетъ передо мной разныя удивительныя и причудливыя картины, сцены и образы. Этихъ картинъ и образовъ достало бы, я думаю, на всю жизнь цѣлой компаніи поэтовъ, разскащиковъ, романистовъ и драматурговъ. Искренно сознаваясь, что самъ я никогда не справлюсь съ обработкой этихъ сюжетовъ, я въ то же время не желалъ бы, чтобъ эти сюжеты пропадали даромъ; почему знать, можетъ быть, если бы эти сюжеты были извѣстны истиннымъ художникамъ, они могли бы воспользоваться ими, и создать изъ нихъ многія замѣчательныя произведенія. Вѣдь извѣстно, напр. что самъ великій Шекспиръ, не самъ выдумывалъ сюжеты для многихъ своихъ произведеній, и бралъ ихъ часто изъ старыхъ хроникъ, изъ устныхъ преданій и разсказовъ. Движимый надеждой и желаніемъ услужить нашему будущему Шекспиру или Гёте, я рѣшился записывать всѣ сюжеты всѣ образы своей по истинѣ арабской фантазіи, изъ неясныхъ и слабыхъ очертаній которыхъ даровитая рука можетъ (какъ знать?) создать нѣчто великое для потомства. Я желаю быть въ этомъ случаѣ не болѣе, какъ скромнымъ орудіемъ, каменьщикомъ, изъ грубыхъ матеріаловъ котораго рука художника можетъ создать чудо искусства. Моя роль, какъ видите, очень скромная. Время отъ времени рѣшившись приводить въ своемъ дневникѣ образчики разныхъ сюжетовъ для будущихъ русскихъ писателей, я и на этотъ разъ укажу на три сюжета изъ міра житейской прозы и

нашихъ будничныхъ интересовъ и волненій я перенесу теперь васъ въ міръ прихотливой фантазіи.

СЮЖЕТЪ ТРЕТІЙ.

(*для разсказа à la Марко-Вовчокъ*).

Лежалъ Голышъ на постели и думалъ. Мысли такъ и ходили въ головѣ, какъ пузыри на водѣ въ ненастный день. Лежитъ онъ на диванѣ, славный такой. Волоса назадъ откинулъ; лицо хоть и глуповато, но красивое; румянецъ на щекахъ здоровый. Думаетъ Голышъ думу.

— Чѣмъ я не человѣкъ? Нищимъ былъ, а вотъ теперь въ люди сталъ выходить. Да то ли еще будетъ! Давно ли я съ мальчишками на улицѣ въ бабки игралъ, да у разносчиковъ коврижки стаскивалъ подъ самымъ носомъ, на босую ногу бѣгалъ, а вотъ теперь конторскими дѣлами заправляю, платье чистое ношу, къ животу цѣпочку золотую подвѣсилъ. Да то ли еще будетъ! Самъ торговать начну.

Думаетъ Голышъ думу: чѣмъ же ему торговать-то начать? Модный магазинъ открыть? садокъ завести? бани торговыя? Нѣтъ, все это къ его благороднымъ привычкамъ не подходитъ. Дай открою книжную лавку? думаетъ онъ, но и то нельзя: грамотѣ мало обученъ, а тутъ нужно хоть какое-нибудь знаніе и сметка. Ну, не книжный, такъ музыкальный магазинъ открою! На этомъ Голышъ остановился: мысль эта такъ и начала къ нему ластиться, какъ бабенка какая любовная, такъ и дразнитъ, такъ и подманимаетъ... просто слюнки текутъ.

Пошелъ Голышъ къ пріятелю, — тотъ все на скрипкѣ игралъ и водку пилъ, — такъ и такъ говоритъ, хорошее дѣло задумалъ: самъ торговать буду.

— А есть деньги?—Денегъ нѣтъ.—Такъ какъ же безъ нихъ?—И не нужно ихъ — лишь бы сметка была, а потомъ и деньги сами повалятъ въ карманъ.

Пріятель головой только качаетъ, а Голышъ знай себѣ ухмыляется, да новыя панталоны ладонью поглаживаетъ. Хитрый, видишь, былъ все бочкомъ, да кивкомъ, а нѣтъ чтобъ прямо передъ пріятелемъ душу раскрыть.

А дѣло тѣмъ временемъ онъ задумалъ хитрое, быстрое.

Есть одинъ городъ (Гамбургомъ что ли называютъ), гдѣ-то далеко, въ нѣмецкой землѣ, значитъ. Нѣмцы, извѣстно, народъ чувствительный, нои больше кофеемъ да музыкой забавляются, такъ въ томъ Гамбургѣ

все нотами торгуютъ, музыкальныя разныя сочиненія продаютъ. Вотъ въ этотъ-то городъ и написалъ Голышъ къ одному богатому купцу письмецо, что вотъ-молъ я, такой-то, музыкальный магазинъ хочу открыть, такъ мнѣ музыки побольше пришлите: чтобъ всякая музыка была, всѣ эти Бетховены, да Вагнеры и какъ ихъ тамъ еще... Пришлите — пишетъ — на столько-то тысячъ р. всякихъ нотъ, а деньги заплачу въ нѣсколько сроковъ. Ну, это у нихъ, у торговыхъ людей, всегда такъ водится. Пошла цидулка въ нѣмецкую землю — и отвѣтъ скоро пришелъ назадъ: большой ящикъ съ нотами получилъ Голышъ. Началъ онъ съ помощью музыканта-пріятеля ноты разсматривать: такія ли выслалъ, ну и точно, музыка самая настоящая, забористая; самого Голыша отъ нея разобрало.

Вотъ тутъ-то и выкинулъ штуку Голышъ. Взялъ онъ и припряталъ эти ноты подальше, въ теплое мѣсто, а ящикъ, въ которомъ онѣ были присланы, набилъ другими нотами, такъ, старымъ хламомъ какимъ-то, который на заклейку щелей только годится, забилъ крышку, да къ гамбургскому нѣмцу обратно съ письмецомъ и отправилъ. Пишетъ въ письмѣ, вы-дескать, mein lieber нѣмецъ, меня надули и прислали вмѣсто нотъ какой-то дряни, которую я вамъ и возвращаю назадъ.

Получилъ нѣмецъ и письмо, и ящикъ съ хламомъ — и себѣ не вѣритъ. Глаза у него подъ лобъ ушли. Подалъ нѣмецъ жалобу на Голыша, но пока онъ доказывалъ свою справедливость, время уходило, а Голышъ межъ тѣмъ свою торговлю началъ и нѣмецкими нотами копѣйку зашибъ. Потомъ, когда разбогатѣлъ и по суду уличенъ былъ въ подлогѣ, Голышъ и деньги заплатилъ нѣмцу. Вотъ какой теплый человѣкъ былъ Голышъ! Говорятъ и теперь живъ, и, ничего, живетъ, слава Богу! Добрый парень уродился.

На этотъ разъ трехъ сюжетовъ довольно. Перейдемъ теперь въ провинцію.

Мы переносимся туда, и на первыхъ же порахъ должны со вниманіемъ остановиться на одномъ драгоцѣнномъ свойствѣ, которымъ отличаются русскіе провинціалы отъ всѣхъ остальныхъ жителей нашей планеты. Свойство это — скромность. Провинціальная скромность выражается во всемъ. Провинціалъ мало читаетъ, рѣдко думаетъ только потому, что и книга, и мысль наводятъ часто человѣка на очень дерзкія мысли. Провинціалъ не любитъ никакихъ нововведеній, потому что онъ скроменъ; уважаетъ старые порядки, потому что скроменъ. Вездѣ эта скромность заявляетъ себя, не исключая даже провинціальной журналистики.

Какая разница передъ петербургскими журналистами! Петербургская журналистика заносчива и хвастлива; лучшіе петербургскіе журналисты, М. М. Достоевскій и А. В. Старчевскій постоянно превозносятъ самихъ себя и свои журналы, постоянно рисуются передъ ней, какъ женихи предъ богатой невѣстой. М. Достоевскій, за свою прямодушную откровенность и пристрастіе къ «Времени» отъ какого-то свистуна удостоился даже слѣдующаго совершенно несправедливаго афоризма: «прежде публика такъ или эдакъ проводила время, теперь «Время» проводитъ публику»; съ другой стороны г. Старчевскій предается несдерживому самовосхваленію, и прославляетъ, и—

Зоветъ онъ любезнаго «Сына»,
Опору въ превратной судьбѣ!

Оба эти журналиста поютъ передъ публикой одну и ту же пѣсню:

Пусть преслѣдуетъ насъ злоба,
Злоба хлѣбныхъ свистуновъ,
Господа! для васъ до гроба
Мы трудиться будемъ оба
День и ночь, не зная сновъ.
Посыпаемъ пепломъ темя,
Почву подъ ноги кладемъ
Для тебя, родное племя,
И съ усердіемъ ведемъ
«Сынъ Отечества» и «Время».

Не таковы провинціальные журналисты! Цѣломудренные и скромные, они, потупляя глаза въ землю, говорятъ о своей дѣятельности, а чтобъ похвалить себя — Боже упаси, этого имъ и въ голову никогда не придетъ. Вотъ хоть бы газета «Волга» и ея скромное заявленіе о самой себѣ: въ N 1 этой газеты за 1863 г. сказано: «самымъ крупнымъ, *самымъ замѣчательнымъ явленіемъ въ жизни*, мы не рѣшаемся сказать, всего приволжскаго и прикаспійскаго краевъ, но по крайней мѣрѣ, въ жизни Астрахани за истекшій годъ *можно смѣло считать* изданіе газеты «Волга».

Смѣлость, говорятъ, города беретъ, но скромность, прибавимъ, ихъ строитъ. Редакторъ астраханской газеты черезчуръ даже скромничаетъ, говоря, что въ жизни одной только Астрахани, «Волга» была замѣчательнымъ явленіемъ. Зачѣмъ же вы, г. Бенземанъ остальную-то Россію забыли? Что бы было съ Россіею въ прошломъ году, если бы не явилась «Волга», что бы было тогда съ русскимъ прогрессомъ, со всѣми нами? А вы еще церемонитесь.

О, если бъ не ты, Бенземанъ,
О, если бъ не «Волга»,
Прогресса въ гостяхъ у славянъ
Не видѣть бы долго.

Однѣ только Черниговскія Епархіальныя вѣдомости не хотѣли оцѣнить [illegible] «Волга» по достоинствамъ, но вѣдь у этихъ вѣдомостей свой [illegible]й взглядъ на достоинства журналовъ. Недавно, на вопросъ: какіе у насъ лучшіе журналы—свѣтскіе и духовные,—Черниговскія Епархіальныя вѣдомости въ числѣ *духовныхъ* (?) журналовъ указали на «Домашнюю Бесѣду, а изъ свѣтскихъ рекомендовали только четыре органа: «Русскій Вѣстникъ», «Вѣстникъ юго-западной Россіи», «День» и «Почту». Не правда ли, лучшаго выбора и желать нельзя.

Въ г. Воронежѣ... но я буду лучше говорить словами моего «собственнаго воронежскаго корреспондента. Вотъ отрывокъ изъ его письма.

...Сидя въ своихъ петербургскихъ квартирахъ вы требуете отъ насъ, провинціаловъ, Богъ знаетъ чего; вамъ кажется, что наша жизнь закипѣла теперь, какъ дрожжи поднялась, а у насъ все по старому: тишь да гладь и... воронежская благодать.

Не клеветать же намъ на себя, не говорить же о какомъ-то вымышленномъ перерожденіи своемъ. Попробуйте, суньтесь только къ намъ—и васъ, какъ и прежде, запугаютъ здѣсь общая спячка и лѣнь. Будьте же послѣдовательны, какъ Гамлетъ Щигровскаго уѣзда и не требуйте отъ насъ невозможныхъ скачковъ. Общественная жизнь наша такъ ровна и невозмутима, такъ мало избалована разными, какъ въ газетахъ пишутъ, явленіями, что даже, если въ городѣ—

Сядетъ ворона на пень
И улетитъ,—о воронѣ жъ
Цѣлый продумаетъ день
Городъ россійскій Воронежъ.

Чего же вы еще хотите? Впрочемъ охотники до общественнаго движенія и у насъ его, пожалуй, найдутъ. Одну унцію его и я изъ патріотическаго рвенія и усердія отыскалъ, чѣмъ и подѣлюсь съ вами, любезный темный человѣкъ. Шутка ли сказать: у насъ вотъ уже мѣсяцъ открытъ комитетъ по устройству публичной библіотеки. Каково?

Мы смежаемъ мирно вѣки,
Говоря сквозь сладкій бредъ:

Нѣтъ у насъ библіотеки —
Но за то есть комитетъ.

Вѣдь, какъ хотите, одно учрежденіе такого комитета лучше самой хорошей публичной библіотеки. Всѣ воронежцы такъ думаютъ, и есть надежда, что этотъ комитетъ просуществуетъ долго и переживетъ самую библіотеку. Впрочемъ, въ пользу самой библіотеки уже собран[illegible]а весьма значительная; въ настоящую минуту она доросла до ц[illegible]. *пяти рублей серебромъ.* Съ такимъ фондомъ мы не пропадемъ.

Зато развлеченій въ Воронежѣ много. Воронежцы, какъ испанцы, любятъ сильныя ощущенія, и хотя у насъ и нѣтъ боя быковъ, зато есть бой собакъ. Полицейскіе воронежскіе тореадоры доставляютъ всѣмъ нерѣдко даровыя зрѣлища избіенія псовъ по улицамъ города. Жаль только, что это зрѣлище не столько опасно для собакъ, сколько для самихъ прохожихъ. Усердные истребители безпаспортныхъ собакъ, среди бѣлаго дня, на улицахъ города, преслѣдуютъ ихъ самымъ обыкновеннымъ оружіемъ—полѣномъ, которое нерѣдко вмѣсто четвероногихъ бродягъ попадаютъ въ ноги мирныхъ обитателей града Воронежа. Для утѣшенія ихъ можно только прибавить, что всякое сильное ощущеніе непремѣнно должно быть связано съ нѣкоторою опасностью жизни. Притомъ же все-таки и развлеченіе получишь»...

Всѣмъ извѣстно, что русскій человѣкъ переимчивъ, какъ скворецъ. Гдѣ бы онъ ни пожилъ, на немъ непремѣнно отразятся мѣстныя привычки, нравы и обычаи. Забрось же его на какой угодно уголокъ земного шара—онъ тотчасъте освоится и къ своему природному запаху (къ чести его нужно замѣтить, что этому запаху онъ нигдѣ не измѣняетъ) подбавитъ новый букетъ того края, куда его занесла судьба. Кто видѣлъ когда-нибудь русскихъ, жившихъ въ Китаѣ, тотъ могъ замѣтить, что у нихъ лица, походка, даже самый складъ ума дѣлаются китайскими.

Вообще за примѣрами ходить недалеко. Русскій публицистъ Катковъ съѣздилъ въ Англію и привезъ оттуда двухъ грумовъ, «Русскій Вѣстникъ» и парламентскую величественность; М. М. Достоевскій, вернувшись изъ Парижа, вывезъ въ Россію игрушки для папиросныхъ сюрпризовъ, иллюстрированный экземпляръ Notre Dame de Paris и журнальную игривость парижскихъ фельетонистовъ; графъ Соллогубъ, переселившись во Францію, сдѣлался французскимъ писателемъ.

Что случается съ отдѣльными личностями, то повторяется и на цѣлыхъ городахъ. Возьмемъ географическую карту и остановимся на одномъ маленькомъ кружкѣ, подъ которымъ стоитъ надпись: «*Оренбургъ*». Этотъ городъ заброшенный въ Азію, въ киргизскую степь, съ ея юртами, верблюдами и косяками—преобразился въ станцію на востокъ, караванъ-серай съ татарскими нравами и обычаями. Близкое сосѣдство съ киргизами и башкирами не пропало для оренбуржцевъ даромъ: страсть къ подражательности и тутъ заявила себя. Оренбургъ—это маленькій Константинополь съ уровнемъ его образованія, восточной лѣни, церемонности и надутости.

Для характеристики тамошняго общества достаточно слѣдующаго случая, разсказаннаго мѣстнымъ наблюдателемъ:

«На балу у одного изъ начальствующихъ, молодые люди (изъ марсовъ разумѣется), не хотѣли танцовать съ одной милой, хорошо образованной дѣвушкой; да мало того, что сами не хотѣли, но и всѣхъ другихъ останавливали, кто думалъ ее ангажировать, тогда какъ прежде всѣ эти удальцы просто на перебой бросались къ ней танцовать.

Какъ вы думаете, что было причиной такой немилости? А то, что отецъ этой дѣвицы былъ подъ какой-то опалой у этого начальника, и они считали неприличнымъ даже подходить *къ дочери* полуопальнаго! Вотъ до чего доводитъ сосѣдство съ караванъ-сераемъ.

Такъ къ горожанамъ нашимъ скоро
Татаръ замашки привились,
И кровный спрятался киргизъ
Подъ платье бальнаго танцора.

Благотворительные спектакли наши рѣдко достигаютъ своей цѣли благотворительности. Иной разъ сбору никакого нѣтъ, иной разъ расходы на представленіе превышаютъ самый доходъ, иной разъ... случаевъ непредвидѣнныхъ много. Вотъ хоть бы такой случай.

На кронштадтскомъ театрѣ былъ данъ благотворительный спектакль въ пользу страдающихъ отъ голода въ Вологодской и Вятской губерніяхъ. Сверхъ ожиданія публики собралось много, сборъ былъ значительный. Для голодныхъ бѣдняковъ двухъ губерній—

Счастье было такъ возможно,
Такъ близко...

Но пятый актъ этого спектакля разыгрался уже за кулисами. Когда, содержатели театра явились въ кассу за полученіемъ денегъ, слѣдовав-

шихъ за освѣщеніе и другіе расходы, передъ ними явился кассиръ съ самымъ мрачнымъ, зловѣщимъ выраженіемъ лица. Онъ объявилъ имъ слѣдующую странную и печальную новость: всѣ вырученныя деньги и книги продажи билетовъ сами воспламенились и *сгорѣли*.

Тревога, шумъ. Начали узнавать, какимъ образомъ могли сгорѣть и книга, и деньги. Кассиръ объяснилъ имъ, что это былъ случай [illegible] *возгоранія*. Деньги взяли да и сгорѣли. Вмѣсто нихъ онъ ук[illegible] только на одну груду пепла.

Что жъ! въ природѣ такія случаи рѣдки, но все же бываютъ.

— «Мои крестьяне *зажиточны*, а оброкъ свой не платятъ?» жаловался одинъ калужскій помѣщикъ, и просилъ принять противъ нихъ побудительныя мѣры. Мировой посредникъ принималъ мѣры ко взысканію оброка, а земская полиція даже описала имѣніе крестьянъ, которые *не имѣли у себя ни одной десятины поемнаго луга*. (Хороша зажиточность!) Чтобъ показать на сколько крестьяне помѣщика Ш. дѣйствительно зажиточны, мировой посредникъ представилъ въ губернское правленіе опись крестьянскаго имущества. -

Опись имуществъ *зажиточныхъ* крестьянъ не лишена интереса.

Всѣхъ крестьянъ 52 семьи. Всего имущества *въ 52 семьяхъ оказалось на 1,240 р*. Вотъ выдержки изъ самой описи.

Ефимъ Алексѣевъ—имущество—корова бурая.

Василій Кузинъ—никакого имущества и дома.

Данило Сорокинъ—имущество—еловая изба безъ сѣней и сапожный инструментъ.

Алексѣй Федоровъ—корова и поросенокъ.

Мы видимъ теперь, что такихъ крестьянъ калужскій помѣщикъ называетъ *зажиточными*; какіе же, по его мнѣнію, бываютъ *бѣдные* крестьяне? Очень бы любопытно знать.

одиннацатью портретами знаменитыхъ старообрядцевъ и двумя видами Выговскаго общежительнаго монастыря. СПБ. 1862 г. ц. 3 р. съ пер. 3 р. 50 к.

Житіе протопопа Аввакума. Имъ самимъ написанное. Изд. по раскольнической рукописи, подъ редакціею Н. Тихонравова Д. Е. Кожанчиковымъ. СПБ. 1862 г. ц 75 к. съ пер. 1 р.

Повѣсть о Новгородскомъ бѣломъ клобукѣ. и ска
о хранительномъ быліи, мерзскомъ зеліи, еже есть таб
Два произведенія раскольнической литературы; изд. буква
Д. Е. Кожанчиковымъ. СПБ. 1862 г. ц. 40 к. съ пер. 65

Расказы изъ исторіи старообрядства, переданные С. Максимовымъ, по раскольническимъ рукописямъ, съ портретомъ инока Корнилія изд. Д. Е. Кожанчикова. СПБ. 1862 г. ц. 75 к. съ пер. 1 р.

Историческіе очерки русской народной словесности и исства. Соч. Д И. Буслаева; изд. Д. Е. Кожанчикова; два большихъ тома. Великолѣпное изданіе на веленевой гласированой бумагѣ, съ 212 рисунками, съ древнихъ рукописей. СПБ. 1862 г. ц. 7 р, съ пер. 8 р. 50 коп

Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ. Сост. В. Варенцовъ: изд. Д. Е. Кожанчикова СПБ. 1860 г. ц. 1 р. съ пер. 1 р. 25 к.

Путевыя письма. изъ Новгородской и Псковской губерніи Павла Якушкина изд. Д. Е. Кожанчикова СПБ. 1860 г. ц. 75 к. съ пер. 1 р.

Новыя повѣсти и раасказы Марка Вовчка. Изд. Д. Е. Кожанчикова СПБ. 1861 г. ц. 1 руб. съ пер. 1 р. 25 к.

Украйнскіе народные расказы Марка Вовчка. перев. И. С. Тургенева изд. Д. Е. Кожанчикова. СПБ. 1860 г. ц. 50 к. съ пер. 75 к.

Гриша. Повѣсть изъ раскольничьяго быта Андрея Печерскаго; изд. Д. Е. Кожанчикова. СПБ. 1861 г. цѣна 40 коп. съ пер. 50 коп,

Тысяча душъ. Романъ соч. А. Писемскаго; изд. Д. Е. Кожанчикова 4 части въ 2-хъ томахъ. СПБ. 1858 г. ц. 2 р. съ пер. 2 р. 50 коп.

Горькая судьбина. Драма въ 4 дѣйствіяхъ соч. А. Писемскаго; изд. Д. Е. Кожанчикова СПБ. 1860 г. ц. 50 коп. съ пер. 75 коп.

Въ непродолжительномъ времени поступитъ въ продажу:

Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго; соч. графа А. К. Толстаго; изд. Д. Е. Кожанчикова СПБ. 1863 г. два тома ц. 2 р. 50 к. съ пер. 3 руб.

Причины общественнаго индиферентизма.—Взаимныя отношенія общества и литературы.—Время скандаловъ, какъ пища для нашихъ публицистовъ, миновало.—Отсутствіе общественныхъ интересовъ.—Неудачные опыты самодѣятельности нашего общества.—Мѣры о понужденіи общества къ самодѣятельности.—Проектъ положенія о новомъ городскомъ устройствѣ.—Общественное мнѣніе и пр[illegible] доказывающіе его слабость.—Просвѣщеніе какъ якорь спасенія.—В[illegible]? По нашему мнѣнію однимъ просвѣщеніемъ ничего нельзя сдѣл[illegible]тъ преобразованія земскихъ учрежденій.—Наше мнѣніе по этому п[illegible]Проектъ преобразованія народныхъ училищъ.—Подробный разборъ это[illegible]оекта.—Исторія народнаго *обученія* въ Россіи.—Заключительные выводы изъ нея.—Основанія новаго проекта.—Системы для народнаго образованія во Франціи, Пруссіи и Англіи.—Сравненіе нашей системы съ англійской.—Свободное открытіе училищъ и ограниченіе относительно лицъ, открывающихъ училища.—Отношеніе по этому предмету общества и училищнаго совѣта.—Причины антипатіи народа къ грамотности.—Печальныя послѣдствія грамотности.—Недостатокъ образовательныхъ пособій въ народной литературѣ.—Плачъ помѣщиковъ о барщинѣ.—Объ условіяхъ хозяйства съ вольнонаемнымъ трудомъ. Затрудненія.—Артели рабочихъ и подрядчики, какъ пособія для организаціи свободнаго труда. Возможность инціативы въ этомъ дѣлѣ помѣщиковъ.—Польское дѣло.—Послѣднія извѣстія.—Лангевичъ и его циркуляръ.

Дневникъ темнаго человѣка.

Слово къ потомкамъ.—Петербургъ и его физіономія.—Нѣсколько словъ о *водобоязни* с. петербургскаго общества водопроводовъ.—Подвиги *водянаго* правленія. «Сонъ въ руку».—Акціонерная пѣсня.—А. И. Кронъ и его предложеніе обществу.—Петербургскіе книгопродавцы и ихъ торговля.—Дюфуръ и его продѣлка.—Находчивый маклеръ.—Изгнаніе женщинъ изъ Петербургскаго университета.—Эпизодъ изъ жизни русскихъ студентовъ.—Аммосовъ, его статьи и печи.—Врачи-благотворители въ максимиліановской лечебницѣ.—Московскія сельско-хозяйственныя бесѣды въ обществѣ сельскаго хозяйства.—*Бесѣдовать*—значитъ *молчать*.—«На Кузнецкомъ мосту»—Сцена изъ московскихъ нравовъ.—Дворянскіе и купеческіе выборы въ Москвѣ и ихъ курьеры.—Городской голова, запирающій выборныхъ подъ замокъ.—Наши новости.—Г. Стелловскій, остановившійся на *якорѣ*.—Новый замѣчательный талантъ въ журналѣ *Время*.—Гг. Скарятинъ и Юматовъ, отказавшіеся отъ своего пола и вступившіе въ сестры милосердія. Лекціи профессора отъ розогъ и философіи г. Юркевича.—Пропажа вагона въ главномъ обществѣ желѣзныхъ дорогъ.—Опытъ сюжетовъ для произведеній будущихъ русскихъ писателей.—Вѣсти изъ провинціи.—Скромность провинціаловъ.—Волга и ея редакторъ.—Русскіе журналы предъ судомъ Черниговскихъ Епархіальныхъ вѣдомостей.—Воронежскій прогрессъ и его уличные тореадоры.—Оренбургскіе киргизы во фракахъ и мундирахъ.—Странный случай самовозгаранія въ кассѣ Кронштадтскаго театра.—Какихъ крестьянъ можно считать *зажиточными?*

РУССКОЕ СЛОВО

въ 1863 году

будетъ выходить каждый мѣсяцъ, книжками отъ [illegible]0 листовъ.

цѣна за годовое изданіе:

Безъ пересылки . . . . , ...	12 р. 50 к
Съ пересылкой и доставкой	14 » — »

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

въ Главной Конторѣ «Русскаго Слова», въ Колокольной улицѣ, въ домѣ Миллера, N 3, въ Газетной Экспедиціи С.-Петербургскаго почтамта и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ Москвы и Петербурга.

Въ Главной Конторѣ «Русскаго Слова» и въ книжныхъ магазинахъ (въ С.-Петербургѣ—А. Н. Серно-Соловьевича и въ Москвѣ—А. Ф. Черенина), продаются слѣдующія изданія графа Г. А. Кушелева-Безбородко:

Сочиненія А. Островскаго, Спб. 1859 г. въ 2 т. 3 р; съ пересылкой 3 р. 75 к.

Сочиненія А. Майкова, Спб. 1858 г. въ 2 т. 2 р.; съ пересылкою 2 р. 75 к.

Сочиненія Л. Мея, Спб. 1862 г. 2 т. (3-й скоро выйдетъ изъ печати) — цѣна всѣмъ тремъ томамъ 3 р; съ пересылкой 4 р. 50 к.

Сочиненія И. Панаева. Спб. 1863 г. 4 т. 3 р; съ пересылкой 4 р. 50 к.

Повѣсти и разсказы М. Л. Михайлова: Спб. 1862 г. Въ провинціи, въ 2 т. 1 р.; съ пересылкой 1 р. 50 к.

Памятники старинной русской литературы, составленные подъ редакціей гг. Пыпина и Костомарова, въ 2 выпускахъ 3 р., а съ пересылкой 3 р. 75 к.

Рисунки Боклевскаго, представляющіе типы и сцены изъ сочиненій Островскаго, въ 6 выпускахъ.

Каждый выпускъ состоитъ изъ пяти рисунковъ (in folio). Цѣна каждому — 1 р. безъ пересылки, съ перес. 1 р. 50 к., а за всѣ 6 выпусковъ 5 р. безъ перес., и 6 р. 50 к., съ перес.

Для подписчиковъ Русскаго Слова на помянутыя сочиненія дѣлается въ Редакціи уступка 20 проц. съ продажной цѣны.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями въ Главную Контору Русскаго Слова, въ С.-Петербургъ.